

НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

Е. Г. Михайлева

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА
В МАТРИЦЕ СОВРЕМЕННЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ**

Монография

Харьков
Издательство НУА
2007

УДК 316.344.32
ББК 60. 543.132.1
М 69

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»
Протокол № 2 от 24.09.2007*

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. *В. Г. Городяненко*
(Днепропетровский национальный университет);
д-р социол. наук, проф. *О. Д. Куценко*
(Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко);
д-р филос. наук, проф. *Н. Ф. Осипова*
(Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого)

Михайлева, Екатерина Геннадиевна.

М 69 Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений: Монография / Е. Г. Михайлева; Нар. укр. акад. — Х.: Изд-во НУА, 2007. — 576 с.

ISBN 978-966-8558-67-2

В монографии осуществлен анализ одной из наиболее значимых в постиндустриальном обществе групп — интеллектуальной элиты. Определена специфика условий ее формирования и функционирования в стратификационной системе современных обществ, предложен ряд показателей, характеризующих данную группу, описан ее деятельностный потенциал. Особое внимание уделено исследованию образовательных механизмов в формировании нового типа общества, его интеллектуального потенциала и его элиты.

Для научных работников, специалистов сферы образования, работников органов управления образованием, преподавателей вузов, студентов.

У монографії здійснено аналіз однієї з найбільш значущих в постіндустріальному суспільстві груп — інтелектуальної еліти. Визначено специфіку умов її формування і функціонування у стратифікаційній системі сучасних суспільств, запропоновано низку показників, що характеризують дану групу, описано її діяльнісний потенціал. Особливу увагу приділено дослідженню освітніх механізмів у формуванні нового типу суспільства, його інтелектуального потенціалу і його еліти.

Для науковців, фахівців галузі освіти, працівників органів управління освітою, викладачів вчз, студентів.

УДК 316.344.32
ББК 60. 543.132.1

ISBN 978-966-8558-67-2

© Михайлева Е. Г., 2007

© Народная украинская академия, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. На пути к обществу интеллекта: попытка осмысления теории и практики	21
1.1. Новые вызовы современности: общество и личность в условиях выбора	21
1.2. Концепции постиндустриального общества как стратегии познания современности	36
1.3. Процессы глобализации в системе формирования общества интеллекта	51
1.4. Интеллектуальный потенциал социума как индикатор общества интеллекта	72
Раздел 2. Социальная структура и социальная мобильность в условиях формирования общества интеллекта	99
2.1. Базовые схемы анализа социальной структуры общества: исторический анализ и эффективность на современном этапе	99
2.2. Ключевые ресурсы в системе социальной стратификации общества интеллекта	127
2.3. Практики позиционирования социальных субъектов в современном стратификационном поле Украины.....	160
Раздел 3. Интеллектуальная элита в социальной структуре общества	207
3.1. Элиты в системе социальной стратификации социума	207
3.2. Конструирование интеллектуальной элиты: проблема определения критериев и характеристик	247
3.3. Деятельностный потенциал интеллектуальной элиты	285
3.4. Интеллигенция как социальный источник формиро- вания интеллектуальной элиты	317
3.5. Интеллектуальная элита и интеллигенция в современном мире: штрихи к портрету на фоне цивилизационных изменений	365

Раздел 4. Образование в системе конструирования общества интеллекта и его элиты	399
4.1. Образование в контексте меритократических тенденций развития социальной структуры общества	399
4.2. Образовательные механизмы формирования интеллектуальной элиты	442
4.3. Непрерывное образование как фактор развития интеллектуального потенциала украинского общества	502
Заключение	536
Список литературы	549

ВВЕДЕНИЕ

Современность... Еще недавно ученые акцентировали свое внимание на ее стабильности и предсказуемости. Еще несколько десятилетий тому назад социальная жизнь представляла собой объект научных исследований, в рамках которых интерес представлял не столько этот объект, сколько возможности различных исследовательских методов и концептуальных векторов. Закономерности, выявленные в рамках таких исследований, носили разнообразный характер, но отвечали на один ключевой вопрос: «Каково современное общество и элементы его составляющие?».

Сегодня такой размеренный темп социальной жизни и сопровождавший его исследовательский процесс накрыла мощная волна новых ярких нестандартных событий и смыслов, рациональных и иррациональных потоков, которые так непохожи на все то, что происходило с обществом до этого. Главный же исследовательский вопрос звучит уже: «Что и как изменяется в обществе?».

Ситуация интеграции и открытости мирового сообщества, глобализационные тенденции, мощнейшие информационные и коммуникационные технологии создали сегодня новое качество социальных систем, в которых произошли значительные структурные и функциональные изменения. Само общество стало иным. Оно приобрело новое качество, которое значительно отличается от традиционного.

В таком обществе люди по-иному мыслят себя в мире, в профессии, среди своего ближайшего окружения; государства ставят перед собой задачи и реализуют программы, которые еще несколько лет назад казались нереальными; технологии сделали такой рывок вперед, который определил стратегии большинства стран на перспективу и возможности личности в ней...

В современном мировом социальном пространстве отчетливо проявляется несколько тенденций. Во-первых, «прозрачность», связанность мирового сообщества. Сегодня границы «выигрышей» и «проигрышей» все больше размываются, и решение тех или иных проблем становится приоритетом всего мирового сообщества, а не только отдельных государств. Сегодня происходит активный

обмен «позитивными стандартами жизни», что под влиянием глобальных информационных и коммуникационных технологий способствует изменению качества мировой системы в целом и национальных систем в частности, при котором уровень интегрированности в решение обозначенных проблем выступает ключевым в системе позиционирования государства. Время и пространство при этом постепенно утрачивают свое значение, ведь для разработки новых технологий в любой, в том числе и социальной сфере, требуется достаточно большое количество времени, однако для их потребления — намного меньше. В ситуации же глобализирующегося мира обмен такими технологиями и эффективными решениями происходит постоянно, что стирает различия во времени между результативностью первичного и вторичного внедрения технологий и дает возможности странам полноценно состязаться за высокий уровень жизни, образования, экономического и политического развития. Кроме того, традиции все больше уступают место инновациям, и рассматривавшаяся ранее дихотомия «Восток — Запад» трансформируется в формулу «Восток плюс Запад». Однако в то же время нельзя не признать, что актуализируются и процессы, связанные с усилением национальной (государственной) идентичности, которые в совокупности с интеграцией мирового сообщества работают на максимальную реализацию потенциала стран. В результате действия таких векторов общественного развития социальные субъекты оказываются помещенными в новую «матрицу», сформированную штрихами цивилизационных изменений XX — начала XXI века и оказывающую двойственное влияние на них: с одной стороны, расширяющую поле успеха, а с другой — поле рисков.

Во-вторых, новое качество социальных систем формирует новый тип личности. В такой системе социальных отношений от нее ожидают активности, творческого поиска, готовности к постоянному самосовершенствованию. Сегодня уже недостаточно идти по намеченному для тебя пути, нужно самому конструировать его и нести ответственность за степень успешности его реализации. В условиях современного общества ценна индивидуальность, выделяющаяся из массы. Предполагается, что общество

выиграет от активности своих граждан, от их готовности к открытому взаимодействию с другими сообществами, к использованию новейших технологий, к многомерности ценностного пространства и т. д.

В-третьих, значительно изменяется структура и каналы социальной мобильности. Традиционные каналы лишь частично актуальны в новой социальной системе, да и сама система социальной мобильности трансформируется. Социальные роли и статусы не только сместились по шкале социального престижа, но наполнились иным содержанием. Поэтому сегодня важным становится не только стремление к тому или иному статусу как форме, но и идентификация себя с ним с точки зрения содержания.

В-четвертых, индивидуальные достижения или достижения социальных систем теряют свой конечный характер. Для эффективного, успешного функционирования в социальной среде, соответственно микро- и макроуровня, необходим постоянный рост и самосовершенствование. Жизненная траектория, общая траектория развития и феномен успеха в их рамках приобретают непрерывный характер. И эти процессы становятся массовыми.

Данные тенденции, зародившись еще во второй половине XX века, сегодня становятся факторами, приведшими к активизации поисков ответов на поставленные мировым развитием вопросы. В результате сегодня констатируется, что современные процессы трансформаций приводят к усилению позиций постиндустриального общества, в котором ведущее место принадлежит информации и знаниям, и его основных социальных субъектов. В таком обществе на первый план выступают новые механизмы его развития, новые социальные институты. Для такого общества изменяется система его ресурсных возможностей, происходит реструктуризация социальных отношений. Традиционные механизмы функционирования социума теряют свою эффективность, и он становится на путь поиска новых средств и способов своего развития, которые максимально соответствовали бы новому типу социальных отношений, выстраивающихся в постиндустриальном обществе не только на внутренних взаимодействиях социальных субъектов, но и на взаимодействии

с другими социальными системами, поиске и конструировании внешней идентичности.

В рамках измененного качества социальных систем переоценивается роль и значение социальных субъектов, а также их ресурсных возможностей. Современные исследователи утверждают, что уже сегодня информационный ресурс и знания становятся ведущими в жизненных стратегиях и социальных практиках социальных субъектов, отодвигая на второй план материальные и, прежде всего, финансовые типы ресурсов. Сегодня можно увидеть, что традиционные ресурсы становятся менее эффективными и позволяют достичь лишь относительного успеха, в то время как знаниевые становятся более универсальным средством движения по пути успеха. Современные тенденции развития мирового сообщества предоставляют все большие возможности для накопления и использования именно ресурсов такого типа. Благодаря этому способности личности, ее уникальные стратегии накопления знаниевых ресурсов позволяют ей не только максимально укрепиться на шкале жизненного успеха, но и способствовать прогрессу всего общества. В результате в тенденциях репозиционирования ресурсов объективно сочетаются интересы личности, общества и государства, благодаря чему производство, накопление и использование знаний становится выгодным для всех.

Однако, по нашему мнению, говоря о такого рода ресурсах, необходимо обратить внимание не только на их возможности удовлетворять социальные и индивидуальные потребности. Вопрос максимального выигрыша для личности, общества и государства лежит сегодня в плоскости источника продуцирования знаний — интеллекта. Такой подход обуславливает переход на новый уровень понимания современной социокультурной динамики.

В наиболее общем плане под интеллектом понимается «способность изменять поведение в соответствии с обстоятельствами в каждом конкретном случае»... [305, с. 253]. В таком контексте, по мнению П. Сорокина, нет надобности говорить о том, что интеллект представляет собой наиболее важное условие для

существования, выживания и успеха как индивида, так и социальной группы.

Интеллектуальные ресурсы личности и общества становятся как средством адаптации к изменяющимся социальным условиям, так и средством их движения вперед. Ведь в постиндустриальном обществе, в котором доминируют новые технологии и каналы коммуникации, формируются новые принципы социального взаимодействия, возрастают требования к социальным субъектам, к их уровню ответственности за принимаемые решения, которые в свою очередь становятся все сложнее.

Общая реструктуризация ресурсов в социуме приводит к изменениям в социальной структуре общества и системе его социальных отношений, в рамках которых трансформируются ролевые ожидания, базовые качества социальных субъектов, их социальные статусы и эффективность каналов социальной мобильности. В результате социальная система, демонстрируя свое новое качество, предъявляет к социальным субъектам новые требования, удовлетворить которые для достижения успеха старыми средствами становится все труднее.

Естественным является и то, что социальные субъекты не в равной мере обладают наиболее востребованными в обществе нового типа ресурсами, что конструирует еще одну из современных линий социального неравенства. Данный факт становится следствием воздействия как факторов, связанных с самой личностью или группой (задатки, мотивация, характер деятельности и т. д.), так и тех, которые детерминированы объективными условиями их жизнедеятельности. В силу этого особый интерес представляют те группы, в которых максимально сконцентрированы интеллектуальные и знаниевые ресурсы и которые, более того, не просто обладают ими, но и сами их производят, ориентируясь при этом на «выгоды» социального характера. Речь в данном случае идет об интеллектуальной элите, которая существует в любом обществе, определяет его потенциал и соответственно место в мировом сообществе.

Элитные группы всегда представляли интерес для ученых. Однако на одних этапах развития общества их интерес концентри-

ровался на правящей (в широком смысле) элите, на других — на политической, на третьих — на экономической, на четвертых — на духовной и т. д. Приоритет направлений исследований данных групп лежал в том интересе, который определялся ролью данных групп в конкретном обществе. В условиях же развития постиндустриального общества интерес в исследовании элитных групп закономерно смещается в сторону интеллектуальной элиты.

Сегодня эта группа рассматривается как та, которая в силу изменения ключевых характеристик общества занимает более значимые позиции в его жизнедеятельности. Именно данная группа может максимально помочь обществу в поиске эффективных путей адаптации к происходящим трансформациям и адекватно позиционировать себя в формирующейся матрице цивилизационных изменений. С развитием этой группы, на наш взгляд, связываются разноуровневые решения: от личностного до социетального, которые имеют принципиальное значение в современном мире, поскольку они определяют успешность обществ в целом и личности в них. Поэтому возможности интеллектуальной элиты, пути ее формирования с учетом общих особенностей социального стратифицирования общества представляют особый интерес.

Наряду с тем что такие социальные субъекты, как элитные группы, занимают ведущие позиции в том или ином обществе, всегда возникает вопрос о характере их социального взаимодействия и его эффективности. Ведь в результате действия описанных выше тенденций изменяются «правила игры» в социальном пространстве, которые, в силу инерционности социальной системы, носят нестабильный характер. Учитывая это, в нынешних условиях особое значение приобретают механизмы их формирования, поддерживающие постиндустриальный тип социокультурного, экономического, политического пространства и направленные на развитие определенного типа социальных субъектов, формирование у них особенных качеств, востребованных именно в такой среде.

В современном обществе актуализируются такие качества социальных субъектов, как адаптивность, гибкость, мобильность.

Соответственно ожидается, что социальная среда в лице различных социальных институтов и, прежде всего, образования призвана формировать эти качества. Кроме того, образовательный уровень подготовки населения рассматривается сегодня исследователями, например, Ф. Зиятдиновой, как одна из характеристик «качества населения», которое, в свою очередь, определяет общий потенциал общества. Особую значимость в его структуре в связи с актуализацией ресурсов знания и интеллекта приобретает интеллектуальный потенциал. Для нынешнего восприятия факторов социального прогресса характерен взгляд на него как на ключевую детерминанту развития экономического, технологического и других потенциалов. В значительной степени можно говорить о том, что интеллектуальный потенциал становится критерием позиционирования стран в общей матрице мира.

Социальный институт образования всегда рассматривался как имеющий особое значение для личности, общества и государства. В современных же условиях «человек нуждается в постоянном дополнительном образовании и полном переучивании для того, чтобы включаться в преобразования, порождаемые техникой и индустрией знаний. При этом также наблюдаются сдвиги в самой цели образования, когда задача вооружения специфическими знаниями уступает место формированию навыков, прежде всего таких, которые имеют широкое поле применения» [261, с. 69]. Таким образом, именно с образованием связывается реализация тех требований, которые предъявляются сегодня к личности и социуму. А, следовательно, именно в образовании лежит ключ к формированию интеллектуальной элиты общества и развитию его интеллектуального потенциала.

Наряду с этим само образование приобрело сегодня ряд новых черт и характеристик, которые проявились как ответ на изменяющиеся требования социальной среды постиндустриального общества. Одной из ведущих таких черт стало сегодня приобретение образованием свойства непрерывности. Как отмечает в этой связи бывший президент Европейской комиссии Ж. Делор, политика в сфере образования должна исходить из той предпосылки, что благодаря обучению в течение всей жизни можно

действительно преодолеть существующее неравенство, приспособиться к изменениям экономики. По его мнению, «фаза в истории человека, когда жизнь была разделена на три части — время учебы, время труда и время покоя, завершилась. Мы должны предложить нашей молодежи более обширную и более открытую модель, которая сделает возможным чередовать в течение всей жизни время, затраченное на образование, с временем, свободным от труда, чтобы посвятить его семье, гуманитарному объединению, своим увлечениям и т. д.» [Цит. по 118, с. 104].

Таким образом, образование в целом и непрерывное образование как принцип его организации становятся в постиндустриальном обществе базовыми социальными компонентами, которые могут наиболее эффективно решать проблемы, стоящие перед социумом в период его трансформации. Однако следует заметить, что они же выступают и инструментом глобализационных процессов в современном мире. Именно образование стало институтом, дающим возможность приобрести максимально удовлетворяющий потребности общества, профессиональных групп, личности набор качеств и ресурсов, который позволяет точку жизненного успеха превратить в линию успеха, используя как традиционные, так и нетрадиционные методы и формы обучения.

Для Украины обозначенный круг вопросов имеет особое значение, ведь наряду с ее движением к постиндустриальному обществу она преодолевает параллельно путь от плановой — к рыночной экономике, от авторитарного режима — к демократическому. Именно поэтому нестабильность является своеобразным атрибутом современного украинского социального пространства, в котором проблемы формирования интеллектуальной элиты и развития интеллектуального потенциала общества значительно обостряются. Именно в этих пластах, на наш взгляд, лежат возможности преодоления многих проблем, благодаря чему по мере стабилизации социума произойдет стабилизация социальных отношений, а также селекционных каналов и механизмов, создавая для всех членов общества возможность в любой момент своей жизни подняться на ту или иную ступеньку в социальной иерар-

хии, изменить свою жизнь, сохраняя потенциальную возможность, начав все сначала, добиться успеха и т. д. Для социума такая стабилизация означает возможность разработки и реализации эффективных программ по развитию своих ключевых ресурсов, в том числе и интеллектуальных.

Безусловно, процессы, происходящие в современном мире и описанные нами выше, разрабатывались многими учеными. Например, вопросы формирования новых черт современных обществ затрагивались Д. Беллом, П. Друкером, Э. Гидденсом, К. Субири, П. Штомпкой, А. Поланьи, И. Валлерстайном, А. Мартинелли, Т. Вебленом, М. Платнером, З. Бжезинским, О. Тоффлером, Дж. Гэлбрейтом, Г. Каном, А. Туреном, Ж. Фурастье, М. Кастельсом, У. Беком, П. Бергером и другими. Именно данными учеными были предложены схемы принципиальных социальных изменений в обществах, ведущих к смене их типа, которые опираются на различия в ключевых институтах и факторах развития социальных систем.

В рамках данного направления исследований важным видится акцентирование внимания на новых движущих силах жизнедеятельности современных обществ — знаниях, информации, интеллекте, которые определяют не только особенности этих обществ, но и потенциал их развития. В данном случае особый интерес представляют именно интеллектуальные процессы в социуме. Их изучали И. Лакатос, Д. Белл, Г. Канн, Дж. Нейсбит, О. Тоффлер, Ж. Еллюль, Ж. Фурастье. Следует отметить, что исследование интеллектуальных процессов в обществе долгое время осуществлялось в русле социологии знания (В. Парето, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, К. Мангейм, М. Маклей, М. Шелер и др.).

Новые движущие силы постиндустриальных обществ определяются как таковые лишь в системе различных движущих сил — ресурсов, которыми располагают (или могут располагать) социальные субъекты и на основе которых формируются различного рода капиталы. Значительный вклад в изучение этих компонентов современных обществ внесли П. Бурдьё, К. Дэвис, Д. Граски, П. Штомпка, Б. Барбер, У. Мур, Т. Парсонс, И. Селени, Д. Трейман и другие, во многом определившие основы изучения обществ

с точки зрения накапливаемых в нем (в том числе и индивидами) ресурсов и роли различных социальных институтов в их формировании.

Одним из признаков нового типа общества, являющихся следствием перераспределения места и роли различных ресурсов и социальных институтов в нем, являются изменения в социальной структуре социума. Сегодня можно говорить о двух доминантных парадигмах, которые позволяют исследовать данный аспект — классовой и стратификационной. Среди тех, кто работал в данном направлении, можно назвать Г. Шмоллера, который выдвинул многокритериальную теорию классов; В. Зомбарта, разработавшего теорию исторических наслоений, в которой класс — слепок хозяйственного уклада соответствующей эпохи; Г. Спенсера, находившего в обществе три крупных класса: низший, средний, высший и др. Теорию общественных классов развивали А. Смит, Т. Пэн, Т. Сиенс, В. Годвин, Д. Рикардо, У. Томпсон, Дж. Милль, Р. Вормс и др.

Наряду с рассмотренными выше подходами к выделению классов нельзя не остановиться на веберианской традиции. Именно М. Веберу, наряду с К. Марксом, по мнению О. Д. Куценко, удалось открыть и описать основные смысловые характеристики явления класса, «которые постоянно переоткрываются и переинтерпретируются современными исследователями» [173, с. 43].

Классовый подход к анализу социальной структуры развивался также в методологических рамках структурного функционализма (Т. Парсонс, С. Липсет и Р. Бендикс, П. Блау и О. Данкен; Р. Ходж и др.) и советской версии марксизма (традиции К. Маркса, В. Ленина), благодаря чему была выявлена, прежде всего, важность исследования объективных социальных позиций и структур ресурсов, способных определить логику социальных действий людей.

В XX веке получил развитие и подход, связанный с широким спектром парадигм от неомарксизма и неовеберианства до конструктивистской социологии, который сместил методологический акцент от принятия элементов социальной структуры как данности к анализу процессов их формирования под влиянием

деятельности людей и институтов (Р. Дарендорф, Дж. Локвуд, Э. Гидденс, Ф. Паркин, Н. Пулантзас и др.).

На пересечении данных подходов в социологии наметились попытки их теоретического синтеза. Такое стремление к синтезу получило воплощение в рассмотрении элементов социальной структуры как социального отношения (Р. Эриксон и Дж. Голдторп; Дж. Келли; Г. Маршалл, Э. Райт и другие) и, особенно, в конструктивистско-структуралистском понимании, прежде всего — в версии П. Бурдьё.

В контексте данного направления можно выделить весьма важный сектор теоретизирования ученых, связанный с теми изменениями в социальной структуре современных обществ, которые определяются обладанием ими ключевыми ресурсами и выводят на лидирующие позиции в социальной структуре те или иные группы. Прежде всего, это концепции меритократии и технократии. Данные концепции обращают особое внимание на новое состояние общества и новые группы в нем, чья роль значительно меняется в новых условиях общественного развития. Достаточно часто в качестве таких групп рассматриваются элитные группы. Их изучением активно занимались: Г. Моска, В. Парето, заложившие основы элитистского анализа; Р. Михельс, Дж. Бёрнхем, Ла Валет, К. Цу Сольмс, А. Гелен, Г. Шредер, Р. Дарендорф, К. Фон Бейме, В. Ропке, Н. Бердяев и другие, развившие идеи элитизма в макиавеллистском и ценностном подходах; О. Штаммер, С. Келлер, Д. Рисмен, Р. Даль, Э. Гольтманн, Г. Лассуэл, С. Нейдел, Р. Арон, Л. Уорнер, В. Гаттсмен и другие, разрабатывавшие концепции плюрализма элит; Т. Дай, С. Липсет, Л. Зиглер, П. Бахрах, Ф. Нашольд, М. Йодл, П. Дрейцель, Д. Хигли, Е. Этциони-Халеви и другие, предложившие теории демократического элитизма и элитарной демократии.

Как уже отмечалось нами, особую роль в формировании элит и развитии общества играет социальный институт образования, методологические основы связи которого с социальной структурой формировались и развивались Э. Дюркгеймом, О. Тоффлером, С. Липсетом, Дж. Дьюи, Д. Беллом, а также в работах И. Иллича, Д. и Дж. Джерри, У. Уорнера, Дж. Эбеглена, Б. Барбера,

М. Крозье, Э. Лэда, Дж. Голдторпа, П. Бергера, П. Уиллиса, П. Бурдые, Х. Гарднера и др. В результате было определено, что социальное положение индивида непосредственно связано с его уровнем образования.

Исследованием вышеперечисленных вопросов активно занимались отечественные исследователи (как в рамках советского периода, так и позже). Например, вопросы изменения ключевых характеристик украинского общества поднимаются в работах В. Астаховой, Л. Сохань, И. Поповой, Е. Головахи, С. Макеева, В. Тарасенко, И. Тарапова и др.

Традиция изучения социальной структуры представлена исследованиями О. Шкаратана, В. Шубкина, Ю. Арутюняна, Ф. Филиппова, М. Руткевича, Л. Гордона, Т. Заславской, Р. Рывкиной, Н. Аитова, Л. Когана, С. Кугеля, В. Семенова, М. Титмы, З. Голенковой, Е. Игитханяна, Е. Якубы и других авторов, в которых доказана многомерность социальной стратификации, рост значения профессиональных, образовательных и иных иерархий в индустриальном обществе советского типа. Сегодня традиция изучения социальной структуры в Украине активно поддерживается С. Макеевым, С. Оксамитной, В. Паниотто, В. Хмелько, О. Куценко, В. Черноволенко и другими.

Отдельным блоком стоит сегодня изучение элит в постсоветском обществе. Такие исследования ведутся Г. Ашиным (элиты в контексте общего развития социума и вопросы элитного образования), В. Танчером (анализ элитистского подхода в контексте демократических изменений в Украине), О. Куценко (деятельностные аспекты формирования и функционирования элит и их сетей), Л. Сокурянской (вопросы формирования интеллектуальной элиты на студенческой скамье), В. Андрущенко (общие вопросы требований к современным элитам), А. Романовским (формирование «гуманитарно-технической» элиты) и др.

Разработке интеллектуальных аспектов деятельности в современном обществе, в том числе и рамках образования, посвящены работы В. Астаховой, Е. Якубы., Л. Голованова, В. Патрушева, Л. Сохань, Е. Астаховой, Н. Липовской, В. Лозового, В. Городяненко, В. Анурина, С. Вовканич и других.

Учитывая актуальность проблем, сформулированную нами выше, и реферативное изложение их разработанности в западной и отечественной науке, можно сказать, что на сегодняшний день уже сложилась солидная теоретико-методологическая база для изучения вопросов формирования интеллектуальной элиты, процессов ее позиционирования в современном обществе и возможностей реализации деятельностного потенциала. К сожалению, данные аспекты еще не достаточно полно разработаны в Украине: не сформулированы системно «проблемные зоны» современности, значительно влияющие на стратегии социальных субъектов; динамика развития интеллектуального потенциала общества как индикатора его позиционирования в мировом сообществе в условиях перехода к постиндустриальному типу не нашла полного освещения в работах ученых; не выявлены особенности расстановки различных ресурсов в современных обществах и их влияние на процессы социального стратифицирования в них; представления об интеллектуальной элите носят размытый характер, не определены стратегии ее поведения в условиях формирования постиндустриального общества с учетом ряда параллельных трансформационных изменений, не до конца выявлена база ее формирования, а также современное состояние; не полностью продемонстрированы возможности образования для формирования интеллектуальной элиты, в том числе и в условиях его непрерывности и т. д.

Решению этих и других вопросов и посвящена данная работа. Достижение поставленной цели и соответствующих задач стало возможным благодаря теоретической работе и широкому использованию эмпирических данных. В частности, речь идет о крупномасштабных исследованиях, проводившихся западными, российскими и украинскими социологами, ссылки на результаты которых приведены в работе. Наряду с этим, в монографии использованы материалы исследований, проводившихся в рамках научной школы проф. В. Астаховой «Формирование интеллектуального потенциала общества на рубеже веков», функционирующей на базе Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (далее – ХГУ «НУА»), при участии автора.

• **Экспертные опросы:**

1.1. Всеукраинский опрос специалистов в сфере образования, имеющих в ней высокий статус (не ниже проректора вуза) (2001 г., n = 22). Опрос посвящен изучению мотивов получения высшего образования.

1.2. Опрос ректоров и проректоров ведущих частных вузов Украины, Латвии, России, Казахстана (2002 г., n = 32). Опрос посвящен изучению процесса организации высшего образования в современных вузах.

1.3. Всеукраинский опрос специалистов в сфере высшего образования (2002 г., n = 36). Опрос посвящен вопросам реформирования отечественной системы высшего образования.

1.4. Опрос ведущих специалистов в области непрерывного образования Украины, Латвии, России, Казахстана (2003 г., n = 23). Опрос посвящен выявлению содержательного и структурного наполнения непрерывного образования, а также особенностей его проявления в постсоветских странах.

1.5. Всеукраинский опрос экспертов в сфере образования (2007 г., n = 43). Опрос посвящен изучению стратегий отечественного образования в условиях глобализации.

• **Опросы студентов:**

2.1. «Преподаватель глазами студента» – мониторинговое исследование – опрос студентов ХГУ «НУА» (2000 г. – 2007 г.).

2.2. «Мотивы получения высшего образования» – всеукраинский опрос студентов (2001 г., n = 864).

2.3. «Первые результаты внедрения эксперимента по отработке модуля непрерывного образования» – опрос студентов, обучающихся в экспериментальном комплексе НУА (2000 г., n = 111).

2.4. «Мотивы получения высшего образования» – опрос студентов ведущих вузов частной формы собственности Польши, Латвии, Украины и Казахстана (2002 г., n = 407).

2.5. «Проблемы студенческой жизни глазами студентов» – опрос студентов харьковских вузов (сентябрь 2004 г., n = 1205).

• **Опросы старшеклассников:**

3.1. «Мотивация и особенности представлений о высшем образовании» – опрос учащихся 11-х классов 13 школ г. Харькова и Харьковской области (2001 г., n = 280).

3.2. «Первые результаты внедрения эксперимента по отработке модуля непрерывного образования» – опрос школьников (10–11-х классов, обучающихся в экспериментальном комплексе НУА (сентябрь 2001 г., n = 104).

• ***Опросы преподавателей и учителей:***

4.1. «Первые результаты внедрения эксперимента по отработке модуля непрерывного образования» – опрос преподавателей (2000 г., n = 97) и учителей (2001 г., n = 84), работающих в экспериментальном комплексе НУА.

4.2. «Внедрение инноваций в образовательный процесс (из опыта НУА)» – опрос преподавателей и учителей, работающих в экспериментальном комплексе НУА (2006 г., n = 84).

• ***Опрос молодых специалистов:***

5. «Проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов в современном украинском обществе» – опрос молодых специалистов с опытом работы после окончания вуза до трех лет (2001 г., n = 100).

• ***Опрос работодателей:***

6. «Проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов в современном украинском обществе» – опрос руководителей, непосредственно организующих работу молодых специалистов на своем предприятии или в организации (2001 г., n = 30).

Наряду с перечисленными исследованиями автором были проведены собственные исследовательские работы, результаты которых также представлены в монографии:

7. Всеукраинский опрос экспертов по вопросам интеграционных процессов в области образования (декабрь 2003 г. – февраль 2004 г., n = 38).

8. Контент-анализ библиографии по проблемам элит (2005 г., n = 211).

9. Контент-анализ литературных источников, посвященных определению сущности интеллигенции (2006 г., n = 78).

В монографии ссылки на перечисленные исследования приводятся в соответствии с вышеобозначенной нумерацией.

Следует отметить, что большой блок исследовательских работ, на которые опирается автор, связаны с различными аспектами функционирования экспериментального комплекса по отработке

модели непрерывного образования — Народной украинской академии. По нашему мнению, его опыт в контексте обозначенных нами выше тенденций представляется весьма интересным для решения задач активизации образовательных полей в формировании интеллектуальной элиты и усилении интеллектуального потенциала украинского общества.

Наша работа имеет в своей структуре четыре раздела. В первом мы попытались очертить те тенденции, под влиянием которых осуществляют свою жизнедеятельность современные социальные субъекты разного уровня — от личности до мирового пространства в целом. Во втором разделе показаны изменения, которые претерпевает социальная структура обществ под влиянием обозначенных в первом разделе тенденций. Третий — центральный раздел нашей работы — посвящен детальному анализу интеллектуальной элиты как элемента социальной структуры современных обществ. В четвертом разделе мы продемонстрировали связь образования с интеллектуальной элитой и, в частности, обозначили механизмы, способствующие формированию данной группы.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность тем, кто в период написания монографии находился рядом и способствовал началу и завершению этой работы: научному консультанту — Астаховой Валентине Илларионовне (как источнику моего творчества), моим коллегам по Народной украинской академии и преподавателям других вузов Харькова и Украины (за постоянную веру в меня), моей кафедре, аспирантам и студентам (за активное ожидание этой монографии) и, конечно, — моим друзьям и семье, которым доставалось намного меньше внимания и заботы, чем они заслужили.

РАЗДЕЛ 1

НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ ИНТЕЛЛЕКТА: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

1.1. Новые вызовы современности: общество и личность в условиях выбора

Современное мировое социальное пространство — это пространство изменений и трансформаций. Сегодня мир утратил свою стабильность, свое размеренное движение в системе координат индустриального общества. Несмотря на мощные интеграционные процессы, для него характерно непостоянство, эклектичность, разнообразие.

Как и любые изменения, трансформация системы социальных отношений и кардинальное обновление качества социальных институтов привели к изменению всего социального пространства, в котором осуществляют свою деятельность акторы социальной жизни. В результате произошедших изменений они столкнулись с проблемами поиска новых адекватных способов эффективного социального взаимодействия. Речь идет о том, что в современном социальном пространстве не только появились новые проблемы, но и изменились также пути их преодоления: ранее успешные решения далеко не всегда срабатывают сегодня. Все это можно обозначить как цивилизационный вызов, брошенный современностью обществу, личности, государству. Избежать, проигнорировать этот вызов невозможно. Качественно новый этап развития социума может быть достигнут лишь благодаря поиску ответов на этот вызов.

Характерно, что данный вызов современности является всеохватным: ни один актор мировой политики и социальной жизни в целом не остался не затронутым его ключевыми потоками. А это означает, что в ответах на этот вызов формируются различные стратегии, в основе которых — индивидуальный и коллективный опыт, специфические характеристики социальных субъектов, их восприятие изменений, происходящих в мире.

Наряду с этим можно говорить о том, что в потоке поиска модификаций ответов на вызов современности активно действуют и общие, типичные механизмы его преодоления. Соответственно, в самом общем виде стратегии ответов на этот вызов имеют как общие, так и специфические черты.

Систематические попытки осмысления процессов, связанных с кардинальным изменением социального пространства в целом и формированием новых требований, которые предъявляются к социальным акторам в современных условиях, предпринимались с середины XX века. К тем, кто затрагивал эти проблемы в своих работах, можно отнести Д. Белла, П. Друкера, Э. Гидденса, К. Субири, П. Штомпку, А. Поланьи, И. Валлерстайна, А. Мартинелли и др. В отечественной науке эти вопросы изучаются В. Астаховой, Л. Сохань, И. Поповой, Е. Головахой, С. Макеевым, В. Тарасенко и др. Тем не менее вопросы общей систематизации векторов цивилизационного вызова еще не нашли своего отражения в работах ученых. Сегодня же существует настоятельная потребность в этом. Под цивилизационным вызовом мы понимаем систему одновременного мощного кардинального изменения базовых параметров социального пространства, влекущую за собой трансформацию социальных отношений и качеств социальных акторов, общих представлений об успешных стратегиях и факторах их детерминации. Данное состояние современности несет на себе отпечаток «незнакомости» для большинства элементов и механизмов функционирования социальных систем.

На наш взгляд, современный цивилизационный вызов имеет множество проявлений, и в нем можно выделить несколько базовых составляющих, каждая из которых несет функциональную нагрузку и непосредственным образом детерминирует специфику социального пространства и социальных субъектов. По своей сути это отдельные вызовы, под влиянием которых формируется новая матрица социальной реальности.

Первая составляющая цивилизационного вызова — **аксиологический вызов** — это вызов, связанный с трансформацией ценностных оснований бытия. Динамичность и разнообразие, сочетающиеся с возможностью выбора посредством открытости

мирового сообщества и развитости средств массовой коммуникации, значительно подрывают традиционные ценностные основания жизнедеятельности социальных субъектов. В таких условиях не столько инновации, сколько традиции зачастую вынуждены доказывать право на свою действенность в современном мире.

Изменения, происходящие в ценностных основаниях современного социального пространства, привели к размытости и неопределенности в ценностных системах многих социальных субъектов. Ценностный стержень их жизнедеятельности потерял либо претерпевает серьезные изменения, что накладывает отпечаток на процессы их социального взаимодействия. Эта тенденция усиливается также посредством того, что она затрагивает все уровни ценностного сознания и характерна как для базовых, так и для инструментальных ценностей.

В таких условиях размытость ценностных систем социальных субъектов становится вызовом для общества и для личности. Для общества актуализируется проблема сохранения целостности, а, соответственно, и перестройки базовых социальных институтов, а также общей системы социальных отношений. Для личности — это «вызов свободы», который привлекает своим разнообразием и относительной доступностью, но требует при этом наличия ценностного стержня, без которого данная свобода теряет смысл.

В рамках этого вызова существует множество вариантов его проявления. Специфика конструирования современного ценностного ядра весьма разнообразна. При этом широко распространенная установка, в соответствии с которой «быть современным — значит иметь превосходство над другими», становится универсальным требованием и выражается в притязании на «освобождение человека от незрелости, в которой он сам же и повинен» (И. Кант). Речь идет о том, что аксиологический вызов, аксиологический конфликт человеческого существования в современном мире порожден самим человеком, и борьба ценностных оснований бытия связана как с противоречиями в социальном пространстве, так и с противоречиями внутри личности.

Именно такая особенность аксиологического вызова делает проблему выбора ключевой в жизнедеятельности социума

и личности в нем. И вопрос заключается в том: каков будет этот выбор?

Вторая составляющая цивилизационного вызова — *пространственный вызов*. Современное социальное пространство, в котором социальные субъекты осуществляют свою жизнедеятельность, значительно расширилось. Его характерной чертой стало не только расширение реальных географических пространств, но и виртуальных. В результате пространственного вызова большинство социальных субъектов столкнулись с проблемой выбора и реализации иной, отличной от традиционной для них стратегии своей жизнедеятельности.

Пространственный вызов стал фактором, позволившим активизировать многие процессы в социальном пространстве, в том числе и миграционные потоки (как физические, так и интеллектуальные) в мировом масштабе. Благодаря ему миграция стала реальным средством улучшения своего уровня или качества образования, изменения социального статуса, общего уровня благосостояния. В результате пространственный вызов, его проявления и последствия приводят к трансформации социальной структуры обществ.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что миграция, вызванная «растворением» пространственных параметров, имеет различные проявления в системе социальной стратификации. В современных условиях можно говорить о том, что существуют отдельные группы людей, в отношении которых проводится особая политика стимулирования миграции. Речь, прежде всего, идет о высококвалифицированных специалистах, в более широком плане составляющих интеллектуальный фундамент общества. Сегодня можно утверждать, что этот интеллектуальный слой является предметом борьбы государств за обладание им. В результате, несмотря на разрушение традиционных пространственных параметров, феномен интеллектуальной элиты как некоторой квинтэссенции указанного слоя существует как таковой лишь в системе координат того или иного общества. И вновь пространство как бы завладевает социальными субъектами. Поэтому сегодня можно говорить о наметившемся противоречии: мир един,

и все в нем имеют шанс для реализации где бы то ни было, но большинство стран проводят специальную политику по удержанию и привлечению к себе именно интеллектуальной элиты.

В этой связи правомерен вопрос: является ли представитель интеллектуальной элиты одного государства представителем этой же группы в другом государстве при смене места жительства; какая идентичность необходима представителю интеллектуальной элиты в условиях пространственного вызова? Ведь речь идет о том, что, обладая достаточно высоким статусом в рамках одного социального пространства в условиях пространственного вызова, его можно либо повысить, либо понизить в рамках другого социального пространства. Поскольку кадровая персонифицированная составляющая является одной из ключевых в системе интеллектуального потенциала общества, его оценка в тех или иных странах затруднительна или по многим показателям становится весьма условной.

Тем не менее, по-видимому, следует иметь в виду, что интеллектуальные атрибуты значительно в меньшей степени связаны с потерей статуса и идентификации, чем, например, властные позиции. Это в значительной степени способствует активизации миграции интеллектуальных ресурсов, а изменение статуса в данной связи определяется характером позиционирования субъекта в новой социальной среде.

Наряду с этим активизировавшиеся миграционные процессы имеют для социальных субъектов как внутренние, так и внешние ограничительные механизмы, связанные в том числе и с тем, что пространственный вызов «разорвал» и границы присутствия тех или иных нежелательных явлений в конкретных социальных пространствах. Как отмечает У. Бек, например, «безработица уже не периферийное явление, она затрагивает потенциально всех — и демократию как форму жизни в том числе» [36, с. 109]. Проблемы в значительно большей мере, чем достижения, в условиях пространственного вызова становятся достоянием уже не локальных сообществ, а значительной части мирового пространства.

В результате пространственный вызов значительно сместил устоявшиеся положения о факторах, механизмах и способах

успешности в современном мире. Он привел к тому, что, например, изменив пространственные координаты своего бытия, можно значительно изменить и базовые параметры своего существования. При этом то социальное пространство, в которое активно вливаются новые социальные субъекты, стоит перед опасностью «внутреннего взрыва», как следствия уменьшения доли ключевых ресурсов и статусов, являющихся атрибутами его «коренных» представителей.

В совокупности такая ситуация ставит общество, государство и личность перед лицом нового выбора, связанного либо с защитными, либо со стимулирующими процессами своего развития.

Третья составляющая цивилизационного вызова — *национально-государственный вызов*. Его специфика заключается в том, что значимость с национальных и государственных образований все больше смещается к транснациональным. В результате его воздействия функционирование государства на национальной основе становится практически невозможным. Ведь вследствие действия этого вызова «род привязки к месту упраздняет предполагаемое в национально-государственном образе общества отождествление пространственной и социальной дистанции, так что возникают «транснациональные» жизненные миры... Транснациональная совместная жизнь означает социальную близость, несмотря на географическую дистанцию. Или: социальную дистанцию, несмотря на географическую близость» [36, с. 183].

Этот вызов — вызов не только реальности сегодняшнего дня. Это вызов и научному, и теоретическому осмыслению феномена государства. Ведь, «не признавая никакой дифференциации, такие классики современных общественных наук, как Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и даже Карл Маркс, придерживаются территориального определения современного общества, то есть национально-государственной модели общества, поколебленной ныне глобальностью и глобализацией» [36, с. 50–51]. Это означает, что большинство классических моделей общественного развития на сегодняшний день являются неэффективными в поиске оптимальных решений в рамках современного социального пространства.

Однако этот вызов породил не только кризис теоретического осмысления реальности, но и новые тенденции в мировом взаимодействии. Вследствие его активного вмешательства общества и государства вовлечены сегодня, с одной стороны, в процессы интеграции, а с другой — в новый конфликт, в рамках которого национальные интересы не только пытаются «защититься» от влияния транснациональных потоков, но и активно противодействовать им.

Как следствие воздействия этого вызова конструируется новая пространственная матрица мира, в которой принципы социального взаимодействия также меняются. Поэтому социальные акторы оказываются перед выбором способа и формы сохранения (или разрушения) национально-государственных форм.

Национально-государственный вызов является одним из тех факторов, которые тесным образом связаны с политическими и экономическими процессами. Именно поэтому он в большей мере затрагивает макроуровень социальных взаимодействий, оставляя при этом личность в рамках тех решений, которые найдены на данном уровне. Личность в данном случае воспринимается лишь как элемент обществ, которые «по определению, подчиняются национальным государствам; общества суть государственные общества, общественный строй есть государственный строй» [36, с. 47–48].

Взаимоотношения общества, личности и государства всегда представляли интерес для ученых, общественных и государственных деятелей. За долгую историю человечества сформировалось множество концепций, описывающих эту систему взаимоотношений. Но на сегодняшний день эта система значительно изменила свои характеристики, в том числе и благодаря национально-государственному вызову современности. В силу этого личность в рамках национально-государственного вызова ограничена в принятии и выборе тех или иных стратегий, отдавая приоритет в поиске решений в этой сфере скорее государствам, чем обществам.

Тем не менее национально-государственный вызов затрагивает большинство параметров развития обществ, которые относятся,

прежде всего, к формам существования социальных субъектов. Именно поэтому в результате воздействия данного вызова перед выбором оказывается и государство, и общество, и личность, хотя степень свободы этого выбора у каждого из них своя.

Четвертая составляющая – *вызов идентичности*. В отличие от предшествующего, этот вызов в большей степени затрагивает личность, хотя не ограничивается ею. Связан он с тем, что отождествление себя с тем или иным социальным пространством, национально-государственной формой, системой ценностных ориентаций становится все труднее.

Несмотря на то что «внутреннее пространство отдельных обществ подразделяется на внутренние совокупности, которые, с одной стороны, мыслятся и рассматриваются как коллективные идентичности (классы, сословия, религиозные и этнические группы), но, с другой стороны, разделенные и организованные в соответствии с органической метафорой «социальных систем» на отдельные миры со своим хозяйством, политикой, правом, наукой, семейными отношениями и т. д., они выстраиваются и дифференцируются по своим собственным «логикам» («кодам»). Внутренняя однородность в значительной части есть порождение государственного контроля» [36, с. 48–49]. Сегодня же нельзя не учитывать воздействия на эти процессы ранее названных вызовов. В результате государственный контроль отчасти теряет свою традиционную силу посредством старых механизмов; пространственные категории претерпевают изменения, и, как следствие, – внутренняя однородность сменяется внутренней дифференциацией, а силу набирает «внешняя однородность» – идентификация с социальными субъектами вне своего традиционного социального пространства.

В современных условиях свойства социальной реальности приобрели характер относительности, в рамках которой поиск идентичности затруднен.

В целом, можно говорить о том, что кризис идентичности является одним из наиважнейших кризисов современности. В условиях глобализации, развития культурной гомогенности, общих стандартов идентичность порой становится непостоянной,

временной, причем частота ее смены весьма велика. Данные обстоятельства выдвигают совершенно иные требования к личности, ее качествам. Они предполагают высокую степень адаптивности, готовности принимать постоянные изменения как норму жизни. В таких условиях идентичность становится одной из проблемных зон во взаимодействии личности и общества.

Этот вызов современности затрагивает глубинные личностные структуры сознания и основания ее деятельности. Именно поэтому он не может быть проигнорирован. А это значит, что и личность, и общество, в котором она живет, вновь оказываются перед выбором стратегии, форм и содержания своего взаимодействия и жизнедеятельности.

Пятая составляющая связана с *усилением роли сознания*. Она стала ответом на технократизм индустриального общества, в котором техника и машинный труд являются доминирующими. Тем не менее уже в индустриальном обществе создание многих технологических решений стало предпосылкой активизации развития сферы умственного труда. Вхождение же общества в эпоху постмодерна стимулировало не только изменения в производстве, культуре, социальных взаимоотношениях, но и необходимость их осмысления, а также формирование готовности личности и общества к существованию в новых социальных условиях. Этот вызов находит свое проявление, прежде всего, в том, что «как вообще возросла доля «организованных» не стихийных связей в структуре общества, так выросла и роль сознания...» [201, с. 284]. Осмысление, понимание, интерпретация становятся одними из ведущих функций человеческого мышления, особенно в условиях изменяющегося образа мира.

Безусловно, такая ситуация, с одной стороны, выдвигает специфические требования к личности и социальным регуляторам общественных взаимоотношений, что стимулирует рост напряженности между социальными акторами. С другой стороны, это приводит к активизации развития науки и образования, философских и социологических направлений осмысления реальности и др.

Естественным следствием возрастания роли сознания в общественной жизни становится развитие творческой составляющей

в деятельности социальных акторов. Как отмечают исследователи, «одна из примечательных черт современной эпохи заключается в том, что мир вступил в творческий период. Два обстоятельства способствуют этому – рождение нового бытия, которое является продуктом человеческого творчества, и переход к новым парадигмальным подходам к миру, взлет научных достижений, которые изменяют картину природной и социальной реальности» [308, с. 160–161].

Актуализация творчества как характеристики человеческой деятельности и ее развитие являются важными с точки зрения анализа современности. Готовность к реализации творческой стратегии своего существования является ответом на вызов возрастающей роли сознания и одним из критериев успешности социальных субъектов в новой матрице социального взаимодействия.

Исходя из этого можно говорить о том, что формирование творческой личности становится одной из главных задач базовых социальных институтов, прежде всего, образования. Ведь «становление человека как творческой индивидуальности – это фактически формирование нового культурного кода цивилизации и нового типа духовного состояния личности, стиля ее мышления и типа деятельности. Расширение информационного поля человека, его когнитивных горизонтов в условиях тотальной информатизации создает широкие возможности для культурного взаимодействия, для конструктивного взаимодействия людей, в частности, и в глобальном масштабе, для свободного развития их творческого потенциала» [308, с. 161].

Усиление роли сознания сделало возможным развитие такого направления жизнедеятельности обществ, как содержательное формирование и манипуляция сознанием. С воздействием этого вызова сфера технологических решений значительно расширилась и ушла от исключительно материальных, технических технологий. Возможность воздействия на сознание и его ключевая роль в современном производстве привели это направление деятельности к тому, что оно стало одним из наиболее привлекательных с точки зрения его использования для получения «выгод». Например, «благодаря информационным технологиям наиболее

прибыльным, наиболее коммерчески эффективным бизнесом стало не преобразование мертвых вещей, которым занималось человечество с момента своего появления, но преобразование живого человеческого сознания — как индивидуального, так и коллективного...

Преобразование формирования сознания в наиболее выгодный бизнес — не частный вопрос коммерции. Оно изменяет сам характер человеческого развития: если раньше человечество изменяло окружающий мир, то теперь ... оно перешло к изменению самого себя...

Технологии этого изменения, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды — high-tech, получили название high-hume» [101, с. 7].

Движение человечества к самопреобразованию является его важнейшей характеристикой, позволяющей понять специфику тех изменений, которые происходят в общественной жизни. В этой связи можно отметить, что вызов возрастания роли сознания тесным образом связан с общей интеллектуализацией жизнедеятельности социума.

Итак, шестая составляющая цивилизационного вызова — **вызов интеллектуализации**. Общественная жизнь в условиях современности наполнена требованиями глубоких знаний, навыков, умений. А тенденции последних лет свидетельствуют о том, что ведущим фактором общественного развития становится продуцирование интеллектуальных продуктов. По мнению ученых, «изменилась сама структура современного общественного производства, которое стало теперь опираться больше на умственный труд, чем на физический... В будущем роль интеллектуального труда станет еще более значительной» [326, с. 6].

Сегодня ведущие параметры социального успеха непосредственно коррелируют не только с производством, но и с широким потреблением интеллектуальных продуктов. Функционирование социальных субъектов объективно наполнено параметрами все возрастающего интеллектуального уровня развития социума. Интеллектуализация стала атрибутом современной жизни, что дает, с одной стороны, огромные преимущества в движении вперед

по пути прогресса, а с другой — порождает противоречие-разрыв между теми социальными субъектами, которые способны включиться в активные интеллектуальные потоки, и теми, кто в силу объективных или субъективных причин остается вне этих потоков.

Проблема дифференциации общества по линии включенности в интеллектуальные потоки становится актуальной, так как непосредственно связана со стратифицированием современных обществ и поиском социальными субъектами новых стратегий достижения успеха. Эти процессы затрагивают социальные институты, которые приобретают в условиях общества интеллекта новые черты и новые возможности в силу активизации интеллектуальных ресурсов и стремления социальных субъектов интеллектуализировать свои капиталы (личностный, культурный, социальный и др.).

«Конечной целью интеллектуализации общественных систем выступает создание эффективных механизмов перехода личностного (персонифицированного) знания в информационный ресурс, превращение знаний индивидов в элемент массового сознания и их практического использования...» [312, с. 26].

Сегодня традиционный ритм жизни значительно ускорен благодаря этому вызову социального развития, и социальные акторы вновь оказываются перед выбором, а зачастую — перед крайней необходимостью активного включения в интеллектуальные потоки. Характерно, что среда в данном случае привносит элемент обязательности в существование индивидов. В результате их жизнь соответствует новым требованиям социального пространства, а распределение социальных субъектов в континууме «производство интеллектуальных продуктов — потребление различного уровня интеллектуальных продуктов — избегание интеллектуальных потоков («выключенность» из них)» становится одним из индикаторов социального успеха.

Такая ситуация приводит к изменениям во всех структурных элементах общества. Трансформации подвергаются, в первую очередь, социальные институты образования и науки, ожидания, требования от «конечного продукта» которых и технологии его «производства» резко изменяются. Изменяется и их восприятие

в социуме. Например, если в Украине в начале 90-х годов лишь около 70% выпускников школ ориентировались на получение высшего образования, то сегодня – более 90%. Это связано с инструментализацией образования, следовательно, теми возможностями, которые оно предоставляет для перемещения в указанном выше континууме интеллектуализации жизнедеятельности.

Таким образом, интеллектуализация – один из вызовов социальной реальности, который становится атрибутом общественной и индивидуальной жизни. И, пожалуй, это одно из проявлений глобального вызова современности, которое ставит человека и общество перед фактом, а не перед выбором. Ведь в конечном итоге «мы живем в эру интеллекта. Как отмечается в исследовании «Украина: интеллект нации» (Киев, 2000), проблема интеллекта стала ключевой в дальнейшем прогрессе человечества. С интеллектуализацией украинского общества связана судьба трансформационных процессов, которые переживает ныне Украина» [308, с. 160].

С ним, на наш взгляд, связаны и процессы формирования интеллектуальной элиты Украины, которая не только обладает максимальными возможностями развития интеллектуального потенциала социума, но и имеет достаточно мощный адаптационный потенциал для реализации этой задачи в условиях вызовов современности.

Седьмая составляющая – *технологический вызов*. Вызов, связанный с изменением характера взаимодействия всех элементов социального пространства. Интеллектуализация, разрушение традиционных пространственных категорий жизни, усиление роли сознания привели к тому, что технология стала универсальным средством взаимодействия элементов социального пространства, а порой и формой их существования. Эта форма стала преемственницей традиции господства техники в индустриальном обществе. В этой связи «можно утверждать, что техника воистину конституирует конкретный тип существования современного человека в мире вещей. Если для античности техника была разновидностью знания, то для человека наших дней она все больше приобретает чисто оперативный смысл.

Homo sapiens все больше уступает дорогу homo faber, «человеку-деятелю». Отсюда тот глубокий кризис, который затрагивает саму идею мира и решающую роль самого человека в его собственной жизни» [323, с. 107].

Однако в таких условиях развитие техники постепенно сменяется развитием технологий, причем последние все больше расширяют сферу своего влияния. Сегодня они получили свое распространение как в материальной сфере, так и в духовной, и в результате не столько капитал, сколько владение передовыми технологиями становится показателем успешной стратегии социального развития. Даже «определяя сегодня экономическую стратегию, необходимо осознать, что современный мир это, прежде всего, мир технологий, мир, где покупают и продают продукты интеллектуального труда» [348]. Можно сказать, что технологичность стала критерием измерения соответствия современности.

Развитие социума по схеме технологизации, безусловно, имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, стремительное развитие технологий позволяет решать целый ряд проблем, что принципиально важно для современного мира. С другой, например, стимулирует разрыв между странами в уровне их развития, в том числе порождает и технологическую пропасть. В результате «в наиболее продвинутых обществах складывается суперсимволическая система создания общественного богатства, основанная на использовании информационных технологий, то есть на использовании, главным образом, интеллектуальных способностей человека, а не его физической силы» [12, с. 30], а коммуникационные технологии способствуют увеличению этого разрыва. Как отмечают ученые в этой связи, «электронная коммуникация делает возможным то, что было немислимо прежде: активное, одновременное и взаимное установление контакта между отдельными акторами поверх всех границ между странами, религиями и континентами» [36, с. 183].

Таким образом, технологический вызов является одним из важнейших вызовов современности. Он охватывает все сферы жизнедеятельности общества и предполагает вовлеченность всех социальных акторов.

Восьмая составляющая — *инвайроментальный* вызов. В рамках этого вызова личность, общество и государство сталкиваются с необходимостью поиска новых способов взаимодействия с окружающей средой для успешной реализации своих стратегий. Здесь активное участие принимают и технологии, которые выступают и с позитивной, и с негативной стороны этого взаимодействия, а также глобальная универсальность, позволяющая более эффективно реагировать на данный вызов.

Таким образом, на наш взгляд, сегодня функционирует целая система вызовов, с которыми сталкиваются общество, личность, государство. Эта система сливается в один мощный поток-вызов, который можно назвать вызовом формы и содержания, когда под влиянием различных политических, экономических, социальных, культурных факторов трансформируются виды жизнедеятельности социальных субъектов и претерпевает изменения их содержательное наполнение.

Наблюдения за ходом трансформационных изменений дают возможность однозначно говорить о влиянии на них социальных, в широком смысле этого слова, условий. При этом большинство из них обусловлено историческими, политическими, психологическими, экономическими и другими факторами, имеющими характерное влияние в тех или иных социальных системах. Тем не менее «стабильность развития любого общества основывается на социальной генетике — органичности и непрерывности вечных процессов передачи, освоения и увеличения знаний, социального опыта, которые интегрируют два определяющих информационных критерия развития: социальную наследственность и «новообразования» [68, с. 15]. В результате реакция социальных систем и подсистем на обозначенные вызовы имеет как общие в своей основе, так и дифференцированные признаки. Это приводит к созданию универсальных и локальных теорий, связанных с познанием и осознанием новых вызовов современности. Их осмысление является, безусловно, одной из важнейших задач современной науки.

1.2. Концепции постиндустриального общества как стратегии познания современности

Современные процессы, связанные с реакцией социальных субъектов на цивилизационный вызов современности и его составляющие, привели к кардинальной смене большинства элементов социального пространства. Значительных трансформаций претерпели социальные нормы и «правила игры», ценностные ориентиры. Иным стало общее качество социума и его составляющих. Качественное изменение параметров социальной системы привело к перераспределению роли тех или иных социальных групп в ней и кардинальному изменению значимости тех или иных факторов, оказывающих влияние на социальные процессы. В результате, наряду со сменой общего состояния социальной системы, изменяется состояние социальных субъектов и характеристика социальных механизмов. Такие качественные изменения практически всегда становятся толчком к появлению теоретических конструктов, объясняющих их.

Как показывает анализ научных теорий и концепций, смена общего характера и типа общественных взаимоотношений, перераспределения ключевых ресурсов является одной из центральных для последней трети двадцатого века. Именно в этот период, например, идеи М. Янга воплощаются в концепциях меритократии и технократии с интерпретацией Д. Белла, Т. Веблена, М. Платнера, З. Бжезинского и других. Данные концепции обращают особое внимание на новое состояние общества и новые группы в нем, чья роль значительно меняется в новых условиях общественного развития.

Безусловно, ключевым параметром, в силу которого речь может идти об изменении роли социальных субъектов, является новое качество общественных отношений и социума в целом. В данном контексте уже устоявшейся и приемлемой для нашего анализа является схема общественного развития от доиндустриального общества через индустриальное к постиндустриальному. «Согласно такой схеме, механизмом перехода от примитивного к традиционному обществу служит аграрная революция,

от традиционного к индустриальному — промышленная, от него к постиндустриальному — информационная» [12, с. 27].

В основу данной схемы положены концепции О. Тоффлера [329; 330; 331; 412], Дж. Гэлбрейта [97], Г. Кана, Д. Белла [40; 41; 42], А. Турена, Ж. Фурастье и других, которые опираются на различия в ключевых институтах и факторах развития социальных систем. Так, в рамках данной схемы, в доиндустриальном обществе ключевым сектором выступает сельское хозяйство, ведущими социальными институтами являются церковь и армия. В индустриальном — промышленность; в постиндустриальном — наука и образование, продуцирующие теоретические знания. Безусловно, принятие такой схемы общественного развития предполагает, что данные изменения ключевым образом изменяют параметры социальной системы, и в рамках новых параметров на ведущие позиции выходят новые социальные группы и классы. Так, для первого типа общества это — служители церкви, для второго — промышленники, для третьего — представители университетской среды с высоким уровнем образования и знаний.

Но результатом таких общественных изменений является не только ключевая роль этих социальных субъектов. Изменяется общая расстановка социальных сил и возникают новые статусы и система ролей в других социальных группах. Данные изменения основаны, прежде всего, на обладании ключевыми, наиболее востребованными в данном типе общества ресурсами.

Концепция постиндустриальной трансформации общества, как способ познания поздней современности со специфической для нее системой ресурсов, социальных ролей и статусов, была сформулирована Ж. Фурастье и детально разработана в начале 70-х годов XX века американским социологом Д. Беллом. Впоследствии основные положения этой концепции активно развивались другими представителями западной интеллектуальной мысли, например, Э. Тоффлером, А. Туреном, Дж. Гелбрейтом, Г. Каном, М. Кастельсом и др.

Сам термин «постиндустриальное общество» появился в США в 50-е годы XX века, когда стало ясно, что американский капитализм середины столетия во многом отличается от индустриаль-

ного капитализма, существовавшего до Великого кризиса 1929–1933 годов. В этот период система социальной стратификации претерпела значительные изменения, прежде всего, в связи с трансформацией ее базовых критериев. Появление среднего класса, состоящего из людей, занимающих достаточно престижные позиции в обществе, нарушило привычную схему восприятия социальных групп в обществе. В это же время происходит качественный скачок в использовании техники. Она все более усложнялась, что вызвало потребность в квалифицированных кадрах и увеличило ценность научного знания.

Эти тенденции стали первыми в цепи тех изменений, которые привели современный мир к состоянию «постиндустриальности». И уже на первом этапе, когда Ж. Фурастье первым на Западе сформулировал концепцию постиндустриального общества, которое виделось ему как «цивилизация услуг», было очевидно, что базовыми элементами в обществе становятся знания и их носители. Данный факт, на наш взгляд, стал одним из первых свидетельств проявления нового витка цивилизационного развития.

С конца 60-х годов XX века термин «постиндустриальное общество» наполняется новым содержанием, в научный оборот активно входят синонимичные термины «информационное общество», «технотронное общество» и др. В этот период возрастает престиж образования, появляется целый слой квалифицированных специалистов, менеджеров, людей умственного труда, что стало реальным отражением «материализации» тех тенденций, которые наметились в 50-е годы. Престижность образования в этот период сопровождалась и активизацией подготовки по указанным направлениям; пожалуй, вопросы качества образования также актуализировались в этот период, а уровень подготовки специалиста занял одно из ведущих мест в системе факторов его социального успеха, несколько оттеснив происхождение и наличие капитала.

Сфера услуг, наука, образование постепенно начинают преобладать над промышленностью и сельским хозяйством, где тоже активно используются научные знания. В 60–70-е годы XX века уже стало очевидно, что человечество вступает в новую эпоху.

В этот период те тенденции, которые наметились в начале 50-х годов, приобрели институциональное закрепление, а теоретики постиндустриального общества описывают его уже «как общество, определяемое социальными и культурными, а не экономическими факторами» (А. Турен). Для А. Турена постиндустриальное общество — это классовое общество с глубокими социальными конфликтами, проявляющимися, прежде всего, в борьбе между господствующим классом, технократами и профессионалами.

В данных представлениях значительно трансформируется, по сравнению с представлениями XIX и начала XX века, видение как базового социального конфликта, так и его субъектов. Никогда до середины XX века профессионалы, высококвалифицированные специалисты не рассматривались как ведущая социальная группа, тем более как та, которая вольно или невольно претендует на высокие социальные позиции благодаря своим ключевым ресурсам — знаниям.

В этой связи очевидной тенденцией в 70-е годы XX века становится также борьба за распределение позиций между «старыми» и «новыми» социальными группами, которая является отражением нового статуса большинства ресурсов в социальной системе.

Реальный переход к новому типу общества — постиндустриальному — происходит в последней трети XX века. В это время на первый план в общественном производстве выдвигаются различные услуги, в основном связанные с накоплением и распространением знаний. И если до этого этапа социум осуществлял свою жизнедеятельность, фиксируя рождение и развитие новых тенденций, то в этот период характерные черты постиндустриального общества становятся повседневной реальностью. В результате становится возможным оценка социума как «общества знания».

Несмотря на то что на протяжении второй половины XX века в мировом сообществе произошли институциональные и структурные перемены, можно отметить, что значительная доля элементов сферы сознания акторов социальной жизни сохранила оттонок «индустриальности». В рамках же концепции постиндустри-

ального общества выкристаллизовалось две модели: либеральная (американская модель — Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, З. Бжезинский, Г. Кан, О. Тоффлер, К. Боулдинг и др.) и радикальная (европейская модель — А. Турен, Р. Арон, Ж. Фурастье). Тем не менее обобщенный анализ этих моделей показывает, что в отношении постиндустриального общества можно выделить некоторые его ключевые черты, которые являются важными с точки зрения нашего исследования.

Базовые характеристики постиндустриального общества, на наш взгляд, можно объединить в несколько групп. Первая — превосходство сферы услуг над сферой производства. Как следствие этой тенденции — активное развитие сферы умственной деятельности, в частности образования и науки. Следует отметить, что в период развития концептуальных основ постиндустриального общества формируется и концепция непрерывного образования, которая непосредственно связана с изменяющимися социальными условиями и трансформирующимися образовательными потребностями индивидов.

Вторая группа — изменения в социальной структуре общества (классовое деление уступает место профессиональному). В социуме постиндустриального типа с изменениями ведущего социального ресурса происходят изменения в распределении статусных позиций социальных субъектов. В результате класс профессионалов, меритократия занимает достаточно высокие статусные позиции, независимо от наличия стартового капитала — традиционного ресурса индустриального общества.

Третья группа — принципиальное изменение роли знаний: они занимают в постиндустриальном обществе ключевую позицию. Как отмечает Д. Белл, «осевым принципом постиндустриального общества является громадное социальное значение теоретического знания и его новая роль в качестве направляющей силы социального изменения. Каждое общество функционировало на основе знания, но только во второй половине XX века произошло слияние науки и инженерии, изменившее саму суть технологии... Интеллектуальная технология становится основным инструментом управления организациями и предприятиями, можно

сказать, что она приобретает столь же важное значение для постиндустриального общества, какое для общества индустриального имела машинная технология» [41]. Д. Белл идет дальше и определяет роль знания как едва ли не решающего экономического фактора современной экономики. «Когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку (в виде изобретения или организационного усовершенствования), можно сказать, что именно знание, а не труд выступает источником стоимости. В этом смысле как труд и капитал были центральными переменными в индустриальном обществе, так информация и знания становятся решающими переменными постиндустриального общества» [41].

Как следствие этого – формирование как минимум еще двух черт современных постиндустриальных обществ – возрастание роли науки и развитие высоких технологий. В существующей системе социальных отношений происходит превращение науки в непосредственную производительную силу, которая становится главным фактором и развития общества, и его самосохранения. В это время технические разработки становятся все более наукоемкими, теоретические знания приобретают все большее значение. Технологии в постиндустриальном обществе интеллектуализируются. Соответственно, роль класса интеллектуалов резко возрастает.

Нельзя обойти вниманием и ту особенность постиндустриального общества, что одним из основных средств обмена в нем становится информация, распространение которой, наряду со знаниями, обеспечивает сверхразвитая сеть коммуникаций.

Таким образом, базовые группы черт постиндустриального общества, как показывает наш анализ, непосредственно связаны с изменением роли интеллектуального труда во всех сферах жизнедеятельности общества. Рост влияния интеллектуальной составляющей на общественный прогресс достиг максимальной за историю нашего времени отметки.

Именно поэтому «основным признаком постиндустриального общества считается перенос центра тяжести с отношений частной собственности как того стержня, вокруг которого в предшествую-

щие эпохи складывались практически все общественные отношения, на отношения по обмену знаниями, информацией. В этой связи, например, О Тоффлер усматривает отличие постиндустриальной экономики от той экономической системы, которая господствует в индустриальном обществе, в способе создания общественного богатства, утверждая, что «новый способ принципиально отличается от всех предыдущих и в этом смысле является переломным моментом социальной жизни». Принципиально новой формой производственных отношений, претендующей на роль стержневой, становится интеллектуальная собственность. Именно ей, по мнению ученых, и будет принадлежать решающая роль в оттеснении прежней частной собственности на периферию общественных отношений. Это связано с совершенно новыми свойствами интеллектуальной собственности, которыми не обладала ни одна другая исторически известная форма собственности [12, с. 30].

В целом, основой концепции постиндустриального общества служит оценка нового социума как резко отличающегося от господствовавшего на протяжении последних столетий. При этом практически всеми исследователями этой проблематики отмечается, прежде всего, снижение роли материального производства и развитие сектора услуг и информации, иной характер человеческой деятельности, изменившиеся типы вовлекаемых в производство ресурсов, а также существенная модификация традиционной социальной структуры.

Несмотря на свою популярность, теория постиндустриального общества подвергается и некоторой критике. Так, слабым местом теории постиндустриальной цивилизации, по мнению ученых, является тот факт, что на практике ее реализация распространяется лишь на развитые страны Запада. Однако процесс глобализации вносит сейчас корректировки в эту точку зрения. В результате такого хода событий процесс постиндустриальной трансформации лишается гуманистической составляющей. С этим связаны, в частности, и попытки привнесения этических аспектов в теорию постиндустриальной цивилизации (например, В. Вернадский).

Другой критический взгляд можно обнаружить со стороны представителей постмодернизма, принципы которого широко применяются для исследований будущего общества. Постмодернисты полагают, что необходимо акцентировать внимание не только на хозяйственных явлениях, но и на формировании системы постматериальных ценностей, отходе от прежних методов организации труда и максимальном использовании творческого потенциала людей, а также более внимательно изучать сугубо социологические проблемы: формирование нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышение роли знания и изменение системы образования, национальные, этнические и иные проблемы. «С развитием постмодернизма вновь возникает ситуация, при которой экономические концепции в их наиболее принципиальных элементах оказываются органично включенными в систему социальных наук и становятся неотделимыми от нее в той же степени, в какой само современное производство неотделимо от реальных форм общественной жизни» [12, с. 27].

Тем не менее следует признать, что «теоретическим и методологическим обоснованием концепции постиндустриального общества служит «осевой принцип» интерпретации социальных явлений, позволяющий социологу в зависимости от поставленных перед собой познавательных задач конструировать различные идеальные типы параллельно сосуществующих или сменяющих друг друга общественных систем» [298, с. 31], а акцент на технологии и знаниях дает основания анализировать отдельные социальные группы, занимающие ключевое положение в системе взаимосвязей этих феноменов. Именно поэтому концепция постиндустриального общества тесно связана с различными теориями, акцентирующими внимание на данных группах. Ведь не случайно «рисунок на обложке первого издания книги Д. Белла «Приход постиндустриального общества» изображал стену с надписью мелом «Знание правит. О'кей» – лозунг общества, где властвуют мастерство и знания (меритократия). Согласно меритократической идеологии, людей вознаграждают по их заслугам, а меритократические правила распределения оптимизируют использование способностей, мотивируют эффективный труд и отвечают

ожиданиям людьми «справедливого» вознаграждения, содействуя снятию социальных напряжений и конфликтов» [112, с. 30].

Термин «меритократия» (от лат *meritus* — достойный и греч. *kratos* — власть) — власть, основанная на заслугах, введен в употребление английским социологом М. Янгом в противоположность понятиям «аристократия» и «демократия». В работе «Возвышение меритократии: 1870—2033» (1958) он изобразил приход к власти новой элиты, состоящей из интеллектуально наиболее одаренных и энергичных личностей, рекрутируемых из всех слоев общества [369].

Концепция меритократии достаточно тесно примыкает к концепциям постиндустриального общества. Одной из объединяющих их позиций является снятие «кастовых» и возвышение профессиональных признаков в социальной иерархии. Категория «меритократия» оказалась особенно востребованной в научных построениях моделей постиндустриального общества, тем более, что последнее основывается на профессионализме и знаниях, носителем которых и является меритократия.

Возможно, тот факт, что в систему концептуальных разработок о постиндустриальном обществе феномен меритократии вписался достаточно удачно, представители неоконсервативного направления (Д. Белл, З. Бжезинский, М. Платнер и др.) на основе данного термина сконструировали социологическую и политическую концепцию меритократии, направленную на «новую интеллектуальную элиту, вносящую наибольший вклад в благосостояние всего общества», что стало формой модернизации традиционных теорий элиты [298, с. 183—184]. Факт конструирования феномена интеллектуальной элиты благодаря концепции меритократии видится нам особенно важным в контексте тех изменений, которые происходят в современных обществах вследствие нового цивилизационного витка.

Следует признать, что меритократизация общественной жизни, в результате которой управление становится прерогативой профессионалов в различных сферах жизнедеятельности общества, действительно является одной из современных тенденций [см. 221].

Однако концепция меритократии, зародившись во второй половине XX века, не нашла своего полного воплощения в реальности и до сегодняшнего дня и, в принципе, осталась недостаточно востребованной. Собственно говоря, объективные условия позволяли в большинстве случаев успешно функционировать социальным субъектам и без соблюдения требований высокого профессионализма и глубоких знаний для большинства в управленческих аппаратах различного уровня. В современных же условиях динамизм общественной жизни, возрастающая конкуренция между социальными структурами и их многообразие порождают все более широкое воплощение принципов меритократического управления в социальное управление.

Украинское общество, отличаясь спецификой и значительным отставанием в развитии по многим параметрам, тем не менее, также поставлено в условия необходимости внедрения меритократических принципов управления. Во многом эта необходимость обусловлена внутренними потребностями, но во многом — стимулируется извне. А это означает, что распространение принципов постиндустриального общества в Украине будет осуществляться как при воздействии внешнего стимулирования, так и под влиянием внутренней мотивации.

При этом, с точки зрения теории постиндустриального общества, на практике важен такой параметр меритократии, как соотношение власти в обществе с интеллектуальностью. Ведь еще М. Янг говорил об «элите, отобранной на интеллектуальной основе и весьма глубоко образованной, в том числе, обладающей знаниями в области философии и управления, не говоря уже о, как минимум, двух степенях в области науки и социологии... Нынешнее правление осуществляется не столько через народ, сколько через наиболее умную часть народа — не аристократию по рождению и не плутократию, а истинную меритократию таланта» [369, с. 322].

Данные положения и до сих пор сохраняют свою актуальность. В результате как ученые, так и представители бизнес-структур и политические деятели находят их полезными. Так, как отмечает один из них, «несколько упрощая принцип выбора, можно

сказать, что хорошо, когда элита власти состоит из богатых людей (независимых материально) или только людей благородного происхождения, но значительно лучше, когда элита власти состоит также из умных людей. Конечно же, речь идет не о том, чтобы самые выдающиеся ученые оставили свои рабочие места и стали исполнять работу политиков или менеджеров. Речь идет скорее о том, чтобы интеллектуальная элита данной страны была соответствующим образом представлена в правящей элите [137].

Несмотря на то что меритократия имеет абстрактные критерии принадлежности в теоретических построениях, реальность жизнедеятельности социальных систем показывает, что этот слой по-разному представлен в социальной структуре современных обществ. Например, польские социологи отождествляют категории менеджеров и специалистов-профессионалов, разработанные в концепции меритократии, с интеллигенцией: «Как можно ожидать, меритократия улучшает экономическое положение менеджеров и специалистов... Эти две категории, аналог которых в Польше — интеллигенция, поднялись в иерархии доходов в первой половине 1990-х и сохранили высокое положение до 1999 года. ... В целом, на первом этапе появления рыночного общества «экономический» капитал уступил путь капиталу социального знания и экспертности профессионалов» [112, с. 30].

В целом, это свойство категории «меритократия» позволяет ей активно применяться в социальной практике, имея при этом различные модификации.

Следует отметить, что теоретические конструкты меритократии и постиндустриального общества выявились как реально работающие в современных условиях. Так, П. Друкер подтвердил прежние аргументы теории модернизации о том, что потребности экономического развития рождают мощный спрос на высококвалифицированных специалистов сферы нефизического труда. В то же время относительно простые рутинные и менее сложные виды работ заменяются позициями профессионалов и управленцев или исчезают. По Д. Беллу, численный рост профессионалов и технических специалистов — «наиболее удивительная» черта постиндустриального общества».

Таким образом, концепции постиндустриального общества стали одной из попыток осмысления цивилизационного вызова и его составляющих, которые бросила современность обществам, государствам, личностям. Основой этих построений является трехчленная схема смены общественных отношений, базовым критерием которой выступают технологии. Постиндустриальное общество в этой связи отождествляется с обществом знания.

Несмотря на сильную и достаточно устоявшуюся схему общественного развития, на сегодняшний день мы убеждены, что в ней существует еще один этап, который вытекает из постиндустриального общества как общества знания и информации — общество интеллекта. Речь идет о том, что обладание информацией достаточно важно для социальных систем, социальных групп и индивидов, однако большие преимущества получают те субъекты, которые продуцируют интеллектуальные потоки и управляют ими. На наш взгляд, данная задача значительно сложнее, чем использование знаний и информации.

Интересным моментом в формировании и развитии такого типа общественных систем является его надгосударственность. В целом, можно говорить, что вся схема развития обществ от индустриального до постиндустриального движется именно по пути раскрытия границ отдельных государств. В результате последняя стадия является максимально открытой с этой точки зрения.

Выделение «общества интеллекта» из общества знания основано в том числе и на ключевых различиях между их базовыми ресурсами — интеллектом и знаниями, соответственно. Так, под знанием обычно понимают «постижение действительности сознанием; науку или совокупность сведений, познаний в какой-либо области» [239, с. 228]. В результате способность знания совершенствоваться и изменять социальные субъекты, перестраивать систему социальных отношений, вносить инновации в деятельность социальных институтов поставила его в центр концепции постиндустриального общества, общества знания. Именно в нем произошло осознание того факта, что «знание стало сегодня основным условием производства. Традиционные факторы производства — природные ресурсы, рабочая сила и капитал —

не исчезли, но приобрели второстепенное значение. Эти ресурсы можно получить, причем без особого труда, если есть необходимые знания. То обстоятельство, что знание стало главным, а не просто одним из видов ресурсов, превратило наше общество в посткапиталистическое» [113, с. 95].

Несмотря на то что «мы всегда под знанием подразумеваем не просто энциклопедическое собрание всевозможных сведений и фактов, но и приобретенный опыт разумной человеческой деятельности (при этом имеется в виду, конечно, систематизированные и специализированные сведения, а не расхожие мнения и повседневный бытовой опыт)» [326, с. 116], следует признать, что феномен знания обладает некоторым качеством статичности, в отличие от интеллекта.

Интересно, что в переводе с латинского «интеллект» означает «инакомыслие», «необычную, новую мысль», но традиционно под интеллектом понимают «мыслительную способность, умственное начало у человека, определяющее его деятельность» [239, с. 245]. В результате феномен интеллекта в значительной мере носит динамичный характер, в нем изначально заложены его потенциальные возможности. Этот потенциал может касаться в том числе и продуцирования знаний, и возможностей их использования.

Эти свойства интеллекта позволяют ему стать ключевым ресурсом общества интеллекта, где «в условиях современной рыночной экономики самым дорогим товаром становится интеллектуальная продукция» [326, с. 25].

Таким образом, формируемое сегодня общество интеллекта характеризуется доминантными признаками интеллектуальной деятельности. В общем виде интеллектуальный труд – это целесообразная творческая деятельность. При этом он представляет не только высшую, но и важнейшую форму человеческого труда, поскольку лежит в основе «накопления духовного богатства человека» (И. Тарапов).

Интеллектуальная деятельность является тождественной по своему значению умственному труду, который выступает, наряду с физическим трудом, базовым классом различных видов деятельности. Следует отметить, что в развитии общества эти виды дея-

тельности были по-разному востребованы и, соответственно, культивируемы. Исходя из концепции развития общества, обозначенной выше, минимальная представленность умственного труда вообще и интеллектуального в частности наблюдалась в доиндустриальном обществе, а максимальная — в обществе интеллекта.

Характерной чертой общества такого типа является общее возрастание роли сознания, умственной деятельности в системе жизнедеятельности его подсистем. В таком обществе возрастание роли сознания приводит к увеличению доли умственного труда в системе общественного производства, а, следовательно, и к численному росту групп людей, выполняющих данный вид деятельности. Интеллектуальная деятельность активно востребуется в различных сферах жизнедеятельности: в развитии рынка и потребления; она активно участвует в функционировании социально-экономических структур; работает на создание социальных связей и отношений; поддерживает определенное «классовое равновесие» (М. Мамардашвили), те или иные формы деятельности политических институтов и т. д.

Специфическим моментом для общества интеллекта, на наш взгляд, является факт инструментализации интеллектуальной деятельности, влекущий за собой и инструментализацию образовательной и научной деятельности. Тот факт, что интеллект и знания занимают сегодня одну из ключевых позиций в социальном пространстве, в полной мере способствует этой инструментализации: «функция интеллекта в современном мире сама по себе не занимает определенного положения... Эта функция превратилась в нечто вроде секреторной деятельности по выработке истин... Общество буквально наводнено всевозможными позитивными знаниями, и перед лицом этого интеллектуального потопа оно прибегает к весьма радикальному и опасному средству защиты: начинает просеивать научную информацию сквозь некое сито, оценивая те или иные знания с точки зрения вероятного интереса, который они могут представлять; интерес же понимается как немедленная и несомненная польза. Интеллектуальная функция измеряется исключительно ее полезностью, все остальное элиминируется и оценивается просто как нечто «любопытное» [323, с. 93].

В данной связи в обществе возникает потребность в специальных видах интеллектуальной деятельности по регулированию этих процессов, а также сферы сознания в различных формах и на различных уровнях. К одной из тенденций в рамках указанного процесса сегодня относят сближение науки с производством и социальным управлением, а также деятельность по приспособлению научных знаний к целям и задачам развития постиндустриального общества. Таким образом, наряду с традиционным разнообразием видов интеллектуальной деятельности, значительное развитие получает некая глобальная «интеллектуальная функция», серьезным образом отличающаяся от той, которая доминировала в предыдущей структуре духовного производства. Данная функция, наряду с новыми, выполняет важнейшее задание интеграции частных видов интеллектуальной деятельности в социуме.

В целом, проведенный анализ показал, что концепции постиндустриального общества стали ответом на цивилизационный вызов современности, а сегодня являются одним из методологических способов познания и объяснения общества начала XXI века. На сегодняшний день, как показывает мировой опыт, развитие рыночных отношений усиливает развитие и использование интеллектуальной составляющей обществ. Именно недооценка роли и значения интеллектуальной деятельности негативно сказывается на развитии общества в целом и его отдельных сфер жизнедеятельности. Социальными проявлениями недооценки интеллектуальной составляющей в развитии общества чаще всего являются: падение престижа интеллектуального труда; отсутствие правового сопровождения этого вида деятельности; слабая материальная поддержка интеллектуальной деятельности и др.

Таким образом, роль и значение интеллектуальной деятельности, безусловно, признаваемые в теории, чаще имеют проблематичное воплощение и оценку в практике различных обществ. Индивидуальный же характер интеллектуальной деятельности позволяет говорить об отдельных людях, выделяющихся по уровню интеллектуальной активности и результативности интеллектуальной деятельности. Можно предположить, что именно они

и составляют интеллектуальную элиту общества. И именно эта группа людей занимает ключевое место в обществе интеллекта, отодвигая на второй план все другие группы.

В теориях, связанных с концепцией постиндустриального общества, этой группе уделяется особое внимание. Например, Т. Боттомор считает, что главным классом в постиндустриальном обществе является средний класс, из которого формируется элита – управляющие, ученые, инженеры, свободные интеллектуалы, имеющие высокое положение и авторитет в обществе. Они не являются частью политической власти, но оказывают влияние на общественное мнение и социальную политику государства [см. 375]. Как следствие, главным противоречием такого общества выступает борьба между знанием и некомпетентностью.

Таким образом, концепции постиндустриального общества стали шагом к пониманию тех процессов, которые происходят в современном мире, и позволяют говорить о формировании на нынешнем этапе его развития общества интеллекта.

1.3. Процессы глобализации в системе формирования общества интеллекта

Дискуссии о переходе от индустриального к постиндустриальному обществу приобрели сегодня мировые масштабы и вынесли на поверхность множество разнообразных аспектов своего проявления, анализируя которые невозможно остаться в стороне от вопросов глобализации, ведь вызовы современности, как было показано выше, дифференцируют общества, однако основания для этой дифференциации становятся все более универсальными, такими, как и критерии, по которым они распределяются на ступеньках мирового «пьедестала».

Меритократические тенденции, обозначенные учеными в середине XX века, выдвинули на первый план новые социальные ресурсы и, соответственно, новые социальные группы. И если к середине XX века в мире установились четкие представления о распределении ключевых ресурсов индустриального общества –

экономических, то с появлением новой роли знаний и интеллекта, продуцирующих технологии и инновации, их распределение в мире началось заново: каждое государство, каждая личность получили возможности занять новое место в системе социальных отношений.

Как отмечают ученые, «появление и распространение метатехнологий снижает значение финансов с точки зрения конкурентоспособности: если раньше они были главным источником рыночной силы, то теперь становятся лишь ее следствием. Деньги теряют значение, а конкурентоспособность все больше определяется технологиями, которые часто нельзя купить» [101, с. 10].

Специфика этого процесса очевидна: ведь если материальные ресурсы достаточно сильно закреплены территориально, то интеллектуальные и информационные потоки «привязывать» намного сложнее. В результате в современном мире произошли кардинальные изменения, трансформировавшие само его качество. «Мир к началу 21 века стал существенно более однородным, нежели каких-нибудь полвека назад. Более того, допустимо говорить о предпосылках формирования некоторого рода общих правил глобальной этики» [315, с. 6]. Иными стали экономические отношения, иным содержанием наполнилась социальная жизнь и т. д. Фрагментарность мирового сообщества преодолена, а категории экономического, политического, информационного пространства все в большей степени «макролизируются», составляя единое целое нового мирового сообщества. Стержнем этих процессов становится интеллектуальная жизнь государств и обществ, которая в условиях постмодерна стремится к эксклюзивности и уникальности, несмотря на предлагаемые «мировые стандарты».

Одной из ключевых тенденций-вызовов современной реальности, как отмечалось ранее, является интеллектуализация современного мирового взаимодействия, которая тесным образом связана с изменением пространственных категорий восприятия мира.

Интеллектуализация как стержень процессов трансформации в мире приводит сегодня к разрыву связи места и общности (У. Бек). При этом растворяются пространственные и упрощаются

временные категории. По мнению У. Бека, «аннулирование расстояний ведет к тому, что «пространственная матрица мира», во-первых, больше не имеет белых пятен и, во-вторых, в принципе открывает возможность ориентации каждому человеку, независимо от того, в какой точке глобуса он (или она) находится» [36, с. 43].

Принятие такой позиции весьма важно для понимания процессов интеллектуальной миграции, с одной стороны, и с другой — для понимания тех проблем, с которыми столкнулось подавляющее большинство государств в современном мире. Ведь «распадается, казалось бы, неустранимая предпосылка системы труда в индустриальном обществе: чтобы производить товары и услуги, теперь уже не обязательно коллективу людей работать в одном месте. Рабочие места можно экспортировать, а занятых трудом людей «кооперировать» в транснациональном и даже трансконтинентальном масштабе или представлять определенные услуги в «прямом» контакте с их получателем и потребителем» [36, с. 39]. Государства оказываются перед лицом новой реальности, в условиях которой «выигрыши» и «проигрыши» обретают новое значение.

Ключевым фактором в перераспределении социальных, экономических, политических сил становятся сегодня высокоразвитые технологии и наличие той меритократии, о которой говорили М. Янг, Д. Белл, З. Бжезинский, М. Платнер и др. Новый ресурс и новый носитель этого ключевого ресурса занимают ведущие позиции в современном мировом пространстве.

Все эти изменения, происходящие в мире, привели ученых к убежденности в том, что атрибутом человеческой деятельности в конце XX века является глобализация.

По-видимому, можно говорить о том, что и само явление и сам термин «глобализация» стали следствием нового качества современного мира, ключевой роли в нем новых — интеллектуальных и информационных — ресурсов, что позволяет нам предполагать, что глобализация — это процесс, непосредственно работающий на формирование общества нового типа — общества интеллекта.

Анализ развития феномена глобализации показывает, что этот термин появился на рубеже XX–XXI веков. Как отмечает Э. Гидденс, «еще 10 лет назад слово «глобализация» почти не фигурировало в научных дискуссиях (в конце 80-х гг. XX в. – прим. автора). Только за последнее время понятие проделало карьеру: раньше не встречалось почти нигде, а теперь встречается почти повсеместно» [385, р. 28]. Как отмечают исследователи, «вплоть до 1987 г. база данных библиотеки Конгресса в Вашингтоне не содержала книг, в названии которых использовалось бы данное понятие. С начала 90-х годов количество книг и статей на эту тему стало увеличиваться лавинообразно» [315, с. 5]. В результате признано, что идея глобализации является одной из самых молодых в социологической теории.

Несмотря на небольшую историю становления и развития научного осмысления глобализации, в современном знании уже сформировалась некоторая методологическая основа понимания данного феномена. Ее составляют работы У. Бека [36], Дж. Рифкина, Г.-П. Мартина, Х. Шумана, И. Юргенса, М. Делягина [101], И. Фоминского и др.

Систематизация их наработок показывает, что в понимании глобализации выделяются три основных вектора. Первый связывается с интеграционными процессами, формированием единого пространства, уничтожением границ. «Понимаемая таким образом глобализация означает аннулирование расстояний, погружение в часто нежелательные и непонятные транснациональные формы жизни или, следуя определению Энтони Гидденса, в деятельность и (со) существование, не признающие расстояний (внешне отдаленных друг от друга миров, национальных государств, религий, регионов и континентов)» [36, с. 43].

На наш взгляд, эта характеристика глобализации является одной из ведущих в понимании процессов формирования общества интеллекта. Размывание границ и преодоление расстояний делает представления о национальной интеллектуальной жизни менее актуальными. Возможности миграции, в том числе виртуальной, доступность информации о востребованности тех или иных секторов знания в конкретных обществах дают современ-

ному человеку намного более широкую возможность выбора, чем только в рамках своего социума. Это означает, например, что при высоком уровне компетентности в какой-либо сфере в данном социальном пространстве и повышенной востребованности таких специалистов в другом социуме человек имеет шанс занять в нем более высокую статусную позицию. Например, в начале 90-х годов XX века при эмиграции в Австралию некоторые преимущества имели женщины, люди, имеющие ученые степени, достаточно высоко ценилась профессия социолога. В то же время в Украине эта профессия была мало востребована, и социальный статус большинства ее представителей был достаточно низким.

Наряду с этим интеграция и прозрачность мирового сообщества делают доступными множество источников информации. Интеллектуальная жизнь значительно обогащается. Но на этом фоне существует и потенциальная возможность обнаружить, в конечном счете, как свою гениальность, так и свою несостоятельность. По-видимому, это является одним из факторов, который стимулирует создание государствами ограничительных механизмов внутри глобализационного влияния.

Таким образом, размывание границ и преодоление пространственных барьеров в рамках глобализации, с одной стороны, дает возможность более широкой реализации своего потенциала каждым человеком в мировом сообществе, а с другой — делает доступным значительное число достижений науки, культуры, искусства. В результате посредством глобализации, с одной стороны, стираются различия в наполненности интеллектуальной жизни в тех или иных социальных пространствах, а с другой стороны, происходит миграция их интеллектуальных ресурсов.

Вторая черта глобализации, выделенная нами на основе анализа определений, — ее всеохватность, то есть проявление практически во всех сферах жизнедеятельности обществ. «Глобализация означает познаваемое на опыте уничтожение границ повседневной деятельности в разных сферах хозяйствования, информации, экологии, техники, транскультурных конфликтов и гражданского общества, означает таким образом нечто в принципе давно знакомое и одновременно непонятное, с трудом понимаемое,

нечто такое, что с неодолимой силой меняет нашу повседневную жизнь и принуждает всех приспосабливаться и отвечать на эти изменения» [36, с. 43].

Как правило, основной акцент при анализе глобализационных процессов делается сегодня на экономической сфере, что, на наш взгляд, отражает сильное влияние «индустриализации» сознания в противовес его «постиндустриализации». Информационные же технологии в этой связи рассматриваются, прежде всего, как инструмент глобализационных изменений. «Глобализация представляет собой процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» [101, с. 7].

Заинтересованность теоретиков и практиков теми или иными аспектами жизнедеятельности обществ привели к появлению феномена «дифференцированной глобализации», когда она рассматривается в нескольких взаимосвязанных аспектах, основными из которых являются:

1. «Ментальная», или культурно-идеологическая глобализация – процесс, затрагивающий традиции, религию, культуру и идеологию.

2. Территориальная глобализация – процесс укрупнения государственных и надгосударственных образований.

3. Экономическая глобализация представляет собой совокупность двух процессов – глобализации рынков и глобализации экономических форм.

4. Информационно-коммуникационная глобализация (развитие коммуникационных возможностей и использование космического пространства для передачи информации; появление и быстрый рост глобальных информационных сетей; компьютеризация многих процессов жизнедеятельности человечества).

5. Этническая глобализация (рост общей численности населения человечества и взаимная ассимиляция различных этнических групп) [315, с. 20–21].

В контексте нашего анализа представляется важным то, что интеллектуальная составляющая в этих видах глобализации является сквозной. А это означает, что и глобализация как макро-

категория, и элементы «дифференцированной» глобализации неизбежно связаны с интеллектуальными потоками.

И, наконец, третья сущностная характеристика глобализации, которая представляет особый интерес с точки зрения социологии: это появление новых социальных отношений, новых принципов взаимодействия и новой системы взаимозависимости в мировом социальном пространстве. Так, Э. Гидденс определяет глобализацию как интенсификацию всемирных социальных отношений, которые связывают удаленные друг от друга местности таким образом, что происходящее на местах формируется событиями, происходящими за много миль отсюда и наоборот [385]. Он рассматривает это явление в четырех измерениях, одним из которых является глобальное воздействие современных средств коммуникации, которые приводят к образованию совокупных ресурсов знания.

Таким образом, в социологической интерпретации глобализация стимулирует формирование нового типа общества, основанного на знаниях и новой системе социальных отношений, продуцирующих и поддерживающих их. Такая позиция, на наш взгляд, позволяет увидеть целостную картину происходящих изменений.

В результате можно говорить о том, что глобализация как один из самых молодых и наиболее привлекающих внимание и ученых, и практиков феноменов имеет три базовых вектора развития: «растворение» категорий пространства как ключевых в мировом сообществе, охват всех сфер жизнедеятельности обществ и кардинальное изменение системы взаимоотношений социальных субъектов.

Исходя из этого, можно говорить, что процессы формирования новых социальных отношений и перераспределение статусных позиций не являются сегодня сугубо национальными, внутригосударственными. Тем не менее, на наш взгляд, существуют два особых класса государств, которые отличаются от других по своей реакции на глобализационные процессы. Первая группа – безусловные лидеры глобализации (прежде всего, США), которые имеют достаточно устоявшиеся механизмы контроля за состоянием общественных подсистем. Настолько устоявшиеся, что они транслируют их другим странам.

Вторая группа – страны с сильной уникальной культурной традицией (например, Индия). Их взаимоотношения с глобализацией строятся на большой дистанции по многим параметрам.

Наряду с этим можно говорить о странах, которые в силу разных причин не имеют таких механизмов защиты от глобализационных процессов (к ним относится большинство стран Европы).

В этой связи возникает вопрос о различной степени включенности государств в мировые процессы в целом. Можно предположить, что именно этот показатель выступает «проводником» проникновения глобализационных тенденций в жизнедеятельность социальных систем. Неслучайно, по-видимому, феномен глобализации зачастую рассматривается во взаимосвязи с интернационализацией и интеграцией мирового сообщества. Так, А. А. Деревянченко убежден, что глобализация как процесс включает в себя трансформацию самих государств в межнациональные сообщества, которые формируют мировое сообщество. «Интернационализация как объективный процесс глобального взаимодействия осуществляется во имя взаимных интересов всех или, по крайней мере, большинства стран. Интеграция рассматривается как форма интернационализации хозяйственной жизни, достигаемая в процессе соединения различных национальных экономик в единый хозяйственный комплекс...» [Цит. по 315, с. 19].

Глобализация же занимает верхнюю ступеньку в системе «интернационализация – интеграция – глобализация». По-видимому, с различиями в рассматриваемых феноменах связан и волновой характер дискуссии о глобализации. Так, начавшись в 60-х годы XX века, в Великобритании она развернулась в 80-х годах, в Германии – в 90-х, в Восточной Европе – в начале XXI века.

Особый интерес в контексте рассматриваемой проблемы приобретает вопрос об осознании и признании роли знания, с одной стороны, и появлении возможностей интеллектуальной миграции – с другой, в условиях интернационализации, интеграции и глобализации. По-видимому, эти элементы присутствуют на всех рассматриваемых этапах, но на каждом из них данные тенденции усиливаются (один из показателей – интенсификация международной миграции населения). То есть максимальной значимости

достигают знания как ресурс на этапе глобализационного взаимодействия. Следует признать, что на этапе глобализации знания, интеллект приобретают значимость и в более широких масштабах, что и приводит к максимальной востребованности интеллектуальных ресурсов индивида в разных точках планеты. Наряду с возможностями свободного перемещения и общения посредством сети Интернет, данные коммуникации и взаимообмен человеческими ресурсами становятся атрибутом глобализации. Тем не менее у этих процессов есть и обратная сторона. Проблема состоит в том, что из «периферийных стран» интеллект перетекает в страны-лидеры глобализационных процессов. И если в целом можно говорить о том, что изначально интеллектуальные ресурсы распределены в социумах равномерно, то в условиях глобализации степень интенсивности их перераспределения становится максимальной. Это представляет одно из противоречий, разрешить последствия которого является первоочередной задачей многих государств, в том числе и Украины.

Перераспределение интеллектуальных ресурсов не только способствует формированию общества интеллекта, но и наделяет его специфическими, в том числе и проблемными зонами. Одной из них является разрушение культурной эксклюзивности и кардинальное изменение идентичности социальных акторов. Следует иметь в виду то, что «новая глобальная культура становится более гомогенной: крупные развитые страны теряют свои традиции, поскольку эмигранты заполняют всевозможные культурные ниши» [35, с. 29]. В результате под угрозой оказывается система идентичностей, которая стабильно защищала государства и общества от сомнений по поводу гражданственности. Сегодня же при утрате таких идентичностей и рождении некой универсальной идентичности государства теряют один из элементов «привязывания» личности и поэтому оказываются перед необходимостью поиска новых механизмов восстановления своей силы. Ведь несмотря на то что носителем интеллекта являются конкретные субъекты, все открытия имеют «место рождения».

Несмотря на то что глобализация является одной из ведущих тенденций нашего времени, каждая страна входит в этот процесс

в определенном состоянии, она моделирует для себя определенную роль в рамках этой новой системы. Данная роль определяется многими обстоятельствами, в том числе и состоянием социальных институтов, их потенциалом в производстве ключевых ресурсов для занятия в глобализационных процессах достойного места.

Допуская что интеллектуальные ресурсы являются в данном процессе одними из ключевых, особое значение приобретает развитие институтов образования и науки, продуцирующих новые знания и развивающих потенциал общества. Тем не менее публикации по проблемам глобализации на сегодняшний день склоняются к Марксовому постулату о первичности материального, поэтому концентрируют свое внимание на экономических аспектах глобализации. А это означает, что, несмотря на провозглашение ценностей постмодерна, современная цивилизация на практике не может отказаться от ценностей модерна и реализует этот постулат на практике. В результате сферы образования и науки зачастую по-прежнему должны доказывать свою эффективность и значимость в обществе.

Глобализация принесла еще одну проблему, которая может характеризовать становящееся общество интеллекта. Она связана с тем, что «глобальный потребительский рынок, постоянно расширяющий предложения, вызывает увеличение деприваций, усиливающих дезинтеграцию общества. Проблема социальной и информационной деприваций — это всемирная проблема. Говоря о глобальном мире, следует, прежде всего, признать, что стандарты (нормы) жизни Запада для остального мира принципиально недоступны. В условиях глобализации разрыв между притязаниями и реальными возможностями делает проблему более драматичной, усиливая нагрузку на психоэмоциональную составляющую за счет роста информированности о новых достижениях в потреблении. Целенаправленное внедрение идеологии уменьшения притязаний (борьба с обществом потребления) и отстаивание приоритета духовных ценностей в глобальном масштабе с использованием информационного воздействия может служить уменьшению этого разрыва» [315, с. 27].

Таким образом, на современной мировой арене можно наблюдать реальное противостояние материального мира в различных формах и духовного. При этом очевидно, что потребление культурных и духовных образцов практически не используется как пример потребительского поведения. В результате общая тенденция глобализации — уменьшение роли духовной составляющей в жизнедеятельности общества становится одной из причин проблемы сохранения интеллектуального потенциала стран с низким уровнем материального потребления. Ведь в предложенной глобализацией системе ориентация личности сконцентрирована, прежде всего, на материальных выгодах. Новое пространство, предлагаемое высококлассным специалистам, очерчено исключительно в материальных терминах. В результате мотивация представителей интеллектуальной элиты, к сожалению, все слабее привязана к культуре и духовности своего общества. Интеллект и духовность зачастую расходятся и порой превращаются в параллельные плоскости. Именно поэтому многие страны столкнулись с проблемой «утечки мозгов».

Тем не менее в данном отношении, как и во многих других, глобализация на современном этапе лишь обозначила тенденции, но не стала жесткой детерминантой. В результате, «если движение капитала, особенно финансового капитала, является свободным, то движение людских ресурсов по-прежнему остается ограниченным. Именно оно склоняет чашу весов в пользу поставщиков капитала. Это проявляется как внутри отдельных стран, так и в международных масштабах, потому что каждая страна должна прилагать усилия для удержания и привлечения капитала» [307, с. 4].

Этот тезис весьма актуален для всех стран и, на наш взгляд, к сожалению, не акцентирует внимания на проблеме того, что финансовый капитал в ближайшем будущем будет заменен людскими ресурсами как носителями интеллектуального капитала. А это означает, что привлечение капитала в отечественную экономику на современном этапе предполагает обязательное дополнение этого процесса стимулированием, удержанием и привлечением в страну интеллектуальных ресурсов. Если все внимание сконцент-

рировать на финансовом капитале, то в ближайшем будущем у Украины есть все перспективы оказаться в аутсайдерах глобализационного развития.

Как показывают статистические данные, «в 2002 году по уровню глобализации наша страна заняла 42-е место из 62-х, опередив на три позиции соседнюю Россию. Стоит отметить, что в прошлом рейтинге Украина уступала РФ две ступеньки. Однако прошедший год засвидетельствовал не подъем Украины, а спад России. Украина превзошла соседку по уровню вовлечения своей экономики в мировую экономическую систему (35 место против 51 России), по числу выезжавших за рубеж граждан страны (43 место против 54), по объемам международной торговли (11 место против 40). Россия же опережает Украину по количеству международных организаций, в работе которых она принимает участие (12 место – Россия, 22-е – Украина), и по уровню технологий (соответственно 41 и 45 места)» [335, с. 13].

Таким образом, для Украины система экономической интеграции, в основе которой лежит капитал, является достаточно стабильной, а вот сфера развития технологий, основанная на интеллекте, уже сегодня является проблемной. И это та тенденция, не остановив которую в ближайшем будущем мы останемся на периферии общемирового развития. Ведь недаром нынешний «безусловный лидер глобализации США на весы своего влияния в этом процессе кладет не столько экономический и военный потенциал (безусловно, имеющий чрезвычайно важное значение), сколько интеллектуальный» [281, с. 40].

Тем не менее как экономический, так и интеллектуальный потенциал распределен в мировом сообществе неравномерно, а глобализация затрагивает все страны, независимо от уровня развития того или иного потенциала в них. И несомненным является то, что ключевым механизмом в этом процессе выступает создание и распространение технологий. Как отмечает К. Шваб – президент и основатель Давосского форума – «глобализация – средство поделиться капиталом, технологиями и знаниями в глобальном масштабе» [Цит. по 315, с. 23].

Технологические решения, причем нестандартные технологи-

ческие решения, становятся товаром-инструментом успешного развития общества. Это означает, что интеллект, который продуцирует эти технологии, становится максимально востребованным. В современных условиях он уже активно выполняет несколько функций. Кроме обозначенной выше функции по материальному обеспечению (получение прибыли), он, на наш взгляд, решает ряд социальных, образовательных проблем, а также выполняет интеграционную функцию.

В отношении технологий в современном обществе можно отметить две ключевые позиции: их производство и распространение. Причем как первое, так и второе определяет сегодня успешность государств и может являться одним из критериев сформированности общества интеллекта: как первое, так и второе представлены в нем максимально. Тем не менее уже сегодня многие страны столкнулись с проблемой не только производства, но и использования технологий.

Закономерным является то, что эффективное развитие технологий предполагает некоторую базу, которая изначально ограничивает равные возможности стран в соперничестве за новое место в мировой системе. Как отмечают ученые, «для создания и даже простого использования высоких технологий требуется ряд исходных условий, в частности: наличие высоких технологий предшествующего уровня, а также (соответствующего этим задачам количественно и качественно) — мощного научного и высококвалифицированного кадрового потенциала, объединенного единым информационным полем» [281, с. 35]. Это означает, что система образования и наука становятся ключевыми институтами в развитии социальных систем.

Наличие мощной образовательной и научной среды, как демонстрирует мировой опыт, позволяет сформировать базовые компоненты интеллектуального потенциала общества, в частности кадровый и технологический. Именно поэтому развитие данных социальных институтов носит приоритетный характер во многих странах мира.

Создание и использование технологий в современном обществе — процессы, охватывающие большую часть населения. И если

первое является приоритетом узкого круга специалистов, то второе распространено на все общество. Данная схема распределения социальных ролей по производству и использованию технологий в том или ином социальном пространстве является отражением глобальной тенденции, когда «сама возможность создания новых высоких технологий приобретает «закрытый» или «эксклюзивный» характер даже при полной открытости и доступности информации о них (не говоря уже о таких дополнительных факторах, как запреты и ограничения на передачу высоких технологий ряду стран)» [281, с. 35]. Наличие таких запретов изначально стимулирует миграцию носителей интеллектуального потенциала из этих в другие страны в силу ограничения возможностей своей реализации. В конечном итоге становится очевидным, что система ограничительных механизмов выступает фактором поляризации интеллектуальных жизней тех или иных обществ.

Одним из ключевых направлений, которое, на наш взгляд, пытается синтезировать два полюса общественной жизни — генерирование и простое потребление технологий — является индустрия коммуникации и информации. Их прогресс сегодня свидетельствует о «цифровой революции», которая преобразует социальную и технологическую жизнь. Вместе с тем ученые сегодня говорят и о том, что обнаруживается и «цифровая пропасть» [282, с. 17–18].

На наш взгляд, цифровая революция предполагает достаточно высокий уровень знаний и умений граждан, но также она порождает в этой связи и сильнейший разрыв между теми, кто движется вперед благодаря новым технологиям, и теми, кто не владеет ими. Одной из проблем для Украины в данном отношении является тот факт, что традиционно освоение новых технологий в отличие от их создания не всегда являлось стимулом со стороны государства, да и зачастую носило формальный характер. В условиях, когда новые технологии появляются достаточно быстро, их освоение должно стать внутренним мотивом деятельности людей, а это означает новое распределение указанных функций между государством и гражданами. Как никогда необходимо сегодня создание мотивации на непрерывное обучение, образование

независимо от того, в рамках какой социальной подсистемы осуществляют свою деятельность ее акторы. В данном случае активизируются неформальные и информальные механизмы образования, на особое место выходит самообразование личности. В целом, ответственность за личный успех лежит сегодня исключительно на личности, но не на государстве. Последнее же должно акцентировать свое внимание на социально незащищенных слоях населения.

Таким образом, продуцирование и использование технологий на сегодняшний день является индикатором общества интеллекта, а сама глобализация в значительной степени приобретает технологический оттенок. Как отмечают исследователи, «на фоне быстрой технологической глобализации происходит замедление экономической» [335, с. 13] и, возможно, замена «индустриализированного» сознания на «постиндустриализированное».

В результате активно развивающийся интеллект, выталкивающий другие ресурсы на второй план и приобретающий надгосударственный характер, формирует новую систему социальных взаимоотношений, в которой формируются и новые типы социальных статусов.

Особое влияние оказывают на эти процессы социальные субъекты, воздействие которых на них является по большей мере унифицированным в силу идентичной социальной ролевой нагруженности. Соответственно, в социальных условиях того или иного типа на первый план выходят различные субъекты социальной жизни. Для постиндустриального общества актуальным становится генерация и регулирование интеллектуальных и информационных потоков в рамках социальной системы и ее подсистем. Именно поэтому важным представляется роль интеллектуальной элиты в этих процессах.

Следует отметить, что сущность интеллектуальной элиты связана с активной интеллектуальной деятельностью и зависит от мотивационного ядра личности. В результате отношения интеллектуальной элиты и общества имеют взаимовыгодный характер и не могут быть проигнорированы ни одним из этих субъектов: интеллектуальная элита заинтересована в генерировании идей,

которые выгодны обществу для его технологического, экономического, научного, культурного развития, но при этом мотивация в генерировании идей может быть сформирована лишь различными факторами, одно из ведущих мест в которых занимают социальные. Таким образом, интеллектуальная элита становится основным носителем потенциала развития общества информационного типа, а характер активности элитных групп и их качество заметно изменяются.

В принципе, «при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что, когда говорят о глобальном мире, на самом деле имеют в виду не мир народов, а мир элит, неожиданно вышедших из-под системы национального контроля и принимающих решения за спиной местного населения» [253, с. 20].

Формирование и развитие такой ситуации, по нашему мнению, становится возможным в силу двух факторов. Первый связан с общим возрастанием роли человеческого фактора в обществах. «Центром тяжести предприятий новой экономики постепенно становятся не основные фонды и даже не управленческий ресурс, но непосредственно человеческий капитал и все чаще — некоторое критическое число творческих личностей, от наличия или отсутствия которых подчас зависит судьба самой мощной организации» [231, с. 52].

Второй — с тем, что носители знаний и опыта все в меньшей степени «привязаны» к тому или иному социальному пространству. Ведь характерной чертой глобализационных процессов становится миграция интеллекта. Причинами тому можно назвать как объективные — поляризация стран по уровню благосостояния, разная востребованность интеллекта в различных странах; то, что надтерриториальность лишает смысла государственность, и другие, а также субъективные — возможность раскрыть свой потенциал, реализовать творческий запас, в том числе и своих детей; обретение свободы в более демократических странах и т. д.

В результате процессы конструирования элитных групп приобретают в условиях глобализации свою специфику. «В силу эффективности, влияния и привлекательности своей деятельности элитой информатизированного общества очень

быстро становятся люди, участвующие в формировании сознания. Это «информационное сообщество», обладающее специфическим сознанием, мировоззрением, системой ценностей и стилем поведения, неминуемо обособляется в рамках каждого отдельно взятого общества» [101, с. 9]. В силу того что границы теряют свое значение и элиты концентрируют свои коммуникации на элитах, обособление происходит необязательно в рамках тех или иных обществ. Оно также носит межнациональный характер.

Процессы элитообразования в условиях глобализации в современном мире, по нашему мнению, можно сравнить с процессами, имевшими место в Советском Союзе. Москва как центр кооптировала в состав своих структур лучших представителей регионов. Сегодня в условиях глобализации очевидно, что в отношении носителей интеллекта как наиболее востребованного ресурса происходит то же самое: наиболее талантливые привлекаются в те государства, которые на сегодняшний день признаются лидерами — центрами глобализационных процессов.

В такой ситуации, как отмечают исследователи, «все инициативные и талантливые, получившие новые знания и профессии, приобщившиеся к более высоким стандартам, решат, отныне и навсегда, что эта туземная среда — не их среда, что их новые возможности — не для этого народа, а являются всего лишь личным взносом для вхождения в международный клуб избранных» [253, с. 23].

Можно говорить о том, что если данная тенденция сохранит свою силу, то произойдет оскудение интеллектуальных элит других стран, в том числе и Украины. Решение этой проблемы предполагает создание принципиально иного социально-психологического, экономического климата для интеллектуалов.

Очевидно, что формирование новых элитных групп в современном мировом пространстве приводит к обогащению одних национальных элит и к оскудению других. В таких условиях актуализируются вопросы идентичности социальных субъектов. Поскольку формирование идентичностей тесным образом связано с функционированием социальных институтов, системой ценностей, норм, то в целом правомерно говорить о появлении

нового типа идентичности. Однако, учитывая, что этот процесс затрагивает сферу сознания социальных субъектов и является достаточно длительным, процессы сохранения сильных национальных элит в современном глобальном мире еще достаточно активны. В миграционные же процессы сегодня включены не только реальные элитные группы, в том числе и интеллектуальные, но и новый тип людей, сформированный новыми идентичностями и «правилами игры» глобализированного мира.

Этими «правилами» формируются и новые элиты. «И вот теперь, в глобальную эпоху, мы столкнулись с элитами, предпочитающими, во-первых, имитаторскую и плагиаторскую активность, связанную с внешними заимствованиями, тяготам и рискам собственного творческого поиска; во-вторых, стремящимися зарезервировать все передовые достижения исключительно за собой, не чувствуя при этом никаких обязательств перед собственными нациями» [253, с. 21].

В результате можно говорить о том, что в глобальную эпоху в отношении миграции такого носителя интеллекта, как интеллектуальная элита, столкнулись несколько тенденций. Во-первых, активная миграция интеллекта в центры глобализационных процессов. И, наряду с этим, — стремление к усилению национальных интеллектуальных потенциалов.

Во-вторых, глобализация раскрыла возможности для самореализации и творчества и стимулировала востребованность интеллектуалов как генераторов новых идей. Одновременно с этим доступность и распространение информации сформировали «непродуктивный», ложный тип элиты.

Таким образом, новые тенденции в миграции интеллекта и формировании нового качества элитных групп в условиях глобализации весьма противоречивы. Но, несмотря на это, общая оценка глобальных изменений выглядит позитивной. Так, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что «глобализация — взаимодействие групп и отдельных индивидуумов напрямую друг с другом через границы, без обязательного, как это было в прошлом, участия в этом процессе государства, причем сегодня возможностей для такого взаимодействия гораздо больше, чем когда бы

то ни было. Частично это стало возможным благодаря появлению новых технологий, частично потому, что государства поняли: высвобождение творческой энергии граждан гораздо лучше способствует благополучию, нежели ее ограничение. Плоды глобализации очевидны – это ускоренное развитие, более высокий уровень жизни, новые возможности» [10, с. 1].

В целом, глобализация является сегодня феноменом, приносящим свои плюсы и минусы всем субъектам мирового сообщества, а их осмысление становится, по словам ученых, «едва ли не основным интеллектуальным занятием гуманитарного научного сообщества» [231, с. 46].

К несомненным достоинствам глобализации принято относить следующие тенденции:

1. Рост количества и качества потребительской продукции на мировом рынке.

2. Бурный технологический прогресс.

3. Возникновение новых рабочих мест, главным образом, в непроизводственной сфере в результате развития информационных технологий, роста торговли услугами.

4. Значительно более широкий и свободный, чем еще 10–15 лет назад, доступ к информации и соответствующее расширение возможностей и способов коммуникации в современном мире.

5. Относительное улучшение основных социальных показателей в большинстве регионов мира (продолжительность жизни, уровень грамотности).

6. Улучшение взаимопонимания между различными культурами и цивилизациями в результате, с одной стороны, интенсификации глобального информационного и культурного обмена, а с другой – нивелировки различий благодаря распространению по всей планете продуктов масс-культуры [315, с. 28–29].

Очевидно, что значительная часть преимуществ связана с появлением разнообразных технологий, которые являются продуктом интеллектуальной деятельности. Следовательно, позитивным моментом развития глобализационных процессов является активизация интеллектуального ресурса. Данная активизация

позволяет говорить о формировании общества интеллекта, которое приходит на смену обществу знания.

Наряду с этим можно говорить об инструментализации интеллекта в современных глокальных условиях. Это означает, что все уровни — от глобального развития до локальных тенденций — связывают свое развитие с интеллектом.

К позитивным проявлениям глобализационного воздействия можно отнести и то, что, как доказывает М. Олброу, оно «снова ставит понимание и организацию общества в центр общественных дискуссий», причем с настойчивостью, небывалой со времен марксизма и полемики по классовому вопросу...» [Цит. по 36, с. 187]. Именно поэтому интеллектуальное осмысление рассмотренных проблем усиливает роль гуманитарной составляющей в современной науке. Она же, в свою очередь, тесным образом связана с судьбой духовной составляющей прогресса, которая претерпела серьезные изменения в технократический период развития цивилизации. По мнению исследователей, «современные достижения в сфере духовной жизни не могут быть сформулированы в терминах технических систем и уже поэтому чужды глобализации. При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнения традиционные понятия смысла жизни, духовных ценностей и веры, которые входят в число важнейших механизмов «социальной механики» — системы власти и управления» [281, с. 39].

Таким образом, распространение глобализации влечет за собой потерю не только пространственной, но и духовной идентификации личности, что выступает одной из базовых проблем в современном мире и прямым следствием воздействия вызова идентичности.

Технологический же прогресс, который является неотъемлемой чертой глобализации, также порождает противоречивые тенденции. С одной стороны, интенсивное развитие высоких технологий, системы образования, науки стимулирует более технологически емкую подготовку кадров, а также рост благосостояния в странах — лидерах глобализации. С другой стороны, этот процесс «будет сопровождаться разрушительными и даже катастрофи-

ческими изъятиями ресурсов, финансов и интеллекта из стран-аутсайдеров глобализации и даже стран, которые были обозначены нами как «потребители» (в отличие от производителей) продукции глобализации» [281, с. 36]. В результате мир оказывается перед ситуацией, когда в ближайшем будущем может быть сформировано «общество 20:80», когда лишь 20% человечества в будущем будет вполне достаточно для того, чтобы обеспечить функционирование мировой экономики.

Обозначенные тенденции позволяют говорить о том, что глобализация оказывает активное влияние на процесс формирования общества интеллекта, и, к сожалению, обретению им как позитивных, так и негативных характеристик.

Как отмечают исследователи, главным барьером на пути распространения технологий как основного продукта общества интеллекта являются образование и благосостояние: «необразованный не сможет использовать технологии, даже если ему их продадут, а бедное общество не удержит достаточное количество образованных людей» [101, с. 10].

Таким образом, формирование общества интеллекта напрямую зависит от состояния системы образования. Как показывают наши исследования (1.5), специалисты в сфере образования неоднозначно воспринимают глобализацию и ее влияние на образование. С одной стороны, они считают, что глобализация – естественный процесс, имеющий свои плюсы и минусы (74,4%). С другой – сформирован негативный полюс позиций в отношении глобализации. Он представлен 21% опрошенных, которые считают, что глобализация несет угрозу некоторым государствам и народам или является процессом, влекущим за собой исключительно негативные последствия.

Учитывая влияние глобализации на все сферы жизнедеятельности общества, наши эксперты выделили следующие ключевые тенденции в системе образования, возникающие под ее воздействием:

1. Расширение рынка образовательных услуг (60,5%).
2. Парадигмальные сдвиги в образовании (48,8%).
3. Усиление конкуренции между вузами (46,5%).

4. Изменение систем ценностных ориентаций субъектов образования (46,5%).
5. Интеграция образования в рыночные отношения (39,5%).
6. Унификация образовательных практик (37,2%).
7. Усиление интеграции образования с практической деятельностью (37,2%).

Данные тенденции представляются важными с точки зрения потенциала формирования в Украине общества интеллекта.

В целом, в современных условиях информация и знания, производимые технологиями и производящие технологии, занимают центральное место в системе ресурсов развития мирового сообщества. Информационные потоки современного общества становятся его атрибутом, и интеллектуальная элита занимает в них одно из ведущих мест. По-видимому, можно говорить о различных формах интеграции интеллектуальной элиты в информационное пространство современных обществ. Однако все они тесно связаны с особыми социальными условиями, но при этом имеют и общие, характерные для всех типов социальных систем черты. Изучение как форм интеграции интеллектуальной элиты с институтами информационного общества, так и факторов, влияющих на роль интеллектуальной элиты в общественном развитии, в условиях глобализации становится сегодня одним из приоритетных направлений в социальных исследованиях, успех которых лежит в междисциплинарной плоскости. При этом особого внимания в контексте влияния глобализации на формирование общества интеллекта, на наш взгляд, заслуживает анализ интеллектуального потенциала социума.

1.4. Интеллектуальный потенциал социума как индикатор общества интеллекта

Формирование нового типа общества лежит в плоскости изменения тех качеств и характеристик, которые являются базовыми для социальных институтов, социальных групп и общностей, индивидов, а также общей системы социальных отношений.

Так же, как когда-то черты постиндустриального общества постепенно становились реальностью, зародившись из отдельных штрихов, общество все больше будет наполняться характеристиками общества интеллекта, а глобализация выступит одним из инструментов в этом процессе.

Одна из таких черт — интеллектуализация уже сегодня во многом определяет деятельность социальных акторов. Интеллектуализация социальной жизни — это один из вызовов социальной реальности, ответ на который лежит в плоскости поиска механизмов активизации интеллектуальных потоков в обществе: наполнение обновленным содержанием целей и механизмов функционирования социальных институтов, развитие творческой составляющей в механизмах социального взаимодействия и т. д.

Интеллектуализация — это черта современной жизни, которая затрагивает широкий комплекс вопросов жизнедеятельности общества. Как отмечают наши современники, «интеллектуализация» — это совокупность уровней образованности и культуры, общечеловеческого сознания, профессионализма, способности продуцировать конструктивные идеи, умение своим примером стимулировать к действию других индивидов» [350]. В результате интеллектуализация является интегрированной характеристикой общественной жизни, затрагивающей как микро-, так и макроуровень развития социума и его компонентов. Она затрагивает и институциональные изменения (прежде всего, социальные институты образования и науки), и аспекты формирования и развития личностных качеств, а в итоге — идеального типа личности в современном социуме.

Структурные изменения, происходящие в современных обществах, приводят к трансформации механизмов социального взаимодействия и способах конструирования ключевых параметров социальной системы. В этой связи важным видится структурная дифференциация влияния интеллектуализации на интеллектуальный потенциал социума, который сегодня можно рассматривать как индикатор общества интеллекта: от степени его развитости, от уровня системности и качества его формирования во многом зависит уровень сформированности общества интеллекта.

Поэтому, «анализируя и обобщая весь комплекс факторов интеллектуального потенциала в плане интеллектуализации общества, нельзя не выделить такие основные направления его развития: интеллектуализация машин (создание ЭВМ с элементами искусственного интеллекта); интеллектуализация человеческого фактора (усовершенствование системы образования, науки, повышение профессионализма и информационной культуры); интеллектуализация общественной среды, то есть приведение в состояние взаимосоответствия двух первых направлений (формирование социального заказа, адекватность общественных коммуникаций, развитие социальной информатизации и т. д.). При этом вопрос интеллекта общества нельзя рассматривать вне его духовности» [68, с. 12]. Последнее утверждение видится нам особенно важным в контексте рассмотрения проблем интеллектуализации. Оно непосредственно связано с вопросами анализа таких социальных субъектов, как интеллектуалы и интеллигенция; с вопросами формирования базовых качеств и свойств личности в условиях новых вызовов современности.

Таким образом, интеллектуализация социума затрагивает различные сферы его жизнедеятельности, а это означает, что формирование интеллектуального потенциала общества связано и с развитием технологий, и с развитием техники, и с развитием новых свойств социальных акторов и т. д. Данная системность такого анализа позволяет определять интеллектуализацию как механизм развития общества интеллекта.

Очевидно, что интеллектуализация общественной жизни неизбежно связана с тем пространственным вызовом, который брошен сегодня личности и обществу. И в связи с этим следует признать, что активизация интеллектуальных потоков, их насыщенность на конкретных социальных пространствах лишь изменяет общее качество и состояние этих социальных акторов, однако не может рассматриваться оторванно от них. Следовательно, те группы, которые максимально включены в продуцирование интеллектуальных потоков и их регулирование, также «принадлежат» конкретным пространствам, а вся система обще-

ственного и государственного регулирования направлена на сохранение этой принадлежности.

Важным в данной связи выступает роль социальной структуры в целом и отдельных социальных групп в частности в процессах реагирования на вызов интеллектуализации и пространственный вызов. Несмотря на то что личность в современной матрице социального пространства получила значительную степень реальной и/или виртуальной свободы, она по-прежнему ограничена рамками социальных статусов того или иного общества. Поэтому невозможно анализировать процессы формирования и развития общества интеллекта вне аспектов влияния «социального скелета» социума. А это определяет особое внимание к анализу тех социальных групп, которые благодаря своему ключевому виду деятельности активно включены в продуцирование и регулирование интеллектуальных потоков.

Интеллектуализация является ведущей тенденцией в формировании новых черт и нового качества интеллектуальной жизни в целом. Сегодня само понимание интеллектуальной жизни наполнено разнообразием: «интеллектуальная жизнь есть стремление упорядочить факты в рамках определенной схемы, с каждым разом все более обширной и гармоничной; это есть обогащение энциклопедии знания. Интеллектуальная жизнь — это стремление упростить мир фактов, дабы успешно его контролировать: это есть действенная мыслительная техника. Интеллектуальная жизнь есть наш способ смотреть на вещи, есть отражение нашей европейской любознательности» [323, с. 101].

Очевидно, что любая из трактовок интеллектуальной жизни динамична, что соответствует ключевому свойству интеллекта, и все они связаны с приращением знания в широком смысле этого слова, стремлением к пониманию жизни и изысканием возможностей управлять ее течением. Приняв данные функциональные особенности интеллектуальной жизни, мы можем сформулировать положение о том, что возможности интеллектуальной жизни несут на себе отпечаток культурно-исторического контекста и ментальных особенностей, что, в свою очередь, определяет ключевые черты интеллектуальной жизни общества. Например, во времена

«холодной» войны интеллектуальная жизнь в социалистических странах характеризовалась ограничением свободы, что выразилось в запретах на функционирование и развитие тех или иных отраслей знания и науки (социология, кибернетика, генная инженерия и др.), в значительном лимитировании контактов (как непосредственных, так и опосредованных публикациями в журналах, монографиях и т. д.) с учеными других стран и т. д.

За последнее время в современном социальном пространстве этих стран произошли значительные изменения, и сегодня мы можем говорить о начале преодоления того хаоса, который возник в результате ломки прежних традиций интеллектуальной жизни. Ситуация, которая сложилась сегодня в украинском обществе, определяет такую черту современной интеллектуальной жизни, как высокая степень динамизма.

Благодаря открытию географических, политических и других границ современная интеллектуальная жизнь переживает и некоторую «перегруженность». Ибо сегодня в ее рамках необходимо переработать наследие «замкнутых» до недавнего времени стран и временных отрезков, сфер общественной жизни, а также свою наработанную сумму знаний, осмыслить новые черты, явления, закономерности, которые активно появляются в обществе в условиях трансформационных изменений.

В совокупности высокий динамизм и «перегруженность» интеллектуальной жизни являются характеристиками интеллектуализации общественной жизни.

Качественные изменения в интеллектуальной жизни социальных пространств приводят к разнообразным последствиям в ее рамках. Среди них, безусловно, будут доминировать позитивные, ибо наука значительно быстрее, чем раньше, передвигается по ступеням своего развития, расширяет сферы своих поисков, испытывает новые методы и средства исследования. Но правомерно, с нашей точки зрения, спросить: а успевает ли современная наука качественно получать, подытоживать, обобщать и выдвигать новые знания, которые действительно подходят к сложным условиям современности и будут служить в аналогичных ситуациях в будущем? К сожалению, не всегда. Ведь ускорение науч-

ного прогресса, формирование общества интеллекта, «перегруженность» и динамизм интеллектуальной жизни не оставляют сегодня другого варианта научного поведения.

В целом же очевидным является тот факт, что интеллектуальная жизнь не может рассматриваться как абстрактное явление — она всегда связана с теми субъектами и территориями, благодаря которым она имеет смысл как явление. Поэтому нельзя не согласиться с К. Субири, что «интеллектуальная функция всегда соответствует определенному обществу и что истины, даже наиболее абстрактные из них, были добыты в конкретном обществе, оперирующем строго определенными смыслами» [323, с. 94].

Такое восприятие интеллектуальной жизни является противоположным пространственному и национально-государственному вызовам современности, что позволяет говорить о том, что данные процессы в ближайшем будущем станут противоборствующими в матрице современного мира.

Таким образом, обращение к анализу данного круга вопросов позволяет нам определить интеллектуальную жизнь общества как интегрированную систему интеллектуальных потоков, порождаемых и управляемых социальными субъектами конкретного социального пространства, имеющих как формализованные, так и неформализованные механизмы функционирования, и направленных на познание и дальнейшее развитие жизни и ее элементов во всех формах их существования.

Как отмечалось ранее, интеллектуальная жизнь в обществе интеллекта становится более насыщенной в новой матрице социального пространства, более интенсивной и охватывающей всех акторов социальной практики. Она становится атрибутом постиндустриального общества, активному развитию которого способствуют сегодня процессы глобализации. В таком обществе ключевым ресурсом становится интеллектуальный продукт, и на первый план выходит интеллектуальная собственность.

Категория интеллектуальной собственности не является хорошо разработанной с точки зрения социологического анализа. Тем не менее помещение ее в контекст социального взаимодействия как одной из характеристик его нового качества позволяет

исследователям обозначить ее ключевые свойства. Так, «к определяющим характеристикам интеллектуальной собственности можно отнести: (1) неуничтожимость, сохранение (и даже приумножение) ее сущности в процессе потребления; (2) необходимость при переходе прав собственности от одного владельца к другому специальной подготовки нового владельца, распорядителя и пользователя для усвоения (а не просто присвоения) этой собственности в сколько-нибудь значимом объеме, способном служить ему потребительской стоимостью; (3) невозможность полной и безвозвратной передачи новому владельцу содержания интеллектуального продукта при его отчуждении в силу невозможности уничтожить информацию в тезаурусе прежнего обладателя; (4) способность к самотиражированию в сколь угодно большом количестве копий. Таким образом, если мы признаем неуклонное возрастание роли обладания знаниями, то должны признать и возрастание роли интеллектуальной собственности, логически ведущее к утрате смысла обладания частной собственностью» [12, с. 30].

В контексте формирующегося общества интеллекта обозначенные свойства интеллектуальной собственности имеют особое значение, которое основано на ее кардинальных отличиях от частной собственности в ее классическом значении. Данные трансформации стимулируют появление новых механизмов регулирования в системе социальных отношений. Соответственно, уровень развитости отношений, связанных с интеллектуальной собственностью, может рассматриваться как один из показателей сформированности общества интеллекта.

Новое качество интеллектуальной жизни обществ с интеллектуальной собственностью как одним из ведущих атрибутов приводит к значительным изменениям в механизмах формирования их интеллектуального потенциала.

Сегодня интеллектуальный потенциал становится одним из важнейших факторов развития любого общества. В условиях современных вызовов его роль рассматривается как одна из ведущих даже в сравнении с другими видами потенциалов и, прежде всего, экономическими. Как отмечают исследователи, «обще-

признанно, что научно-технический потенциал любой страны есть большее богатство, чем запасы полезных ископаемых или накопленное веками мастерство работников традиционных отраслей производства. Наука является самым современным инструментом материального и духовно-нравственного процветания, индикатором интеллектуального уровня общества» [321, с. 132]. Его формирование в условиях стремительного движения мирового сообщества к постиндустриальному типу становится одной из первоочередных задач.

Разработке указанных проблем посвящены работы многих ученых. Среди них, прежде всего, можно назвать работы В. И. Астаховой, Е. А. Якубы, Л. В. Голованова, В. В. Патрушева, Л. В. Сохань, Е. В. Астаховой, Н. А. Липовской, В. А. Лозового, В. Г. Городяненко, В. Ф. Анурина, С. Вовканич и других. Проблемы интеллектуального потенциала исследовали: И. Лакатос, Д. Белл, Г. Канн, Дж. Нейсбит, О. Тоффлер, Ж. Еллюль, Ж. Фурастье. Следует отметить, что исследование интеллектуальных процессов в обществе долгое время осуществлялось в русле социологии знания (В. Парето, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, К. Мангейм, М. Маклей). Тем не менее динамика развития интеллектуального потенциала обществ в условиях их «постиндустриальности» и движения к обществу интеллекта не нашла полного освещения в работах ученых. Поэтому сегодня особый интерес представляют моменты, связанные с современным состоянием интеллектуального потенциала обществ как индикатора общества интеллекта.

Обращение к анализу интеллектуального потенциала требует четкой интерпретации сущности этого явления. Большинство работ по данной проблематике позволяет зафиксировать такие его характеристики, как наличие определенных ресурсов, сферы и возможностей их реализации. Например, В. Ф. Анурин говорит о том, что в данном случае необходимо вести речь о возможности конкретного (индивидуального или коллективного) интеллекта обладать определенным комплексом знаний и использовать его на благо данного индивида (или коллектива) по своему усмотрению [11]. Данная позиция, на наш взгляд, зауживает возможности интеллекта, ведь он не столько обладает знаниями, сколько имеет

возможности продуцировать их. Соответственно, чем продуктивнее интеллект, тем больший потенциал он содержит.

Наиболее подходящим для анализа нам видится определение понятия интеллектуального потенциала, предложенное Н. А. Липовской. Так, под интеллектуальным потенциалом она понимает «часть духовного потенциала общества, способности интеллектуальной системы при данном уровне своего развития в более или менее строгих пространственно-временных рамках реализовать возможности, которые находятся в его наличных ресурсах, с целью удовлетворения как своих потребностей, так и потребностей социальной системы, в которую она входит как подсистема» [189, с. 13]. Аналогичные трактовки можно встретить и у других авторов. Например, В. Л. Волкова и Л. И. Стрельбицкая понимают под интеллектуальным потенциалом «способность интеллектуальной системы к реализации исследовательско-познавательной деятельности, интеллектуальной деятельности при оптимальных условиях ее функционирования в интересах достижения поставленных целей [70, с. 59].

Таким образом, очевидно, что ключевыми направлениями анализа интеллектуального потенциала социума являются его ресурсные возможности, базовые компоненты; неотъемлемым аспектом является и его пространственная характеристика, а также функциональная нагруженность.

Итак, анализ сущности интеллектуального потенциала неизбежно связывает его с наличием некоторых ресурсов, которые чаще всего не могут приобретаться путем простого обмена, как это происходит с другими типами ресурсов. Следует отметить, что зачастую при анализе интеллектуального потенциала его отождествляют с интеллектуальными ресурсами, что снижает качество анализа. С нашей точки зрения, важно различать интеллектуальный потенциал и ресурс. Если последний связан с социальной преемственностью развития, обеспечивает движение традиционных знаний от поколения к поколению и представляет собой накопление интеллектуальных потоков, перемещающихся в социальном пространстве по вертикали, то формирование потенциала (на уровне общности) осуществляется по горизонтали

(на уровне личности). При этом только на базе накопленного качественного ресурса формируется интеллектуальный потенциал для решения глобальных проблем современности – новые конкурентоспособные технологии, ноу-хау, произведения литературы, искусства и т. д. Если накопленный качественный интеллектуальный ресурс – общечеловеческое достояние, то интеллектуальный потенциал всегда имеет национальное авторство [см. 68, с. 9–10].

Таким образом, категория интеллектуального ресурса является одной из ключевых категорий анализа интеллектуального потенциала. Его можно представить как «совокупность знаний, воплощенных в «живых» или «овеществленных» носителях, объединенных с комплексом технических средств познавательной деятельности» [70, с. 59]. Очевидным является то, что основой интеллектуального ресурса выступают люди, степень участия которых в исследовательско-познавательной деятельности определяется уровнем их воспитания, образования, квалификации, опытом, социальной активностью, способностью к творчеству, наличием необходимой информации и технических средств, применяемой формой организации и оплаты труда и другими факторами.

Применительно к социуму можно предложить рассматривать в качестве обобщенного интеллектуального ресурса социальный интеллект. Его исследованием занимались такие ученые, как Ю. М. Канигин, В. Панченко, Ю. И. Пахомов, Ю. И. Яковенко и др.

Под социальным интеллектом обычно понимают «относительно устойчивую форму совместной мыслительной деятельности (способности) людей, проявляющуюся в их общем творчестве, выработке и реализации решений, понимании ими самих себя, других людей и общностей, окружающего мира. Социальный интеллект – не сумма индивидуальных интеллектов, а целенаправленная открытая система их информационного взаимодействия, уровень функционирования и отдачи которой определяется не столько индивидуальными способностями входящих в нее людей, сколько информационными связями (интеллектуальными

коммуникациями между ними и всей системы с окружением) [312, с. 24–25]. Из перечисленных атрибутов социального интеллекта вытекает факт его системного качества, связующими механизмами в котором выступают атрибуты постиндустриального, информационного общества. При этом информационные связи понимаются в содержательном (семантическом) плане — как передача и получение знаний (отделившихся от их первоисточников и ставших сообщениями).

Социальный интеллект как ресурс опирается на определенные базовые структуры, составляющие интеллектуальное окружение личности, которая выступает первоисточником и конечным потребителем социальной информации. В результате субъектность в рассмотрении феноменов социального интеллекта, интеллектуального ресурса и, соответственно, интеллектуального потенциала выступает на первый план. Существенное значение имеют также накопленные в обществе знания, социальная память, уровень духовности, самосознания, характер информационного взаимодействия социальных акторов.

Детальное рассмотрение процесса формирования интеллектуального ресурса общества позволяет сделать вывод о том, что институционально он максимально закреплен за социальным институтом образования. Тем не менее общий анализ демонстрирует, что интеллектуальный потенциал общества имеет в своем арсенале не только институциональное направление рассмотрения, но и неинституциональное.

Проводя аналогию с другими типами ресурсов, которые активно используются в постиндустриальном обществе, можно в итоге отметить, что интеллектуальный ресурс — результат прошлого, а потенциал — настоящее; ресурс — продукт исторического времени, общечеловеческое достояние, а потенциал — реальный национальный вклад в интеллектуальный тезаурус человечества; «ресурс — учетно-статическая категория, а потенциал — деятельностно-результативная, которая определяет качество и эффективность всей системы «ресурс — деятельность — результат»; ресурс — стартовое основание потенциала, а сам потенциал, таким образом, содержит сущее как атрибут прошлого и современности (ресурс),

а также собственно потенциальное (будущий, более качественный результат). Новообразованный потенциал — в будущем стартовая база (ресурс) для создания еще более высокого состояния развития» [68, с.10].

Деятельностно-результативная доминанта интеллектуального потенциала акцентирует внимание на интеллектуальной деятельности как его основе. Одним из ярких моментов в рассматриваемом блоке проблем является проблема творчества и инноватики в рамках интеллектуальной деятельности, которая может выступать одним из критериев эффективности формирования и развития интеллектуального потенциала общества.

Интеллектуальная деятельность связана не только с объективными характеристиками социальных субъектов, но и с эмоционально-чувственной сферой сознания, которая наиболее сильно представлена в одной из ведущих качественных характеристик интеллектуальной деятельности — интеллектуальной культуре. Исследования показывают, что «развитая интеллектуальная культура личности в очень значительной мере определяется и обуславливается степенью развития ее чувственно-эмоциональной сферы» [191, с. 98].

Опираясь на современные научные разработки, сегодня можно говорить о том, что решение большинства задач в современном украинском обществе и развитие его интеллектуального потенциала в целом может быть осуществлено, в том числе и посредством формирования интеллектуальной культуры общества и личности.

Интеллектуальная культура общества непосредственно выделяется на основании особого вида деятельности — умственного. В связи с чем особый интерес при анализе интеллектуального потенциала общества представляет группа людей, занятая преимущественно умственным трудом. Интеллектуальная же культура личности является одной из сторон личностной культуры как целостного и системного явления. Как показывают исследования, «интеллектуальную культуру не следует понимать узко, идентифицируя ее с профессиональной информированностью и компетентностью, определенным набором или суммой специальных знаний,

умений, навыков...» [191, с. 94]. В интеллектуальную культуру, наряду с профессиональным блоком, входит и определенный уровень мировоззрения (мировоззренческая культура), высокий уровень развития творческих способностей личности (творческий потенциал), продуктивный тип мышления, практическая деятельность как сфера приложения интеллектуальных сил. В данном случае очевидно, что формирование интеллектуальной культуры происходит при взаимодействии множества социальных факторов и влиянии социальных институтов. Образовательные же механизмы выполняют при этом некоторую интегрирующую функцию.

Проблема формирования интеллектуальной культуры весьма остро стоит на повестке дня украинского общества в связи с тем, что, например, к сожалению, не всегда действенным является механизм преемственности в образовательных и научных кругах. Из-за кризисного состояния науки и образования в последние двадцать лет образовался разрыв между поколениями ученых, принципами их жизни и научного творчества. Несмотря на то что некоторые единые принципы научной деятельности остались нетронутыми временем, часть профессиональных норм потеряла свою действенность, по крайней мере, на практике. Поэтому достаточно важной задачей современной системы образования Украины видится возрождение научных школ и их развитие, активизация научно-исследовательской работы в вузах и школах, что наиболее эффективно можно реализовать в условиях непрерывного образования.

При анализе интеллектуальной культуры общества следует иметь в виду, что ее анализ правомерно осуществлять на различных уровнях — от личностного до социального, через интеллектуальную культуру отдельных групп и рассматривать ее в различных условиях пространства и времени. Это означает, что специфика развития украинского государства требует постоянного мониторинга и корректировки образовательных программ с учетом стратегических и тактических целей и перспектив.

В результате можно говорить о том, что формирование интеллектуального потенциала тесно связано с рациональными, волевы-

ми и эмоциональными компонентами сознания, что связывается в том числе и с чувством патриотизма и привязанности к стране и людям, к своей истории и традициям. Безусловно, миграционные процессы, имеющие широкое распространение в среде работников науки и образования, специалистов в сфере технологий и информационных систем, являются типичными для большинства периодов развития человеческого сообщества, но территориальные и национальные рамки таких перемещений следует принимать во внимание при анализе как формирования, так и сохранения интеллектуального потенциала украинского общества.

Наряду с этим интеллектуальный потенциал общества определяется уровнем его духовности, развития науки и информационных коммуникаций, а также образованностью населения.

Таким образом, актуальным видится взгляд на интеллектуальный потенциал общества как на его интегральную характеристику, в которую включены как характеристики социальных субъектов — носителей интеллектуального потенциала, так и характеристики социальных институтов, непосредственно включенных в его формирование.

Анализ потенциала украинского общества можно проводить с точки зрения структурного и функционального подходов. Так, с точки зрения структурного подхода анализу следует подвергать качественные и количественные характеристики носителей данного потенциала. Именно здесь базовым элементом анализа становится кадровая составляющая интеллектуального потенциала украинского общества. С динамико-функциональной точки зрения для анализа важны эффективность выполнения функций интеллектуальным потенциалом украинского общества и факторы, влияющие на данный процесс.

Исходя из данного утверждения, можно заключить, что анализ проблем и перспектив развития интеллектуального потенциала украинского общества непосредственно связан с функционированием его базовых компонентов. К ним, прежде всего, можно отнести кадровый компонент, результативный, ценностно-этический, инновационный, социально-ресурсный, материально-технический и информационный [189].

Как показал проведенный в подразделе 1.3 анализ, наиболее важным, с точки зрения нашего исследования, является кадровый компонент. Интеллектуальные кадры являются базовым компонентом интеллектуального потенциала общества, социальное качество которых в значительной степени определяет уровень развития других компонентов интеллектуального потенциала общества. Речь идет как о количественном, так и о качественном состоянии данного компонента. В данном отношении важным видится рассмотрение социальных субъектов как носителей интеллектуального потенциала, как интеллектуальный ресурс. В соответствии с этим, нынешнее качественное и количественное состояние данного ресурса является основанием для описания интеллектуального потенциала современного социума, а механизмы формирования его кадрового компонента, прежде всего, посредством институциональных структур, видятся как формирование интеллектуального ресурса и интеллектуального потенциала в будущем. Именно поэтому институт образования, который является ключевым в воспроизводстве кадрового компонента интеллектуального потенциала, заслуживает отдельного анализа.

Нынешнее же состояние кадрового компонента интеллектуального потенциала общества связано с теми тенденциями, которые достаточно ярко описаны в литературе [например, 137; 253; 321; 326; 348]. С одной стороны, учитывая преимущественно институциональный характер формирования кадрового компонента, следует признать, что сегодня он основан на фундаментальной подготовке специалистов, характерной для системы образования СССР. В таких условиях образование как результат характеризуется дифференцируемостью в отношении социальных субъектов, направленностью на общественные интересы, широкой теоретической базой и другими характеристиками. Следует признать, что на сегодняшний день, даже при доминирующем акценте на теоретической составляющей в образовательной подготовке, кадровый компонент интеллектуального потенциала украинского общества достаточно высоко развит. В какой-то мере подтверждением тому является востребованность отечественных специалистов за рубежом. В данном отношении непосредственно

срабатывают механизмы глобализационного воздействия, описанные нами в подразделе 1.3: активизация миграционных потоков, особенно в отношении тех социальных субъектов, которые максимально включены в продуцирование интеллектуальных потоков, и удержание их на определенном государственном пространстве (вопреки национально-государственному и пространственному вызовам современности).

Наиболее адекватно в контексте проблемы интеллектуального потенциала данная тенденция описана как «утечка мозгов». Эта тенденция является весьма актуальной сегодня для многих стран. Например, Индия стоит на пороге критического решения данной проблемы. Как заявил на Давосском форуме ее премьер-министр, «сейчас из Индии активно уезжает интеллектуальная элита. Но если Запад заберет у нас 30 млн таких людей, мне не на что будет кормить остальной миллиард» [Цит. по 348]. Это выступление демонстрирует понимание того, что в современном мире знания и интеллект составляют истинную ценность. В итоге, развитие интеллектуальных отраслей становится важнейшей позицией в экономической стратегии страны, стремящейся к повышению уровня благосостояния общества.

Для Восточной Европы проблема «утечки мозгов» является особенно острой. Ведь после завершения «холодной войны» распределение ресурсов, представления об успехе в широком смысле слова значительно трансформировались. Трансформации подверглась и социальная структура обществ, и базовые социальные институты. Как отмечалось выше, пространственная матрица мира изменилась, породив вызов формы и содержания. В рамках этого вызова «утечка мозгов» в странах Восточной Европы тождественна снижению их научного потенциала.

Украина также вынуждена решать проблему «утечки мозгов». По мнению ученых, «интеллектуальный кризис в Украине усугубляется именно из-за потери существенной части кадров фундаментальной науки». «Совсем недавно 500 тысяч докторов и кандидатов наук вместе с остальными «неостепененными» научными работниками (их около миллиона) бывшего Союза, составляя более 25% научного потенциала планеты, давали всего 15%

мировой научной продукции. Индекс цитируемости советских ученых за 20 лет упал в 4 раза и сейчас в 6–8 раз ниже американских, а число Нобелевских лауреатов – вдесятеро меньше» [326, с. 78, 154].

Среди причин такой ситуации – снижение финансирования образования и науки (абсолютные ассигнования только на научные исследования сократились в Украине в 20 раз). В результате украинская наука потеряла треть кандидатов наук. Только за 1991–1992 гг. из системы АН Украины выехали за рубеж на постоянное место жительства свыше 900 ученых, а с 1992 г. Академия наук недосчиталась 3,5 тысячи докторов и кандидатов наук. За рубеж выехало 7 тысяч работников высшей школы, т. е. около 10% от их общего числа, причем 4 тысячи – в возрасте 35–40 лет. Произошло сильное постарение кадрового потенциала высшей школы, разрыв преемственности. Средний возраст докторов наук превысил 60 лет, а кандидатов – 48» [321, с. 138].

Наряду с этим общее падение престижа научной деятельности снизило приток в эту сферу специалистов, повысило степень инструментализации образования в системе ценностей личности. Все это в совокупности изменило результативный компонент системы образования, а, следовательно, – качество кадровой составляющей интеллектуального потенциала общества.

На наш взгляд, для Украины и стран Восточной Европы проблема, связанная с кадровым компонентом интеллектуального потенциала, не может быть решена исключительно мерами по совершенствованию системы образования. Без создания системы предотвращения выезда за рубеж носителей интеллектуальных ресурсов путем стимулирования их деятельности здесь создать базу для формирования интеллектуального потенциала будущего будет невозможно. Ведь «чем большее число инициативных, дерзких и талантливых уехало, тем невыносимее становится жизнь для оставшихся и тем выше вероятность того, что в следующем поколении соответствующий отток станет еще больше» [253, с. 23]. Именно поэтому одним из решений в рамках этой проблемы является деятельность интеллектуальных кадров в направлении создания новых научных, технических и культурных программ,

в которых ученые Востока и Запада могли бы взаимовыгодно сотрудничать.

При таком подходе к решению проблемы развития интеллектуального потенциала неизбежно возникает вопрос о пространственной, национально-государственной идентификации индивида и, соответственно, его реакции на аксиологический вызов современности.

В этой связи важным аспектом анализа интеллектуального потенциала выступает ценностно-этический компонент, который непосредственно касается двух систем в функционировании общества: профессиональной и личностной. Речь идет о том, что в рамках профессиональной деятельности существуют этические нормы и требования, регулирующие процессы интеллектуального творчества и внедрения его результатов. Кроме того, социальная система как некая целостность в отношении индивидов изначально помещает их в заданные ценностные рамки. В процессе же социализации индивид интериоризирует ценностные основания среды и формирует индивидуальное восприятие процессов творчества в том числе. Таким образом, ценностно-этический компонент интеллектуального потенциала представляет собой сплав, по меньшей мере, трех уровней, взаимодействие которых формирует целостный ценностный образ в рамках интеллектуальной среды социума.

Для решения проблем интеллектуального потенциала общества принципиально важно, чтобы у людей, составляющих интеллектуальный потенциал страны, было желание жить и работать в своей стране. Поэтому помимо развития и совершенствования профессиональной составляющей в интеллектуальном потенциале страны особое значение приобретает ценностно-этическая составляющая, состоящая в готовности носителей интеллектуального ресурса осуществлять свою деятельность в конкретном обществе и на его благо.

Анализируя интеллектуальный потенциал украинского общества, нельзя не обратить внимания на его информационную составляющую. Ведь, по мнению исследователей, «интеллектуальный потенциал нации нельзя рассматривать вне информации..., так

как информация является «духовным телом» народа, материализацией его интеллекта, новым состоянием нации, в котором она через творчество соприкасается с вечным и мудрым» [68, с. 9].

Информатизация как тенденция современного мира непосредственно связана с развитием технологий и средств коммуникации, позволяющих сделать информацию одним из ведущих ресурсов информационного общества.

Следует отметить, что данная тенденция детерминируется более широкой тенденцией — интеллектуализацией социальной жизни, в результате чего первая становится одновременно и продуктом, и механизмом развития второй. В этой связи некоторые исследователи отождествляют данные тенденции. Например, в отечественном социологическом справочнике отмечается, что «информатизацию общества следует понимать как его интеллектуализацию вместе со всеми последствиями. Речь идет о достижении так называемого синергетического эффекта (эффекта системного взаимодействия), который превышает сумму эффектов индивидуальных интеллектов, входящих в систему социального интеллекта» [312, с. 25].

При таком понимании информатизации она непосредственно коррелирует с развитием базового ресурса общества интеллекта — социальным интеллектом, что важно для понимания значения процессов информатизации в современном обществе. Кроме того, эти процессы как компонент интеллектуального потенциала тесным образом связаны с другим его компонентом — материально-техническим (к которому, порой, ошибочно сводится информатизация).

Общая оценка информатизации как компонента интеллектуального потенциала позволяет говорить о том, что тенденции глобализации и информатизации привели к значительной интенсификации коммуникационных процессов, в том числе и в рамках научной и познавательной деятельности. Информатизация пространства привела к появлению новых «правил игры» и формированию системы новых требований к интеллектуальным видам деятельности. В этой связи изменяются и требования к системе образования как институту подготовки специалистов,

претендующих в дальнейшем на роль интеллектуальной элиты общества.

Как отмечалось выше, анализ интеллектуального потенциала как индикатора общества интеллекта невозможно проводить без учета его результативной составляющей. По-видимому, в качестве таковой могут быть рассмотрены новые знания, идеи, проекты, инновации и т. д. Как отмечает С. Вовканич, «тут мы имеем показатель той части творческого выхода (результата) интеллектуального потенциала, которая материализована в разных носителях информации и введена в общественную систему коммуникации и взаимодействия для решения тех или иных научных проблем» [68, с. 11]. Это позволяет рассматривать интеллектуальный потенциал как систему ряда таких элементов, как накопленный интеллектуальный ресурс; социальные институты и модусы создания новых знаний; творческие личности, которые владеют накопленными и создают новые знания; а также система коммуникаций и распространения знаний.

Очевидным является тот факт, что большинство компонентов интеллектуального потенциала тесно связаны между собой, что свидетельствует о необходимости комплексного рассмотрения данного феномена. Тем не менее общепризнанным является тот факт, что ведущим в этой системе компонентов является кадровый компонент, который во многом детерминирует развитие других составляющих.

Следует отметить, что рассмотренный подход к анализу структуры интеллектуального потенциала не является единственным. Отдельное направление сформировалось благодаря особому акценту на содержательных характеристиках, изменяющих свою роль в конкретных исторических условиях. Например, Л. В. Сохань считает, что в структуре интеллектуального потенциала можно выделять три компонента, «которые приобретают все большее значение: способность к стратегическому мышлению; творческое отношение к миру; интеллектуальная стойкость, «упорство духа» (В. Франкл)» [308, с. 160].

Собственно говоря, в данном случае речь идет о качественных характеристиках того кадрового компонента, о котором мы вели

речь выше. С этой точки зрения именно обладание теми или иными качествами становится стратегически важным для формирования мощного интеллектуального потенциала. При этом, говоря о формировании общества интеллекта, нельзя проигнорировать тот факт, что такие качества, как творческое, стратегическое мышление, являются необходимыми для существования в нем. Именно это еще раз подчеркивает взаимосвязь феномена интеллектуального потенциала с процессом развития общества интеллекта.

Естественным является и то, что формирование общества интеллекта не замыкается на развитии интеллектуального потенциала. В этой связи неправомерно не упомянуть о соотношении различных потенциалов, накапливаемых и реализуемых обществом. Безусловно, роль всех их является важной в развитии социума в целом и отдельных сфер его жизнедеятельности. Тем не менее, на наш взгляд, очевидно, что, например, экономический, культурный, духовный и другие потенциалы непосредственно зависят от компонентов интеллектуального потенциала, тем более, что, как было отмечено ранее, последний является интегрированной характеристикой общества.

Специфика результативного компонента интеллектуального потенциала максимально связывает его с информационным потенциалом. Однако, как отмечают исследователи, «понятие интеллектуального потенциала шире информационного и включает его; во-вторых, его формирование охватывает не только информационные средства, но и сложный долгий путь становления человека как главного носителя и генератора, творческой личности, для развития и реализации которой необходимы соответствующие условия, которые не всегда нация по разным причинам, особенно по политическим, финансовым и техническим, может обеспечить» [68, с. 12].

Таким образом, интеллектуальный потенциал общества тесно связан с другими видами потенциалов, реализуемых обществом в конкретных исторических условиях. Их взаимосвязь основана на базовых целевых установках социума и государства и доминирующих способах их реализации.

Проблема взаимодействия составляющих общего потенциала социума неизбежно приводит нас к вопросу о функциях, реализуемых интеллектуальным потенциалом.

Базовые функции интеллектуального потенциала – трансляция, переработка, аккумуляирование и продуцирование нового знания, интеллектуальное развитие социальных акторов, обеспечение их безопасности и свободы, информационное обеспечение социального прогресса, обеспечение направления интеллектуальных процессов в обществе, что способствует оптимизации структуры культуры социума; трансляция духовных ценностей социума и обеспечение развития техники и технологий.

Анализ данных функций показывает, что по своей сути они приближены к культуротворческим, образовательным, технологическим и некоторым другим направлениям функционирования социальной системы. Это позволяет утверждать, что функциональная нагруженность интеллектуального потенциала носит интегративный характер, что значительно усложняет механизм его формирования.

В обществе интеллекта выполнение этих функций приобретает особое значение в силу изменения самого характера социума. Данный факт еще раз подтверждает то, что успешность реализации функций интеллектуального потенциала в конкретных исторических условиях является одним из индикаторов сформированности общества интеллекта.

Как отмечалось ранее, в функционировании интеллектуального потенциала достаточно важную роль играют социальные институты и, прежде всего, образование и наука. Как показывает опыт Украины и ряда других стран, именно кризис в данных институтах во многом приводит к негативным последствиям в состоянии отдельных компонентов интеллектуального потенциала общества, обозначенных выше. Эти последствия связаны с одним из конкретных проявлений указанного ранее противоречия между позиционированием образования и науки в идеальной модели современного общества и реальными практиками в их рамках. С одной стороны, кризис системы образования и науки, который достаточно полно описан в отечественной литературе

[см., например, 17; 326], детерминирует развитие украинского социума. А с другой — тенденция, в соответствии с которой «общепризнано, что в нашу эпоху ведущая роль в социально-экономическом развитии государств принадлежит интенсивным факторам. К ним, прежде всего, относится повышение уровня общей и профессиональной подготовки людей... В эпоху НТР приоритет образования является законом социально-экономического развития общества. Желая идти в ногу с прогрессом должен постоянно совершенствовать образование» [317, с. 65].

Таким образом, в оценку успешности развития общества закладывается результативный компонент интеллектуального потенциала, производство которого связывается, прежде всего, с образованием.

Следует отметить, что во всем мире реформационные процессы в сфере образования проходили под влиянием глобальных факторов и были связаны с изменениями во всех образовательных ступенях, предполагая создание единой, целостной системы, основанной на принципах непрерывного образования.

Развитие образования по такому пути стимулирует развитие тех качеств личности, которые позволяют ей быть успешной в современном обществе — обществе интеллектуализирующемся и динамичном. Собственно говоря, мировое сообщество трансформировало систему образования, заставив ее эффективно работать на общество интеллекта.

Предполагается, что система непрерывного образования, представляя собой постоянное обучение индивида, отражает процесс развития человека и обеспечивает его возможностями адаптации и адекватной жизнедеятельности в изменяющемся мире. В условиях транзитивного характера украинского социума такая система имеет особое значение, а развитие интеллектуального потенциала посредством непрерывного образования является сегодня одним из перспективнейших направлений.

Решение вопросов в рамках непрерывного образования как принципа развития образовательных систем связано с тем, что одним из параметров, который позволяет проводить анализ уровня сформированности общества интеллекта, является уровень

образованности общества. Поэтому предложенный контекст анализа интеллектуального потенциала — «это путь, способствующий росту образованности и трактующий само непрерывное образование как форму целенаправленной организации развивающегося мышления и деятельности» [362, с.28].

Тем не менее следует иметь в виду, что каждой культуре соответствует свое понимание и содержание образованности. С этой точки зрения образованность в рамках украинской, европейской и американской культурной традиции — принципиально разные виды образованности. В таком различии заключены и разные пути общественного развития как социотехнической системы. Например, украинская культурная традиция и, соответственно, понятие образованности включает не только интеллектуальную составляющую, но и гуманитарно-мировоззренческую, связанную с широтой кругозора, определенной морально-нравственной гуманистической позицией и т. д.

По-видимому, с данной традицией связано появление и активное функционирование на славянском пространстве феномена интеллигенции, который в отечественной культурной традиции рассматривается как особая социальная группа, обладающая качеством интеллигентности. Наиболее распространенным пониманием интеллигентности является ее трактовка как морального, нравственного начала в жизнедеятельности личности при высоком уровне гражданственности и патриотизма, человеколюбия. Данное понимание несколько отличается от формулы, связывающей интеллигенцию исключительно с умственной деятельностью.

На наш взгляд, современные потоки социальных отношений в мире разделили понятия интеллигенции и интеллектуальной элиты, которые различаются скорее не по месту в системе общественного труда, а по своим атрибутивным характеристикам. При этом, по нашему мнению, данные группы не исключают одна другую. Интеллектуальный потенциал и интеллигентность в идеале составляют единство своего проявления, но в реальности часто не обязательно предполагают друг друга. Проблема в данном случае аналогична той, которая возникает при сочетании

ценностей демократии и рынка, которые, стартовав в свое время вместе, сегодня вступают в противоречие друг с другом. Точно так же как интеллект выступает движущей силой прогресса, интеллигентность является хранителем нравственных параметров человеческого бытия.

Очевидно, что интеллектуальные характеристики, наряду с биолого-генетической обусловленностью, детерминируются образовательными процессами, творческим развитием. Интеллигентность имеет аналогичные основания для своего развития, однако связана с иными глубинными процессами в формировании и развитии личности. В этой связи можно говорить о том, что, благодаря данному свойству, ценностно-этический компонент интеллектуального потенциала достаточно сильно развит в Украине.

В результате функционирования интеллигенции и доминирования восприятия социальных процессов сквозь призму соответствующих ей параметров можно говорить о том, что в нашей стране сформирован иной тип интеллекта, чем, например, в американской традиции, для которой характерен его технократический вариант.

В этой связи формирование интеллектуального потенциала украинского общества сталкивается с еще одной проблемой — совмещения «форматов» интеллекта: своего гуманистического типа с его технократическими вариантами, активно насаждаемыми извне. При этом нельзя не учитывать, что «принятие стратегий технологического развития, сформированных в рамках другого культурного уклада, означает истощение креативного потенциала культуры, ее распад вследствие нарушения внутренней логики развития...» [233, с. 43].

Таким образом, критерий образованности является одним из ключевых для анализа интеллектуального потенциала общества, но при этом он имеет свою культурно-историческую «окраску». Естественно, что ведущую роль в содержательно-смысловом наполнении качества образованности играет система образования.

В итоге, очевидно, что проблема формирования интеллектуального потенциала общества является одной из актуальнейших

проблем на современном этапе развития человечества. Исследования показывают, что интеллектуальный потенциал формируется только на базе наявного ресурса и качественной деятельности.

Сам феномен интеллектуального потенциала охватывает несколько основных сфер жизнедеятельности, в которых реализуются различные как деятельностные, так и структурные аспекты. К ведущим факторам его формирования и развития относятся, прежде всего, качество и специфика институциональных форм, таких, как образование и наука, а также кадровая, ресурсная, ценностно-этическая, информационная, результативная и функциональная составляющие.

Ключевым в цепочке компонентов интеллектуального потенциала является кадровый компонент, который связан непосредственно с подготовкой и переподготовкой кадров различного профиля. Поэтому связь кадрового компонента с институциональным обеспечением функционирования интеллектуального потенциала является непосредственной. Следует иметь в виду, что признаками интеллектуального кризиса, который является следствием неготовности социальных акторов реагировать на вызовы современности, является именно потеря высококвалифицированных кадров в сфере науки, образования, культуры и др.

Базовые характеристики интеллектуального потенциала позволяют рассматривать его как индикатор сформированности общества интеллекта, черты которого все больше распространяются в современной матрице мирового социального пространства. При этом «каждый тип общества формирует свой вид интеллектуального потенциала и уровень его развития, который ограничивается экономическими, культурными, социально-психологическими и другими возможностями общества» [189, с. 14].

Следует отметить, что динамика трансформаций в социальной жизни последних десятилетий обозначила несколько негативных тенденций, непосредственно связанных с проблемами формирования интеллектуального потенциала украинского общества. К ним с уверенностью можно отнести тенденции, связанные с миграционными процессами и с кризисом системы образования и науки. За последние двадцать лет значительно снизилось

качество научного потенциала государства и произошло его старение, что, в сущности, повлияло не только на роль и место Украины в мировом сообществе, но и снизило потенциал его дальнейшего развития. Система факторов, детерминирующих данную ситуацию, весьма сложна, но к базовым факторам можно отнести и экономический кризис, приведший к падению престижа научно-педагогической деятельности, и политическую нестабильность, ставшую причиной, прежде всего, разрушения национальной элиты государства и доминирования политико-экономических механизмов над другими, прежде всего, духовными и морально-этическими и др. В результате воздействия макрофакторов значительные изменения последовали и в базовых социальных институтах, которые традиционно формировали и развивали кадровый компонент интеллектуального потенциала.

В конечном итоге, путь к обществу интеллекта лежит через изменение принципов жизнедеятельности социальных субъектов. И если в условиях постиндустриального общества основным «инструментом» его развития являются профессионализм и знания, то для общества интеллекта критической массой выступает интеллект, позволяющий выработать инновационную стратегию общественного развития.

Такая ситуация стала следствием современных трансформаций, которые были рождены, в свою очередь, изменением характера общества индустриального на постиндустриальное. Как один из важнейших результатов этого процесса — интеллектуализация жизнедеятельности социума, повлекшая за собой изменение акцентов в роли социальных групп и ресурсов и выдвижение в соответствии с этим на первый план класса интеллектуалов, а также такого канала его формирования, как образование.

РАЗДЕЛ 2

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТА

2.1. Базовые схемы анализа социальной структуры общества: исторический анализ и эффективность на современном этапе

Изменение ключевых параметров функционирования социальных систем в конце XX — в начале XXI века как результат воздействия нового цивилизационного витка развития стало определяющим в развитии всех элементов и подсистем в обществах нового типа. Динамичность происходящих событий, стремительные перемены во всех сферах современного социума привели к реструктуризации общества, изменению угла анализа происходящих в нем процессов. В нем уже невозможно проигнорировать те вызовы, которые рождены новой социокультурной и экономико-политической составляющими современного развития мирового сообщества, усилением интеллектуальной составляющей в его жизнедеятельности.

Наиболее ощутимые изменения, на наш взгляд, сегодня происходят, в связи с обозначенными тенденциями, в социальной структуре общества, где наблюдаются не просто перемещения между различными социальными позициями и изменение статусов, но и значительная трансформация критериального наполнения принадлежности к ним, изменение самой сущности ключевых элементов социальной структуры и, как следствие, попытки нового теоретического осмысления этих процессов.

Как отмечают специалисты, «двадцатый век стал свидетелем резких изменений в социальной структуре всех обществ, которые в целом модифицировали границы и критерии классового и социального деления, резко расширили средние слои, поменяли «конфигурацию» дифференциации, открыли новые возможности для социальной мобильности» [83, с. 77]. Это позволяет говорить о том, что изменения в сфере социальной структуры являются

индикатором тех трансформаций, которые происходят сегодня в мире в целом, и в Украине в частности. А это значит, что именно изменения в социальной структуре позволяют говорить о степени сформированности черт общества интеллекта и характере интеллектуальных групп как ведущих в обществе такого типа.

За последнее время данные изменения стали ключевыми в условиях тех вызовов, под влиянием которых формируется новый тип общества. И соответственно, адаптированность к новым требованиям становится залогом успеха социальных субъектов, которые значительным образом вынуждены модифицировать не только свои характеристики, но и статусные позиции в целом. Так, «в информационную эру, эру доминирования информационных технологий во всех сферах жизни, утверждает М. Кастельс, складывается новая доминирующая профессиональная структура. Ее образуют три сектора: производство ценностей, производство отношений и производство решений. В каждом из производств аналитически выделяются функционально неоднородные позиции. В производстве ценностей это – стратеги, исследователи, интеграторы, операторы, обслуживающий персонал. В производстве отношений – продуценты сетей, позиции производства пользователей сетей, отключенные от сети. В производстве решений – позиции принимающих решения, участников принятия решений и исполнителей» [Цит. по 153, с. 27]. Данные сектора стали прямым следствием активизации новых групп ресурсов, которые востребованы в условиях глобализации значительно в большей степени, чем раньше.

Конструирование социальной структуры на основе новых ведущих секторов является одним из векторов современности. Данный процесс предопределяет разворачивание процесса декомпозиции в социальной структуре, изменения не только позиций между классами и социальными группами, но и их количественного соотношения.

В этой связи «к весьма существенным изменениям следует отнести гигантское увеличение средних слоев населения, причем в таких масштабах, которые никто из мыслителей XIX века, включая Маркса, не мог бы предсказать. Главная причина

подобного развития, несомненно, связана с научно-техническим прогрессом. Для непосредственного участия в материальном производстве требовалось все меньше трудовых ресурсов, что позволяло переключить растущее число работников на выполнение административно-управленческих функций. Но одновременно происходили социальные изменения, прямо не связанные с технологией... Образовался новый обширный рынок труда для так называемых «белых воротничков»... И наконец, совсем недавно произошло еще одно изменение, имеющее чрезвычайно важное значение. Речь идет о заметном развитии сферы услуг, которое привело к крупному перемещению трудовых ресурсов в сторону соответствующих профессий и которое по своему значению может быть приравнено к «революции белых воротничков» [45, с. 72–73].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что именно социальная структура современных обществ испытала на себе наибольшее влияние вызовов современности и подверглась серьезным трансформациям. По мнению Т. И. Заславской, «изменение социальной структуры одновременно отражает как итоги закончившегося, так и «стартовые условия» предстоящего этапа преобразований» [120, с. 4]. Именно поэтому взгляд на нее важен для анализа «старых» и «новых» социальных групп, классов, общностей; их позиций в условиях общества интеллекта, того потенциала, который они несут в себе. Наиболее оптимальным, на наш взгляд, является при этом опора на ее традиционные функциональные возможности.

Специалисты выделяют четыре базовые функции социальной структуры общества [119, с. 142–143].

Во-первых, она более или менее стабильно закрепляет крупные сферы жизнедеятельности за столь же крупными категориями социальных субъектов, воспроизводящимися преимущественно на собственной основе (такими, как крестьяне, индустриальные рабочие, массовая интеллигенция, чиновники, ученые, военные и др.). Стабильная социальная структура способствует трансляции от поколения к поколению необходимых для соответствующих видов деятельности знаний, навыков, способов поведения,

образов жизни, тем самым легитимируя разделение труда, составляющее основу любого общества.

На наш взгляд, в условиях происходящих изменений — расширения сферы услуг, усиления интеллектуальной составляющей в деятельности социальных субъектов, активизации роли сознания и др. — данная функция сталкивается с проблемой кристаллизации новых видов деятельности в значительно большей степени интеллектуализированных и закрепления за их представителями позиций в обществе. Наряду с этим изменились и механизмы преемственности, а в некоторых сферах профессиональной деятельности они практически разрушились, и это также является особенностью нынешнего этапа развития социальной структуры, в том числе и украинского общества.

Во-вторых, эта структура обеспечивает соответствие между сложностью, ответственностью и качеством выполнения социальных ролей, с одной стороны, и уровнем социальных статусов исполняющих эти роли субъектов — с другой. Наличие этого соответствия стимулирует деятельность субъектов, связанную с повышением образования и квалификации, освоением более сложных видов труда, улучшением качества работы.

Но в современных условиях, по нашему мнению, социальные роли и статусы сами претерпевают серьезные изменения, а в результате представления о повышении квалификации также серьезно трансформируются. Наряду с этим нельзя не учитывать и тот факт, что социальные институты не всегда успевают отвечать на вызовы современности, что коренным образом ограничивает возможности реализации этой функции социальной структуры.

В-третьих, относительно открытая социальная структура общества обеспечивает возможность социальной мобильности, то есть перемещения индивидов между ролями и статусами, создает условия для восходящей карьеры, перехода в более высокие престижные слои. Это открывает возможность лучшего удовлетворения личных потребностей и самореализации индивидов и одновременно делает общество более динамичным, повышает его способность отвечать на новые вызовы.

Сегодня проблемой в реализации этой функции является, на наш взгляд, «хаотичность» мобильности в связи с отсутствием четких критериев и «правил игры» в рамках отечественной социальной структуры: система выгод, которые может получить социальный субъект при перемещении в рамках социальной структуры, нестабильна.

В-четвертых, восприятие большинством граждан социальной структуры общества как относительно справедливой и легитимной содействует культурной интеграции, развитию социальной терпимости, партнерских отношений между группами и слоями, формированию общих норм-ценностей, единого языка.

К сожалению, в современных условиях реализация этой функции крайне затруднена, так как социальная структура подверглась серьезным изменениям в процессе трансформации общества в целом. В результате этих изменений далеко не все оказались в «выигрыше», и поэтому стабилизация и легитимация социальной структуры — одна из перспективных задач, которые предстоит решать украинскому обществу.

Несмотря на специфические проблемы, существующие сегодня в процессе реализации социальной структурой украинского общества своих функций, нельзя проигнорировать тот факт, что «оптимальная социальная структура общества призвана обеспечивать:

а) относительное равенство возможностей или жизненных шансов граждан реализовать свои способности;

б) меритократический принцип распределения доходов, материальных и социальных благ, поощряющий более сложные, ответственные и эффективные виды деятельности;

в) относительную свободу личного выбора индивидами траекторий движения в социальном пространстве, свидетельством которой служит достаточно интенсивная профессиональная, должностная и территориальная мобильность, в том числе восходящая мобильность представителей нижних и средних слоев;

г) достаточную свободу акторов в выполнении социальных ролей, возможность реализации их творческих замыслов, во всяком случае в более сложных областях деятельности.

Если вверх поднимаются преимущественно одаренные, компетентные, деятельные и творческие личности, а в низах остаются люди с ограниченными способностями, низким уровнем образования, безразличным отношением к труду, склонностью к пьянству и другим социальным порокам, то это говорит о функциональности социальной структуры. Если же высшие позиции занимают ловкие и беспринципные люди, не гнушающиеся ни аморальными, ни противоправными методами карьерного продвижения, в то время как профессионалы и специалисты занимают нижние ступени общественной иерархии, то это значит, что социальная структура дисфункциональна и тормозит развитие общества» [119, с. 142–144]. На наш взгляд, именно последняя тенденция и характерна для Украины на современном этапе. Однако с течением времени, со стабилизацией системы социальных отношений в обществе, с усилением черт формирующегося общества интеллекта социальная структура украинского общества приобретет функциональный характер.

Одним из спорных вопросов, обусловленных, с одной стороны, историческим прошлым нашего общества, а с другой — тенденциями развития западных постиндустриальных обществ, является вопрос о перспективах функциональности в Украине классового и стратификационного подходов. Ведь это альтернативные и в то же время дополняющие друг друга методы оценки социальных неравенств, характер и содержание которых определяют типы обществ. Это означает, что изменение базовых характеристик общества непосредственно сказывается и на системе организации социального взаимодействия между социальными субъектами, и та или иная схема его анализа приобретает большую действенность. Однако, по нашему мнению, анализ отдельных социальных групп, в том числе и элитных, предполагает выбор того или иного подхода для эффективного исследования. Поэтому прежде, чем приступить к исследованию ведущих в обществе интеллекта групп, следует взвесить все преимущества и недостатки классового и стратификационного подходов к анализу социальной структуры.

До недавнего времени к анализу социальной структуры украинского общества применялся классовый подход, который

основан на глубокой традиции исследования классов. Один из исследователей учения о классах С. Солнцев [304] начинает историю становления учения о классах с Франции XVIII–XIX вв. и анализирует в его рамках три течения. Первое – взгляды энциклопедистов и физиократов Ж. Мелье, Ф. Вольтера, Г. Реиналя, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, К. Гельвеция, Ф. Кенэ, Г. Мабли, П. Гольбаха. Общим для них принципом служило убеждение в том, что в основе образования классов лежит процесс распределения прибавочного продукта. Это учение получило название распределительной теории классов. Классообразующим признаком в ней выступает источник доходов. Так, ее представитель Ж. Мелье относил к классу богатых феодальную знать, духовенство, банкиров, откупщиков и др., а к другому классу – крестьянство. Согласно Г. Мабли, собственность разделяет людей на два класса – богатых и бедных. Физиократы во главе с Ф. Кенэ считали, что прирост богатства происходит не в сфере обращения, а в сфере производства, но производительным является лишь сельское хозяйство. Отсюда – деление общества на классы: производительный (фермеры и наемные сельскохозяйственные рабочие), бесплодный (купцы, промышленники, ремесленники), класс собственников-землевладельцев.

Позже эта теория получила распространение и в других странах, поэтому кроме французов к создателям распределительной теории С. Солнцев относил В. Чернова, М. Туган-Барановского, С. Прокоповича, К. Каутского.

Второе направление во Франции сформировалось под влиянием идей Р. Кантильона, Ж. Неккера, А. Тюрго и Н. Ленге, получив название теории производственных классов. Классообразующим критерием в ней являются производственные отношения. Эта теория также получила международное признание и вскоре была взята на вооружение марксистами. В ее развитии в XIX–XX вв. принимали участие К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Богданов, В. И. Ленин и др. В их трактовке классы, как правило, экономически, а часто и политически, противопоставлены друг другу через отношения принуждения и эксплуатации, имеют разные, часто противоположные интересы и способны бороться за их

реализацию, в том числе путем радикального изменения общественного устройства.

Особое место в марксистской концепции классов занимает определение, данное В. И. Лениным в работе «Великий почин». Под классами он понимает большие группы людей, выделяемые «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [185, с. 15].

Марксистская традиция в изучении классов в целом стала органичным продолжением тех разработок, которые велись в данном направлении. При этом можно отметить, что один из ее родоначальников — К. Маркс — наряду с такими элементами социальной структуры, как классы, не отрицает наличия множества промежуточных слоев, создаваемых разделением общественного труда. Среди промежуточных классовых образований он называет группы чиновников и людей умственного труда, квази-классовые образования крестьян, ремесленников и лавочников, классовые фрагменты люмпен-пролетариата и др.» [208, с. 46, 76–78; 207, с. 963–964]. Данный факт, с нашей точки зрения, важен для понимания естественной смены на определенном этапе общественного развития классовой системы анализа стратификационной.

Третье направление в исследовании классов, по мнению С. Солнцева, представлено французскими социалистами-утопистами во главе с А. Сен-Симоном. К этой группе он относит также взгляды Б. Анфантэна, Ш. Фурье, Л. Блана, П. Леру, П. Прудона, П. Видаля и др. Основное внимание в этом направлении уделялось истории классовой борьбы. В рамках этого подхода А. Сен-Симон делил общество на два класса: 1) «индустриалы», куда входила интеллигенция (ученые), буржуазия (промышленники) и рабочие (пролетариат); 2) паразитический класс тунеядцев. А. Сен-Симон

не выделял рабочий класс из общего класса промышленников, куда включалась и буржуазия.

Очевидно, что базовым критерием выделения классов при таком подходе выступает «полезность» для общества. При этом различия между характером труда, эксплуатации и другими параметрами, рассматривавшимися ранее в качестве классовобразующих, не принимались во внимание.

Следующий этап в развитии идеи общественных классов представляет деятельность Парижского социологического общества начала XX века, в котором принимали участие Р. Вормс, Ж. Лафарг, Е. де Роберти, М. Ковалевский и др. В рамках данного направления Р. Вормс предлагал понимать под социальным классом совокупность индивидов, ведущих одинаковый образ жизни, имеющих в силу одинаковости своего положения одинаковые стремления и одинаковый образ мыслей. Классы, по его мнению, выделяются по богатству, власти, престижу, воспитанию, образу жизни и т. д. В целом он понимал класс как единство двух измерений — профессии и социального ранга, отдавая, вместе с тем, предпочтение второму [304].

Р. Вормс отмечал, что один класс образуют лица с одинаковым социальным рангом: хозяева, директора и офицеры составят высший класс, а солдаты, мелкие служащие и рабочие — низший класс и т. д. Однако один человек входит в две социальные группы — в горизонтальную (профессия) и вертикальную (ранг).

Аналогичные основания для выделения классов использует и М. Ковалевский, определяя в социальной структуре России городской и сельский пролетариат, крестьян-общинников, сельское духовенство, мелких собственников, купцов и промышленников.

Следует отметить, что созданная усилиями перечисленных выше авторов теория получила название теории классов на основе социальных рангов и была представлена в том числе и на международных социологических конгрессах (Париж — 1903 г., Лондон — 1906 г.) в докладах об историческом развитии классов и сословий русских социологов М. Ковалевского, Е. де Роберти, И. Лучицкого.

Кроме указанных специалистов, С. Солнцев относит к числу создателей данной теории также Л. Пирара, Л. Штейна и Г. Ландтмана.

На наш взгляд, именно в рамках этого направления наиболее полно используется система классовоопределяющих признаков, выходящая за рамки исключительно экономических отношений. И, по-видимому, именно это направление можно считать теоретическим источником стратификационного анализа общества.

По нашему мнению, в рамках этого аспекта анализа социальной структуры работали и ряд других ученых. Среди них можно назвать Густава Шмоллера, который выдвинул многокритериальную теорию классов (профессия, место в системе разделения труда, доход, собственность, образование, политические права, психология, раса); Вернера Зомбарта, разработавшего теорию исторических наслоений, в которой класс – слепок хозяйственного уклада соответствующей эпохи. В Великобритании теорию общественных классов развивали А. Смит, Т. Пэн, Т. Сиенс, В. Годвин, Д. Рикардо, Дж. Милль и др.

Английский социолог Герберт Спенсер, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии, находил в обществе три крупных класса: низший, средний, высший. Низший класс, по его мнению, выполняет функции поддержания жизни общества путем добывания материалов для пищи и изготовления ее; средний класс занят доставкой этих продуктов, их покупкой и продажей (они выполняют функции сосудистой системы у животных); высший класс – руководящий, определяет стратегию развития общества.

Наряду с рассмотренными выше подходами к выделению классов, нельзя не остановиться на вебериянской традиции. Именно М. Веберу, наряду с К. Марксом, по мнению О. Д. Куценко, удалось открыть и описать основные смысловые характеристики явления класса, «которые постоянно переоткрываются и переинтерпретируются современными исследователями» [173, с. 43].

М. Вебер дает следующее определение классу: ««Класс» – это любая группа людей, имеющих один и тот же классовый статус. Можно выделить следующие типы классов: а) класс как «класс

собственников», в котором классовый статус индивидов детерминирован прежде всего дифференциацией размеров владений; б) класс как «стяжательный класс», в котором классовая ситуация индивидов детерминирована прежде всего их возможностями эксплуатировать услуги на рынке; в) класс как «социальный класс», структура которого состоит из разнообразного множества классовых статусов, между которыми вполне возможно или наблюдается как типичный факт взаимное изменение индивидов, происходящее на персональной основе или в рамках нескольких поколений. На базе любого из этих трех типов классовых статусов могут возникать и развиваться ассоциативные отношения между теми, кто разделяет одни и те же классовые интересы, например, корпоративный класс» [61, с. 99].

Вебер считал возможным говорить о «классе», если соблюдается несколько условий: 1) определенная совокупность людей имеет общий специфический компонент их жизненных шансов; 2) такой общий компонент образуется исключительно на основе экономических интересов в плане обладания благами или возможностями получения дохода и 3) эти шансы реализуются в условиях рынка товаров и рынка труда.

Соблюдение этих условий конституирует то, что Вебер называет «классовой ситуацией», являющейся, по сути, «рыночной ситуацией», что означает наличие возможностей реализации своего экономического интереса, обеспечение себя материальными и социальными благами. Члены одного класса, по мнению М. Вебера, разделяют общие жизненные шансы, предоставляемые рынком в соответствии с ресурсами, с которыми индивиды выходят на рынок для обмена, и эти ресурсы могут существенно варьировать. Одним из основных ресурсов, безусловно, является собственность, которую индивид может (ибо имеет) или не может (ибо не имеет) представить на рынке. Однако такими ресурсами являются не только собственность, но и умения, навыки, квалификация, услуги, образовательные ресурсы и тому подобное.

Очевидно, что в данной схеме понятие класса выходит за рамки процесса производства. Фактически ученый рассматривает класс как комбинацию факторов, включающих источник дохода,

уровень дохода и степень власти, ответственности и влияния, которыми обладают люди в обществе.

Таким образом, наш анализ показал, что концепция классов, стартовав от экономических критериев деления общества в XVIII веке, в первой половине XX века пришла к многокритериальной парадигме, в которой, наряду с экономическими, активно включены образовательные, профессиональные, культурные и другие критерии для выделения классов. На наш взгляд, такие изменения в осмыслении сущности классов связаны с изменением самого общества с индустриального на постиндустриальное: в первом производстве, экономические механизмы и институты доминируют, а во втором — они становятся рядоположенными с другими сферами деятельности и социальными механизмами.

Современный этап развития классовой парадигмы основывается на новых характеристиках общества поздней современности со свойственными ей потоками глобализации и радикализацией действий социальных субъектов.

Естественно, что переход к новой классовой парадигме происходил постепенно, и различные методологические подходы смогли реализовать свой потенциал в изучении классов. Прежде всего, это функциональный подход. По мнению О. Д. Куценко, «функциональный подход подчеркивал объективность явления класса, определяемого структурой профессий и занятости; конфликтный — акцентировал внимание на классовом сознании... Функциональный подход, господствовавший с 50-х до начала 70-х годов в изучении проблем неравенства и стратификации, утверждал представление о стабильности социальной стратификации и росте согласия между классами в современном индустриальном обществе. Основными методами измерения класса, которые использовались данным направлением, были методы репутационного и градационного анализа, то есть построения шкал профессионального престижа или статуса. В основе метода лежало Веберовское представление о статусе, а также о том, что индивиды в современном обществе вполне могут быть классифицированы на основании факторов профессии, образования,

религии или этничности. Ключевым тезисом стало утверждение профессиональной позиции как наилучшего индикатора в описании класса [173, с. 146–147].

В методологических рамках структурного функционализма (Т. Парсонс, С. Липсет и Р. Бендикс, П. Блау и О. Данкен, Р. Ходж и др.) и советской версии марксизма была выявлена, прежде всего, важность исследования объективных социальных позиций и структур ресурсов, способных определить логику социальных действий людей.

В XX веке получил развитие и подход, связанный с широким спектром парадигм от неомарксизма и неовеберианства до конструктивистской социологии, который сместил методологический акцент от принятия элементов социальной структуры как данности к анализу процессов их формирования под влиянием деятельности людей и институтов (Р. Дарендорф; Дж. Локвуд; Э. Гидденс, Ф. Паркин; Н. Пулантзас и др.).

На пересечении данных подходов уже к концу 1970-х годов в социологии наметились попытки их теоретического синтеза, рассмотрения их отдельных идей и выводов как дополняющих друг друга. Такое стремление к синтезу получило воплощение в теориях класса как социального отношения (Р. Эриксон и Дж. Голдторп, Р. Эванс и Дж. Келли, Г. Маршалл, Э. Райт и др.) и, особенно, в конструктивистско-структуралистском понимании класса, прежде всего — в версии П. Бурдьё.

Середина и конец XX века стали периодом активных попыток модификации теории общественных классов. Одним из основных ее направлений стало расширение критериев их выделения за счет различий в трудовой ситуации, жизненных шансах, квалификации, образовании и др. Во внимание стали приниматься не только уже сформировавшиеся структуры, но и структуры формирующиеся, системы социального действия; «не только текущее положение индивидов (групп) на разных позициях, но и «потенциал» этих позиций — перспективы социального продвижения, которые они «обещают»...» [119, с. 145]. В. Добреньков и А. Кравченко подчеркивают, что «в узком значении класс — любая социальная страта в современном обществе, отличающаяся от

других доходом, образованием, властью и престижем. Они появились только при капитализме и знаменуют собой переход от закрытого к открытому обществу» [105, с. 47]. П. Бергер определяет класс как группу «людей, привилегии которой проистекают из ее роли в производственном процессе и которую отличают общие интересы и общие культурные особенности; классовое общество – это такое общество, в котором доминирует классовая форма стратификации» [45, с. 66]. П. Бергер убежден, что называться классом имеет право только четко различимая группа людей, которым присущи некоторые общие культурные особенности, а конкретный уровень дохода сам по себе еще не определяет класс. Дж. Голдторп разворачивает целую схему классов, основываясь на форме занятости, характере труда, сфере деятельности (см. рис. 2.1). Это позволяет ему выделить одиннадцать классов современного общества (см. табл. 2.1).

На наш взгляд, по своей форме классовая структура, предложенная Дж. Голдторпом, с учетом возможностей ее сворачивания до семиклассовой и пятиклассовой, отдаленно напоминает марксову концепцию с основными классами и межклассовыми образованиями. Наряду с этим в концепции Дж. Голдторпа, в отличие от его предшественников, уже четко позиционированы те социальные группы, которые усиливают свое влияние в обществе интеллекта.

Таким образом, эволюция классового подхода к анализу социальной структуры привела не только к разнообразию критериев выделения классов, но и четкому выделению новых классовых образований.

Следует отметить, что сама категория «класс» на сегодняшний день охватывает несколько предметных областей: «на первом, самом низком уровне, данное понятие употребляется как номинальная категория. В целях объединения индивидов в одну, более или менее гомогенную категорию, производится весьма рутинная классификация индивидов на основании какого-либо одного измерения стратификации: дохода, престижа профессий, социально-экономического статуса. Здесь класс не определяется на основании классовых связей, а о природе социального неравенства

Основные классовые позиции						
Работодатели		Самозанятые		Наемные работники		
Крупные		Мелкие		Форма регуляции занятости		
I	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность	Служебные отношения	Промежуточная	Трудовой
				Профессионалы, технические специалисты, управленцы	Рутинный, не-физический труд	Техники, руководители нижнего уровня в сфере физического труда
IVa	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность	Высший уровень	Высший уровень	Промышленн
				Высший уровень	Высший уровень	
IVc	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство	II	IIIa	V
				I	IIIb	
IVb	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность	IIIa	IIIb	VI
				IIIb	IIIb	
IVc	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство	IIIa	IIIb	VI
				IIIb	IIIb	

Рис. 2.1. Разворачивание схемы классов Дж. Голдгорпа

Классовая схема Дж. Голдторпа [381, р. 38–39]

Полная версия	Семиклассовая версия	Пятиклассовая версия
I. Высокодипломированные профессионалы, административные и государственные чиновники, менеджеры в крупных учреждениях, крупные собственники	I. + II. Служебный класс: Профессионалы, администраторы, менеджеры, высокообразованные технические специалисты	I. – III. Служащие
II. Дипломированные профессионалы, администраторы, государственные служащие, менеджеры не крупных промышленных предприятий		
III.а Высокообразованные служащие рутинного труда (управление, коммерция)		
III.б Малообразованные служащие рутинного труда (продавцы, обслуживающий персонал)	III. Промежуточный класс: Служащие в администрировании и коммерции, рядовые служащие	
IV.а Мелкие собственники, ремесленники и т. п., имеющие работников	IV.а+б Мелкая буржуазия: Мелкие собственники и ремесленники с и без работников	IV.а+б Мелкая буржуазия
IV.б Мелкие собственники, ремесленники без работников		
IV.с Фермеры, мелкие «держатели», самозанятые в первичном производстве	IV.с Фермеры: Самозанятые работники в первичном производстве	IV.с + VII.б Сельскохозяйственные работники
V. Малообразованные техники, бригадиры	V. + VI. Квалифицированные рабочие: техники, бригадиры, квалифицированные рабочие	V. + VI. Квалифицированные рабочие
VI. Квалифицированные рабочие		
VII.а Полу- и неквалифицированные рабочие (не в с/х)	VII.а Неквалифицированные рабочие (не в с/х)	VII.а Неквалифицированные рабочие
VII.б Сельскохозяйственные и другие рабочие в первичном производстве	VII.б Сельскохозяйственные рабочие	

никто не спрашивает. Тем не менее такого рода классовый анализ полезен для описания и объяснения отличий в аттитюдах и образцах поведения. На втором уровне понятие «класс» используется для обозначения сообщества людей, для которых близкими являются некоторые элементы их положения в экономической сфере... Третий и наивысший уровень теоретических притязаний понятия «класс» — структурная теория неравенства, определение классов в терминах эксплуатации» [153, с. 21–22).

Тем не менее, несмотря на многоуровневые возможности использования категории «класс», адаптированность ее содержания к условиям современных обществ, однозначного лидерства при изучении социальной структуры, по нашему мнению, классовый подход сегодня не имеет, хотя дискуссия на эту тему не закрыта. Например, П. Бергер убежден, что «в условиях индустриального капитализма класс постепенно вытесняет все остальные формы стратификации» [45, с. 68]. Аналогичную позицию занимает и В. Култыгин, который отмечает, что «понятие класса — это самый важный компонент при анализе стратификации в индустриальных обществах» [170, с. 129].

Однако оппоненты такой точки зрения утверждают, что «в постиндустриальный период под влиянием глобальных тенденций все усложняющаяся система стратификации и неравенства становится бесклассовой» [153, с. 15].

Если более пристально посмотреть на приведенные позиции, то можно увидеть, что их различия, на наш взгляд, — ложные: аргументы за классовую структуру общества приводятся в рамках индустриального общества, а в пользу бесклассового — в рамках постиндустриального. В первой главе мы уже анализировали различия между данными типами общества, обращение к которым еще раз подтверждает тот факт, что социальная структура при переходе от одного типа общества к другому претерпевает серьезные изменения. Это позволяет утверждать, что процесс формирования общества интеллекта стимулирует и изменения в социальной структуре социума. Проблему, с нашей точки зрения, может составить лишь отнесение конкретного общества к тому или иному типу.

На сегодняшний день в Украине можно наблюдать многие признаки перехода к постиндустриальному обществу: происходят изменения в структуре занятости, характере ключевых ресурсов и, как следствие, — включение в аналитические схемы описания социальной структуры различных оснований выделения социальных групп. Кроме того, на наш взгляд, нет оснований говорить об идентичности больших групп людей в отношении их места в общественном производстве, а также их жизненных шансов. В таких условиях широкими познавательными возможностями обладает именно стратификационный подход к анализу социальной структуры.

Как отмечает Т. И. Заславская, «понятие социальной стратификации, в отличие от классовой структуры, не привязано к конкретной сфере общества. Оно относится к положению индивидов и групп на шкале иерархических статусов в экономической, политической, социальной и культурной областях. Причем теории социальной стратификации рассматривают систему общественных неравенств скорее как непрерывную, чем как дискретную, что позволяет использовать более дифференцированные шкалы...» [119, с. 148].

Тенденция ухода от единого критерия в рассмотрении социальной структуры общества, которая стала атрибутом стратификационного подхода к ее анализу, наметилась, как отмечалось нами ранее, именно в поздних модификациях классового подхода. Данный факт даже способствовал кристаллизации нескольких типов теорий стратификации в современной западной социологии [170, с. 128]: Марксова теория стратификации; Веберовская теория и концепция Э. Райта.

В результате произошло смешение классового и стратификационного подходов, или, как утверждают некоторые авторы, их наложение, что, по нашему мнению, является следствием переходного состояния большинства обществ от индустриальной к постиндустриальной стадии. Следствием таких тенденций в изучении социальной структуры общества стала активизация поисков новых познавательных границ и преимуществ, прежде всего, классового подхода; усиление критики в его адрес и поиск ограничения

применения в том числе в тех или иных типах обществ. В рамках первого направления исследователи активно разрабатывали всю систему преимуществ, сравнивая ее с более ранними вариантами социальной структуры. Так, В. Култыгин обращает внимание на четыре отличия классовых систем от рабства, каст и сословий:

1) классовые системы гибки и изменчивы. В отличие от других типов страт, классы не устанавливаются с помощью юридических или религиозных процедур. Границы между классами никогда не являются застывшими и четко очерченными;

2) в значительной степени классовые позиции открыты для их достижения. Принадлежность индивида к классу не дается просто при рождении, как это происходит в других типах стратификационных систем. Социальная мобильность, то есть движение вверх и вниз, в классовой структуре значительно более распространена, чем в других типах структур;

3) принадлежность к классу обоснована экономически. Классы зависят от экономических различий между группами индивидов, от неравенства в обладании материальными ресурсами. В других же типах стратификационных систем наиболее важное значение имеют неэкономические факторы (например, религия в индийской кастовой системе);

4) классовые системы крупномасштабны и имеют обезличенный характер. В других типах стратификационных систем неравенство выражено, прежде всего, в персонализированных отношениях долга или обязанности — между крепостным и дворянином, рабом и рабовладельцем, представителями высших и низших каст. В отличие от этого классовая система действует, главным образом, посредством безличных крупномасштабных ассоциаций, например, одно из главных оснований классовых различий — это неравенство в оплате и условиях труда [170, с. 129].

На некоторые из перечисленных особенностей обратил внимание и П. Бергер: «система стратификации, основанная на классах, представляется более открытой, чем другие (например, кастовая система индусов), поскольку предоставляет лучшие шансы для передвижения из одной страты в другую» [45, с. 67].

Очевидно, что те преимущества, которые обрисовываются для классовой модели социальной структуры, приводятся по отношению к более ранним вариантам структурирования общества. Однако классовая схема, несмотря на новые подходы, не готова, на наш взгляд, адекватно реагировать на вызовы современности. С их учетом недостаточно опираться на систему экономических отношений даже дополняемых другими параметрами. Вызовы современности значительно дифференцируют стратегии поведения социальных субъектов, делая невозможным разговор о таких крупных, стабильных элементах социальной структуры, как классы. Именно поэтому категория «класс», которая занимает центральное место в большинстве теорий стратификации, должна восприниматься здесь как одна из многих категорий, но не более того, что предполагает определенный потенциал ее использования в условиях стабилизации общественных отношений при переходе к обществу интеллекта. Ведь данный переход связан с качественным изменением в механизмах взаимодействия социальных субъектов, трансформацией роли социальных институтов в обществе. С нашей точки зрения, от понятия «класс» нельзя полностью отказываться при анализе социальной структуры, поскольку оно может использоваться в широком значении для описания широких вариаций неравенств в современных обществах. Например, О. Д. Куценко называет семь оснований таких неравенств [173, с. 84]:

1. Экономическое основание, факторы собственности и эксплуатации. Определяет классы эксплуатирующих и эксплуататоров, собственников и несобственников на землю, предприятия, профессиональную практику, бизнес, ликвидное имущество, человеческие ресурсы и рабочую силу.

2. Организационно-политическое основание. Позволяет выделить классы, обладающие и не обладающие властью в обществе, социальных общностях и организациях, партиях, также по фактору политического лидерства.

3. Основание занятости. Выделяет классы по участию в разделении общественного труда, характеру занятости.

4. Культурно-символическое основание. Расщепляет классы по практикам потребления, «хорошим манерам», жизненному стилю, престижу, репутации, этнической и религиозной «чистоте».

5. Социальное основание. Обосновывает выделение классов по доступу к высокостатусным социальным сетям, «социальным галстукам», ассоциациям и клубам, членству в общественных объединениях.

6. Гражданское основание. Обосновывает классы по гражданским, политическим, социальным, экономическим правам.

7. Личностное основание, «человеческий капитал». Разделяет классы по умениям, специальным знаниям, опыту и навыкам работы, формальному образованию, знанию.

Однако, на наш взгляд, в условиях социальных трансформаций аналитические возможности классового подхода ограничены, в том числе и потому, что стратегии деятельности внутри классовых образований значительно дифференцируются в силу различных адаптационных, инновационных и иных потенциалов социальных субъектов. Переход же к обществу интеллекта также предполагает трансформацию социальных отношений, а значит, в процессе его формирования классовый подход имеет серьезные ограничения в применении.

В данном случае мы согласны с позицией Т. И. Заславской, в соответствии с которой «теория социальной стратификации имеет преимущества при изучении обществ с более размытой и латентной структурой, где классовые антагонизмы не являются главным, определяющим фактором общественной жизни... В таких обществах, где прежняя структура разрушена, а новая находится в стадии становления, стратификационный подход к анализу социальных неравенств имеет преимущество перед классовым, ведь он применим к любому обществу, независимо от его состояния. Не случайно в современной социологии решительно преобладает именно этот подход» [119, с. 149].

Традиция его реализации в нашей стране связана как с исследованиями западных ученых, так и отечественных. Например, анализируя социальную структуру в СССР в 1950 г., Алекс Инкельс

обнаружил многослойную стратификацию, выделив в ней следующие группы населения:

1) правящую элиту — небольшую группу, состоящую из высокопоставленных партийных, правительственных, хозяйственных и военных чиновников, а также известных ученых, отмеченных властью артистов и писателей;

2) высшую прослойку интеллигенции, которую составляли промежуточные по своему статусу слои, включенные в перечисленные выше категории людей, с добавлением наиболее важных представителей технических специалистов;

3) массовую интеллигенцию или интеллигенцию в целом, состоящую из большинства групп профессионалов, бюрократии среднего уровня, менеджеров небольших предприятий, младших офицеров армии, техников и т. д.;

4) «белые воротнички», которые в СССР называются просто служащими (бухгалтеры, кассиры, клерки, нижние чины руководителей и т. д.);

5) рабочий класс, подразделяющийся на:

— «аристократию», то есть наиболее квалифицированных и хорошо работающих рабочих;

— рядовых рабочих, имевших среднюю квалификацию и среднюю зарплату;

— отстающих рабочих, по разным оценкам составлявших около одной четверти рабочей силы. Они имели низкий уровень квалификации, минимальный размер заработка, были безынициативны и плохо работали.

б) крестьянство, которое по сравнению с рабочими являлось относительно более гомогенной группой, однако также подразделялось на несколько подгрупп... [Цит. по 105, с. 131–132].

Интерес в данном случае представляет дифференциация такой группы, как интеллигенция, которая в традициях классового подхода рассматривалась как прослойка. Предложенная А. Инкельсом модель стала одной из первых, в рамках которой было продемонстрировано, что, во-первых, представители умственного труда с середины XX века заняли устойчивые позиции в социальной структуре, в том числе и советского общества.

А, во-вторых, что эти позиции, так же, как и позиции других общностей, дифференцируются внутри себя. Эти два положения, на наш взгляд, имеют принципиальное значение для понимания особенностей трансформаций социальной структуры общества в условиях формирования общества интеллекта.

Отечественная традиция изучения социальной структуры представлена исследованиями О. Шкаратана, В. Шубкина, Ю. Арутюняна, Ф. Филиппова, М. Руткевича, Л. Гордона, Т. Заславской, Р. Рывкиной, Н. Аитова, Л. Когана, С. Кугеля, В. Семенова и других авторов, в которых доказана многомерность социальной стратификации, рост значения профессиональных, образовательных и иных иерархий в индустриальном обществе советского типа. Так, Ю. В. Арутюнян еще в начале 70-х годов аргументировал, что в современном обществе социально-профессиональная группа является первичной основой социальной структуры. Т. И. Заславская подробно анализировала стратификационную силу факторов отношения к средствам производства, роли в общественной организации труда, в том числе сложности труда, доли получаемого общественного богатства в приложении к советскому типу общественных отношений.

Следует отметить, что с изменением нашего социума эволюционировали и принципы анализа его социальной структуры. Так, в конце 80-х Т. И. Заславская при анализе отношения различных групп и слоев общества к перестройке исходила из общепринятой схемы, детализируя ее по слоям и выводя настроения и возможности политического действия из особенностей их социально-экономического положения. Через десять лет она подходит к структуре того же самого советского общества совершенно иным образом: «В стратификации советского общества решающую роль играл политический капитал, определявшийся местом общественных групп в партийно-государственной иерархии» [121, с. 7]. При анализе современной социальной структуры Т. И. Заславская делает акцент на тот потенциал, который несут в себе социальные субъекты. Исследования этого ученого являются наиболее фундаментальными; в их рамках можно проследить эволюцию концептуального осмысления социальной структуры

советского и постсоветских обществ, опираясь на те процессы, которые в них протекали. Т. И. Заславская стремится не только изучить социальное расслоение, но и выявить основные социальные механизмы, социальных акторов трансформационного процесса, их реформаторский потенциал. Ее авторская теоретическая модель близка позициям структурного функционализма; вместе с тем в отдельных аспектах сочетается с идеями марксизма, конструктивного постструктурализма (прежде всего, в использовании категории потенциала как первичной в определении структурных позиций социальных групп), в последние годы активно дополняется деятельностным подходом к анализу.

Такие позиции, по нашему мнению, в общем виде отражают эволюционное развитие классового подхода с «перетеканием» в стратификационный, особенно в условиях переходных обществ, в которых радикально изменяются социальные институты и социальные механизмы, трансформируется иерархия базовых ресурсов и ценностей.

Тем не менее стратификационный подход к анализу социальной структуры постсоветских обществ не стал однозначно воспринятым со стороны ученых. В последнее время предпринимаются попытки модернизировать классовую теорию и применить ее новые версии к анализу постсоветских обществ. Например, В. И. Ильин предлагает модернизировать структуралистскую парадигму путем разведения, с одной стороны, классовых позиций, а с другой — придерживающихся их индивидов. Он считает, что классовая позиция человека — это не «кожа», а только «одежда», которую в принципе можно сменить. При таком подходе единицей анализа становится не индивид, а классовое поле, рассматриваемое, во-первых, как поле возможностей, во-вторых, как силовое поле, навязывающее попавшим в него индивидам определенную логику поведения. Границы между классовыми полями прочерчиваются, по мнению В. Ильина, во-первых, наличием или отсутствием капитала и, во-вторых, его характером. Социально-классовое пространство современного общества разделяется по этим критериям на четыре сегмента: 1) поле рабочего класса (отсутствие капитала); 2) поле буржуазии (экономический капитал);

3) поле традиционного среднего класса (квалификационный капитал) и 4) поле нового среднего класса (сочетание квалификационного и экономического капиталов). Составляющие общество индивиды могут испытывать влияние как одного, так и нескольких классовых полей, а также перемещаться между разными полями... [134].

О. Д. Куценко также отмечает, что «концепт «класса» остается наиболее организующим и гносеологически продуктивным в понимании стратификационных процессов, внутренней динамики современного общества. Данный концепт имеет многообразные намерения, но, так или иначе, как отмечают Д. Эванс и С. Миллс, это аналитическая конструкция для описания родового феномена современного общества, отражающая широкие контуры социальных неравенств» [173, с. 43]. При этом она предлагает рассматривать «социальный класс как разновидность социальных акторов, аккумулирующих социальную силу в пространстве общественных отношений, которая возникает из неравно распределенных в полях социального пространства деятельностно-структурных потенциалов, приобретает устойчивость, консистентность, пространственно-временную определенность и способность активно влиять на общество. Именно такая логика обуславливает актуальность классового анализа трансформирующегося общества» [174, с. 123].

В аналогичном направлении ведут свои разработки и некоторые западные ученые. Например, анализируя современное капиталистическое общество, Р. Милибанд выделяет два основных класса: тех, кто владеет и контролирует, и тех, кто работает. Между этими двумя полярными классами он находит два промежуточных элемента «среднего класса»: один состоит из профессионалов, другой — из бизнесменов и фермеров средних и малых предприятий, а также массы государственных служащих.

Однако вопрос об использовании классовой схемы для анализа современной социальной структуры, как отмечалось выше, хоть и остается дискуссионным, но в современном украинском обществе, по нашему мнению, не может быть решен в ее пользу. В условиях смены типологических характеристик общества

классификация его социальных субъектов должна «базироваться на самых разнообразных критериях, представлять самые различные преимущества, которые, если говорить в общих чертах, выступают в виде привилегий (в смысле доступа к материальным вещам и услугам), власти (в понимании Макса Вебера, который видел в ней вероятность добиться своего даже вопреки сопротивлению других) и престижа (в обычном смысле слова)» [45, с. 65].

Такой подход детерминирован переходным состоянием постсоветских обществ. Ярким аргументом в пользу этого может служить появление термина «социально-трансформационная структура общества», под которой понимается «система социальных макросубъектов, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция, борьба) которых служит движущей силой социетального преобразования общества ...» [119, с. 267].

Данное понятие, на наш взгляд, отражает глубину тех изменений, которые произошли в современных обществах под влиянием глобализационных процессов и благодаря поиску адекватных ответов на вызовы современности.

Безусловно, анализ трансформационной структуры лежит в рамках традиционных положений анализа социальной структуры социума. В этой связи авторы данной концепции предлагают различать две относительно независимые, но одинаково важные проекции — вертикальную (социально-иерархическую) и горизонтальную (культурно-политическую) [119, с. 273]. Вертикальное измерение этой структуры является специфическим отражением социальной стратификации общества. Оно разделяет участников трансформационного процесса на страты, существенно различающиеся масштабом и структурой располагаемых ресурсов, а соответственно, и возможностями участия в принятии и реализации важных решений. Уровень социального статуса индивидов и групп сказывается на направлениях и механизмах трансформационной активности, а также на ее масштабах и значимости. Чем выше социальный статус субъектов, тем шире возможности их участия в установлении новых правил игры и распределении общественных ресурсов и тем сильнее их влияние на трансформационный процесс.

Элементами горизонтальной проекции трансформационной структуры служат крупные социальные общности, основанные на сходстве культурно-политических характеристик, начиная с ценностей и потребностей и кончая политическими интересами, определяющими направленность общественной деятельности. Эта проекция социально-трансформационной структуры отражает зависимость инновационной и политической деятельности людей от того, в какой среде они родились, кем были воспитаны, где учились, какой жизненный путь прошли, какие ценности и убеждения усвоили, как понимают свои интересы...

Интерес, с нашей точки зрения, представляет то, что анализ трансформационной структуры общества опирается на социальные субъекты и их ресурсную базу. При этом такой анализ дополняется деятельностным контекстом. В результате структура современного общества представляется как совокупность элементов, упорядоченных между собой благодаря деятельности социальных субъектов, которая базируется на использовании ими своих ресурсов. В условиях вызовов современности значение приобретает не только перераспределение ресурсов, но и готовность социальных субъектов реализовывать активные действия по их использованию. Такие требования к социальным практикам привели к активизации использования категории «социальные акторы» перед категорией «социальные субъекты»: понятие «социальный субъект» акцентирует скорее рациональность сознания и поведения, способность действующего лица к сознательному выбору линии поведения, в то время как понятие «социальный актор» приобретает смысл лишь в совокупности с конкретным социальным действием...» [119, с. 277].

Следует отметить, что разные авторы предъявляют неодинаковые требования к сознанию социальных акторов. Так, по мнению Г. Г. Дилигенского, «феномен социального актора ... предполагает способность и волю людей к ... устойчивому объединению, т. е. определенные мотивационно-волевые свойства личности и определенные свойства культуры, стимулирующие данный тип взаимодействия... Необходимым условием явления социальных акторов является развитие культуры участия — норма-

тивных представлений и установок, стимулирующих стремление людей так или иначе влиять на происходящее в социуме» [104, с. 410—412]. Т. И. Заславская же полагает, что при анализе социальных акторов следует рассматривать и те действия, которые носят индивидуальный характер.

Таким образом, очевидно, что социальная структура современных обществ является отражением тех перемен, которые в них происходят в условиях системного воздействия новых вызовов современности. На сегодняшний день по-прежнему существует два основных подхода, благодаря которым можно проводить анализ социальной структуры — классовый и стратификационный. Каждый из них получил достаточно широкое распространение. Например, приоритетность классового подхода аргументируется его историческими, культурными, структурными и деятельностными преимуществами: «исторически концепт класса отражал социальный раскол между трудом и капиталом, который оформился в эпоху классического капитализма. В культурном плане концепт класса успешно отражает те существенные изменения в обществе, которые связаны с процессами роста индивидуализации, информатизации, расширения образовательных возможностей и культурной мобильности. Эти изменения затрагивают ценностный мир и повседневную культуру современного человека, трансформируя социальные ресурсы, трансформируют и хабитусы людей, занимающих подобные позиции в социальном пространстве. ... Классовые образования «новой буржуазии», «культурных посредников», «интеллигенции», «профессионалов», «андеркласса» — это те реальности, которые все более интенсивно проявляются в «продвинутых центрах» индустриального мира, накапливают свой структурно-деятельностный потенциал. А растущая глобальная взаимозависимость, информатизация, декомпозиция социокультурных возможностей в постсоветских обществах усиливают вероятность развития подобных социокультурных расколов и в данном типе современных обществ. В структурном плане концепт класса помогает достаточно адекватно описывать структурные позиции, прежде всего, в сферах заня-

тости, власти... В деятельностном аспекте именно данный концепт помогает увидеть то возможное в конкретном обществе распределение социальных сил, которые способны проявиться в социальных солидарных действиях, затрагивающих основы существующего общества» [173, с. 279–280].

Тем не менее те перемены, которые происходят в мире, позволяют более эффективно использовать стратификационный подход к анализу социальной структуры современных обществ, в том числе и украинского. Обусловлено это тем, что система стратификации опирается на большее число критериев, отражающих соответствие тех или иных позиций социальных субъектов доступу, обладанию и использованию ключевых ресурсов в социальной системе.

Сегодня при анализе социальной структуры формирующегося общества интеллекта невозможно не учитывать тот факт, что она представляет собой результат наложения друг на друга двух стратификационных сеток: прежней, традиционной, и новой, сложившейся (или складывающейся) благодаря трансформации социальных отношений. В результате этого наложения появились новые социальные группы, новые виды ресурсов, новые стратегии поведения социальных субъектов, что заслуживает отдельного анализа.

2.2. Ключевые ресурсы в системе социальной стратификации общества интеллекта

Итак, формирование общества интеллекта значительно изменяет социальную структуру социума, выводя на первый план новые социальные группы, кристаллизируя их новые роли и функции. Данный факт является очевидным, однако механизм протекания этих процессов заслуживает более пристального внимания. И с этой точки зрения особый интерес представляет анализ ресурсной базы социальных субъектов, которая в новых общественных условиях заставила многих из них изменить

социальные практики, стратегии достижения жизненного успеха. Трансформация в системе социальных ресурсов, изменение их значимости стимулировали кардинальные перемены в украинском обществе, в том числе, и поэтому заслуживает научного осмысления.

Интересно, что роль ресурсов, которыми социальные субъекты могут обладать в обществе, признается как сторонниками классового подхода, так и стратификационного. Например, О. Д. Куценко даже определяет класс как «многоуровневое структурно-деятельностное социальное образование, как социальную силу, возникающую из неравно распределенных структурных ресурсов в обществе и способную своими действиями изменять общество» [173, с. 281]. Это позволяет говорить о том, что анализ социальных групп сквозь призму их ресурсной базы может помочь в понимании механизмов формирования новой социальной структуры в обществе интеллекта, а значит — появления и выхода на более значимые позиции тех социальных групп, которые активным образом способствуют его формированию и развитию. Ведь, как отмечают исследователи, «тип и количество ресурсов, которыми человек обладает, определяют его возможности получения дохода в процессе рыночного обмена. Владение средствами производства дает людям другие шансы, нежели обладание аттестатами и дипломами, но обе эти ситуации отличны от простого обладания неквалифицированной рабочей силой» [241, с. 27].

Таким образом, ресурсы — то, что позволяет осуществлять каждому члену общества его социальные практики, изменять социальные позиции и социальные статусы. И вполне естественным является тот факт, что набор ресурсов, который может использоваться при этом, достаточно разнообразен.

В этой связи многие ученые пытались дать ответ на вопрос: «Какого рода вознаграждения находятся в распоряжении общества, чтобы воздействовать на распределение индивидов по позициям и обеспечивать заполнение наиболее важных?». Ответы на него, на наш взгляд, достаточно универсальны. Например, К. Дэвис полагает, что, прежде всего, общество «обладает вещами, которые поддерживают наше существование и позволяют вос-

становливать силы, — экономическими благами. У общества, второе, есть вещи для поддержания духа и развлечений — эстетические блага. Оно обладает, наконец, вещами, способствующими самоуважению и саморазвитию, — символические блага. В любой социальной системе все три вида вознаграждений, подобно прочим видам, подлежат неравному распределению между неравноценными позициями. В определенном смысле вознаграждения «встроены» в позиции» [116, с. 108–109].

Известный американский социолог Д. Граски предложил свою типологию значимых в современных обществах ресурсов, среди которых выделил:

- экономические ресурсы, прежде всего, собственности и эксплуатации;
- политические, или ресурсы власти, влияния и контроля в организациях и социальных общностях;
- ресурсы занятости и профессии, связанные с участием в разделении общественного труда;
- культурные ресурсы, или способы потребления, манеры и жизненные стили;
- социальные ресурсы, связанные с доступом к высокостатусным социальным сетям, социальным общностям и организациям;
- ресурсы престижа, репутации, известности, почтения;
- гражданские ресурсы, основанные на правах собственности, контракта, избирательном праве, членстве в избираемых органах, политических свободах, а также возможностях их использовать;
- «человеческие» ресурсы, или особые умения, опыт; квалификация, формальное образование, знания.

П. Штомпка выделяет структурные ресурсы и относит к ним организационные и институциональные структуры права, политики и экономики; культурные — коллективные репрезентации; социетальные — ресурсы социальных сетей, комплекс позитивных чувств по отношению к участникам взаимодействия, а также модели обязанностей и правил, регулирующих отношения с другими; человеческие — ресурсы квалификации, компетентности, знания и умений, установок и ментальности индивидов.

В последние годы исследователи обращают внимание также на важность ресурсов здоровья и поведения, относящегося к здоровью.

Пристальный взгляд на приведенные типологии позволяет нам обратить внимание на несколько наиболее часто упоминаемых типов ресурсов — экономические, культурные, социальные и профессионально-квалификационные (в некоторых случаях как часть человеческих). Однако нельзя не согласиться и с тем, что признание их значимости в современном обществе является прямым следствием тех изменений, которые сопровождают переход общества к постиндустриальному типу. Ведь первые концепции социального структурирования общества, как было показано в подразделе 2.1, основывались исключительно на экономических типах ресурсов. Уже позднее М. Вебер был одним из первых, кто показал, что существуют разные источники развития тех или иных страт: «а) наиболее важный — развитие специфического стиля жизни, включающего тип занятия, профессии; б) второе основание — наследуемая харизма, источником которой служит успех в достижении престижного положения благодаря рождению; в) третье — это присвоение политической или иерократической власти как монополии социально различающимися группами» [61, с. 88–91].

Его разработки в этом направлении позволили сформулировать уже упоминавшуюся нами выше категорию «рыночная позиция», которая интегрировала в себе такие основания, как капитал, квалификация и профессиональное образование. В результате благодаря неравномерному распределению данных ресурсов различные классы, по мнению М. Вебера, по-разному позиционируются в рыночной ситуации (см. табл. 2.2).

В результате социально-классовая принадлежность индивида определяется по его занятиям, а также на основании характеристик рыночной и трудовой ситуаций. Рыночная ситуация является определяющей для источников и уровней дохода, прочих условий занятости, уровня экономической безопасности, шансов на экономический успех индивидов. Трудовую ситуацию обуславливает место индивидов в системе власти и контроля за процес-

Система классов в капиталистическом обществе по М. Веберу

Класс	Позиция на рынке товаров	Позиция на рынке труда
Буржуазия (класс собственников капитала)	высокая	–
Профессионалы (класс интеллектуалов, администраторов и менеджеров)	–	Высокая
Мелкая буржуазия (класс мелких предпринимателей и торговцев)	низкая	–
Рабочий класс	–	низкая

сом производства, в который они вовлечены. Данная позиция поддерживается и современными исследователями, например, С. Оксамитной и С. Бродской [см. 241, с. 32].

Однако рынок товаров и рынок труда, представленные в концепции М. Вебера, спустя какое-то время были дополнены анализом рынка привилегий. Как отмечает в этой связи П. Бергер, «место индивидуума в экономическом процессе, невзирая на наличие равных прав, во многом зависит от социального происхождения. Или, говоря языком социолога, социальное происхождение — это очень важная переменная профессиональной карьеры личности в условиях классовой системы» [45, с. 70].

Современные исследователи продолжают данную традицию, утверждая, что «классовая принадлежность, как и статус занятости, не является предписанной индивиду от рождения. С другой стороны, определенная классовая принадлежность семьи, ее материальный и мотивационный потенциалы могут оказаться именно тем набором ограничений, который сделает невозможным осуществление выбора, например, в плане образования, карьеры, стиля жизни в целом» [241, с. 30].

Таким образом, к середине XX века теоретическое осмысление системы ресурсов, находящихся в обществе, приобрело целостность. Оно избавилось от безоговорочного признания денег

и власти в качестве определяющих в детерминировании социальных позиций индивидов.

Доминирование различных экономических ресурсов в системе социальной стратификации в конце XIX – первой половине XX века позднее сместилось в пользу рядоположенности нескольких типов ресурсов. Так, В. Весоловский в конце 70-х годов называет атрибутами социальной позиции характер труда, уровень дохода, образования, престижа; М. Титма отмечает, что «в самих классообразующих признаках выделяют три момента: отношение к собственности, место в организации труда и способ и размер получаемого общественного продукта [327, с. 20]; В. Добреньков и А. Кравченко подчеркивают, что «собственность – не единственный фактор, определяющий экономическое положение человека. Не меньшее значение приобретает интеллектуальный багаж, совокупность знаний и умений, благодаря которым на рынке труда улучшаются шансы получить высокий оклад» [105, с. 100].

В результате очевидно, что смена типа общества, кардинальные изменения в нем приводят к изменению позиций тех или иных типов ресурсов, переструктурированию обществ, а в науке – рождению новых типологий социальной структуры. Одной из таких типологий является типология Э. Райта (см. табл. 2.3).

Типологии социальной структуры, подобные системе Э. Райта, являются свидетельством выхода на первый план новых типов ресурсов и новых социальных групп, что, в свою очередь, по нашему мнению, является индикатором формирования нового типа общества – общества интеллекта – общества, в котором знания и интеллект выступают ведущими факторами развития.

Сегодня очевидно, что происходит быстрое увеличение количества работников нефизического труда, профессионалов, специалистов, которые идентифицируются со средними слоями общества. Д. Белл, анализируя этот феномен, приходит к выводу о формировании и быстром расширении класса профессионалов, «класса знания». Это явление продолжают изучать Э. Гидденс, Э. Гоулднер, П. Друкер, Дж. Голдторп и другие. Основной вывод, к которому приходят исследователи, отражает характер социальных изменений и заключается в том, что человеческий и поли-

Таблица 2.3

Типология классовых систем по Э. Райту [цит. по 173, с. 53]

Тип классово-вой системы	Неравно распре-деленные принцип. блага	Механизм эксплуатации	Ведущие классы	Ведущие контрпозиции	Центральная задача транс-формации
1. Феода-лизм	Рабочая сила	Принуди-тельное отчуждение прибавочного труда	Помещи-ки и крепо-стные	Буржуазия	Индивидуаль-ное освобождение
2. капита-лизм	Средства произв-ства (эко-номические ценности)	Рыночный обмен рабочей силы и товаров	Капита-листы и рабочие	Менеджеры	Обобществле-ние средств производства
3. Этагизм (гос.-бюрокр. социа-лизм)	Организа-ция (полит. ценности)	Плановое присвоение и распределение прибавочного продукта, основанное на иерархии	Управ-ляющие, бюрократия, и управ-ляемые	Интеллекту-алы/специалисты	Демократизация организацион-ного контроля
4. Социализм («про-двинутый индустриализм»)	Умения, квалификация, образова-ние	Договорное перераспреде-ление прибавочного продукта от рабочих к специали-стам	Специалисты и рабочие		Реальное (существенное) равенство

тический капиталы начинают активно замещать экономический капитал и становятся важнейшими стратификационными силами в обществе постиндустриализма. Данные процессы выдвигают на передний план арены социальных взаимодействий «новый класс» интеллигенции, интеллектуалов, менеджеров, который про-

дуцирует не только престиж высокого профессионализма, но и «культуру критического дискурса». В этой связи Э. Гоулднер, реализуя свой исследовательский проект, приходит к выводу об усилении социальной власти профессионалов, ученых, либеральной интеллигенции. Последнее стало возможным благодаря увеличению степени экономической безопасности в западных обществах и привилегий для высокообразованных слоев.

С середины 70-х годов в США, Канаде, Великобритании, Франции, ФРГ и ряде других стран было отмечено существенное понижение жесткости связи между электоральным, политическим поведением и принадлежностью к «объективному» (по занятости) классу. Такие факторы, как повышение уровня образования и социальной мобильности, стали более влиятельными в определении социальных и политических установок. Более того, они частично стали замещать классообразующее влияние факторов домовладения, занятости в государственном и частном секторах.

В такой ситуации востребованность профессиональных, образовательно-квалификационных ресурсов значительно возрастает, а новое распределение ключевых ресурсов формирует новые сценарии развития современных обществ, в которых социальная дифференциация будет являться следствием обладания и использования тех или иных ресурсов. При этом необходимо помнить, что не только наличие ресурсов определяет жизненные стратегии, но и их отсутствие, поскольку данный факт изначально предопределяет ограниченность выборов, доступных социальных практик социальных субъектов.

В этой связи исследователи выделяют три типа социальных позиций, определяемых доступом к ресурсам:

- слаборесурсные, связанные с ограниченным доступом ко всем видам ресурсов;
- среднересурсные, предполагающие различный доступ к разным типам ресурсов;
- сильноресурсные, аккумулирующие доступ к наиболее влиятельным ресурсам.

«Актеры, обладающие широким доступом к ресурсам, способны полноценно участвовать в обществе и производить в нем

наиболее существенные изменения. И наоборот, те, кто занимает слабонересурсные позиции, оказываются ограниченными в своих жизненных шансах и перспективах их изменить и на этом основании могут испытывать чувство социального отчуждения и формировать соответствующие социальные практики» [153, с. 67].

Дифференциация позиций индивидов в отношении доступа и возможностей использования ключевых ресурсов закрепляет в конечном итоге факт неравенства в современных обществах. Да и сама социальная стратификация является следствием этого существующего неравенства. Как отмечают западные ученые, «социальные различия тогда становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенств, которые могут выражаться в различии доходов, состояний, власти, престижа, возраста, этнической принадлежности или посредством какой-либо другой характеристики» [1, с. 322]. Это означает, что социальные неравенства выстраиваются вдоль всех ресурсов, а с изменением их значимости в обществе изменяется и система неравенств. Так, до XVII–XIX веков неравенства определялись различными видами социальной опеки — религиозной, сословной, родовой. Позднее они стали вытесняться неравенствами экономическими. Начиная с середины XX века на арену общественной жизни выходят неравенства, связанные с информацией, знаниями, образованием, квалификацией. И именно эти ресурсы будут определять социальные расколы общества в XXI веке. Уже сегодня, как отмечалось нами в первом разделе, существует так называемая информационная (или цифровая) пропасть между странами, которая имеет тенденцию к увеличению. Аналогичные процессы, на наш взгляд, будут протекать и в отношении других ресурсов.

Серьезный вклад в обсуждение проблемы происхождения социальных неравенств внесли Э. Дюркгейм и Г. Зиммель. Особое внимание в контексте нашей исследовательской работы привлекает их дискуссия об отношении между разделением труда и социальной интеграцией. В этой дискуссии рождается идея пересмотра происхождения неравенств не просто как существенных различий, а прежде всего, различий, имеющих стратификационную природу.

Они обращали внимание на возможность организационно-функционального регулирования социальных неравенств, основанных на разделении труда.

Традицию осмысления неравенств продолжили представители либерального, марксистского и функционального направления социальной мысли. Например, с публикации Т. Парсонсом работы «Аналитический подход к теории социальной стратификации» (1940) развернулись функциональные дебаты по поводу природы неравенств. В 1945 году в статье «Некоторые принципы стратификации» К. Дэвис и У. Мур обосновали, что неравные социальные и экономические вознаграждения являются результатом «бессознательного» развития общества, посредством чего общества снабжают талантливых индивидов мотивацией для социально значимых действий и гарантируют для себя эффективное выполнение важных социальных ролей. Таким образом, наибольшие вознаграждения идут к тем позициям, которые требуют наибольшей подготовленности и являются ключевыми для функционирования социальной системы.

Несмотря на то что неравенства разной природы постоянно сопровождают человечество, перспективы их существования расцениваются по-разному. Так, согласно либеральным взглядам, развитие общества, совершенствование политической демократии должны вести к понижению социальных неравенств. Согласно же марксизму, развитие капитализма усиливает экономические неравенства как определяющие социальный раскол общества, ведет к углублению пропасти между экономическими классами.

Однако, как отмечалось нами выше, классовые образования не характерны для переходных обществ. Сторонники же либерального направления в объяснении неравенств, на наш взгляд, обосновывают свою позицию, опираясь не столько на реальность, сколько на потенциальные возможности социальных субъектов, что в условиях открытых и динамично развивающихся обществ позволяет говорить об ослаблении неравенств.

Пожалуй, такого рода дискуссии являются бесконечными. Ведь в реальности неравенства в отношении экономических, политических, квалификационных, информационных и других ресурсов

существуют и выполняют множество функций в обществе, сказываются на его состоянии в целом. При этом «основные сферы проявления неравенства в современном обществе — имущественная, образовательная, политико-правовая...» [86, с. 32]. И это связано с тем, что данные типы ресурсов являются наиболее востребованными в нем.

И здесь мы имеем дело с проблемой равенства шансов.

Говоря о проблеме равенства шансов, необходимо определить — что понимается под шансом вообще и насколько широк спектр интерпретаций, в рамках которых могут вестись научные и общественно-политические дискуссии. В данном отношении наука не слишком дифференцирует свои подходы, поскольку в случае с понятием «шанс» социальные науки позаимствовали этот «обобществленный» термин у других, более точных наук. Он по своему смыслу близок к понятиям возможности и вероятности, но, безусловно, не совпадает с ними. С. И. Ожегов определяет шанс как «вероятную возможность осуществления чего-нибудь» [239, с. 875], и другие трактовки значительно не отличаются от этой.

Общественные науки добавили определенный оттенок к традиционному пониманию шанса, который несет в себе социальную, человеческую сущность. Можно говорить, что понятие «шанс», наряду с вероятностью, возможностью, включает некоторую долю удачи, стечения обстоятельств, что и делает его в определенном смысле более привлекательным для большинства членов общества. Вероятно, именно введение данного понятия в общественный оборот стало шагом к иллюзорному равенству.

При анализе процессов общественного развития понятие «шансы» было конкретизировано и закрепилось в социологическом знании как понятие «жизненные шансы». Неопровержимым и общепризнанным остается то, что ввел это понятие в социологию Макс Вебер.

Жизненные шансы в его концепции тесным образом связаны с рыночной и классовой ситуациями, о которых велась речь ранее. Жизненные шансы, по мнению М. Вебера, представляют собой вероятность получить большие или меньшие блага (высоко-

оплачиваемая и престижная работа, собственный дом, полноценное питание и престижная одежда, комфортная жизненная среда) благодаря приложению тех усилий, которые ценятся на рынке труда, на что имеется спрос [414, р. 928.]

Категория «жизненные шансы» получила широкую разработку в работах Р. Дарендорфа, который постоянно делал акцент на индивидуальных жизненных шансах, что, по его мнению, предполагает две вещи. Во-первых, незыблемость человеческих прав (индивидуальных прав и гражданских прав), что является фундаментальным универсальным принципом повсюду в мире, но иногда требует защиты у себя дома. Во-вторых, социальный порядок или социальная структура должны обеспечивать широкие возможности и чувство гражданства для всех, то есть через гражданство давать доступ к широкому выбору возможностей.

В своих работах Р. Дарендорф в широком историческом контексте анализирует жизненные шансы сквозь призму возможностей выбора и связей с социальным окружением, которое подтверждает достигнутое индивидом либо в большей или меньшей мере ограничивает реально, а не формально возможное. Возможности выбора (options) предполагают как право на выбор, так и наличие предложения. Например, индивид может иметь право учиться в университете, но необходимо также наличие достаточного количества мест для обучения или стипендий для выходцев из низших социальных классов. Вторым не менее важным элементом индивидуальных жизненных шансов являются «привязки» (ligatures), то есть связи человека с разными значимыми для него группами или ценностями. В каждом обществе, по мнению ученого, складывается определенный баланс возможностей выбора и социальных связей, удерживающих человека в конкретной группе. В доиндустриальных аграрных обществах их членам было дано больше привязок, чем выборов. Индустриальные и постиндустриальные общества, наоборот, предлагают широкий выбор возможностей, существенно ослабив связь индивидов с социально-групповым окружением.

Интересно, что и в понимании М. Вебера, и в работах Р. Дарендорфа жизненные шансы представляют собой некоторый конгло-

мерат данности и действия: жизненный успех в современном мире связан не только с наличием ресурсов, но и с готовностью их использовать, реализовывая активные стратегии в условиях вызовов современности. Именно этот вектор отражен и в тенденции активизации использования в современной науке термина «социальные акторы» наряду с термином «социальные субъекты», о чем уже шла речь ранее. С этим же, на наш взгляд, может быть связан успех или неуспех индивидов или социальных групп в их жизненных стратегиях в условиях формирования общества интеллекта.

Итак, категория «жизненные шансы» была воспринята в научном мире и завоевала в нем особое место. Так, Энтони Гидденс утверждает, что «“жизненные шансы” или “жизненные ожидания” означают, в первую очередь, возможности простого выживания людей в разных формах и зонах общества. Вместе с тем понятие жизненных шансов подразумевает также весь спектр способностей и возможностей, которые имел в виду Вебер, вводя в обращение этот термин» [81, с. 359]. Он относит их к так называемым авторитативным ресурсам общества и в последнем издании своего общеизвестного «Введения в социологию» утверждает, что «идея жизненных шансов крайне важна, поскольку подчеркивает, что класс оказывает важное влияние на то, что происходит в нашей жизни, однако не детерминирует жизнь полностью. Классовое деление влияет на наше местожительство, стиль жизни, которого мы придерживаемся, даже на выбор сексуальных и брачных партнеров. Однако оно не привязывает людей к определенным социальным позициям навечно, что предполагали предыдущие системы стратификации» [Цит по 241, с. 26].

В конечном итоге жизненные шансы стали не только категорией, обладающей объяснительной силой при анализе неравенств и социальной структуры, но и обобщенным показателем существования классовых или стратификационных различий.

Тем не менее содержательная монолитность понятия «жизненные шансы» не означает однозначности его использования и применения в социальной жизни. Ведь теоретическая сущность шансов на практике значительно детерминируется нынешним социальным неравенством. Нахождение на различных ступенях

социальной иерархии изначально дифференцирует и понимание проблемы равенства шансов, и отношение к ней. При этом движение по социальной лестнице накладывает значительный отпечаток на видение указанных проблем.

Следует отметить, что довольно часто поддержка равенства шансов усиливается с повышением социального статуса. Это можно пояснить также посредством ресурсного рассмотрения проблемы. Ведь любая мобильность в социуме тесным образом связана с теми ресурсами, которыми располагают субъекты. Такими ресурсами могут выступать как материальные средства, определенные знания, навыки, умения, личностные качества, так и сами социальные связи, отношения. Рассмотрение и учет всех ресурсов и потенциальных возможностей, безусловно, невозможен, что и осложняет процесс укоренения в сознании граждан принципа равенства возможностей. При этом обладание ресурсами является необходимым, но недостаточным условием реализации шансов. Эти ресурсы должны быть востребованы в обществе, иметь высокую ценность. Общее правило в данном отношении можно сформулировать следующим образом: «Чем выше ценность тех ресурсов, которыми обладают члены общества, тем больше у них шансов обменять их на свой успех». В качестве иллюстрации можно привести ситуацию с элитарными группами, каждая из которых обладает определенным набором ресурсов, позволяющим ей быть значимой в социуме. Так, экономическая элита является таковой в силу обладания, прежде всего, материальными ресурсами. Тем не менее интеллектуальная элита, обладая, прежде всего, интеллектуальным потенциалом, до недавнего времени была практически невостребована и обесценена в украинском обществе. Проявилось это и в пренебрежении к развитию науки, культуры, образования и т. д. Обладая значительным потенциалом, интеллектуальная элита могла реализовать себя исключительно посредством включения в деятельность других сфер общества, предоставлявших большие возможности для жизненного успеха: политику, предпринимательство и т. д. При этом ей потребовались не ее «естественные ресурсы», а те, которые ценились в социальной системе более высоко.

Следует отметить, что такая ситуация приводит к серьезной трансформации социальных групп, в которых деградируют их «естественные ресурсы». Общество же теряет свой потенциал развития. В данном аспекте актуальной является проблема возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. Теории ресурсного возобновления достаточно очевидно обосновали опасность неконтролируемого использования ресурсов, которое неизбежно приводит к их полной потере. Аналогичная ситуация возникает и в случае с «естественными ресурсами» социальных групп, ведь в ситуации их трансформации или не востребоваемости значительно изменяется общий образ общества, его потенциал и возможные пути развития.

Откровенно говоря, реализовать принцип равенства шансов в обществе с уже существующим дисбалансом социальных ресурсов и отношений достаточно сложно. Для решения этой задачи следует создавать более целостную систему по формированию демократических «правил игры», которые носят не сиюминутный, а долговременный характер. При этом они должны в большей или меньшей степени быть приняты большинством населения.

На наш взгляд, позиция равенства шансов в Украине прошла серьезную трансформацию от равенства результатов до равенства возможностей. Такой путь основывался на ломке традиционных для советского менталитета позиций, которые провозглашали именно статусное равенство при различных стартовых возможностях и неравных затраченных усилиях. Такие позиции имели не только неформальное, но и определенное юридическое закрепление в качестве тех или иных квот в органы власти на различных уровнях, общественные мероприятия, для поступления в вузы и т. д. Следует отметить, что, изначально являясь механизмом гарантии равного доступа, данная система переросла в значительный ограничитель равенства в целом. Тем не менее первые этапы ломки указанного понимания равенства были достаточно трудными, причем для большинства социальных групп, независимо от их возможностей и социального положения. Особенностью данного процесса было то, что в отсутствии четкого и целостного понимания каждая группа наполняла его своим, наиболее подхо-

дящим для нее содержанием, которое естественно вступало в противоречие с другими. Можно предположить, что укоренению в общественном сознании более или менее единой видоизменной позиции равенства способствовала ярко проявившаяся аномия и неустойчивость социальной структуры. Ведь окончательного разрушения старых представлений так и не произошло — они просто размылись в потоке новых, активно насаждаемых ценностей и укоренились в сознании нового поколения; определенная часть общества просто приняла тезис равенства шансов.

Анализ современного украинского общества со всей очевидностью показывает, что сегодня проблема равенства шансов осложняется не только статусным неравенством, но и дисбалансом между различными сферами общественной жизни. Следствием такого положения является порой повышенное внимание к тем сферам, которые не являются базой развития демократического общества и рыночного государства, и ущемление отдельных секторов общественного развития, уничтожение которых приведет к краху всего общества. Так, невнимание к сфере культуры, науки приводит к потере значительного интереса к ним со стороны членов социума. Те, кто творил в них большую часть своей жизни, либо просто *существуют* в них, либо продолжают служить им в других государствах, либо меняют сферу своей деятельности. Новый приток в указанные сферы слишком слаб, чтобы обеспечить их развитие. Да и стимул — достижение успеха в жизни — выглядит в них не столь реальным. Безусловно, такая ситуация связана с компетентностью и профессиональными качествами руководящих слоев государства. Ведь забыв об отдельных сферах своей жизнедеятельности однажды, государство обрекает себя в лучшем случае на многочисленные вложения различных средств в их подъем и развитие в будущем, а в худшем — на полное восстановление, которое может быть невозможно.

В результате можно сказать, что проблема равенства шансов имеет в современном обществе несколько детерминирующих ее состояние факторов. Прежде всего, это состояние общественного сознания, готовность принятия тех или иных ценностных основ

дальнейшего развития украинского общества. Во-вторых, это существующая система социальной стратификации. В-третьих, дисбаланс приоритетного развития и поддержки сфер общественной жизни. И, наконец, уровень управленческого профессионализма при принятии решений.

Решение проблемы равенства шансов видится сегодня в трех основных направлениях, которые будут определять характер развития общества в будущем. Прежде всего, различия в социальном статусе порождают дифференциацию в восприятии жизненного успеха. Такое разнообразие порождает дифференциацию в ценностных ориентациях и представлениях о необходимых для успеха средствах и усилиях, правилах поведения. Этот блок деятельности представляет собой наиболее приближенный к практическим тенденциям современного развития общества, и, по-видимому, именно он будет доминировать в ближайшем будущем.

Второй аспект, в котором необходимо рассматривать проблему равенства шансов — поколенческая проекция. Суть ее заключается в том, что старшие поколения, чаще всего основываясь на собственном удачном или неудачном опыте, стараются заложить основы более успешного продвижения последующих поколений. Для этого их жизненные решения конкретизируются не столь явно, поскольку проектирование и моделирование будущего предполагает определенный уровень абстрагирования. Такая постановка проблемы также имеет свои ограничения в решении, поскольку связана с наличием тех или иных ресурсов, ценных для общества на сегодняшний день. Понимание этого факта концентрирует значительные усилия на их пополнении, и здесь возникает проблема нового уровня, которая неизбежно выходит на «правила игры», принятые в той или иной социальной системе.

В данном случае это третий уровень — наиболее абстрактный, связанный с закладыванием непосредственного механизма обеспечения равенства шансов, универсализации методов достижения успеха. Для эффективной работы в рамках данного направления необходимым является научное прогнозирование и учет тенденций развития общественной системы.

В целом необходимо учитывать, что жизненные шансы являются, с одной стороны, следствием, а с другой – причиной социального неравенства, так как в них находит непосредственное отражение распределение различных типов ресурсов. Однако жизненные шансы в современных стратификационных теориях не являются универсальным критерием дифференциации общества, тем более, что данная категория является достаточно абстрактной. В этой связи западные ученые (Б. Барбер, К. Дэвис, У. Мур, Т. Парсонс, И. Селени, Д. Трейман и др.) рассматривают в качестве основного критерия социальной дифференциации общества тот совокупный капитал, которым располагают индивиды и группы. На наш взгляд, понятие капитала несколько уточняет понятие «жизненные шансы» в том смысле, что жизненные шансы можно представить как наличие некоторого капитала, а также возможность и готовность его использовать.

В результате исследователи пришли к заключению, что совокупный капитал, которым обладают социальные субъекты, «складывается из нескольких видов капитала, набор которых в наиболее полном варианте включает:

а) *политический (административный, бюрократический)* капитал, выражающийся в объеме и значимости властных и управленческих полномочий, уровне принимаемых решений;

б) *экономический капитал*, измеряемый масштабами собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния;

в) *социальный капитал*, измеряемый широтой, прочностью и престижностью социальных связей субъектов, уровнем их включенности в общественные структуры, социальные и информационные сети, богатством и насыщенностью образа жизни;

г) *культурный капитал*, отражающий качество воспитания, уровень образования, профессионализма, эрудиции, ценность жизненного опыта субъектов...» [119, с. 149].

Подобный вариант типологии ресурсов как капиталов предлагает П. Бурдье, выделяя в своих работах специфику и роль

экономического, политического, символического, социального, культурного, организационного, легального капиталов.

Очевидно, что если экономический, политический и культурный капиталы представляют собой набор тех ресурсов, которые достаточно легко операционализируются в ходе исследований и имеют длительную историю своего позиционирования в системе критериев социальной дифференциации, то феномен социального капитала в этом плане отличается от них и заслуживает особого осмысления. Поводом к этому может являться и формирование нового типа общества, в котором, как отмечалось выше, кристаллизуются новые типы ресурсов.

Как отмечает О. Демкив [103], «впервые термин “социальный капитал” использовал американский исследователь Л. Дж. Ханифан в 1920 году в дискуссии по поводу общественных центров в сельских школах для определения “субстанций”, важных в повседневной жизни людей». Такими «субстанциями», согласно Л. Дж. Ханифану, были солидарность и социальные связи между теми, кто образует социальную группу.

В дальнейшем категория социального капитала получила более глубокую концептуализацию, и сегодня большинство исследователей сконцентрировалось на двух уровнях анализа этого феномена. Так, в частности, считают С. П. Боргатти, К. Джонс, М. Г. Эверет и Н. Лин. Эти уровни условно можно назвать микро- (П. Бурдьё, У. Бейкер, П. Ди Маджио, Р. Барт, Б. Веллман, Н. Лин) и макроуровнем (Р. Патнам, М. Пелдем, М. Шифф, Ф. Фукуяма, Дж. Л. Ханифан и Дж. Якобс).

Первый подход опирается на определение социального капитала как качественной характеристики индивидуального социального актора, тогда как второй трактует его как характеристику группы или всего общества. Наиболее значительный вклад в концептуализацию микроуровневого понимания социального капитала внес французский социолог Пьер Бурдьё. Он определяет социальный капитал как совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с наличием крепких сетей связей, более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [376]. Как следует из

определения, социальный капитал — это ресурсы, содержащиеся в социальных сетях конкретных социальных акторов. В работе «Формы капитала» П. Бурдьё выделяет составляющие феномена сети: социальные нормы и доверие. Таким образом, объем социального капитала определяется автором как функция размера социальной сети актора и объема капитала (экономического, культурного и символического), находящегося в собственности членов личной сети этого актора.

Таким образом, микроуровневый подход к пониманию социального капитала позволяет выстроить целостную логическую цепочку, которая позволяет наиболее адекватно анализировать процесс социальной дифференциации: капитал представляет собой часть ресурсов, накопленных индивидом, которая вместе с деятельностью субъекта и объективными особенностями общества определяет его жизненные шансы и детерминируют позицию в социальной структуре.

Макроуровневый подход, по мнению С. Боргатти, К. Джонса и М. Эверета, берет начало в традиции, связанной с именами таких классиков, как А. Смит и А. де Токвиль, которые, хотя и не употребляли термин «социальный капитал», но по содержанию были весьма близки к нему. Современные представители данного подхода, например, М. Шифф определяет его как «набор элементов социальной структуры, которые влияют на отношения между людьми и являются базовыми аргументами для продуцирования и/или реализации функций» [цит по 103, с. 102]. Ф. Фукуяма подчеркивает такие механизмы воспроизводства социального капитала, как религия и традиции, и считает, что социальный капитал отличается от других форм человеческого капитала тем, что обычно создается и передается благодаря таким культурным механизмам, как религия, традиция или историческое обыкновение.

Таким образом, представители макроподхода к пониманию социального капитала акцентируют свое внимание скорее на институциональных механизмах формирования социального капитала. Такой подход, на наш взгляд, обращает внимание на тот факт, что социальные институты активно интегрированы

в системные трансформации обществ и, в силу этого, сами изменяют свои функции и роль в обществе, а значит, и детерминируют производство тех или иных ресурсов в нем. В этой связи для постиндустриальных обществ характерно смещение от институтов производства к институтам в сфере услуг, в том числе и образованию, что отвечает тенденциям смещения экономического типа ресурсов к культурным и социальным, о чем мы говорили ранее.

А. Портес и Дж. Сенсенбреннер предлагают попытку системного рассмотрения социального капитала и указывают на четыре вероятных механизма формирования социального капитала макроуровня (или на четыре разновидности группового социального капитала) [103, с. 104–105]. Первый из этих механизмов — ценностная ориентация, императив, усвоенный акторами в процессе социализации. Этот источник социального капитала получил отражение в веберовском исследовании протестантской этики и функционалистской теории социализации. Как отмечают А. Портес и Дж. Сенсенбреннер, ценностная ориентация стимулирует поведение, руководствующееся не только эгоистическими мотивами, а потому воспринимается как ресурс. По нашему мнению, этот источник тесно пересекается с ответами общества на аксиологический вызов современности.

Второй источник социального капитала заключается в индивидуальной стратегии социального взаимодействия. Этот источник социального капитала анализировали представители теории обмена и рационального выбора. Социальная реальность в рамках этих направлений предстает как образующаяся из серий транзакций, в процессе которых осуществляется обмен услугами, информацией, позитивными и негативными подкреплениями и прочими ресурсами...

Третьим источником социального капитала является так называемая ограниченная солидарность. Речь идет о социальном поведении, ориентированном на группу. Лучше всего, по мнению А. Портеса и Дж. Сенсенбреннера, этот тип генезиса социального капитала объясняет К. Маркс в контексте роста классового сознания и трансформации рабочих в класс-для-себя: оружием рабочего

класса становится осознание эксплуатируемого положения. Как источник социального капитала ограниченная солидарность вырастает не из ценностной ориентации или индивидуальных взаимных обменов, а из ситуативной реакции социальной группы, сталкивающейся с общими проблемами.

Последним источником социального капитала служит так называемое вынужденное доверие. Сферой функционирования вынужденного доверия выступает, например, этническое предпринимательство, где доверие является фундаментом сложных механизмов неформальных кредитов, услуг и контроля.

Очевидно, что в понимании социального капитала ключевыми являются те элементы взаимодействия, которые складываются между социальными субъектами: ведь, по мнению некоторых авторов, именно взаимодействие и те сети, которые конструируются им, выступают отличительными характеристиками социального капитала от других видов капиталов, которыми распоряжаются социальные субъекты. Например, согласно Р. Патнаму, социальный капитал образуется из активных взаимосвязей между людьми, в пределах которых доверие и общие ценности связывают членов сетей и общностей и делают возможным, упрощают совместное действие. Социальные сети, согласно этой теории, являются скелетом, структурным (а следовательно, устойчивым, исходным) элементом воспроизводства социального капитала. Автор определяет объем социального капитала с помощью двух показателей: индекса доверия и членства в общественных организациях. Определения социального капитала на этом уровне, как правило, содержат такие составляющие: горизонтальные и неформальные сети, «гражданские» ценности и нормы, горизонтальное диффузное (а не вертикальное, одностороннее) доверие и эффективность системы как результат действия предыдущих составляющих. Ожидается, что сообщества с высоким уровнем социального капитала эффективнее преодолевают социальные проблемы. Композиция ценностей, норм, доверия и сетей, существующая в таких обществах, способствует воспроизводству и приумножению социального капитала. Сообщества с низким уровнем социального капитала,

наоборот, попадают в замкнутый круг, когда воссоздается и умножается иной, неблагоприятный для эффективности системы вид социального капитала [103, с. 103–104].

Очевидно, что феномен социального капитала приобретает значимость также в связи с тем, что предполагает некоторую легитимацию в обществе посредством соотнесения ценностей и измерения уровня доверия. Именно благодаря этому некоторые теоретики социального капитала метафорически отмечают: социальный капитал является смазкой, облегчающей социальные взаимодействия [103, с. 107]. Эта метафора довольно точно схватывает сущность явления. Социальный капитал служит «смазкой» в том смысле, что он облегчает социальные взаимодействия, снижая традиционные издержки сторон. Получение любого ресурса в обществе происходит в пределах системы социальных взаимодействий. Сама ценность ресурса определяется соотношением необходимых для его получения затрат и преимуществ, которые дает обладание этим ресурсом (по крайней мере, в рамках теории рационального выбора). Такими «издержками», или, иными словами, «средствами», необходимыми для успешных социальных трансакций, в результате которых акторы получают ресурсы, могут быть затраты времени, денег, физических, умственных и эмоциональных усилий.

Интересно, что понятие социального капитала применимо и значимо, на наш взгляд, для анализа как отдельных социальных субъектов, так и для социума в целом. И в этой связи исследователи выделяют его первичные и вторичные параметры. Первичными параметрами социального капитала (или его составляющими) являются социальные сети, характеризующиеся ценностями и нормами, а также доверием в различных его проявлениях. Вторичными параметрами социального капитала (или его последствиями на уровне конкретного социума) могут быть такие явления, как уровень девиантного поведения (например, подростковой беременности); уровень неформального социального контроля (склонность индивидов реагировать негативными и позитивными подкреплениями на действия окружающих); общественная активность индивидов (формализованная и нефор-

мализованная); уровень социальной интегрированности (изменяемый на основе характеристик личной социальной сети), социальной поддержки (например, отношения неформального кредитования) [103, с. 111].

В результате становится очевидно, что социальный капитал может измеряться в системе традиционных социологических показателей, которые связаны с механизмами и результатами социальных взаимодействий. Наряду с этим нельзя, по нашему мнению, не учитывать и тот факт, что существует достаточно высокая плюралистичность типов социального капитала и различные механизмы его формирования и накопления социальными субъектами. В современном обществе акцент в данных процессах все больше делается на образование, развитие профессионализма, что непосредственно является индикатором общества интеллекта. В таком обществе особое значение приобретает также профессия, которая может рассматриваться как один из видов человеческого капитала.

Данная идея восходит к Э. Дюркгейму, Г. Зиммелю и согласуется с развитой Г. Шмоллером теорией образования классов. Ее ключевым тезисом стал тезис о том, что «дифференциация по социальному рангу и собственности, престижу и доходу является лишь вторичным следствием социальной дифференциации... Классовое образование основано на факте дифференциации профессий» [173, с. 33–34].

Нельзя в этой связи не обратиться к идеям Т. Парсонса. У него имелся ряд причин для предположения, что укрепление профессиональной структуры отражает «существо» современного общества. Уже сам факт достижения профессиями уникально высокого уровня развития в обществе XX века, характеризующегося деловой экономикой, на его взгляд, говорит о необходимости пристального внимания социологов к теме профессий. «При этом профессии представляют собой яркий пример контраста целей и мотивов деятельности между различными социальными группами даже в обществах, находящихся в условиях действия одинаковых для всех экономических законов... Значение профессий для социальной структуры в трактовке Парсонса можно

вкратце выразить так: профессиональный тип — это институциональная рамка труда, в которую внесены многие важные социальные функции, особенно занятие наукой, профессиональной подготовкой и практическим применением в медицине, технологии, праве и преподавании. Профессиональный тип зависит от поддержки институциональной структуры, которая создает комплексный баланс разных социальных сил» [2, с. 55–56].

На основании того, что собственники все больше вытесняются и контроль становится не функцией капитала, а технической компетенцией профессиональных менеджеров — лиц наемного труда с постоянным жалованьем, Д. Белл и Т. Парсонс заключили: традиционная теория классов должна быть заменена профессиональной системой, основанной на индивидуальных достижениях, в которой «статус группы» иерархически конституируется в соответствии с ее функциональной значимостью [105, с. 366]. Такие позиции в дальнейшем нашли свое воплощение как в практике моделирования показателей в эмпирических исследованиях социальной структуры, так и были подтверждены их непосредственными результатами. Например, П. Блау и О. Данкен рассчитывали распределение «очень высокого» и «высокого» рейтингов — престижа по образованию и доходу. Коэффициент множественной корреляции профессий как единиц наблюдения на уровне 0,91 свидетельствовал о том, что использование только двух показателей — уровней образования и дохода — является вполне достаточным для измерения рейтинга профессий и характеристики социального положения соответствующих классов [173, с. 150]. Исследования же развития польского общества показали, что в процессах системных преобразований профессиональная квалификация составляла наиболее универсальный капитал, имеющий решающее влияние на положение индивида в новой структуре социального расслоения [117, с. 27].

Таким образом, различные виды капитала, конструируемые благодаря накоплению индивидами различных ресурсов, формируют основание, позволяющее стратифицировать современное общество. Но не менее важным показателем, который, на наш взгляд, необходимо учитывать при анализе вопросов перерас-

пределения ресурсов в обществе в условиях его трансформации, является идентификация. В первой главе отмечалось, что затруднение идентификационных процессов, формирования идентичности является одним из тех вызовов в рамках цивилизационных изменений, которые влияют на изменение социальных практик социальных субъектов и их результаты. Тенденции общественного развития свидетельствуют о том, что «...в условиях глобализации и роста взаимозависимости самоидентификация того или иного актора мировой политики, его поиски своей идентичности зачастую оказываются сопряженными с конфликтом» [36, с. 17].

Еще Р. Дарендорф отмечал, что в современном мире семьи из расширенных превратились преимущественно в нуклеарные и нестабильные, социальные идентичности индивида не определяются автоматически фактом рождения в определенной семье и дальнейшей неизбежной принадлежностью к ряду социальных групп. Унаследованные или временно установленные связи довольно легко обрываются с каждым актом географической, профессиональной или социальной мобильности. Хотя потребность в постоянном подтверждении собственных социальных идентичностей со стороны других сохраняется, и каждый раз образуются новые «привязки» вместо разорванных.

Наиболее развитые общества, идущие постиндустриальным путем развития, представляют сегодня социальную среду, в которой жизненные шансы человека все меньше и меньше зависят от его групповой, в том числе и классовой принадлежности, вместо этого происходит их индивидуализация, о чем убедительно пишет немецкий социолог Ульрих Бек. Вследствие так называемого «эффекта лифта», несмотря на сохранение определенных неравенств в обществе, «произошло коллективное увеличение доходов, увеличились шансы получить образование, возможности путешествовать, возросло правовое, научное обеспечение и обеспечение товарами массового спроса. В результате истончаются и аннулируются субкультурные классовые идентичности и связи. Одновременно начинается процесс индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни, который подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное содержание» [36, с. 112].

По нашему мнению, в таких условиях для анализа социальной стратификации идентичность может рассматриваться как ресурс, который влияет на позиционирование тех или иных групп в социальной структуре общества. Такие выводы можно сделать и из упоминаний идентификаций как ресурсов и капиталов в концепциях П. Штомки, П. Бурдые, А. Портеса, Дж. Сенсенбреннера и других. Наряду с этим Т. И. Заславская также отмечает, что представители страт, занимающих близкие места в социальной иерархии, обычно обладают более или менее сходными жизненными шансами и стилями жизни, а иногда и некоторой коллективной идентичностью, отличающей их от других общественных групп... [119, с. 149–150].

Сам феномен идентичности, по мнению П. Бергера и Т. Лумана, возникает из диалектической связи индивида и общества. Это дает основания обращать на него внимание при анализе изменений в обществе, его ресурсах и т. д. Феномен идентичности позволяет понять — посредством каких механизмов человек обобщает в себе роли других. На наш взгляд, именно идентичность гарантирует личности успешное социальное взаимодействие, которое лежит в основе ее социального капитала и способствует реализации жизненных шансов, а в конечном итоге, детерминирует успешность жизненной стратегии.

Безусловно, идентичность не является чем-то данным раз и навсегда. Она формируется в процессе социализации, она подвижна и подвержена изменениям. В условиях глобализации и активном влиянии вызовов современности процесс ее отображения и установления отличается особенностями, которые порождают конфликт идентификаций.

Тот факт, что основными мотивами идентификации (по У. Вайнрау) являются соперничество и подобие, лишний раз подтверждает необходимость учета идентичности при анализе процессов формирования социальной структуры в обществе интеллекта. Ведь благодаря социальной идентификации происходит процесс обретения социального сознания и на его основе — социальной идентичности.

В целом, можно согласиться с тем, что «в контексте социокультурного подхода идентичность выступает не просто социальным феноменом или социальным продуктом, а более сложным социокультурным образованием, в котором имеющиеся в наличии личностные, культурные и социальные компоненты взаимодействуют и различаются. Это значит, что идентичность имеет многомерный характер. Она может быть связана как с личностными, культурными и социальными источниками отдельно, так и со всеми ними в совокупности. Поэтому в одних случаях имеем дело с преимущественно личностными, культурными или социальными идентичностями, а в других — с какими-то интегральными идентичностями, которые предусматривают объединение всех отмеченных составляющих» [314, с. 11]. Такое требование выдвигается, на наш взгляд, и тем набором стратификационных характеристик, которые активно работают сегодня в социальном структурировании общества.

Рассматривая идентификацию как своеобразный капитал, который используют социальные группы на арене общественной жизни, можно заметить, что данная традиция зародилась в рамках классового подхода, предложенного К. Марксом. Именно в нем принято различать потенциальные, еще только становящиеся «классы в себе» и успевшие сформироваться, зрелые «классы для себя». Если первые отличаются рыхлостью, слабой идентификацией своих представителей, политической незрелостью, то вторые обладают общим мировоззрением, хорошо осознают свои интересы и способны сознательно их отстаивать, в том числе революционным путем.

Возрождение, а точнее модернизация, обновление классового подхода для анализа социальной структуры современного общества продолжает эту традицию. Так, О. Д. Куценко считает, что «первичными проявлениями класса следует считать не структуру ресурсов и возникающих на их основе социальных позиций, создающих лишь возможность для структурирования классов, а первичное раскрытие “социального Я” индивидов в их идентификациях и оппозициях, которые производят подобные или различные ценностные миры, социальные практики и соответствующие им номинации» [153, с. 47]. Данный тезис, по ее мнению,

определяет методологический подход в исследовании структурирования классов: в качестве первичного шага предлагается рассматривать не определение объективных ресурсов, которыми обладают некие совокупности людей, а определение общностей по идентификациям с большими группами людей, разделяющими подобные жизненные шансы, которые незримо сближают либо разводят габитусы и социальные практики акторов, ведут к производству подобных либо различных социальных следствий. При этом структурно определившиеся классовые образования будут характеризоваться не только подобием социальных идентификаций, но и подобием объективных ресурсов, жизненных шансов, «этоса» и «экзиса» социального сознания и, наконец, социальных практик по реализации жизненных шансов [174, с. 123].

На наш взгляд, такой подход является слишком категоричным. Идентичность выступает одним из, но не единственным критерием, позволяющим исследовать процессы структурирования общества, особенно переходного. Наряду с этим нами уже отмечалось, что субъективные характеристики социальных субъектов в процессе позиционирования в системе социальной стратификации постоянно соотносятся с объективными условиями функционирования общества и не могут быть оторваны от них.

В действительности становление социальных классов основано не только на процессах различения и обозначения других сквозь призму неравенства социальных ресурсов и жизненных шансов, как отмечает О. Д. Куценко и далее подчеркивает, что классовая идентичность, подобно прочим идентичностям, не является продуктом саморефлексии, индивидуального либо группового созерцания и соотнесения. Она — продукт широкого спектра социально-исторических обстоятельств, а также процесса признания или же непризнания со стороны значимых других, социальных институтов и организаций. При этом признание или непризнание может происходить в самых разных формах: через прямое и косвенное насилие или намеренное безразличие, предоставление привилегий или ограничение доступа к ним, вознаграждение или наказание, восхваление или порицание.

То, что формируется в ходе такого процесса, — это: а) чувство собственного места, как о нем говорил И. Гоффман, фактически же способность отличать его от других мест; б) чувство социальной дистанции, то есть способность воспринимать и оценивать некое «расстояние» от иных мест в терминах жизненных шансов и возможностей; в) способность оценивать подобную типологию социального пространства в терминах справедливого и несправедливого. Тем самым классовая идентичность выступает как габитуализированная способность усматривать имеющиеся социальные различия [153, с. 38–39]. Но данный факт никоим образом, по нашему мнению, не определяет сущность этих различий, а лишь выступает фактором, стимулирующим активность социального субъекта в том или ином направлении.

Наряду с этим в современном научном сообществе уже достаточно активно представлена точка зрения, в соответствии с которой вследствие роста благосостояния, увеличения продолжительности жизни, повышения уровня образования, социальной мобильности и постиндустриального экономического развития классовые идентичности и классовые неравенства утрачивают решающее значение, уступая место другим источникам социальной и политической идентичностей, жизненных шансов и социальных противоречий в развитых индустриальных обществах. Это означает, что идентичность выступает одним из факторов, определяющих современную стратификационную структуру обществ в условиях вызовов современности, а идентификационные основания при этом непосредственно соотносятся с различными основаниями стратификации, а значит — с ресурсами, имеющимися в распоряжении социальных субъектов.

Однако, на наш взгляд, идентичность в условиях изменяющегося общества приобретает особую значимость в силу двух основных моментов. Во-первых, она является одним из критериев зрелости социальных групп, а следовательно, основанием для взвешенных, рациональных действий со стороны этих групп. В данном случае она становится составляющей в реализации того потенциала, которым обладают те или иные группы.

А во-вторых, необходимо отметить, что изменения в первичных объектах и направлениях идентификации происходят параллельно с изменениями в позиционировании в обществе тех или иных ресурсов. Поэтому важным является изучение приоритетных направлений идентификации и их соотнесение с ключевыми ресурсами. Нам представляется важным преимущественное их совпадение для осуществления успешных социальных практик.

Если подробнее остановиться на этих аспектах, то можно отметить, что зрелые социальные группы и общности обладают более высоким уровнем деятельностного потенциала, что имеет большое значение в рамках процессов позиционирования социальных субъектов в матрице социальной структуры общества.

Как отмечают специалисты, «социальные классы, наряду с иными возможными большими социальными группами и движениями (этническими, конфессиональными, гендерными и др.), становятся носителями деятельностно-структурных потенциалов в пространстве социальных отношений. При этом понятием деятельностно-структурного потенциала мы описываем комплексную характеристику социальных акторов, отражающую:

- их готовность к направленным на систему общественных отношений социальным действиям по утверждению или расширению собственных жизненных шансов;

- доступ к социально значимым ресурсам, которые могут быть ими реализованы в данных действиях» [153, с. 56].

Ученые предлагают выделять три вида потенциала, который важен с точки зрения проводимого нами анализа [119, с. 269–271; 120, с. 4–5]: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. Понятием «реформаторский потенциал общества» в данном случае обозначается готовность и способность элит осуществлять общественные преобразования в соответствии с реальными потребностями и возможностями данного общества. В основном этот потенциал определяется качеством правящих и господствующих элит — характером их целевых установок и поведенческих стратегий, наличием согласия в отношении требуемых реформ или, напротив, глубиной раскола и остротой политической борьбы. Под социально-инновационным потенциа-

лом трансформирующегося общества понимают готовность и способность массовых общественных групп к разного рода социальным нововведениям, освоению новых правил игры, обновлению базовых социальных практик. Важно подчеркнуть, что этот потенциал зависит от интенсивности и социальной направленности деятельности широкого круга акторов, в основном принадлежащих к средним слоям и располагающих хотя и меньшими, чем элиты, но достаточно ощутимыми административными, экономическими, социальными и другими ресурсами. Адаптационный потенциал трансформирующегося общества отражает способность и готовность массовых общественных групп активно приспосабливаться к изменяющейся среде с помощью доступных им и субъективно принимаемых ими средств. Он определяется, в первую очередь, социальным положением и менталитетом массовых групп населения — рабочих, служащих, специалистов, крестьян. И если реформаторский и социально-инновационный потенциал связывается с отдельными социальными группами, то адаптационный важен для любого социального субъекта и, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает его успешность в новой системе социальных связей.

Очевидно, что адаптационный потенциал становится залогом успеха в ответах социальных субъектов на вызовы современности: ведь от того, насколько успешно они смогут приспособиться к новым социальным условиям, мобилизовать свои ресурсы и использовать жизненные шансы, во многом зависит их позиция в системе социальной стратификации. Нельзя не согласиться, например, с тем, что в «информационную эру овладение или неовладение информационными технологиями не является предметом выбора. Невладение ими оказывается кратчайшей дорогой в андеркласс, имеет своим ближайшим следствием закрытие жизненных перспектив и резкое снижение шансов на достойный уровень жизни. Это справедливо не только для развитых стран, но и для таких, как Украина» [153, с. 27].

Таким образом, потенциал социальных групп, а в особенности адаптационный, является одной из важнейших детерминант распределения социальных групп на социальной лестнице.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что позиционирование социальных групп в современном обществе происходит на основе тех или иных социальных ресурсов, которые находятся в их распоряжении. Можно согласиться с тем, что:

1) ресурсы, определяющие деятельностно-структурный потенциал социальных групп, могут иметь различное происхождение: экономическое, политическое, гражданское, культурное, символическое, социальное и др.;

2) объективные стратификационные позиции могут формироваться на основе различных комбинаций социально значимых ресурсов, при этом влияние одних ресурсов может компенсировать отсутствие или слабость других. Поэтому в изучении социальных групп должны применяться множественные критерии в определении их потенциалов, которые отражали бы совокупность социально значимых (с точки зрения их влияния и престижа) ресурсов в конкретном обществе;

3) значимость ресурсов существенно зависит от особенностей социальной системы общества и, прежде всего, от уровня и характера развития его производительных сил, особенностей политической организации и гражданской сферы, экономических отношений (в том числе организации экономической деятельности), культуры и исторического наследия. В свою очередь, структура значимых ресурсов влияет на структурирование социальных отношений и поддержку того или иного типа общества;

4) дистанция между социальными позициями, основанными на доступе к значимым ресурсам, или мера социального неравенства является фактором-катализатором процесса становления групп и обретения ими институциональных форм выражения своей социальной силы;

5) значимость социальных ресурсов в реализации жизненных шансов больших групп людей и доступ к их комбинациям формируют объективные основания стратификационной системы конкретного общества [153, с. 68–69].

При этом следует иметь в виду, что ключевые позиции в системе ресурсов современного общества смещаются к профессионально-

квалификационным, образовательным, что позволяет говорить о профессии как ресурсной базе социальных субъектов и о возрастании роли тех социальных институтов, которые максимально работают на формирование и развитие данных ресурсов, прежде всего, образования. Данные тенденции порождают новые виды неравенств в обществе интеллекта, а также способствует формированию различных жизненных шансов социальных субъектов.

Накопление различных ресурсов наряду с возможностью и готовностью их использовать позволяет говорить о различных видах капитала, которыми обладают социальные субъекты. В условиях современных обществ именно социальный капитал приобретает ведущее значение. Он отражает характер и интенсивность взаимодействия социальных субъектов, благодаря которым конструируются их сети. В современном обществе базовыми основаниями для этого выступает профессия, квалификация, образование, что является отражением выдвижения данных ресурсов на лидирующие позиции в обществе интеллекта.

Тем не менее следует отметить, что практика социальных групп в современных обществах не всегда адекватна тем тенденциям, которые проявляются в обществах, а следовательно, она заслуживает отдельного анализа.

2.3. Практики позиционирования социальных субъектов в современном стратификационном поле Украины

Движение современного социума по пути формирования общества интеллекта отражается на множестве социальных процессов, которые приобретают новые черты, в которых рождаются новые тенденции. Одним из таких процессов, на наш взгляд, является реальный процесс позиционирования социальных субъектов в современном стратификационном поле. Ведь те тенденции, которые отмечены теоретиками постиндустриального общества, в практике жизнедеятельности каждого социума приобретают специфические черты.

Данный процесс в Украине опирается, во-первых, на те ресурсы, которые приобретают особую значимость в нашем обществе, на те капиталы, которые на сегодняшний день накоплены социальными субъектами. Дифференциация этих элементов, с одной стороны, детерминирует различные социальные практики субъектов стратификационного поля Украины, а с другой — в конечном итоге — определяет результаты этих практик. Во-вторых, процессы позиционирования социальных субъектов в стратификационном поле Украины непосредственно связаны с теми процессами социальной мобильности, которые в условиях вызовов современности приобретают особые черты. Как отмечает У. Бек, «мобильность, понимаемая как движение социальной единицы жизни и деятельности (семья, брак, индивид) между двумя местами (пунктами) в социальной иерархии, уровне, местности, теряет или смещает свой смысл. В центре оказывается внутренняя мобильность частной жизни, для которой нормальным стало передвижение туда-сюда, одновременное пребывание и здесь и там, невзирая на границы» [36, с. 135].

В условиях территориального, национально-государственного вызовов, вызова идентичности процессы социальной мобильности имеют свои специфические детерминанты и условия, которые доступны для социальных практик субъектов стратификационного поля в различной степени. На наш взгляд, определяется это в конечном итоге готовностью индивидов использовать социальные ресурсы и собственные капиталы.

Для осуществления результативной мобильности в обществе интеллекта, по нашему мнению, необходимо нестандартное восприятие мира и себя в нем. Очевидным становится то, что в условиях возрастания роли сознания такая мобильность выше у людей умственного или творческого труда, которые по характеру своей деятельности связаны с генерированием новых, нестандартных идей. Следовательно, социальная мобильность нового типа прежде всего затрагивает интеллектуальную сферу деятельности и ее лучших представителей — интеллектуальную элиту.

Тем не менее в процессы мобильности вовлечены все социальные субъекты, и при этом трудно не согласиться с П. Сорокиным в том, что мир можно представить как социальную вселенную, т. е. некое пространство, заполненное социальными связями и отношениями. Они образуют многомерную систему координат, в которой выделяются две главные оси — ось X (горизонтальная мобильность) и ось Y (вертикальная мобильность). Мобильность — это изменение отдельным индивидом или целой группой места в социальном пространстве, которое включает экономическое, политическое или профессиональное подпространства [306, с. 297]. Эти пространства содержат в основе конкретные типы ресурсов, благодаря накоплению и использованию которых происходит перемещение индивидов. Данный тезис вновь приводит нас к утверждению о том, что в различных социальных подпространствах можно наблюдать неравенство индивидов, благодаря чему социальная мобильность наполняется конкретным социальным смыслом. Как отмечают исследователи, «фактически мобильность генерируется этим перманентно воспроизводимым состоянием неравенства, является его ближайшим следствием. Или, другими словами, индивиды в современном обществе чрезвычайно чутки и восприимчивы к проявлениям неравенства и, опираясь на определенные ресурсы, общепринятые и индивидуально-ценимые представления и стандарты поведения, пытаются занять более привлекательную социальную позицию. Возможности, ресурсы, ограничения на такого рода движение предоставлены им, как правило, обществом либо они конструируют их, полагаясь на собственную инициативу и предприимчивость, которые также предполагаются состоянием общества, обычно именуемым современным» [266, с. 19].

Очевидно, что ресурсная база социальных субъектов может использоваться с различной эффективностью в тех или иных социальных условиях, что предполагает при анализе процессов социальной мобильности обращение к рассмотренному нами в подразделе 2.2 феномену жизненных шансов (причем не только их объективных параметров, но и субъективного восприятия социальными субъектами).

При таком подходе к анализу позиционирования социальных субъектов в стратификационном пространстве в условиях украинского общества, на наш взгляд, важно учитывать тот факт, что мобильность как процесс использования жизненных шансов осуществляется в различных направлениях. Для вертикальных перемещений это означает, что социальная мобильность может быть успешной или неуспешной для индивидов, и при этом в современном обществе необходимо прикладывать усилия не только для осуществления перемещений, но и для сохранения уже достигнутых позиций. Это в конечном итоге означает, что постоянная активность социальных субъектов является во многом залогом достижения (или сохранения) успеха в обществе. В свое время М. Титма обратил внимание на социальную активность личности как особо значимый для социальной мобильности фактор и сделал на основании этого вывод о том, что «с точки зрения развития социальной структуры как целостности внутрипоколенная социальная мобильность имеет иное значение, нежели межпоколенная. В основном внутрипоколенную социальную мобильность следует рассматривать как следствие развития личности и ее социальной активности» [327, с. 17].

Таким образом, для анализа практик позиционирования социальных субъектов их активность является одним из показателей, требующих пристального внимания.

Следует отметить, что поиск различных показателей, которые помогают ответить на вопросы, связанные со стратифицированием общества, имеет давние традиции. По мнению Г. Генцбума, Д. Треймана и У. Алти, в истории исследования стратификации в последние сорок лет можно выделить три поколения, которые наиболее выразительно взаимно отличаются методами сбора данных, измерительными процедурами, методами анализа данных [266, с. 20–23]. Первое поколение начинает работать после Второй мировой войны, когда были проведены пионерные исследования в рамках национальных государств (Д. Гласс, С. Липсет, Р. Бендикс и др.). В этих исследованиях об уровне мобильности судили по процентным распределениям «притока» и «оттока» из профессиональной категории. В результате сравни-

тельных исследований первое поколение пришло к выводу, что направление мобильности в целом является весьма схожим для всех западных стран, что уровень мобильности выше в индустриальных странах в сравнении с доиндустриальными и что политическая стабильность способствует социальной мобильности.

Второе поколение исследователей стратификации разнится от предыдущего тремя отличиями, связанными с именем О. Данкена: использованием для кодировки профессий, указанных респондентами, государственного классификатора профессий; новой шкалой измерения профессионального статуса, позволившей конструировать социально-экономический индекс; построением модели достижения статуса. Это поколение интересуется прямым влиянием профессии отца на профессию сына в сравнении с иными опосредующими факторами, среди которых: образование родителей, степень урбанизированности детства, первая профессия сына, количество братьев и сестер у респондента. Этот подход подчеркнул значимость межпоколенной мобильности в отличие от внутривозрастной. Именно этот подход был поддержан и отечественными исследователями. Например, М. Титма отмечал, что «межпоколенная мобильность, однако, связана с передачей социального положения (жителя данного региона, города, деревни; члена этнической общности, класса, социальной группы) слоя или отряда) в довольно широком плане. Совершенно очевидно, что основой воспроизводства социальной структуры как целостности может быть лишь преемственность, в рамках которой осуществляются определенные переходы. Следовательно, одни потоки мобильности (миграция и перемещения) явно социально нежелательны, а другие полезны, содействуют общественному прогрессу. Однако выявление характера тех или иных потоков требует выявления их места в воспроизводстве социальной структуры в целом, что возможно лишь при построении определенных моделей» [327, с. 17].

Такие модели и стали приоритетными направлениями в разработках исследователей социальной структуры (П. Блау, О. Данкен и др.). Их практическая значимость для изучения

практик позиционирования социальных субъектов заключается, на наш взгляд, в наборе тех индикаторов и закономерностей, которые являются универсальными при анализе данного круга проблем. Так, по мнению П. Блау, например, гетерогенность повышает вероятность межгрупповой мобильности, неравенство увеличивает вероятность статус-отдаленной мобильности, множественное наложение позиций делает мобильность более вероятной.

Такие закономерности непосредственно пересекаются с теми характеристиками, которые были обозначены нами ранее, — идентификационными процессами в социальных группах, многовекторностью критериальных основ стратифицирования общества и др. Именно эти позиции и будут представлять интерес для анализа практик позиционирования социальных субъектов в стратификационном пространстве Украины.

Однако не следует забывать и о том, что, несмотря на привлекательность таких моделей, в зарубежной науке появилось третье поколение исследователей процессов социальной мобильности и стратификации (Д. Фезерман, Р. Хаузер, Дж. Голдторп и др.), которое отделило абсолютную мобильность от относительных шансов совершить мобильность и смоделировало диагональные клетки таблиц мобильности.

Другой отличительной особенностью этого поколения было отрицание иерархического строения классовых позиций на шкале «выше-ниже». Для Дж. Голдторпа, к примеру, социальные классы — это дискретные, иерархически не упорядоченные образования, в отношении которых не имеет смысла говорить о «вертикальной мобильности», а значит, и конструировать «модели достижений», вопрошать о том, кто добился успеха, а кто, напротив, деградировал, рассуждать об «открытости» общества на основании осуществленной индивидами мобильности [266, с. 22].

В результате мы можем выделить несколько позиций, которые занимают особое место в системе осуществления социальных практик стратифицирования и имеют особое значение для анализа социальной структуры украинского общества. Во-первых, движение общества от доиндустриального к постиндустриальному и обществу интеллекта стимулирует мобильность социальных

субъектов. Это означает, что в практиках позиционирования социальных субъектов в Украине степень их мобильности выступает одним из показателей ее движения к обществу интеллекта. Во-вторых, активизации мобильности способствует политическая стабильность, что в условиях трансформационных изменений в Украине не соответствует реальности. В-третьих, мобильность непосредственно связана с идентификацией, что предполагает особое направление анализа стратификационных практик. В-четвертых, множественность позиций в системе социальной стратификации стимулирует социальную мобильность.

Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что «при изучении социальной мобильности обязательно придется обратить внимание не только на количество людей, пересекающих классовые границы, но и на используемые при этом способы передвижения (например, с помощью приобретенного свидетельства об образовании, портфеля ценных бумаг или, если хотите, через членство в правящей политической партии)» [45, с. 67]. Таким образом, модели позиционирования социальных субъектов предполагают также описание механизмов этого перемещения.

Анализ процессов позиционирования социальных субъектов в стратификационном пространстве неизбежно связан со сменой статусов. Вообще «статус» представляет собой позицию в структуре конкретного взаимодействия. И потому позволительно говорить, что каждый индивид обладает множеством статусов, поскольку участвует в нескольких системах действия. «Если его не определять иначе, под статусом индивида стоит понимать сумму всех занимаемых им статусов» [187, с. 30]. Феномен социального статуса является достаточно разработанным в социологической науке. Например, М. Вебер писал: «Термином «социальный статус» мы будем обозначать реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа, если он основывается на одном или большем количестве следующих критериев: а) образ жизни; б) формальное образование, заключающееся в практическом или теоретическом обучении и усвоении соответствующего образа жизни; в) престиж рождения или профессии» [61, с. 104].

Такая позиция представляется важной в связи с теми стратификационными процессами, которые имеют место в обществе интеллекта. Речь идет, прежде всего, о том, что социальный статус не является константой, а его изменение связано с социальной активностью личности.

Изменение социальных статусов в современном обществе обусловлено, в том числе, и характеристиками социальных субъектов. Именно поэтому, по мнению В. Добренькова и А. Кравченко, «в структуре современного общества преобладают достигаемые статусы, соответственно этому изменилась база формирования статусных групп» [105, с. 113]. Такая ситуация предполагает наличие особых качеств социальных субъектов, хотя, по мнению Р. Линтона, не обязательно сводится к ним.

Данный факт становится важным для анализа элитных социальных групп, ведь определение принадлежности к ним, путей рекрутирования зачастую связывается именно с наличием тех или иных качеств и характеристик. Кроме того, ученые справедливо отмечают, «что очень ограниченное число статусов действительно требуют особых дарований у притязающих на их заполнение. Поскольку такие дарования редко обнаруживаются в раннем детстве, подобные статусы по необходимости открыты для конкуренции за них» [187, с. 35].

Таким образом, социальные статусы и способы их достижения выступают одним из ключевых элементов анализа практик позиционирования социальных субъектов в современном обществе. При этом нельзя не признать, что в трансформирующемся обществе эти процессы имеют свою специфику.

В целом, «статус и роль становятся моделями, организующими установки и поведение индивида и сочетающими их с установками и поведением других индивидов, которые участвуют в социальном взаимодействии» [187 с. 31]. Способ же организации работы этих моделей определяется, с нашей точки зрения, спецификой социума, его историко-культурными традициями, этапом развития и т. д. Ведь система социальных статусов определяет потенциальные возможности социальных субъектов, но не их реальные практики. Следствием этого является наличие

специфических социальных практик, которые представляют конгломерат социальных условий и социальной активности индивидов. При этом социальные условия, как отмечалось в подразделе 2.2, становятся средой для формирования и реализации жизненных шансов социальных субъектов.

Изменения, происходящие в обществах, являются одним из самых мощных факторов, под влиянием которых протекают практики позиционирования социальных субъектов в стратификационном пространстве. В свое время еще П. Сорокин обратил внимание на данный факт. Он исследовал влияние социальных бедствий и революций на международное поведение. Этому посвящены, в частности, его работы «Социология революции» (1925) и «Человек и общество в условиях катастрофы» (1942). Одно из важных обобщений в этой области было сформулировано им в форме «принципа поляризации», согласно которому нормальная для большинства субъектов в повседневном поведении тенденция к моральному безразличию интенсифицируется в периоды острых кризисов (революции, социальные потрясения). В этих условиях большинство преследует лишь гедонистическое, на себя ориентированное удовлетворение, в то время как значимое для общества меньшинство начинает ориентироваться на альтруистическую, религиозную, милосердную и иную, обращенную к внешнему миру, деятельность. Когда же социальное потрясение наконец пройдено, это бимодальное или поляризованное распределение возвращается к раннему «нормальному» распределению.

Ситуация перемен отражается на процессах стратифицирования непосредственным образом, а в условиях глобализации и активного воздействия вызовов современности накладывает незгладимый отпечаток на процессы социальной мобильности. Как отмечает У. Бек, «частная жизнь уже не привязана к какому-либо определенному месту, это уже не устоявшаяся, оседлая жизнь. Это жизнь «в пути» (в прямом и переносном смысле), кочевая жизнь, жизнь в автомобиле, в самолете, в поезде или у телефона, в Интернете, она поддерживается средствами массовой информации и несет на себе отпечаток масс-медиа, это транснациональ-

ная жизнь. Техника служит средством преодоления времени и пространства. Она уничтожает расстояния, восстанавливает близость, преодолевая дистанцию, и создает дистанцию вблизи...» [36, с. 133]. В таких условиях социальная мобильность становится базовой чертой современного общества, а ее формы, наряду с классическими, приобретают нетрадиционные черты.

Исследователи не раз пытались задаться вопросом: «От чего зависит характер и масштабы социальной мобильности?». Среди наиболее распространенных ответов на этот вопрос — уровень индустриализации, модернизации, социальные, политические и демографические факторы. Такие ответы важны для понимания тех процессов, которые протекают сегодня в стратификационном поле Украины. Ведь, «несмотря на острый социально-экономический кризис, Украина в целом остается индустриальной страной с характерными тенденциями разделения труда, существенными различиями между физическим и умственным трудом, управленческим и исполнительским, высококвалифицированным и неквалифицированным. Однако, принимая во внимание непродолжительность и временами стихийность процессов формирования рыночной экономики, все еще огромную роль государства, а не рынка в определении как ценности, так и стоимости многих видов занятий, социально-статусные характеристики и условия занятости индивидов, даже при одинаковых профессиональных занятиях, могут существенно различаться в зависимости от сектора экономики — государственного или негосударственного. Уровень дохода представителей одинакового вида занятости может отличаться в несколько раз, а то и на несколько порядков. Значительно более низкая оплата высококвалифицированного умственного труда, даже управленческого по сравнению с высоко- или полуквалифицированным физическим, остается скорее общей тенденцией, нежели исключением. Ситуация несогласованности статусных характеристик значительной части занятых приводит к существенной дифференциации внутри выделяемых классовых категорий» [241, с. 33].

Еще одной особенностью, которую необходимо учитывать при анализе практик позиционирования социальных субъектов

в стратификационном пространстве Украины, является, по нашему мнению то, что в нем «не только индивиды перемещаются между позициями, но и сами позиции пришли в движение относительно друг друга и никак не могут составить новые, сколько-нибудь стабильные конфигурации» [266, с. 3]. Безусловно, одной из причин этого является реструктуризация ключевых ресурсов в обществе. С одной стороны, на первый план активно выдвигаются ресурсы общества интеллекта (интеллект, знания, квалификация, информация), а с другой – в Украине по-прежнему сильны традиционные ресурсы, прежде всего, экономические. Тем не менее современные исследователи данного круга вопросов фиксируют, что в ближайшее время в Украине должны произойти некоторые изменения. «Гипотетически данное изменение должно произойти, прежде всего, в направлении снижения значимости административно-политических ресурсов, ресурсов организационного контроля и заметного повышения значения ресурсов собственности, занятости, профессии, квалификации в определении жизненных шансов и достижении жизненного успеха» [153, с. 73].

Для проверки данного допущения были использованы результаты опроса, проведенного социологическим факультетом Харьковского национального университета и Восточно-Украинским Фондом социальных исследований в ноябре 2000 года (опрошено 1800 респондентов по общенациональной выборке, репрезентирующей население страны старше 18 лет по полу, возрасту, региону проживания и типу населенного пункта). В ходе опроса респондентам предлагалось оценить степень важности различных ресурсов, которые могут быть использованы для достижения успеха в жизни. При этом авторы исследования абстрагировались от индивидуально-групповых вариаций значимости ценности успеха и ее смысловой интерпретации. Для оценки предлагались 17 позиций, номинации которых были уточнены в ходе пилотажного опроса, проведенного среди представителей разных демографических групп населения. «Другой» ответ, не включенный в формальный список показателей, был дан всего 1,8% респондентов. В таблице 2.4 представлено распределе-

ние значимости ресурсов, которые, с точки зрения респондентов, могут быть использованы для достижения жизненного успеха [153, с. 74].

Распределение веса ресурсов показывает высокую значимость как социального, экономического, так и культурного капиталов. При этом данные капиталы, наряду с личностным капиталом, особенно высоко оцениваются представителями молодого поколения, что видится важным в контексте вопросов формирования интеллектуальной элиты общества. Интересным, на наш взгляд, является то, что в среднем социальный капитал выступает более значимым для представителей старшего поколения. По-видимому, объясняется этот факт тем, что их «сети» уже максимально сконструированы и работают на них с большей эффективностью, чем экономический, личностный или культурный капиталы, требующие постоянного совершенствования.

Такие результаты, полученные харьковскими социологами, позволили им выделить в конечном итоге несколько факторов, имеющих первоочередное значение в процессах социальной стратификации в украинском обществе [см. 153, с. 75–77]. Первый фактор, или комплекс значимых ресурсов, может быть определен как «информационно-коммуникативный» капитал, который составляют достигаемые ресурсы знания и личностных качеств. Второй фактор, или комплекс ресурсов, определяется как «социально-экономический» капитал. Третий фактор описывает ресурс занятости, который рассматривается респондентами как важный и относительно самодостаточный капитал. Четвертый фактор определяет капитал компетентности, который является достигаемым. Наконец, пятый фактор — политико-экономический капитал.

Выкристаллизация этих капиталов свидетельствует о том, что возрастает плюралистичность различных капиталов в современном украинском обществе, а также постепенное выдвижение на первый план ресурсов постиндустриального общества. Сегодня, как отмечают исследователи, «культурный, социальный капиталы и ресурсы занятости, с точки зрения граждан, приобрели особое значение в достижении жизненных шансов. А доступ к ним можно

Таблица 2.4

Ресурсы, значимые для достижения жизненного успеха
(средние значения 1 где $1 < 1 < 5$)

№ п/п	Ресурсы	Общий массив п=1800	Группы по полу		Группы по возрасту		
			Муж- чины п=799	Жен- щины п=1001	До 30 лет, п=437	31-50 лет, п=695	Стар- ше 50, п=661
1.	Наличие нужных знакомств	4,452	4,456	4,449	4,609	4,508	4,283
2.	Собственность, начальный капитал	4,393	4,440	4,357	4,523	4,437	4,255
3.	Деловые качества	4,368	4,396	4,346	4,523	4,388	4,237
4.	Знание законов	4,236	4,272	4,207	4,270	4,252	4,194
5.	Профессионализм, высокая квалификация	4,202	4,241	4,171	4,349	4,247	4,049
6.	Иметь цель и не брезговать средствами ее достижения	4,068	4,101	4,041	4,293	4,032	3,956
7.	Общительность	4,054	4,003	4,096	4,245	4,078	3,898
8.	Знание иностранного языка	3,968	3,923	4,004	4,209	3,925	3,855
9.	Престижное образование	3,956	3,926	3,981	4,252	3,941	3,777
10.	Наличие талантов, способностей	3,925	3,887	3,955	4,101	3,944	3,791
11.	Усердный труд	3,869	3,834	3,897	3,917	3,818	3,896
12.	Богатые родственники	3,666	3,620	3,702	3,733	3,639	3,647
13.	Работа в частном секторе	3,225	3,203	3,243	3,410	3,330	2,989
14.	Знание украинского языка	3,251	3,131	3,346	3,314	3,159	3,308
15.	Жизнь в крупном городе	3,018	3,004	3,030	3,392	2,929	2,867
16.	Принадлежность к влиятельной партии	3,013	2,981	3,038	2,892	3,013	3,098
17.	Работа в органах государственного управления	2,995	2,905	3,066	2,871	2,994	3,076
18.	Работа в государственном секторе	2,862	2,778	2,929	2,755	2,874	2,918

рассматривать как важнейший фактор дифференциации социальных позиций...» [153, с. 78].

Тем не менее роль экономического капитала остается в постсоветских обществах достаточно значимой как в осуществлении реальных социальных практик, так и в сознании социальных субъектов. Например, исследования российских ученых свидетельствуют, что принципы социальной стратификации общества изменились коренным образом, оно стало структурироваться по новым для России основаниям (см. табл. 2.5) [86, с. 27].

Таблица 2.5

Иерархия факторов, определяющих социальное расслоение общества

Факторы расслоения	ранг	% к числу опрошенных
Власть	1	91,3
Доход	2	91,2
Собственность	3	64,8
Незаконные действия	4	52,7
Образование	5	35,6
Талант, способности	6	34,8
Профессия	7	30,1
Происхождение	8	25,0
Национальность	9	14,5

Как видно из таблицы, власть, доход и собственность, по мнению населения, являются доминирующими в расслоении общества.

Таким образом, несмотря на реструктуризацию ключевых ресурсов в переходных обществах, экономические ресурсы в них сохраняют особую значимость. Как отмечает российский исследователь стратификационных процессов Т. Голенкова, «в российском обществе все пространство социальной стратификации определяется практически одним показателем, а именно материальным (капитал, доход, собственность) при резком снижении компенсаторных функций других критериев социальной дифференциации» [83, с. 80]. Данный факт является закономерным,

поскольку такой показатель, как уровень материального достатка, тесно коррелирует с оценкой «выигрыш-проигрыш» от проводимых в обществе реформ. «Сегодня почти 59% выигравших в материальном отношении живут лучше других, 38% считают, что живут так же, как и другие, и лишь 3% — хуже других» [44, с. 46].

Безусловно, такая ситуация в обществах переходного типа связана с особенностями и историей функционирования различных форм собственности в них. Доминирование в их недавнем историческом прошлом государственной формы собственности стимулировало в условиях плюрализма форм собственности различные стратегии позиционирования социальных субъектов в стратификационном поле в связи с теми формами собственности, которые задействованы ими в качестве экономического капитала. Т. Голенкова в этой связи предлагает обратить внимание на то, что «процесс формирования новой социальной структуры, ее состава идет тремя путями, в основе которых лежат базовые изменения форм собственности. Первый путь — возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности: это специфические слои наемных рабочих и инженерно-технических работников, занятые в полугосударственном и частном секторах экономики по трудовым соглашениям или постоянно по договорам найма, работники смешанных предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т. д. Второй путь — трансформация государственной формы собственности и изменение на этой основе положения традиционных классово-групповых общностей: их границ, количественно-качественных характеристик, возникновение пограничных и маргинальных слоев и т. д. Третий путь — появление слоев-страт на основе взаимодействия различных форм собственности: менеджеров — нового управленческого слоя, новой элиты, средних слоев, безработных и т. д. [83, с. 81–82]

Таким образом, в современных переходных обществах, к числу которых относится и Украина, собственность выступает объективным критерием появления новых социальных страт, а не только тем ресурсом, который неравномерно распределен в обществе. Именно использование различных стратегий социальных субъек-

тов в ее отношении стало причиной сильнейшего расслоения общества. При этом «существенно ослабела (даже в сравнении с советским временем, когда она тоже не была сильной) зависимость доходов от способностей, личных усилий и качества труда работников. По данным социологов, эту зависимость ощущают лишь 7% россиян. Примерно такая же доля их верит, что добросовестная квалифицированная работа может служить дорогой к жизненному успеху. Теперь в качестве главных факторов успеха чаще всего рассматриваются богатство и связи. Усилилась роль таких прескриптивных демографических признаков, как пол, возраст, состояние здоровья, этническая принадлежность. Менее эффективно используется трудовой, квалификационный и интеллектуальный потенциал общества» [120, с. 9–10].

В результате мы можем констатировать некоторое социальное противоречие между мировыми тенденциями в использовании потенциала интеллектуальных и квалификационных ресурсов, возрастанием значимости этих ресурсов в процессе формирования общества интеллекта и низким уровнем их востребованности в переходных обществах, в том числе и в Украине. Тем не менее нельзя не обратить внимание на тот факт, что общества, завершившие (точнее — завершающие) переходный период, демонстрируют уже несколько иные социальные практики, которые не замыкаются на национально-государственных контурах, а тесно коррелируют с процессами глобализации: «В свете данных 2000 года представляется, что отображенные в результатах исследований 1990–1995 годов, вселявшие оптимизм возможности расширения поля дальнейших преобразований в сфере социальных структур и форм собственности, согласно рецептам «народного капитализма», похоже, исчерпали себя. В процессе перераспределения национальной собственности центр тяжести переносится на социальные явления и механизмы, связанные с концентрацией этой собственности в масштабе страны, что следует анализировать в контексте глобализации» [117, с. 9–10].

Процесс глобализации, тот цивилизационный вызов, перед которым оказались сегодня индивиды и общества в целом, привели к тому, что в украинском обществе произошла глубокая

социально-психологическая дифференциация. В таких условиях традиционные объективные критерии (доход, уровень образования, должность) не всегда дают объективную картину стратификации в трансформирующемся обществе. При этом актуализируется фактор профессии, который интегрирует в себе как объективные, так и субъективные характеристики. Некоторые современные исследователи пришли к мнению о том, что «изучение межпрофессиональной мобильности является достаточно адекватным способом изучения современных тенденций и процессов, затрагивающих социально-экономическую и статусную ситуации профессиональных категорий и слоев населения» [266, с. 25]. Внимание к профессиональному ресурсу обусловлено и тем, что в современных условиях смена профессии становится одной из стратегий достижения успеха, а ее реализация связывается с феноменом непрерывного образования.

Несмотря на то что феномен смены профессии достаточно широко распространен на Западе, в отечественной практике лишь часть индивидов совершает межпрофессиональную мобильность в «чистом» виде: расстаётся с прежней профессиональной идентичностью и пытается утвердиться в новой. Это свидетельствует о том, что профессиональный ресурс не до конца востребован в современном украинском обществе, и как следствие — лишь вспомогательная его роль в системе позиционирования социальных субъектов.

Исследования социологов в этой связи показывают, что наиболее массовым является совмещение профессий с различными разновидностями экономической и трудовой активности (действительное сочетание и совмещение отличающихся профессий и занятий, формальная принадлежность с имитацией одной деятельности и реальное исполнение иной). Почти 35% населения исполняют сегодня две или три профессиональные роли, невольно расставаясь с прежней идентичностью и с большим или меньшим успехом обретая новую [266, с. 28].

Таким образом, профессия как ресурс в современном обществе непосредственно несет на себе отпечаток идентичности, конструируемой в обществе нового типа. Данная идентичность, как и

любая идентичность, конструируется на основе сочетания внутренних субъективных и внешних объективных факторов. При этом изменения, происходящие в украинском обществе, выступают дестабилизирующим фактором в процессе формирования профессиональной идентификации. В ряду этих изменений можно выделить тот факт, что сегодня больше «кормит» не профессия, а вид деятельности, занятие. В результате получение (или уже наличие) той или иной профессии, имея в теории принципиальное значение в функционировании общества интеллекта, в украинской практике не является таковым.

В этой связи важно упомянуть и о таком феномене, как призвание. В контексте произошедших изменений он, на наш взгляд, приобрел более широкое наполнение и при этом потерял привязку к профессиям. Теперь «у каждого свой пьедестал» и подниматься на него можно разными путями.

По-видимому, такие тенденции в развитии социума привели к интеграции профессий, появлению «стыковых», «нетрадиционных» профессий, что также внесло свой вклад в систему профессиональной идентификации индивидов в современном украинском обществе. При этом нельзя не учитывать, что данные процессы тесным образом связаны с экономическими, а значит — с экономическим типом ресурсов, который по-прежнему сохраняет свою значимость в системе ресурсов украинского общества. И эта связь, по мнению отечественных исследователей [напр., 266, с. 27], проявляется сегодня через систему невыплат, поскольку именно таким образом со стороны государства не подтверждается профессиональная идентичность. Данная связь была зафиксирована и польскими учеными (напр., В. Весоловский), которые говорят о том, что в индустриальных обществах советского типа престиж профессий существенно стратифицировал общества, однако при этом слабо соотносился с доходом.

В результате роль профессии в системе ресурсов современной личности достаточно противоречива, а следовательно, перспективы совершенствования в рамках данного ресурса выглядят неоднозначно для представителей разных профессиональных групп. Именно поэтому в избираемых современных профессиональных

стратегиях сочетаются порой ориентиры, направленные на разнообразные по своему характеру ресурсы. В качестве иллюстрации можно привести исследование межпрофессиональной мобильности специалистов с высшим образованием в предпринимательскую сферу [266, с. 137]. Элементами такого механизма выступают: 1) появление объективной ситуации, которая проблематизирует профессиональную идентичность личности; 2) формирование мотивации к смене профессии; 3) принятие решения о профессиональном перемещении и реальные шаги по смене профессии; 4) адаптация и конструирование новой идентичности.

Это исследование показало, что в каждой истории жизни рельефно выступал объективный социально-культурный контекст процесса индивидуальной межпрофессиональной мобильности. В качестве событий (причин), стимулировавших изменение трудовой карьеры и повлиявших на зарождение идеи профессиональных перемещений, респонденты выделяют свои наблюдения и впечатления относительно всесторонних общественных изменений, резкой социальной и материальной дифференциации, легализации частной собственности и предпринимательской карьеры, лидирования негосударственных секторов экономики по возможности удовлетворения социальных и материальных потребностей работников, смены системы общественных ценностей и социально-профессионального престижа. Большинству из интервьюированных молодых профессионалов присущ описанный Л. Иониным феномен утраты биографии.

В результате сделанные выводы подтверждают нашу гипотезу о том, что глобализационные воздействия уже сегодня непосредственно коснулись не только развитых стран и государств, но и каждого человека, живущего в переходных обществах. Однако в таких обществах под влиянием глобализационных тенденций и процессов реструктуризации ключевых ресурсов происходят изменения в представлениях о престижности профессий, что, в свою очередь, является детерминантой конструирования жизненных стратегий и практик позиционирования социальных групп в стратификационном пространстве.

Как отмечают исследователи, данный аспект анализа профессиональных ресурсов важен и с той точки зрения, что «группа или профессия, не являющаяся престижной ни с точки зрения общества, ни с точки зрения общественности, создает для своего выживания определенный пафос, сопровождаемый неким кодексом норм, предписаний, внутренних легенд и традиций. Социоэкономическая группа-аутсайдер отказывается нести на себе печать непрестижности, и свое незавидное положение склонна истолковывать как некий крестный путь, своего рода святое мученичество, за которое неизбежно должно воздаться. Таким образом, пафос социоэкономической группы выполняет ту же функцию, что и престиж, поэтому данные понятия — не антитезы. Говоря точнее, пафос есть суррогат престижа» [150, с. 66–67].

Вполне естественным является и то, что параметры престижа профессий различаются не только в стабильных обществах (в силу социокультурных, исторических, экономических особенностей развития страны), но и между различными типами обществ. И с этой точки зрения современные различия между западными странами и Украиной очевидны. Так, в США, «когда респондентов просили оценить различные занятия в терминах важности и ценности, самые высокие ранги получили профессионалы, такие как законодатели, врачи, ученые, преподаватели колледжей, которые затратили многие годы на обучение, кто контролирует некоторое число и типы людей, входящих в круг их деятельности, кто обычно получает высокие доходы (за исключением профессоров колледжей)» (см табл. 2.6) [105, с. 45–46].

Если верхнюю часть шкалы занимают представители творческого, интеллектуального труда, то нижнюю — представители преимущественно физического малоквалифицированного. Именно данный факт является отображением перехода к новому типу общества и выдвижению на первый план определенных социальных групп.

По данным наших исследований (1.1, 2.2), в Украине представления о престиже профессий значительно отличаются. Так,

Таблица 2.6

**Шкала профессионального престижа
(сокращенный вариант) максимум – 100 баллов**

Вид занятий	Баллы	Вид занятий	Баллы
физик	82	машинистка	41
профессор колледжа	78	водопроводчик	41
судья	76	фермер	41
адвокат	76	ювелир	37
врач	74	часовщик	37
дантист	74	стюардесса	36
банкир	72	механик	35
летчик	70	булочник	34
министр	69	сапожник	33
гражданский инженер	68	бульдозерист	33
социолог	66	водитель грузовика	32
политолог	66	кассир	31
математик	65	продавец	29
школьный учитель	63	мясник	28
бухгалтер	57	домработница	25
библиотекарь	55	железнодорожник	24
специалист по ПК	51	газовщик	22
брокер	51	таксист	22
репортер	51	официант	20
менеджер в офисе	50	наемный работник	18
офицер полиции	48	на ферме	
музыкант	46	горничная	18
секретарша	46	сантехник	17
пожарный	44	дворник	17
почтовый служащий	43	чистильщик обуви	9

Примечание: шкала имеет от 100 (высшая оценка) до 1 (низшая оценка) балла. Второй столбец «баллы» показывает среднюю оценку, полученную данным видом занятий по выборке.

например, украинские студенты ориентированы по престижу на профессии юриста, программиста, экономиста (см. табл. 2.7). Эксперты в сфере образования, наряду с указанными профессиями, обращают особое внимание на занятие предпринимательской деятельностью. Общий взгляд на иерархию профессий позволяет зафиксировать тесную связь их престижа с уровнем оплаты труда, что подтверждает факт сильнеешего влияния материальных ресурсов на практики позиционирования социальных субъектов в стратификационном поле Украины.

Таблица 2.7

Распределение ответов на вопрос: «Какие профессии и виды деятельности, по Вашему мнению, пользуются наибольшим спросом на рынке труда в современном украинском обществе?» (в %)

№ п/п	Профессии и виды деятельности	Студенты Украины	Эксперты
1.	программист	55,7	54,6
2.	юрист	46,6	54,6
3.	экономист	42,8	45,5
4.	предприниматель	29,3	54,6
5.	врач	20,7	13,6
6.	переводчик	19,2	13,6
7.	психолог	11,6	13,6
8.	политик	10,8	---
9.	социолог	9,1	4,6
10.	милиционер	8,2	4,6
11.	журналист	7,0	---
12.	продавец	5,3	13,6
13.	инженер	5,1	4,6
14.	военнослужащий	3,6	---
15.	повар	3,0	4,6
16.	фермер	2,7	9,1
17.	водитель	2,5	9,1
18.	охранник	2,5	9,1
19.	артист	2,1	---
20.	учитель	1,3	4,6
21.	другая	1,7	---

При этом нельзя не согласиться, что в условиях социокультурного кризиса у нас произошла конверсия понятий «престиж» и «пафос», при которой группа, некогда престижная, становится непрестижной и наоборот. Например, «к престижным (достойным) группам в советское время относились: ученые, врачи, учителя, люди романтизированного труда (шахтеры, рыбаки, хлеборобы и т. д.), люди героических профессий (военные, летчики, моряки, разведчики, космонавты, милиция и т. д.), люди творческих профессий (артисты, певцы, художники, писатели, музыканты и т. д.). К социальным аутсайдерам относились: представители уголовной среды, квазипредприниматели (спекулянты, «фарцовщики» и т. д.), бродяги, служители культа (священники, пресвитеры и т. д.)» [150, с. 67]. В современных же условиях престижными признаются одни профессии (юристы, экономисты и коммерсанты), а наиболее важными для общества — другие (врачи, учителя, ученые). При этом «непрестижные» ныне врачи и учителя не просто спасаются в своей профессиональной среде, но и демонстрируют значительный потенциал к совершенствованию, стремление к его реализации, рассчитывая, главным образом, на свои силы [150, с. 71], что свидетельствует о том, что адаптационный потенциал социальных групп играет в современном обществе одну из ведущих ролей в осуществлении социальных практик, в том числе и при позиционировании в стратификационном пространстве.

Выше уже говорилось о том, что одной из стратегий, используемых в современном украинском обществе, является изменение или совмещение профессий и видов деятельности. При этом необходимо учитывать, что в рамках такой социальной мобильности труднее всего преодолеть границу между физическим и умственным трудом, причем в любом направлении. Данный факт важен для понимания современных социальных практик, осуществляемых социальными субъектами. Ведь в современной международной миграции произошли качественные изменения, обусловленные НТР. Суть их — в значительном увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. В рамках интеллектуальной мигра-

ции, явления в целом положительного, выделяется ее негативная составляющая — «утечка мозгов». Интеллектуальная миграция представляет собой обмен учеными и специалистами из разных стран, выезжающими на короткое время конференций, стажировок или работы. В отличие от нее, «утечка мозгов» — это разновидность безвозвратной или долговременной миграции, которая обусловлена трудностями в возможностях или нежеланием смены профессии, сочетаемыми с невостребованностью, непрестижностью того или иного вида деятельности.

«Утечка мозгов» в условиях глобализации приобретает особые черты, ведь, кроме того, что она способствует явному оттоку интеллекта из стран, она приобретает латентные формы — в деятельности транснациональных корпораций, посредством информационных технологий и т. д. В таких условиях ослабление интеллектуального потенциала стран переходного типа становится реальностью. И если с формальных позиций «утечка мозгов» — это фактическая эмиграция из страны ученых, инженеров, писателей, артистов и т. д., то с неформальной стороны — это потеря интеллектуального и культурного потенциала страны, и именно поэтому она губительна для нее.

Тем не менее следует признать, что «утечка мозгов» — универсально-исторический процесс. Через него прошли многие страны. Так, из нацистской Германии уехали в Европу и США тысячи талантливых ученых в разных областях науки — от психологии до ядерной физики, во многом способствовавших научной мощи современных США. «Для России “утечка мозгов”, с одной стороны, имеет негативные последствия. По мнению российских исследователей, с 1989 по 2000 г. “утечка умов” из России составила примерно 1,5 млн человек. Только в экономическом измерении ежегодные потери России от нее в 90-е годы оцениваются в 50–60 млрд долл. Однако, с другой стороны, “утечка мозгов” является одной из значительных статей поступления доходов в бюджет государства» [105, с. 501].

Однако универсальность «утечки мозгов», на наш взгляд, несет на себе и отпечаток конкретно-исторических условий, ментальности социума, его культуры, традиций. Это означает, что решение

данной проблемы требует знаний как общих исторических тенденций, так и специфики конкретных обществ.

Очевидным является то, что процессы миграции анализируются во второй половине XX – в начале XXI века исключительно в контексте интеллектуального ресурса, который рассматривается в качестве детерминанты экономического ресурса. Данный факт позволяет смещать акценты с анализа общей социальной структуры украинского общества на ключевых носителей его интеллектуального потенциала – интеллектуальную элиту. Однако для понимания тех процессов, которые происходят с данной группой, необходимо завершить формирование системы показателей и социальных практик, важных в системе современных тенденций. Одним из них в условиях изменения типа общества, как отмечалось нами ранее, является адаптационный капитал, ведь во многом именно с ним связывают в конечном итоге «выигрыши» и «проигрыши» от реформ, трансформационных изменений и т. д. Более того, по мнению некоторых авторов, «наиболее сильным критерием, по которому формируется реальная стратификация российского общества, является в настоящее время уровень адаптации к проводимым преобразованиям. Система стратификации, построенная по этому критерию, достаточно сложна, поскольку разные социальные группы находятся на разных стадиях адаптации» [44, с. 44].

Феномен адаптации является достаточно изученным в рамках социологической мысли (Р. Мертон, Э. Гидденс и др). Так, Р. Мертон выделил пять основных форм приспособления: конформность, инновации, ритуализм, ретритизм и мятеж [212, с. 50–64].

При этом конформность связывается с соответствием и культурным целям, и институционализированным средствам. Инновация как форма приспособления вызывается значительным культурным акцентированием цели-успеха и заключается в использовании институционально запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств достижения богатства и власти, или хотя бы их подобия. Ритуализм предполагает сохранение или понижение слишком высоких культурных целей, большого денежного успеха и быструю социальную мобильность там, где эти устрем-

ления могут быть удовлетворены. Несмотря на то что культурное предписание «стараться преуспеть в этом мире» отвергается и, таким образом, горизонты сокращаются, продолжается почти безусловное соблюдение институциональных норм. Ретритизм рассматривается как отвержение культурных целей и институциональных норм, а мятеж — как вывод людей за пределы существующей социальной структуры, что и побуждает их создавать новую, то есть сильно видоизмененную структуру.

Современное украинское общество, на наш взгляд, представляет собой мозаичное сочетание различных типов адаптации. Пожалуй, лишь конформность меньше всего представлена в социальных практиках в силу значительной трансформации культурных целей и социальных институтов. Тем не менее можно предположить, что те или иные социальные субъекты реализуют определенный тип адаптационного поведения, что связано как с особенностями самих социальных групп, их адаптационным потенциалом, так и с теми результатами, которые характерны для других социальных субъектов в системе различных адаптационных практик.

Рассмотрение процесса адаптации социальных субъектов кажется нам важным также в контексте того, что в условиях изменения социальной структуры общества, реструктуризации его ключевых ресурсов, воздействия вызовов социальной среды данный процесс определяет некоторый потенциал социальных субъектов и его реализацию в столкновении с протекающими изменениями. Он также связан с капиталами, накопленными разными социальными субъектами и по-новому проявляющими себя в современных условиях.

Исследования показывают, что сложной проблемой адаптации населения в современных переходных обществах, в том числе и в Украине, является то, что она проходит в условиях крутой ломки институциональной системы общества и вытеснения норм и ценностей, существовавших на протяжении жизни нескольких поколений. В результате по критерию успешности адаптации ученые выделяют несколько групп: «первая группа — «преуспевающие» — включает респондентов, которые выиграли от проводимых

реформ и к тому же оценили свое материальное положение как сравнительно лучшее. Их численность составила 6%. Вторая группа – «адаптированные» – отметили, что не выиграли, но и не проиграли от реформ, и их материальное положение такое же, как и у других людей – 21,2%. Третья группа – «выживающие» – отметили, что проиграли, и их материальное положение хуже, чем у других (29,5%)» [44, с. 45–46].

Таким образом, адаптационный потенциал является недостаточно мощным на сегодняшний день среди различных социальных групп. Данная проблема, на наш взгляд, относится к различным направлениям их жизнедеятельности, и, прежде всего, к тем, которые непосредственно коррелируют с ключевыми ресурсами в современном обществе. Такая ситуация является важной в контексте осмысления процессов социальной мобильности, осуществляемых в украинском обществе, и формирования на этой основе новых идентичностей и, как следствие, расширение рамок маргинальности социальных групп.

Явление маргинальности в современных условиях, на наш взгляд, стало одним из атрибутов большинства социальных субъектов. Сегодня, как показывают исследования, «состояние маргинальности в значительной степени характерно для многих групп. Это, во-первых, квалифицированные рабочие, специалисты, ИТР, часть управленческого корпуса и т. д., работавшие в государственном секторе экономики (предприятия военно-промышленного комплекса, конверсионные производства, закрывающиеся предприятия), имевшие в прошлом высокий уровень образования и социально-профессиональный статус, оказавшиеся ныне в ситуации вынужденной смены его» [83, с. 84].

Говоря о маргинальности в современных переходных обществах, в том числе и в Украине, следует отметить, что «маргинальность – одна из характеристик состояния социальной структуры любого общества. Это понятие служит обычно для обозначения относительно устойчивых социальных явлений, возникающих на границе взаимодействия различных культур, социальных общностей, структур, в результате чего определенная часть социальных субъектов оказывается за их пределами» [270, с. 62].

Маргинальность является результатом процессов мобильности. При этом мы согласны с Р. Парком, который связывал концепцию маргинального человека не с личностным типом, а с социальным процессом и предпочитал исследовать этот процесс скорее не с точки зрения личности, а общества, в котором она является частью. Иначе говоря, маргинальность группы или личности объективно определяют, прежде всего, внешние обстоятельства.

«Общей причиной возникновения маргинальных явлений выступает изначально хаотичное и почти неуправляемое движение общества к другой, пока еще неопределенной социально-экономической и политической системе с новой социальной структурой в условиях общего кризиса и радикального реформирования. Существенно изменяются характеристики социальных субъектов, приобретающих маргинальный статус. Специфика состоит в том, что они не исключаются полностью из социально-экономических, политических и социокультурных связей и отношений, но их положение и роли в них существенно и резко изменяются. От того, какова степень трансформации, деформации или разрушения этих структур, зависит степень и характер маргинализации» [270, с. 66].

Украинское общество находится сегодня в переходном состоянии. И это дает нам основание говорить об усилении в нем процессов маргинализации. Ведь, как отмечалось ранее, в нем не просто активизировались процессы социальной мобильности, но и произошли серьезные изменения самих социальных статусов.

Основной критерий, определяющий состояние маргинальности индивида или группы, — это состояние, связанное с периодом перехода, представляемого как кризис. Этот критерий был описан «классиками» концепции — Р. Парком и Э. Стоунквистом. Другой базовый критерий (или группа критериев) — неопределенность социального положения, невключенность, или неполная включенность в социальные структуры или группы.

Интересно, что в потоке трансформаций, реформ, модернизаций пересекается множество оснований социальной стратификации, которые в совокупности усиливают маргинализацию социальных субъектов: ведь процессы социальной мобильности

затрагивают активно и профессиональную сферу, и образовательную, и имущественную и др. В таких условиях большинство социальных субъектов изменяют свой статус, переконструируют свои социальные сети, меняют социальную среду и даже, порой, ценностные ориентации. По мнению исследователей, такая ситуация опасна размыванием страт, формирующих ядро среднего класса — квалифицированных рабочих и специалистов. «Так, около 10% рабочих и 15% специалистов не соотносят себя ни с каким социальным слоем, а 6,3% первых и 8,3% вторых вообще считают, что нет той социальной группы, к которой они могли принадлежать. Среди неспециалистов таких в несколько раз больше (более четверти)» [85, с. 33].

Тем не менее исследования показывают, что в среде тех же специалистов наблюдаются порой нестандартные стратегии и различные способы модернизации своих капиталов. По-видимому, с этим связан феномен «новых маргинальных групп». Подходы к его определению связываются, прежде всего, с кризисом занятости в результате глубокой структурной перестройки производства в постиндустриальных обществах, определяемой как последствия научно-технической революции. В характерных чертах и тенденциях маргинальных процессов в Западной Европе можно угадать основные контуры современной отечественной действительности. Ведь маргиналы в Западной Европе — это сложный конгломерат групп, в который, наряду с традиционными (так называемыми люмпен-пролетариями), входят новые маргиналы, характерными чертами которых являются высокая образованность, развитые потребности, большие социальные ожидания и политическая активность. Их источником является нисходящее социальное перемещение групп, еще не отторгнутых от общества, но постепенно теряющих прежние социальные позиции, статус, престиж и условия жизни.

Парадоксально, но в таких условиях именно те группы, которые являются ключевыми в обществе интеллекта, в переходном обществе обретают черты маргинальности. В украинском обществе под новыми маргинальными группами понимают «социально-профессиональные группы, в которых происходят

значительные, интенсивные, масштабные изменения положения по отношению к прежней системе социальных отношений, обусловленные внешними, кардинально и необратимо изменившимися социально-экономическими и политическими условиями» [270, с. 67]. Исходя из этого, эмпирические замеры показали, что сегодня одной из таких групп являются постспециалисты – «специалисты отраслей экономики, потерявшие в современной ситуации социальную перспективу и вынужденные менять свой социально-профессиональный статус... Общие характеристики этой группы: достаточно высокий, достигнутый во многом в прошлом социально-профессиональный статус, уровень образования и специальной подготовки; созданные кризисом и политической государства условия невостребованности; несоответствие низкого уровня материального положения достаточно высокому социальному статусу; отсутствие возможностей изменить свой статус» [270, с. 69]. На наш взгляд, потенциально это одна из тех групп, которые непосредственно способствуют развитию интеллектуального потенциала общества, а также формированию общества интеллекта.

При анализе феномена маргинальности в современном украинском обществе нужно учитывать, что социальные перемещения, как отмечалось нами ранее, происходят по различным осям. Исходя из этого, выделяют культурную, социальную (структурную) маргинальность, маргинальность социальной роли. «Культурная маргинальность в ее классическом определении относится к процессам кросс-культурных контактов и ассимиляции. В основе этого типа маргинальности – взаимоотношения систем ценностей двух культур, в которые включен индивид и результатом которых становится двусмысленность, неопределенность его статуса и роли. Классические описания культурной маргинальности дали Э. Стоунквист и Р. Парк. Маргинальность социальной роли возникает в следующих случаях: в случае неудачи при попытке отнесения к позитивной референтной группе; при действии в роли, которая лежит между двумя рядом расположенными ролями; членстве в группах, маргинальных по определению (некоторые профессиональные группы); к этому же типу относят

и те социальные группы, которые находятся на окраине социальной жизни (например, цыгане, бездомные и т. д.). Структурная маргинальность — результат политического, социального и экономического неравенства (имеются в виду социальные группы, лишённые избирательных прав и/или поставленные в невыгодное положение)» [270, с. 63]. Поэтому анализ тех или иных социальных субъектов предполагает также взгляд сквозь призму типов маргинальности. При этом важным моментом в понимании этих процессов является учет не только объективных показателей степени маргинальности, но и субъективных — возможностей и меры адаптированности; самооценки вынужденности или добровольности, социальной дистанции в изменении социального положения, повышения или понижения своего социально-профессионального статуса, преобладания пессимизма или оптимизма в оценке перспектив, степени определенности самоидентификации социальных субъектов и др.

Еще в подразделе 2.2 мы выделили идентификацию как один из факторов, влияющих на позиционирование социальных групп в стратификационном пространстве. Современные же исследования показывают, что в Украине сегодня ведущим критерием социально-классовой идентификации является доход и материальное положение семьи (60%) (см. табл. 2.8) [153, с. 130].

Очевидно, что в современном украинском обществе наблюдается смешение различных критериев принадлежности человека к социальной группе или слою, что, с одной стороны, говорит о постепенной реальной реструктуризации ресурсов в социуме, а с другой — о множестве разнообразных вызовов, с которыми индивид сталкивается в различных полях: профессиональном, культурном, образовательном и др.

Интересным в этой связи выступает то, что в стабильных обществах в системе социального стратифицирования первое место занимает профессиональная идентификация. У нас же — экономическая. Естественным следствием этого, по нашему мнению, является и деформация ресурсных характеристик социальных групп (см. табл. 2.9) [153, с. 208–209].

Таблица 2.8

**Критерии, в наибольшей степени определяющие,
по мнению представителей разных классов, принадлежность
человека к тому или иному социальному классу/слою (в %)**

Критерии	Сред- ний класс	Рабочий класс	Низший класс	В целом по вы- борке
Доход, материальное положение семьи	58,7	56,7	66,2	60,0
Уровень образования	50,3	38,7	17,5	36,8
Семья, из которой человек происходит	23,3	31,2	18,1	25,8
Профессия, занятие	23,3	29,4	17,4	24,8
Должность на работе	19,8	19,2	16,4	18,6
Стиль жизни, потребления, проведения свободного времени	28,3	12,8	12,5	17,1
Манеры, поведение, стиль речи	23,6	12,6	4,9	14,0
Уровень квалификации	13,9	15,6	4,5	12,7
Занятие предпринимательской дея- тельностью	5,6	5,7	6,3	5,8
Престиж	4,4	3,9	3,8	4,0
Характеристики предприятия или ор- ганизации, где человек работает	4,7	3,2	4,9	4,0
Другое	1,2	0,0	0,7	0,5
Нет ответа	2,7	6,2	12,2	6,7

Таблица 2.9

**Ресурсные характеристики классов
(n=1800, 2000 год)**

Ресурсы	Классы по самоидентификации			
	Бизнесмены- предприни- матели	Интел- лигенция	Рабочие	Крестья- не, фермеры
1	2	3	4	5
Доля группы в массиве (%)	5	18	19	21
1. Образование (%)				
1. высшее	49	57	24	12
2. среднее специальное	25	24	29	19
3. среднее профессиональное	12	8	18	18
4. среднее общее	13	10	23	26
5. ниже среднего	1	2	7	25
	100%	100%	100%	100%
Средняя стандартизированная оценка (1 – max, 0 – min)	0,86	1,0	0,42	0,21

Продолжение таблицы 2.9

1	2	3	4	5
2. Доход (средняя оценка денежного дохода семьи на человека за месяц, предшествующий опросу, грн)	275,49	156,09	118,85	98,38
Средняя стандартизированная оценка (1 – max, 0 – min)	1,0	0,58	0,43	0,36
3. Материальное положение (средняя оценка по самооценкам: 1 – «богатые», 0,75 – «обеспеченные», 0,5 – «малообеспеченные», 0,25 – «бедные», 0 – «нищие»)	0,45	0,29	0,21	0,17
4. Наличие собственности, приносящей доход (% к группе)	52,9	37,0	35,5	46,2
Средняя стандартизированная оценка (1 – max, 0 – min)	1,0	0,70	0,67	0,83
5. Наличие работы, приносящей доход (% к группе)	71,0	66,0	63,4	40,8
6. Престиж работы (средняя оценка по самооценкам: 1 – наиболее престижна, 1 – совершенно не престижна)	0,31	0,26	0,04	0,03
7. Социальный статус (средняя оценка по самооценкам: 9 – max, 1 – min)	4,93	3,62	2,91	2,64
Средняя стандартизированная оценка (1 – max, 0 – min)	1,0	0,73	0,59	0,53
8. Трудовые отношения (% к группе):	30,0	7,3	2,0	3,8
1. собственник, совладелец предприятия с наемными работниками				
2. владелец самостоятельного дела, хозяйства (без наемных работников)	16,7	6,2	4,5	6,8
3. наемный работник	36,7	61,2	69,9	58,7
4. член кооперативного и т. д. предприятия	11,7	12,9	15,1	24,3
9. Управленческо-организационные функции (% к группе)	32,8	22,9	8,5	0,3
Средняя стандартизированная оценка (1 – max, 0 – min)	1,0	0,70	0,26	0,0
10. Самостоятельность в трудовом процессе (средняя оценка по самооценкам: 1 – полная самостоятельность, 0 – полная зависимость от решений других)	0,71	0,56	0,41	0,36
Средняя стандартизированная оценка (1 – max, 0 – min)	1,0	0,79	0,58	0,51

В конечном итоге процесс позиционирования социальных групп в стратификационном поле Украины неоднозначен в силу множества причин: слабой профессиональной и культурно-ценностной идентификации, неравного веса тех или иных ресурсов и накопленных капиталов, специфических форм и факторов социальной мобильности и др. Однако все это, на наш взгляд, важно не только с точки зрения социальных практик социальных субъектов, но и с точки зрения качественного состояния самого общества. Ведь его интегрированность будет способствовать активному развитию его интеллектуального потенциала и формированию общества интеллекта.

Социальная интеграция чаще всего понимается как состояние и процесс объединения социальных явлений в единое целое, сосуществование различных элементов общества вместе, в том числе как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами. В рамках анализа социальной интеграции акцент делается на согласованности и гармонии элементов общества (традиция идет от Платона, Гоббса, а также О. Конта, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса). Так, Э. Дюркгейм, определяя общество как интегрированное целое, состоящее из взаимозависящих частей, выделял два типа обществ: с механической и органической солидарностью. Первый тип основывается на простейшем разделении труда, почти полном отсутствии различий между функциями, социальными ролями индивидов, нетерпимости к проявлению индивидуальности, на однородности ценностных ориентаций, типов поведения индивидов, социальном принуждении (архаическое общество). Второй тип базируется на высокой степени разделения труда, с развитием которого индивиды, выполняющие частичные функции, становятся все более зависимыми друг от друга (индустриальное общество).

Социальная интеграция сегодня рассматривается с точки зрения того деятельностного потенциала, который несут в себе социальные субъекты, и при этом социальные институты рассматриваются как те, которые устанавливают и транслируют способ организации социума. Наиболее общая функция социальной структуры состоит в таком «распределении акторов между типами

ролей и статусов, которое позволяет максимизировать общий результат их деятельности в условиях действующих правил игры.

Какой же способ организации «национальной команды» можно оценить как наиболее эффективный? По-видимому, тот, при котором каждый игрок имеет возможность максимально развить и использовать свои личные способности и другие ресурсы.... Успешное развитие общества предполагает не только правильную расстановку акторов, но и возможность их достаточно быстрого перемещения между социальными позициями в зависимости как от их собственных интересов, так и от меняющихся потребностей общества. Особенно важна подобная динамичность в условиях переходных, трансформирующихся обществ с характерной для них изменчивостью правил игры» [119, с. 140–141].

Именно в таких условиях, на наш взгляд, социальная интеграция общества, его интегративный потенциал становятся залогом успешного развития. Однако нельзя не учитывать, что именно в трансформирующихся обществах этот потенциал подвергается серьезным испытаниям, особенно при активном воздействии вызовов современности. И тогда говорят о социальной дезинтеграции, которая понимается как процесс и состояние распада общественного целого на части, разъединение элементов, некогда бывших объединенными; т. е. процесс, противоположный социальной интеграции. Наиболее частые формы дезинтеграции — распад или исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов [см. 86].

К сожалению, на сегодняшний день дезинтеграционные тенденции в украинском обществе достаточно сильны. И способствует этому целый ряд факторов. К ним можно отнести и негативную идентификацию, вызванную политическими, экономическими переменами в обществе, и неоднозначное влияние украинской культуры, которая на сегодняшний день может как объединять, так и разъединять людей, как способствовать, так и препятствовать воплощению в жизнь новых образцов и моделей поведения и т. д.

Еще одним фактором дезинтеграции выступает оценка людьми своего статуса, которая носит многоаспектный характер. Как отмечают исследователи, «принадлежность к определенной социально-профессиональной группе приобретает в сегодняшних условиях четко выраженное социальное качество, становится во многих случаях «первичным» элементом социально-стратификационной структуры и, соответственно, интеграции/дезинтеграции» [86, с. 29]. При этом, по мнению Н. Лумана, наихудшим из возможных сценариев развития современного общества станет принятие социальной системой нового типа социальной дифференциации — «метакода включения/исключения». Как отмечает автор, «это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра; что некоторые будут освобождены как личности, а некоторые — как физические тела, что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, ...что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения» [Цит. по 173, с. 41].

В результате очевидно, что в процессе реализации стратификационных практик в переходных обществах, в том числе и в Украине, наблюдается рост негативной идентификации, который приводит, как правило, к отчуждению личности от многих социальных микро- и макроструктур. Относительно этого, как свидетельствуют многочисленные социологические исследования, мир переживает «кризис идентификации». За последние десять лет в различных его регионах в несколько раз возросло количество людей, которые не могут определить своей социальной принадлежности (семейной, дружеской, поселенческой, статусной, профессиональной и т. п.). Это является не чем иным, как разрушением традиционного механизма социальной идентификации, вследствие чего происходит атомизация (распыление) современного общества [см. 81].

Такое положение имеет результатом высокую степень дробления социальных групп, их повышенную мозаичность. «При этом

становление социальных классов является не реализацией последовательной цепочки: ресурсы — структурные позиции — сознание — действие, а результатом взаимного определения структуры, культуры и действия, игры деятельностно-структурных потенциалов. Данный результат получает выражение во взаимном стихийном согласовании, кооперации социальных действий тех, кто занимает сходные социальные позиции и обладает подобными жизненными шансами и мотивационными структурами сознания» [153, с. 195].

Очевидно, что процессы позиционирования социальных субъектов в стратификационном поле Украины проходят под влиянием специфических особенностей процессов социальной мобильности, активности социальных субъектов, их идентификационных стратегий. В современном украинском обществе значительно изменилась роль профессии как ресурса и т. д. В совокупности своих проявлений данные особенности способствуют становлению новой социальной структуры с новыми социальными группами в ее рамках.

В контексте формирования общества интеллекта нам видится целесообразным анализ социальной структуры украинского общества сквозь призму двух аспектов. Во-первых, складывающиеся (или сложившиеся) социальные группы, их позиции в системе социальной стратификации и их соотношение с социальной структурой общества интеллекта. Во-вторых, выкристаллизация тех групп и слоев в современном украинском обществе, которые являются основными носителями интеллектуального потенциала общества, ведь именно он выступает, как было показано нами в подразделе 1.4, базовым индикатором общества интеллекта.

Безусловно, основу социальной структуры современных переходных обществ составляют социальные слои, группы и классы советского общества — рабочий класс, крестьянство, интеллигенция (хотя изменились их социальная роль в обществе и количественные показатели); появились и параллельно формируются новые социоструктурные образования: новая буржуазия, новая бюрократия, предприниматели, менеджеры, свободные

профессионалы, наемные работники в частном секторе, безработные и др.; произошло обесценивание профессионализма в тех областях деятельности, в которых он ранее был недефицитен... Наряду с этим «какие-то группы сохранили или даже усилили свой престиж: артисты и кинорежиссеры, эстрадные исполнители, юристы, журналисты и др. Они пополнились за счет новых персонажей: бизнесменов, банкиров, политиков. Значительное число групп утратили свой престижный статус полностью (шахтеры, хлеборобы, рыбаки, рабочие) или частично (ученые, педагоги, врачи, военные, полярники, писатели)» [150, с. 67].

Процессы позиционирования социальных субъектов в стратификационном пространстве Украины позволяют сделать вывод об идущем процессе институционализации, по крайней мере, четырех классов на мезоуровне социального пространства украинского общества, об их созревании как макросоциальных акторов [153, с. 217]. Стратификационная же модель современных переходных обществ выглядит следующим образом: элита — правящая политическая и экономическая — до 0,5%; верхний слой — крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, другие субэлитные группы — 6,5%; средний слой — представители мелкого бизнеса, квалифицированные профессионалы, среднее звено управления, офицеры — 20%; базовый слой — рядовые специалисты, помощники специалистов, рабочие, крестьяне, работники торговли и сервиса — 60%; нижний слой — малоквалифицированные и неквалифицированные работники, временно безработные — 7%; социальное дно — до 5% [121].

Структурирование таким образом переходных обществ основано на единстве объективных и субъективных критериев. Последние выстраиваются во многом на идентификации. Интересным в этой связи являются результаты украинских социологов. Так, многолетний социологический мониторинг «Украинское общество на рубеже XXI века» традиционно предусматривает вопрос, который дает возможность выявить картину статусной самоидентификации. Он формулируется так: «Представьте себе, что на ступенях некой «лестницы» расположены люди с различным

положением в обществе: на нижней — те, кто имеет самое низкое положение, на высшей — занимающие высшее. На какой из этих ступеней Вы бы разместили себя?». И так, лишь 2–4 % респондентов помещают себя на трех верхних позициях социальной иерархии [351, с. 14]. Интересно, что, по данным мониторингового исследования Института социологии НАН Украины, именно молодежь в возрасте 18–29 лет размещает себя наиболее высоко на условной социальной лестнице — выше, чем все иные возрастные когорты [см. 266, с. 29].

Анализируя такую идентификацию, Е. Головаха отмечает, что если изобразить объем верхней, средней и нижней ступеней иерархической «лестницы» украинского общества, она будет иметь форму пирамиды с очень широким основанием и острой верхушкой, без малейшего намека на ромбовидную социальную структуру цивилизованных стран [351, с. 15].

Это выступает свидетельством того, что процессы стратифицирования украинского общества и процесс формирования общества интеллекта на сегодняшний день в значительной степени не совпадают. При этом тенденции параллельного присутствия этих процессов порождают значительные противоречия в социуме, которые непосредственно отражаются на его социальной структуре.

На сегодняшний день в контексте выделенных нами аспектов анализа в рамках социальной структуры украинского общества особый интерес представляет его «верхушка». Ведь данный слой, с одной стороны, обладает ресурсами, сравнимыми с ресурсами остальной части общества. А с другой — его представители имеют значительный трансформационный потенциал, что особенно важно в условиях стратифицирования общества. К данной группе относят обычно элиты и субэлиты.

Как показывают исследования, для представителей этих групп наиболее важными дифференцирующими факторами в современном обществе выступают власть, деньги, талант [см. 86, с. 28]. Очевидно, что данные признаки являются отражением переходной модели социальной стратификации украинского общества.

Подтверждением тому выступает и то, что в современном портрете верхушки общества практически отсутствует прослойка интеллектуальной элиты, которая наибольшим образом связана с развитием интеллектуального потенциала украинского общества и формированием общества интеллекта.

Однако также слабо представительство интеллектуальных слоев в нижней части современной стратификационной структуры переходных обществ.

В результате очевидно, что носители интеллектуального потенциала украинского общества сосредоточены на сегодняшний день преимущественно в серединной части его стратификационной структуры. К ней можно отнести базовый и средний слои. Базовый слой, по мнению Т. И. Заславской, охватывает сегодня 2/3 занятых в экономике. Его основу «составляют представители бывшего советского среднего слоя. Это массовая интеллигенция, когда-то с энтузиазмом поддерживавшая перестройку и ставшая ее социальной опорой, а позже вытесненная номенклатурой и бюрократией из сферы политической активности... Вторую часть базового слоя составляют относительно адаптировавшиеся к новым условиям рабочие, крестьяне, служащие, а также та часть специалистов, которая не смогла удержаться в среднем слое и вынуждена была спуститься в базовый... Третья группа объединяет наименее образованных, социально слабых представителей базового и нижнего слоев...» [120, с. 8]. Представители этого слоя осуществляют, как правило, не преобразовательную, а традиционную деятельность. Центральными дифференцирующими, с их точки зрения, факторами в обществе выступают деньги, незаконные действия, национальность [см. 86, с. 28].

Таким образом, в целом, базовый слой современных постсоветских обществ, несмотря на обширность, на сегодняшний день не располагает ресурсами и капиталами, необходимыми для формирования общества интеллекта. Однако определенный потенциал в данном отношении сохраняет интеллигенция. За последние годы «глубокой дисперсии подверглись массовые группы людей интеллектуального труда, т. е. интеллигенция.

Одновременно произошло ее беспрецедентное статусное падение. Сотни тысяч, миллионы — инженеры, ученые, медицинские работники, педагоги — потеряли возможность работать в соответствии со своей профессией. Их заработная плата, и так невысокая в прежние годы, упала в два-три-четыре раза... В структуре безработицы самый высокий уровень среди лиц нефизического труда. Ценность умственной деятельности в общественном сознании упала до самого низкого уровня за последние десятилетия. Чтобы выжить, многим интеллигентам приходится выполнять тяжелые, непрестижные работы...

Сейчас вновь все очевиднее проявляются и двойственность положения интеллигенции в системе общественных отношений, и ее глубокая внутренняя дифференциация, хотя конфигурация, как это обычно бывает на новом этапе, выглядит по-иному. В сфере политической ориентации все более отчетливо выделяются три основные группы: две массовых и одна, приобретающая черты маргинальной. Первая группа включает не принимающих ценности складывающегося общественного строя; вторая — глубоко разочарованных его бывших сторонников; третья — в основном, а в ряде случаев и полностью, идентифицирующая себя с властью» [74, с. 87].

В результате можно говорить о том, что часть представителей интеллигенции обладает определенным социальным, культурным и личностным капиталом, реализация которого уже сегодня или в ближайшем будущем позволит стать ей одной из составляющих в формировании общества интеллекта.

Значительная часть носителей интеллектуального потенциала современных переходных обществ, в том числе и украинского, на наш взгляд, сосредоточена в среднем слое. Исследователи отмечают, что «средний слой советского общества, роль которого играла интеллигенция, в результате реформ расслоился. Одновременно возникли новые группы, тяготеющие к середине стратификационной шкалы. На их базе при благоприятных условиях со временем может сложиться новый достаточно массовый средний слой (или класс) как целостное социальное образование» (см. табл. 2.10) [119, с. 299].

Таблица 2.10

Современный состав средних слоев России (в %)

Социально-профессиональные группы	Годы	
	1997	2000
Мелкие предприниматели и полупредприниматели	44	34
Высокооплачиваемые специалисты	21	22
Средние и низшие менеджеры	11	13
Работники управленческих структур	6	6
Военные, представители силовых структур	18	25

Данный слой обладает сравнительно высоким ресурсным потенциалом, что позволяет этим группам довольно успешно адаптироваться к социально-экономической ситуации. «По сравнению с советской интеллигенцией эти социальные образования отличаются большей активностью и дееспособностью, однако для выполнения социальных функций «классических» средних классов уровень их развития недостаточен...» [119, с. 160]. В качестве дифференцирующих представители данного слоя рассматривают в обществе собственность, деньги, талант, профессию, власть [см. 86, с. 28].

Как отмечают исследователи, несмотря на свой потенциал, «представители средних слоев также далеко не всегда осуществляют доступную при их ресурсах инновационно-организаторскую и предпринимательскую деятельность. Личному риску, неизбежно связанному с любыми новациями, многие предпочитают высокооплачиваемый профессиональный труд по найму» [119, с. 274–275]. Это свидетельствует о том, что деятельность составляющая в жизнедеятельности среднего слоя не нашла достаточного проявления, и сегодня их потенциал намного превышает уровень его реализации. Опыт других постсоветских стран служит, на наш взгляд, подтверждением этому. Так, в Польше «пользуясь привилегией, состоящей в наименьшей вероятности поражения во вновь формирующейся социальной структуре, специалисты использовали свои шансы на достижение цели на каждом из экономических уровней с достаточно высокой степенью успеха. Карьерный рост специалистов за двенадцать лет, рассматриваемый

на фоне других категорий, предстает в еще более выгодном свете в сравнении с результатами наших исследований за 1995 год» [117, с. 11–12].

Однако общие европейские тенденции значительно отличаются от современных практик стратифицирования в Украине и России. «В Европе образование особого «среднего класса» свидетельствовало о том, что формирование идеологии вошло в завершающую фазу. Так окончательно определялся носитель идеологии. В России же прототипом этого среднего класса выступила, разумеется, советская интеллигенция. Выполняя в советском обществе функции, аналогичные роли европейского среднего класса, интеллигенция очень сильно от него отличалась.

Средний класс на Западе изначально формировался как самостоятельное образование, приспособленное к существованию в свободной, конкурентной экономике. Его ядро до сих пор составляют «лица свободных профессий»; их можно рассматривать как простых товаропроизводителей, занимающихся интеллектуальными видами деятельности, которая оплачивается господствующим классом (даже тогда, когда они находятся в непосредственных трудовых отношениях с государством)» [257, с. 22].

Воздействие различных макрофакторов определяет специфику формирования и развития этого слоя в Украине и других переходных обществах. В результате, по мнению многих авторов, «профессионалы лишились и возможности эффективной деятельности из-за объективных проблем отрасли: сокращения финансирования, ухудшения материальной базы, а также снижения общественного престижа вследствие активного межгруппового перераспределения ресурсов социального вознаграждения, включения в этот процесс новых социальных групп» [266, с. 139].

Большинство представителей среднего слоя не удовлетворены качественными характеристиками своей принадлежности к средней позиции. «Человек может относить себя к средней или высшей позиции по образовательному или профессиональному статусу, вместе с тем не удовлетворяясь сопутствующим экономическим статусом, престижем, степенью общественного влияния; или, наоборот, оценивать как среднее или высокое свое материальное

положение и вместе с тем не быть уверенным в его соответствии профессиональному и культурному статусу» [351, с.16]. В результате «ситуация сложилась таким образом, что мы “потеряли” средний класс интеллектуалов и интеллигенции (так называемый новый средний класс) и получили средний класс предпринимателей (старый средний класс). В массовом сознании средний класс общества ассоциируется с профессорами, инженерами, врачами, но этот слой сегодня в материальном отношении оказался в весьма трудном положении. В финансовом отношении в нашем обществе средний класс представляют собой предприниматели, но их крайне мало» [83, с. 83].

Очевидно, что средний слой нашего общества претерпевает серьезные метаморфозы, которые основаны на процессах реструктуризации ресурсов в современном обществе и, следовательно, капиталов, накапливаемых социальными субъектами. Это приводит к тому, что «отнюдь не все представители верхних и средних слоев используют открываемые их статусом возможности участия в преобразовании правил игры хотя бы в доступных им локальных рамках. Значительная часть элиты и верхнего слоя предпочитает занятие частным бизнесом, а иногда и образ жизни рантье, живущих на проценты от капитала... С другой стороны, сильные и одаренные натуры, принадлежащие по своему положению к средним и даже низшим слоям, благодаря убежденности, активности и настойчивости подчас приобретают большое политическое влияние и занимают важное место в трансформационной структуре общества» [119, с. 274].

Данный факт важен, с нашей точки зрения, для понимания процессов формирования общества интеллекта в Украине. Наряду с этим следует принимать во внимание и тот факт, что носители ключевых для такого общества ресурсов на сегодняшний день «разбросаны» по всей стратификационной сетке украинского общества, что придает им специфические черты как позитивного для социума, так и негативного плана. Ведь тот потенциал, которым обладают представители таких групп, сегодня мало востребован.

Соответственно, одной из задач современного украинского общества является создание благоприятных условий для становления средних слоев, которые обладают капиталами, необходимыми для развития общества интеллекта путем институциональной, финансовой и информационной поддержки различной социальной инновационной деятельности.

Именно данное направление позволит предоставить одной из ведущих групп в обществе интеллекта — интеллектуальной элите — возможности для формирования, развития и раскрытия своего потенциала.

В целом, процессы позиционирования социальных субъектов в стратификационном пространстве Украины характеризуются несколькими тенденциями. Во-первых, произошла некоторая либерализация механизмов восходящей социальной мобильности, что обусловило приток в верхние слои более дееспособных и квалифицированных людей. «Однако существенное повышение социального статуса меньшинства не компенсировало снижения статуса большинства. К тому же со второй половины 1990-х годов верхние страты начали закрываться, и восходящая социальная мобильность нижних и средних слоев резко уменьшилась...» [119, с. 159]. Сама социальная мобильность в условиях глобализации и активном влиянии вызовов современности приобретает особый характер.

Во-вторых, ресурсная база социального пространства украинского общества в целом не выглядит сильной; можно утверждать, что процесс накопления ресурсов все еще продолжается. До сих пор относительно слабыми остаются ресурсы собственности, дохода от занятости, профессиональной компетентности, социального престижа. Решающую роль сегодня по-прежнему играют ресурсы богатства и власти. Положение относительно этих ресурсов служит универсальным критерием оценки статуса и успеха, в то время как социальные и культурные факторы играют очень малую роль. Если в западных обществах фиксируется тенденция к повышению роли высших, постматериальных ценностей, связанных с духовным развитием личности, то в

Украине и других переходных обществах они вытесняются первичными, более примитивными ценностями — такими, как выживание, личная безопасность, минимальная материальная обеспеченность. «Уровень образования и квалификации, профессионализм, личные способности, качественный труд в распределении социальных статусов играют второстепенную роль...» [119, с. 158].

В-третьих, доминирующей моделью в достижении высокого статуса является властно-коррупционная. Высокоресурсная модель, определяемая способностями и качествами человека, воспринимается в общественном сознании как наименее существенная.

В-четвертых, сегодня существует несколько ключевых факторов, определяющих жизненные шансы социальных субъектов. «Первый фактор в обобщенном виде определяет шансы респондентов на самореализацию и карьеру. Максимальную факторную нагрузку в пределах 0,777–0,727 несут признаки «возможность повышения квалификации», «должностное продвижение», «реализация в качестве специалиста» и «наличие интересной, высокооплачиваемой работы»... [241, с. 35].

В-пятых, очевидно, что процесс стратифицирования украинского общества интегрирует в себе воздействие макрофакторов и субъектных особенностей, в частности, активность социальных субъектов по изменению своих социальных статусов. При этом сами статусы приобрели подвижность и находятся в процессе изменения.

Результатом данных практик является появление новых маргинальных групп, которые выступают дестабилизирующим элементом в современной стратификационной системе переходных обществ.

Сегодня можно говорить о кристаллизации нескольких базовых слоев в системе стратификации украинского социума: высшего, среднего, базового, низшего. При этом носители ресурсов, значимых для общества интеллекта, рассредоточены по данным слоям, и они по-разному, в силу накопленных капиталов и адаптационного потенциала, оказывают влияние на

развитие общества. Именно поэтому особый интерес в процессе формирования общества интеллекта представляет такая группа, как интеллектуальная элита, позиционирование которой в системе стратификации, а также ее социальные практики непосредственно определяют успешность развития общества.

РАЗДЕЛ 3 ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

3.1. Элиты в системе социальной стратификации социума

Изменения в социальной структуре современных обществ под влиянием вызовов современности приводят к выходу на первый план в социальных процессах тех социальных субъектов, которые обладают актуализированными в современном формирующемся обществе интеллекта ресурсами. Наряду с этим, как было показано в разделе 2, важным фактором в условиях переходного состояния общества является обладание различными видами потенциалов, особенно адаптационным. Именно данные параметры, на наш взгляд, во многом детерминируют возможности социальных субъектов в использовании своих капиталов в сетке жизненных шансов в том или ином обществе.

Анализ стратификационных процессов в современных обществах показывает, что особое место в их стратификационном пространстве благодаря наличным ресурсам, накопленным капиталам и имеющемуся потенциалу занимают элитные группы. Именно с ними связываются наиболее успешные стратегии общественных преобразований, именно в них, в конечном итоге, оказываются те, кто наиболее эффективно в новых общественных условиях смог использовать свои ресурсы и капиталы. В результате элиты становятся фокусом особого интереса современных исследователей, несмотря на то, что численно, как было показано в подразделе 2.3, составляют небольшую долю населения любой страны.

Особенно актуализированным интерес к данным вопросам является в переломные, кризисные моменты исторического развития. Так, теории классического элитизма (В. Парето, Г. Моска) разрабатывались в период динамичной трансформации западного общества, теория Р. Михельса — в период возрастания на арене социальной жизни роли политических движений. Не является в этом отношении исключением и современное постсоветское

пространство. Проведенный нами контент-анализ библиографии по данной проблеме (8) показал, что, начиная с конца 80-х годов XX века и до сегодняшнего времени, число публикаций, посвященных элитам, возрастает. Так, данные публикации 60–70-х годов составляют около 10% всех работ по этой проблематике, опубликованных начиная с 20–30-х годов. В конце 80-х – в начале 90-х годов эта доля возросла до 76%. Характерно, что количество авторов, занимающихся проблемами элитных групп на постсоветском пространстве, возрастает значительно быстрее, чем количество западных ученых, работающих в данном направлении. Так, соотношение в авторстве публикаций между западными исследователями и отечественными в 60–70-е годы составляло 1:2,5. К первой половине 80-х годов это соотношение стало 1:3. А в конце 80-х – в начале 90-х годов оно составляло уже 1:4,5.

Проведенного выше анализа, безусловно, недостаточно для описания полной картины активизации внимания исследователей к проблемам элиты. Обращение к анализу западных публикаций позволяет говорить о безусловной социальной детерминированности исследовательских работ в рассматриваемой сфере. Так, активизация западных исследователей в разработке элитарных концепций приходится на 60–70-е годы – 45% от всех работ по элитам, опубликованных с 20–30-х годов до конца XX века. Вторая половина 80-х – начало 90-х годов посвящены в большей степени проблемам элит в контексте мировой, в том числе посткоммунистической, трансформации (28%). Более ранние работы (40–50-е гг.) занимают около 17% всего объема публикаций по проблемам элит.

Следует отметить, что изучение элиты отечественными авторами характеризуется внутренней замкнутостью на «собственных» элитах, а исследования западных ученых ориентированы в значительной степени на общие теоретико-методологические подходы, изучение различных национальных элит. Безусловно, можно предположить, что именно социальная детерминация определила такую направленность исследований: демократические традиции и гражданская культура Запада предполагают определенную степень открытости элитных групп, в том числе и для научных исследу-

дований, а тоталитарный характер правления обусловил замкнутость элитных групп для исследователей и сохранение этой устойчивой тенденции в современной Украине.

Таким образом, анализ библиографии, посвященной элитной проблематике, позволяет сделать вывод о том, что социальные условия оказывают непосредственное влияние на характер и интенсивность изучения элит. Наряду с этим можно отметить активную тенденцию повышения общего интереса к данной проблеме.

Как одно из направлений исследований субъектов общественных процессов идеи элитизма возникли в глубокой древности. Еще во время разложения родового строя появляются взгляды, провозглашающие разделение общества на высших и низших, аристократию и простой люд.

Элитарные теории имеют глубокие социальные корни, опирающиеся на тысячелетние традиции разделения умственного и физического труда, монополизации меньшинством общества духовной сферы и ее обособление.

В свое время наиболее последовательное обоснование и выражение идеи элитизма получили у Конфуция, Платона, Н. Макиавелли, Т. Карлейля, Ф. Ницше [149; 199; 235; 264] и др. Элитарные теории того времени не имели еще социологического обоснования, хотя и заложили основу анализа феномена разделения общества на меньшинство и большинство.

В этих теориях содержатся базовые идеи, которые легли в основу классических и современных теорий элиты. Это, прежде всего, идея деления социума на меньшинство и большинство и превосходства первого над вторым; варианты социальной стратификации общества; идея циркуляции и вертикальной мобильности; попытки обозначения качеств, влекущих за собой общественную идентификацию индивида, а также его позиционирование в системе социальной стратификации, базовые характеристики избранных — элиты и массы — толпы.

Очевидным, на наш взгляд, является то, что большинство этих идей непосредственно связаны с теми процессами, описание которых мы провели в первом и во втором разделах. Это означает,

что в современных переходных обществах процессы мобильности, рестратификации обществ, связанные с ответами социальных субъектов на вызовы современности, непосредственно предполагают особое внимание к анализу элитных групп общества.

Сам термин «элита» — от фр. «лучшее», «отборное», «избранное» (а именно этот термин разрабатывается в большинстве элитистских концепций, а к появлению и использованию других терминов мы вернемся ниже) в интересующем нас значении получил распространение в Англии, где применялся к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. Однако широкое распространение в общественных науках он получил лишь в конце XIX — в начале XX века.

Этимологическое значение этого термина имеет два аспекта. Первый из них отражает обладание какими-либо интенсивно, четко и максимально выраженными чертами и качествами. Второй аспект подразумевает оценку этих качеств как наивысших по той или иной шкале измерения. Такое значение слова «элита» относится к лучшей, наиболее ценной для общества группе. В данном случае подразумевается, что эта группа стоит над большинством общества и управляет им в силу обладания особыми качествами.

В научном анализе политических, экономических, социальных и других процессов в обществе термин «элита» употребляется чаще в первом, этически нейтральном значении. «Определяемое в самом общем смысле это понятие характеризует носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций» [274, с. 97–98].

Однако развитие теории элитизма, как будет показано далее, проходило в различных направлениях, что и обусловило неоднозначное восприятие данного феномена и его определений (достаточно отметить, что в современной литературе приводится около 50 наиболее распространенных определений элиты).

Изменения же, происходящие в связи с движением современных обществ от индустриального к постиндустриальному типу и обществу интеллекта, расставляют, на наш взгляд, особые акценты в понимании сущности и роли элит. Однако они не могут

быть адекватно поняты без опоры на классическую базу элитизма. К ней, прежде всего, относят концепции В. Парето и Г. Моски.

Психологический подход В. Парето к элитам, сложившийся под влиянием либеральных установок позитивистов (О. Конт, Дж. Милль и др.) и воинствующего индивидуализма Ф. Ницше, наиболее полно изложен в «Трактате по общей социологии» [404]. Как отмечал ученый, элиту характеризует высокая степень самообладания и расчетливости, умение видеть слабые и наиболее чувствительные места в других и использовать их для своей выгоды, в то время как массы обычно запутываются в сетях эмоций и предрассудков. Это и оправдывает «разделение общества на две части. Те, в ком преобладает знание, управляют и руководят теми, в ком преобладают чувства, так что в конце концов их действия оказываются энергичными и мудро направленными» [145, с. 224].

Изначальное определение элиты, приводимое В. Парето в «Трактате...», является в высокой степени формальным. В его основе лежит предположение о том, что теоретически способности в любой сфере человеческой деятельности могут быть измерены.

Для того чтобы выявить, кого можно отнести к элите, В. Парето предложил статистический метод, суть которого состоит в том, что каждый работающий в определенной сфере получает оценку, соответствующую его успеху (от 1 до 10). Оценка в данном случае находится вне моральности и является измерением проявленных достижений. На основе этого В. Парето и предложил сформировать «совокупность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку: их и назовем элитой» [404, р. 2031]. Отметим, что в данном случае речь идет об объективно постигаемой социальной категории.

Однако вскоре В. Парето отказался от такого формального определения как непрактичного для социологического исследования, так как социальные условия служат причиной того, что не все люди, наделенные элитарными качествами, действительно добиваются руководящего положения. Поэтому В. Парето пришел к более простому разделению между элитой — теми, кто

в соответствии со способностями реально занимает ведущие позиции, и неэлитой. В. Парето отмечает, что «высшая» и «низшая» страты неоднородны. В «низшей» имеются люди, обладающие способностями к управлению обществом. В элите же постоянно накапливаются элементы, не обладающие качествами, необходимыми для управления. В. Парето пишет о том, что наиболее способные индивидуумы рекрутируются из низшей страты в высшую, а отдельные элементы элиты деградируют (определенное воплощение идей Платона). Если же этого не происходит, так как господствующим элитам свойственно охранять свои привилегии и стараться передать их по наследству, то ухудшается состав элиты и происходит количественный рост контрэлиты. Когда эти процессы приобретают широкие масштабы, контрэлита свергает власть прежней элиты и устанавливает собственное господство. Однако процесс замыкания элиты в самой себе начинается снова, приводя со временем к повторению всего цикла.

Данный процесс тесно связан с изменениями всей социальной системы. Ведь общество В. Парето рассматривал как целостность, а его части – как функциональные элементы целого. При этом социальная система, по мнению ученого, стремится к динамичному равновесию, которое детерминируется элитой – правящим меньшинством.

Теория элиты В. Парето является частью его более общей социологической системы, в которой социальная активность индивидов объясняется базовыми психологическими факторами. В свою очередь, активность индивидов в современных условиях, как отмечалось нами ранее, выступает одним из критериев их успешного позиционирования в стратификационном пространстве современного социума. В результате типы элиты определяются В. Парето через использование понятий «деривация» (производная) и «остаток». Распределение остатков и их соответствие двум базовым инстинктам (инстинкт «комбинаций» и «постоянства агрегатов») в обществе является для В. Парето очень важным, так как «в конечном счете меньшинство управляет большинством, прибегая к двум типам средств: силе и хитрости» [Цит. по 14, с. 453].

Оказывается, человек имеет доминирование либо остатков первого класса — человек ума и хитрости — «лисы» в терминологии Н. Макиавелли, либо остатков второго класса — человек силы, стабильности и целостности — «львы». Стиль управления всегда будет зависеть от того, будут ли в правящей элите доминировать остатки первого или второго класса.

Баланс качеств «львов» и «лис» — идеал для В. Парето — так же, как и для Н. Макиавелли, так как механизм социального равновесия функционирует нормально тогда, когда обеспечен пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации. Но в действительности такой баланс — крайняя редкость среди элит. Как результат этого — колебания в истории от одного типа элиты к другому.

Таким образом, общественная история представляется как преемственность меньшинств, которые формируются, достигают власти, пользуются ею и уходят с политической арены, чтобы быть замененными другими меньшинствами. В. Парето отмечал, что «феномен новых элит, которые в ходе непрерывной циркуляции возникают из нижних слоев общества, достигают высших слоев, расцветают, а затем приходят в упадок, разрушаются и исчезают, представляет собой одно из следствий истории, которое необходимо учитывать для понимания великих исторических движений» [Цит. по 14, с. 458].

Теоретические разработки В. Парето дали толчок дальнейшему развитию теории элиты и ее отдельных элементов. Так, методика В. Парето используется современными исследователями (например, Г. Лассуэлом, П. Блау). Ряд ученых прибегает к интерпретации политики с точки зрения остатков, активно используя теорию В. Парето (например, Ж. Монро). Многие идеи В. Парето заимствованы структурным функционализмом; популярна его концепция идеологий как теоретических построений, призванных маскировать эмоции и предрассудки. Данная теория элит также послужила отправным пунктом для исследований механизмов власти с различных теоретических позиций.

Другой классик элитизма — Г. Моска, с помощью своего организационного подхода пытался найти ответ на вопрос: кто,

в силу каких причин, какими средствами добивается и осуществляет власть в обществе? [402]. Другими словами: кто и как оказывается на вершухе стратификационной пирамиды?

Используя исторический метод, Г. Моска пришел к выводу, что «во всех обществах, начиная со слаборазвитых и с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных, существуют два класса людей: класс правящих и класс управляемых. Первый всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые она дает, в то время как второй, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере, внешне материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма» [402, р. 50].

Доказательства этой позиции Г. Моска приводит из всех периодов истории. Он позволяет делать себе это, так как предполагает универсальность человеческой природы и устанавливаемых ею социальных образцов.

В своей теории Г. Моска разделяет понятие «правлящий класс» и «политический класс». Второе представляется частью первого, которая имеет непосредственное отношение к власти. В правящий класс, помимо меньшинства, доминирующего в политике, входит и верхушка общества, складывающаяся в экономике, в военной и интеллектуальной сферах, в церковной иерархии и т. д.

В результате сравнительного исследования Г. Моска пришел к выводу, что условия вхождения в правящий класс и составляющие его элементы «заметно отличаются в зависимости от страны и исторической эпохи», от степени цивилизованности народа. Однако можно, считает он, выделить и некоторые общие черты, качества и способности, которые отличают представителей элиты и обеспечивают им успех в борьбе за путь наверх. «В дополнение к большому преимуществу, выпавшему на долю правящего меньшинства — организованности, оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы

управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут» [402, р. 53].

Присущие правящему меньшинству качества, считает Г. Моска, носят, с одной стороны, конкретно-исторический, преходящий характер. Но, с другой стороны, в силу неизменности человеческой природы, свойств и страстей, присущих людям, жившим в самые разные времена, они остаются, в сущности, одними и теми же. И ученый называл следующие качества, открывающие, по его наблюдениям, доступ в правящий класс: военная доблесть, богатство, происхождение и личные качества, место в церковной иерархии и, наконец, искусство управления.

Говоря о качествах элиты, ученый отмечал, что социальное положение, семейные традиции, привычки того класса, в котором мы живем, в большей степени, нежели полагают, влияют на степень развития силы воли, смелости, гордости, активности. Внимательно присмотревшись к индивидам, которые к лучшему или к худшему изменили свой социальный статус, находятся в непривычном для них окружении, мы увидим, считает Г. Моска, что их умственные способности меньше подвержены влиянию по сравнению с моральными качествами. Если правящий класс действительно принадлежит к другой породе или если качества, обеспечивающие его доминирование, являются, прежде всего, врожденными, утверждает исследователь, тогда трудно понять, как уже сформировавшись, он должен придти в упадок и утратить свою власть.

От подготовленности правящего класса, уровня его культуры, социальной активности и политической гибкости в значительной степени зависит судьба общества. Эта роль правящего класса закрепляется в идеологии общества или, по словам Г. Моски, в «политической формуле», имеющей независимо от своего характера — религиозного или светского, рационалистического, а то и смешанного типа — одно предназначение: обосновывать

легитимность правящего класса. «Политическая формула» — это совокупность средств и методов, с помощью которых правящий класс апеллирует к существующим нормам и ценностям, манипулируя сознанием и поведением людей, оформляет и закрепляет свое пребывание у власти и заставляет людей поверить в то, что они подчиняются некоему «абстрактному принципу властвования» (аналогично идеологии («деривации») у В. Парето).

Как можно заметить, разработка проблемы элиты непосредственно связана с ее местом в общей социальной системе. Именно это позволяет Г. Моске выделить три способа, с помощью которых правящий класс закрепляет и обновляет себя: наследствие, выбор и кооптация. Однако правящие классы неизбежно приходят в упадок, если перестают совершенствовать те способности, с помощью которых пришли к власти, когда не могут более выполнять привычные для них социальные функции, а их таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость.

Отметим, что дальнейшие разработки Г. Моски, основанные на его академическом и политическом опыте, являются более плюралистичными. Правящий класс, по Г. Моске, объединяет уже лидеров многочисленных групп интересов или «социальных сил», которые значительно влияют на принятие решений в обществе. И, в отличие от В. Парето, в этой последней версии теории элит Г. Моска практически отказывается от мнения о самосознании, спаянности и конспирации в отношении элиты, и, следовательно, правящий класс Г. Моски выступает просто как категория «людей наверху».

Однако в более поздний — либеральный период своего творчества Г. Моска приходит к убеждению, что «правлящим классом» должен считаться класс людей с «общественным духом», не все из которых должны обладать позицией власти в высшей страте, но все, кто должен способствовать достижению общественных интересов. Таким образом, Г. Моска возвратил правящему классу его сплоченность и самосознание, но это должно быть сознание совместной ответственности перед обществом. «Необходимо осознать, что это — правящий класс, и таким образом получить четкую концепцию его прав и обязанностей» [402, р. 493].

Таким образом, разработав концепцию «правлящего класса», Г. Моска дал толчок к развитию новых подходов в изучении элит. Идеи Г. Моски получили определенное продолжение и развитие в современных неоэлитистских теориях, создатели которых стремятся модернизировать классическую теорию элиты.

Было положено начало научным теориям элиты. Концепции В. Парето и Г. Моски во многом схожи и в целом послужили базой для последующего анализа упомянутого феномена. Основные различия в подходах этих ученых можно представить следующим образом [28, с. 46] (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1

Базовые различия в теориях В. Парето и Г. Моски

Г. Моска	В. Парето
Тождественность элиты политическому классу	Широкое антропологическое определение элиты
Пополнение элиты за счет интегрирования лучших из масс	Простая замена типов элит
Абсолютизация политического фактора	Абсолютизация психологического фактора в действиях элиты

Наряду с этим очевидно, что в данных концепциях по-разному расставлены акценты в отношении моральных качеств; нельзя не подчеркнуть некоторые различия в оценке данными учеными роли элиты в обществе и т. д.

Одними из последователей Г. Моски и В. Парето стали Р. Михельс и М. Острогорский, которые пытались доказать, почему олигархические тенденции проявляются в социальных системах с такой неизбежностью [249, 400; 226]. Например, Р. Михельс пришел к выводу о том, что элита приобретает групповое сознание, внутреннее единство, общую волю к действиям; она — не просто совокупность высокопоставленных лиц, а органическая общность, скрепленная корпоративным духом. Жизнестойкость элиты определяется ее высокой приспособляемостью и умением обновлять состав, если обстоятельства к этому вынуждают [226, с. 109].

Рассмотренными теоретическими концепциями ограничивают обычно период ранних элитистских теорий, для которого, на наш взгляд, характерно следующее.

1. Убежденность в том, что в индустриальных обществах существует деление внутри социальной системы на правящее меньшинство – элиту и управляемое большинство – массу. Данное разделение обусловлено самой природой общественной жизни. Параметрами, классифицирующими это деление, могут выступать личные качества людей, их достижения в своих сферах деятельности, статусные позиции, обладание теми или иными ресурсами, наиболее ценными и значимыми в обществе. Характеристика таких ресурсов может изменяться во времени и пространстве, они могут быть взаимосвязанными либо влиять на события вне зависимости друг от друга.

2. Элита, образуя целостную группу, имеет ряд отличительных черт, соответствие которым обязательно для всех ее представителей. Это, прежде всего, осознание себя элитной группой, организованность, базовый консенсус о целях и формах деятельности, активность и т. д.

3. Качества элиты как организованной социальной группы позволяют ей монополизировать руководящие функции.

4. Элита и массы представляют собой качественно противоположные полюса, что и определяет их положение в обществе. Исключения как из первой, так и из второй группы в равной степени имеют возможности изменить свою групповую принадлежность.

5. Несмотря на поляризацию в характеристиках элиты и массы, первая на отдельных этапах нуждается в поддержке большинства и поэтому не может полностью изолироваться от него.

6. Элиты существовали всегда и везде. Логический анализ позволяет выделить различные типы элит. Их смена может происходить либо радикальным, либо эволюционным путем. Разнообразие и смена элит являются необходимыми для развития общества.

Под влиянием ранних классических элитистских теорий в современной науке сложились различные школы и направления,

которые во многом, на наш взгляд, отражают специфику изменяющихся обществ. Прежде всего, выделяют макиавеллистскую и ценностную школы. Первая является исторически ранней группой теорий, не утративших современной значимости, объединяющей уже частично рассмотренные выше концепции Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, Дж. Бернхема и др. Эта школа концентрирует особое внимание на механизме образования элит, их взаимодействии между собой и обществом в целом. Для представителей данного направления выделим следующие объединяющие их идеи.

1. Любое общество по своей природе элитарно. Оно неизбежно разделено на привилегированное властвующее творческое меньшинство и пассивное нетворческое большинство. Хотя персональный состав элиты изменяется, ее отношение к массам в своей основе неизменно.

2. Элите отличают особые качества, связанные с природными дарованиями и воспитанием и проявляющиеся в ее способности к управлению, борьбе за власть.

3. Групповая сплоченность элиты основана не только на общности профессионального статуса, социального происхождения и интересов, но и на элитарном самосознании, восприятии себя особым слоем, призванным руководить обществом.

4. Формирование и смена элит происходит в ходе конкуренции индивидов и их борьбы за власть.

5. Элита в обществе играет руководящую и господствующую роль. Она выполняет необходимую для социальной системы функцию управления. Стремясь сохранить свое привилегированное положение, элита имеет тенденцию к вырождению, утрате своих выдающихся качеств.

Представители ценностных теорий элиты (Ла Валет, К. Цу Сольмс, А. Гелен, Г. Шредер, Р. Дарендорф, К. Фон Бейме, В. Ропке, Н. Бердяев и др.) солидарны с представителями первой школы в том, что элита является главной конструктивной силой общества. Однако они стараются приспособить элитарную теорию к реальной жизни современных государств. Основное внимание представители ценностных теорий уделяют выделению

обществом наиболее ценных сил, способных наилучшим образом осуществлять руководство.

Идеал таких теорий, как пишет В. Ропке, – здоровое, спокойное общество с неизбежной иерархической структурой, в котором индивид обладает счастьем знать свое место, а элита – внутренним авторитетом [247, с. 171].

Эволюция и смена элит трактуется ими как производные от смены ценностных критериев общества. Динамика этой смены рисуется следующим образом [54, с. 129]:

1. Общие ценности, считающиеся само собой разумеющимися и образующие «основы социального порядка», уступают место множественности относительных ценностей. Это приводит к «социальной неуверенности».

2. Релятивизация ценностных показателей вызывает повышенную социальную мобильность. Жесткая иерархическая структура общества начинает подменяться рациональным принципом вертикальных перемещений, основу которых составляют общественные достижения.

3. Усиливается неустойчивость социального статуса и тем самым неопределенность критерия, в соответствии с которым происходит причисление к элите.

4. Социальные изменения и, прежде всего тенденция к демократизации, ведут к увеличению числа элитных групп. Внутренний состав групп меняется в результате повышенной мобильности. При этом исключительность элит постоянно нарушается.

Ценностные концепции представляют собой огромное многообразие. Однако все они имеют и ряд общих положений, которые можно свести к следующему.

1. Принадлежность к элите определяется обладанием выдающимися способностями и наивысшими показателями в наиболее важных для всего общества сферах деятельности. Элита является наиболее ценным элементом социальной системы, ориентированным на удовлетворение ее важнейших потребностей. В ходе развития в обществе изменяются потребности, функции и ценностные ориентации, что приводит к постепенному вытеснению

носителей наиболее важных для своего времени качеств новыми людьми, отвечающими современным требованиям.

2. Элита относительно сплочена на основе выполняемых ею функций. Она представляет собой объединение сотрудничающих людей, заботящихся прежде всего об общем благе.

3. Взаимоотношения между элитой и массой не носят характера политического или социального господства, а предполагают управленческое воздействие, основанное на согласии и добровольном послушании управляемых и авторитете власти имущих. Ведущая роль элиты отвечает интересам всех граждан.

4. Формирование элиты — не столько результат борьбы за власть, сколько следствие естественного отбора обществом наиболее ценных представителей. С этим связана необходимость совершенствования механизма такой селекции, поиска рациональной, наиболее результативной элиты во всех социальных слоях.

5. Элитарность — условие эффективного функционирования любого общества. Она основана на естественном разделении управленческого и исполнительского труда, закономерно вытекает из равенства возможностей и не противоречит демократии.

Итак, макиавеллистская и ценностная школы в элитизме — в чем-то похожие, а в чем-то разные, пытающиеся дать различные ответы на одни и те же вопросы. Однако, если присмотреться ближе, очевидно, что эти ответы изменяются благодаря изменению самого общества. И, пожалуй, если в индустриальном обществе отношения господства-подчинения, опирающиеся на материальный тип ресурсов, более жесткие (что, на наш взгляд, и отразили макиавеллисты), то в постиндустриальном обществе они более гибкие, опираются на постматериалистические ценности, а значит, ценностные интерпретации элитаризма, на наш взгляд, более адекватны для ответов на вызовы в современных обществах.

Ценностные представления об элитах легли в основу структурно-функционального подхода к их анализу и неоэлитизма. К первому относятся концепции плюрализма элит (О. Штаммер, С. Келлер, Д. Рисмен, Р. Даль, Э. Гольтманн, Г. Лассуэл, С. Нейдел, Р. Арон, Л. Уорнер, В. Гаттсмен и др.). Данные теории требуют

коренного пересмотра ряда классических установок макиавеллистской школы в рамках элитарной теории. Общие для данного направления постулаты выглядят следующим образом [274, с. 106].

1. Элиты трактуются как функциональные элиты. Квалификационная подготовленность к выполнению функций управления конкретными общественными процессами – важнейшее качество, определяющее принадлежность к элите.

2. Элита не представляет собой единую привилегированную сплоченную группу. Существует множество элит, плюрализм которых определяется сложным общественным разделением труда, многообразием социальной структуры. Различие между элитами важнейших общественных секторов более значительно, чем различия между слоями элиты, принадлежащими одному сектору.

3. Деление общества на элиту и массу относительно. Между данными группами существуют скорее отношения представительства, чем господства или постоянного руководства.

4. В современных демократиях элиты формируются из наиболее компетентных и заинтересованных граждан, которые свободно могут входить в состав элиты, участвовать в принятии решений. Главным субъектом политической жизни в обществе выступают не элиты, а группы интересов. Доступ в руководящий слой открывают не только богатство и высокий социальный статус, но, прежде всего, личные способности, знания, активность и т. п.

5. В демократических государствах элиты выполняют важные общественные функции, связанные с управлением. Говорить же об их социальном господстве неправомерно.

Очевидно, что именно смещение акцентов в элитистской традиции на разнообразные ресурсы и соответствующие им типы элит стало, на наш взгляд, отражением движения современных обществ к постиндустриальной форме существования. Акцент же на значимости таких личностных качеств, как компетентность, знания, способности, в процессах социальной мобильности является свидетельством зарождения общества интеллекта. Эти две особенности, наряду с признанием специфических функций

каждого типа элит, становятся важной методологической базой для анализа интеллектуальной элиты. Однако для этого необходимо более детальное рассмотрение позиций «плюралистов», их динамики и связи с современными тенденциями в процессах социальной стратификации и мобильности.

Прежде всего, следует отметить, что значительным модификациям на протяжении второй половины XX века в концепциях «плюралистов» подвергаются оси дифференциации элит, что, по нашему мнению, непосредственным образом связано с системой показателей социального стратифицирования общества в целом (см. раздел 2). Как отмечает в этой связи В. Танчер, «в традиционном обществе такие элиты произрастали из унаследованного социального статуса или военных заслуг, в индустриальном, раннекапиталистическом властвующие элиты основываются на богатстве» [324, с. 22–23]. Позднее, вслед за М. Вебером, в соответствии с предложенными им критериями социальной стратификации, элиты в плюрализме рассматриваются с позиций «статус-групп». «Статус-группы» стремятся к тому, допускает М. Вебер, чтобы сделать самих себя и свой «стиль жизни» более исключительным, чем у других. Из-за этого они содействуют возникновению социальной «дистанции» между ними и другими группами. В то же время каждая группа стремится обеспечить для себя привилегированное социальное положение... Сегодня в некоторых странах для многих профессий существует так называемый экзамен на профессиональную квалификацию и введены правила и санкции, которые обеспечивают их этическое поведение. Идеальной ситуацией для любой «статус-группы» является постоянное широко распространенное уважение общества и других «статус групп» к ее «стилю жизни», который предоставляет ей возможность таким образом получить доминирующее экономическое и политическое положение [180, с. 122].

Следуя данной традиции, представители плюрализма элит, например, С. Нейдел, предлагает свою типологизацию «статус-групп» и соответствующих элит. Он различает три типа элит: «социальные элиты», «специализированные элиты» и «правлящие элиты». «Социальные элиты» и «специализированные элиты»

являются квинтэссенцией соответствующих «статус-групп». Влияние «социальной элиты» на политические процессы и социальную жизнь общества не является непосредственным, потому что она («социальная элита») обладает принудительной властью и определенными монополиями на принятие решений». Ее влияние возникает, указывает С. Нейдел, только потому, что на нее смотрят и ее наследуют другие группы общества. В обществе может быть одна такая (модельная) элита, чей «стиль жизни» копируется теми, кто стремится к социальному согласию и благосостоянию, или может быть несколько таких элит, каждая из которых имеет свойства и качества, которые, как считают остальные, заслуживают подражания [180, с. 122–123].

В итоге очевидно, что если в середине XX века плюрализм элит рассматривался преимущественно сквозь призму трех основных осей: собственность, власть, статус, в соответствии с которыми образуются «элита собственности», «элита власти» и «элита статуса», которые независимы друг от друга и создают «полиархическую модель общества», где «большое богатство», «высокая власть» и «большой престиж» принадлежат не одному классу, а различным группам, которые борются между собой и тем самым уравнивают друг друга [228, с. 92], то к концу XX века к данным осям в качестве признаваемых «плюралистами» добавляются профессиональный престиж, образование, этническая принадлежность (Л. Уорнер), авторитет (Р. Дарендорф, Г. Лассуэл), степень автономии элит (Р. Арон, Р. Даль), уважение, знания (Г. Лассуэл), количество жизненных шансов (к которым, например, Н. Латыгина относит возможности получения образования, повышения культурного уровня, наличие здоровья) и др. Эта тенденция, на наш взгляд, соответствует тем процессам, которые происходят в системе социальной стратификации, особенно переходных обществ.

Наряду с этим в условиях глобализации и формирования постиндустриального общества, а затем и общества интеллекта критерии выделения элит, на наш взгляд, еще более дифференцируются, а как мы показали в разделе 2, статус, власть и богатство уже не так жестко связаны с позициями в системе социальной

стратификации; образование, квалификация, компетентность же усиливают свое значение в ней. Активную роль в этом играют ключевые ресурсы общества, механизм включения которых в процесс позиционирования социальных субъектов в системе социальной стратификации достаточно ярко описан Г. Лассуэлом. Суть его социологической концепции заключена в выведенной им универсальной формуле социального процесса: «Человек стремится к Благам через Институты при помощи Ресурсов». Г. Лассуэлл выделяет восемь таких благ: власть, знание, богатство, здоровье, умение, привязанность, уважение и моральность. Выделяются также восемь типичных институций, через которые распределяются блага: власть сконцентрирована в правительстве, здоровье — в здравоохранительных учреждениях, богатство — в бизнесе, знание — в образовании и т. д. Элита, по Г. Лассуэллу, и есть те люди, которые обладают благами в наибольшей степени, или «те, кто получает большую часть из всего, что можно получить». Таким образом, элиту можно разбить на восемь групп, по числу благ. Каждая из элитных групп обладает в высокой степени соответствующим благом. Восемь элитных групп пересекаются, и конкретный индивид может одновременно входить в несколько групп [166, с. 30].

В результате проведенных «плюралистами» разработок современные элиты, по мнению В. Танчера, формируются не только из тех, кто возглавляет властные структуры, не только из лидеров политических сил. К ним необходимо добавить высших чиновников, влиятельных бизнесменов, руководителей промышленных структур, идеологов массовых движений, ведущих интеллектуалов, лидеров общественных организаций (религиозных, профсоюзных и др.), главных фигур СМИ, плюс нередко глав силовых ведомств и высших военачальников. В результате принято говорить об экономической, политической, интеллектуальной, военной и других элитах. Эти элиты различаются качественно.

Несмотря на получение различными элитами «собственного статуса», ученые все-таки пытаются выделить лидера среди них. Большинство по-прежнему отдает предпочтение политической элите, а К. Мангейм доказывает, что главная роль в плюрализме

элит принадлежит интеллектуальной элите. На наш взгляд, такой спор является непродуктивным, так как в условиях плюрализма элит каждая элита является максимально продуктивной в той или иной сфере.

Безусловным является и то, что типы элит-лидеров в системе социальных связей сменяют друг друга в зависимости от политических, экономических или духовных особенностей конкретного социума. «Социальная история, таким образом, представляется как совокупность различных социокультурных циклов, характеризующих господством тех или иных основных ценностей и соответствующих им типов элит. В процессе исторических изменений наблюдается чередование доминирующих сфер социальной жизни: первоначальная слитность социума заменяется выдвижением на передний план политической системы; затем приходит черед функционального приоритета экономики; после этого наступает ситуация, когда приоритет остается только у духовной сферы — науки, религии, философии. Разрушение духовных приоритетов вновь выдвигает на передний план политику, что характерно для тоталитарных обществ и обществ переходного периода, к последним, без сомнения, относится в настоящее время и Украина» [363, с. 92].

Тем не менее, по нашему мнению, преодоление переходного состояния, совмещенное с поиском адекватных ответов на вызовы современности, приведет к выходу на первый план интеллектуальной элиты как наиболее соответствующей характеру развития общества.

В целом, относительно гибкий и широкий, на наш взгляд, подход к проблемам элиты и ее функционирования в обществе позволяет сегодня концепциям множественности элит быть наиболее распространенными в современной элитарной мысли. Ведь они базируются на плюрализме ресурсов, которые неравномерно распределены в обществе, а также на базовых стратификационных критериях современных обществ.

Широкое распространение получили сегодня и теории неозелизма (демократического элитизма, элитарной демократии), сложившиеся в 50-е годы (Т. Дай, С. Липсет, Л. Зиглер, П. Бахрах,

Ф. Нашольд, М. Йодл, П. Дрейцель, Д. Хигли, Е. Этциони-Халеви и другие). Изначальным толчком к их развитию послужил подход Й. Шумпетера и К. Маннгейма к демократии как конкуренции между потенциальными руководителями за доверие избирателей [202; 206; 360; 399]. Демократия, в результате, характеризуется «не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и иным самосознанием элиты» [399, р. 200].

В соответствии с этим, понятие элиты наполняется особым содержанием. Так, под элитами понимаются те, кто удерживает стратегические позиции в крупных влиятельных организациях и движениях, направленно и регулярно влияет на процесс выработки и принятия государственных решений. В состав элиты, таким образом, включаются две основные категории лидеров, которые могут занимать очень разные позиции по отношению к существующему общественному строю: 1) те, кто получает возможность влиять на государственные решения благодаря победе в конкурентной борьбе на политических выборах. Это собственно «политическая» элита, для которой решающими являются политические и символические ресурсы (популярность, доверие, авторитет); 2) и те, кто обладает способностью влиять на решения, не участвуя в выборах, в силу контроля над неполитическими ресурсами, а именно экономическими, административными, военными, религиозными, культурными (интеллектуально-духовно-информационными) и социальными. Они образуют специфические элитные подгруппы, которые могут быть названы в соответствии с доступными им доминантными ресурсами [175, с. 17].

Таким образом, в теориях демократического элитизма делается акцент не только на либеральные ценности, но и на те ресурсные возможности, которыми обладают социальные субъекты, что представляется важным в контексте нашего исследования.

Как отмечают исследователи, «неоэлитисты обращают внимание на существенность отличий современной «модели элит» от классических, традиционных. Отличие между классическим элитизмом и современными версиями демократического, плюралистического элитизма имеет следующие концептуальные проявления [324, с. 19–20]

Первые считают влияние масс на элиты минимальным, власть элит утверждается через авторитет в ключевых общественных институциях, таких, как правительство или промышленные корпорации, их контроль над принятием решений и информацией благодаря способности формировать политическую линию. Вторые рассматривают существующую на Западе систему власти как такую, где массы имеют возможность влиять на лидеров с помощью выборов и «групп влияния».

Первые не придают особого значения общественным организациям, полагая, что существенные вопросы решаются на уровне властных элит, в то время как «группы интересов» создают бюрократические организации, «суб-элитные» ассоциации, которые реализуют, в первую очередь, интересы элит, а не рядовых членов этих организаций. Вторые усматривают в общественных объединениях важное звено связи между лидерами и массами.

Первые обращают внимание на то, что элиты, прививая массам определенную идеологию, которая обслуживает их собственные интересы, обеспечивают легитимность существующего строя. Массам чрезвычайно сложно поставить под сомнение неограниченную власть элит не только потому, что они потеряли реальный контроль над институтами управления, но и потому, что ими успешно манипулируют с помощью доминирующей идеологии, которая освящает статус-кво. Вторые рассматривают властную систему, принятую в обществе, как неделимую, как целостное образование.

Первые подчеркивают несбалансированность властной системы, где верх берут власть имущие, крупные владельцы, между которыми нет разногласий касательно ключевых аспектов политических и экономических отношений. Вторые акцентируют на балансе конкурирующих интересов и элит, на принципе, что ни одна элита не в состоянии и не должна доминировать в обществе.

Таким образом, ценностная школа элитарной мысли, проявив широкие возможности интерпретации элиты в различных формах ее взаимодействия с социальной системой, завоевала значительное количество сторонников и получила широчайшее распространение в мире.

Классификацию современных подходов к анализу элиты можно провести по иному принципу, в соответствии с которым выделяют либеральную, консервативную и радикалистскую версии элитизма [см. 95]. Первая отличается от других характеристик элиты, осмыслением ее роли в жизни социального мира, способом, с помощью которого элита реализует свою власть (Й. Шумпетер, Р. Даль, П. Бахрах, К. фон Бейме, ранний Д. Белл, Ж. Фурастье, А. Синай, Г. Лассуэл, Т. Боттомор и др.).

Основная цель элиты в такого рода теориях — спасти общество от кризисных процессов, создать более гуманный, справедливый порядок. При этом одной из характеристик всякой элиты является признание ее руководящей роли теми, кем она управляет. Масса же — широкие слои населения — выступает в роли опекаемой, готовой последовать за четко обозначенными провозвестиями избранных.

Наиболее последовательно либеральное направление выражено в упоминавшихся уже элитарных теориях демократии, а также в технократических теориях и программах коммунитарного социализма. В рамках этого направления иногда под элитой подразумеваются отвлеченно понимаемые социальные слои общества («мыслители», «гуманисты», «проповедники»); часто речь идет о технократии. Подчеркивается, что особое положение интеллигенции или присущие ей знания, а также другие качества (самоотверженность, подвижничество и т. д.) позволяет элите вывести общество из тупика, создать более гуманный, справедливый порядок.

Более конкретные версии элитизма в рамках либерального направления появились в 70-е годы (например, Д. Белл и теория «постиндустриального общества»). Их сторонники убеждены, что именно наиболее просвещенная элита способна повести за собой массы и преобразовать мир. Такой подход основан, во-первых, на факте существования различий в статусе и доходе при ценности и значимости знаний и умений (Д. Белл даже считает ученых ядром элиты в постиндустриальном обществе, а А. Гоулднер — интеллектуалов, обладающих наибольшим культурным капиталом и культурой критического дискурса). И во-вторых, на неизбежности

преобразования «постиндустриального общества» в меритократию, состоящую, по мнению Д. Белла, «из тех, кто достоин восхищения; эти люди, признанные коллегами лучшими в своей сфере».

Представители консервативных версий элитизма (М. Алле, К. Геерц, Г. Шельски и др.) трактуют элиту в духе «социального избранничества». Однако речь идет не о конкретном общественном положении, а о воссоздании некоего идеализированного слоя общества. Соответственно этому элита воспринимается как мессия, способный избавить людей от зла, неправоты, злоумышленников и т. д. [95, с. 111].

В целом, мы можем выделить следующие характерные для таких теорий положения.

1. Элита трактуется в духе «социального избранничества» как некий идеализированный слой общества.

2. Элита выступает в качестве хранительницы устоев общества, его реальных «духовно нравственных богатств», истинных ценностей «порядка», «авторитета» и т. д.

3. Политический центр любого сложно организованного общества состоит из правящей элиты и системы символических форм, оправдывающих ее господство. При этом существует двойная идеология: элитарная и приспособленная для масс.

4. Массы – пассивные, политически неопытные и отсталые. Они склонны следовать за элитой.

Волна «реидеологизации» в общественной жизни 70-х годов XX века выдвинула на первый план новые ценности, трансформировавшиеся в неоконсерватизм (М. Глейзер, И. Кристал и др.). Его сторонники «выдвигают новую идеологическую программу для того, чтобы соединить индустриальное развитие капитализма с утраченными ценностями прошлого и изменить «вредные» идеологические иллюзии, такие, как вера в демократию и прогресс. Они отрицают любые формы общественных преобразований» [95, с. 125].

В целом, у современных неоконсерваторов преобладают ценностные представления о роли элиты в обществе, а основные их идеи можно сформулировать следующим образом.

1. Элита – особый, привилегированный слой общества, главная политическая, экономическая и культурная сила в обществе.

2. Элита обладает не столько властью, сколько авторитетом. Она должна служить нравственным примером для других и быть достойной того, чтобы за ней следовали.

3. Отношения между элитой и массой не сводятся к отношениям господства и подчинения. Следование за элитой является моральной обязанностью масс.

4. В различных областях деятельности могут существовать свои элиты, образуя общую группу элит в обществе. Членство в различных элитах частично совпадает.

5. В одной сфере элиты могут конкурировать между собой, но безусловной должна быть их единая приверженность идеалам и конечным целям общественной системы в целом.

Представители радикалистских версий элитизма (Э. Фромм, А. Леви, А. Глюксман, Ж. Долле, М. Герэн, Ж. Бенуа, К. Жамбе, Ги Лардо, Ф. Немо, Ф. Соллерс и др.) ведут свое начало от идей Платона, Шопенгауэра, сюрреалистов, Руссо, Фихте, Гегеля, Ницше. Эти теории выступают против представлений о преходящем характере элитизма. Власть в них служит не надстройкой, а базисом любого общества. Элитизм, считают они, неизбежно коренится в самой природе власти, а потребность людей к объединению делает господство необходимым, даже неизбежным (А. Леви). Э. Фромм, например, считает, что все зависит от того, «сколько блестящих, образованных, дисциплинированных и ответственных людей будет вдохновлено новой задачей» [345, с. 175].

Из проведенного нами анализа видно, что постклассические концепции элит обращены к многообразию типов элит в индустриальном обществе, однако лидирующее место по-прежнему сохраняется за политической элитой, что объясняется силой властного ресурса в современных обществах. В период же движения общества к постиндустриальному типу и обществу интеллекта роль политической элиты ослабляется, выдвигая на первый план представителей интеллектуальной элиты.

В целом, анализ классических и постклассических теорий элит приводит нас к следующим важным для дальнейшего социологического анализа выводам.

1. Обращение к исследованию определений феномена элит позволяет нам выделить ценностный и структурно-функциональный

подходы как базовые в разработке проблематики элит в системе общества интеллекта. При этом первый акцентирует внимание на ключевых нематериальных компонентах общественной жизни, которые имеют особую значимость для общества. Данный факт соответствует отмеченным нами ранее тенденциям усиления роли сознания в общественной жизни, возрастания компетентностной, меритократической составляющей в функционировании общества.

Второй же — структурно-функциональный — продемонстрировал, что в современном обществе элита не монолитна, а мозаична. Именно это становится основанием для выделения различных типов элит, в том числе и интеллектуальной, качества и функциональная роль которой максимально соответствует первоочередным направлениям развития общества интеллекта (впрочем, как в свое время экономическая элита в период индустриального развития стран).

Следует отметить, что с появлением концепций множественности элит в научный обиход вошло понятие «элитные группы», отражающие мозаичность традиционного образа элиты.

2. Качества и свойства конкретных элитных групп являются наиболее важными основаниями для выделения различных типов элит. Приблизительный перечень таких базовых оснований выглядит следующим образом: сфера деятельности (К. Маннгейм, Р. Арон, Дж. Портер и др.); тип влияния (Д. Сандерсон, Р. Нафе); стиль управления (Д. Липпит, Р. Уайт); форма правления (Д. Ризман); обладание собственностью, властью и статусом (Г. Пэри); форма господства (М. Вебер); формальные позиции у власти (В. Парето); исторические этапы развития обществ (О. Конт, Я. Свитака, Д. Белл, М. Янг и др.); навыки деятельности, авторитет, знания (Г. Лассуэл); профессиональный престиж, образование (Л. Уорнер), источники влияния; принципы рекрутирования; характер внутренних отношений и др.

Обращение к рассмотрению типов элит и поиска наиболее влиятельных из них привело к созданию субтеорий элит (например, концепций «продуктивных элит» (П. Дрейцель), «стратегических

элит» (С. Келлер) и других, в которых центральное место занимают качественные характеристики элитных групп.

3. Элитные группы не являются монолитными по своей структуре. Все элементы элиты несут на себе важную функциональную нагрузку.

Итак, элитизм пришел к тому, что различные элитные группы, обладая теми или иными ресурсами в обществе, имеют возможность в большей или меньшей степени влиять на ход общественного развития. Это позволяет нам акцентировать внимание, с одной стороны, на позициях элитных групп в социальной структуре социума, а с другой — на тех типах элит, которые обладают актуализированными для конкретного общества в конкретных условиях ресурсами.

Несмотря на признанность данного факта, следует отметить, что в советском обществоведении понятие «элита» рассматривалось как псевдонаучное, антидемократическое и практически не употреблялось в позитивном значении.

Однако понятие элиты не было совсем предано забвению, и в 60-х годах XX века его чаще формулировали как немногочисленную по составу, но могущественную по положению, находящуюся на вершине общества группу, которая сосредоточила в своих руках всю экономическую и политическую власть и обладает всеми средствами ее осуществления (В. В. Колбановский, Г. В. Осипов, Г. К. Ашин и др.) [25; 26; 28; 157].

Дальнейшее развитие и разработка этого понятия в советской науке происходила лишь в начале 90-х годов XX века, когда по традиции, берущей начало от В. Парето, ее стали определять как «те слои и группы, представители которых играют ключевую (положительную или отрицательную) роль в выработке и реализации стратегических решений в ходе общественного функционирования» [6, с. 61].

Современная социальная мысль СНГ развивается в рамках разработанных в западной политико-социологической мысли и упоминавшихся выше элитистских систем. Например, в рамках макиавеллистского подхода В. Титов считает, что «элита — это те люди, которые в силу своего стратегического положения, занимая

руководящие должности в государственных и частных организациях (в правительственных структурах, партиях, профсоюзах, в военной администрации, религиозных организациях, в системе образования, культуры, средств массовой коммуникации и т. п.), достаточно влиятельны для того, чтобы от них зависело принятие решений и национальная политика» [328, с. 109]. Аналогичную позицию занимает и Г. Щекин. Он отмечает, что элита – это высший привилегированный слой или слои социальной структуры, осуществляющие функции социального управления, формирования и развития материальной и духовной культуры в определенном, отвечающем требованиям социально-исторических условий, направлении. К элите относятся члены социума, пользующиеся наибольшим престижем, статусом, богатством и занимающие ведущее положение в политической, экономической и культурной жизни общества. Элита – это не обязательно лучшие члены общества... но обязательно – наиболее «статусные» [363, с. 92].

В отношении такого подхода к пониманию элиты, на наш взгляд, следует согласиться с О. Д. Куценко в том, что понимание элиты как конкретной небольшой части общества, занимающей высшие ступени социальной иерархии, является хотя и наиболее распространенным, однако гносеологически недостаточно продуктивным в анализе социального взаимодействия в современной Украине [177].

Более широкими познавательными возможностями в современных условиях, по нашему мнению, обладают вариации ценностного подхода к пониманию элиты. В отечественном социальном знании такой позиции придерживается целый ряд ученых. Например, Н. Латыгина считает, что «элита, как известно, меньшая часть общества, которая состоит из лучших его представителей» [180, с. 119]. В. Левендорский понимает под элитой «творческое меньшинство», способное взять на себя груз ответственности поиска и принятия решений в ситуации исторического выбора и имеющее решимость эти решения последовательно реализовать [181]. С. Вовканич относит к национальной (мировой) элите тех людей, которые живут духовными потребностями народа и человечества, создают новые знания и опыт, прислушиваются к

своей совести: сознательно работают на социально ориентированное развитие и своим интеллектом не вредят другим [68, с. 8].

Очевидным является то, что данный подход акцентирует внимание на интеллектуальных качествах элиты, что является отражением общей интеллектуализации общественной жизни. Поэтому можно согласиться с Ж. Тощенко в том, что «если элита — это лучшее, отборное, качественное, то это означает, во-первых, служение высшим интересам общества без скидок, без оговорок, без сомнений, что именно она в первую очередь защищает национальные интересы в самом высоком звучании этого слова. Во-вторых, элита демонстрирует преданное, подлинно патриотическое служение обществу во всем — большом и малом, заметном и скрытом, в трудовой деятельности или на поле брани, в творчестве или обычной жизненной ситуации. Иначе говоря, это постоянное проявление гражданственности, верности обществу, в котором ты живешь и работаешь. В-третьих, элита характеризуется соблюдением требований нравственности, без назидания и морализаторства, постоянным проявлением ответственности во всех без исключения жизненных ситуациях, внутренним достоинством, особенностями суверенности личности или, как говорил Вебер, обладанием «этикой убеждений», «этикой общественности», наличием качеств «политика по призванию». В-четвертых, элиту характеризует высокий интеллектуальный уровень, который помогает возвышаться над сиюминутным и обыденным и который способствует умелому, эффективному и рациональному решению жизненных проблем. И, наконец, надо иметь в виду преемственность в формировании элиты, ибо многие качества отшлифовываются на протяжении череды поколений, будь то британская аристократия или русское дворянство, наследственные династии врачей, учителей, ученых или хлеборобов. Следовательно, к элите принадлежит не просто тот, кто имеет власть или капитал, а тот, кто характеризуется необходимым набором гражданских и нравственных качеств, позволяющих без скидок, натяжек и обмана именовать людей ее представителями, обладателями всего лучшего, что накопило человечество в процессе своего развития» [332, с. 291–292].

Пожалуй, еще одной особенностью отечественной традиции изучения элиты можно назвать проявившуюся вслед за В. Липинским тенденцию «национального» подхода (например, В. Потульницкий, В. Старосольский, В. Скуратовский, С. Кульчицкий, В. Колесник и др.), который практически не встречается на всем протяжении мировой разработки теории элит.

В целом, взгляд на элиту в современных условиях предполагает учет того факта, что, во-первых, в конкретных исторических условиях ведущую роль играют те элитные группы, которые обладают актуализированными в данный период времени ресурсами. Для общества интеллекта такую роль выполняет интеллектуальная элита.

Во-вторых, элитные группы имеют собственный цикл развития, непосредственно связанный с ресурсами и социальными институтами, в которых они «производятся».

Именно данные факторы определяют и то, что сегодня элитизм пропагандирует свои ценности в несколько модернизированном виде: политическая неангажированность, высокий профессионализм, природная склонность к управленческой деятельности и надлежащий опыт, свобода и решительность в достижении цели, деловитость, инициативность, творческий подход и т. п. Ведь «с рождением современного промышленного высокоурбанизированного общества радикально меняется структура отношений между людьми и общностями. Разрушаются или радикально видоизменяются первичные группы (семьи, ближайшее окружение и т. д.). Непосредственные «двухсторонние» контакты между индивидами, присущие этим группам, заменяются «односторонними», опосредованными — организационными распоряжениями, пропагандой, информацией. В результате происходят радикальные изменения и в самом общественном сознании. Оно все более поляризуется на «интеллектуальное поведение» элит (т. е. «избранных») и «галлюцинаторное» (т. е. иллюзорное, неконтролируемое) состояние масс» [95, с. 84] Такая позиция в современных условиях весьма ярко проявляется в дифференциации людей по векторам социальных вызовов, например, информационному, технологическому (в подразделе 1.1 мы говорили

о появлении разрывов, пропастей между теми, кто успешно реагирует и адаптируется к вызовам, и теми, кто к ним не адаптировался).

С течением времени изменяются не только элиты, но и их восприятие социумом в целом. Именно поэтому представители элитарных кругов в одном обществе могут не рассматриваться как таковые в другом социуме и наоборот. Связано это и с тем, что элиту необходимо рассматривать не как веберовский идеальный тип, а как нечто «существующее», то есть принимаемое обыденным сознанием как очевидность. И здесь важно обращать внимание на аспекты идентификации элиты.

На наш взгляд, обозначенная проблема имеет несколько основных аспектов, требующих особого рассмотрения в контексте изучения элитных групп. Прежде всего, необходимо выделять два вектора анализа проблемы – вектор развития анализируемого субъекта социальной жизни и вектор среды, в которой проводится его анализ.

Особым аспектом в изучении элит выступает процесс идентификации, в ходе которого осуществляется отождествление индивида с группой. Данный процесс выступает механизмом социализации личности, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, ценности, роли и качества представителей социальных групп и общностей.

В отношении элит эта проблема особенно актуальна, ведь по определению именно они формируют направления развития отдельных сфер жизнедеятельности общества и его общий вектор. Уровень же социальной идентификации выступает прямым показателем эффективности их деятельности.

Идентификация выступает и одним из этапов социального созревания элит, которое играет важную роль в их успешной жизнедеятельности.

При анализе элитных групп мы разграничивали внешнюю и внутреннюю идентификации.

Внешняя идентификация основывается на признании той или иной роли социального субъекта в жизни общества. Наиболее яркими показателями социального признания в данном аспекте

могут являться доверие и позитивная оценка деятельности представителей элитных групп, что, в свою очередь, повышает их общий престиж. Особую роль при этом играет имидж элиты, который и направлен на формирование позитивной идентичности.

В этой связи, как отмечают исследователи, важным моментом является также «общественная легитимизация элитных слоев, общественного согласия относительно элитного статуса претендующих на него. Общественное признание, подтверждение руководящих и лидерских задатков – также острая проблема на фоне низкого рейтинга тех социальных институтов и постов, которые связываются в массовом сознании с властью» [324, с. 22].

Взаимодействие массового и элитарного сознания вообще является весьма интересным в данном аспекте, особенно в условиях переходных обществ. Ведь, как показывают исследования, «сегодня для политического класса единственно реальным является корпоративный (точнее, квазикорпоративный) принцип идентификации, для населения – региональный. Общегосударственный интерес как инструмент артикуляции общезначимых целей и ценностей большинства общества аннигилируется в качестве ценности [76, с. 22].

В действительности, ценности, являясь ядром любого сообщества, могут стать причиной нарушения процессов идентификации современной элиты. Ведь в совокупности они составляют основу наращиваемого социальными субъектами социального капитала, который используется ими в процессе позиционирования в стратификационном пространстве. При этом нельзя не учитывать тот факт, что «общество в смысле ценностей, норм, идентичностей и интересов представляет собой отнюдь не монолит, а определенную стратифицированную и фрагментированную совокупность систем, объединенную весьма общими рамками, отделяющими норму от девиантности и деликвентности. Учитывая это, было бы излишней схематизацией говорить о существовании единого типа социального капитала на макроуровне. При такой схематизации без внимания могли бы остаться феномены, связанные с региональной, этнической, религиозной, культурной гетерогенностью общества» [103, с. 106].

Тем не менее сегодня, как отмечают исследователи, «число общезначимых для всего социума ценностей минимально: существует значительный разрыв между целями и ценностями элитарного и массового сознания вследствие масштабности децильного коэффициента, маргинализации большого числа массовых групп и фрагментации социальной ткани общества» [76, с. 20].

Таким образом, во многом проблемы идентификации элит (как внутренней, так и внешней) упираются в сильнейшие расхождения в системах их ценностных ориентаций.

Однако, как отмечалось нами ранее, важным фактором выступают социальные условия, в рамках которых элиты осуществляют свою деятельность. Ведь именно благодаря им элитные группы в разных странах могут отличаться степенью закрытости, каналами мобильности, моделями своего формирования и т. д. Но, как подчеркивает И. Панькув, в трансформирующихся странах сохранение единства в обществе зависит скорее от ориентации и действий элит (в стабильных же обществах гарантами единства выступают социальные институты) [254, с. 44].

В данном контексте важным видится необходимость признания того факта, что в современных переходных обществах элиты являются основным субъектом стратегических преобразований, необходимых для решения ключевых вопросов развития обществ, поиска ответов на вызовы современности. В этой связи, как российские, так и украинские ученые в один голос утверждают, что «главная функция элиты в трансформационном процессе состоит в выработке, легитимизации и реализации общей стратегии реформирования общества. Чтобы эффективно реализовать эту функцию, представители этой группы должны обладать многими редкими качествами — современным менталитетом, государственным типом мышления, готовностью к защите общенациональных интересов от корыстных действий отдельных групп и т. д. ...» [119, с. 288–289]. «Ценности и умения, цели и технологии, используемые элитами в процессе влияния на принятие решений и зависящие от особенностей структурирования группы, ее качества, в значительной мере определяют содержательный аспект национального трансформационного процесса, изменений

общества. В процессе своего структурирования элиты способны образовывать множественные связи, наращивать социальный капитал, обеспечивающий устойчивость их положения и влияния. Результат данного процесса отражается концептом элитных сетей. Идея сети при этом используется для описания системы личных, групповых и институциональных отношений обмена взаимными ожиданиями и признаниями, в которые включаются представители элитной группы и которые определяют их взаимозависимость. Элитные сети не возникают сами по себе, а конструируются через привлечение специальных стратегий, ориентированных на институционализацию групповых отношений» [175, с. 17].

В результате формирование и позиционирование элитных групп в социуме напрямую связано со спецификой тех процессов, которые в нем происходят. Украина в данном отношении не исключение — формирование и функционирование элитных групп в ней детерминируются множеством социальных факторов, что и порождает специфику элитных групп. Мы предлагаем обратить внимание на несколько ключевых моментов в этой связи. Во-первых, значительной трансформации подверглась система формирования элитных групп. Как отмечают исследователи, в Украине при формировании современной элиты активно действует так называемый «испорченный социальный лифт» (А. Зоткин). «На наш взгляд, формирование политической элиты по условной схеме «испорченного социального лифта» — один из необходимых этапов перехода к высшему уровню политического менеджмента, то есть формирование элиты по профессиональным признакам. «Испорченный социальный лифт» — явление, присущее государствам, переживающим социальные потрясения, связанные прежде всего с пересмотром прежних социальных отношений и быстрой социальной дифференциацией. Однако история доказывает, что постепенно формирование политических элит возобновляется на профессиональных основаниях» [128, с. 202].

Действие «испорченного социального лифта» становится важным в силу активного влияния в социальном пространстве украинского социума ресурсов власти. Интересно, что данный

факт тесно связан и с основными путями социального продвижения в структурах функционирующих в Украине элитных сетей. Социологические исследования показывают, что таковыми сегодня являются:

1) «эксноменклатурный», для которого наиболее значим следующий комплекс факторов: принадлежность к бывшей советской номенклатуре, особенно ее «комсомольско-аппаратному» звену (факторная нагрузка 0,942) и наличие нужных связей, патронажа (0,301);

2) «награда за выслугу» — связан с факторами служебного продвижения (0,933), наличия нужных связей (0,340), а также удачного случая (0,212);

3) «профессионально-случайный» — наиболее значимы факторы профессионализма, высокой компетентности (0,907), а также удачного стечения обстоятельств (0,245), личного обаяния (0,235), социального статуса родителей (0,238);

4) «предписанный» — связан с факторами социального статуса родителей (0,867), личностной привлекательности (0,303), наличием престижной профессии (0,205);

5) «клиентельно-корпоративный (не-номенклатурный)» — доминируют факторы принадлежности к «команде» (0,845), финансовых возможностей (0,372), личной преданности «шефу» (0,370), наличия выгодных связей (0,246).

Как видно из приведенных данных, в социальных механизмах структурирования элиты господствуют отнюдь не механизмы компетентности, социального и профессионального авторитета» [175, с. 20].

Во-вторых, сегодня существует серьезная проблема в сфере идентификации элиты. С точки зрения самоидентификации, «элита в Украине еще не определилась — то ли она «поддерживает друг друга эмоционально, это очень важно, делая свое дело (а каждый делает свое дело), знать, что есть люди, которые могут поддержать друг друга эмоционально, которые близки по менталитету, по духу, по прочитанным книгам» [211, с. 42]. С другой стороны, «по результатам социально-психологического исследования Института социологии НАН Украины «Становление

национальной элиты в условиях трансформации украинского общества: социально-психологический аспект» (1998 год): богатых к элите относят 44% респондентов; занимающих высокие должности – 42%, самых достойных, выдающихся – только 15%...» [128, с. 206]. То есть на сегодняшний день ни элита, ни массы четко не идентифицируют категории людей, являющихся элитными в украинском обществе.

В-третьих, характеристики тех, кого можно сегодня отнести к элите, не соответствуют традиционным представлениям о них. Причем в современной Украине присутствуют в данном отношении как эйфоричные позиции (например, участники проекта Вече Украины считают, что «новая нарождающаяся элита – это лучшие в своем качестве, в своем виде деятельности», «эти люди небезразличные к тем процессам, которые происходят у нас в обществе и государстве. Это лучшие, элита» [337, с. 7], так и скептические: «современная элита рискует утратить свой высокий титул не только в связи с удручающим уровнем нравственности, но прежде всего в связи с тем, что руководящие группы современного... общества во все меньшей степени выполняют свою ключевую функцию и все меньше соответствуют базовому системообразующему признаку элиты (принятие стратегических решений)...» [76, с. 21–22].

В этой связи встает вопрос о тех ресурсах (интеллектуальных, нравственных и др.), которые необходимы отечественной элите для завершения своего формирования и полноценного функционирования.

Однако в данном аспекте невозможно обойти вниманием тот факт, что кристаллизация отечественной элиты происходит на фоне глобализационных процессов и воздействия вызовов современности. В таких условиях рассматриваемые вопросы приобретают особые акценты. Ведь, с одной стороны, элиты в переходных обществах сконцентрированы на внутренних процессах социального взаимодействия в силу неустойчивости таких социетальных систем. В данных системах, как было показано нами в подразделах 2.1 и 2.2, не завершено распределение ключевых ресурсов, стратифицирование социума и т. д. Именно

поэтому кристаллизация элитных сетей происходит на фоне общей нестабильности социума, что вполне закономерно предполагает преимущественно интровертивный характер функционирования элит. В условиях же глобализации происходит, как отмечалось в подразделе 1.3, «размыкание» интровертивных позиций, активизация внешнего взаимодействия большинства социальных и социетальных систем, что ставит элиты переходных обществ, в том числе и Украины, в ситуацию неоднозначного выбора. При отсутствии же целостной элиты в стране говорить о правильности сделанных выборов не приходится, поскольку в такой ситуации он, чаще всего, обусловлен личными или узкокорпоративными интересами, нежели общественными или государственными.

К сожалению, такая ситуация приводит к тому, что, по мнению ученых, «... главной характеристикой новой политической, экономической и интеллектуальной элиты, захватившей позиции в августе 1991 года, является то, что эта элита мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связавшая свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход этого народа стремится попасть... Элиты, пожелавшие стать глобальными, не только отказались от национальной идентичности и от защиты национальных интересов. ... Элиты заявили о своем праве свободно мигрировать из трудных в легкие, привилегированные пространства, из сфер, требующих напряжения и ответственности, — в прекрасный новый мир, где царят легкость и безответственность... Причем в той мере, в какой глобализирующиеся элиты рвут со своими народами, они рвут и с продуктивной экономикой и с подлинным творчеством. Легкость существования, которую они взыскивают, заставляет их искать не только легкого для жизни пространства, но и все более легких занятий, становящихся лишь имитацией подлинного творчества. Глобальная среда, рекрутируемая по критерию легкости и свободы от усилий, неминуемо становится паразитарной» [252, с. 20, 24]. Таким образом, отрыв национальных элит от территории, детерминируемый глобализационными процессами, является одной из современных тенденций.

Однако нельзя не обратить внимания на еще одну тенденцию, которая достаточно ярко проявляется в современной Украине и соответствует тенденциям в мировом развитии — выкристаллизация различных элитных групп, опирающихся на разные типы ресурсов, реализующие разные типы стратегий и функций в обществе. Как отмечают исследователи, «с началом социальной трансформации украинского общества монолитность функционирующей элиты, характерная для советской системы, была разрушена. Так, уже по результатам исследований 1992–1993 гг. был сделан вывод о происшедшем процессе самоактуализации множественных протоэлитных образований, прежде всего, регионального характера, и усилении соперничества между элитными и субэлитными группами. С начала 90-х годов Украина переживала перманентный процесс элиитообразования и социально-политического созревания формирующихся групп. Опрос экспертов, проведенный в 1998 г., позволяет сделать вывод об утвердившемся, в конце концов, множественном характере функционирующей в Украине элиты» [175, с. 18].

При этом, на наш взгляд, следует отметить, что если изначально — в первой половине 90-х годов XX века — множественность элитных групп формировалась в значительной степени на основе региональных интересов, то в конце 90-х — в начале XXI века — по сферам деятельности. Так, в конце 90-х годов ученые говорили об «активном процессе становления следующих типов элит, различающихся по их функциональным позициям:

1. Политическая, избавившаяся от прежнего жесткого контроля со стороны господствующей партии и представленная в настоящее время исполнительной и законодательной ветвями власти.

2. Экономическая, все в большей степени ориентирующаяся на выражение и защиту своих интересов, однако, как нам представляется, еще не превратившаяся из «класса в себе» в «класс для себя» и которая в свою очередь подразделяется на финансовую, промышленную и аграрную элиты.

3. Идеологическая элита, утратившая свои прежние монопольные функции, представители которой входят в различные

политические партии, структуры исполнительной власти или выполняют заказы в качестве независимых экспертов и консультантов» [328, с. 110–111].

Следует отметить, что такое разделение элит опиралось на обладание одними элитными группами ресурсами власти, другими — экономическими ресурсами и предполагало наличие групп, которые не были включены в распределение этих двух типов ресурсов. Такая ситуация была вполне объяснима, и сейчас отголоски этой тенденции, как мы показали в разделе 2, достаточно сильны в Украине. Поэтому в тот период исследователи чаще всего не выделяли интеллектуальную элиту как отдельный вид элиты, а сейчас же все больше говорят о ней. Значит, она приобретает черты группы, а общество идет по пути становления общества интеллекта. Однако, безусловно, процесс формирования, консолидации интеллектуальной элиты не завершен. Но данные процессы, как и процессы ее позиционирования в социуме, заслуживают пристального внимания (см. подразделы 3.2, 3.3, 3.5).

Впрочем, не меньшего внимания заслуживает и процесс взаимодействия элитных групп в украинском социуме, а также их влияние на его жизнедеятельность. Исследования показывают, что «структура элитных групп демонстрирует фактическое сращивание бизнес-элиты с государственно-административной и политической элитами по корпоративно-клиентельному принципу» (см. рис. 3.1) [175, с. 21].

Соответственно можно говорить, во-первых, о начале кристаллизации интересов интеллектуальной элиты, отличных от интересов элитных групп, опирающихся на политические и экономические ресурсы. А во-вторых, о начале проявления тенденции повышения роли интеллектуальных ресурсов.

Таким образом, элиты занимают особое место в системе социальной стратификации современных обществ. Их существование обусловлено многообразием неравенств, которые варьируются от природных возможностей до социальных статусов и определяют положение индивида или группы в системе социальной стратификации.

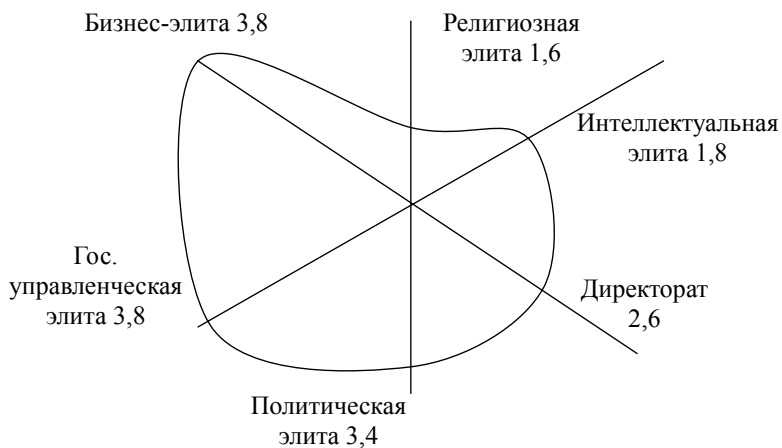

Рис. 3.1. Структура элитных сетей по степени влияния на принятие важнейших для общества решений (ср. взвешенные оценки, где 1 – максимальное влияние, 0 – отсутствие влияния, N = 90)

Интерес к элитам, процессам их формирования и функционирования возрастает в периоды нестабильности социальных систем, когда они претерпевают серьезные трансформации. Именно в такой период появились классические элитистские теории, именно такой период переживает сегодня Украина.

Анализ методологических подходов к феномену элит показал, что вся история их исследования с неизбежностью доказывает, что деление на меньшинство (эли́ту) и большинство существует в любом типе общества. А значит, в постиндустриальном обществе и обществе интеллекта данная тенденция сохранится. Принципиально важным моментом, имеющим значение для изучения элит, является вопрос о самосознании и идентификации элит. Данная характеристика, как показывает проведенный нами анализ, выступает ключевой в большинстве элитистских концепций. Наряду с этим, как было показано в разделе 2, эта характеристика является одной из определяющих в процессах позиционирования социальных субъектов в системе социальной стратификации переходных обществ.

Пожалуй, в отношении большинства других качеств элитисты не проявляют такого единодушия. И поэтому в их рядах сформировалось несколько основных подходов, например, структурно-функциональный (наличие у представителей элиты верховенства в иерархии власти) и ценностный (необходимое наличие интеллектуальных, нравственных и других качеств, ценных для общества); институциональный (рассмотрение элиты как силы, способной осуществлять активную деятельность в рамках социальных институтов и оказывать непосредственное влияние на их функционирование) и функциональный (элита – представители социума, чья деятельность является функционально полезной); биологический, психологический, распределительный, морально-этический и другие. Однако в условиях социальных трансформаций украинского общества и его движения по пути формирования общества интеллекта наиболее продуктивным нам видится использование ценностных интерпретаций элиты и ее роли в социуме.

Наряду с этим проведенный анализ показал, что в условиях дифференциации значимости различных социальных ресурсов, включения множества стратификационных параметров реальным становится процесс дифференциации элит, их «мозаификации». Все это позволяет говорить об активном процессе формирования в Украине не только политической или правящей элиты, но и других элит, среди которых интеллектуальная элита в условиях формирования общества интеллекта занимает особое место и требует детального анализа.

3.2. Конструирование интеллектуальной элиты: проблема определения критериев и характеристик

Развитие современных обществ с неизбежностью показывает, что они проходят новый этап своего перерождения. Масштабность происходящих в них изменений, их глобальный характер, несмотря на возрастающий разрыв и процессы локализации отдельных процессов, позволяют констатировать новые черты

современных обществ, которые важны для понимания места интеллектуальной элиты в них.

Описывая эти черты, можно воспользоваться отдельными схемами, разработанными исследователями в последней четверти XX века. Например, К. Кумар, который, по мнению П. Штомпки, попытался соединить основные мотивы рассуждений и доказательств О. Конта и М. Вебера с идеями Т. Парсонса и современных социологов, говорит о пяти основных принципах, определяющих своеобразие «современности» [359, с. 583–585]. К ним ученый относит принципы индивидуализма, дифференциации, рациональности (с его апофеозом разума), экономизма и экспансивности. Эти принципы, на наш взгляд, отражают возможности и ограничения личности в современном мире, но не дают полного представления о среде, которая выдвигает особые требования к индивиду и имеет форму вызова, о котором мы вели речь ранее. Одним из важнейших проявлений этого вызова, непосредственно касающимся всех социальных субъектов, является интеллектуализация, которая отмечается современными исследователями, но упущенная К. Кумаром. И. Валлерстайн же отмечает, что «судьба нашего времени характеризуется рационализацией и интеллектуализацией, и прежде всего “расколдовыванием мира”» [59, с. 45].

Эта тенденция актуализирует два аспекта, заслуживающих, по нашему мнению, особого внимания. Первый – возрастание возможностей использования творческого потенциала личности, востребованность ряда личностных качеств, выступающих рычагами ее социального движения, потому что «никогда еще человеческий разум не располагал большими возможностями, чем в наши дни» [323, с. 95]. При этом «человек играющий, обладающий качеством пассионарности, способный раскрепостить дух свободы и творчества, оказывается наиболее социально мобильным. Именно из этого типа прежде всего формируются социальные субъекты различного уровня, в том числе и элитные группы, берущие на себя роль режиссеров в игровом поле политики, инициирующие процессы конструирования социальных изменений» [177].

Именно в том, что интеллектуализация общественного развития выводит на первый план новые социальные силы (группы, классы, слои), и заключается второй важнейший аспект, представляющий интерес для нашего исследования. Ведь значимость этих социальных сил определяется не только индивидуальными выгодами людей, их составляющих, но и общественной выгодой. Как отмечают в этой связи исследователи, «лишь социально активные члены общества являются генераторами общественного поступательного движения, и, в зависимости от преобладания в данный исторический момент акторов, предпочитающих оглядываться назад, на знания, проверенные опытом, либо акторов, отрицающих значение накопленного знания, эмпириков, идущих без оглядки в завтра, общество, говоря более предметно, общество политическое, испытывает на себе благотворное влияние консервативных, либерально-консервативных реформ, либо радикально-обскуративные потрясения» [214, с. 86].

Таким образом, интеллектуализация общественной жизни выводит на первый план некоторые социальные силы, которые объективно занимают (или в ближайшем будущем займут) ведущие позиции в социальной структуре современных обществ. Несмотря на то что, как было показано в разделе 2, в современном обществе классовый анализ имеет значительные ограничения, в конце XIX века зародилась традиция, которая отчасти поддерживается и сегодня некоторыми исследователями, в определении этих новых социальных сил в категориях классового анализа (Э. Гоулднер, М. Бакунин, И. Селени, Дж. Конрад, М. Кивинен, Д. Лейн, Г. Гензбум, П. Ньюберга, О. Куценко и др.). В рамках данной традиции появился термин «новый класс», который был введен в социальную мысль М. Бакуниным. Анализируя возможные социальные последствия марксистского сценария социализма, он писал о том, что будущее некапиталистическое правительство не будет довольствоваться только политическим правлением, но будет управлять также экономически. А это требует необъятных знаний. Такая ситуация породит «господство научной интеллигенции. Это будет самый аристократичный, деспотичный, высокомерный и презренный из всех режимов. Это

будет новый класс, новая иерархия настоящих и «так называемых» ученых и научных работников, и мир будет разделен на меньшинство правящих от имени знания и безмерное невежественное большинство» [Цит. по 173, с. 202].

При таком подходе очевидно, что использование категории «класс» является исключительно номинальным, поскольку содержательный акцент в определении «нового класса» делается на вид деятельности, который позволяет накопить знания как капитал.

Следует отметить, что такой подход сохранился и в XX веке, но был дополнен рядом признаков, имеющих для нашего исследования особое значение. Так, в 60-е годы XX века появились теории в русле неоконсервативной, а затем — радикальной философии, делающие акцент в содержании нового класса на высокообразованные слои населения, а также на их специфическую культуру. Неоконсервативный исследовательский поворот получает развитие, прежде всего, благодаря работам Дж. Гэлбрейта и Д. Белла в рамках концепций «нового индустриального» и «постиндустриального общества», интерпретирующих всемирную историю сквозь призму технологии и знания. В работе «Грядущее постиндустриальное общество» (1964) Д. Белл утверждает веру в фундаментальную роль ученых в постиндустриальном обществе. Он полагает, что в современную эпоху научно-техническое знание становится главной силой экономического роста и социального прогресса и открывает дорогу новому социально прогрессивному «классу знания» [42, с. 194–250].

В этот период большинство исследователей стали определять новый класс как социальную общность людей, воплощающих в себе знания и информацию о производственных процессах и механизме общественного прогресса в целом. При этом подчеркивалось, что главным объектом собственности, позволяющим этому классу занимать доминирующие позиции в обществе, не являются уже «видимые вещи», такие как земля и капитал; в этом качестве выступают информация и знания, которыми обладают конкретные люди. В отличие от труда, знания являются «редким производственным фактором», а положение и статус представителей новой элиты «определяются в соответствии

не столько с их иерархическими полномочиями, сколько с их научной компетентностью».

Очевидно, что современные общества нуждаются не просто в образованном классе «белых воротничков», но в новом интеллектуальном классе, классе гуманитарных, социальных ученых, специалистов, способных, по словам О. Д. Куценко, распознавать неоднозначные образы плюралистического универсума и освещать альтернативные формы в существующей реальности.

Таким образом, сфера деятельности, как первичный критерий принадлежности к «новому классу», была дополнена такими характеристиками, как возможность воплощения в себе знания и информации, особый вид собственности, которым обладают представители этого класса, компетентность, способность видеть мир и проблемы в нем шире и вариативнее, чем большинство людей и др.

Очевидно, что такой набор характеристик весьма абстрактен и не позволяет с социологической точки зрения более или менее четко определить, кто же может быть отнесен к «новому классу». Однако, на наш взгляд, для своего времени теоретические поиски достигли своего: они, во-первых, обозначили процесс выхода на социальную арену новых социальных сил; во-вторых, определили некоторые характеристики, которые присущи представителям этих новых сил; в-третьих, показали глобальный характер происходящих в мире изменений. Ведь в 80-е годы Э. Гоулднер в рамках концепции рефлексивной социологии в работе «Будущее интеллектуалов и рост нового класса» (1981) [387, р. 711–722] утверждал, что новый класс проявился в текущем столетии во всех странах, ставших частью мирового социально-экономического порядка, а, например, ряд исследователей продемонстрировал возможности использования этой концепции для социалистического общества. Так, И. Селени, Дж. Конрад, М. Кивинен, Д. Лейн, В. Весоловский, Г. Гензбум, П. Ньюберта аргументируют, что на основе владения культурным капиталом, ресурсами знания, высокой образовательной и профессиональной квалификацией в обществах «государственного социализма» сформировался новый класс «интеллигенции и интеллектуалов», или «средний

класс профессионалов». Анализ данных по шести восточно-европейским странам (Болгария, Чехия, Венгрия, Россия, Польша и Словакия) за период 1940–1985 годов позволил Г. Гензбуму и П. Ньюберте сделать вывод о значительном влиянии культурного капитала родителей на достижения в образовании их детей и более общий вывод о воспроизводстве культурного капитала в рамках определенных социальных границ и проявлении «интеллектуалов» как класса в названных обществах. Данный класс не занимал доминирующего положения в обществе, однако обладал умениями, конкурентными на контролируемом государством рынке труда, и возможностями их использовать для расширения своих жизненных шансов. В этом смысле Д. Лейн полагает, что класс интеллектуалов был латентным, или «восходящим классом», который имел потенциальную власть в период «зрелого социализма», однако его классовые интересы находились под контролем со стороны политического класса.

Таким образом, на протяжении прошлого века были сделаны первые шаги по описанию той новой социальной силы, которая в условиях интеллектуализации, глобализации, роста значимости сознания может находить эффективные пути решения проблем в разнообразных сферах жизнедеятельности обществ. Признание такого социального субъекта важно и с точки зрения того, что его активное позиционирование в системе социальных связей трансформирует отдельные социальные механизмы, систему социальных взаимодействий и т. д. Как отмечают исследователи, «в современных условиях не социальный статус служит условием принадлежности человека к элите постиндустриального общества; напротив, сам он формирует в себе качества, делающие его представителем высшей социальной страты... В отличие от всех прочих ресурсов информация не характеризуется ни конечностью, ни истощимостью, ни потребляемостью в их традиционном понимании, однако ей присуща избирательность, что, в конечном счете, и наделяет ее владельца властью в постиндустриальном обществе. Специфические качества самого человека, его мироощущение, психологические характеристики, способность к обобщениям, наконец, память и тому подобное — все то, что

называют интеллектом (а он и представляет собой форму существования информации и знаний), служит главным фактором, лимитирующим возможности приобщения к этим ресурсам. Поэтому значимые знания сосредоточены в относительно узком круге людей, социальная роль которых не может быть в современных условиях оспорена ни при каких обстоятельствах. Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться, и последствия этой перемены с каждым годом выглядят все более очевидными» [136, с. 74].

В такого рода рассуждениях появился новый очень важный для нас момент – попытка дать количественное описание «нового класса», который, несмотря на всю свою значимость, немногочислен. И именно здесь оптимальной видится интеграция теорий «нового класса» с теорией элит. О последней речь шла в предыдущем подразделе, но в контексте наших исследовательских задач важно подчеркнуть, что «реабилитация элит, произошедшая в постфеодалную эпоху, была как раз вызвана тем, что элиты подключились к продуктивным видам деятельности, связанным с соединением творческого труда с производством. Творческое напряжение и повседневная социально-организаторская ответственность элит по большому моральному счету могли оцениваться никак не ниже, чем повседневное усердие масс. Более того: элиты стали выступать в роли инновационных групп, первыми осваивающими новые возможности эпохи модерна и постепенно делающими их всеобщим достоянием. Именно таким был цивилизационный механизм модерна, связанный с воспроизводством на массовом уровне достижений элитарных творческих групп» [253, с. 21].

Итак, именно с элитами связывают возможности максимально эффективного ответа на вызовы современности. Однако, как было показано в разделе 2, не все элитные группы имеют одинаковый социокультурный трансформационный потенциал. Сегодня доказано, что «нормальное развитие общества невозможно без элиты духовной, интеллектуальной. Эта внутренняя разделенность элиты восходит к одному из древнейших «разделений

труда»: выделению в обществе касты воинов и касты жрецов, — и только в очень редких, исключительных, практически единичных, случаях эти две части элиты могут совпадать [181]. Кроме того, в современном обществе значительно трансформировались представления об успехе и критериях успешности личности. Эти критерии все больше связываются с ее «ролью и успехами в производственном процессе» (Бергер), который становится все технологичнее и интеллектуализированнее.

Все это, а также плюрализм элит, обоснованный с середины XX века, позволяют говорить об особой элитной группе — интеллектуальной элите — и ее специфической функциональной нагруженности в «обществе интеллекта».

Внимание к интеллектуальной элите обусловлено течением и характером самой интеллектуальной жизни обществ. Интеллектуальная жизнь интерпретируется сегодня и как стремление упорядочить факты в рамках определенной схемы, с каждым разом все более обширной и гармоничной; и как обогащение энциклопедии знания. «Интеллектуальная жизнь — это стремление упростить мир фактов, дабы успешно его контролировать: это есть действенная мыслительная техника. Интеллектуальная жизнь есть наш способ смотреть на вещи, есть отражение нашей европейской любознательности» [323, с. 101].

Интеллектуальная жизнь определяется двумя ключевыми векторами — пространством и временем. Это означает, что интеллектуальная жизнь привязана к территории и изменяет свой характер с течением времени. Изменения, которые происходят в современном обществе, непосредственно связаны с этими векторами и социальными субъектами интеллектуальной жизни. Во-первых, мы уже отмечали, что успешность на одном социальном пространстве в условиях вызовов современности не гарантирует успешности в другом социальном пространстве. И во многом это связано с характером интеллектуальной жизни этих пространств: выдающаяся личность в одном социуме может оказаться посредственностью в другом.

Во-вторых, интеллектуальный разрыв между территориями (странами) ограничивает потенциал развития интеллектуальной

жизни части современных обществ и соответственно социальных субъектов, активно включенных в интеллектуальные потоки.

В-третьих, динамика современных изменений такова, что интеллектуальная жизнь становится все более насыщенной, и с каждым годом уровень ее насыщения возрастает.

Что это означает для нашего исследования? Прежде всего то, что целенаправленные стимулирующие миграционные потоки в ту или иную интеллектуальную среду будут касаться относительно узкого, весьма конкретного типа личности, достижения, значимость и потенциал которого известен и универсален. Кроме того, этот тип личности должен быть устойчив к условиям интенсивной интеллектуальной жизни. Все это позволяет говорить о том, что в любом обществе выделяется малочисленная группа людей, которая может быть названа интеллектуальной элитой и на которую возлагаются определенные общественные функции.

Наряду с этим идентификация интеллектуальной элиты приобретает глобальный характер и становится свидетельством разрушения общества модерна и появления общества интеллекта.

Как уже отмечалось ранее, ключевым ресурсом в таком обществе выступает интеллект, а этимологический анализ словосочетания «интеллектуальная элита» указывает на интеллект как ключевую характеристику некоторой группы людей, выделяющихся из массы. Поэтому важным видится анализ интеллекта как ресурса личности и общества, который играет все большую роль в современном мире.

В наиболее общем виде под интеллектом понимают некоторую мыслительную способность человека, отличающую его от животных. Однако, по нашему мнению, в такой интерпретации говорить об интеллектуальной элите бессмысленно, поскольку речь идет об интеллекте как биологическом компоненте человека, присутствующем всем людям. Тем не менее в социальном плане интеллект обретает несколько иное значение и именно тогда представляет интерес в качестве ресурса личности. В данном отношении он характеризует результаты мыслительной деятельности личности. По нашему мнению, сопоставление результатов мыслительной деятельности, осуществляемое в определенных рамках интеллек-

туальной жизни и дает возможность дифференциации индивидов и выделения интеллектуальной элиты.

Как показывают результаты исследований, при анализе структурной организации интеллекта целесообразно выделение двух фундаментальных уровней его организации: репродуктивного и продуктивного.

Репродуктивный уровень в человеческом интеллекте действует на основе усвоенных стереотипов, правил, по заранее известным алгоритмам и отработанным схемам. Здесь превалирует консерватизм и строгая дисциплина мысли. По-видимому, именно его возможности отражает показатель IQ [162, с. 117]. Данный показатель (коэффициент интеллектуального развития IQ или тест Бине) является наиболее распространенным количественным методом оценки интеллекта. Он разработан в 1907 году в помощь школьным учителям для определения у детей легких форм отставания от нормы. Благодаря данной методике стало возможным распределять школьников по классам не по их календарному возрасту, а по возрасту умственного развития. Средняя величина IQ — 100. Характер распределения людей по величине IQ близок к нормальному распределению Гаусса. Существует и некоторый аттестационный минимум для прохождения в элиту (свыше 125 баллов), наличие которого будет свидетельствовать о принадлежности данного индивида к меритократии.

Эта точка зрения весьма популярна в современной прикладной науке, несмотря на то, что от жесткой ориентации на измерение интеллекта по системе IQ специалисты в области психологии отказались уже в середине XX века. В настоящее время создан ряд концепций и диагностических инструментов, позволяющих несколько иначе решать проблему диагностики уровня интеллектуально-творческого развития личности (Дж. Рензулли, П. Торранс и др.).

С точки зрения сторонников меритократии, критерий принадлежности людей к тому или иному слою социальной иерархии учитывает различие их интеллектуальных способностей и роли в социальном процессе. «Вполне возможно, что для возникновения нашей цивилизации, — пишет А. Дженсен, —

определенный процент человечества должен был обладать той способностью, которую мы называем теперь интеллектом. В то время как незначительное меньшинство (возможно, 1 или 2%) высокоодаренных людей было нужно для прогресса цивилизации, огромное большинство было способно усваивать последствия этого прогресса» [Цит. по 195, с. 30]. В высшую страту меритократической системы, по мнению А. Дженсена, войдут, таким образом, люди исключительных дарований, гении и творцы, чей интеллект является двигателем истории. Несколько ниже займут места лица, имеющие высокий «коэффициент интеллекта», способные развивать творческие идеи и углубляться в познание вещей. Далее идут люди со средними интеллектуальными способностями, которым доступны понимание и применение творческих идей. В самом основании иерархии находятся те, кто вообще ни на что не способен.

Последователи А. Дженсена полагают, что таланты в обществе распределяются по «кривой Гаусса – Лапласа». Истинно гениальные люди составляют не более 0,5% населения, столько же примерно и лиц абсолютно неспособных к какой бы то ни было умственной деятельности. Число высокоодаренных, талантливых людей определяют приблизительно в 2%. У 25% населения уровень интеллекта выше среднего на 10–30%, но столько же и людей, у которых этот уровень на 10–30% ниже среднего. По этим расчетам выходит что средним уровнем IQ обладают 47%.

Таким образом, репродуктивный уровень интеллекта является одним из дифференцирующих признаков, который в средне-статистической норме позволяет выделить группу около 2,5% населения, значительно отличающуюся своими интеллектуальными способностями от основной массы населения. Вместе с тем человеческий интеллект не исчерпывается показателем IQ. «Высшие творческие потенции принадлежат продуктивной подструктуре в человеческом интеллекте. Этот срез в умственной организации характеризуется гибкостью, открытостью, нешаблонностью, поливалентностью и оригинальностью. На данном уровне осуществляется переструктурирование исходных алгоритмов, создание новых форм мыслительной деятельности» [162, с. 117].

Активизация продуктивного уровня интеллекта связана с личностными качествами индивида и поэтому носит индивидуальный характер для каждой личности. А это означает дополнительную дифференциацию социума по уровню развитости продуктивного уровня интеллекта.

Продуктивный и репродуктивный уровни в человеческом интеллекте относительно автономны и самостоятельны. При сопоставлении результатов тестирования по коэффициенту интеллекта и креативности исследователи обнаружили между ними весьма слабую корреляцию. В то же время американский ученый П. Торранс выдвинул «теорию порога»: если IQ находится ниже определенной границы ($IQ < 115-120$), то творческие способности ограничены, если выше этого порога, то творчество становится почти независимой величиной [162, с. 118].

Как отмечает Э. Носенко, «установлено, что общий интеллект, который исследуется уже на протяжении длительного времени и измеряется при помощи известных тестов IQ, только на 10 или 20% прогнозирует успешность профессиональной деятельности человека, оставляя 80 или даже 90% для объяснения эффективности другим факторам» [236, с. 106]. С данным фактом, на наш взгляд, связаны попытки исследования интеллекта с точки зрения его структуры. Так, исследования Ч. Спирмена в первой половине XX века показали, что существует фактор общего интеллекта, а также целый спектр специфических факторов, которые в совокупности объясняют общую способность людей обрабатывать информацию, а также дифференциацию их способностей в различных специфических сферах. Общий интеллект определяет корреляцию, существующую между результатами выполнения различных типов заданий, тогда как более специфические способности объясняют тот факт, что никто не может выполнять все задания одинаково хорошо или одинаково плохо. Общий интеллект занимает высшую ступень иерархии, включающей также несколько уровней специфических факторов. Выполнение умственных (когнитивных) задач определяется сочетанием общего интеллекта и других факторов (см. рис. 3.2).

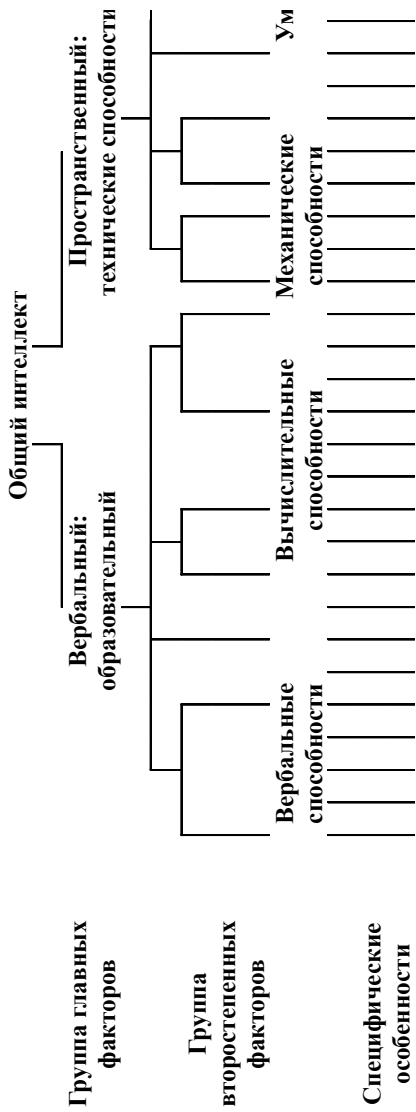

Рис. 3.2. Модель структуры интеллекта по Вернону [171, с. 27]

Благодаря дифференцирующему многофакторному подходу к оценке результатов интеллектуальной деятельности учеными, были выделены различные подвиды интеллекта. Так, Г. Гарднер предложил рассматривать такие виды интеллекта: 1) вербальный; 2) логико-математический; 3) пространственный; 4) кинестетический; 5) музыкальный; 6) эмоциональный. Эмоциональный тип Г. Гарднер разделил еще на две разновидности – межличностный и внутриличностный [236, с. 102].

Такой подход к интеллекту, на наш взгляд, позволяет выходить на анализ не только личностных особенностей, но и специфики взаимодействия индивида с социальной средой (в том числе и посредством профессиональной деятельности). Это означает, что рассмотрение некоторых типов интеллекта является важным для понимания процессов конструирования интеллектуальной элиты в современном обществе.

Особое место в этой связи в типологиях интеллекта, по нашему мнению, занимает эмоциональный интеллект. Внимание к нему связано с тем, что, как отмечает Э. Носенко, «из исследований протекания когнитивных и эмоциональных процессов известно, что, с одной стороны, эмоции могут полностью блокировать мышление и, как установлено специалистами по проблемам психологии стресса, даже приводить к потере цели деятельности. С другой стороны, достаточно интенсивные эмоциональные реакции могут содействовать реализации интеллектуальных способностей...» [236, с. 104].

Понятие «эмоциональный интеллект» впервые появилось в научном обороте в 1990 году после выхода в свет работ американских психологов Г. Гарднера, Д. Гоулмана, Дж. Майера, П. Саловея и др. Его сразу объявили личностным свойством, которое предопределяет успешность всяческой деятельности человека при любых условиях.

Д. Гоулман предложил обратить внимание на овладение личностью такими качествами, как самоконтроль, настойчивость, самомотивация деятельности, понимание собственных эмоций и эмоций других людей, которые способствуют поддержанию доброжелательных отношений с окружающими. Эти качества Д. Гоулман обобщенно назвал «эмоциональным интеллектом».

П. Саловой определяет эмоциональный интеллект как «способность адекватно воспринимать, оценивать и выявлять эмоции, способность порождать чувства, которые способствуют мышлению, и понимать эмоции и личностные знания, а также способность сознательно регулировать эмоции для содействия собственному эмоциональному и интеллектуальному росту» [Цит. по 236, с. 105].

Очевидно, что предложенные определения эмоционального интеллекта пытаются уловить взаимосвязь личностных особенностей человека с его социальным окружением (в широком смысле) и успешностью позиционирования в нем. Соответственно, интеллект в данном случае рассматривается не только как атрибут личности, но и как инструмент ее успешности в обществе.

«Эмоциональный интеллект как аспект выявления внутреннего мира личности отображает меру разумности отношения человека к миру, к другим и к себе как субъекту жизнедеятельности. Ему присущи внутренние (диспозиционные) и внешние (те, которые проявляются в признаках течения эмоционального процесса) компоненты, которые предопределяют стрессозащитную и адаптационную функции этого интегрального личностного свойства» [236, с. 95].

Адаптивная функция эмоционального интеллекта имеет особое значение. Ведь, как отмечалось нами ранее, адаптивный потенциал социальных субъектов в условиях социокультурных трансформаций становится одним из важнейших факторов их успешной социальной мобильности. Это означает, что для выделения интеллектуальной элиты эмоциональный интеллект является одним из ключевых критериев.

Опираясь на базовые компоненты эмоционального интеллекта (осознание человеком собственных эмоций, регулирование эмоций, способность настраивать себя на деятельность, самоконтроль, распознавание и понимание эмоций других людей, умение поддерживать благожелательные отношения с другими людьми), исследователи выделяют три уровня сформированности эмоционального интеллекта [236, с. 108–109].

Самому низкому уровню сформированности эмоционального интеллекта отвечает осуществление эмоционального реагирования

на основе механизма условного рефлекса (реактивное действие); инициирование активности на сенсорно-перцептивном уровне; осуществление активности с преобладанием внешних компонентов над внутренними при условиях ее недостаточного осознания, низкого самоконтроля и высокого ситуативного причинения.

Среднему уровню сформированности эмоционального интеллекта соответствует произвольное осуществление внешней активности (деятельности общения) на основе представлений (мышление) и с применением определенных волевых усилий, что находит отображение в сознании на уровне эмоциональных переживаний; имеет место преобладание внутреннего над внешним, высокий самоконтроль, сочетание в преодолевающем поведении стратегии сосредоточенности на задании со стратегией эмоционального реагирования, а также утверждение ощущения психологического благополучия позитивного отношения к себе как субъекту жизнедеятельности и общения. Для этого уровня сформированности эмоционального интеллекта характерным является высокий уровень самооценки субъекта, определенное осознание им своего эмоционально настроенного интеллекта.

Наивысший уровень сформированности эмоционального интеллекта основывается на наличии у субъекта соответствующих установок относительно возможных альтернатив поведения в конкретных ситуациях. Эти установки отображают индивидуальную систему ценностей, которая четко осознана им. Активность зарождается на уровне представлений человека о том, как нужно вести себя в подобных ситуациях, которые указывают на действенность приобретенной системы знаний о поведении. Выбор поведения, адекватного ситуации, осуществляется без особых усилий, поскольку оно отображает широкий спектр социальных навыков, которые сформировались под влиянием убеждений на уровне сознания. Мотивирование такого поведения осуществляется субъектом не извне, а изнутри. Достаточный уровень самоконтроля имеет интернальный локус, и человек во внешнем поведении выявляет достаточно умеренную сензитивность к возможным эмоциогенным раздражителям и достаточную интенсивность реагирования на них. Самооценка субъекта,

который владеет достаточным уровнем эмоционального интеллекта, высока во всех аспектах ее выявления. Человек переживает ощущение высокого психологического благополучия, т. е. сознательно оценивает адекватность своего поведения относительно представления о том, насколько разумно ему нужно поступать, чтобы достичь гармонии с другими людьми.

В целом, «критерии оценки уровня сформированности эмоционального интеллекта целесообразно искать в особенностях динамичного взаимодействия его внутренних и внешних компонентов, которые могут проявляться в доминировании внешнего над внутренним (при низком уровне сформированности эмоционального интеллекта), внутреннего над внешним (при более высоком), или в их гармоничном сочетании... В то же время эмоциональный интеллект своеобразно отображается в сознании человека в виде чувства психологического благополучия, позитивной самооценки, выбора адекватных стратегий психологического преодоления» [236, с. 96]. Но проблема адекватного измерения эмоционального интеллекта фактически остается нерешенной.

Отдельным направлением исследований в данном аспекте является изучение мотиваций. Разнообразие мотиваций и ситуативный характер воздействия эмоционального интеллекта, а также факт его сильного влияния на процессы социального взаимодействия индивидов позволил Э. Торндайку сделать предположение о существовании одного из аспектов эмоционального интеллекта, который он назвал социальным интеллектом, имея в виду способность человека понимать других в процессе межличностного взаимодействия и общения. Он подчеркивал, что социальный интеллект отличается от академических способностей и выступает важнейшей детерминантой успешной практической деятельности человека.

Существуют и другие подходы к анализу интеллектуальных функций человека [см. 171, с. 28]. Один из наиболее признанных альтернативных подходов подчеркивает, что для того чтобы разумно справляться с повседневной жизнью, человеку требуется успешно решать проблемы, сильно отличающиеся от относительно четко очерченных и чисто интеллектуальных задач, которые

составляют типичный тест уровня интеллекта. Р. Стенберг, В. Вагнер и другие исследователи используют термин «практический интеллект», обозначающий тип мышления, необходимый для функционирования в повседневной жизни. Организовать неформальное или профессиональное мероприятие, выбрать и купить лучший из многих товаров, запланировать путешествие — все это примеры деятельности, требующей интеллектуального поведения. Требуемое поведение широко разнообразно и связано с социальными и эмоциональными факторами. Одной из важнейших характеристик практического мышления является то, что оно неразрывно связано с повседневным опытом и играет важную роль при решении задач повседневной жизни. Ему прямо противоположны по характеру абстрактные и изолированные задачи, входящие в типичные тесты интеллекта.

Сторонники теории практического интеллекта утверждают, что типу мышления, необходимому в реальной жизни, присущи некоторые принципиально важные характеристики, которые не поддаются определению с помощью письменных тестов. «Вероятно, эта точка зрения оправдана в какой-то степени, но важно отметить, что существует тесная связь между результатами психометрического тестирования когнитивных способностей и различными аспектами повседневного поведения. Например, в профессиональной сфере, что подтверждается многочисленными и весьма убедительными эмпирическими данными, результаты тестов умственных способностей хорошо коррелируют с показателем общего профессионального мастерства во многих сферах деятельности» [171, с. 28].

Что же касается интегрального интеллектуального потенциала личности, то его показатели, по мнению исследователей, остаются во многом неизвестными, поскольку существующие тестовые методы фиксируют лишь составляющие подструктуры человеческого интеллекта, да и то не в полной мере, и не позволяют оценить целостный потенциал человеческого интеллекта, проявляющийся при решении сложных, многопрофильных задач.

Таким образом, интеллект как сложный феномен представляет собой не только «ум» как биологический компонент человека,

но и рассматривается с точки зрения сочетания индивидуальных мыслительных способностей с мотивационными факторами достижения тех или иных результатов в контексте конкретной социальной ситуации во взаимодействии индивида с социальным окружением. Именно такое понимание интеллекта позволяет говорить о нем как о факторе элитарности.

Рассмотрение интеллекта в качестве ресурса личности неизбежно ставит вопрос о том, какими же факторами определяется уровень его развития.

Биологическая природа интеллекта стимулировала исследования в области генетической его обусловленности. Основными методами, используемыми в генетике поведения человека для выявления генетической компоненты в интеллектуальном развитии, остаются семейный и близнецовый, которые были предложены еще в прошлом веке Френсисом Гальтоном для изучения наследования одаренности и особенностей характера. Применяв статистические методы к генеалогическим данным, Ф. Гальтон в 1869 году показал, что пропорция выдающихся личностей среди родственников известных ученых достоверно выше, чем среди населения Англии в целом. Близнецовый метод был предложен Ф. Гальтоном позднее в ответ на критические замечания в адрес семейно-статистического анализа. «Однако одновременно с увеличением степени родства увеличивается не только доля общих генов, но и вероятность прямых социальных воздействий на развитие интеллекта ребенка. Таким образом, статистически значимые положительные коэффициенты корреляции оценок интеллекта у родителей и детей могут трактоваться как свидетельства и генетических, и средовых воздействий» [195, с. 28].

Это делает вопрос соотношения фенотипического интеллекта и генетической конституции принципиально важным. Используя данные психогенетических исследований первой половины XX века, в частности А. Иенсена из Беркли, свидетельствующие, что уровень умственного развития человека на 80% зависит от наследственности и только на 20% — от внешних факторов, гарвардский психолог Р. Гернштейн пришел к выводу о том, что если всех людей поставить в положение, обеспечивающее

равенство возможностей, то генотипическая конституция станет решающим фактором, так как социальная среда будет одинаковой для всех. В итоге он рисует такую картину положения новых беднейших слоев: «люди с низкими способностями (интеллектуальными и другими), ведущие, вероятнее всего, свое происхождение от родителей, которые таким же образом потерпели жизненную неудачу, будут не в состоянии выполнять обычные производственные функции, не в состоянии претендовать на успех и достижения и окажутся вытесненными из общества» [Цит. по 279, с. 36].

При этом принципиально важным выступает то обстоятельство, что термин «интеллект», как и словосочетание «коэффициент интеллекта», воспринимаются терминологическим и содержательным аналогом понятий «ум» и «общие умственные способности». Вместе с тем многие специалисты в области изучения интеллектуально-творческого потенциала личности утверждают, что в психологии и психогенетике понятие «интеллект» вовсе не тождественно понятию «ум», общей способности мыслить. Тот же IQ выявляет не интегративную способность человека мыслить, а лишь одну характеристику умственного потенциала личности, причем далеко не самую важную для созидательной творческой деятельности, — способность к однонаправленному, конвергентному мышлению (Д. Б. Богоявленская, А. М. Матюшкин, А. И. Савенков и др.). Поэтому «сами разговоры о наследовании интеллекта заслуживают внимания лишь в рамках психогенетики, экстраполяция их в сферу педагогики и других антропологических наук часто выглядит некорректной» [279, с. 36].

Если предположить, что меритократия формируется исключительно на основе интеллекта, а сам он зависит от унаследованных генетических различий, то оказывается, что человек попадает в привилегированное положение на основе генетической лотереи, а это является весьма «произвольной» основой для социальной справедливости. В то же время никогда не может существовать чистой меритократии, ибо обладающие высоким статусом родители неизбежно будут пытаться передать детям свои социальные преимущества, либо используя свое влияние, либо просто в силу

культурных преимуществ. Таким образом, уже через одно поколение меритократия превратится в замкнутый привилегированный класс [279, с. 37–38].

Современные исследования доказали, что высказывание ряда генетиков (Ф. Фогель, А. Мотульски, К. Штерн) о том, что примерно за 0,5 всей изменчивости общего интеллекта в популяции ответственен генотип, подтверждается. Но при этом очевидно, что генетически обусловленная повышенная способность к интеллектуальному развитию — обязательное (хотя и не единственное) условие интеллектуальной деятельности [195, с. 33].

Все это позволяет говорить о том, что интеллектуальная дифференциация в обществе — результат воздействия как генетических, так и социальных факторов, что дает возможность рассматривать интеллектуальную элиту как особую социальную группу в социуме. Верхняя граница численности этой группы ограничивается по данному критерию 2,5% населения, в рамках которых происходит сегрегация по уровню продуктивного, эмоционального и других видов интеллекта. Однако интеллект, на наш взгляд, не является единственным критерием выделения этой группы. Поэтому для более корректного определения данной группы обратимся к анализу других критериев.

Как показывает наш анализ, можно выделить две большие группы таких критериев: личностные качества и характеристики и результативность деятельности. Такой подход к определению интеллектуальной элиты видится нам оправданным, поскольку позволяет проводить оценку человека с точки зрения его потенциала (первая группа критериев) и с точки зрения результатов его деятельности (вторая группа критериев).

В отношении первой группы ранее [219] нами отмечалось, что она складывается из двух составляющих — субъективных личностных качеств и объективных характеристик. Несмотря на разнообразие подходов к формированию данного списка черт интеллектуальной элиты (их, как показал анализ определений интеллектуальной элиты, отмечается сегодня более сорока), контент-анализ публикаций по данной проблеме показал, что безусловными лидерами здесь являются такие характеристики,

как образование, особое мышление, профессиональный успех и признание, а также творческие способности.

Образование принадлежит к тем характеристикам, которые могут «наращиваться» индивидом на протяжении жизни. Именно поэтому образование личности рассматривается как символический капитал, обладание высоким уровнем которого позволяет говорить о принадлежности к интеллектуальной элите. Кроме того, «образованное сословие есть совершенно конкретный и довольно легко очерчиваемый слой лиц, чей уровень информированности (образования) и общей культуры вполне очевидно выделяет его из массы населения» [69, с. 55], что позволяет конкретизировать группу людей, потенциально претендующих на позиции в интеллектуальной элите.

Образование как критерий принадлежности к интеллектуальной элите рассматривается как с формальной, так и с неформальной стороны, т. е. речь идет как о наличии документов о конкретных образовательных достижениях, так и о секторах знания, приобретенных благодаря неформальному образованию или самообразованию.

Несмотря на то что образование выступает одним из ведущих критериев принадлежности к интеллектуальной элите, в такой интерпретации оно вызывает множество споров, так как интеллектуальная жизнь современных обществ стимулирует общий рост образованности населения, а следовательно, порождает иллюзию о расширении границ (или их размывании) интеллектуальной элиты. Именно поэтому разговор об образовании как критерии интеллектуальной элиты целесообразно вести не в абсолютных показателях, а в относительных. В таком ракурсе образование рассматривается В. Иноземцевым, С. Волковым, Л. Сокурянской и другими современными исследователями. Это дает возможность более четко зафиксировать границы рассматриваемой нами группы. Как отмечает С. В. Волков, «доля лиц, чей образовательный уровень существенно отличается от общего, довольно постоянна и не превышает нескольких процентов, причем не зависит от «абсолютных» показателей» [69, с. 56].

Подтверждением эффективности такой трактовки образования как критерия принадлежности к интеллектуальной элите являются современные высокие стандарты образования, принятые в этой среде. «В большинстве случаев высококвалифицированные специалисты находят себе применение в новейших отраслях промышленности и сферы услуг. Рост технологического уровня современной промышленности приводит к тому, что от 30 до 60% валового национального продукта США производится в настоящее время в тех отраслях, где работа непосредственно связана с использованием технологий, а доля представителей традиционного капиталистического класса среди высших менеджеров крупных компаний, составлявшая в США в 1900 г. более 50%, во второй половине 70-х не превышала 5%» [136, с. 69]. Происходит это потому, что статус работника в постиндустриальном обществе и его принадлежность к «классу интеллектуалов» определяются не столько собственно образовательным уровнем, сколько тем, в какой степени в тот или иной момент он превосходит аналогичный показатель среднего работника.

Однако, как уже отмечалось нами, образование и его уровень не могут рассматриваться в качестве универсального критерия принадлежности к интеллектуальной элите. Еще одним критерием выступает особый тип мышления. И если образование можно отнести к объективным характеристикам личности, то мышление принадлежит к субъективным. В случае особого типа мышления ученые приходят лишь к условному единству. Одни утверждают, что данный тип мышления является критическим (Н. Пирцхалава, С. Липсет, Р. Добсон, Л. Гудков, Б. Дубинин, А. Гоулднер и др.), другие считают, что логико-понятийным, научным (Ю. Довженко, В. Белов, А. Гоулднер и др.), третьи – философским (А. Гоулднер), предубежденным (Р. Грановская, Ю. Крижанская), сравнительным (Н. Пирцхалава), независимым (Л. Гудков, Б. Дубинин) и т. д. По-видимому, можно говорить о том, что для представителей интеллектуальной элиты характерен «примат логико-понятийного, систематического мышления, в категориях которого происходит осмысление мира интеллектуальной элитой над «погруженным

в сферу коллективного бессознательного» (Ж. Ле Гофф) обыденным мышлением, с одной стороны, и над мышлением мифопоэтическим и мистическим, с другой» [109]. Именно такое мышление, мышление, в русле которого человек не просто «соединяется» с миром, чувственно или интуитивно постигая его изнутри, но выделяет себя из мира, пытается взглянуть на мир снаружи и рационально осмыслить его, является существенно новой и наиболее специфической чертой современного типа интеллекта.

Такое мышление наиболее тесно связано с уже рассматривавшимся нами продуктивным уровнем интеллекта, предполагающим не просто воспроизведение имеющихся знаний и информации, но и их производство.

«Данный критерий важен не только при отделении интеллектуальной элиты от массы, но и при отделении ее от духовно-творческой элиты, к которой можно отнести поэтов, писателей, скульпторов и прочих тех, чье мировосприятие протекает с преобладанием эмоционально-чувственного момента, а мироосмысление — по преимуществу, в рамках мифопоэтического мышления» [109].

Третий из ведущих критериев принадлежности к интеллектуальной элите — творческие способности (креативный капитал). Традиция выделения этого критерия восходит к английскому историку и философу А. Тойнби. Современные исследователи поддерживают данную традицию, утверждая, например, что для интеллектуальной элиты во все времена важна «способность к творчеству, способность использовать свои знания для выработки оригинального и нового в сфере умственной деятельности, а также — осознанный момент индивидуального авторства» [109].

Творческие способности и творчество как вид деятельности являются важным отражением все того же продуктивного уровня интеллекта, а поэтому требуют более детального рассмотрения, которое будет проведено нами несколько дальше.

И наконец, последний из основных критериев выделения интеллектуальной элиты — профессиональная компетентность, признание и, как следствие, профессиональный успех. Традицию применения данного критерия можно связать с классиком

элитизма В. Парето, который определяет элиту как совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. На аналогичной позиции выстроены и концепции Д. Белла, М. Йодла и ряда других исследователей. Речь идет о том, что профессиональные знания, компетентность и, как следствие — признание, авторитет в профессиональной сфере неравнозначны для всех индивидов, работающих в одной профессиональной «зоне». Соответственно, к интеллектуальной элите принадлежат те, которые, по терминологии В. Парето, имеют наивысший индекс в профессии. Использование данного критерия является связующим звеном между группой потенциальных критериев отнесения к интеллектуальной элите и группой результативных критериев.

Перед тем как обратиться к рассмотрению второй группы критериев, отметим, что к первой группе иногда относят такие критерии, как высокий уровень культуры (А. Гоулднер, Д. Белл, Дж. Киркпатрик), независимость индивидов от традиционных отношений со средствами производства (П. Бергер, Ф. Махлуп, В. Иноземцев), высокий уровень обладания информацией и знаниями (М. Йодл, Ф. Махлуп, С. Волков), стремление к самосовершенствованию (Ф. Махлуп, Л. Сокурянская), активность (Ф. Махлуп, И. Бутенко), внутреннее беспокойство (К. Субири, М. Янг), открытость новому (Р. Грановская, Ю. Крижанская), стремление к познанию истины (И. Валлерстайн, В. Белов) и др. Однако, на наш взгляд, они либо являются следствием положения интеллектуальной элиты в обществе, либо не выступают принципиально важными для вычленения этой группы в социуме.

Тем не менее, следует отметить, что перечисленные выше критерии отражают возможности индивидуального выделения личности на фоне других, и в таком случае к данной группе индивидов более удачным является применение термина «интеллектуалы». Определение же интеллектуальной элиты учитывает, что само понятие «элита» — понятие социальное и уже поэтому предполагает внимание к роли данной группы в функционировании и развитии общества. Соответственно, интеллектуальная элита находится на магистральных путях интеллектуального развития

социума, активно участвует в создании новых этико-поведенческих моделей, научных взглядов, философских систем и т. д. «Данный критерий помогает отличить представителей интеллектуальной элиты как от полагающих себя интеллектуалами одиночек-маргиналов, не внесших никакого существенного вклада в оформление духовно-культурного облика своей либо последующей эпохи, так и от интеллигенции, то есть от достаточно широкого слоя рядовых работников умственного труда» [109].

Учет данного критерия важен и с точки зрения того, что вторая выделенная нами группа критериев — результативная — определяется в контексте интеллектуальной жизни общества, которая, как было показано ранее, изменяется с течением времени. Соответственно изменяется и образ интеллектуалов как носителей высших в глазах общества умственных способностей. Общественные представления о данной группе и ее способностях связаны с характерным для каждого социума мировосприятием, способом мышления и специфической шкалой оценки интеллектуальных качеств и ожиданий от деятельности данной группы.

Вопросы результативности в системе критериев интеллектуальной элиты определяются социальной значимостью этой группы. Другими словами, каждый член интеллектуальной элиты не элитарен сам по себе, элитарен его результат деятельности, который он транслирует в социальную среду, то, чем он наполняет дискурс.

Собственно говоря, продукт, который представители интеллектуальной элиты транслируют в качестве результата своей деятельности, сам по себе уникален. Как отмечают современные исследователи, «доступность информационной техники и технологий, примеры которой многочисленны, приводит к тому, что все более расширяющийся круг интеллектуальных работников получает возможность индивидуального производства информационных продуктов; в результате они поставляют на рынок не свою рабочую силу, а именно готовый продукт, как правило — редкий и невозпроизводимый...» [136, с. 69]. В качестве такого продукта, по мнению Н. Н. Саппы, может быть «как идея, новая мысль, суждение, прибавляющие, увеличивающие знание, высоко-

художественные произведения искусства, так и прикладное использование уже имеющихся творческих достижений (знаний, объектов искусства) для осуществления определенных социальных целей» [292].

В обобщенном виде можно сказать, что интеллектуальная элита и интеллектуалы — «производители интеллектуальной собственности» (Т. Лешкевич), степень развитости которой, как уже отмечалось нами ранее, выступает одним из индикаторов сформированности «общества интеллекта».

По данным исследователей, «масштаб такого рода процессов, преобразующих не только структуру рынка рабочей силы, но и саму его природу, невозможно переоценить. Так, если в 1990 г. в Соединенных Штатах 3 млн. человек были главным образом связаны со своим местом работы телекоммуникационными сетями, то в 1995 г. их насчитывалось уже 10 млн., причем ожидалось, что это число должно составить 25 млн. к 2000 году. По состоянию на конец 1996 г. 30 млн. американцев были индивидуально заняты в собственных фирмах, при этом за период с 1990 по 1994 г. мелкие высокотехнологичные компании обеспечили нетто-прирост 5 млн. рабочих мест» [136, с. 69–70].

Осмысливая этот процесс, западные авторы ставят вопрос о человеческом, интеллектуальном, структурном и других видах капитала, не воплощенных в материальных объектах, а лишь персонифицированных в их конкретных носителях. Говорится о «внутренней собственности», о некоей несобственности, о том, что собственность вообще утрачивает какое-либо значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь весьма ограниченными и условными. Отмечая, что личная собственность неотчуждаема и служит более мощным побудительным мотивом, нежели любой иной вид собственности, современные социологи все чаще рассматривают ее как основной вид собственности в постиндустриальном обществе, и это лишнее раз подчеркивает роль «класса интеллектуалов» и его растущую независимость от остальных социальных слоев. Со снижением роли традиционных форм частной собственности — власть уходит от представителей капиталистического класса; «класс интел-

лектуалов, по мнению П. Друкера, — а не капиталисты, обладают властью и влиянием» [см. 113] в современном обществе.

В широком плане результаты деятельности представителей интеллектуальной элиты представляют собой создание, развитие и распространение теоретического знания, идей, символов, создание духовных ценностей, следствием чего является прирост информации и знаний, обеспечивающий интенсивность, масштаб, темпы и эффективность процессов когнитивной институционализации.

Таким образом, по результативному критерию к интеллектуальной элите можно отнести тех индивидов, результаты интеллектуальной деятельности которых являются значимыми для развития общества. Именно с этим связан и тот факт, что представители данной группы востребованы в различных структурных элементах социальной иерархии, что, в свою очередь, определяет факт их принадлежности к различным социальным и профессиональным группам. «Статус интеллектуала таким образом не зависит от его деятельности, от его профессии: и рабочий может быть интеллектуалом» [204, с. 23].

Однако общественное признание результатов интеллектуальной деятельности в целом является абстрактным понятием. С этим связана необходимость его конкретизации посредством ряда показателей. Исследователи считают, что самыми показательными являются: индекс цитирования, научные звания и премии, а также присуждение имени автора сделанному им открытию или учению [186, с. 100]. Одним из показателей принадлежности к интеллектуальной элите может считаться наличие научной школы. Наряду с этим выделяют ряд других атрибутов и признаков при идентификации представителей интеллектуальной элиты. Базовыми среди них являются [138, с. 4; 186, с. 101]:

- публикации в престижных изданиях или количество патентов;
- представительство в научных советах и редколлегиях;
- избрание действительным членом, членом-корреспондентом, почетным членом академий, научных учреждений и обществ;
- присуждение премий и медалей за научную деятельность;

- включение биографических справок о них в специальные биографические справочники и энциклопедии;
- участие в работе редакционных коллегий, изданий с высоким научным цензом;
- высокий индекс цитирования публикаций ученого членами мирового научного сообщества и др.

Большинство предложенных показателей отражают степень признания, прежде всего профессиональным сообществом, результатов интеллектуальной деятельности личности. В данном отношении можно воспользоваться формулой М. Янга, по мнению которого заслуга каждого может быть объективно измерена. Искусство измерения заслуги приобретает статус науки, где действует так называемая «формула заслуги»: «Intellegence and Effort together make up Merit: I + E = M» (Интеллект + Достижения = Заслуги).

Исходя из вышесказанного, под интеллектуальной элитой можно понимать некоторый *социальный слой, функционирующий в сфере умственного труда, обладающий более высоким по сравнению с общей массой населения в том или ином обществе уровнем образования, отличающийся значительными умственными способностями, сочетающимися с критическим мышлением, творческими способностями и с высоким уровнем мотивации своей интеллектуальной деятельности, способный к активной социально-инновационной деятельности, воплощенной в конкретных результатах, основанных на высоком уровне профессиональной компетентности и имеющих особое значение для развития общества.*

Такой подход к определению интеллектуальной элиты позволяет учитывать как потенциальные, так и результативные критерии и опираться на комплекс измерительных процедур.

Нами уже отмечалось, что восприятие интеллектуальной элиты тесно связано с характером интеллектуальной жизни общества в тот или иной период времени. В результате специфика социального пространства может формировать особое восприятие любого социального актора, в том числе и интеллектуальной элиты. В этой связи наше исследование (7) показало, что

отечественные эксперты в области образования и науки воспринимают данную группу преимущественно через субъективные характеристики (их общий индекс равен 25,9 по сравнению с 16,4 у объективных характеристик). Лидирующая же десятка атрибутов данной группы выглядит следующим образом (см. рис. 3.3).

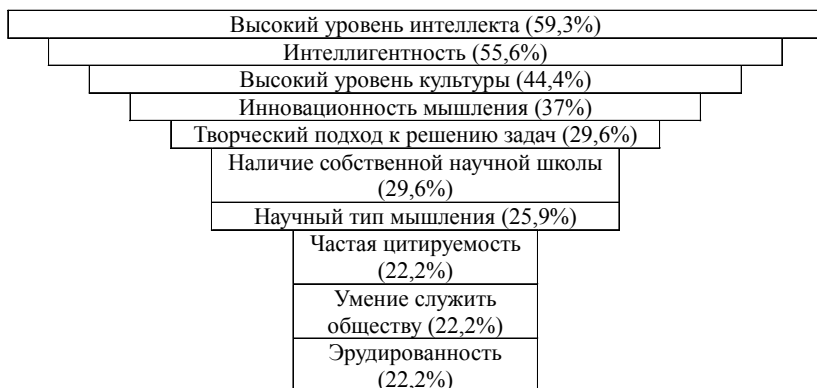

Рис. 3.3. Десятка основных атрибутов интеллектуальной элиты в оценках украинских экспертов

Очевидным является тот факт, что сознание, сформированное на украинском социальном пространстве, отдает приоритет не столько объективным, сколько субъективным характеристикам в процессе идентификации интеллектуальной элиты, которые, кроме всего, тесным образом пересекаются с характеристиками такой социальной группы, как интеллигенция.

В этой связи особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о морально-этическом компоненте в портрете интеллектуальной элиты. Как показывают исследования, данный компонент достаточно часто используется в качестве критериальной основы принадлежности к данной группе. Эта традиция восходит к Х. Ортега-и-Гассету, который говорил о моральном превосходстве и наивысшем чувстве ответственности представителей интеллектуальной элиты. В элитистской мысли эта позиция, как отмечалось нами в подразделе 3.1, соответствует ценностным интерпретациям элиты.

В рамках дискуссии по данному направлению выделилась целая когорта ученых, акцентирующих внимание на этой группе качеств интеллектуальной элиты. Так, К. Маннгейм утверждал, что безнравственный интеллект опасен для человечества. Н. А. Бердяев писал, что «Intellectuel – мыслитель, писатель, артист – имеет социальное призвание, он не может оставаться равнодушным к тому, что происходит в социальном мире. Все социальное глубоко связано, положительно или отрицательно, с духовным и отображает совершающееся в духовной действительности. Но intellectuels ни в коем случае не должны исполнять социального заказа, это было бы отречением от свободы духа. Социальное призвание идет изнутри, оно свободно, социальный же заказ идет извне, он означает принуждение» [46, с. 228–231]. И. Валлерстайн обращает внимание на то, что «обретение социального знания предполагает не только интеллектуальные вопросы, но и моральные, а также политические» [59, с. 43]. Он отмечает, что во множестве культур, предшествовавших образованию современной мир-системы, всегда принималось, что эти три вида вопросов неразделимы и что в любом случае там, где они вступают в конфликт, нравственные соображения должны занимать первое место и определять результаты.

Насколько эта идея чужда предшествующим мировоззрениям, можно увидеть, по мнению И. Валлерстайна, обратившись к Древней Греции. Современные западные мыслители часто утверждают, что греческая культура является их интеллектуальным источником и, во всяком случае, совершенно аналогична западной по своей метафизике в силу центрального положения «рационализма» в греческой мысли. Утверждается, что из всех прошлых цивилизаций Древняя Греция ближе всего к цивилизации современного западного мира. Однако каков наиболее символический момент в истории греческой культуры, связанный с проблемой размежевания достижения истины и достижения блага? Сократа заставили выпить болиголов, обвинив его в развращении афинской молодежи. Речь идет не только о требовании выпить болиголов, но и о том, что он сделал это без сопротивления, в смысле признания законности этого требования. В западном культурном

развитии инквизиция может рассматриваться как продолжение мировоззрения, которое привело к осуждению Сократа афинянами. Интеллектуалы были излюбленной мишенью инквизиции.

На деле, как отмечает И. Валлерстайн, «в современном мире, несмотря на его «современность», интеллектуалов часто заставляют выпить болиголов, их все еще сжигают на кострах. Но сегодня такие репрессии больше не воспринимаются как легитимные ни жертвами, ни, по всей видимости, большинством людей. Тема интеллектуальной терпимости весьма сильна в представлениях современного мира. Интеллектуалы попытались использовать это теоретическое утверждение терпимости для того, чтобы обеспечить себе некоторое пространство...» [59, с. 44].

Однако, следует признать, что однозначной позиции ученых в отношении морально-этических характеристик интеллектуальной элиты не существует. Тот же И. Валлерстайн, затрагивая вопросы ценностной нейтральности, пишет, что «она представляет собой понятие, созданное для того, чтобы ограничивать непокорную, трудную, псевдоинтеллигентную группу — интеллектуалов. В теории все ученые (обществоведы и естествоиспытатели) преданы абстрактной истине и рассказывают историю такой, какой она есть на самом деле, насколько их исследование позволяет им постигать мир. Они утверждают, что выбирают свои темы исследования, принимая во внимание только свой внутренний научный интерес, и отбирают свои исследовательские методы с точки зрения их валидности и надежности. Они не выводят никаких заключений, имеющих силу для общественной арены. Они не боятся общественного давления. Они не обращают внимания на давление, финансовое или политическое, чтобы исправлять результаты своих исследований или отчеты о результатах.

Это прекрасная волшебная сказка, но любой, кто посещал университет или исследовательский институт в течение сколько-нибудь длительного времени и все еще верит в это, проявляет, сознательно или бессознательно, наивность. Материальное давление чудовищно, карьерное давление почти столь же велико и политическое давление всегда возможно, если другие виды давления не действуют. Это не означает, что вокруг нет Галилеев.

Их много, и некоторые делают нечто большее, чем бормотание «*Errig si thuove*». Но инакомыслие требует храбрости даже в наиболее либеральных государствах» [59, с. 51].

На наш взгляд, вопрос о морально-этических характеристиках интеллектуальной элиты правомерен настолько же, насколько он может ставиться в отношении других элитных групп. И касается он тех функций и той роли, которые выполняются элитными группами в обществе (и для общества!). Однако особенности отечественной общественной жизни часто определяют морально-этические качества как критерий принадлежности к интеллектуальной элите, тогда как они в намного более широкой интерпретации свойственны интеллигенции. Такая ситуация позволяет предположить, что данное восприятие основывается в том числе и на действии тех механизмов, которые оказывают активное влияние на формирование интеллектуальной элиты.

Очевидно, что в процессе формирования интеллектуальной элиты происходит взаимодействие социальных, институциональных и индивидуальных факторов. К первым, в наиболее общем виде, можно отнести интеллектуальную жизнь общества, его общекультурный фон и др. Ко вторым — систему образования, науку; к третьим — кроме личностных качеств и характеристик, мотивационные аспекты деятельности людей. Но степень и характер влияния перечисленных факторов различны.

Обращение к позициям украинских экспертов (7) показало, что безусловным лидером, по оценкам экспертов, остается в этом аспекте система образования (77,8%). При такой ситуации традиция действенности зафиксированной ранее тенденции акцентирования внимания на субъективных характеристиках для определения принадлежности к интеллектуальной элите становится закономерной, и связана эта закономерность с традициями отечественного, прежде всего высшего образования по подготовке интеллигенции.

Вторую позицию в оценках экспертов при определении ведущих механизмов формирования интеллектуальной элиты в современном украинском обществе занимает научно-исследовательская деятельность (33,3%), что, при взгляде на те харак-

теристики, которые определяют сущность данной группы, является закономерным. Ведь, как отмечалось ранее, представители интеллектуальной элиты обладают творческим, логико-понятийным мышлением, креативностью как сознания, так и деятельности, которые являются необходимыми условиями осуществления научно-исследовательской деятельности.

В целом, те механизмы, которые воспринимаются сегодня как ведущие в формировании интеллектуальной элиты, являются достаточно традиционными и стандартными для различных социальных систем. Однако, как упоминалось выше, специфика влияния социального пространства может продуцировать особенные механизмы в этом процессе. В данном отношении наше исследование показало, что в украинском социальном пространстве формирование интеллектуальной элиты, наряду с классическими, испытывает влияние таких механизмов, как экономические процессы (29,6%) и наличие единой национальной идеи украинского государства (25,9%). Очевидно, что данные факторы являются отражением специфики современного этапа развития украинского государства и тех практик, которые доминируют в нем в процессах элитообразования.

Особенности социетальных факторов могут отражаться и на структуре интеллектуальной элиты. В результате можно говорить об универсальных и специфических подходах к структурированию данной группы. К первой группе относится стратифицирование интеллектуальной элиты по горизонтали и вертикали. «Горизонтальный срез выявляет группы, различающиеся ... по ориентации на те или иные функции в научной сфере – творчество и управление, тогда как вертикальный срез обнаруживает степень развития... способностей, ... без которых в ряды элиты доступ просто закрыт» [139, с. 19].

Иногда, характеризуя типологию интеллектуальной элиты, обращаются к терминам «Прометеи» и «синтетика». Прометеи – это творцы новых понятий, теорий, новых путей мышления. Синетики тяготеют к открытиям обобщающего характера [186, с. 100].

Структуру интеллектуальной элиты можно представить используя функциональные признаки. Так, «часть ее занимается

развитием возможностей общества по производству ресурсов (научная элита), часть занимается внедрением господствующей идеологии (деятели культуры и искусства), часть занимается изучением общества и выработкой целей и вариантов его развития (обществоведы всех видов)» [138]. Только интеллектуальная элита может, как штурман, определять направление развития общества, выбор его целей и оптимальную структуру его устройства — главную информацию для любой власти.

Такие варианты структурирования интеллектуальной элиты являются универсальными — применимыми для любого социума. Наряду с этим, как уже отмечалось, специфика воздействия социетальных факторов может определять возможности структурирования интеллектуальной элиты. Например, Р. Грановская и Ю. Крижанская предлагают выделять несколько подгрупп интеллектуальной элиты, опираясь на критерии развитости тех или иных личностных черт и успешности адаптации к изменившимся условиям жизни и профессиональной деятельности (личностный и адаптационный потенциал) [91, с. 15–17].

Интеллектуальная элита, по их мнению, — продукт длительного развития. Эта когорта неоднородна. В соответствии с нашей социальной историей, в нее попали лица с разными данными. Ученые предлагают выделять четыре подгруппы в рамках отечественной интеллектуальной элиты. Во-первых, люди настолько талантливые, что смогли пробиться через все препоны советского времени. Не исключается роль случая — благоприятного стечения обстоятельств.

Во-вторых, люди достаточно талантливые и чрезвычайно работоспособные, выбившиеся за счет колоссальных перегрузок, возникающих вследствие необходимости работать для продвижения за себя и за «того парня».

В-третьих, лица околонуточные, претендующие на статус интеллектуальной элиты либо по административной линии (кто директор — тот и академик), либо имевшие весьма «волосатые» связи.

Совершенно очевидно, отмечают исследователи, что сейчас представители этих трех групп находятся в совершенно разном положении и научном, и экономическом, и психологическом.

Если начать с первой группы, то интеллектуальная подвижность этих ученых, их душевная молодость теперь являются для них большой поддержкой. Они быстро адаптируются к переменам, с удовольствием обнаруживая новые поля применения своим старым идеям и открытиям. Не чувствуя себя научно обделенными, они более психологически уравновешены и спокойнее переживают трудности. Они менее агрессивны и способны к терпимости и компромиссам.

Во второй группе ситуация значительно более напряженная. Многие из ученых этой группы привыкли работать индивидуально, в одиночестве. Одно из следствий такой деятельности — отрыв от реальности. Подобный отрыв в наше время весьма быстрых социальных, экономических и политических перемен порождает глубинный душевный конфликт, ведущий за собой агрессию, либо депрессию. Стремясь как-то вписаться в ситуацию, они часто не понимают ее и не успевают адаптироваться к ней. Отчаяние нередко порождает странности в поведении, ведет к резкой смене сферы деятельности. Эффективность такой стратегии весьма проблематична.

В третьей группе положение более благополучное для ученых и менее благополучное для науки. Эти люди-конформисты, всегда умевшие «попасть в нужное время в нужное место». Это, по существу, научно-административная, а не подлинная интеллектуальная элита.

Наконец, Р. Грановская и Ю. Крижанская предлагают рассматривать еще одну группу интеллектуальной элиты. Это те ученые, которые, обладая талантом, знаниями и умениями, совсем не способны адаптироваться к социальной среде и остались на должностном уровне младших научных сотрудников. Сейчас им приходится труднее всего, так как нет возможности опереться на имидж ученого.

Сама сложная структура элиты обуславливает наличие конкретных элит по сферам деятельности. При этом в каждой из них образуются «субэлиты». Например, научная элита органически входит в интеллектуальную [279, с. 40]. Совокупность элитных групп складывается под воздействием целой гаммы конкретных

социальных и когнитивных обстоятельств, их переплетения. Поэтому, с одной стороны, в структуре интеллектуальной элиты есть не только ученые, но и выдающиеся представители других профессий интеллектуального труда, с другой – в широком смысле – научная элита не исчерпывается собственно интеллектуальной.

Особый статус элиты определяет и ее типы и виды деятельности – внутринаучные и общесоциальные. Случается, что научная элита срастается с научно-административной. Тогда неформальное лидерство подкрепляется непосредственно властными функциями.

Применительно к этим субэлитам можно использовать свою структуру [341]: первый слой – постэлита, специалисты, которые добились высокого статуса в науке, хотя часть из них уже не создает новых идей и подписывает чужие труды. Второй слой – креативная элита (ученые в возрасте от 25 до 55 лет).

Исследования обнаруживают также возникновение групп надежды в элитных слоях научного сообщества, чей вклад в отечественную и мировую науку заметно растет, но этот рост является дорасходом старых кадровых ресурсов: в подавляющем большинстве группы надежды состоят из людей старше 50 лет, ученые до 40 лет в наиболее продвинутых стратах креативной элиты составляют 2–3% [217, с. 298]. Поэтому наибольшая социальная опасность заключается в том, что приостановилось пополнение третьего слоя предэлиты (эмбриональной элиты), к которой принадлежат наиболее талантливые студенты, аспиранты и молодые докторанты. «Если вы вырубите все дубовые деревья, но у вас будет пять мешков желудей, то дубовые рощи не пропадут. Но если у вас не будет ни одного желудя, то дубовые леса исчезнут», – пишет А. Ракитов [277].

Таким образом, очевидно, что феномен интеллектуальной элиты как одной из элитарных групп общества является неоднозначным, несмотря на всю объективность востребованности в современном обществе. Достаточно часто это понятие используется не с должной степенью рефлексии. Часто, по мнению Ю. Довженко, служа простым синонимом к понятиям «высокообразованные», «высококультурные», «интеллигенция»

или «эрудиты» и употребляясь в различных контекстах, вне сколько-нибудь определенных смысловых рамок.

Изначально феномен интеллектуальной элиты выкристаллизовывался в теории как «класс интеллектуалов», в котором доминирующим признаком его выделения была сфера деятельности. Однако по мере развития самого общества и его научного осмысления стало возможным говорить об интеллекте как факторе элитарности в конкретных условиях социальной среды.

Несмотря на многочисленные попытки описания интеллектуальной элиты, становление данной общности еще далеко от завершения; однако уже сегодня можно указать на некоторые характерные особенности представителей этой группы. К таким особенностям, по нашему мнению, можно отнести, наряду с высокоразвитыми интеллектуальными способностями, высокий уровень образования, критическое мышление, творческий потенциал, высокий уровень мотивации своей деятельности и наличие результатов, значимых для общества и основанных на высоком уровне профессиональной компетентности. Особенностью данной группы выступает то, что ее трудно идентифицировать, так как многие ее представители часто находятся в составе иных типов элит, что накладывает свой отпечаток на ее общее положение, возможности применения критериев и оценок самой интеллектуальной элиты.

В целом, можно говорить, что данная общность объединяет в себе как сущностные черты классического понимания интеллектуальной элиты, так и те характеристики, которые приобретаются ею в конкретных социальных условиях. Развитие феномена интеллектуальной элиты протекает в контексте общей интеллектуальной жизни общества, содержание которой изменяется с течением времени.

Говоря о сущности и роли интеллектуальной элиты в современном украинском обществе, можно отметить, что данная группа не только реально существует (62,9% экспертов склоняются к такому мнению), но и интегрирует в себе целый ряд объективных и субъективных характеристик, которые связаны непосредственно с ее основным видом деятельности и со служением на

благо общества. Сегодня невозможно говорить о том, что интеллектуальная элита может оставаться в стороне от тех путей развития общества, которые обозначаются в его социальных стратегиях. Это позволяет сделать вывод о том, что интеллектуальная элита на современном социальном пространстве Украины – это группа, интегрировавшая в себе традиционные качества и характеристики интеллектуальной элиты как социальной общности, качества и характеристики интеллигенции, характерные для славянского пространства, а также специфические качества, актуализированные современным состоянием украинского общества. Особый пласт познания интеллектуальной элиты содержится в ее деятельностном потенциале.

3.3. Деятельностный потенциал интеллектуальной элиты

В системе социальной стратификации любая социальная сила обладает различными ресурсами и характеристиками, благодаря которым добивается определенного позиционирования в системе социальной стратификации. Достаточно важным элементом в совокупности факторов, определяющих успешность позиционирования, является некоторая результирующая деятельность тех или иных социальных групп, оцениваемая с точки зрения значимости для социума. При этом данная оценка различается в отношении разных групп.

Учитывая современные тенденции интеллектуализации социальной жизни, усиления позиций и роли интеллектуальной элиты, рассмотрение ее деятельностного потенциала видится особенно важным. Речь идет о том, каким образом сама деятельность представителей интеллектуальной элиты может влиять на функционирование социума в целом; посредством чего может осуществляться данное влияние; насколько характер деятельности интеллектуальной элиты адекватен современным ритмам развития социума и т. д.

Как было отмечено в подразделе 3.2, ведущим видом деятельности интеллектуальной элиты является интеллектуальная

деятельность. Ее значимость определяется сегодня движением современных обществ к системе постиндустриальных взаимоотношений, что влечет за собой изменение акцентов в значимости отдельных сфер жизнедеятельности общества. Данные акценты все больше смещаются от материальных сфер к нематериальным, которые постепенно завоевывают лидирующие позиции в общественном развитии.

Безусловно, данные процессы лишь набирают свою силу в Украине. Но очевидным является тот факт, что одна из основных линий происходящих изменений лежит в плоскости «физический труд — умственный труд». Именно в данной плоскости ярко отражаются процессы движения мирового сообщества к постиндустриальному типу общественных конструкций. Об этом свидетельствует и рост количества работников умственного труда, и высокая экономическая его эффективность. Как показывают статистические данные, например, в США число лиц, занятых умственным трудом, с 1900 по 1980 год выросло с 5,5 миллиона человек (18% занятого населения) до 48,3 миллиона человек (51%). К 80-м годам доля работников умственного труда составила: в СССР — 30%, в Англии — 26%, во Франции — 34%. Особенно бурно росло количество ученых. Изменилась и сама структура современного общественного производства, которое стало теперь опираться больше на умственный труд, чем на физический. Скажем, в США в 1985–90 гг. почти 60% рабочих мест требовали от работника высшего и среднего специального образования [326, с. 6].

Данные процессы носят объективный характер и на современном этапе определяются конкретными закономерностями в своем развитии; доля стихийности в них минимизируется. Возрастание роли сознания в общественной жизни приводит к увеличению доли умственного труда в системе общественного производства, а следовательно, численному росту групп людей, выполняющих данный вид деятельности. В таких условиях интеллектуальная деятельность активно востребуется в различных сферах жизнедеятельности: в функционировании рынка и процессах потребления; она активно участвует в развитии социально-

экономических структур; работает на создание социальных связей и отношений; поддерживает определенное «классовое равновесие» (М. Мамардашвили), те или иные формы деятельности политических институтов и т. д.

Возрастающее значение интеллектуальной деятельности определяет особое внимание к ней со стороны исследователей. Например, Я. Свитац пишет о том, что основная и характерная черта человека — его умственная деятельность. «Самым ценным качеством человека является способность понимать свою собственную личность, собственный опыт и мир, смотреть на их сущность посредством разума» [Цит. по 228, с. 57].

Интеллектуальная деятельность является тождественной по своему значению умственному труду, который выступает наряду с физическим трудом базовым классом различных видов деятельности. Следует отметить, что в развитии общества эти виды деятельности были по-разному востребованы и, соответственно, культивируемы. Однако в условиях перехода к постиндустриальному обществу значение интеллектуальной деятельности резко возрастает, что способствует увеличению деятельностного потенциала интеллектуальной элиты.

Говоря об интеллектуальной деятельности и той роли, которую она играет в современном обществе, нельзя не отметить несколько ее особенностей, которые важны для понимания механизмов ее развития. Прежде всего, спецификой интеллектуальной деятельности является ее индивидуальный характер, в силу чего интеллектуальные возможности человека становятся критерием оценки потенциала социальных структур.

Данный факт представляется важным в контексте исследования деятельностного потенциала интеллектуальной элиты. Ведь беря свое начало в конкретной личности, она имеет широкие возможности для прогресса всего общества. В этой связи, например, для системы образования, активно включенной в развитие интеллектуальной деятельности индивида, важной представляется необходимость совмещения форматов индивидуальной и общественной значимости. Ведь в мировой практике нередки случаи использования интеллектуальных достижений (которые являются

продуктом индивидуальной деятельности) вопреки потребностям общества. Именно поэтому, на наш взгляд, индивидуальная интеллектуальная деятельность не может рассматриваться обособленно от общей системы ценностей человека и общества.

При анализе интеллектуальной деятельности нужно учитывать и тот факт, что, являясь индивидуальной, она подвержена воздействию эмоций, и это предопределяет значительное влияние на процесс ее реализации и результат эмоционального интеллекта личности. Исследователи в этой связи отмечают, что «аффект (сильно и бурно протекающее эмоционально-чувственное переживание) и интеллект (мыслительные способности и деятельность человека), т. е. природа очень сильного проявления чувства и интеллектуального «озарения» оказываются в чем-то сходными, в частности, в отношении их продуктивности для процессов творчества. Следовательно, развитие и всемерное обогащение чувственно-эмоциональной сферы человека непосредственно связано с развитием интеллектуальных способностей, интеллектуальной культуры личности, ее творческих потенций, продуктивности ее мыслительной деятельности» [191, с. 97].

Таким образом, «течение мыслей определяется сплошь и рядом теми чувствами, которые они несут в себе, тем значением, которое они могут иметь для жизни и воззрений личности... Это то, чего не может быть у «искусственного интеллекта» при всей ценности последовательности им выбора и построения логических звеньев» [107, с. 200].

Эмоциональная окраска интеллектуальной деятельности приобретает особую значимость для представителей интеллектуальной элиты. В данном случае она тесно соприкасается с вопросами ценностной нейтральности, которые поднимались нами в подразделе 3.2. Ведь касательно данной группы весьма важным видится позитивное эмоциональное отношение к процессу интеллектуальной деятельности и ее результатам. При этом как первое, так и второе связано и с внутренними ощущениями представителей интеллектуальной элиты, и с позицией социума. В этой связи вновь возникает вопрос о соотношении (и необходимости оптимального сочетания) личностных и социетальных потребностей

и интересов, которые непосредственно отражаются в эмоциональном отношении человека к интеллектуальной деятельности. Здесь нельзя не учесть и тот факт, что «знание, не «прочувствованное», не пропущенное через человеческое чувство, пристрастие, эмоции, субъективность, остается личностно нейтральным и не способно быть основанием для гуманистически ориентированной деятельности...» [191, с. 93].

Индивидуальный характер интеллектуальной деятельности определяет и такую ее особую компоненту, как интуиция. Интуиция как способность постижения объективной реальности без обоснования с помощью доказательства представляет собой иррациональную составляющую интеллектуальной деятельности. В ней присутствует соединение знаний, опыта, индивидуального восприятия объективной реальности с неосознанностью путей ее постижения, доказательств полученного результата, что влечет за собой затруднения в убеждении других в правильности результатов интуитивного познания. Тем не менее данная компонента интеллектуальной деятельности всегда играла значительную роль в развитии общества. Однако ее потенциал не всегда использовался человечеством до конца.

Как отмечает в этой связи Н. Ф. Реймерс, сегодня «человеческая мысль удивительно обесценилась. Потеряно ощущение того факта, что так называемая интуиция ученого — это, по сути дела, обработанная мощнейшей ЭВМ мозга человека конкретная информация, соединенная с огромным блоком житейского опыта — почти необозримым информационным полем» [280, с. 161].

Роль интуиции важна для понимания сущности интеллектуальной деятельности. Ведь она подчеркивает соединение в ней рациональных и иррациональных компонентов, определяет возможности и ограничения влияния объективных и субъективных факторов, а также позволяет понять каким образом индивидуальное восприятие реального мира порой влияет на результат его познания.

Еще одной особенностью интеллектуальной деятельности является ее проблемный характер. Именно необходимость постановки задач для решения какой-либо проблемы, незнание

способов ее решения в конкретный момент времени становятся стимулами для активизации интеллектуальной деятельности. Данная ее особенность на более раннем этапе развития человечества была заложена в основу науки и образования как основных сфер осуществления умственной деятельности. Ведущим проявлением этой особенности стало построение и функционирование данных сфер «не по наукам, а по проблемам» (В. И. Вернадский), что, к сожалению, было практически разрушено в XIX–XX вв. Тем не менее современные тенденции в развитии образования и науки все больше демонстрируют значительный потенциал междисциплинарных, «стыковых» разработок, усиление проблемной доминанты в функционировании социальных институтов образования и науки.

Таким образом, в наиболее общем плане интеллектуальную деятельность можно представить как индивидуальную мыслительную деятельность проблемного характера, интегрирующую в себе рациональные и иррациональные компоненты. В такой интерпретации очевидным является тот факт, что данная деятельность выступает атрибутом любой личности, и как следствие, возникает вопрос: «Что представляет собой грань между профессиональной интеллектуальной деятельностью и непрофессиональной (обыденной)?». На наш взгляд, критериями данного разделения могут стать характер целеполагания интеллектуальной деятельности и уровень интеллектуальной активности.

В отношении целеполагания речь идет о сознательной направленности, сознательном выборе деятельности. Оно выражается в постановке сознательных целей, которые в основном определяются развитием личности в данных определенных условиях жизни. «Постановка целей вызывает с помощью усилий воли активное и достаточно интенсивное внимание» [107, с. 200].

Характер и объекты данного внимания могут отличаться у разных субъектов интеллектуальной деятельности. Но при этом очевидными становятся различия между профессиональным и обыденным вниманием к тем или иным объектам, между характерами поставленных целей в рамках интеллектуальной деятельности и т. д. Очевидно, что целеполагание интеллектуальной

деятельности связано с ее результатом, который на профессиональном уровне осуществления данного рода деятельности (как отмечалось нами в подразделе 3.2) является одним из критериев отнесения к интеллектуальной элите.

Как показывает опыт, интеллектуальные достижения обязательно предполагают высокий уровень интеллектуальной активности, которая «представляет собой интегральный показатель, включающий в себя и интеллектуальные, и мотивационные компоненты, но и не сводимый ни к одному из них» [82, с. 163]. Соответственно, для изучения интеллектуальной активности интерес представляют два блока проблем: особенности интеллекта и мотивация интеллектуальной деятельности.

Как уже отмечалось нами в подразделе 3.2, исследователи, изучающие структурную организацию интеллекта, говорят о двух ее базовых уровнях: репродуктивном и продуктивном. Доминирование того или иного уровня определяет тип интеллектуальной целостности и характер деятельности человека.

Оба эти уровня могут обрабатывать информацию как в образной, так и в логико-лингвистической форме, однако характер их действия имеет существенные разногласия, что, безусловно, имеет особое значение для анализа развития интеллектуальной деятельности.

В этой связи важно отметить, что, рассматривая интеллект в функционально-гносеологическом плане, обычно выделяют две формы деятельности по переработке информации: образное и логическое мышление [162, с. 119]. Логическое мышление характеризуется как последовательная линейная деятельность, протекающая согласно логико-лингвистическим закономерностям и процедурам в семиотической системе. И хотя ему свойственна также креативность и полиморфность, многоплановость логического мышления ограничена одномерными направлениями функционирования.

Образное мышление, наоборот, обладает информативной емкостью, быстротой, симультатностью, ассоциативностью и целостностью. По сути дела, это оперирование информационными гештальтами, подчас за пределами языковых и логических

форм в многомерном интеллектуальном пространстве. Такие исследователи, как Л. Инфельд и Р. Шепард, отмечали большую роль образного мышления в научной и технической деятельности.

Таким образом, особенности интеллекта непосредственно определяют деятельностный потенциал его носителя. Однако рассмотренные факторы оказывают непосредственное влияние и на второй важный для анализа интеллектуальной активности компонент – мотивационный. Соответственно, для изучения интеллектуальной активности интерес представляют две выделяемые группы мотивационных факторов: благоприятствующие ее проявлению и «блокирующие» данный процесс.

Как показывают исследования, фактором, благоприятствующим проявлению интеллектуальной активности, является преимущественно познавательная ориентация личности. И напротив, все те факторы социально-психологического происхождения, которые препятствуют свободному проявлению познавательной потребности, тормозят тем самым проявление интеллектуальной активности. В качестве такого рода факторов могут выступать потребность в социальном одобрении, доминирующая потребность в оправдании своей самооценки и т. д. Другими словами, это группа факторов, определяющихся в основном доминированием потребности в поддержании высокого статуса – социального, интеллектуального и т. д. [82, с. 164].

Очевидно, что познавательная ориентация личности связана с продуктивным уровнем интеллекта, а мотивация на познание лежит в основе творческой деятельности, которая опирается на «неудовлетворенность уже достигнутым, сомнение и инакомыслие» (И. Тарапов). Творческое начало умственного труда соответствует сущности человека. Как отмечает И. Е. Тарапов, еще со времен Сократа «считалось, что человек – творец по природе, он жаждет инициативы, хочет всего себя вложить в свое творчество и утвердиться в среде себе подобных как творческая личность» [326, с. 12]. Более того, достаточно распространенной является точка зрения, в соответствии с которой интеллектуальный труд – это целесообразная творческая деятельность. При этом он представляет не только высшую, но и важнейшую

форму человеческого труда, поскольку лежит в основе «накопления духовного богатства человека» (И. Тарапов).

Творческое начало присуще интеллектуальному труду как никакому другому. Именно путем мыслительной деятельности разрешаются многие противоречия, создается нечто новое.

Ученые выделяют некоторую совокупность черт, присущих, по их мнению, творческим личностям. В качестве таких черт выделяются: автономность, динамичность, ориентация на достижение, открытость для опыта (М. Стайн). Отмечается также независимость суждений – в том числе эстетических, социальных, политических (Ф. Баррон), сильный самоконтроль (Х. Тэйлор), эмоциональная стабильность (М. Кэттелл), склонность к риску (Д. С. Мак-Клелланд) и др.

Очевидно, черты, выделяемые многими исследователями как присущие творческой личности, во многом сходны, однако одного выделения этих черт недостаточно. Как справедливо указывает Ф. Баррон, «можно выделить многих людей, обладающих чертами и способностями, необходимыми для творчества, но не являющихся творческими личностями; решающей остается мотивация» [Цит. по 82, с. 162].

Большинство исследователей сходятся на том, что творческая личность мотивируется в основном интересом к проблеме. Р. Крачфилд выделяет при этом два вида мотивации творческой деятельности:

1. Внешняя мотивация (творческая деятельность мотивируется стремлением к статусу, благосостоянию и т. д., в результате чего она является лишь средством достижения какой-либо цели).

2. Внутренняя мотивация (характеризуется включением в творческую деятельность, которая сама является в этом случае целью).

Признается, что внутренняя мотивация является наиболее благоприятной для творческой интеллектуальной деятельности.

Онтопсихология интеллектуальной элиты также указывает на два уровня мотивации ее творческого роста [см. 186, с. 101]. Первый представлен личностными интересами и амбициозными стимулами, среди которых может быть потребность в самоутверждении, личная неудовлетворенность, стремление к лидерству.

Второй уровень обусловлен общественно значимой мотивацией, здесь свою роль играют приоритет отдельных сфер деятельности, интересы общества в целом или отдельных его структур. В нем используются различные возможности подчеркнуть значение творческой личности, популяризация творчества, материальные стимулы: гранты, индивидуальные стипендии, бюджетное финансирование.

Значение мотивационных факторов в деятельности интеллектуальной элиты трудно переоценить. Они выступают неизменным ее спутником, от которого во многом зависит результат деятельности данной группы. А поскольку этот результат имеет общесоциальную значимость, исследования мотивационных элементов деятельности интеллектуальной элиты представляют особый интерес.

Теоретические разработки в данном направлении показывают, что в наиболее общем виде при сопоставлении уровня интеллектуальной активности со степенью мотива профессионального достижения (при этом имеется в виду стремление человека к успехам в его профессиональной, трудовой деятельности) можно выделить три уровня интеллектуальной активности: репродуктивный, эвристический и креативный. Дальнейшие исследования показали, что «наиболее благоприятными условиями для проявления достаточно высокого (эвристического) уровня интеллектуальной активности является сочетание высокого мотива творческого профессионального достижения с невысоким мотивом нетворческого профессионального достижения. Напротив, сочетание высокого мотива нетворческого достижения с невысоким мотивом творческого достижения является максимально неблагоприятным» [82, с. 166].

Таким образом, структурная организация интеллекта и мотивация интеллектуальной деятельности выступают детерминантами интеллектуальной активности. Последняя же, в свою очередь, может рассматриваться в качестве показателя профессионализации интеллектуальной деятельности. Особую актуальность данный аспект приобретает в контексте формирования постиндустриального общества, в котором люди, профессионально

занимающиеся интеллектуальным трудом, имеют особую значимость. Данная значимость определяется тем, что интеллектуальный труд превосходит и по уровню воздействия, и по эффективности все остальные разновидности труда. Более того, он всегда сопровождает и обогащает любой вид труда. В результате интеллектуального труда добываются знания — основной продукт сферы духовного производства и стержень человеческого прогресса. Без необходимого запаса знаний нельзя надеяться на успех, продвижение ни в одной области человеческой деятельности.

Рассмотрение интеллектуальной деятельности будет неполным, если мы не обратим внимание на нее с процессуальной точки зрения. Как отмечают В. А. Лозовой и И. Н. Пугина, «структуру акта (цикла) интеллектуальной деятельности человека схематически можно представить в следующем виде: 1) интеллектуальное восприятие и осознание информации как одна из высших ступеней отражения; 2) закрепление и осмысление информации в системе определенного понятийно-категориального аппарата, в контексте соответствующей сферы знания; 3) накопление и систематизация, анализ информации, определение и обобщение ее закономерностей, общих тенденций, выводов; 4) концептуальное построение идеальных моделей, связанное с целеполаганием, опережающей, прогностической и проектирующей функциями сознания и мышления (построение концепций, теорий, гипотез); 5) выход интеллектуальной деятельности на практический уровень (апробация, эксперимент), сличение конечных результатов с концептуальной моделью, получение в этом процессе новой информации.

Первые три этапа цикла интеллектуальной деятельности личности обеспечиваются в процессе ее образования и обучения, которые, по сути, направлены именно на усвоение, закрепление и систематизацию определенной информации, знаний, формирование умений и навыков» [191, с. 94–95].

В результате рассмотрения интеллектуальной деятельности как процесса становится очевидным, что она базируется на сочетании врожденных и приобретенных черт и умений, а также тесно связана с общими социальными условиями жизнедеятельности

личности и достаточно четко «привязана» к определенной сфере знания, что придает интеллектуальной деятельности конкретизированный характер.

По-видимому, благодаря данной конкретизации становится возможным подразделять интеллектуальный труд на виды: научно-исследовательский, производственно-технический, педагогический, культурно-просветительский, художественное творчество, медицинский труд, управленческий труд и др.

Однако, несмотря на возможные различия между видами интеллектуального труда, принципиально важным для общества является следование общим нормам интеллектуальной культуры, особенно представителями интеллектуальной элиты.

По мнению ученых, интеллектуальная культура личности включает: а) профессиональные знания, умения, навыки, развитые соответствующие способности; б) достаточно высокий уровень мировоззрения или мировоззренческой культуры с ее важнейшими составляющими — политическими, философскими, нравственными, эстетическими и т. п. знаниями, чувствами, убеждениями; в) высокий уровень развития творческих способностей личности, ее творческого потенциала; г) специфический, максимально продуктивный в творческом отношении тип мышления — нетривиальный, гибкий, мобильный, недогматичный, который можно определить как диалектический тип мышления, функционирующий в соответствии с законами формальной и диалектической логики; д) практическая деятельность во всем ее разнообразии как конечная сфера приложения, реализации человеческих интеллектуальных сил [191, с. 94].

Очевидно, что данные показатели, проявляемые на высоком уровне, тесно коррелируют с критериями выделения и показателями интеллектуальной элиты. Для нашего исследования это означает необходимость комплексного подхода к анализу характеристик интеллектуальной элиты с учетом норм интеллектуальной культуры того или иного социального пространства.

Наряду с мотивационными и процессуальными аспектами осуществления интеллектуальной деятельности важным видится анализ ее базовых ограничений. Например, Н. Реймерс выделяет

два ограничения в интеллектуальной деятельности: «эффект высокого забора», за которым лежит неизвестность (а неизвестность может быть и чем-то обычным, и чем-то необычным) и «абсолютная невозможность». «Люди очень неохотно соглашаются с объективным существованием этого принципа (слишком они уверовали в свои победы над природой), хотя знают об однонаправленности эволюции, векторе развития собственной жизни (нельзя родиться дважды, нельзя сначала состариться, а затем помолодеть и т. п.), великое множество других аналогичных явлений. Вольное или невольное отрицание невозможности удовлетворения требования «роди меня обратно» приводит к огромным потокам совершенно бесполезной интеллектуальной деятельности. И это характерно не только для эпохи алхимии и конструирования «вечных» двигателей. То же продолжается и в наши дни» [280, с. 162–163].

Важным видится еще одно ограничение, связанное с качеством научного сообщества, слабый уровень которого снижает качество интеллектуальной деятельности, ограничивает возможности ее поиска. Данное ограничение имеет социальную природу и связано с общим качеством интеллектуальной жизни обществ. Если данное качество невысоко, если в интеллектуальной жизни тенденции ее развития направлены исключительно на воспроизводство ранее сложившихся параметров интеллектуальной жизни, то интеллектуальная деятельность в таких условиях имеет сильнейшие ограничения, снижающие в конечном итоге общий уровень интеллектуального потенциала социума.

Обозначенные ограничения в большей степени носят «приобретенный» характер, то есть все они могут присутствовать, а могут и отсутствовать в интеллектуальной деятельности конкретной личности при определенных условиях. Однако невозможно не обозначить тот блок ограничений, который фактически неизбежен для каждого интеллектуала. Речь идет о личностных особенностях и, прежде всего, о возрасте. Не секрет, что данный параметр тесно связан с характером и продуктивностью интеллектуальной деятельности, а также с общей социальной средой ее осуществления. Так, современные школы, благодаря доминированию

стандартных программ обучения, стимулируют востребованность средних, стандартных знаний, что в результате не дает в полную меру реализовываться интеллектуальным потенциям личности в школьном возрасте. В старшем возрасте личность осуществляет свою интеллектуальную деятельность в системе общесоциальных и конкретно-научных стереотипов, которые, невольно накладывают ограничения, в том числе связанные с возрастом (например, представления о возрасте, в котором является нормой получение докторской ученой степени и др.).

Вопрос о возрастных особенностях интеллектуальной деятельности важен для понимания и раскрытия деятельностного потенциала интеллектуальной элиты в целом и ее отдельных пластов в частности. По мнению отдельных исследователей (например, Т. Лешкевича), для всех представителей интеллектуальной элиты характерна высокая продуктивность во все периоды их деятельности. Часто наблюдается два «всплеска» активности. Первый приходится на возраст 32–36 лет, второй 42–46 лет.

На наш взгляд, такая периодизация интеллектуальной активности несколько не совпадает с реальным процессом обретения атрибутов членами интеллектуальной элиты. Ведь современная статистика свидетельствует о том, что средний возраст кандидатов наук, не говоря уже о докторов наук, намного превышает предложенные возрастные рамки.

Ведя речь об интеллектуальной элите, мы обозначили в качестве ее атрибутов профессиональное признание, которое, чаще всего, может быть более или менее обозначено к сорока годам (в среднем к 30 годам происходит стабилизация профессиональной деятельности, а 10 лет – период, за который реально осуществить серьезное позиционирование в профессиональном сообществе). Тех членов интеллектуальной элиты, которые попадают в этот возрастной отрезок (а их минимальное количество), можно обозначить как «молодой пласт интеллектуальной элиты». Он выступает своеобразной базой для формирования ядра интеллектуальной элиты в будущем. Для представителей этого пласта характерна достаточно высокая интеллектуальная актив-

ность инновационного плана. Обусловлено это тем, что «молодому предложить новую гипотезу легче, поскольку на него еще не давят традиции и знания. Знаменитый человек с годами все менее склонен менять свои позиции, идти на компромисс, а это приводит к тому, что ученые следующего поколения, не находя с ним общий язык, начинают его игнорировать» [91, с. 13].

Данный пласт интеллектуальной элиты является, по нашему мнению, наименее устойчивым, поскольку возрастные параметры позволяют внести серьезные изменения в жизненную стратегию. Неустойчивость данного возрастного пласта проявляется в результате как попытками ухода (и реальным уходом) из интеллектуальной элиты страны тех, чьи характеристики максимально отвечают ее требованиям, так и практиками удерживания в данной группе тех, кто не совсем соответствует требованиям интеллектуальной элиты с целью обладания ресурсом данной группы.

«Средний возрастной пласт интеллектуальной элиты» ориентировочно можно очертить возрастом от 40 до 55(60) лет. Это — период когнитивной зрелости личности. Ее особенностью «становится развитие способности самостоятельного видения, оценки и конструирования реальности и рождения на этой основе мыслей, решений, оценок. Связь с окружающей средой становится более непосредственной, самоорганизованной. Все это — возможность роста интеллектуальной независимости (безотносительно уровня функционирования отдельных когнитивных процессов), способности к самостоятельному осмыслению реалий сегодняшнего дня, оформления ее внутренней картины, формирование эффективных решений и поведенческих действий — те особенности и преимущества данного возраста, которые склонны констатировать исследователи последних лет» [55, с. 185]. Состав интеллектуальной элиты в этот возрастной период видится более стабильным, а значит, и обладающим высоким деятельностным потенциалом.

Тем не менее нужно учитывать высокую дифференциацию общей и интеллектуальной работоспособности, которая начинается ориентировочно после 50 лет, различное личностное развитие и связанное с ним разграничение интересов. Данные

последних лет в отношении показателей интеллектуальной деятельности подтверждают такие факты:

«1) снижение происходит не по всем показателям. А те, которые подлежат изменению, касаются прежде всего скорости реагирования и так называемого «флюидного» интеллекта, то есть той базовой ментальной способности, которая позволяет в целом осваивать физическую и культурную окружающую среду... Данные отдельных исследований показывают, что и эти способности могут не деградировать с возрастом, особенно если они продолжают интенсивно эксплуатироваться;

2) способности, которые формируются в процессе индивидуального развития и связаны с освоением культурных образцов, снижаются меньше и постепенно или вообще не имеют тенденций к снижению, более того, их уровень может даже повышаться;

3) из всех возрастных групп именно в старшем возрасте динамика интеллектуальных показателей в большей степени склонна к индивидуальной переменчивости, тогда и различия показателей значительные; однако есть примеры как полного сохранения и даже роста показателей интеллектуальных функций, так и явного их снижения;

4) на сохранение интеллектуальных функций и общую интеллектуальную работоспособность влияют физическое состояние (имеет место непосредственная связь с состоянием здоровья, причем здесь не до конца ясны причина и следствие), образ жизни, приобщение к активной деятельности, род занятий, который стимулирует интеллектуальную активность или не дает надлежащей нагрузки на сформированные способности и не побуждает к развитию новых потенций;

5) распространенное мнение, что в старшем возрасте тяжелее запоминается свежий материал, не подтверждает ряд исследований. В условиях постоянной интеллектуальной деятельности не отмечается склонность к консерватизму, а наоборот, новые явления могут без осложнений встраиваться в собственную жизненную активность. Однако более богатый опыт может и должен как основа принятия решений предлагать не только последнюю информацию, а всю, на которой основывается уверенность

в своей правоте, осознание процессной логики своей мыслительной деятельности и т. д. Тогда последняя информация не обязательно будет иметь преимущество при выработке мыслей и решений» [55, с. 184–185].

Таким образом, данный возрастной период является важным не только с деятельностной точки зрения, но и с точки зрения того потенциала, который он закладывает для деятельности интеллектуальной элиты на третий возрастной период — «старший» (старше 60 лет). В данном отношении можно предположить, что после 60 личность, которая наработала интеллектуальный капитал, как минимум сохраняет свою интеллектуальную работоспособность и может ее эффективно использовать.

Ограничения в деятельности третьей возрастной группы интеллектуальной элиты могут быть связаны как с индивидуальными особенностями ее представителей, так и с общественными стереотипами. Например, считается, что «знания и научный авторитет делают человека осторожным» [91, с. 13].

Однако с точки зрения деятельностного потенциала интеллектуальной элиты в данном контексте важными видятся результаты исследований, которые свидетельствуют о том, что активная и продуктивная интеллектуальная деятельность способствует сохранению или повышению деятельностного потенциала. Как отмечают ученые в специальных исследованиях, «уровень вербальных способностей 60–70-летних людей, которые активно и производительно работают в сфере науки и образования, достигал чрезвычайно высоких значений — по шкалам известной в психодиагностике интеллекта методики Дж. Векслера (WAIS) это были уровни «очень высокого интеллекта» и «гениальности». Можно считать, что не последнюю роль в достижении и сохранении такого уровня играют постоянная загруженность «интеллектуалоемкими» заданиями и активное направление своей деятельности на наиболее интересные и важнейшие дела» [55, с. 185]. К аналогичным выводам приходят и Р. Грановская и Ю. Крижанская: «Ученые, продуктивно работающие, существенно меньше подвержены возрастным штампам, до глубокой старости способны они смотреть на все глазами наивного ребенка. Как считают

некоторые исследователи, часть гения Эйнштейна составляла его детская неспособность понимать очевидное и принимать общепринятое. Похоже, что для творческого исследователя необходимы способность радикально изменять точку зрения на изучаемый предмет и сохранение душевной молодости» [91, с. 13].

Таким образом, очевидно, что интеллектуальная активность и продуктивность интеллектуальной деятельности выступают условиями сохранения и увеличения деятельностного потенциала представителей интеллектуальной элиты в старшем возрасте. Однако данные характеристики были отмечены нами в качестве элитаобразующих. Для нашего исследования этот факт означает, что понижение уровня интеллектуальной активности и продуктивности увеличивает шансы личности покинуть данную группу — интеллектуальную элиту — не меняя при этом сферы и характера деятельности. Данный факт позволяет предположить, что феномен интеллектуальной элиты носит конкретно-исторический характер и ее состав формируется с учетом общей интеллектуальной ситуации в обществе и личностных характеристик людей, которые, безусловно, могут не только наращиваться, но и снижаться (в сравнении со средним уровнем в социуме).

В результате можно говорить о том, что возрастные ограничения интеллектуальной деятельности не являются значимыми для интеллектуальной элиты в силу специфики данной группы. Для общества же в целом важно найти формы использования потенциала тех людей, которые в силу возрастной дифференциации не пролонгировали свое пребывание в интеллектуальной элите. В качестве таких форм исследователи Л. Бурлачук, Х. Беков и Н. Володина рассматривают, например, постоянное взаимодействие с представителями различных возрастов. Ведь эти люди научились работать продуктивно в определенной сфере и понимают, что это такое, готовы активно использовать свои способности, благодаря чему может повышаться уровень работоспособности младших элитных групп. Наряду с этим «в старшем возрасте человек потенциально больше всего готов интегрировать свой опыт, ассимилировать в него новое. Поэтому при благоприятном когнитивном развитии возможно гибкое использование

собственного интеллекта, умение мыслить «методологически». Как показывает практика, в этот период жизни можно успешно учиться новому, причем эффективность этого процесса зависит от когнитивной автономности, способности самостоятельно организовывать и направлять процесс обучения» [55, с. 185]. И, наконец, существуют такие виды деятельности, к которым такие люди могут привлекаться, – это экспертная оценка, выработка взвешенных решений, судейство, консультирование, разработка сложных многокомпонентных проектов и др.

Таким образом, внутренние ограничения интеллектуальной деятельности, возможные для любого, кто ею занимается, не являются в такой же степени актуальными для представителей интеллектуальной элиты. Тем не менее ранее мы упоминали о среде – интеллектуальной жизни – как определенной детерминанте деятельности представителей данной группы. Эта среда выступает своеобразным регулятором, оказывающим влияние на процесс деятельности интеллектуальной элиты и выдвигающим критерии ее оценки. С этими критериями связывают функции и роль интеллектуальной элиты, часть которых носит универсальный характер, а часть – специфический для данного конкретного социума. Но и те, и другие раскрывают деятельностный потенциал интеллектуальной элиты с точки зрения общества.

Функции и роль интеллектуальной элиты всегда вызвали особый интерес ученых. По мнению О. Крыштановской [166, с. 32–33], подход к элите как к группе, выполняющей некую критически важную для существования общества функцию, был заложен в 1940–1960-х годах. Первым в этом направлении стал работать немецкий социолог Карл Маннгейм, который в своей работе «Man and Society in an Age of Reconstruction» (1941) характеризовал элиты как часть системы коллективной ответственности и обязательств, чье существование определяется не жадной к власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми. В соответствии с характером различных общественных функций элиты могут быть разделены на интегративные, к которым относятся политическая, экономическая, администра-

тивная и т. д. элиты, и сублимативные (т. е. сублимирующие разрушительную энергию толпы) — это религиозная, интеллектуальная, «эстетическая» элиты.

Взгляды К. Маннгейма были дополнены американским социологом Сьюзанн Келлер. С. Келлер жестко увязывает факт существования элиты с социальной функцией, которую она исполняет. По С. Келлер, понятие элиты относится прежде всего к меньшинству индивидов, предназначенному служить коллективу общественно полезным путем. Элиты — это эффективные и ответственные меньшинства [см. 393]. С. Келлер делит элиты на стратегические и сегментарные. Стратегические элиты — это «те, чьи суждения, решения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества». Прочие элиты можно отнести к сегментарным. Эта мысль С. Келлер, по мнению О. Крыштановской, близка к традиционному разделению элиты на правящую и неправящую. Важным здесь представляется необязательность вхождения келлеровских стратегических элит в правительственные круги, что, с нашей точки зрения, важно для интеллектуальной элиты. В своей работе «Beyond the Rulling Class» С. Келлер изучает именно стратегические элиты. Ключевыми понятиями для нее являются характер принимаемых решений и функциональность. По поводу первого С. Келлер замечает, что важен не род деятельности элиты, а «размах ее деятельности, то есть на скольких членов общества они оказывают влияние и каким образом».

С. Келлер заимствует классификацию общественных функций из структурно-функциональной теории Т. Парсонса, а цель своей работы видит в приложении теории элит к парсоновской теории социальных систем. Из четырех основных, по Т. Парсонсу, типов социальных систем выводится четыре типа элиты: 1) «система выполнения задач» дает элиту, определяющую цели, к выполнению которых должно стремиться общество; 2) «адаптивная система» дает элиту, определяющую средства для выполнения этих целей; 3) «интегративная система» дает элиту, выражающую общественные нормы и традиции и 4) «традиционная система» дает элиту, создающую общую мораль членов общества (pattern maintenance elites).

Свои идеи относительно функциональной роли новых элит высказывали Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Дж. Бернхэм и др. Размышления над социальными функциями элит получили развитие и в идеях разделения и взаимоуравновешивания ветвей власти. Так, Й. Шумпетер подчеркивал важность, «негосударственных элит», не включенных в официальные структуры власти. Избрав политических лидеров, массы теряют контроль над ними. Это могут делать лишь независимые от обеих сил автономные элиты. Й. Шумпетер среди неправящих элит выделял университетскую и академическую. В меру усиления их автономности от государственных структур, по его мнению, будет возрастать их роль в демократизации осуществления власти.

Эту идею поддержал Р. Арон. Он аргументировал, что автономность таких элит обуславливается их универсальностью, независимостью от существующей общественной структуры. Само их наличие становится ограничением властителям сфер их компетенции, заставляет считаться с независимой экспертизой и оценками. Арон выделял пять элит (политические лидеры, правительственная администрация, капитаны индустрии, профсоюзные боссы и военное командование), автономность, взаимоконтроль и взаимозависимость которых призваны обеспечить сбалансированность власти. Слияние их угрожает свободам, противостояние же — государству, причем свободе все же лучше отдать предпочтение перед этатизмом.

Положения демократической теории элит освещены в концепции «условий и реквизитов демократии» С. Липсета. Он подчеркивал значение независимых центров влияния для демократических устоев и особое значение ценностного консенсуса в обществе. Современные элиты основываются не на противопоставлении массе, а на общих ценностно-нормативных стандартах. Со своей стороны существующая ценностная система легитимизирует ролевую дифференциацию и, следовательно, авторитет элит.

Данные положения важны для понимания деятельностного потенциала интеллектуальной элиты, поскольку ее роль по формированию ценностно-нормативных стандартов видится

более важной (и не связанной напрямую) в сравнении с позициями в системе властных институтов. То есть при рассмотрении интеллектуальной элиты ее статусные характеристики имеют второстепенное значение по сравнению с функциональными характеристиками. Очевидным при этом является и то, что ведущая функция интеллектуальной элиты отличается от ведущей функции правящей элиты.

Анализ различных попыток определения функций интеллектуальной элиты [25, с. 21; 37, с. 5; 68, с. 5–6; 59, с. 56; 95, с. 95; 98, с. 37; 110; 136, с. 67; 148, с. 284; 158; 165; 169, с. 6; 173, с. 232; 177; 179, с. 229; 253, с. 23; 279, с. 39; 292; 337, с. 6; 363, с. 93] позволил нам выделить следующие ключевые функции интеллектуальной элиты. Прежде всего, это интегративная функция. Выполнение интеллектуальной элитой данной функции связывается в первую очередь с интеграцией различных социальных субъектов. При этом можно говорить о внутренней и внешней интегративной функции интеллектуальной элиты. Первая связана с необходимостью «скрепления противоположных краев общества в единое целое» (Н. Н. Саппа). В данном случае интеллектуальная элита помогает понимать интеллектуальные, моральные, политические проблемы, с которыми сталкиваются различные социальные движения; интеллектуальная элита выступает «переводчиком» (И. Валлерстайн) между различными социальными силами. Функция внешней интеграции закрепляет за интеллектуальной элитой атрибуты активного участника «диффузии отечественного опыта и знаний» (С. Вовканич), их интеграции в мировой информационный тезаурус. Она связана с «аккумуляцией знаковых систем культурного поля других народов и инициацией общечеловеческого общения и диалога между народами» [68, с. 5].

В целом, можно говорить о том, что интеллектуальная элита, выполняя интегративную функцию, способствует конституированию различных потенциалов (мобилизационного, адаптационного и др.) различных социальных сил как внутри общества, так и вне его. Эффективность выполнения данной функции во многом определяет успешность диалога, происходящего между социальными субъектами. В условиях формирования постмодер-

нистского общества проблема понимания и со-действия в нем является особо важной.

Вторая функция интеллектуальной элиты – трансляционная. Данная функция заключается в том, что представители интеллектуальной элиты, опираясь на уже накопленные «знаниевые» ресурсы, способствуют их сохранению и передаче последующим поколениям. В этом особенно ярко проявляется специфика интеллектуальной деятельности, продукты которой не могут не опираться на полученные ранее результаты интеллектуальной деятельности. Благодаря данной особенности, интеллектуальная элита является «аккумулятором национальных достижений» (А. Панарин) и гарантом межпоколенной передачи накопленной обществом информации и знаний, обеспечивающим соответствующий уровень его культурно-образовательного развития.

Третья функция интеллектуальной элиты – ценностно-нормативная. В соответствии с этой функцией, за интеллектуальной элитой закрепляется ее способность генерировать «новую ценностно-нормативную стабильность» (О. Куценко); распространять ценности свободы и способствовать их воплощению в жизнь. Данная функция имеет наиболее яркое проявление в практике интеллектуальной элиты, о чем свидетельствуют и более ранние разработки этой проблематики. Так, О. Шпенглер считал, что своими успехами культура обязана элите. По М. Фуко, роль интеллектуала «состоит не в том, чтобы, пройдя «немного вперед» или слегка отодвинувшись в «сторону», высказывать за всех безмолвную истину, а скорее, наоборот, в том, чтобы бороться против всех видов власти». Ему вторит Н. Боббио: «Помешать монополии на силу превратиться в монополию на истину – первейшая обязанность интеллектуала» [Цит. по 37, с. 5].

В конечном итоге, интеллектуальная элита воспринимается как «охранник духовных ценностей» (С. Вовканич); как «некий «заповедник» общечеловеческих духовных ценностей, то самое горнило, в котором выплавляется культурный и цивилизационный прогресс. Если политическая элита ответственна за успехи и неудачи в социально-политической сфере, то интеллектуальная

элита отвечает за то, каким будет человечество через 50, 100 или более лет» [279, с. 39].

Выполнение интеллектуальной элитой ценностно-нормативной функции является имманентно присущим данной группе, так как в силу ее исторически сложившейся роли в обществе «сами культурные, поведенческие и иные модели, определяющие социальную структуру и духовный облик общества, возникают или, во всяком случае, оформляются именно в среде его интеллектуальной элиты» [110]. Благодаря этому интеллектуальная элита в современных условиях рассматривается как носитель новых постматериалистических ценностей, как некоторый творец (и охранитель одновременно) социальных норм, позволяющих сохранять или модифицировать социальную структуру. С точки зрения интересов общества и государства, интеллектуальная элита, благодаря выполнению ценностно-нормативной функции, способствует поддержанию определенной общественной идеологии — некоторых оптимальных для того или иного периода времени «рамочек» для системы социальных отношений в социуме.

Четвертая функция интеллектуальной элиты — инновационная — связывается с тем потенциалом, который заложен в интеллектуальной элите как особой группе. Данный потенциал раскрывается через создание новых интеллектуальных решений, инновационных технологий, способствующих движению общества вперед. Инновационный путь развития рассматривается сегодня различными странами как путь прогресса, ведь информационные технологии позволяют на современном этапе достаточно быстро осваивать уже функционирующие технологические решения — рынок потребления интеллектуальных продуктов в современном мире достаточно динамичен. Поэтому именно создание инновационных решений в производстве и потреблении интеллектуальных продуктов обеспечивает успешное позиционирование стран в мировом сообществе.

Пятая функция интеллектуальной элиты — познавательная. Она заключается в том, что интеллектуальная элита является «носителем и генератором новой информации» (С. Вовканич), создателем «интеллектуальных конструкций» (О. Куценко), которые

позволяют дать ответы на различные вызовы современности. Выполнение этой функции имманентно присуще интеллектуальной элите в силу того, что ее ведущим видом деятельности является производство интеллектуальных продуктов, которое неизбежно связано с приращением нового знания и развитием научного потенциала общества. Продукты познавательной деятельности интеллектуальной элиты являются ключевыми ресурсами «общества интеллекта» и поэтому непосредственно определяют успешность социума на пути к данному типу общества. При этом очевидно, что генерирование идей происходит в различных отраслях знания и сферах жизнедеятельности социума, что способствует их изучению, выявлению круга проблем, требующих первоочередного решения. В конечном итоге, качество выполнения данной функции во многом определяет уровень развития той или иной страны.

Шестая функция — консультативная. Ее смысл заключается в том, что, обладая новейшими данными относительно различных сфер знания и социальной жизни, интеллектуальная элита имеет возможность «давать советы» по принятию решений в различных сферах. В данном случае интеллектуальная элита выступает как «штурман общественного корабля» (М. Кругов), который «разрабатывает для капитана и общества варианты целей, прокладывает маршруты их достижения, придумывает требуемые для этого технологии и способы работы и управления» [165]. Интеллектуальная элита становится основным «поставщиком» информации для властных структур, благодаря которой у последних появляется возможность принимать оптимальные решения в различных сферах жизнедеятельности общества. В результате интеллектуальная элита косвенно становится ответственной за благополучие общества в целом.

Еще одна функция интеллектуальной элиты — коммуникативная. В рамках этой функции интеллектуальная элита осуществляет общесоциальное и профессиональное общение, способствуя, таким образом, пониманию происходящих в социуме событий. В качестве коммуникатора интеллектуальная элита осуществляет перевод различных «культурных кодов» в единую коммуни-

кативную плоскость. Выполнение данной функции непосредственно связано с интегративной функцией, благодаря которой интеллектуальная элита интегрирует различные социальные силы (ведь такая интеграция может выстраиваться исключительно на понимании), а также с консультативной функцией, которая основывается на информационном обеспечении социально-выгодных решений (что тоже возможно лишь при адекватном понимании интересов, потребностей, жизненного пространства различных социальных субъектов).

Наряду с рассмотренными выше, интеллектуальная элита выполняет, на наш взгляд, еще контролирующую функцию. Однако контроль, осуществляемый ею, носит особый характер. Это контроль за процессами, определяющимися логикой развития технологического процесса. Интеллектуальная элита, с одной стороны, не может допустить технологического, интеллектуального торможения страны. С другой стороны, интеллектуальная элита становится регулятором процессов адаптации социальных субъектов к инновационным изменениям в обществе.

Таким образом, очевидно, что в идеале интеллектуальная элита может реализовать свой деятельностный потенциал посредством выполнения ряда функций (интегративная, трансляционная, инновационная, познавательная, консультативная, коммуникативная, контролирующая, ценностно-нормативная). Однако в реальной социальной практике их выполнение (да и сама интерпретация) не всегда адекватны и востребованы. Значительное влияние в процессе дифференциации функциональных нагрузок на интеллектуальную элиту оказывают культурно-исторические особенности, специфика состояния социума в тот или иной период времени, состояние самой интеллектуальной элиты и др. В результате в современной Украине, например, поднимается вопрос о том, что интеллектуальная элита должна стать реальным (а не номинальным) субъектом общественного развития; «вывести страну из «страны-изгоя» [337, с. 6]; другими словами – полноценно реализовывать свой деятельностный потенциал для активизации развития украинского общества и государства.

В связи со спецификой современного этапа развития Украины особенной видится и функциональная нагрузка элиты. Как отмечает В. Танчер, «новое прочтение роли и функций национальной элиты связано с существенными изменениями в социальной структуре, с актуализацией задач профессионального руководства, с нарастанием деструктивных проявлений в условиях глубоких социальных трансформаций, усиления социальной напряженности, с многовекторностью общественно-исторического развития, разнообразием спектра социально-политических сил в «новых демократиях» и т. д. Сказывается и очевидная неразвитость институтов гражданского общества, эгалитарное горизонтальное взаимодействие которых должно было бы вытеснять вертикальную структурированность власти, наличие остатков в общественном сознании авторитаристских стереотипов, патерналистских установок, пассивной зависимости» [324, с. 16].

Наши исследования (7) показывают, что ключевой в деятельности отечественной интеллектуальной элиты является сегодня функция обеспечения общего прогресса общества (59,3%). Далее следуют: развитие интеллектуального потенциала общества (51,85%), консолидация общества (33,3%) и др. (см. рис. 3.4).

Очевидно, что, в сравнении с идеальным предложенным нами набором функций, минимально представлена ценностно-нормативная функция, консультативная, интеграционная и инновационная функции. Именно низкая востребованность интеллектуальной элиты в этих секторах деятельности может стать фактором торможения развития Украины.

В целом можно утверждать, что на сегодняшний день в функционировании интеллектуальной элиты активно проявляются два базовых направления, которые, на наш взгляд, обусловлены, во-первых, классическим толкованием феномена интеллектуальной элиты, а во-вторых, теми особенностями, которые связаны с историческими, культурными, ментальными чертами народа, и, как результат – наделение его отдельными атрибутами интеллигенции. Именно такие атрибуты, как включенность в процессы трансляции культуры, традиций народа, высокий уровень

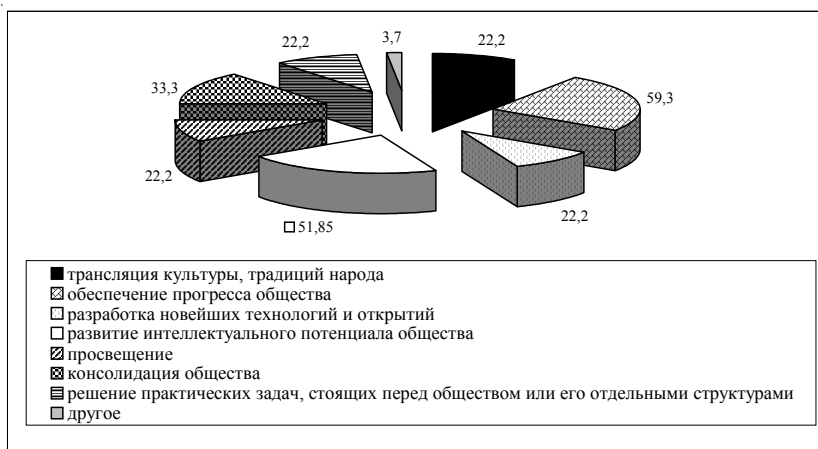

Рис. 3.4. Представления экспертов о роли интеллектуальной элиты (в %)

культуры, стремление к поиску истины, умение служить обществу и другие, отражают ту специфику, которая рождена отечественной историей.

В целом же реализация функций интеллектуальной элиты в том или ином обществе непосредственно выходит на вопросы оценки эффективности, качества ее деятельности. И в данном плане однозначных ответов тоже не существует.

Очевидно, что конечный продукт интеллектуальной деятельности идеален по своей природе. И тут с особой остротой встает вопрос об объективной оценке интеллектуальной деятельности. Ответ на данный вопрос тесным образом связан с критериями и субъектами его оценки. Ведь очевидно, что далеко не любой вид деятельности, особенно интеллектуальной, может быть адекватно оценен в социуме. Как отмечают ученые, «академические титулы и высокие общественные оценки достаются отнюдь не всем великим умам... Более того, нередки случаи полного забвения ценнейшей информации, не понятной экспертам... Промах в оценке интеллектуальной деятельности может слишком дорого обойтись человечеству» [280, с. 164].

В современных условиях развития украинского общества вопрос об оценке результатов интеллектуальной деятельности приобретает особую актуальность. Ведь сегодня значительным изменениям подверглась вся система, в которой осуществлялась такая оценка ранее: и нормы, и ценности, и критерии и т. д. Особое значение, по мнению специалистов, играет тот факт, что «главным источником противоречий является невозможность количественно оценить многие виды интеллектуального труда, и отсюда — его непривычность, неудобность для денежных отношений. Кроме того, некоторые виды интеллектуального труда не приносят немедленной прибыли, хотя именно они оказываются, в конце концов, наиболее прибыльными. Это делает такие виды труда противоречащими обычным представлениям и требованиям рынка» [326, с. 21]. Данный факт определяет наличие противоречий между интеллектом и капиталом, между интеллектуальным трудом и рынком.

В этой связи в обществе возникает потребность в специальных видах интеллектуальной деятельности по регулированию сферы сознания в различных формах и на различных уровнях. К одной из тенденций в рамках указанного процесса сегодня относят сближение науки с производством и социальным управлением, а также деятельность по приспособлению научных знаний к целям и задачам развития постиндустриального общества. Таким образом, наряду с традиционным разнообразием видов интеллектуальной деятельности, значительное развитие получает некая глобальная «интеллектуальная функция», серьезным образом отличающаяся от той, которая доминировала в предыдущей структуре духовного производства. Данная функция, наряду с новыми, выполняет важнейшее задание интеграции частных видов интеллектуальной деятельности в социуме.

В целом, ведущая деятельность интеллектуальной элиты является критически важной для любого социума, поскольку обеспечивает его прогресс в настоящем и будущем. Наш анализ показал, что сам интеллектуальный труд представляет собой творческую деятельность, носящую индивидуальный характер, объединяющую в себе рациональные и иррациональные

компоненты, характеризующуюся системой мотивов, структурой организации интеллекта и уровнем интеллектуальной активности. Этому виду деятельности «в значительной мере присущи вдохновение, творческий подъем, интуиция, эмоциональная раскованность, критическое начало и сомнение, стремление к свободе, нетерпимость ограничений [326, с. 12]. Еще одна важная особенность интеллектуального труда – его общечеловечность, всеобщность; интеллектуальный труд очень часто бескорыстен по своей природе [326, с. 22]. Люди, реализующие себя в интеллектуальной деятельности, имеют «постоянное стремление поддерживать себя в этом исходном и целостном единстве» [323, с. 104].

В рамках макроанализа важным видится учет того факта, что интеллектуальный труд ставит и решает задачи глобального масштаба, что и определяет повышенную значимость людей умственного труда в социуме. Постиндустриальное общество становится благодатной почвой для этого.

Эти характеристики предполагают создание определенных условий, стимулирующих интеллектуальную активность. А учитывая что основными сферами применения интеллектуального труда являются наука и образование, речь должна идти об изменениях в системе и принципах их организации.

Изменения, в которых нуждается сегодня отношение к интеллектуальному труду, связаны с изменением качественного состояния общества, с необходимостью ответа на вызовы современности. Как отмечают исследователи, «с возникновением «класса интеллектуалов» двигателем социального прогресса становятся нематериалистические цели, и та часть социума (его большинство!), которая не способна их усвоить, объективно теряет свою значимость в общественной жизни более, нежели любой иной класс в аграрном или индустриальном обществах. Интеллектуальное расслоение, достигающее сегодня беспрецедентных масштабов, постепенно становится основой всякого иного социального расслоения, поскольку именно на этом фундаменте практически ненужными для развития производственных процессов оказываются огромные социальные группы, участие которых в общественном

производстве было ранее необходимым условием социального прогресса» [136, с. 73].

Функциональная нагрузка этих групп изменяется, а значит, изменяется и их деятельностный потенциал. В наиболее общем виде необходимо, чтобы интеллектуальная элита как одна из таких групп полноценно выполняла свои функции. Однако при этом необходимо помнить, что процессы интеллектуальной деятельности протекают в определенной социокультурной среде, что накладывает свой отпечаток на характер и результаты этого вида деятельности. Важно и то, что интеллектуальная деятельность тесно связана со всеми аспектами социально-экономического развития социума. Именно поэтому общий кризис общества находит свое проявление и в интеллектуальной сфере. Его ярким симптомом, по мнению М. Гуревичева, является ограничение интеллектуальных отношений между людьми. В Украине интеллектуальный кризис наиболее ярко проявился, прежде всего, в нескольких аспектах:

- невостребование интеллектуального капитала;
- отсутствие правового статуса интеллектуальной собственности;
- недооценка интеллектуального обеспечения общественного управления;
- «утечка мозгов» и др.

Как свидетельствуют специалисты, в Украине по-прежнему наблюдается пренебрежительное отношение к интеллектуальному труду. «Ни одна из государственных программ Украины, ни один стратегический документ, касающийся развития общества и государства, в конструктивной, а не декларативной части, не учитывали роли и растущего значения интеллектуального труда... Доля национального дохода Украины, выделяемая людям интеллектуального труда, мала до позорного, в результате чего интеллектуальный труд продолжает обвально обесцениваться... Законодательство Украины о трудовой деятельности, в частности об интеллектуальной собственности, налоговая политика не учитывают особенностей интеллектуального труда...» [326, с. 8–9].

Развитие же рыночных отношений, как показывает мировой опыт, усиливает развитие и использование интеллектуального потенциала общества. «Об экономической эффективности интеллектуального труда можно судить хотя бы по тому, что в 20-ти развитых странах, где работают 95% ученых мира, по данным ЮНЕСКО, доход на душу населения ежегодно возрастает на 200 долларов, тогда как в остальных странах, имеющих 5% ученых мира, — лишь на 10 долларов» [326, с. 6]. Именно с этим, а также с развитием демократического государства, связываются сегодня надежды на интеллектуальное возрождение Украины. Ведь недооценка роли и значения интеллектуальной деятельности негативно сказывается на развитии общества в целом и его отдельных сфер жизнедеятельности. Социальными проявлениями недооценки интеллектуальной составляющей в развитии общества чаще всего являются: падение престижа интеллектуального труда; отсутствие правового сопровождения этого вида деятельности; слабая материальная поддержка интеллектуальной деятельности и др.

Комплекс решений, возможных для преодоления такой ситуации, весьма разнообразен — вплоть до внимания к статусным позициям представителей интеллектуальной элиты. Ведь как отечественная, так и западная социология утверждают, что совмещение научной элитой административной, организационной и научно-исследовательской деятельности весьма эффективно. При этом подчеркивается, что «для высокой продуктивности ученых имеет существенное значение их разносторонность. Чем больше таких областей, тем выше продуктивность ученого». Более того, как выяснилось, те исследователи, «которые часть своего времени тратят на административную работу, как ученые, заслуживают более высокой оценки, чем те, кто занимается педагогической деятельностью» [Цит. по 279, с. 41].

Таким образом, вопросы реализации деятельностного потенциала интеллектуальной элиты весьма разноаспектны. Особое значение при их рассмотрении имеют как внешние условия его формирования и реализации, так и внутренние особенности интеллектуальной элиты в том или ином социальном пространстве.

Ведь кроме всего прочего, «эти люди имеют счастье или несчастье размышлять над жизнью....» [148, с. 284].

3.4. Интеллигенция как социальный источник формирования интеллектуальной элиты

Формирование и раскрытие потенциала интеллектуальной элиты тесным образом связано с той социальной базой, из которой происходит ее рекрутирование. Ведь, как отмечалось нами в подразделах 3.2 и 3.3, интеллектуальная элита представляет собой скорее группу, «составленную из отдельных индивидов», нежели «безликую социальную группу». Именно неразведение персональных и социально доступных характеристик представителей интеллектуальной элиты, на наш взгляд, очень часто выступает причиной беспочвенных споров относительно ее. Тем не менее для определения социальной базы, из которой чаще всего рекрутируются представители интеллектуальной элиты, необходимо обращение именно к общесоциальным характеристикам социальных групп. Как показал проведенный нами ранее анализ [220], наиболее широкой социальной базой формирования интеллектуальной элиты является интеллигенция, так как именно она обладает теми стартовыми объективными параметрами (уровень образования, характер труда, уровень квалификации и др.), которые являются необходимыми (но не всегда достаточными) для вхождения в интеллектуальную элиту общества. Однако очевидным является и тот факт, что сам феномен интеллигенции не является однозначно определяемым, а поэтому требующим отдельного анализа.

В контексте нашего исследования нам кажется важным обратить внимание на несколько основных моментов. Во-первых, появление и распространение этого понятия (в аспекте пространства и времени). Во-вторых, его смысловые нагрузки. В-третьих, функциональные ожидания от данной группы. Именно это, на наш взгляд, позволит конкретизировать ответ на вопрос о том, каким образом интеллигенция выступает базой для формирования современной интеллектуальной элиты.

Итак, когда и где возникло понятие «интеллигенция»? Однозначного ответа на данный вопрос не существует. Более того, как мы увидим далее, пространственные особенности функционирования этого слоя людей наложили свой отпечаток на восприятие интеллигенции и, соответственно, внесли путаницу в попытки дать ответ на поставленный вопрос.

Российский исследователь В. Х. Беленький попытался систематизировать варианты ответов на вопрос о том, когда возникла интеллигенция. Он отмечает, что в данном отношении «существуют самые различные точки зрения: 1) интеллигенция возникает вместе с отделением умственного труда от физического и присуща всякой цивилизации; 2) возникла в Киевской Руси; 3) при Петре I; 4) в 60-х годах XIX века и т. д.» [39, с. 113]. К этому, на наш взгляд, можно добавить Античность как эпоху формирования интеллигенции. Попробуем проиллюстрировать данные точки зрения. Так, например, К. Маннгейм утверждает, что термин «интеллигенция» был впервые употреблен М. Т. Цицероном в его трактате «О природе богов». Римский философ употреблял это слово в двух различных смыслах: как «разумность» и как «способность понимать» [349, с. 110, 150]. Современные исследователи данного феномена И. И. Осинский, Л. Я. Смоляков и другие тоже отмечают, что слово «интеллигенция» имеет давнее происхождение. По мнению Л. Я. Смолякова, употребление данного понятия восходит к Аристотелю и Цицерону, которые вкладывали в него смыслы понимания себя и других, познания и саморефлексии. И. И. Осинский, анализирующий происхождение данного понятия, подчеркивает, что «завершенность отдельного нечто, поднятого до всеобщего значения — завершенности мира, и зафиксировано в понятии «интеллигенция». Именно в таком смысле «интеллигентов» можно встретить в любой нации в любую эпоху [311, с. 68].

Уже в таких фактах появления термина «интеллигенция» нам видится интересным несколько моментов. Прежде всего, это двойственный характер данного понятия: с одной стороны, интеллигенция воспринимается с рационалистической точки зрения (разумность как характеристика, позволяющая познавать мир, интегрировать знания о нем и придавать им в значительной

степени завершенный характер); с другой — это способность к пониманию как иррациональная характеристика. Однако следует обратить внимание на тот факт, что два акцента в первоначальном понимании интеллигенции не являются, на наш взгляд, напрямую связанными друг с другом: познание мира не всегда предполагает готовность понять себя или другого человека в этом мире и наоборот.

В результате можно предположить, что уже в древности произошло выделение некоторой весьма абстрактной группы людей, объединявшей в себе тех, кто обладает «особой разумностью» и/или «особой способностью к пониманию», что резко отличало их от представителей других групп и слоев в обществе, однако, по нашему мнению, не являлось ключевым для их внутригрупповой интеграции. То есть выделение интеллигенции, по нашему убеждению, стало скорее следствием необходимости отличия от других групп. Именно этот факт — отличительности от других — и сопровождал интеллигенцию во все времена.

Г. Померанц в этой связи говорит о том, что «начиная со средневековья, среди образованных людей существовали и выразители кризисного сознания, и те, кто видел в культуре преимущественно гармонизирующее начало» [268, с. 9] (акцент вновь делается на отличии). Хотя следует помнить и о позиции Л. М. Баткина, который доказывал, что реально об интеллигенции как специфической социальной группе можно говорить, начиная только с эпохи Возрождения. Л. М. Баткин отмечает, что в средние века на уровне обыденного сознания представление об интеллигенции «вообще» как носителя концентрированной образованности и духовности отсутствовало [см. 339, с. 127].

В конечном итоге можно предположить и то, что критерий отличительности, на котором происходило конструирование интеллигенции, тоже менялся в зависимости от того, чем данная группа отличалась от остальных, а это, в свою очередь, определялось вариантом развития общества. Так, например, в конце XVIII века во Франции слово «intelligence» впервые приобретает смысл, близкий к современному. Там появился особый тип просвещенных людей — читателей Дидро и Д'Аламбера, Вольтера

и Руссо, которых понадобилось как-то обозначить с учетом того, что они не составляли отдельной общественной прослойки: среди поклонников просветителей числили себя и маркизы, и лавочники. По мнению Г. Померанца, это означало скорее интеллектуальную элиту [268, с. 7].

Вскоре, выполнив миссию отличия от других, на пике Романтизма, то есть примерно около 1800–1810 гг., слово «интеллигенция» выходит из моды как слишком элитарное узаконивающее интеллектуальное неравенство.

После этого практически полвека это понятие не использовалось в научной и общественной мысли, а «оживает» оно лишь в 60-е годы XIX века. Именно этот факт наиболее активно описывается в современной литературе [16; 23; 292; 365; 356 и др.]. В соответствии с данной традицией, считается, что термин «интеллигенция» имеет российское происхождение. Его появление в русском языке в 60-е годы XIX века связывают с именем известного писателя П. Д. Боборыкина. Он использует этот термин в ряде статей в конце 60-х годов, а в вышедшем в 1870 году романе «Социальные добродетели» русский беллетрист ввел понятие «интеллигенция» в широкий обиход и так определил его содержание: «Под интеллигенцией надо разуметь высший, образованный слой общества, как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX века и даже в последней трети XVIII века» [Цит. по 356, с. 158].

По мнению Е. Элбакяна, уже в тот период в определении интеллигенции намечаются два критерия: социально-экономический и социально-этический. Последний берет начало в подходах к интеллигенции народников Л. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, исходящих из того, что интеллигент — критически мыслящая личность, то есть, по их мнению, личность, которая борется за определенные социально-этические идеалы. С социально-экономических позиций к анализу интеллигенции подходил Д. И. Писарев, называвший ее «мыслящим пролетариатом». Данное определение широко использовалось в эпоху распространения марксизма в России [365, с. 28].

Для нашего исследования важным является тот факт, что в российской традиции формируется социально-экономический критерий принадлежности к интеллигенции, что в определенном смысле стабилизирует эту группу в социальном пространстве социума. Уже не просто личностные особенности выступают критерием принадлежности к данной группе, а и социально значимые характеристики, позволяющие объективизировать анализ интеллигенции.

Можно говорить и о том, что в этот период сформировалась общественная потребность в появлении такой формально очерченной группы. «Именно в этот период возникает потребность в такой социальной группе, которая могла бы продуцировать необходимые для поддержания стабильности общества идеи, тем самым сглаживая противоречия между различными общественными группировками, то есть в интеллигенции. Специфика российской интеллигенции состоит в том, что она возникает не в результате длительного и постепенного исторического развития (как это имело место в Европе), а создается царским правительством «сверху». Г. П. Федотов отмечал, что «Петр оставил после себя три линии преемников: проходимцев, ...на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни, государственных людей — строителей империи, и просветителей-западников, от Ломоносова до Пушкина...XVIII в. раскрывает нам загадку происхождения интеллигенции в России» [Цит по 365, с. 33]. Таким образом, интеллигенция как социальная группа формируется в России для исполнения вполне конкретных общественных функций. В качестве ее основополагающих характеристик в тот период выступает универсализм и обращенность к западной цивилизации, образованность.

Акценты на функциональной нагруженности интеллигенции стали основной причиной практически постоянного внимания к ней. На Западе особенно активно стала обсуждаться проблема интеллигенции в начале XX века. Концентрированное выражение эти теории получили в учении К. Маннгейма.

В отечественной же научной мысли интерес к ней ослабел во второй половине 20-х годов XX в. после выхода статьи

С. Я. Вольфсона «Интеллигенция как социально-экономическая категория». Он выделил пять существующих точек зрения на интеллигенцию: интеллигенции как особой социальной группы не существует; интеллигенция принадлежит к различным классам общества; интеллигенция принадлежит к одному классу общества; интеллигенция — самостоятельный класс; интеллигенция — особый слой классового общества, не являющийся, однако, вполне конституированным классом и долженствующий поэтому рассматриваться как межклассовая группировка [Цит. по 243, с. 56].

Особый интерес к проблеме интеллигенции возникает в 60-е годы XX века. В это время наблюдается бурный рост социологических исследований по самой различной тематике, в том числе и по проблемам социальной структуры. Библиографический указатель «Советская интеллигенция. Советская историческая и философская литература за 1968—1977 гг.» содержал 1995 позиций. Однако при кажущемся разнообразии мнений интеллигенция по-прежнему рассматривалась как межклассовая прослойка, то есть в рамках социально-классового критерия. Концепция вызревания при социализме качественно новой социальной структуры, лишенной классового характера (теория социальной однородности советского общества) способствовала тому, что вновь приобретает значение социально-этический критерий — основными признаками интеллигенции назывались образованность и высокие нравственные качества.

Период 70—80-х годов XX века можно охарактеризовать стабильным средним уровнем интереса к феномену интеллигенции, который лежал, в основном, в плоскости ее структуры, черт и характеристик.

Современный же этап развития общественных систем вновь актуализирует данную проблему в связи с изменением качественного состояния общества, перераспределения ключевых ресурсов в нем и изменением роли социальных групп, обладающих этими ресурсами.

Таким образом, ответ на вопрос о корнях понятия «интеллигенция» лежит в далеком прошлом, когда в обществе появились люди, отличающиеся от основной массы населения своими

способностями к пониманию и познанию. Данный факт важен для нас с точки зрения определения потенциальных возможностей интеллигенции для формирования интеллектуальной элиты (ведь сам факт наличия данной группы не только на славянском пространстве еще больше подкрепляет такие возможности, так как в отношении интеллектуальной элиты не существует концепций, ограничивающих ее происхождение и существование каким-либо географическим пространством). При этом условно, в наиболее общем виде, эволюцию ключевых черт, благодаря которым выделялась интеллигенция, мы предлагаем выразить следующим образом (см. рис. 3.5).

		КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	
АНТИЧНОСТЬ		Разумность	Способность понимать
	СРЕДНИЕ	Критичность мысли	
ВЕКА			
XVIII век	Просвещенность		
XIX век	Образованность	Критичность мысли (борьба за социально- этические идеалы)	Положение в обществе (соц.-эк. критерий)
XX век	Образованность	Социально-этический критерий	Социально- экономический критерий (в том числе характер труда и собственности)

Рис. 3.5. Эволюция ключевых параметров выделения интеллигенции в социальной структуре общества

Опираясь на определение интеллектуальной элиты, данное нами в подразделе 3.2, мы можем увидеть, что базой для формирования интеллектуальной элиты интеллигенция становится, прежде всего, благодаря своей образованности и способности критически мыслить.

Наряду с этим наш анализ показывает, что география «жизни» понятия «интеллигенция» весьма широка, и что любое геогра-

фическое пространство (в силу особых исторических факторов существования государства на нем) выделяло в качестве ключевых свои особенные черты интеллигенции, отделявшие ее от других групп в обществе, отвечавших его потребностям, но не делавших данную группу более интегрированной. Именно поэтому, на наш взгляд, следует отказаться от мифа о «славянской природе интеллигенции», что дает нам возможность объективно сопоставлять данную группу с другими социальными группами, в том числе и с интеллектуальной элитой.

Нужно признать, что данный миф весьма распространен не только на постсоветском пространстве. Так, многие исследователи, к числу которых принадлежат Г. Федотов, Н. Бердяев, Д. Лихачев и многие другие, утверждают, что термин «интеллигенция» по своей природе чисто русское явление. Аналогичной позиции придерживается К. Маннгейм. Он также утверждает, что проблема интеллигенции была, вероятно, впервые поставлена в царской России, и ссылается при этом на работы П. Лаврова и Н. К. Михайловского [206, с. 400]. Считается, что до 1914 года большинство европейцев полагало, что интеллигенция – чисто русское явление, что на Западе есть интеллектуалы, а вот интеллигенция определялась в словаре Вебстера следующим образом: «русские интеллектуалы, обычно в оппозиции к правительству». В подтверждение этого надо отметить, что большинство издаваемых в западных странах словарей сопровождают термин «интеллигенция» пометкой «русский». Широко используемое на Западе слово «интеллектуал» совсем не является его эквивалентом. В западном традиционном употреблении «интеллектуал» – понятие в основном профессиональное, что же касается русского интеллигента, та это скорее духовное, нравственное определение.

Европейское происхождение термина «интеллигенция» отстаивают польские исследователи, например, Б. Гэбски, который считает что лишь в культурном пространстве Центральной и Восточной Европы сформировался такой социальный слой, как интеллигенция.

Однако наиболее системное исследование этого понятия, представленное И. И. Осинским [311, с. 67–68], показывает, что

существует несколько версий появления этого понятия. Одни авторы пишут о русском его происхождении, другие — о французском, третьи — о польском. О более раннем, чем в России, употреблении термина «интеллигенция» в Западной Европе свидетельствуют работы К. Маркса, Ф. Энгельса. В 1842 году в ряде статей, известных под общим названием «О сословных комиссиях в Пруссии», К. Маркс более 30 раз использует термин «интеллигенция», «интеллигентность». Нерусское происхождение данного термина подтверждает и специальное исследование этимологии этого слова, предпринятое западногерманским филологом О. В. Миллером. Версия французского происхождения рассматриваемого понятия была выдвинута французским исследователем Р. Дебре, который утверждал, что этот термин родился во французском языке. Его авторство приписывается бывшему директору газеты «Орор» Ж. Клемансо, опубликовавшему «Манифест интеллигенции», что не соответствует действительности. На международной научной конференции, посвященной проблемам интеллигенции (Улан-Удэ, сентябрь 1994 г.), профессор Л. Н. Коган со ссылкой на новые иностранные источники утверждал: термин «интеллигенция» появился во Франции в XVIII в., его употреблял еще Наполеон.

Изучение отечественных и зарубежных источников позволяет нам утверждать, что интеллигенция как социальное явление выходит за национальные рамки. Она как социальная группа является элементом социальной структуры любого цивилизованного общества.

Аналогичного мнения придерживается и Г. Померанц, который утверждает, что со временем процесс «вестернизации» создал и во многих других странах некие аналоги российской интеллигенции [268, с. 9].

Таким образом, отсутствие жестких географических рамок появления интеллигенции, а также идентичность социальных процессов, происходящих в современном мире благодаря глобализации, формированию черт постиндустриального общества, позволяет нам рассматривать процесс взаимодействия (а возможно, и взаимной трансформации) интеллигенции и интеллектуальной элиты.

Современные исследователи рассматривают достаточно большое количество вариантов такой взаимосвязи. Однако для того чтобы показать, что интеллигенция действительно выступает социальной базой формирования социальной элиты, необходимо более четко определиться в сущности интеллигенции. Решение данной задачи состоит скорее в систематизации тех работ, которые уже сделаны исследователями в направлении достижения нашей цели — демонстрации взаимосвязи интеллигенции и интеллектуальной элиты.

Говоря об этимологии термина «интеллигенция», обычно опираются на латинские корни слова: *intelligens* (понимающий, знающий, умный) или *intellectus* (познание, понимание, рассудок). Как отмечают ученые, «до конца XVIII века латинское слово «*intelligens*» означало особый вид разумности. Этот смысл сохранился в английском «*intelligence*», «*Intelligence Servis*» — вовсе не «служба интеллигентности», а «служба понимания обстановки», внешняя разведка. В разных контекстах «*intelligence*» означает разум, разумность, понимание, понятливость» [268, с. 7].

В русском языке понятие «интеллигенция» имело множество смысловых и оценочных значений, отражавших историческую и социальную обстановку, в которой оно возникало и входило в обиход. Польские исследователи проследили происхождение слова «интеллигенция» из латинской лексики и сменяющееся употребление его в философском, психологическом и социологическом значении. В философском значении его знали в России еще «любомудры» 20-х годов XIX века. В значении органа психического восприятия оно соответствовало и было точным переводом французского *intelligence* (ум, разум). В таком значении его применял и Герцен в 1851 году («О развитии революционных идей в России») и др.

По мнению Е. В. Астаховой, было в российской трактовке интеллигенции и общечеловеческое содержание — важность для любого общества кристаллизации наиболее мыслящих и честных элементов. Поэтому термин (*intelligentsia*, «интеллидженция») постепенно начинает проникать в другие языки. В конце 20-х годов XX века Оксфордский словарь определял его как «часть

нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению (русск.)» [23, с. 17–31].

На наш взгляд, попытки определить сущность интеллигенции до первой четверти XX века включительно напоминали общие интеллектуальные размышления, основанные на собственном видении (или ощущении) данной группы. И эти размышления выступали своеобразным индикатором принадлежности к интеллигенции, что можно проинтерпретировать как становление ее общего группового сознания.

В рамках этого процесса, который можно условно обозначить как этап «размышлений об интеллигенции», исследователи отмечают многовекторность. Например, Лейкина-Свирская утверждает, что в 60-х годах XIX в. под интеллигенцией подразумевался высший образованный слой общества, а также чиновники, представители административной власти. В таком смысле это слово употреблено в 1865 году в дневнике министра внутренних дел П. А. Балуева и в дневнике профессора литературы и цензора А. В. Никитенко. Это значение слова «интеллигенция» бытовало десятки лет. Рабочий И. Б. Бабушкин в «Искре» зачислял в состав «интеллигенции с клеймом известного образования: станowego, исправника, следователя, попа, помещика, чиновников, земских начальников, офицеров...».

В либеральных кругах слово «интеллигенция» имело свое звучание. Здесь ударение падало прежде всего на образованность. Интеллигенцией считались люди «свободных профессий», борники буржуазного либерализма, сторонники и проповедники легальных и постепенных форм развития. Интеллигенция рассматривалась как прогрессивный цвет нации, как наиболее ценный и активный слой общества. «Задача учащейся молодежи состоит в увеличении объема русской интеллигенции», — писал, например, А. Д. Градовский.

Иное значение получило понятие об интеллигенции в революционно-демократическом лагере. Здесь с ним соединялась не только образованность, с ним ассоциировалось, прежде всего, демократическое мировоззрение.

В начале 80-х годов XIX века, когда уже ясно обозначилась неудача многих попыток пробудить революционную активность крестьянских масс, демократическая печать вновь и вновь заявляла об особых качествах и особых общественных задачах передовой интеллигенции в России [184, с. 4–7]. Н. К. Михайловский в это время дал такое определение интеллигенции: это люди, профессионально занимающиеся наукой, искусством, публицистикой, оторванные от народа слепым историческим процессом, но «сердце и разум» которых с народом. Он писал «Мы — интеллигенция, потому что мы многое знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой». В данном случае в определении эмоциональное доминирует над логическим [Цит. по 243, с. 54]. Схожие определения давали П. Лавров, Ф. Денисенко, В. Иванов-Разумник. Так, для П. Лаврова интеллигент — критически мыслящая личность. Он же утверждал, что этой «критически мыслящей личностью» может быть далеко не каждый образованный человек, среди которых немало и «дикарей высшей культуры» [Цит. по 279, с. 39]; что прогресс общества ставится в прямую зависимость от действий этой интеллигенции. «Обществу угрожает опасность застоя, если оно заглушит в себе критически мыслящие личности» [204, с. 25]. При этом очевидно, что принадлежность к интеллигенции означает не особое место в социальной структуре общества, а особое качество личности.

Р. В. Иванов-Разумник, отвергая социально-экономический оттенок в содержании интеллигенции как абсурдный, отмечает, что интеллигенция представляет собой группу социально-этическую. «Принято интеллигентом считать всякого образованного человека. Но это абсурдно. Никакие дипломы не сделают еще сами по себе «образованного» человека интеллигентным» [130, с. 11]. «Наоборот, подчеркивает он, к интеллигенции могут одинаково принадлежать и физические и умственные рабочие, и «культурные» и «некультурные» люди, и ученые-профессора, и полуграмотные рабочие, если все они удовлетворяют некоторому социально-этическому критерию». И далее: «интеллигенция есть этически — антимещанская, социологически — внесловная, внеклассовая, преобладающая группа, характеризующаяся творчеством

новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности» [130, с. 23].

Итак, в основе народнического понимания интеллигенции лежал социально-этический критерий. Из него исходил и В. И. Даль во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» (1881), и автор соответствующей статьи в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Согласно такому подходу к пониманию интеллигенции, интеллигентами считались люди, достигшие высокого уровня умственного развития и определенных знаний, но не образующие никакой социальной группы и не относящиеся ни к какому классу. Интеллигенция – внеклассова, надклассова, сверхклассова. Такого мнения придерживались также Н. А. Бердяев, М. И. Туган-Барановский, Р. В. Иванов-Разумник и др. Однако эта внеклассовость определяла разнородность интеллигенции, ее разнохарактерность, которая по-прежнему проявлялась в персонифицированном ее восприятии. Так, Н. А. Бердяев в качестве одного из признаков интеллигенции видел отщепенчество, кружковую замкнутость и утилитаризм. С. Н. Булгаков основной чертой называл космополитизм, П. Б. Струве – безрелигиозность и атеизм, М. О. Гершензон – эгоизм и безликость. С. Л. Франк показывал чуждость интеллигенции русской литературе и ее морализм. Наконец, А. С. Кистяковский, отмечая правовой нигилизм интеллигенции, прямо отождествлял ее с бюрократией [47, с. 29; 66, с. 76, 86, 126, 136; 322, с. 157; 344, с. 162]. При этом даже затруднительно определить соотношение позитивного и негативного полюсов в восприятии и интерпретации черт интеллигенции.

Действительно, если народники поэтизировали интеллигенцию, считали деятельность ее героической, подвижнической, то явные и неявные сторонники «этического социализма» чаще вкладывали негативный смысл в определение интеллигенции. Петр Струве писал: «Мы разумеем под интеллигенцией... даже не «образованный класс» [322, с. 138]. «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» [322, с. 139]. И он же отмечает, что «русская

интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс» и разные в нем направления» [322, с. 151].

Пожалуй, именно в начале XX века интеллигенция приобрела не только культурно-образовательно-этические смысловые нагрузки, но и идейно-политические, которые связываются, по нашему мнению, с той ролью, которая ожидалась от данной группы. В этом смысле, по точному замечанию Г. П. Федотова, «интеллигенция — категория не профессиональная, а идейная». Русская интеллигенция, полагал он, всегда служила идеалу, включающему и личную этику, и общественное поведение, — идеалу, практически заменяющему религию [Цит по 311, с. 63]. С социологической точки зрения для нас важен этот факт в связи с тем, что в первой четверти XX века сформировалась не столько некоторая группа, именуемая интеллигенцией и осознающая себя таковой, сколько социальные ожидания от данной группы. Причем потенциал реализации данных ожиданий лежит в плоскости обладания представителями интеллигенции рядом культурно-личностных, мировоззренческих, религиозно-духовных, этико-психологических признаков.

Однако исследователи, например, Е. Элбакян, выделяют еще ряд подходов к определению интеллигенции. Один из них нашел свое отражение в точке зрения, согласно которой интеллигенция не образует отдельной социальной группы, но ее представители относятся к различным классам общества. Например, М. И. Туган-Барановский, известный экономист, не признавал работников умственного труда особым классом. По его мнению, «деятельность умственных работников «не хозяйственная», стоит вне экономического процесса присвоения прибавочного продукта; им не противостоит антагонистический класс» [334, с. 423].

Еще один подход к определению интеллигенции предполагает ее принадлежность лишь к одному из классов в качестве составной его части. Чаще всего таким классом оказывается либо мелкая

буржуазия, либо пролетариат. Подобных взглядов придерживались Н. Добролюбов и И. Писарев. Этот же подход разделялся и представителями некоторой части марксистской и социал-демократической интеллигенции, полагающими, что интеллигенты — это «пролетарии умственного труда» (А. Луначарский).

Отдельная точка зрения на интеллигенцию основывается на рассмотрении ее как особого класса капиталистического общества на стадии империализма. Эту точку зрения разделяли Н. Бухарин, А. Изгоев (Ланде), А. Вольский-Махаевский, Е. Лозинский. Интеллигенция, по их мнению, — это особый господствующий класс, все более усиливающийся и подчиняющий себе все сферы жизнедеятельности общества. Так, А. Изгоев, пытаясь «доработать» незавершенное Марксом определение общественных классов, признал особым, четвертым классом класс умственных работников. Из этого класса он выделял «социальную группу» интеллигенции, основным признаком которой ему представлялся «элемент учительства».

Е. Лозинский и А. Вольский трактуют интеллигенцию как новый эксплуататорский класс. «Интеллигенция, — делает вывод Е. Лозинский, — понимаемая как класс умственных работников, есть новая, растущая общественная сила, эксплуататорская по своей социологической природе, хищническая по своим стремлениям, искусно и методически борющаяся за свое социальное возвышение и подготавливающая тем самым в грядущем свое самодержавное классовое господство» [Цит. по 204, с. 31].

Интеллигенты, согласно предлагаемой А. Строниним теории политической стратификации российского общества, — это «представители труда нервного, работники умственные». Интеллигенция же является и наиболее политическим общественным классом, поскольку в силу особенностей разума реализует функции новаторства в области политического знания и, в конечном счете, агитацию за его претворение в жизнь.

Схожего мнения придерживались и социал-демократы. Так, К. Каутский считал, что умственный труд становится привилегией особого класса — интеллигенции. При капитализме этот слой растет и захватывает сферы умственной деятельности, которые

были привилегией эксплуататоров. Вырастает бюрократия, и «интеллигенция» составляется из ее потомства. Марксисты в лице В. И. Ленина и его соратников — В. Воровского, А. Луначарского и др. — при определении интеллигенции исходили из социально-классового критерия, рассматривая ее как прослойку с неопределенными экономическими интересами, занимающую подчиненное положение по отношению к ведущим классам общества. Эта концепция, по мнению Орлова, исключала рассмотрение интеллигенции в качестве субъекта политического действия [243, с. 55].

Согласно С. Я. Вольфсону, интеллигенция как социально-экономическая группа «представляет собой междуклассовую промежуточную — между пролетариатом и мелкой буржуазией — группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии» [Цит по 365, с. 30–31]. Он считал, что наряду с интеллигенцией как особой социальной группой, в каждом классе существуют «интеллигентские прослойки», состоящие из «интеллигентных (умственно-квалифицированных) членов данного класса».

Таким образом, приблизительно до середины XX века сформировался ряд направлений, в рамках которых были предприняты попытки «формализации» интеллигенции. Все они, по мнению американского социолога Ч. Кадушина, условно сводились к тому, что к интеллигенции относили тех, кто: 1) интересовался общественными делами; 2) чувствовал ответственность за решение важных государственных проблем; 3) заботился о развитии общественного мнения по политическим, социологическим и нравственным вопросам; 4) чувствовал обязанность совершать в жизни то, о чем мечтал [392, р. 3–4].

Следует признать и тот факт, что подавляющее большинство попыток определить интеллигенцию носили несистематический и ненаучный характер. Они, на наш взгляд, стали свидетельством формирования некоторой группы людей, чьи ресурсы в процессе движения по пути жизненного успеха несколько отличались от ключевых ресурсов других социальных субъектов. При этом, по видимому, исследователи интеллигенции до середины XX века в большей степени интуитивно улавливали эти отличия, и, следует

признать, связывали их скорее с личностными особенностями представителей интеллигенции, нежели с социальными институтами, формирующими и поддерживающими социальные группы.

Поскольку, как было показано выше, в это время в западных странах также проходили процессы перераспределения ключевых ресурсов, в результате чего активно выдвигалась на первый план группа интеллектуалов, а понятие «интеллигенция» являлось к тому времени широкоупотребляемым, это дало возможность современным исследователям проводить некоторые аналогии между новыми сформировавшимися группами: обе были хорошо образованны, обладали достаточно критичным мышлением и т. д. Это дает возможность и нам говорить об их взаимосвязи. Однако обязательным, с социологической точки зрения, является выделение эмпирически фиксируемых характеристик социальных групп, что предполагает уход от интуитивных трактовок интеллигенции.

Такой уход происходит ближе к середине XX века и его второй половине. Именно тогда происходит оформление и разделение социологического и культурологического подходов к определению интеллигенции. Первый – социологический – подход основан на формальных, прежде всего, социально-экономических признаках интеллигенции (например, В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова, В. Лейкина-Свирская, М. Руткевич, П. Амелин, Л. Семенова, В. Беленький и др.). В соответствии с этим подходом, «интеллигенция объективна, и ее определение не может включать в себя никакие субъективные признаки. Интеллигенция – социальный слой людей профессионального умственного труда высокой квалификации, требующего специального образования и выполняющего наиболее сложные общественные функции» [39, с. 120].

Среди работ, в которых в таком контексте рассматривается проблема интеллигенции, центральное место занимает анализ закономерностей формирования и деятельности советской социалистической интеллигенции. Здесь, в первую очередь необходимо назвать работы П. П. Амелина, Г. М. Андреевой, Ю. В. Арутюнян, В. И. Астаховой, Л. С. Бляхмана и О. И. Шкаратана, М. Е. Добрускина, С. А. Кугеля, М. Н. Руткевича, Ф. Р. Филиппова, С. А. Федюкина и др. В них обосновывается выделение

интеллекции в социально-экономическую группу, рассматривается специфика становления ее как народной интеллекции в социалистическом обществе, наглядно показывается общность ее интересов с интересами рабочего класса и колхозного крестьянства, подчеркивается роль в социалистическом и коммунистическом строительстве. Авторы этих работ отличительным признаком интеллекции считают квалифицированный умственный труд.

Представители данного подхода рассматривают понятие интеллекции как социально-экономическую категорию, характеризующую определенную социальную группу, состоящую из людей, профессионально занятых умственным трудом, для которых этот труд выступает единственным источником дохода. Также в качестве ведущих признаков интеллекции в рамках социологической ее интерпретации рассматривается уровень образования, а также учитывается тот факт, что интеллекция выполняет особые функции в обществе.

Однако в рамках социологического подхода к пониманию интеллекции нет единства. Так, П. П. Амелин считает, что «профессиональный умственный труд для интеллигентов — не побочная, а основная сфера их жизнедеятельности. Прежде всего, в этой сфере проявляются их склонности и дарования, вырабатываются их творческие устремления и социальные идеалы, происходит формирование и самоутверждение их как личностей» [8, с. 47—48]. В рамках этой точки зрения исследователи убеждены, что умственный труд для определения социальной границы интеллекции еще долгое время будет оставаться как важнейший признак этой большой социальной группы. Однако уже сейчас необходимо учитывать глубокие качественные изменения, которые произошли в течение последних десятилетий. «Прежде всего, в условиях научно-технической революции преимущественно умственным трудом занимается все больше представителей рабочего класса. Труд значительной части его профессиональных групп требует относительно высоких технических и научных знаний в объеме техникума или вуза» [143, с. 85]. Как отмечают в этом плане К. Г. Барбакова и В. А. Мансуров, «научно-технический

прогресс настолько увеличил разброс видов умственного труда — от уникально-творческого до рутинно-подсобного (учетчицы без специального образования), что у социологов, имеющих дело с вычленением определенных социальных групп и точным количественным анализом, возникла необходимость конкретизировать определение интеллигенции, указав на ее особое место в структуре работников, обслуживающих духовную жизнь общества» [204]. Поэтому понятие «умственный труд» в общем виде не может служить единственным показателем отнесения тех или иных представителей к группе интеллигенции.

Однако игнорирование данного критерия также невозможно. Поэтому предлагается использовать, например, определение критерия труда интеллигенции, которое предложил Антонио Грамши, отрицавший особую «сущность интеллектуальной деятельности». В действительности, полагал А. Грамши, не существует «неинтеллигенции». Различие между интеллигентами и неинтеллигентами обнаруживается только там, где интеллигент-профессионал выполняет свою социальную роль, в которой центр тяжести падает на интеллектуальную работу, а не на нервно-мускульное усилие. Грамши считал, что единый критерий для характеристики всех видов деятельности интеллигенции и вместе с тем для установления существенных различий между этой деятельностью и деятельностью других социальных группировок надо искать в совокупности системы общественных отношений.

Неоднозначность критериев выделения интеллигенции в рамках социологической традиции не ограничивается сомнениями в отношении умственного труда. Аналогичные сомнения высказываются и в отношении уровня образования и квалификации. Так, В. Мансуров утверждает, что «уровень образования является исторически обусловленным, поэтому выступая на первых этапах формирования интеллигенции в качестве существенного индикатора отнесения к ней лиц, обладающих дипломом высшего учебного заведения, в процессе развития научно-технической революции... этот признак может использоваться только в сочетании с другими» [204, с. 36]. Кроме того, по мнению В. Лейкиной-Свирской, «надо помнить, что образовательный ценз является

признаком формальным (аттестат, диплом, звание). Предметное содержание образования в разные исторические периоды различно. Изменяется также общественная оценка разных видов образования и суждение о том, что считать образованностью. Кроме того, в образовании огромную роль играет самостоятельный труд...» (что для нас имеет принципиальное значение в условиях становления и развития в Украине системы непрерывного образования). «Уровень профессиональной квалификации также не является достаточно определенным критерием интеллектуального труда. В этом вопросе существует много неясностей. В ряде случаев профессиональная квалификация является простым усвоением известных умственных навыков» [184, с. 16].

Таким образом, большинство критериев, предложенных в рамках социологического подхода к определению интеллигенции, носят дискуссионный характер, сохраняя стабильность лишь за особыми функциями, выполняемыми данной группой. В результате можно привести примеры определения интеллигенции, рожденные в рамках социологической традиции с учетом спорных моментов внутри нее. Так, в середине 50-х годов XX века Я. Щепаньский предложил социологическую модель, в соответствии с которой к интеллигенции следовало бы отнести всех специалистов с высшим и средним специальным образованием (критерий образовательного ценза), вкладывающих в свой труд индивидуальные творческие и интеллектуальные усилия (критерий творчества). Данная совокупность дальше классифицируется им по типу выполняемых в обществе функций – (место в общественном разделении труда), в связи с чем выделились «творцы культуры» (научные работники, литераторы, актеры, художники, музыканты, архитекторы и т. д.); «организаторы социальной и экономической жизни» (инженеры, техники, работники гостиниц, функционеры госадминистрации); «эксперты» (терапевты, стоматологи, фармацевты, учителя, духовенство, сельхозспециалисты, работники издательств). Российский исследователь Мансуров предлагает понимать под интеллигенцией «закономерно возникший с развитием капиталистических общественных отношений социальный слой, представляющий собой совокупность

людей, профессионально занятых производством, воспроизводством и распространением духовно-культурных продуктов, а также исполняющих организационно-управленческую функцию в духовном и материальном производстве, для которых вся эта деятельность выступает единственным источником существования» [Цит. по 204, с. 34].

В результате социологический подход к пониманию интеллигенции дает нам возможность утверждать, что данная группа может выступать социальной базой для формирования интеллектуальной элиты благодаря своим ключевым признакам: занятости в сфере умственного труда, уровню образования и квалификации, а также ряду функций, выполняемых ею в обществе. Однако следует отметить, что данные характеристики позволяют рассматривать интеллигенцию только как среду, из которой происходит рекрутирование интеллектуальной элиты, но не позволяют отождествлять их.

Развитие современных обществ все больше видоизменяет значимость обозначенных выше (социологических) характеристик интеллигенции, придавая ей все более размытый и массовый характер. Поэтому необходимо обратиться ко второму подходу в определении интеллигенции — культурологическому. Он ставит на первое место неформальные, идейно-нравственные признаки. На наш взгляд, именно этот подход был исторически первым в попытках определить интеллигенцию; именно нравственно-этические, культурологические признаки изначально провозглашались как главенствующие в данной среде.

В XX веке эта традиция также была продолжена. Например, Д. Неттл считает, что адекватное представление об интеллигенции может быть выработано на путях анализа социальной базы новых социально-критических идей. «От определенных типов идей к определенным категориям носителей идей» — такова логика концепции Д. Неттла. В связи с этим он, подобно Ж.-П. Сартру, хотя и на несколько иных основаниях, предлагает строго различать «ученого» и «интеллектуала» как носителей различного рода идей. Все хоть сколько-нибудь новые критические идеи, считает Д. Неттл, родились вне стен университетов и академий. Поэтому

под интеллигентом он разумеет далеко не всякого творца новых идей и теорий, но творца социально-критических идей, имеющих широкий общественный резонанс. Интеллигент в его понимании противопоставлен не только системе официального знания, но системе официальных учреждений и социальных институтов, в лоне которых такое знание продуцируется.

На критичность как личностную характеристику обращает внимание и один из крупнейших экономистов XX столетия Й. Шумпетер. Пытаясь объяснить природу критичности «процветающего» буржуазного интеллигента, Й. Шумпетер связывает ее с особыми свойствами ума, выработанными в ходе профессиональной деятельности. Данная позиция отличает его от позиций Ж.-П. Сартра, Д. Неттла, Э. Ноймана, искавших корни критичности интеллигенции во внепрофессиональной деятельности. С точки же зрения Й. Шумпетера, это качество интеллигенции выработалось благодаря «филологическому критицизму» литераторов, направлявшемуся преимущественно на интерпретацию содержания изучаемых текстов. «От критики текста — к критике общества», таков, по Й. Шумпетеру, путь формирования социального критицизма интеллигенции. В целом же, в концепции Й. Шумпетера были заложены основания для последующей интерпретации критичности интеллигента как особого «склада ума» «человека идеи», например, у Р. Хофштадтера, Л. Козера и некоторых других исследователей.

В культурологической традиции интеллигенция рассматривается и как «свободно парящая» группа, как среда, в которой «возникают, сталкиваются и разбиваются друг о друга самые различные мнения» (К. Маннгейм); как «люди воздуха» (Г. Поменранц) и др. Здесь интеллигенция выступает чем-то неуловимым, образ ее отличен от определенности социальной группы; «это не просто иное, но — «инаковое», «инобытийное» даже в своих вещных проявлениях; интеллигент — человек-протей, постоянно меняющий свой облик, способный на неожиданные поступки, на «оборотничество», способный вынашивать и изнашивать свои убеждения. В стабильном обществе интеллигент — это существующий рядом «другой» мир, альтернатива бытию, зыбкий, опасный, призрачный» [152, с. 75].

В рамках культурологического подхода выкристаллизуется такое качество интеллигенции, как интеллигентность. Сам факт такого вычленения, по нашему мнению, становится «связкой» между социологическим — объективизированным и культурологическим — субъективизированным подходом к анализу интеллигенции. Ведь качество интеллигентности, с одной стороны, выступает характеристикой личности, а с другой — формируется с помощью социальных институтов семьи, образования и т. д.

Итак, интеллигентность рассматривается как духовное качество (или система этических норм и образа жизни), интегрирующее в себя гражданственность, совесть, порядочность, доброту, честность, скромность, благородство, трудолюбие, умение понять другого человека [297, с. 47]; чуткость к духовным проблемам, глубина эрудиции, обостренное чувство совести [268, с. 14]; желание понять другого человека, желание понять, что он имеет право быть другим, что он не должен быть таким, как я, что он мне интересен, потому что он другой... [194, с. 43] и т. д.

Однако интеллигентность как качество личности значимо и в рациональном плане. Ведь, как отмечает В. Мансуров, «интеллигентность не представляет собой еще одно нравственное качество наряду, например, с честностью, ответственностью, добротой, а является показателем определенного уровня развития этих качеств. Сам термин «интеллигентность» (лат. *intelligens, intelligentis* — понимающий, разумный) свидетельствует о том, что интеллигентность выступает как рациональный аспект нравственных качеств, то есть предполагает взаимодействие знаний и убеждений личности, представляет собой определенную степень ее нравственной зрелости» [204, с. 26]. Это качество мышления, безупречность в поступках, ощущение себя человеком по отношению к любому другому человеку, способность поставить себя на место другого человека. Интеллигентность есть ни что иное, как сплав умственной и нравственной культуры [356, с. 159–160]. В свое время академик Д. С. Лихачев говорил: «...нельзя притвориться интеллигентным. Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец, ... но интеллигентным — никогда».

В результате очевидно, что интеллигентность и интеллигенция — однокоренные слова от латинского *intelligentia*, означающего понимание, познавательная сила, знание; *intelligens* — умный, понимающий, знающий, мыслящий. Однако различают интеллигенцию как социальный слой и интеллигентность как культурно-личностные свойства человека. Объективная принадлежность человека к социальному слою, называемому интеллигенцией, не всегда субъективно подтверждается интеллигентностью, не всегда соответствует его культурно-нравственным качествам [297, с. 48]. Это дает возможность говорить об интеллигентности как показателе высокого уровня нравственной зрелости для характеристики представителей различных социальных групп.

Для реализации нашей цели этот вывод является достаточно важным, так как свидетельствует о возможности «размывания» интеллигенции с культурологической точки зрения. И при этом для анализа интеллектуальной элиты, как отмечалось нами ранее, важно адекватно представлять соотношение интеллигентности и интеллектуализма, которое тоже не является однозначно определенным. Например, Карл Лиунгманн, анализируя понятие «интеллигентность», фактически отождествляет его с понятием «интеллект». Он пишет, что введением этого понятия психология обязана Францу Гальтону, а когда говорит о генетической обусловленности способностей, измерении их, то есть рассматривает способы анализа интеллекта, определяет их понятием «интеллигентность».

Аналогичное употребление понятий «интеллигентность» и «интеллектуализм» как синонимов характерно для многих авторов. Согласимся с В. Мансуровым, который утверждает, что «интеллектуализм (от лат. *intellectus* — ум, рассудок, разум) предполагает определенную степень развитости умственных способностей человека, соответственно интеллектуалы — это люди, занимающиеся определенной умственной деятельностью (не обязательно профессиональной). «Интеллигентность» же является категорией духовно-нравственной и характеризует такие качества человека, как умение понимать закономерности развития личности и общества, качества, определяющие, обеспечивающие и направляющие действия человека на благо человеку и обществу»

[204, с. 26]. Благодаря этому категории интеллигенции и интеллектуальной элиты отличаются друг от друга (о чем еще будет идти речь далее более подробно).

В целом, по мнению исследователей интеллигенции, «если отталкиваться от культурологического подхода (в основе которого лежит понятие «интеллигентности», «интеллектуальности»), то ситуация становится еще запутаннее, так как операционально, на эмпирическом уровне невозможно выделить эту социальную группу» [205, с. 97].

Таким образом, на современном этапе развития общества становится проблематичным использование одного из подходов — социологического или культурологического — к определению интеллигенции в силу размытости или объективного видоизменения тех критериев, которые предлагались для ее вычленения.

Наше исследование (9) показало, что по-прежнему социологические и культурологические характеристики интеллигенции представляют собой две «чаши весов» в описании данной группы (см. рис. 3.6).

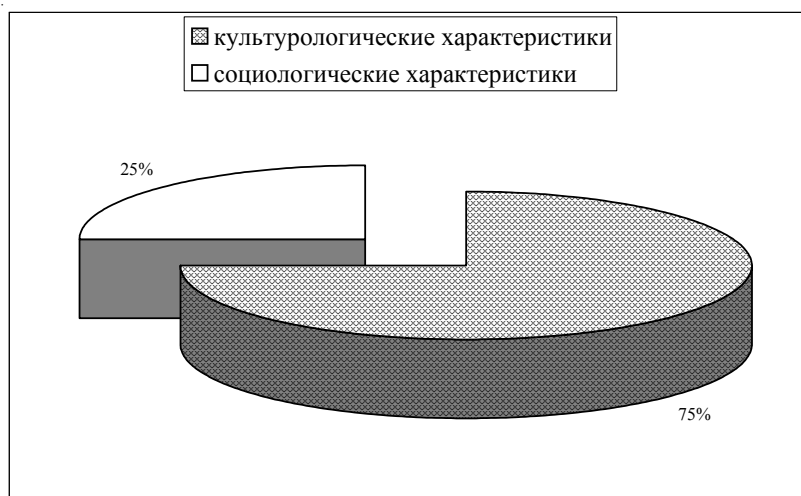

Рис. 3.6. Соотношение социологических и культурологических характеристик в определениях интеллигенции

Так, из 45 качеств, выделенных нами из определений интеллигенции, подавляющее большинство (39) представляют именно те из них, которые предлагаются в рамках культурологического подхода. Однако интенсивность их присутствия в определениях невысока. В результате лидирующая пятерка характеристик, приписываемых интеллигенции, выглядит следующим образом:

1. Высокий уровень образования – 15%.
2. Озабоченность проблемами общества – 7,3%.
- 3-4. Умственный характер труда – 6,3%.
- 3-4. Духовность – 6,3%.
5. Нравственность – 5,3%.

В результате, на наш взгляд, отделить один подход от другого в интерпретации интеллигенции полностью не представляется возможным. Поэтому и появились в постсоветской обществоведческой мысли интегрированные определения интеллигенции. Например, Е. Элбакян считает, что «интеллигенция – социальная группа, которая занимается умственным трудом, отличается высоким образовательным уровнем и творческим характером своей деятельности, проявляющимся в привнесении личностно-индивидуального начала в эту деятельность, производит, сохраняет и несет в другие социальные группы общечеловеческие ценности и достижения мировой культуры, обладает специфическими психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами. Последнее можно назвать интеллигентностью» [365, с. 32].

Большое внимание определению понятия «интеллигенция» уделяет Л. Я. Смоляков. В частности, он вводит в него новые факторы. Интеллигенцией в собственном смысле слова он предлагает считать не просто специалистов с высшим и средним специальным образованием, а «таких работников умственного, духовного труда, которые возвышаются до самосознания своего творческого назначения и реализуют его в предметных формах всеобщего культурно-исторического процесса» [296 с. 57].

По мнению Покровского, «в самом общем виде можно сказать, что интеллигенция – это особый общественный слой, большая группа, главное занятие которой состояло и состоит

в умственном труде, рассматриваемом в широком нравственном контексте, и для которой нравственные поиски стали своего рода социальной предназначенностью (не рискуя употребить слово «функцией»)» [267, с. 9].

Данный факт констатирует и Н. Н. Саппа: «С одной стороны, интеллигенция является, по определению А. Луначарского, «классом профессиональных идеологов», который составляют те, кто зарабатывает на жизнь, внедряя и (или) разрабатывая социальные технологии, направленные на изменение социального объекта в соответствии с заранее заданными (заказанными) ему параметрами: школьный учитель, ревностно следующий утвержденной программе, имиджмейкер, партийный работник, чиновник и др. С другой стороны, к гуманитарной интеллигенции относятся и те, кто определяет самостоятельно направление и качество своей деятельности, исходя из чувства долга, совести, опираясь на собственные этические принципы» [292].

И. Осинский отмечает, что в современной литературе интеллигенция в своей сущности трактуется как: а) группа лиц, обладающих определенными духовно-нравственными личностными качествами; б) категория лиц, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом и обладающих общепринятыми духовно-нравственными качествами.

Во втором определении естественным образом соединились социальные, этико-нравственные, интеллектуальные и культурные характеристики. «В нашем понимании интеллигент — это не только и не просто специалист, обладающий определенной профессией, но и человек, характеризующийся развитым интеллектом, самосознанием, высокой культурой и нравственностью, то есть обладающий качествами интеллигентности. Иметь диплом — не значит быть интеллигентом. Прав Р. Иванов-Разумник, писавший, что «никакие дипломы не делают еще сами по себе образованного человека интеллигентным» [245, с. 5–6].

В результате, по точному замечанию Р. Пайпса, у термина «интеллигенция» множество значений, которые сводятся к двум основным. В широком и узком смысле этого слова. В широком смысле этот термин относится к той части образованного класса,

которая занимает видное общественное положение и напоминает тех, кого французы зовут «les notables».

В узком же значении интеллигенция максимально приближается к аналогичным группам западного общества и к исследуемой нами интеллектуальной элите. Однако многое в том, что их объединяет и разнит, связано с проблемой становления самосознания интеллигенции. Процесс ее становления, по оценкам ученых, не представляет собой единовременный исторический акт, а является длительным. Начавшись в 70-х годах XIX века, он фактически еще не закончился и сегодня. А это, по нашему мнению, выступает свидетельством потенциальных возможностей интеллигенции выступать социальной базой других социальных групп, в том числе и интеллектуальной элиты.

Наиболее широкие возможности дает в этом плане принадлежность интеллигенции к категории работников умственного труда. Это «социальная категория людей, профессионально занимающихся умственным трудом и работающих в сфере материального и духовного производства... Работникам умственного труда присущи такие социально-психологические особенности, как стремление к повышению уровня образовательной подготовки и своей квалификации, стремление к творческой работе, к выявлению своих индивидуальных задатков, многообразие интересов, широкий кругозор» [297, с. 138–139].

Выделение группы работников умственного труда исторически стало возможным благодаря разделению труда в эпоху рабовладельческого общества. Капиталистический же строй расширяет границы применения умственного труда настолько, что «функции его уже не могут выполняться только за счет интеллектуальной части господствующего класса. Более того, функции умственного труда становятся настолько общественно необходимыми и общезначимыми, что создаются массовые профессии умственного труда, исполнители которых могут существовать за счет данной профессии. Только тогда возникает определенная социальная группа людей, профессионально занимающихся умственным трудом в рамках духовного и материального производства, для

которой он служит единственным источником существования. Эту группу называют интеллигенцией» [204, с. 56].

В результате категория работников умственного труда шире понятия интеллигенции. «Интеллигенция – это наиболее квалифицированная часть работников умственного труда. Критерием выделения интеллигенции из этого слоя является степень сложности умственного труда» [143, с. 88].

Интеллигенцию также отличают от социального слоя служащих-неспециалистов, состоящего из работников малоквалифицированного и неквалифицированного труда обслуживания. Однако данный факт, как показал анализ литературы, также является спорным. Несмотря на то что ученые пришли к выводу о том, что «в общей массе работников умственного труда необходимо выделять как интеллигенцию, так и служащих-неспециалистов, занятых исполнительским трудом обслуживания..., а следовательно, использование термина «интеллигенция» для обозначения всего слоя лиц преимущественно умственного труда в принципе допустимо и оправдано, хотя правильнее и точнее определять данный слой как «интеллигенция и служащие» [16, с. 16], некоторые исследователи, например, Л. К. Ерман, не делают никаких различий между интеллигенцией и служащими.

На наш взгляд, указанные отличия существуют, и именно они позволяют говорить о том, что интеллигенция (в том числе и служащие-специалисты), а не служащие-неспециалисты могут составлять социальную базу рекрутирования интеллектуальной элиты. Данный факт обусловлен самим уровнем сложности интеллектуального труда (и соответственно, необходимым для этого уровнем образования) и характером результатов деятельности этих групп.

В этом аспекте важно также, что категория «служащие» в отечественной социологии относилась к работникам нефизического, умственного труда, получающим фиксированный заработок (зарплату или жалованье), в том числе части интеллигенции, работающей по найму, за исключением лиц свободных профессий. В английском языке наиболее адекватным такой интерпретации является понятие «*service class*», введенное Р. Дарендорфом.

Существуют и более узкие обозначения — employee, clerk, official, servant и другие, которые не обязательно предполагают наличие у этих групп служащих высшего или среднего специального образования [319, с. 48].

В свою очередь, понятие «специалист» (specialist), которое мы считаем необходимым относить к такой части интеллигенции, как служащие-специалисты, иногда употребляется в том же значении, что и «эксперт» (expert). Это подразумевает не просто обладание формальной сертификацией знаний, но и компетентностью, подтвержденной практикой, достаточно продолжительной профессиональной специализацией в какой-то области.

Таким образом, интеллигенция как подотряд работников умственного труда рассматривается нами в качестве базы рекрутирования интеллектуальной элиты. Однако, учитывая массовый характер первой группы и немассовый характер второй, речь в данном аспекте скорее должна идти о некоторых группах внутри интеллигенции, что предполагает хотя бы беглый анализ ее структуры.

На наш взгляд, необходимо отметить многолетние исследования проблем интеллигенции в данном направлении коллективом под руководством В. Ф. Сбытова, результаты которых были опубликованы в монографии «Социальное развитие советской интеллигенции». В этой работе нам интересен взгляд на интеллигенцию как на сложную структуру, состоящую из различных социально-профессиональных групп. Используя такой критерий, как характер труда в системе общественного производства, авторы выделяют целый ряд социально-профессиональных отрядов интеллигенции:

— инженерно-техническая интеллигенция: инженерно-технические работники (ИТР), экономисты, бухгалтеры, занятые в сфере промышленного и строительного производства, транспорта, связи, специалисты сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветврачи и т. д.);

— научно-техническая интеллигенция: ученые (кандидаты, доктора наук, профессора, члены-корреспонденты, академики), работающие в области технических, естественных и общественных

наук, научные работники без ученой степени, инженеры, техники научно-исследовательских институтов, научных учреждений, научных проектно-конструкторских организаций, преподаватели и сотрудники вузов, ведущие научно-исследовательскую деятельность, аспиранты, работники заводской науки (научно-производственных объединений и научно-технических комплексов);

— медицинская интеллигенция: врачи, провизоры, фельдшеры, медицинские сестры, работники медицинских лабораторий, санитарных служб, санитарно-физической культуры;

— педагогическая интеллигенция: воспитатели дошкольных учреждений, учителя всех типов общеобразовательных школ, производственно-технических училищ, преподаватели средних специальных и высших учебных заведений, не ведущих научную работу;

— управленческая интеллигенция: работники центральных, региональных и местных органов государственного и хозяйственного управления, центральных и местных советских, партийных и других общественных и кооперативных органов управления и руководства;

— художественная и творческая интеллигенция: работники литературы и искусства, артисты, художники, музыканты, кинематографисты, работники идеологических организаций и учреждений массовой информации и пропаганды;

— культурно-просветительная интеллигенция: библиотекари, культработники, лекторы специальных организаций (музеев, выставок, туристских организаций);

— военная интеллигенция: офицеры всех родов войск, военные специалисты.

Различия между этими отрядами интеллигенции выступают в качестве профессиональных. Вместе с тем в современных условиях профессии сохраняют в определенной степени и социальный характер вследствие неодинаковых условий труда, его оплаты, особенностей социальной психологии, образа жизни людей [309, с. 6].

Поскольку сфера профессиональной деятельности, положенная в основу предложенной классификации, не является

критериальной основой формирования интеллектуальной элиты (см. подраздел 3.2), мы можем сказать, что все подотряды интеллигенции, выделенные выше, в равной мере могут выступать базой рекрутирования интеллектуальной элиты.

Обратимся к иным классификациям интеллигенции. Так, большая работа по изучению структуры интеллигенции, а также по изучению ее социального облика и процессов ее формирования велась в Польше. Польские историки и социологи предложили несколько схем членения интеллигенции. Стефан Кеневич делит интеллигенцию как общественный слой, источником существования которого является умственный труд, на три группы: 1) должностные лица, учителя, духовенство; 2) технические работники во всех областях хозяйства и 3) так называемые свободные профессии, к которым автор причисляет медицину, адвокатуру, печать, науку, искусство.

Ян Щепаньски проводит структурное деление интеллигенции по следующим «социологическим категориям»: 1) творцы культуры; 2) организаторы и руководители труда и коллективной жизни общества и 3) остальные специалисты и техники, работа которых требует теоретической подготовки, все более дифференцированной в связи с развитием науки.

По мнению В. Лейкиной-Свирской, «основы классификации во всех этих схемах представляются более или менее случайными и спорными. Нечеткие также границы между группами» [184, с. 13–14]. Наиболее целесообразным методом, по ее мнению, является расчленение интеллигенции по выполняемым ею общественным функциям.

Так, авторы монографии «Интеллигенция советской Украины» предлагают такую группировку интеллигенции:

1. Научно-техническая интеллигенция, представляющая собой качественно новую, социально-профессиональную группу внутри интеллигенции, возникновение которой вызвано сближением инженерной и части научной интеллигенции в условиях превращения науки в непосредственную производительную силу. Обладая всеми основными социальными признаками интеллигенции, она отличается от других ее категорий непосредственным

участием в материальном производстве. К этой группе должны быть отнесены: инженеры и техники, занятые в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и связи; агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи; управленческий аппарат промышленного и сельскохозяйственного производства; работники планирования и учета; деятели наук естественно-технического профиля.

2. Научно-культурная интеллигенция, деятельность которой направлена на формирование умственного, нравственного и физического облика человека. Эта группа включает в себя работников просвещения и здравоохранения, государственного аппарата и государственных учреждений, преподавателей гуманитарных наук, работников культпросветучреждений, торговли и бытового обслуживания.

3. Художественная интеллигенция — социально-профессиональная группа в составе работников умственного труда высокой квалификации, которая призвана посредством художественного освоения мира создавать духовные ценности, обладающие самостоятельной формой и способные существовать отдельно от деятельности создающего их специалиста. Это писатели, поэты, журналисты, работники радио и телевидения, композиторы, музыканты, актеры, художники, скульпторы, архитекторы, кинематографисты и др. [143, с. 99].

М. Н. Руткевич усматривает большое количество основных отрядов интеллигенции, занятых в различных областях общественной жизни и выполняющих особые функции. Это — а) производственная интеллигенция, занятая в сфере материального производства. Она, в свою очередь, подразделяется на инженерно-технических работников, специалистов сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи) и экономистов, занятых в сфере производства; б) медицинская интеллигенция, занятая в сфере охраны здоровья трудящихся. Сюда относятся врачи, фельдшеры, медсестры, работники медицинских и санитарно-гигиенических лабораторий, а также инструкторы физической культуры; в) педагогическая — воспитатели детских садов, учителя школ всех типов, преподаватели ПТУ и средних

специальных, а отчасти и высших учебных заведениях; г) культурно-просветительская — библиотекари, культработники, пропагандистский аппарат общественных организаций и средств массовой информации; д) художественная — деятели литературы и искусства, артисты, музыканты, кинематографисты и др.; е) административная, сосредоточенная в аппарате управления, в юридических органах, в банковско-финансовой системе и др.; ж) научная, включая высококвалифицированные педагогические кадры высшей школы, ведущие научные исследования; з) военная [287, с. 35].

Такие классификации интеллигенции, по нашему мнению, являются производными от социально-профессиональной классификации. Тем не менее некоторые функциональные нагрузки выделенных групп представляют для нас интерес в связи с теми функциями, которые выполняет интеллектуальная элита. В подразделе 3.3 мы выделили восемь основных функций (интегративная, трансляционная, ценностно-нормативная, инновационная, познавательная, консультативная, коммуникативная, контролирующая), а их наложение на функциональную структуру интеллигенции показывает, что, во-первых, нет ни одного подотряда интеллигенции, в котором были бы максимально сконцентрированы все функции интеллектуальной элиты. Во-вторых, можно говорить о том, что, например, трансляционная функция в большей степени опирается на педагогический и научно-культурный отряды интеллигенции; познавательная — на научно-техническую и научно-культурную интеллигенцию; ценностно-нормативная — на научно-культурную интеллигенцию; контролирующая — на административную и т. д. Однако поскольку нас интересует интеллигенция как база формирования интеллектуальной элиты, мы вновь можем констатировать факт отсутствия какого-либо элемента в интеллигенции, имеющего преимущества перед другими в данном случае.

В результате анализ структуры интеллигенции не дает нам оснований говорить о ее конкретных подотрядах как непосредственных источниках формирования интеллектуальной элиты. Это подчеркивает персонифицированный характер интеллектуальной

элиты, отрицающий возможности ее целенаправленного исключительно внешнего (социального) формирования.

В современных условиях движения к обществу интеллекта нами была отмечена тенденция к особой востребованности интеллектуальной элиты в нем в силу актуализации интеллектуальной составляющей в общественной жизни. Одновременно, отдельные авторы говорят о снижении роли (или вообще исчезновении, замещении другими группами) интеллигенции в силу ослабления значимости культурологических, в том числе и нравственно-этических смыслов в жизнедеятельности социума. Как правило, такая позиция базируется на убеждении, что с развитием рыночной экономики интеллигенция «... исчезает, распадается на подлинных профессионалов — ядро среднего класса и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть» [276, с. 311–312]. При этом используются западнцентристские культурологические подходы, позволяющие представить интеллигенцию в виде маргинального слоя образованных людей, ««разрывающихся» между ценностями Запада и Востока, модернизмом и традиционализмом» (О. Степанова). В данном случае предполагается, что в условиях рыночного общества значимость общественных функций, выполняемых интеллигенцией, снижается. И здесь, как мы видим, активно входят в символическое пространство социума группы среднего класса, профессионалов, «нового класса» (важных в системе постиндустриального общества — общества знания), а также интеллектуалов и интеллектуальной элиты (принципиально важных в обществе интеллекта). Принимая такую схему, мы можем утверждать, что первая совокупность групп может выступать в качестве социальной базы второй совокупности. Однако интеллигенция как структурная единица социума оказывается вытесненной за эти рамки, что, на наш взгляд, сужает возможности научного анализа, так как интеллигенция, по нашему мнению, не замещается перечисленными группами, а является рядоположенной с ними.

Попытаемся проиллюстрировать данный факт. Так, категория «средний класс» имеет много интерпретаций, сводимых главным образом к неравенству на основе доходов и профессиональных

занятий. Именно второе отчасти сближает данное понятие с социально-профессиональным типом стратификации, что дает возможность искать его пересечения с группами интеллигенции.

Как отмечает О. Степанова, в более развернутом варианте «средний класс» сегодня делится обычно на «старый средний» (представители малого бизнеса, фермеры, иногда сюда же относят офицерство и духовенство) и «новый средний», состоящий, в свою очередь, из двух слоев, образованных на различиях в уровне доходов. «Высший новый средний» – менеджеры и специалисты высокого класса, и «низший новый средний» – клерки, продавцы, учителя, медсестры и др. Очевидно, что все составляющие «среднего класса» не исключают наличие высшего и среднего специального образования. Следовательно, «понятие «интеллигенция» в социологической интерпретации вполне сопоставимо с понятием «средний класс». Но не только. Ведь представители интеллигенции, исходя из размеров доходов и имущества, места в системе власти, то есть возможностей распоряжаться ресурсами общества и его управлением, распределяются по всей вертикали – от высшего класса до низшего. Если речь идет о людях умственного труда с высшим или средним специальным образованием, то в настоящее время из них почти полностью сформирована вершина социальной пирамиды. Однако они же в индустриальном и постиндустриальном обществах составляют значительную массу всех этажей средней части и иногда попадают в ее основание» [319, с. 48].

Это означает, что интеллигенция (а мы приняли необходимость сочетания социологического и культурологического подходов к ее определению) является и частью среднего класса, и может выходить за его рамки. Учитывая, что интеллектуальная элита в современных обществах тоже «разбросана» по социальной структуре (преимущественно в верхних и средних слоях, так как иначе не может полноценно выполнять свои функции), значит, она сохраняет возможность быть рекрутированной из отдельных частей интеллигенции.

Следующая социальная категория в структуре постиндустриального общества – профессионалы. Понятие «профессионалы»

(«professionals») имеет два основных смысловых значения. В одном оно обозначает тех, кто на наемной основе, за регулярное жалование или вознаграждение по договору выполняет определенную работу (см., например, Э. Гидденс). Другой его смысл служит для обозначения людей, занимающихся профессией, требующей высшего или полного среднего образования и специального обучения (врачи, адвокаты, бухгалтеры и т. п.) (см. *определение интеллигенции!!! – прим. автора*). По мнению Степановой, в данном случае понятие «professionals» более соответствует категории «квалифицированные специалисты», отделяя их при этом от административно-управленческого персонала [319, с. 48]. В результате профессионалы – часть работников умственного труда, отличающаяся уровнем компетентности в решении профессиональных вопросов, но не акцентирующая внимание на морально-этических, духовных элементах социальной жизни.

Следующая категория – «новый класс» – является сама по себе весьма абстрактной. «Под термином «новый класс» большинство западных ученых понимают группу не обладающих частной собственностью высокообразованных специалистов, чей доход зависит от применения полученных знаний, профессионального мастерства и творческих способностей» [298, с. 224].

Одним из первых среди неоконсерваторов развил идею нового класса Д. Мойнихен, считавший, что выделение интеллигенции в качестве нового класса основывается на общности сознания, идеологических установок, системы ценностей. Кроме того, важнейшей характеристикой нового класса является его культурная позиция. Как утверждает Дж. Киркпатрик, новый класс характеризует не столько общность социоэкономического положения, сколько отношение к культуре. Белл считает, что новый класс нельзя рассматривать с точки зрения социальной структуры, его определяет прежде всего культурная позиция определенной части общества. Он говорил о появлении когнитариата – термина, придуманного по аналогии с пролетариатом («когнитос» по-гречески означает знание). Если пролетариат занят исключительно физическим трудом, то когнитариат – умственным, но представители и того, и другого выступают работниками наемного труда.

О новом господствующем классе пишет и Г. Шельский в книге «Работу делают другие». К этому классу он относит интеллигенцию, власть которой базируется, по его мнению, на образовании, на высоком уровне информированности. Этот новый класс состоит из четырех функциональных групп: 1) технико-организаторские специалисты и эксперты; 2) создатели «независимых духовных ценностей»; 3) научно-техническая интеллигенция; 4) исследователи современной исторической ситуации и футурологи.

Алвин Гоулднер в социальной структуре современного западного общества выделил три класса — старую буржуазию, или денежный класс капиталистов, пролетариат и новый класс, который подразделяется им на две страты: 1) интеллигенцию (научно-технические работники и специалисты), 2) интеллектуалов (гуманитарную интеллигенцию). Возникновение нового класса, по его мнению, — всемирно-исторический процесс.

Проанализировав различные концепции нового класса (Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, Т. Парсонса, Н. Хомски), А. Гоулднер создает собственную концепцию, выделяя две характерные черты нового класса: культурный капитал (знания и квалификация) и культура критического дискурса (особая речевая общность). Культурный, или человеческий, капитал означает не средства производства, а достаточно высокий уровень образования. К новому классу в США он относит инженеров, промышленных руководителей (менеджеров), бухгалтеров, аудиторов, администраторов, госслужащих, журналистов, преподавателей, учителей и т. д. [387, р. 719] (очевидны, на наш взгляд, пересечения с отрядами интеллигенции, описанными нами выше).

А. Гоулднер именует новый класс «культурной буржуазией», противопоставляя ее старой «денежной буржуазии». Культура становится капиталом, когда она «капитализируется», то есть становится источником постоянного дохода. В таких условиях капитал превращается в прирожденное преимущество. Те, кто обладает знаниями и способностями, гарантируют себе приличное материальное вознаграждение за труд, а те, кто ими не обладает, ничего не получают.

Вторая отличительная характеристика нового класса — культура критического дискурса — играет не меньшую роль. Интеллектуалов и интеллигенцию выделяет грамотная, свободно формирующаяся, богатая по своему содержанию и литературно оформленная речь. Принадлежность к такому языку солидаризирует новый класс в самостоятельную речевую общность. Речь, как и квалификация, превращается в мощное оружие, при помощи которого интеллектуалы и интеллигенция отвоевывают привилегированные позиции на рынке труда и защищают свои социальные и экономические права. Язык нового класса становится выразителем и носителем особой системы ценностей и верований, складывается в особую субкультуру.

Две элиты, формирующие, по его мнению, новый класс, — интеллигенция («технари») и интеллектуалы («гуманитарии»), — обладают разными речевыми культурами. У них разный язык и разная система ценностных ориентаций: технари ориентированы на бизнес и производство, а гуманитарии — на философию, политику, литературу. Интеллигенты привержены одной профессии, одной парадигме мышления. Напротив, интеллектуалы свободно переходят от одной специализации к другой, у них плюралистическая система ценностей, они придерживаются нескольких парадигм мышления. В отличие от традиционных видов капитала — собственности на средства производства (буржуазия) и собственности на рабочую силу (пролетариат) — культурный капитал нового класса дает гораздо больше перспектив для вертикальной и горизонтальной мобильности [387, p. 719].

В результате становится очевидным, что интеллигенция не может быть изъята из научного анализа современного социального пространства. Более того, часть ее трансформируется в новые социальные группы, востребованные в обществе интеллекта. Однако говорить о том, что в качестве их источника выступает гуманитарная интеллигенция, на наш взгляд, неправомерно.

Взгляд на различные позиции ученых в отношении изменения социальных позиций различных групп в обществе, даже не соглашающиеся между собой, позволяет увидеть весьма важную тенденцию — в критериях принадлежности к различным социальным

группам в обществе все активнее добавляется социально-экономический критерий (интенсивность и характер участия групп в экономическом процессе и размер получаемого за это вознаграждения). И именно в этом проявляется специфика позиционирования интеллигенции в обществе интеллекта. Ведь еще К. Маннгейм утверждал, что важное преимущество интеллигенции в познавательном процессе заключается в отсутствии прямого ее участия в экономическом процессе. «В то время как прямые участники процесса производства связаны принадлежностью к определенному классу, особенным образом жизни, что само по себе обуславливает их специфическое положение... интеллектуалы представляют собой золотую середину. Из этой общественной ситуации постоянно порождается ее потенциальная энергия; которая определяет значение и роль этого слоя... Культурные связи со всеми социальными группами и обосновывают такое переплетение с целым, которое приводит к его динамическому синтезу» [399, р. 81].

Учитывая что значение интеллигенции с точки зрения ее культурологических характеристик усиливается в переломные, трансформационные периоды жизнедеятельности общества, а нынешний этап его развития связывается с интеллектуализацией социальной жизни, правомерно возникает вопрос о соотношении групп общества интеллекта – интеллектуалы, интеллектуальная элита – с интеллигенцией – ключевой группой обществ, находящихся в кризисном состоянии (что характерно и для современной Украины).

Как отмечают исследователи (например, Р. Виппер), деление на две интеллигенции существовало еще в Древней Греции. И до сих пор можно выделить два типа интеллигенции. Одна, «которая зажигает светоч знания для всех и отдает свои силы делу необозримой массы безвестных работников жизни, и другая... которая прячет свою струйку света только для себя, только для самоусовершенствования, только для выработки внутренних сокровищ своей души и в остальном человечестве видит подмостки эстрады, нужной для того, чтобы возглашать высокомерную проповедь о божественности собственного духа» [Цит. по 204, с. 27].

По-видимому, с ориентацией «на себя» и «на других» и связана ключевая линия различения интеллигенции и интеллектуалов. Так, для интеллигенции (в культурологическом ее трактовании (а именно оно и дает возможности различать интеллигенцию и интеллектуалов, ведь социологический подход практически уравнивает эти группы)) подчеркивается ее интеллигентность, причастность к культуре, высокая требовательность к себе и своему духовному миру, его приобщенности к высшим моральным законам [356, с. 159]; приоритет духовного над материальным в структуре ценностных ориентаций, деятельность по реализации таких интересов и целей, которые выходят за рамки личного, за границы индивидуальной жизнедеятельности [94, с. 138] и др. В среде интеллигенции обычно не принято обсуждать материальный достаток, «богатство считалось чем-то неприличным, недостойным упоминания, тогда как нравственные и просветительские достижения рассматривались как самодостаточные» [267, с. 12].

Наряду с этим интеллигенция воспринимается порой и как класс, основанный на «интеллектуальном капитале» [309, с. 321]. И здесь она непосредственно соприкасается с интеллектуалами. Последние, в свою очередь, рассматриваются как люди, «проявившие высокие интеллектуальные способности в познании явлений духовной сферы (искусстве, философии). За интеллектуалами признается компетенция создавать этико-философский дискурс общества («знание о знаниях», «мнения о мнениях»). «Интеллектуалы» — это наиболее высококвалифицированные «специалисты», способные к крупным теоретическим обобщениям в гуманитарной сфере. Поэтому есть основания констатировать частичное пересечение данного понятия с трактовкой интеллигенции в «социологическом» ключе на общей, социально-профессиональной, смысловой плоскости» [319, с. 48].

По мнению Н. Пирцхалавы, понятие «интеллектуал» плохо вяжется с абстрактно-количественным принципом, ибо вряд ли можно сосчитать количество мыслящих людей в отличие от составных единиц общественного слоя интеллигенции, то есть количество людей, профессионально занимающихся умственным

трудом. В отличие от интеллигенции, некой абстрактно-количественной категории, в понятии «интеллектуал» ярко выражен конкретно-качественный (квантильный) принцип, прямо указывающий на высшую познавательную способность интеллектуала, то есть на его способность нестандартно, продуктивно мыслить (а для этого, вполне очевидно, не обязательно обладать дипломом вуза), что в свою очередь подразумевает и обратную сторону этой способности – интеллектуал предрасположен к сравнительному мышлению, а значит, к инакомыслию. Для интеллектуала характерно критическое мышление.

Е. Элбакян считает, что интеллектуалы (как социальный слой) олицетворяют собой образованность, материальное благополучие, либеральное мировосприятие, приверженность общественным идеалам и поддержку стабильности в обществе [365, с. 37]; а И. А. Бутенко убежден, что интеллектуалы – социально активные лица, использующие на публичной сцене свой авторитет, завоеванный в какой-то профессиональной сфере [57].

В конечном итоге, для нас представляют интерес три основных момента, вытекающих из перечисленных характеристик интеллигентов и интеллектуалов. Во-первых, их противопоставление основано в значительной степени на категориях универсализма-индивидуализма. И не случайно, например, М. Фуко фигуру интеллектуала-специалиста противопоставляет интеллектуалу универсальному, который является «по преимуществу писателем: всеобщей совестью, свободным субъектом...» [346].

Во-вторых, изменения в распределении ключевых ресурсов современных обществ, влекущие изменения в их социальной структуре, все больший акцент делают на некотором равновесии между потребностями общества и выполняемым в нем умственным трудом. И данное равновесие более успешно достигается именно интеллектуалами. Так, по мнению Покровского, «равновесие это состоит в том, что, согласно структуре рынка (в самом широком, почти философском смысле этого слова), западный интеллектуал производит ровно столько, сколько того может потребить общество на данной стадии его эволюции. Это, разумеется, касается не только количества, но и качества интеллектуальных продуктов.

И чем точнее интеллектуал, будь то художник, ученый, педагог, журналист, кто угодно, угадывает это хитрое равновесие, тем большего успеха он добивается и по части общественного признания, и в смысле материального вознаграждения. Короче, западный интеллектуал прежде всего сориентирован на поиски равновесия со средой своего социального существования, в чем подчас он достигает выдающихся результатов... Русские же интеллигенты в большинстве своем самозабвенно трудились, создавая (и продавая) свои книги, симфонии, учебные курсы, интеллектуальные услуги и пр., но собственно нравственное содержание их деятельности было, строго говоря, излишним, не продиктованным требованиями рынка». В итоге, «если западному интеллектуализму свойственно точное «измерение» ситуации, то российской интеллигенции присуще иное – прибавочная духовная деятельность, не продиктованная требованиями рынка, а потому как бы дополнительная, особая, по-своему свободная» [267, с. 9–11].

В-третьих, дифференциация работников умственного квалифицированного труда становится возможной в подавляющем большинстве случаев благодаря отказу от доминирования части признаков. Например, В. Баранников и Л. Матронина пишут: «Интеллектуал утрачивает качество интеллигентности, не претендуя на духовное лидерство, хотя и весьма ценит свои достижения в избранной области деятельности. Он ценит их до такой степени, что возникают новые критерии оценки труда интеллектуала: на смену преданности организации, бескорыстному служению общему делу, поиску истины самой по себе приходит профессионализм, рациональность, мобильность, способность к инновациям, адаптивность. Интеллектуалы достигли значительных успехов в решении конкретных социальных целей – свободы и ответственности личности за свое благополучие, создание элементов социального партнерства, улучшения качества жизни и т. д. Однако эти успехи куплены ценой отказа от идеалов социальной справедливости, от религии и вкуса, и еще от много чего» [Цит по 5, с. 165–166].

Следствием этого становится то, что если понятие «интеллектуалы» в большей мере акцентирует внимание на качествах

образованности, просвещенности, критического склада ума и действия, рациональности, специализации, профессионализма, компетентности, то понятие «интеллигенция», прежде всего, подчеркивает нравственно-духовную составляющую группы, укорененность ее сознания в общественных интересах, ее способность воспроизводить и созидать нравственно-духовный мир общества.

В результате одна часть «нового класса» является «специалистом» в первом круге вопросов, а другая — во втором. И поэтому правомерным является утверждение исследователей о том, что «не всякий интеллектual может подняться до уровня интеллигента, и, наоборот, можно встретить интеллигента среди людей неинтеллектуальных профессий» [356, с. 158–159].

Однако, по нашему мнению, отказать всей интеллигенции (в культурологическом значении) в возможностях достигать вершин интеллектуалов в профессиональной сфере нельзя. Именно поэтому возникает проблема гармонизации групп интеллигенции и интеллектуалов (необходимость, которая отмечалась, например, Э. Гоулднером), наиболее ярко проявляющаяся в процессе формирования интеллектуальной элиты. Ведь ее представители, как мы отмечали в подразделе 3.2, должны иметь определенную собственную социальную позицию (признак скорее интеллигента), для них обязательно понятие «социальной цены» их деятельности и т. д.

Изучение исследовательских позиций по данному вопросу показало, что одним из наиболее распространенных методологических подходов к восприятию групп интеллектуальной элиты и интеллигенции является их отождествление (И. Тарапов, Ч. Кадушин, В. Краус, К. Маннгейм, В. Андрущенко, С. Орлов и др.). Основной причиной этого является принадлежность обеих указанных групп к группе работников умственного (интеллектуального) труда.

В таком контексте западные ученые обычно подчеркивают особенность, исключительность труда интеллигенции, состоящего в создании «духовных ценностей», что сужает и область интеллектуального труда, и состав его участников, придает интеллигенции характер интеллектуальной элиты.

Позиция отождествления интеллектуальной элиты и интеллигенции усилилась с общей актуализацией теории элит. «При этом определение понятия «интеллигенция» выглядит так же, как век назад у народников: «интеллигенция — это интеллектуальная элита, отчужденная от существующей общественной системы и с болью сознающая свою ответственность за судьбу и будущее народа» [243, с. 57].

В контексте социальных трансформаций последнего времени предлагается точка зрения, в соответствии с которой в качестве средства идентификации (и, что самое важное, самоидентификации) «интеллектуальная элита» сменила — после радикального сокращения — смертельно всем надоевшую «интеллигенцию» [182].

Тем не менее некоторые ученые предлагают достаточно четкие критерии их разграничения. Например, Н. Н. Саппа считает, что «функциональной деятельностью интеллигенции выступает в первую очередь не создание нового знания (продуцирование новых суждений, научных идей и творческих концепций есть функцией интеллектуалов-мыслителей), а переработка и использование того, что создали интеллектуалы в соответствии с имеющимся социальным заказом» [291, с. 24]. Такой подход достаточно стабильно может работать на теоретическом уровне, но на практике четкого разделения на интеллектуалов и интеллигенцию по данному критерию не существует.

Безусловно, критерий принадлежности к представителям умственного труда объединяет понятия интеллектуальной элиты и интеллигенции. Еще одним критерием, играющим интеграционную роль между ними, выступает образованность. Этот критерий чаще всего используется для определения интеллигенции. Но некоторые исследователи, говоря об интеллектуальной элите, подчеркивают, что в данном случае «речь скорее всего должна идти о таком уровне образования, который дает возможность профессионально заниматься умственной деятельностью» [333, с. 34]. Сегодня существует убежденность в том, что уровень образования является основным признаком представителей интеллектуальной элиты. При этом данный уровень «оказывается значительно выше характерного в тот или иной момент для

большинства граждан» [136, с. 69–70]. В результате ключевым параметром для обеих групп является образование. Но если в соответствии с этим существование интеллектуальной элиты определяется интеллектуальной традицией социума, формируемой посредством системы образования, то в процессе формирования и функционирования интеллигенции ключевую роль играет культуротворческая, духовная сфера, сфера морали и нравственности.

Существует и исследовательская позиция, в соответствии с которой интеллектуальная элита представляет собой лучшую часть интеллигенции. Поэтому «можно смело предполагать постоянное наличие интеллектуальной элиты в среде интеллигентской прослойки. Это поистине цвет общества, включающий в себя создателей духовных ценностей, выдающихся теоретиков, инженеров, медиков, признанных профессиональным сообществом» [186, с. 99].

Само наличие такой методологической позиции обусловлено тем, что интеллигенция как группа расширялась весьма быстро. Например, в СССР в конце 30-х годов XX века она составляла одну шестую, а через полвека уже третью часть населения страны [288, с. 22].

Данный факт предполагал социальную неоднородность интеллигенции, а значит, и потенциальные возможности формирования на ее базе той же интеллектуальной элиты. Такая позиция восходит к М. Веберу, который часть из интеллектуальной элиты причисляет к типичным позитивно привилегированным классам по отношению к деятельности (обладающие способностями или исключительной подготовкой), а часть — к социальному классу — не имеющие собственности специалисты и интеллигенция [62, с. 144–145].

Продолжают эту традицию и современные исследователи. Например, А. Севастьянов выделяет внутри интеллигенции три основных группы или слоя. К первой, самой многочисленной группе относятся специалисты массовых профессий — врачи, учителя, инженеры, юристы, офицеры, священники, некоторая часть творческой интеллигенции. Интеллигенция второй группы — историки, философы, социологи, литературоведы, некоторая часть

писателей, художников — обеспечивает потребности самой интеллигенции. Наконец, интеллигенция третьей группы — это фактически интеллектуальная элита, генераторы идей, определяющие деятельность всей интеллигенции в целом. П. И. Бабочкин считает, что интеллектуальная элита — наиболее выдающиеся представители интеллигенции; С. Вовканич убежден, что элита — качественное состояние интеллигенции и разновидностей ее деятельности [68, с. 8]. Л. Г. Сокурянская также стоит на данной методологической позиции: «При этом необходимо подчеркнуть, что к интеллектуальной элите мы относим только часть интеллигенции (т. е. людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом), в силу названных выше характеристик оказывающую интеллектуальное и моральное воздействие на остальную часть общества. В этом отношении мы можем говорить о том, что интеллектуальная элита обладает специфической властью над умами и сердцами людей. Такую власть, скорее всего, можно назвать духовной. Именно это налагает особую ответственность на данный слой общества, поскольку от его целенаправленной деятельности во многом зависит моральное здоровье нации» [302, с. 85].

Таким образом, обе рассматриваемые группы имеют в своей основе ряд общих характеристик, которые позволяют им занимать ключевые позиции в социуме на определенных этапах его развития. Однако очевидно, что понятие «интеллектуальная элита» все же уже понятия «интеллигенция», а это подтверждает тот факт, что социальная группа интеллигенции выступает базой формирования интеллектуальной элиты.

Следует отметить, что потенциал интеллигенции в данном отношении не ограничивается ее атрибутивными (социально-экономическими или культурологическими) признаками. На наш взгляд, значительный пласт этого потенциала лежит в выполняемых интеллигенцией функциях.

Обобщение литературы по данному вопросу показало, что в современных условиях можно говорить о таких функциях интеллигенции, как:

- критическая (в том числе, функция социальной критики, технической, идеологической и моральной);

- функция развития материальной и духовной культуры (в том числе формирование определенных ценностей, нравственное преобразование, гуманизация общества);
- функция просвещения;
- функция заботы о всеобщем благе (в том числе поддержание общественного равновесия, разработка модели гармоничного развития общества, источник общественных преобразований);
 - идеологическая (в том числе формулировка общественной идеологии, идеологии отдельных социальных групп);
 - и некоторые другие, связанные с выполнением ее профессиональной деятельности, в том числе и в сфере управления.

Сопоставление данных функций с функциями, выполняемыми интеллектуальной элитой (см. подраздел 3.3) вновь позволяет нам говорить о том, что и в функциональном плане интеллигенция выступает базой формирования интеллектуальной элиты. Ведь для последней, например, характерно выполнение ценностно-нормативной функции, а интеллигенция призвана создавать и поддерживать социальные и индивидуальные ценности; интеллектуальная элита выполняет трансляционную функцию, а интеллигенция занимается просвещением, заботясь о передаче последующим поколениям знаний, достижений культуры; интеллектуальная элита способствует интеграции общества, а интеллигенция печется о всеобщем благе и поддержании общественного равновесия и т. д.

В результате можно с уверенностью сказать, что по своим чертам и по своим функциональным особенностям интеллигенция выступает базой формирования интеллектуальной элиты. Однако, как было продемонстрировано в начале данного подраздела, исторические особенности стран могут накладывать свой отпечаток на протекание данных процессов. В силу этого особого внимания требует анализ современного состояния интеллигенции и интеллектуальной элиты.

3.5. Интеллектуальная элита и интеллигенция в современном мире: штрихи к портрету на фоне цивилизационных изменений

Современное состояние рассматриваемых нами групп определяется, на наш взгляд, двумя основными векторами: историческим прошлым нашего общества и активно воздействующими в условиях глобализации современными тенденциями развития западных обществ. Поэтому прежде, чем описать нынешние особенности интеллигенции и интеллектуальной элиты, обратимся к истории, ведь не только состояние социальных институтов, социальных групп, потребностей общества, но и содержание интеллектуальной жизни не остается неизменным с течением времени. И, как следствие, само представление об интеллигенте и интеллектуале, связанное с характерным для каждого социума мировосприятием, способом мышления и специфической шкалой оценки интеллектуальных качеств, весьма различается как у разных народов, так и в различные исторические периоды.

Анализ современных исследовательских работ в этом отношении показывает, что важной особенностью интеллектуального слоя старой России был его «дворянский» характер. «В силу преимущественно выслуженного характера российского высшего сословия, оно в большей степени, чем в других странах, совпадало с интеллектуальным слоем» [69, с. 62]. При этом все отношения интеллигенции и интеллектуальной элиты в обществе еще с досоветских времен опосредованы государством, которое после 1917 г. выступает для данных слоев единственным работодателем. Они изначально сложились как класс, материально и духовно зависимый от государства. «Такая несамостоятельность создала у основной массы интеллигентов своего рода комплекс неполноценности, который с лихвой компенсируется присутствием особой, часто иррациональной агрессивности в отношении к государству, воспринимаемому как безусловное зло» [257, с. 22].

Примечательно, что до революции 1917 г. материальное обеспечение интеллектуального слоя в целом было достаточно удовлетворительным. Во всяком случае оно соответствовало тому месту в социальной иерархии, которое он занимал. Статусу же

советской интеллигенции в обществе соответствовал невысокий уровень благосостояния. Дореволюционная иерархия уровней жизни лиц физического и умственного труда оказалась не только выровнена, но перевернута с ног на голову, в результате чего относительный уровень материального благосостояния интеллектуального слоя ухудшился по сравнению с дореволюционным не менее, чем десятикратно.

Таким образом, «если представитель европейского среднего класса — самодеятельный «ремесленник-интеллектуал», то советско-русский интеллигент — это, если воспользоваться формулой Ильфа и Петрова, «пролетарий умственного труда» [257, с. 22].

Особый отпечаток на процесс формирования интеллектуальной элиты в отечественной истории наложил послереволюционный период. С одной стороны, большевики вполне отдавали себе отчет в том, что их реальными противниками в гражданской войне были не мифические «капиталисты и помещики», а «образованное сословие» в погонах и без них. Вследствие этого красный террор был направлен именно против интеллектуального слоя. Страна же «не только лишилась большей части своего интеллектуального потенциала, но старый интеллектуальный слой вовсе перестал существовать как социальная общность» [69, с. 58].

По мнению С. Волкова, новый интеллектуальный слой с самого начала создавался на принципах, во многом противоположных дореволюционным. Поскольку создание советской интеллигенции происходило под знаком борьбы за «социальную однородность общества», коммунистический режим целенаправленно формировал совершенно определенный социальный состав интеллектуального слоя, придавая этому огромное, часто самодовлеющее значение. В идеале (впредь до исчезновения этого слоя как такового) желательно было иметь его полностью «рабоче-крестьянским» — так, чтобы каждое новое поколение интеллигенции было бы интеллигенцией «в первом поколении». Полностью этого достичь не удалось, но, благодаря контролю за социальным составом студентов, режим обеспечивал ее абсолютное преобладание в составе интеллектуального слоя до самого конца, сохраняя общий облик советской интеллигенции как «интеллигенции первого поколения» [69, с. 64].

Считается, что «наша прежняя система эталонов и ценностей формировалась в пространстве между двумя полюсами. Первый из них формировался системой духовных (= идеологических) эталонов и стандартов общей культуры, санкционированных властью (которые даже в советский период не были чисто негативными, как некоторые пытаются представить: они включали много элементов высокой европейской культуры – прежде всего в естественнонаучной, технической областях и в сфере образования, – а также некоторые важные гуманистические просветительские традиции, которые сохранялись в марксизме, даже в таких его тоталитарных формах, как ленинизм и сталинизм). Второй – формировали духовные эталоны сопротивления насилию власти, защиты человеческого достоинства, попираемого этой властью, и многих элементов культуры, которые властью отторгались то по недомыслию, то из боязни утратить тотальный контроль над обществом» [181]. В результате «огульное отрицание, уничтожение старой высокой культуры, торжество «материализма», выродившегося в узкий технократизм, привело к тому, что интеллигенция вполне по-гегелевски подвергла сама себя «отрицанию»: она отвергла, уничтожила свободу Мысли, духовную свободу – основу, из которой она произросла, и цель, ради которой она билась целый век; и предала свой главный идеал, наследованный от Просвещения, который вдохновлял ее в течение этого столетия – счастье и свободу каждого человека. В результате интеллигенция сама сделала себя сначала самой уничтожаемой, затем самой третируемой социальной группой, а после смиренно приняла роль третьестепенной «прослойки», зажатой между партийно-советской бюрократией и гегемоном...» [181]. Однако интеллигенция нашла силы для самосохранения, самовоспроизводства и даже некоторого саморазвития благодаря: во-первых, той части старой интеллигенции, которую советская власть была вынуждена сохранить (она имела очень высокий уровень общей культуры, поэтому даже после того, как большая часть «гуманитарной» интеллигенции была выслана или уничтожена, традиции свободомыслия, духовной чистоты честности, защиты человеческого достоинства и эталоны высокой культуры

не умерли); во-вторых, скоро стало ясно, что построить «новое общество» на чисто прагматических технократических принципах нереально. «Необходимо было найти замену отброшенной религии и другим традиционным формам духовной культуры. Такой заменой стала новая идеология, замешанная на диалектическом материализме и научном коммунизме. Новой религии нужны были новые жрецы – преданные, строго организованные и дисциплинированные «инженеры человеческих душ». Но, странное дело, и в их среде, даже среди людей кристально чистого пролетарского происхождения, стала возникать своя интеллигенция, то есть люди, претендующие на интеллектуальную и духовную свободу и человеческое достоинство» [181].

Считается, что катастрофически отразилось на качестве и положении интеллектуального слоя хрущевское правление и заданные им подходы к политике в области науки и образования. «Именно тогда профанация высшего образования достигла апогея: открывались десятки новых вузов, не имеющих реальной возможности соответствовать своему назначению. Именно в 1960-е годы произошел наиболее резкий скачок численности студенческого контингента в сочетании с резким ухудшением его качества. Именно тогда была заложена основа для невиданного «перепроизводства» специалистов, столь катастрофически обнажившегося к 80-м годам. Именно в результате и в ходе расширения в эти годы слоя лиц интеллигентских профессий произошло решающее, «переломное» падение престижа умственного труда и качественное понижение относительного благосостояния занимающихся им людей» [69, с. 65]. Тем не менее до 70-х годов в стране имелось полноценное интеллектуальное сообщество, а интеллектуальная элита сохраняла свои профессиональные качества и способности.

М. Кругов отмечает, что при Л. Брежневле партия взяла курс на прямое управление интеллектуальным сообществом, «в результате чего бюрократами были заняты все руководящие посты. Вследствие сусловской селекции подавляющая часть интеллектуалов стала выполнять только функции бюрократов – охранять «единственно верное учение», единственно правильный образ

жизни советского общества, единственно правильную модель плановой экономики и т. д. Так, сменившие командиров-коллег командиры-надзиратели окончательно испортили интеллектуальную элиту. Сусловский эксперимент дал горькие плоды — под руководством таких штурманов путешествие к берегам мифического коммунизма закончилось крушением сверхдержавы. Вместе с СССР утопла и часть начальников интеллектуальной элиты. Но образовавшиеся вакантные места с лету были заняты мажорами. Что только ухудшило качество сообщества. Потому что мажор — это не просто бюрократ, а бюрократ, который считает себя венцом творения...» [165].

Характерной чертой советской действительности была также прогрессирующая профанация интеллектуального труда и образования как такового. В сферу умственного труда включались профессии и занятия, едва ли имеющие к нему отношение [69, с. 62]. В результате, по замечанию С. Волкова, «между интеллектуальным слоем старой России и современным поистине лежит пропасть — настолько сильно отличаются все их основные характеристики. Прежде всего, интеллектуальный слой дореволюционной России был сравнительно немногочисленным, он насчитывал 2–3 млн чел., составляя около 3% населения страны, тогда как советское время характеризуется быстрым и гипертрофированным ростом его численности, который был прямо связан с целью лишить интеллектуальный слой особого привилегированного статуса путем превращения всех людей в интеллигентов. Практически для всех социально-профессиональных групп интеллектуального слоя была характерна такая степень количественного роста, которая лишала их профессию прежнего ореола избранности. При значительно более низком социокультурном и техническом уровне СССР по сравнению с развитыми европейскими странами он находился на первом месте в мире по количеству врачей, инженеров, научных работников и т. д. не только в абсолютном исчислении, но и на душу населения, одновременно держа первенство по мизерности их оплаты — как по абсолютным показателям, так и относительно средней зарплаты по стране» [69, с. 60].

В Украине же зарплата учителя, врача, ученого в начале 90-х годов XX века была гораздо ниже зарплаты даже в других бывших республиках СССР [326, с. 20]. В результате за свой труд интеллектуальная элита едва ли могла обеспечить себе достойное существование. Связано это и с тем, что в Украине долгое время наблюдалось пренебрежительное отношение к интеллектуальному труду, о котором мы говорили ранее.

В результате проблема, концентрированно проявившаяся сегодня, — отсутствие возможностей удовлетворять потребности тех, у кого высокие личностные притязания, интеллектуальные возможности, и, как следствие — «утечка умов» — проблема, особенно сильно беспокоящая сейчас педагогов, политиков, культурологов, ибо из-за отъезда высококвалифицированных, энергичных, перспективных специалистов истончается интеллектуальный потенциал страны, а отечественная высшая школа работает на благо других государств. Современные исследования показывают, что в зависимости от специальности 25–30% студентов являются потенциальными эмигрантами, то есть готовы поменять гражданство [301, с. 14].

Наши исследования (2.5) демонстрируют, что среди студентов харьковских вузов 49% при возможности выбора предпочли бы жить в других странах (31% — в Украине).

Однако данная проблема характерна и для зрелых представителей интеллектуальной элиты. Ведь «только в 1996 году из Украины выехало за границу 83 доктора наук. Из них в Россию — 35, Израиль и США — по 10, в Германию — 8, в Канаду — 3, остальные — в другие страны мира» [87, с. 105].

Таким образом, исторические особенности развития отечественного интеллектуального слоя показывают, что на сегодняшний день в Украине и других постсоветских странах сложились неблагоприятные условия для сохранения и развития их интеллектуального потенциала. И данный факт является сегодня ключевым в определении современной картины состояния интеллигенции и интеллектуальной элиты.

Тем не менее, как отмечалось выше, современной противодействующей тенденцией является влияние повышенной вос-

требованности интеллектуального труда в западном обществе, что, с одной стороны, «размывает» отечественный интеллектуальный слой, а с другой — активизирует государства на поиски технологий его укоренения и усиления.

Как показывает анализ, уже с конца 50-х годов XX века на Западе обнаружилось серьезные изменения в среде образованного среднего класса: быстрое увеличение группы не просто образованных, но высокообразованных людей, повышение квалификационных требований к специалистам на рабочих местах, рост влияния научно-технического знания и социальной рефлексии в обществе. Динамика основных профессиональных групп в этот период претерпевает изменения. Например, во Франции и Великобритании доля профессионалов увеличилась в 2 раза (см. табл. 3.2).

На фоне таких социальных изменений усилиями Дж. Гэлбрейта и Д. Белла интеллектуалы, «класс знания» вновь получают теоретическое подтверждение своей функциональной значимости.

В Соединенных Штатах категория «класса людей знания» в это время охватывает значительную массу и достигает нескольких миллионов человек, занятых в системе образования, в информатике, работающих в качестве консультантов и советников, а также в службах, удовлетворяющих потребности общества в нематериальном планировании (от устранения расовой нетерпимости до организации отдыха для престарелых).

«Важно подчеркнуть, что класс людей знания — это достаточно крупная группа, не ограниченная только теми, кого обычно называют «интеллектуалами», которые, являясь основными производителями символических знаний, составляют своего рода верхний слой этого класса» [45, с. 86–87].

Следует отметить, что активизация социальной мобильности и изменения в социальной структуре западных обществ привели к трансформациям в системах ценностей. Так, по мнению О. Д. Куценко, в настоящее время для раскрывающих свой внутренний потенциал постиндустриальных широкообразованных обществ такие социальные качества, как национальная идея, совмещенная с ориентацией на западно-европейскую культуру, антииндустриа-

Таблица 3.2

**Динамика основных профессиональных групп занятого населения
во Франции* и Великобритании (1951–1981)**

(усредненный % к общей численности занятого населения
в соответствующей стране в данный период) [173, с. 212]

Проф. группы	1951–54 гг.		1961–68 гг.		1980–81 гг.	
	Франция	Британия	Франция	Британия	Франция	Британия
1. Работодатели, собствен.	12,0	5,0	9,6	4,7	8,1	-1,0
2. Служащие:						
2.1. Менеджеры профессионалы	2,9	7,4	5,0	8,4	8,4	18,5
2.2. Квалиф. служащие, техники, управляющие	5,8	7,3	10,4	8,9	14,4	14,7
2.3. Мелкие служащие	10,8	16,1	15,0	18,6	16,8	19,1
3. Рабочие	60,5	64,2	50,9	59,3	43,9	47,7

**В приведенных данных по Франции не учитывается численность самозанятого населения, именно поэтому общая сумма по соответствующим столбцам меньше 100.*

лизм и акцент на культурных и гуманистических ценностях, критике государства, приверженность «хорошим манерам», оказываются вновь актуализированными [173, с. 216]. А это означает повышение роли интеллигенции и интеллектуальной элиты в современных западных обществах.

Однако, наряду с этим, нельзя проигнорировать тот факт, что западный тип мышления является более рационалистическим, а значит, изменение роли, статуса, ценностей представителей рассматриваемых нами групп происходит не для раскрытия их внутреннего потенциала, а для более эффективного развития

конкретного общества и государства (ведь интеллектуальная функция, по мнению К. Субири, измеряется исключительно ее полезностью, все остальное элиминируется и оценивается просто как нечто «любопытное»).

Как показывали расчеты советских экономистов в этом отношении, основанные на анализе официальной статистики развитых капиталистических стран, прибавочная стоимость составляет немалую долю в доходах некоторых категорий интеллигенции. Например, во Франции перераспределенная прибавочная стоимость составляет около 67% жалованья «высших кадров» (менеджеров, технократической элиты и т. д.), у «средних кадров» — 28,4%. Факт перераспределения прибавочной стоимости в пользу некоторых слоев буржуазной интеллигенции фиксируется и данными об уровне их доходов. Так, размер жалованья крупных американских менеджеров превышает среднюю зарплату рабочих более чем в 23,5 раза, австрийских — в 47 раз. Современное западное общество, вынужден констатировать американский социолог Л. Козер, «это общество неравных, будь то с точки зрения власти, дохода, богатства или... любого другого важного измерения стратификации» [309, с. 318–319].

С 90-х годов XX века потребности в рабочей силе в западных обществах стали выражаться не столько в количественных, сколько в качественных показателях. «... Быстрыми темпами начали развиваться компании, ориентированные на использование высоких технологий и владеющие в основном интеллектуальным потенциалом их основателей. Сегодня 15 из 20 самых богатых людей Соединенных Штатов возглавляют компании, возникшие в течение последних двадцати лет. Поэтому неудивительно, что в 1993 г. 400 наиболее богатых американцев, согласно данным журнала «Forbes», владели активами на сумму 328 млрд дол., что равно совокупному ВВП Индии, Бангладеш, Непала и Шри Ланки — стран с населением более 1 млрд человек. Неудивительно и то, что доходы руководителей крупных корпораций, являющихся носителями уникального знания о рыночной стратегии компании и ее задачах, выросли с 35 дол. на 1 дол., зарабатывавшийся средним рабочим в 1974 г., до 120 дол. в 1990 и 225 дол.

в 1994 году. Таким образом, в имущественном неравенстве сегодня, как никогда ранее, отражается неравенство интеллектуального потенциала членов постиндустриального общества» [136, с. 75–76].

В контексте анализа этой особенности исследователи отмечают, что положение высококвалифицированных работников в постиндустриальном обществе фактически выводит их за пределы традиционно понимаемой эксплуатации, и тем самым, что, пожалуй, наиболее существенно, делает «класс интеллектуалов» самовоспроизводящейся замкнутой общностью. «Работники интеллектуального труда не ощущают, что их эксплуатируют как класс», – пишет П. Друкер, и вследствие этого, «даже меняя свою работу, не меняют своих экономических и социальных позиций» [113, с. 22–23]. Позиции же эти естественным образом включают скорее приверженность целям самосовершенствования в процессе деятельности, нежели стремление к максимизации личного материального благосостояния. «В настоящее время в среде работников наукоемких и высокотехнологичных отраслей даже перспективы быстрого профессионального роста, столь ценившиеся в 80-е годы, не считаются привлекательными, если для их достижения приходится уделять меньше времени семье и отказываться от привычных увлечений. Данная трансформация имеет исключительное значение для понимания природы современной социальной структуры» [136, с. 70–71].

Таким образом, сегодня в развитых обществах образовался слой интеллектуальных работников, которые обладают неотчуждаемой собственностью на информацию и знания, являются равными партнерами собственников средств производства; их деятельность мотивирована качественно новым образом. «Именно поэтому мы говорим не об интеллигенции или размытой совокупности высококвалифицированных работников, а об особом классе, занимающем доминирующие позиции в постиндустриальном обществе, о классе, интересы которого отличны от интересов иных социальных групп» [136, с. 71].

Интеллигенция в современной западной традиции претерпевает серьезные изменения и действительно, так же, как и в отече-

ственной социальной практике, расслаивается на профессионалов, успешных в рыночных условиях, и другие элементы. При этом усиление роли интеллекта, которое мы отмечали в первом разделе данной работы, определяет достаточно широкое определение успешно адаптировавшейся группы как интеллектуальный слой, который, на наш взгляд, уже группы интеллигенции и шире интеллектуальной элиты. Причем успешность данного слоя лежит именно в его адаптационном капитале (см. разд. 2 данной работы).

В результате, можно отметить, что современное состояние интеллигенции и интеллектуальной элиты определяется, условно говоря, преимущественно негативным вектором отечественного развития социальных отношений в сфере интеллектуального труда и позитивным вектором развития западных обществ в данном отношении. Именно под воздействием этих векторов и складываются специфические блоки в описании рассматриваемых нами групп.

Мы выделили несколько таких содержательных блоков. Первый – трансформация самого образа интеллигенции и одновременно формирование более четкого образа отечественной интеллектуальной элиты. В данном случае речь идет о том, что в условиях кардинальных социальных изменений эти две группы приобретают особые черты и тенденции своего развития. Прежде всего, это борьба в общественном сознании двух позиций. В соответствии с одной из них понятие «интеллигенция» продолжает нести мощную смысловую нагрузку, своего рода «память прошлого», которая резко диссонирует с нынешним состоянием символического пространства [319, с. 50]; она воспринимается не столько как отграниченный и анкетно удостоверяемый слой населения, сколько особая социально-культурная среда [18] и т. д.

Однако такая позиция допускает и тот факт, что далеко не все, принадлежащие к интеллигенции по социологическим критериям, отвечают ее культурологическим критериям. Поэтому сегодня принято говорить об «образованщине» (А. Солженицын), о «псевдоинтеллигенции» (словарь-справочник), об «интеллигентной и неинтеллигентной интеллигенции» (Г. Померанц),

«настоящей и ненастоящей интеллигенции» (А. Беленок), «полуинтеллигенции» (Е. Шаров) и др.

Другая же позиция в общественном сознании констатирует функциональное самоисчерпание интеллигенции как традиционной группы. Например, Н. Е. Покровский считает, что «социальная ниша, заполнявшаяся прежде интеллигенцией с характерной для нее нравственной ориентацией, имматериальностью, практически прекратила свое существование. Традиционная интеллигенция, утратившая социальный контекст своей деятельности (а также свой статус), частично эволюционировала в новую для России группу интеллектуалов (производителей интеллектуальных продуктов, реализуемых на рынке), частично перешла в совершенно иные социальные группы (предприниматели, маргиналы и пр.)» [142, с. 144].

В результате современная интеллигенция по-прежнему рассматривается как достаточно большая социальная группа, в которой происходят процессы ее обновления — через новые черты и характеристики, которые привносятся в нее посредством прихода новых представителей, сформировавшихся в иных социальных условиях. Как отмечают современные исследователи, сегодня в интеллигенцию постепенно внедряются в область ее периферии слои, близкие к ней по своим конституирующим признакам [336, с. 105]. В результате произошел процесс размывания интеллигенции, ее «вытеснение за пределы действительности» (Г. Кириленко). Естественно, изменилось и общее качество данной группы: «Новая интеллигенция, набежавшая из других социальных классов и групп, оказалась свободна от обостренного чувства ответственности перед народом за дело общественного служения, за верность культурным традициям, за бескорыстное стремление к истине» [37, с. 4].

Таким образом, по нашему мнению, произошла трансформация интеллигенции в плане соотношения социологического и культурологического ее содержания: серьезные изменения претерпела эта группа в связи с возрастанием доли значимости первых характеристик и уменьшением вторых (хотя обратим внимание на то, что традиционно и в современных подходах

к определению интеллигенции ситуация прямо противоположна). В результате с конца 90-х годов XX века возникает противоречие, связанное с тем, что в интеллигенции как группе происходит ослабление тех характеристик, которые всегда считались неповторимыми и уникальными, а вместе с этим происходит изменение функциональной деятельности интеллигенции и социальных ожиданий в ее отношении.

Наряду с этим, как мы уже говорили, в мировом масштабе происходит усиление групп, чья деятельность связана с интеллектуальными, знаниевыми ресурсами. Именно поэтому с ослаблением позиций интеллигенции происходит постепенное усиление позиций интеллектуалов и, как следствие, интеллектуальной элиты. Однако в конце 90-х годов XX века данная группа весьма аморфна и напоминает интеллигенцию до XIX века: у ее представителей есть качества, позволяющие относить их к данному социальному образованию, но практически отсутствует самоидентификация и наличие общих интересов. Поэтому в этот период социологическое описание интеллектуальной элиты осуществляется посредством таких социальных групп, как интеллигенция, высококвалифицированные специалисты, профессионалы и др.

Украинские исследователи отмечают, что сам «процесс структурообразования в среде интеллигенции возобновился, по видимому, с конца 1990-х годов, когда ее представителям в целом удалось преодолеть состояние «социального паралича», в значительной мере адаптироваться к изменившимся структурным возможностям, начать мобилизацию собственных ресурсов» [153, с. 211]. В конце 90-х годов XX века классовое образование высококвалифицированных специалистов и интеллигенции имело социальные масштабы около 18% взрослого населения и структурировалось, по мнению О. Д. Куценко, вокруг тех, кто определяет себя как высококвалифицированных специалистов (факторная нагрузка 0,833) и интеллигенцию (0,776). Жизненные шансы данного класса основаны на использовании прежде всего культурных ресурсов, ресурсов образования и конкурентоспособной рыночной ситуации, а его перспективы существенно зависят от

развития постиндустриальных характеристик общества. Формирующийся класс интеллигенции также неоднороден. Однако основные различия сосредоточены не столько в структурных ресурсах (как в среде бизнесменов-предпринимателей), сколько в характеристиках этоса и экзиса социального сознания, моральной практики, как бы разделенной линией «индивидуализма\ коммунализма» [153, с. 212].

Социологические исследования показывают, что к началу XXI века портрет украинского интеллигента можно описать следующим образом [370]. Подавляющее большинство интеллигентов отмечает такую черту своего характера, как терпимость (71%). Далее следуют: гостеприимство (61%), миролюбивость (51%), открытость, простота (39%). Общую же иерархию черт характера украинских интеллигентов можно увидеть на рисунке 3.7.

Украинской интеллигенции свойствен высокий образовательный уровень, стремление детально разобраться в процессах и событиях, которые происходят в общественной жизни, неравнодушные к судьбе своей Родины. Как отмечает А. Яременко, в системе ценностей интеллигентного человека высокую позицию занимает личная свобода, возможность жить и проявлять свои способности свободно и без преград. 56% опрошенных с высшим образованием (незаконченным высшим образованием) отдадут предпочтение этому фактору над социальным равенством (другими словами, по нашему мнению, отдают приоритет инструментальным ценностям интеллектуалов по сравнению с традиционными ценностями интеллигенции). В данном случае наблюдается и приоритет ценностей индивидуализма над коммуналистическими ценностями, что, на наш взгляд, является следствием усиления отряда интеллектуалов и профессионалов в среде интеллигенции. Однако и те, и другие, в терминологии Р. Инглехарта, разделяют постматериалистические взгляды либо взгляды социального либерализма и поддерживают социал-демократические позиции в отношении экономической политики, государства благосостояния, а также ценности экополитики.

Таким образом, в современном интеллектуальном слое сегодня можно увидеть и интегрирующие тенденции, и дезинтегрирующие.

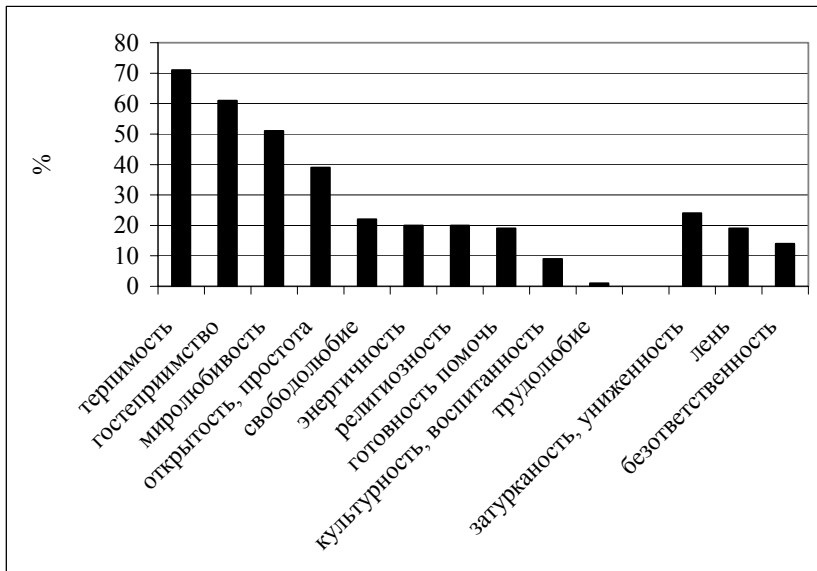

Рис. 3.7. Качества, присущие украинским интеллигентам (2000)

Поэтому особое значение при анализе современной интеллигенции и интеллектуальной элиты имеет вопрос об идентификации этих групп. Исследования социологов показывают, что в данной среде можно наблюдать амбивалентную «элитарную психологию интеллигенции» (Е. Элбакян), проявляющуюся в доминировании ситуативности над фундаментальностью идентификации или ее неадекватности.

Данный процесс характерен для большинства постсоветских стран. И российские исследователи отмечают в этой связи, что высокообразованные люди со сложными профессиями, видя себя среди социальных «низов», приписывают себе негативную идентичность, феномен которой присущ группам нисходящей социальной мобильности» [367, с. 287]. Присвоением этой идентичности профессионалы подчеркивают «ненормальный» порядок социальной жизни, опосредованно указывая на социальную

напряженность. Вероятно, это реакция на неконгруэнтность составляющих социального статуса работника — престижных социально значимых функций и низкой, нестабильной заработной платы. Негативная самооценка в данном случае — это эмоциональная оценка дефицита внешних условий для формирования, развития и реализации индивидуальных интересов, притязаний и способностей, возможностей для профессиональной самореализации, утверждения собственного достоинства [351, с. 17].

Наряду с этим в современном украинском обществе протекают и процессы позитивной идентификации. Так, общая позитивная идентификация у специалистов-профессионалов — 33%, у интеллигенции — 37%. Результаты же факторного анализа демонстрируют, что высококвалифицированные специалисты идентифицируют себя по ценностям с интеллигенцией — 0,701, интеллигенция с интеллигенцией — 0,854, служащие — 0,772 [153, с. 200, 203].

В целом, интеллигенция, служащие и высококвалифицированные специалисты составляют некоторое социально-классовое единство. Его становление происходит в социальной среде тех, «кто идентифицирует себя прежде всего с интеллигенцией (максимальная факторная нагрузка по модулю 0,854). Социальные масштабы данного класса по самоидентификациям составляют около 15% взрослого населения страны. Периферийную область класса наполняют те, кто видит свою социальную близость с квалифицированными рабочими и государственными чиновниками. Таким образом, данное социальное образование пронизывает ту социальную среду, которая связана, прежде всего, с культурно-информационными отношениями, отношениями по поводу знаний, умений, квалификации» [153, с. 205].

Однако, следует признать, что группы, составляющие данное социальное образование, достаточно сильно дифференцированы по ряду объективных и субъективных характеристик. Среди них — уровень интеллектуализации труда, отношение к формирующейся модели общества, возможности реализации своего профессионального потенциала, степень самостоятельности и др. Как показывают исследования, современные группы интеллигенции сильно дифференцированы и по уровню доходов. «Подавляющее

большинство интеллигенции работает на предприятиях государственной формы собственности (около 70%), чем заметно отличается не только от группы богатых, но и от населения в целом» [271, с. 54].

Дифференциация по уровню доходов оказывает серьезное влияние на формирование жизненных установок и стиля жизни. Так, «у бедных преобладают установки на работу, они заметно чаще ориентированы на семью как доминирующую ценность. У богатых интеллигентов явно лидирует устремление на достижения, карьеру — этот тип мотивации проявляется здесь почти в 17 раз чаще, чем среди бедных (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3

Распространенность типов жизненных ориентаций среди различных групп интеллигенции (в %) [271, с. 54]

Типы жизненных ориентаций	Группы интеллигенции по уровню благосостояния			Группы богатых в интеллигенции		
	Интеллигенция в целом	Богатые	Бедные	В целом по группе богатой интеллигенции	Предприниматели	Профессионалы
Семья и дом	9,8	0,9	21,2	0,7	—	0,9
Работа, профессия	47,6	11,6	61,6	11,9	2,3	21,2
Достижения, карьера	38,7	86,5	5,1	86,8	97,7	77,9
Нет четко выраженных ориентаций	3,8	0,9	12,1	0,6	—	—

Что касается конкретных жизненных установок, то их соотношение в группах богатых и бедных представителей интеллигенции напоминает соотношение между богатыми и бедными слоями населения в целом. Установки на получение престижной работы, создание собственного бизнеса, стремление побывать в разных странах явно превалируют в группе богатой интеллигенции.

Респонденты из числа бедной интеллигенции несколько реже, чем богатые и среднеобеспеченные, стремятся к интересной работе. Однако практически одинаково распространены ориентации на получение хорошего образования, стремление заниматься любимым делом, и что примечательно – жить не хуже других [271, с. 55].

Интересным является тот факт, что одной из стратегий достижения современной интеллигенцией успеха является реализация себя в сфере инфраструктурной деятельности (менеджмент, доступ к информации, поиск выгодных партнеров и т. д.). Однако данная деятельность, приводя к жизненному успеху в массовом его понимании (высокий уровень материальной обеспеченности, высокий социальный статус, престижная деятельность и т. д.) одновременно приводит и к снижению уровня профессиональных знаний и навыков, а, соответственно, общего профессионального потенциала личности и общества. Тем не менее неспособность государства обеспечить адекватное соотношение между ролью социальных групп и их вознаграждением, приводит к массовому использованию таких стратегий.

Особое место среди разных стратегических направлений достижения успеха занимает актуализация использования интеллекта как ресурса, что и позволяет акцентировать внимание на интеллектуальной элите общества. Современные исследователи пришли к выводу, что в украинском обществе к концу 90-х годов XX века стали значимыми такие каналы структурирования элитных сетей:

1. Во-первых, доступ индивидов в силу занимаемых ими профессионально-должностных позиций к тем или иным легальным ресурсам власти, и, прежде всего, законодательным и административно-распорядительным (средневзвешенная оценка значимости данного канала составляет 3,9 при максимальном значении 5 и минимальном 1). Указанные ресурсы играют роль катализатора в образовании и концентрации элитных сетей.

2. Следующий по значимости канал – «личностный», ресурсы лидерства (средневзвешенная оценка 3,8) [175, с 19].

Очевидно, что процесс структурирования элит опирается в значительной мере на ресурсы постиндустриального общества. Ресурсы же общества интеллекта не задействованы в данных процессах.

Необходимо учесть и тот факт, что «анализируя структурирование элит, следует обращать внимание на так называемые центробежные тенденции. К элитным сегментам относятся наиболее мобильные и самые активные представители нации, но когда они исполняют второстепенные роли и не имеют полного доступа к распределению материальных ресурсов, центробежные тенденции усиливаются, что может привести не только к деструкции отдельных государственных институтов, но и к разрушению социального единства» [128, с. 202].

Данные факты важны для нас с двух точек зрения. Во-первых, описываемые процессы структурирования элит, носящие спонтанный характер, приводят к некоторой массовости элиты (в силу того, что каналы ее ректурирования не до конца отработаны, критерии и методы отбора не унифицированы, общее представление о данных группах размыто, да и сами их представители обладают слабой идентификацией с ними).

Во-вторых, благодаря некоторой аморфности и с точки зрения образа, и с точки зрения выполняемых функций (а также смешивания в общественном сознании разных элитных групп), современные элиты часто наделяются негативными характеристиками даже со стороны ученых: «глубокий индеферизм к идее развития» (О. Гаман-Голутвина), «дисциплина и преданность власти», «утратившая интеллектуальный и нравственный авторитет» (В. Левендорский), «атомизирована» (С. Кугель) и др. И в этой тенденции интеллектуальная элита весьма схожа с интеллигенцией.

Таким образом, первый блок описания интеллигенции позволяет нам констатировать «размывание» интеллигенции, ее расслоение, снижение в ней мощи культурологических характеристик и как следствие — усиление социологических. Наряду с этим в ее рядах происходит поиск новых адаптационных стратегий, связанных с усилением роли интеллектуальных факторов

в различных видах жизнедеятельности украинского общества. Это, в свою очередь, способствует более четкому структурированию элитных сетей и интеллектуальной элиты в них, но наделению ее на современном этапе преимущественно негативными характеристиками.

Второй блок, представляющий интерес для описания интеллигенции и интеллектуальной элиты, связан со статусными изменениями представителей этих групп. Их, на наш взгляд, можно описать посредством ключевых параметров социальных статусов: материальное положение, престиж, особенности профессиональных стратегий и общие перспективы.

Подавляющее большинство исследований последних лет свидетельствуют, что положение интеллигенции в странах СНГ не только не улучшилось, но серьезно ухудшилось [75; 84; 142; 186; 205; 267; 316; 357; 370]. В результате интеллигенция оказалась одной из наиболее экономически пострадавших групп. Как следствие, «речь идет о том, что обвальное падение доходов интеллигенции немедленно откликнулось тем, что она на условной шкале социальных престижей и стратификации скатилась с устойчивого второго места (после партийно-государственной номенклатуры) на последнее, которое она делит с нетрудовыми группами населения (пенсионерами, инвалидами, школьниками)» [267, с. 34–35].

Такое положение интеллигенции породило двойственность в ее сознании: ощущение актуальности труда, которым она занимается, и одновременно — отсутствие адекватной оценки этого труда, в результате чего интеллигенция лишилась не только материального благосостояния, но и высокого рейтинга общественного уважения. «Интеллигенция не смогла сохранить собственную идентичность, выжить за счет традиционного для нее труда по своей профессии» [75, с. 153].

Общие стратификационные преобразования в украинском обществе кардинально трансформировали его социальную структуру. Как следствие — выделился так называемый средний класс (о чем мы говорили в разделе 2), который, с одной стороны, является достаточно массовым и престижным (по крайней мере,

в западных обществах). Интеллигенция со своим измененным статутом достаточно легко может быть отнесена к этому классу, особенно учитывая тот факт, что критерии принадлежности к нему в украинском обществе несколько «упрощены». В результате, по мнению А. Яременко, «по образованию, духовным, моральным качествам, отношением к культурному и историческому наследию народа интеллигенцию целиком можно отнести к условному среднему классу украинского общества. В то же время по одной из определяющих характеристик положения социальной группы в обществе – материальное положение – ситуация противоположна. По результатам социологических опросов, проведенных Украинским институтом социальных исследований совместно с Центром «Социальный мониторинг» в декабре 2000 г., 57% респондентов с высшим (неполным высшим) образованием определили свой уровень благосостояния как «очень низкий», «низкий» или «ниже среднего» [370].

Однако, как мы уже отмечали, внутри интеллигенции произошла серьезная дифференциация, связанная как с поиском путей преодоления нежелательного материального положения, так и с преодолением низкого престижа данной группы в общественном сознании. Поэтому в ее рамках в данном отношении выделяются профессионалы (которые по своим характеристикам объединяют отдельные черты интеллигенции и интеллектуальной элиты). Для них характерно признание престижности и ответственности своего труда, его необходимости для общества (в этом уверены более 60% представителей профессионалов). Вместе с тем по сравнению с непрофессионалами они отмечают низкий уровень оплаты труда (особенно это характерно для специалистов). То есть высококвалифицированный профессиональный труд получает высокую оценку у работников лишь с точки зрения содержательности, но не вознаграждения [85, с. 29].

Отдельную группу, выделяющуюся в среде активной интеллигенции, составляют специалисты, для которых характерен профессионализм без претензий на лидирующую роль вне профессиональной сферы. «Специалисты отказываются от чисто просветительских или воспитательных функций по отношению

к «незрелому» народу. Такую же трансформацию несколько раньше пережили и западные интеллектуалы. Разница состоит лишь в том, что последние вовсе не жалуются на это, превращая процесс и последствия подобной трансформации в еще один сюжет для академического исследования» [56, с. 133].

Современные исследования показывают, что именно в среде специалистов обнаружился наибольший среди всех групп интеллигенции адаптационный потенциал. Следствие этого — их основная, достаточно устойчивая, поведенческая установка — не менять своего рабочего места (более 65%). Основные направления потенциальной социальной мобильности у них — «открыть собственное дело», «перейти на частное предприятие». У представителей данной группы обнаруживается довольно высокий уровень удовлетворенности трудом в таких его слагаемых, как профессия, должность, стремление к самостоятельности. К служебному росту они относятся с достаточным энтузиазмом (43,8% опрошенных специалистов). В связи с этим любопытно оценить набор качеств, которые необходимы, по их мнению, чтобы стать руководителем. Три первых места в ряду ранжирования специалистов заняли: «умение ладить с людьми»; «ум, талант»; «высшее образование». Три последних — «иметь деньги»; «уважать законы»; «иметь влиятельных покровителей» [85, с. 29].

В целом, данный отряд интеллигенции получил новые возможности для самореализации, более полного применения профессионального опыта и способностей и, соответственно, для обретения стабильности и уверенности в завтрашнем дне. «Довольно значительная часть интеллигенции сменила прежнюю деятельность на новое поприще, связала жизнь с бизнесом. При этом одновременно с профессией она изменила свой внутренний облик, привычки, стиль жизни» [75, с. 154]. В результате неоднозначного отношения к данному факту в общественном сознании оценки данной подгруппы интеллигенции приобретают еще более негативный оттенок. Например, Дж. Лакс пишет, что «большая часть интеллектуалов — это послушные наемные работники, которые вовсе не хотят кусать руку, которая их кормит. Некоторые интеллектуалы, к сожалению, чувствуют себя слишком незначи-

тельными, и это как бы дает им право быть малодушными» [179, с. 228]. При этом в таких оценках, на наш взгляд, доминирует все тот же культурологический подход к восприятию интеллигенции, игнорирующий необходимость поддержания представителями данной группы своих статусных характеристик социологического характера.

Это относится и к мотивации изменения своих профессиональных стратегий различными группами интеллигенции. Как отмечают исследователи, «для немалой части интеллигенции, ставшей предпринимателями, основным мотивом перехода в сферу предпринимательства является желание повысить уровень своего благосостояния (61,9%), стремление к независимости и самостоятельности в работе (53,4%), а также желание полностью раскрыть свои способности и возможности (31,7%)» [75, с. 155].

В целом, как было показано выше, доля интеллигенции, изменившая традиционную профессиональную стратегию, невелика, что, собственно, и разделило интеллигенцию на «бедную» и «богатую». При этом «представители бедной интеллигенции заметно чаще прибегают к двойной занятости. И почти в трети случаев доходы, получаемые вне основной работы, становятся главным источником их семейного бюджета». Основная же граница между группами богатой и бедной интеллигенции пролегает не только в плоскости доходно-имущественного неравенства, но и в отношении качества их профессиональных ресурсов, типов жизненных ориентаций и моделей поведения [271, с. 54].

Данный факт важен для нас с точки зрения не только нынешнего состояния интеллигенции, но и перспектив развития ее отдельных слоев. По данным украинских исследователей, общая динамика шансов для интеллигенции — 0,45 [153, с. 211]. Однако при этом, «объективно оценивая ситуацию, следует отметить, что большая часть современной интеллигенции обречена на то, что она так и не сможет «подняться», оставшись в своем нынешнем состоянии. Прежде всего это касается тех, кто получил образование в советские времена и оказался неспособным переориентироваться в соответствии с реалиями рыночной современности; тех, чья система жизненных ценностей и поведенческих

ориентаций была сформирована в прошлое время, в целом большей части интеллигенции старшего поколения» [370]. Максимальные шансы осуществить жизненные планы и достичь успеха у: IV класса – 33,3%, I – 22,1%, II – 19,7% (по схеме Голдторпа (см. разд. 2)). При этом «фактор, определявшийся шансами на самореализацию и карьеру, единственный из четырех, в котором негативные и позитивные оценки имеют тенденцию к последовательному увеличению или уменьшению от первого класса до восьмого» [241, с. 40] (см. также табл. 3.4).

Таблица 3.4

Распределение оценок возможности реализовать себя как специалиста в различных классах (по схеме Голдторпа) украинского общества (в %)

<i>Классы</i>	Негативная оценка возможностей	Позитивная оценка возможностей
1	37,9	38,9
2	37,9	28,8
3	55,6	12,1
4	45,5	19,7
5	48,5	18,6
6	58,5	14,6
7	64,8	9,2
8	70,4	4,1

Таким образом, анализ второго блока описания интеллигенции и формирующейся из нее интеллектуальной элиты показал, что в отношении социального статуса интеллигенции произошли серьезные изменения, связанные с падением ее уровня жизни и общего престижа интеллектуальной деятельности, в результате чего она резко понизила свой социальный статус в украинском обществе. Однако адаптивный потенциал различных подразрядов интеллигенции оказался неравным, поэтому часть представителей данной группы избрала различные, в том числе и более эффективные стратегии достижения жизненного успеха и поднялась выше (или сохранила свои позиции) по ступенькам социальной лестницы. Однако это стало еще одним свидетельством серьезной

дифференциации интеллигенции, а значит, и трансформации тех функций, которые она выполняет. Поэтому третий блок, выделенный нами для анализа современной интеллигенции, – функциональные изменения в ее деятельности.

О функциях интеллигенции и интеллектуальной элиты мы уже вели речь выше (см. подразделы 3.3, 3.4). Что же происходит с ними в современных условиях? Исходя из описанных выше трансформаций рассматриваемых нами групп – ослабление функций первой группы и усиление второй.

По оценкам ученых, социальная группа интеллигенции, «во-первых, оказывается лишенной своей главной социальной функции (генерация и распространение духовно-нравственных ценностей). А, во-вторых, она теряет «пространство» в социальных структурах общества» [267, с. 38]; она «разуверилась в желании и возможности государства поддерживать развитие интеллектуальной деятельности» [24]; происходит отказ социально активной интеллигенции от того, чтобы «учить народ» и вести его за собой [56, с. 133] и т. д.

Пожалуй, ключевой проблемой в реализации функций интеллигенции остается оценка ее роли для общества. Интересно, что одновременно с ослаблением позиций интеллигенции в целом в данном отношении происходит усиление акцента в реализации ее функциональной нагрузки на интеллектуальную элиту. На наш взгляд, это связано, с одной стороны, с аморфностью и размытостью интеллигенции. А с другой – с изменениями самой социальной среды, в которой осуществляется функционирование этих групп (в данном плане речь идет, прежде всего, об интеллектуализации социальной жизни, в условиях которой само понимание процесса «вести за собой» наполняется иными требованиями).

Вот что отмечают по этому поводу российские социологи. «Интеллигенция прошлых времен словно бы служила интерпретатором и ретранслятором культурных ценностей на базе тесной связи между образом культурного человека и грамотностью (в самом прямом смысле – как умением читать и писать). Коммуникационные связи, основанные на передаче письменного текста, имели стратификационное значение, и этим поддерживались,

во-первых, идентичность интеллигенции как высококультурного слоя, во-вторых, ее миссионерские установки (стремление облагородить народ, внести в него подлинную культуру). Эти характеристики воспроизводятся на протяжении смены поколений даже при изменении социального строя. Однако в конце XX века среда ее действий существенно преобразилась, и роль носителя культурных ценностей уже не может быть прежней. Изменился смысл грамотности, которая все меньше связана с работой над письменным текстом, что сократило дистанцию, разделяющую высококультурные и малокультурные слои в плане доступа к информативным источникам, необходимым для жизненной ориентации. Но еще более существенно то, что преобразование информации через СМИ привело к фрагментарности картины мира как важной стороны современной культурной жизни, где ведущее свойство мировоззрения интеллигентного человека — целостность — оказывается неадаптивным» [94, с. 140]. В результате функциональное назначение интеллигенции изменяется. «Умственный труд, интеллектуальное и художественное творчество перестают быть делом группы людей с определенной образовательной подготовкой, основанной на специальном знании и идентификации с определенными культурными образцами» [311, с. 63].

Таким образом, в современных условиях речь идет о том, что, с одной стороны, изменяется качество интеллигенции как группы, что негативно сказывается на выполнении ею своих традиционных функций. С другой стороны, трансформируется само содержание этих функций, что актуализирует вопросы о потенциале интеллигенции. Как отмечают украинские исследователи, интеллигенция обладает значимыми ресурсами социального участия. Однако заметно более слабыми здесь являются ресурсы собственности, дохода, контроля и организации. Вместе с тем интеллигенция, аккумулируя доступ к культурным ресурсам, в условиях постиндустриального смещения общества получает исключительные возможности контроля над ментальной сферой, над производством «образов» общества. Представители данной социальной среды сумели существенно расширить свою свободу, повысить

возможности самореализации, но вместе с тем остро ощущают диссонанс между притязаниями, их ресурсным обеспечением и социальной отдачей [153, с. 210–211]. Данная ситуация определяет выделение четвертого блока в рамках нашего анализа — блока, связанного с социальными ожиданиями в отношении интеллигенции и интеллектуальной элиты. Здесь нам видится важным рассмотрение ожиданий самих этих групп и ожиданий общества от них. Такой ракурс анализа позволяет рассмотреть реализацию деятельностного потенциала интеллигенции и интеллектуальной элиты в практике их жизнедеятельности в современном обществе, а также конкретизировать вопрос о позиционировании данных групп в обществе.

Обращение к западным моделям социального восприятия интеллигенции и интеллектуальной элиты позволяет констатировать тот факт, что в «ведущих индустриальных странах с развитой экономикой интеллектуалы составляют уважаемую часть общества. Речь идет не только об их высоком социальном статусе, но и об уровне доходов. Например, в США и Японии средний размер оплаты труда в науке в два раза выше, чем в народном хозяйстве в целом. Даже в не столь богатых странах Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой из числа наших бывших партнеров по социалистическому лагерю реальная заработная плата и уровень жизни интеллигенции выше, чем в России» [75, с. 157] и Украине. В соответствии с этим и формируются достаточно высокие и позитивные ожидания от представителей интеллектуального слоя.

Серьезная дифференциация данного слоя в украинском обществе порождает аналогичную дифференциацию социальных ожиданий от него. Наш анализ показал, что их можно сгруппировать в два полюса: негативный и позитивный. Первый опирается на факт утраты интеллигенцией ее духовного престижа, «мессианской роли учителя жизни» (Н. Покровский). Как следствие — представление о том, что «как в прошлом, так и сегодня выдвижение интеллектуалов на ведущие позиции в обществе представляет собой утопию, ибо в данном социально-этическом плане нет такой целостной группы интеллектуалов, обладающих

достаточными возможностями даже для просветительской деятельности, а не только для преобразования общества в какой бы то ни было степени» [204, с. 23]. По социологическим опросам, люди из всех прочих социальных групп воспринимают интеллигенцию как силу, с которой в наименьшей степени у них связаны надежды на возможные изменения к лучшему [181]. Исследования показывают, что в сознании подавляющего большинства населения Украины доминируют негативные, а не позитивные факторы общественной солидарности [68, с. 13]. Это свидетельствует о том, что позитивный потенциал интеллектуальной элиты может быть не востребован в общественном сознании, не актуализирован настолько, насколько это необходимо.

Тем не менее, как мы уже отмечали, негативный полюс социальных ожиданий от интеллигенции и интеллектуальной элиты компенсируется позитивным полюсом. Его существование связано не только с традиционными ожиданиями от интеллектуальных слоев, но и с тем, что современные условия развития обществ, «развитие новых социальных образцов нуждается в неординарных качествах мышления, а также инициативе...» [187, с. 36–37], что, безусловно, присуще интеллектуальной элите и части современной интеллигенции.

Позитивные социальные ожидания от рассматриваемых нами групп концентрируются вокруг потенциальных возможностей интеллигенции сохранять вариативность возможностей социального выбора в различных сферах жизнедеятельности общества (Г. Пшебинда), в сохранении позитивных элементов существующего в обществе мировоззрения и в преобразовании социального наследия в направлении его рационализации (Е. Элбакян) и т. д.

Потенциал социальных ожиданий от интеллектуальной элиты формируется сегодня благодаря их знаниевому капиталу: «интеллектуалы действительно знают или, по крайней мере, могут знать лучше других, к чему следует стремиться и что нужно сделать, чтобы достичь этой цели. Приоритет, предоставляемый обществом такому знанию, несет с собой серьезную, возможно, весьма обременительную ответственность» [179, с. 229].

Следует отметить, что, несмотря на общее доминирование негативного восприятия современных элитных групп в современном постсоветском, в том числе и украинском обществе, наличие позитивного блока социальных ожиданий в их отношении весьма важно. Однако данный факт накладывает особую ответственность на эти группы и на общество в целом, ведь именно последнее формирует каналы рекрутирования элитных групп, выдвигает требования к их представителям как в плане личностных характеристик, так и в плане социальной ответственности. И весьма уместно в данном случае высказывание Г. Ашина о том, что «если мы допускаем наличие элиты в демократической политической системе, то она должна отвечать ряду условий и прежде всего быть максимально открытой для талантливых выходцев из всех слоев общества. Она должна быть подлинной меритократией — властью наиболее одаренных, элитой заслуг, способностей, компетентности» [29] — смысл, заложенный в ценностных концепциях элиты.

Таким образом, в социальных ожиданиях от современной интеллигенции и интеллектуальной элиты сочетаются негативные и позитивные элементы. При этом такая ситуация, с одной стороны, детерминируется, а с другой — формирует характер обратной социальной связи исследуемых групп с обществом и его элементами.

Как показывают данные украинских исследований [370], ни один из социальных институтов или руководящих позиций современного украинского общества на сегодня не пользуются достаточным резервом доверия среди населения в целом и среди интеллигенции в особенности, что обуславливает значительные затруднения во взаимоотношениях между этими двумя составляющими социальной жизни.

Столкновение противоречивых интересов с необходимостью определяет возникновение и развитие ситуации социальной напряженности, возрастание конфликтного потенциала общества. Интеллигенция больше склонна отстаивать свои интересы через легитимные формы протестного поведения, в отличие от низкообразованных респондентов.

Достаточно показательным является отношение интеллигенции к возможным перспективам и путям построения основ гражданского общества в Украине. Обобщение и анализ результатов социологических опросов позволяет прийти к выводу, что граждане Украины с высоким уровнем образования в сравнении с населением в целом больше склонны поддерживать рыночные преобразования в обществе, чаще других не желают возвращения прошлого...

Подавляющее большинство интеллигентных людей убеждены, что, несмотря на наличие проблем в демократической системе организации общественной жизни, она все-таки лучше, чем какая-либо другая форма правления. Такой точки зрения придерживаются 79% респондентов с высшим (незаконченным высшим) образованием и 61% тех, у кого уровень образования ниже.

В такой ситуации особый интерес представляют перспективы интеллигенции и формирующейся на ее базе интеллектуальной элиты. Однозначно они не могут быть оценены. Безусловным является и тот факт, что в формируемом обществе интеллекта ведущие позиции будут принадлежать интеллектуальной элите. Тем не менее социум неизбежно столкнется с проблемой сохранения и развития своей духовной, культурной, нравственной сферы, и выполнить эту роль сможет только интеллигенция. Именно поэтому потребность в ней даже в обществе с высокой интеллектуализацией труда по-прежнему сохраняется.

Ключевые параметры этой группы — духовность, образованность, нравственность. И в контексте проводимого нами анализа вопрос о том, нужна ли интеллигенция обществу интеллекта, трансформируется в вопрос о потребности общества в духовности, образованности и нравственности.

В анализе возможного ответа на этот вопрос очевидны два основных вектора: вектор государственной политики и вектор реальной практики социальных отношений. И в данном аспекте эти векторы, к сожалению, часто вступают в противоречивые отношения. Несмотря на то что «жесткий прагматизм сегодняшних реалий и завтрашних заданий не должен отодвигать на задний план проблемы духовности ... и необходимо отнести к наивысшим

государственным добродетелям интеллект, интеллигентность, образованность, внутреннюю культуру личности» [67], мы вынуждены во многом согласиться с тем, что с развитием рыночной экономики классическая интеллигенция исчезает. По-видимому, это связано с недостаточной востребованностью ключевых качеств интеллигенции в современном обществе. Причем их невостребованность носит не субъективный, а объективный характер, и именно этот поток социального детерминизма порождает противоречия между желаемым и реальным.

Тем не менее, откинув сиюминутные проблемы и потребности, мы должны признать и тот факт, что стабильное общество не может существовать без собственных духовных, культурных, образовательных традиций. Особенно актуальной эта проблема становится в контексте глобализационных процессов, когда, признавая в теории и реализуя на практике открытость социумов друг для друга, они по-прежнему, а, возможно, и с большей силой стремятся к сохранению своей самобытности. Выполнение данной функции под силу тем социальным группам, которые по своей сущности близки к интеллигенции.

Таким образом, в постсоветских обществах в ближайшее время неизбежно столкнутся две тенденции — к интеллектуализации и прагматичности развития и к культурному и духовному сохранению социума. И в этой связи неизбежен вопрос о возможных моделях поведения двух ключевых групп для этих стратегий — интеллектуальной элиты и интеллигенции. Особый тип взаимодействия этих групп связан и с тем, что «с технической точки зрения культура достигла сегодня потрясающих результатов. Но, наряду с тем, что технический прогресс движется сегодня со скоростью ракеты, его духовная культура ползет черепашиным шагом» [148, с. 283]. В результате — развитие интеллектуалов активно востребовано, а интеллигенции, чья ключевая функция — духовность, намного меньше. В условиях же кризисного состояния общества проблемы, связанные с духовностью, обостряются, и роль интеллигенции, ее положение становится более нестабильным.

«Социальные перспективы класса интеллигенции в украинском обществе существенно зависят от меры развития постиндустриального аспекта общественных отношений и повышения роли культурного капитала в обществе. В свою очередь, успешное вхождение украинского общества в волну глобальных цивилизационных сдвигов в значительной мере определяется потенциалом данного масштабного по численности класса. Именно поэтому его укрепление требует от государства и общества особенного внимания и поддержки» [153, с. 219]. Они, на наш взгляд, должны касаться трех «зон», в которых существуют максимальные барьеры в адаптации работников умственного труда к условиям современного общества. Это, прежде всего, социальная защита основных отрядов интеллигенции, решение проблемы интеллектуальной собственности и механизмов преемственности в развитии интеллектуального потенциала общества и его эффективного использования. (Причем данный круг проблем характерен для большей части постсоветского пространства. Например, «от 2,5 до 4 млн человек, живущих в России, составляют активную движущую силу общества (в других странах примерно те же пропорции). Это ученые, высококвалифицированные специалисты, предприниматели, интеллектуальная элита. Это те, кто легко может быть куплен на западном рынке за \$100 тыс. в год и больше. Их выработка на человека составляет не менее \$340 тыс. в год. К тому же доля ВВП, полученная от человека-интеллектуала, гораздо больше доли, которую мы можем получить от всех прочих наших отраслей вместе взятых» [348]).

Однако, как показывает наш анализ, именно блок развития интеллектуальных ресурсов общества является наиболее проблемным для современной Украины. Причем его проблемность проявляется как на объективном, так и на субъективном уровне.

На первом — объективном уровне — современное общество столкнулось с противоречием традиционного для него отношения к интеллектуальной деятельности и необходимости его количественно оценивать в условиях рынка.

Кроме того, сегодня в Украине и других постсоветских странах слабо развита и внедрена концепция интеллектуального

суверенитета, основанная на праве субъектов развивать свой интеллект, реализовывать его возможности. По данным социологических исследований, «примерно 20% профессионалов сегодня не используют свои знания, опыт и квалификацию полностью. Они выше у них требуемого на производстве профессионального уровня» [85, с. 36]. Для них характерна противоречивая, во многом пассивно-выжидательная позиция, в рамках которой не используется (по объективным или субъективным причинам) их профессионально-квалификационный потенциал. Следовательно, политика государства должна быть направлена на ускоренную модернизацию и совершенствование производственных процессов и оптимизацию системы профессиональной подготовки кадров.

Проблемой в современном обществе является и общее отношение к высокоинтеллектуальным людям. Современные исследования показывают, что «чем выше IQ индивида, тем меньше у него шансов на то, что среднее сообщество захочет признать в нем своего лидера. Американские же ученые подсчитали: если уровень интеллекта индивида, претендующего на власть, выше интеллекта его окружения больше, чем на 30 пунктов, то можно с полной уверенностью сказать — сообщество его не примет. Чем логичнее, обоснованнее будут его предложения, тем быстрее он рискует стать нежелательным объектом для выбирающего его большинства» [272]. Однако при этом считается, что успешное развитие государства в значительной степени зависит от того, в какой мере удастся в данном обществе привести интеллектуальные качества человека в соответствие с его общественным положением [69, с. 64].

Кроме того, в современном украинском обществе еще не выработаны механизмы рекрутирования интеллектуальной элиты. При этом проблема состоит не только в «технологии» данного процесса, но и в том, что произошедшее разрушение механизма преемственности в рядах интеллектуальной элиты порождает сегодня целый ряд дополнительных вопросов.

В данной связи нужно учесть и то, что «элитарные качества с возрастом слабеют, и многие стареющие представители элиты,

не желая выглядеть тускло на ярком фоне талантливых новичков, руководствуются при приеме их правилом: «Пусть чуть хуже меня, но лишь бы не намного лучше» [93, с. 20–30]. Вследствие таких обстоятельств может возникнуть противоречие между элитной группой и действительной интеллектуальной элитой, то есть не включенными в элитную группы интеллектуалами. Элитная группа деградирует, подлинная интеллектуальная элита оказывается не выявленной и не институционализированной [186, с. 100].

Особое положение в ряду проблем, связанных с интеллектуализацией общественной жизни, занимает интеллектуальное расслоение. Ведь с возникновением интеллектуального слоя нового качества та часть социума, которая не способна усвоить его ключевые ценности (доминирующие в социальном пространстве и определяющие характер его развития), теряет свою значимость в общественной жизни. В результате интеллектуальное расслоение становится основой социального расслоения и происходящей в обществе трансформации критериев социальной дифференциации, которые все больше видоизменяются под стандарты общества интеллекта. Однако, несмотря на то, что интеллектуальная элита в таком обществе занимает лидирующие позиции, интеллигенция сохраняет за собой нравственно-этическую, духовную нишу социального бытия, без которой невозможно развитие любого социума.

Поэтому в украинском обществе интеллигенция и интеллектуальная элита должны рассматриваться как один из важнейших «стратегических ресурсов». Следовательно, основной задачей государственной политики должно являться создание условий для развития и реализации интеллектуальных способностей и интеллектуального потенциала личности в интересах общества, государства и ее самой. Без сомнения, значительный пласт возможностей решения данных задач лежит в системе образования.

РАЗДЕЛ 4

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО ЭЛИТЫ

4.1. Образование в контексте меритократических тенденций развития социальной структуры общества

Системная трансформация современных социальных систем, расширение рыночного и демократического пространства в современном мире привели к изменению роли многих социальных институтов. Их традиционная структура, система функций и общее значение в обществе трансформируются в соответствии с новыми требованиями и все возрастающей интенсивностью жизнедеятельности обществ. К таким институтам можно отнести и институт образования. В рамках данного института наиболее ярко проявляются обозначенные тенденции, наблюдается ряд особенностей, характерных исключительно для данного социального института. Причиной обусловленностью этого становится традиционное, значимое положение системы образования в целом и высшего образования, в частности, в обществе. При этом следует отметить, что данная роль трансформируется незначительно лишь в отдельных компонентах различных социальных систем, в общем сохраняя свою целостность и функции.

Конструирование общества интеллекта — достаточно неоднозначный и противоречивый процесс, в котором происходит репозиционирование социальных групп и социальных институтов; трансформация механизмов социального взаимодействия и изменение «веса» различных общественных капиталов. В таких условиях не может сохраняться традиционная схема, определявшая в течение длительного времени вклад социальных субъектов в результаты социальных преобразований. Ведь в «пространстве» социальных субъектов сконцентрированы разные капиталы, которые имеют гарантированную значимость в стабильном обществе, однако в процессе формирования нового типа общества данная значимость уже ставится под сомнение. В результате само общество старается определить для себя приоритетные стратегии,

и, как следствие, — приоритетные ресурсы и капиталы, которые будут обладать особой значимостью в рамках выбранных стратегий. А это означает, что само общество будет стремиться к развитию тех социальных институтов и механизмов, которые «отвечают» за формирование данных ресурсов.

Описанные нами в первом разделе тенденции развития современного общества, которые являются во многом отражением его реакции на вызовы современности, позволяют утверждать, что одним из наиболее значимых социальных институтов, всегда в большой степени отвечавших за успешную реализацию стратегий развития общества (а в условиях постиндустриального (информационного, технотронного и т. д.) играющего исключительную роль в данных процессах), является институт образования. И сегодня не только теоретические положения классиков постиндустриального общества выступают основой для таких утверждений. Сегодняшние социальные практики большинства развитых стран являются непосредственным свидетельством этому.

Естественным, с точки зрения нашего исследования, является вопрос о том, почему образование рассматривается в качестве одного из ключевых институтов современного общества и, соответственно, стартовой площадки для формирования общества интеллекта. На наш взгляд, можно остановиться на нескольких аргументах. *Во-первых*, учебные заведения являются «поставщиками» квалифицированной рабочей силы. Как мы уже отмечали, для современного общества характерна тенденция интеллектуализации жизнедеятельности. Данная тенденция непосредственно касается подавляющего большинства профессий, а способность представителей этих профессий адекватно реагировать на тенденции развития социума закладывается и обеспечивается именно системой образования в разных ее формах. Таким образом, занимая стратегически важные позиции, элементы системы образования играют ключевую роль в мире интеллектуального труда.

Более того, современное общество конструирует стратегии своего успеха, ориентируясь на развитие интеллектуального ресурса, который сегодня рассматривается в глобальном масштабе

как один из ведущих критериев позиционирования стран в мировом сообществе. И в этом плане очевидно, что «основу интеллектуального ресурса составляют кадры, то есть творчески мыслящие люди, степень участия которых в исследовательско-познавательной деятельности в сфере НТП определяется уровнем их воспитания, образования, квалификации, опытом, умением и навыками, социальной активностью, способностью к творчеству, здоровьем, наличием необходимой информации и технических средств, применяемой формой организации и оплаты труда и другими факторами. Таким образом, качество интеллектуального ресурса в значительной степени зависит от применяемой обществом системы образования, в которой ведущее место принадлежит высшей школе» [70, с. 59].

Во-вторых, учебные заведения во многом задают тон социокультурной и социоэкономической жизни страны. В их рамках транслируются модели и пути развития различных направлений жизнедеятельности социума. В них максимально сконцентрированы знания о прошлом и настоящем, что, наряду с умением творчески решать возникающие задачи, позволяет тем, кто оканчивает учебные заведения, эффективно конструировать будущее. Как отмечает в этой связи Д. Белл, «в сегодняшнем мире американской культуры университеты стали доминирующей силой» [41, с. 171].

Данный аргумент в пользу значимости образования имеет свои особенности проявления в различных социальных системах. И в современном мире, особенно в транзитивных, трансформирующихся обществах, можно наблюдать ряд противоречий в данном отношении. Большинство из них связаны с консервативностью системы образования в целом, инерционностью сознания субъектов образовательного процесса, которые порой выступают препятствием на пути реализации образованием как социальным институтом данного вида деятельности. Однако следует отметить, что в рамках глобальных тенденций, при которых общество все больше и больше зиждется на знаниях, образование, особенно высшее, выступает в качестве основного компонента культурного и социально-экономического устойчивого развития сообществ

и наций. Поэтому развитие образования отнесено в большинстве стран мира к числу самых важных национальных приоритетов.

В-третьих, образование в современных условиях выступает неким «экспертом» общественной жизни в целом и ее отдельных секторов, поскольку в образовании сконцентрирован мощный интеллектуальный капитал. Благодаря этому, а также преодолению разрыва между образованием и бизнес-средой (под которой мы понимаем всю совокупность социальных связей, отражающих взаимодействие социальных субъектов на рынке труда по поводу различных аспектов осуществления трудовой деятельности), специалисты сферы образования становятся все более востребованы в качестве консультантов и экспертов.

Данная тенденция наиболее четко оформилась в западных странах: «Новая роль знания в современном мире значительно расширила сферу влияния вузовской интеллигенции. Преподаватели колледжей и университетов отличаются исключительно высоким уровнем социальной активности. Они часто выступают с публичными лекциями, докладами, работают консультантами, принимают активное участие в политических дискуссиях по актуальным проблемам. Представителей академических кругов привлекают в качестве экспертов к участию в работе всевозможных комиссий. Известные ученые могут воздействовать на общественное мнение при помощи средств массовой информации, особенно когда обсуждаются вопросы, требующие специальных знаний. Среди властителей дум американской интеллигенции, интеллектуальной элиты страны около 40% – профессора университетов, причем более половины из них приходится на долю четырех элитарных вузов: Гарвардского, Колумбийского, Йельского и Нью-Йоркского университетов. Мнение академических кругов интересует правительство и бизнес» [168, с. 173].

В-четвертых, система образования выполняет роль стабилизатора общественного развития. И в данном случае традиционное его восприятие как консервативной системы выступает позитивным элементом общественной жизни. В рамках своего социального влияния образование способствует поддержанию определенной системы общественных отношений, формированию

и поддержанию того или иного типа социальной структуры, развитию норм и ценностей, сохранению традиций.

Безусловно, речь в данном случае не идет о том, что образование «консервирует» общественные отношения. Речь идет о том, что в условиях социальной нестабильности оно выступает тем элементом, который уравнивает инновационные и трансформационные потоки традиционными ценностями и практиками. При этом в условиях интеллектуализации само образование может стимулировать различные инновации и общественные изменения.

Подтверждением такого положения вещей может выступать и позиция С. Липсета. Мэтр политической социологии стремился доказать, что стабильность демократического правления зависит от уровня экономического развития и образования населения. По его мнению, ведущие демократические государства именно этим и отличаются. Проведя сравнительный анализ, он утверждает, что со степенью достатка и образованности среднего гражданина уменьшается потенциал радикализма и авторитаризма в обществе. Эти же факторы способствуют росту среднего класса, который выполняет роль буфера между правящей верхушкой и низшими классами, он же становится базой различных автономных ассоциаций, центров влияния, которые действуют как посредники между правительством и общностями. С. Липсет делает вывод о существенном изменении отношений элит и массы благодаря влиянию общественного мнения, электорального выбора, объединений и союзов граждан, СМИ и т. д., а также значимости общественной морали (превалирование общественных интересов, альтруизма, гуманистических идеалов). Все это объясняется укреплением суб-элитных объединений, их влиянием на политическую элиту. Выводы С. Липсета о роли автономных центров влияния, прежде всего интеллектуальных, во времена перехода от недемократических режимов к демократическим, то, что они — и главное условие, и гарант действительной демократизации, нашли подтверждение в сравнительных исследованиях элит Восточной Европы [см. 324, с. 20—21]. Таким образом, система образования оказывает стабилизирующее влияние на весь социум.

В-пятых, образование выступает источником развития общества. Благодаря своему инновационному потенциалу, интегрируя свои усилия с наукой и современной практикой, образование стимулирует рождение новых идей и технологий, стилей достижения успеха и способов принятия эффективных управленческих решений и т. д.

Потенциал образования в данном отношении ценился всегда и особенно ценен сегодня. Как считает И. Тарапов, «уровнем цивилизации и благосостояния общество во многом обязано тому потоку знаний и умений, который поступал и поступает из университетов, обязано многогранной деятельности всех научных и образовательных заведений, этих источников знания и образования. Знания, образование – основа человеческого прогресса. И никогда еще в истории человечества они не имели столь решающего значения, как в нашу эпоху. Не будь успехов в современном образовании, человечество оказалось бы нежизнеспособным. И поэтому столь важны и деятельность всей системы образования, и внимание к ней со стороны общества и государства, и понимание ее роли в жизни всего народа» [326, с. 81]. Поэтому образование может рассматриваться как стартовая площадка для формирования нового типа общества – общества интеллекта.

И, наконец, *в-шестых*, образование способствует формированию определенного типа личности, который является востребованным в современном социальном пространстве и будет востребован в нем завтра.

В силу данного свойства системы образования ее «конечный продукт» в современном украинском обществе помимо профессиональных качеств по-прежнему в своем большинстве обладает и системой морально-этических качеств, и определенным культурным уровнем. При этом их глубина варьируется в зависимости от стабильности социальной системы в целом.

Современные процессы, происходящие в украинском обществе, позволяют говорить о том, что сегодня наблюдается определенная переориентация на иной тип «конечного продукта» системы образования, в котором по примеру многих развитых стран Запада доминирует система профессиональных качеств.

Безусловно, причиной тому во многом явилась общая ломка системы ценностных ориентаций, аномия в общественном сознании, большой поток эмиграции и др.

На наш взгляд, прогрессивный опыт других стран создал иллюзию о возможном эффективном разьединении профессиональных и нравственно-культурных качеств в образе отечественного специалиста. Необходимо учитывать, что в западных странах существует совокупность иных (отличных от образования) механизмов, стабильно и постоянно формирующих образ гражданина и регулирующих соответствие ему большинства членов социума. Вся эта система основана на всеобщих принципах воспитания, которые имеют сквозной характер на протяжении всей жизни человека.

Следует иметь в виду, что такой механизм приемлем не для всех социальных систем. Для такого восприятия системы ценностей важным представляется наличие определенного типа менталитета, формирование которого является достаточно длительным процессом. Поэтому попытки изменения парадигмы образования и, соответственно, ее «конечного продукта» в сторону чистой профессионализации являются в современных условиях украинского общества несостоятельными в силу их неестественности.

Речь сегодня может идти о поиске интегрального образа студента-выпускника, объединяющего в себе в достаточной мере развитые интеллектуальные и нравственные качества.

Влияние системы образования на личность всегда значительно. От нее во многом зависит то, какими ценностями будут руководствоваться люди в своих практиках, на каких принципах будут выстраивать взаимодействие с другими людьми. За время обучения у человека формируется его мировоззрение, отрабатывается модель его социального поведения. Годы, проведенные в образовательных учреждениях, оставляют заметный след в жизни человека. Именно образование своим влиянием, нормами, моделями и подходами к различным видам деятельности способно развить те задатки, которыми одарила человека природа, сформировать такие личностные качества, которые будут способствовать поддержанию стабильного хода развития общества и наполнению

его элементами инновационного развития и т. д. Поэтому образование непосредственно определяет и качество интеллектуальной элиты, формирующейся и развивающейся в том или ином обществе.

В современных условиях значительные изменения происходят в различных социальных институтах, в функционирование которых непосредственно включена личность. Данные изменения соответствуют требованиям, которые выдвигаются к обществу и личности вызовами современности. Поэтому сегодня речь идет о том, что «новый уровень социального развития человечества и отдельных цивилизаций, основанный на современных научно-технических достижениях и тотальной информатизации, актуализирует потребность в одаренных личностях, которые владеют потенциальными возможностями для творческого решения самых сложных задач. Именно с этим связан новый виток социального и экономического прогресса человечества в XXI веке, что диктует необходимость радикального переосмысления концепции образования и воспитания, а также более решительной практической переориентации социальной политики государства и всех образовательных и воспитательных институтов в соответствии с новыми императивами» [308, с. 161–162].

В аналогичном русле размышляют сегодня и западные исследователи. Например, французский ученый М. Крозье считает, что современная система образования «плохо готовит к будущему, чья сложность ставит в тупик среднего человека» [379, с. 40]. Причем эта сложность не сводится лишь к росту количества знаний, необходимых для жизни. Количество знаний, которое передается системой образования, особенно высшего, очень велико. Но скорость изменений во всех сферах жизни делает их устаревшими буквально за считанные годы. Отсюда вывод: лишь способность к решению разнообразных проблем в непривычных условиях может дать шанс успешной и активной адаптации к динамично развивающемуся обществу. Такая способность может быть развита не на уровне теоретического изучения абстрактных моделей и научных теорий, а на собственном опыте.

В целом, значимость такого свойства образования, как формирование определенного типа личности, обусловлено тем, что система образования — одна из подсистем общества, в которой наиболее ярко проявляется возможность благодаря формированию нового типа личности наращивать интеллектуальный потенциал общества и развивать его человеческий капитал.

Таким образом, очевидно, что сегодня можно обозначить, по крайней мере, шесть аспектов функционирования системы образования, которые подтверждают тот факт, что она может рассматриваться в качестве одного из ключевых институтов современного общества и, соответственно, как стартовая площадка для конструирования общества интеллекта и формирования в нем интеллектуальной элиты.

Функционирование системы образования протекает в общих рамках «рождения» нового типа общества. Для системы образования это означает, что ее развитие должно коррелировать со стратегиями социальных субъектов и общества в целом в ответах на те вызовы, которые выдвигает к ним современность. В поиске оптимальных ответов на эти вызовы конструируется модель укрепления интеллектуального потенциала общества и путей формирования интеллектуальной элиты, которая займет одно из центральных мест в социальной структуре общества интеллекта.

Сегодня можно говорить о том, что в целом меритократические тенденции в системе образования, коррелирующие с аналогичными тенденциями в рамках развития всего общества, уже достаточно сильно представлены даже в отечественных образовательных практиках. На наш взгляд, наиболее полное отражение данные тенденции получили в следующих векторах развития.

- **Возрастание общей роли образования в развитии человеческого капитала общества.** Сегодня стало очевидно, что движение обществ по пути прогресса возможно не столько благодаря техническим достижениям, сколько благодаря развитию человеческого капитала — совокупности качеств, компетенций, характеристик и умений людей, реализующих себя на том или ином социальном пространстве. Особую значимость данный факт приобретает в связи с пониманием нами интеллектуальной элиты посредством

не только различных составляющих личностного потенциала, но и социально значимых результатов ее профессиональной деятельности. Ведь именно люди становятся источниками всех инноваций и достижений, которые используются обществом для своего прогресса. И, без сомнения, особую роль в этом играет система образования, от которой во многом зависит то, какое качество человеческих ресурсов будет сформировано сегодня и каким оно станет завтра.

Сегодня понимание такой роли образования становится все более распространенным. Например, в резолюциях XXI и XXII конгрессов Социалистического Интернационала (Париж, ноябрь 1999 г.; Сан-Паулу, октябрь 2003 г.) будущее «общество знаний» связывается с инвестициями в наиболее ценный ресурс – человеческий капитал – с использованием системы образования и здравоохранения. В Сан-Пауловской Декларации «Управление в глобальном обществе – социал-демократический подход» заявляется: «Образование – ключевой фактор устойчивого развития демократии и мира внутри каждой из стран и между ними; тем самым оно выступает и как действенное средство эффективной социальной интеграции и соучастия в делах общества, равно как и экономического развития в XXI веке» [388].

Таким образом, очевидно, что в современном обществе образование распространяет свое влияние на все сферы общественной жизни, которые становятся напрямую зависимы от него. Роль образования рассматривается сегодня как та, которая позволяет осуществлять развитие индивидуальных потенций личности, а обществу – использовать их для собственного развития. В итоге образование рассматривается как право человека, обогащающее принципы его свободы, рационального отношения к жизни, ответственности как социального актора.

Такое восприятие образования в рамках современных меритократических тенденций развития общества весьма важно для понимания происходящих в нем изменений. Образование своим развитием закладывает потенциальный уровень развития общества, и, соответственно, во многом определяет успешность личности в нем.

Наряду с этим не менее важной в рассматриваемом аспекте выступает роль образования в конструировании будущих векторов развития общества. Ведь система образования, выступая мощным «социализатором» и институтом, где происходит становление личности, формирует тип профессионала, гражданина и т. д., который будет реализовывать себя не только в современном социальном пространстве, но и создавать для себя пространство будущего. Поэтому сегодня ученые говорят об усилении прогностического характера всей системы образования, о необходимости учета усложняющейся реальности — постиндустриализма, техносферизации и ноосферизации планеты. «Для того чтобы создать супериндустриальное образование, — отмечал О. Тоффлер еще более трех десятилетий назад, — мы должны сначала сгенерировать последовательные, альтернативные образы будущего — сделать предположения о видах работ, профессиях и должностях, которые могут понадобиться через двадцать или пятьдесят лет; предположения о видах семейных форм и человеческих взаимоотношений, которые будут превалировать; о видах этнических и моральных проблем, которые возникнут; видах технологии, которая будет окружать нас, и организационных структурах, в которые мы должны будем влиться. Только делая такие предположения, определенные, обдуманые, систематизированные, и постоянно корректируя их, мы сможем установить природу познавательных и эмоциональных умений, которые потребуются людям завтрашнего дня, чтобы перенести ускоряющийся толчок» [331].

Реализуя прогностическую функцию, образование моделирует и образы различных социальных субъектов, в том числе и интеллектуальной элиты, которая при возрастающей роли образования все больше детерминирована ее развитием и параметрами.

Таким образом, справедливо говорить о том, что «становление информационного общества требует качественного повышения человеческого, интеллектуального потенциала развивающихся стран и тем самым выдвигает сферу образования на первый план общественного развития. В частности, деятельность в политической, социальной, духовной сферах общественной жизни предполагает постоянное обновление знаний, получение новой

информации из постоянно растущих количественно и качественно источников и ее осмысление» [193, с. 82].

В результате очевидно, что роль образования как фактора развития человеческого капитала возрастает, что накладывает определенные требования на систему образования и стимулирует ее развитие как одного из ведущих социальных институтов, способствующих прогрессу всего общества и укоренению в нем меритократических тенденций.

• **Численный рост «параметров» образования.** Усиление роли образования закономерно приводит к изменению его количественных параметров. При этом изменения в данном отношении касаются всех субъектов образовательного пространства, что свидетельствует о непротиворечивости происходящих в данном плане процессов.

Американские исследователи Э. Лэдд и С. Липсет в данном отношении отмечают: «Преподаватели и их ученики, студенты университетов, никогда не были столь многочисленными, как сегодня. Учитывая растущие потребности постиндустриального общества в специалистах с университетским образованием и проведение в широких масштабах научных исследований, сегодня университет более необходим, чем когда-либо прежде. В то время как зависимость общества от интеллигентов растет, оно становится более подверженным их влиянию» [Цит. по 168, с. 172]. Аналитика, приводимая в статистических выкладках отечественных специалистов по образованию, свидетельствует о том, что «численность преподавательского состава в мире возросла с 41,2 млн человек в 1980 г. до 60,2 млн человек в 2000 году. За эти 20 лет существенных изменений в процентной разбивке преподавательских кадров по уровням образования не произошло» [321, с. 132]. Таким образом, в западном обществе фиксируется возрастание общей численности учебных заведений и, прежде всего, в системе высшего образования, а также тех социальных субъектов, которые осуществляют свою деятельность в ее рамках, что важно для понимания процессов, происходящих на постсоветском пространстве.

В аналогичном русле протекают и процессы в Украине. Так, наряду с общим ростом численности учебных заведений,

«за последние 15 лет количество студентов вузов различных уровней и различных форм собственности выросло более, чем вдвое и на конец 2005 года превысило 2,5 млн человек, а часть молодежи, получившей высшее образование, составила 35% по сравнению с 18% по состоянию на 1991 год» [124].

Наряду с этим для нас важным представляется тот факт, что возрастание данной численности связывается не только с потребностями общества в более высоком уровне образования и расширением возможностей его влияния на различные сферы жизнедеятельности общества, но и с ростом степени влияния субъектов образовательной системы на другие социальные субъекты. Именно поэтому современное образование все больше интегрируется в социальное пространство социума, впитывая в себя его требования как сегодняшнего дня, так и завтрашнего, обеспечивая себе центральное место в процессах его развития.

Протекание процессов интеграции тесно связано с формированием нового «образа» высшего образования. Сегодня оно рассматривается не только как способ развития общества благодаря качественной образовательной подготовке. Сегодня оно все чаще анализируется как сектор рынка труда, в котором происходит увеличение численности занятых трудовых ресурсов страны, который имеет свою привлекательность, эффективность капиталовложения и т. д. Такой подход к образованию является отражением тенденций модернизации украинского общества и, на наш взгляд, позволяет определить ряд сильных и слабых сторон отечественной системы образования, в которых кроется потенциал решения многих проблем всего общества.

Несмотря на то что традиционно отечественное образование не рассматривается с точки зрения экономической эффективности, на современном этапе выкристаллизовались особые векторы в данном направлении анализа, что и составляет следующую важную для нашего исследования тенденцию.

• **Изменение механизмов и принципов взаимодействия системы образования с рынком.** В данном отношении представляет интерес как минимум два аспекта. Первый — объективное расширение границ системы образования как сектора рынка, который влечет

за собой экстраполяцию принципов и механизмов рынка на эту расширяющуюся зону. По мнению ученых, сегодня в большинстве стран мира активно пересматриваются отношения между образованием и государством, между образованием и рынком. Однако, несмотря на наличие данной объективной тенденции, однозначной оценки данный процесс не получил. Например, Х. Гарднер считает установление контроля рынка над образованием непростительной ошибкой, поскольку конечная цель рынка — извлечение прибыли — глубоко противоречит целям образования, задача которого состоит в формировании образованных граждан, способных к независимым суждениям и решениям. Кроме того, «система образования — настолько специфическая сфера деятельности, что мы не можем позволить предпринимателям принимать в этой сфере решения», — пишет Х. Гарднер [77, с. 22].

По мнению отечественных специалистов [7, с. 41; 118, с. 104], для политических и институциональных инициатив в этом направлении безмерное распространение рыночных механизмов на сферу образования представляет опасность. В частности, жестко либеральная политика Генерального соглашения по торговле услугами (GATS) нацеливает на постоянное сокращение государственных расходов на образование, сужение его пространства, в первую очередь в развивающихся странах. В противовес этому подчеркивается роль гибкого государственного вмешательства в образовательные процессы с учетом местных, национальных условий и использованием различных экономических рычагов подъема уровня образовательных услуг. Кроме того, многие из тех, кто стремится выйти на глобальный рынок, хотят не столько заниматься образованием, сколько быстрее получить прибыль.

Развитие отношений образования и рынка по такому сценарию, на наш взгляд, противоречит принципам меритократии, для развития которой необходим не столько рыночный, сколько потенциал-, лично ориентированный и творческий подход, позволяющий создать условия для раскрытия и реализации потенциала личности. Сокращение же финансирования образования, сведение его к принципам товарно-денежных отношений,

безусловно, приведет к потере уже имеющегося интеллектуального потенциала общества и к ограничению его дальнейшего развития.

Второй аспект — образование как ресурс, который используется социальными субъектами в качестве средства обмена не только на рынке, но и в социальном пространстве в целом. В данном случае для иллюстрации можно использовать социологическую теорию обмена (П. Блау, Дж. Хоманс), в соответствии с которой обмен различными типами деятельности, ресурсами рассматривается как фундаментальная основа общественных отношений для выстраивания различных структурных образований (статус, престиж, власть и др.). При таком подходе образование может позволить человеку достичь определенных статусных позиций, улучшить свое материальное положение, более эффективно сконструировать свои социальные сети и т. д.

Такое восприятие образования является относительно новым, хотя «привязка» к образованию для получения тех или иных должностей существовала всегда. Кардинальные изменения в данном отношении связываются с тем, что образование переживает период революционных перемен. «Становясь товаром, циркулирующим на мировом рынке, в наши дни оно уже рассматривается не столько как совокупность навыков, отношений и ценностей, нужных для выполнения гражданских обязанностей и эффективного участия в росте благосостояния общества, сколько (и во все большей степени) как товар, приобретаемый потребителем и позволяющий сформировать «систему навыков», которыми можно воспользоваться на рынке или создавать нечто такое, что захотят приобрести (продать) многонациональные корпорации, академические институты, трансформировавшиеся в предпринимательские структуры, или какие-либо другие провайдеры» [7, с. 40]. С данным фактом, на наш взгляд, связано то, что в таком ракурсе образование как ценность теряет свою «терминальность», приобретая все более инструментальный характер.

Рассматривая изменения взаимоотношений образования и рынка, важно задаться вопросом о том, насколько образование может быть рассмотрено как товар? Ответ на него важен с аксиологической точки зрения, с точки зрения процессуальной и тех-

нологической, а также экономической. Ведь превращение образования в товар серьезно влияет на представления людей об учебе, процессе передачи знания, правах собственности и т. д. В ответе на данный вопрос мы склоняемся к позиции Ф. Альтбаха, который утверждает, что «образование — не просто товар, который покупают и продают на рынке. Конечно, система образования обеспечивает навыки, необходимые для экономического роста, но оно и укрепляет гражданское общество и расширяет возможности национального развития. Понимание прошлого, культуры, демократических ценностей, среди прочего, — тоже часть образования, и эти элементы не могут регулироваться правилами какого-то глобального рынка, поскольку являются составными частями жизни любого общества, частью его культурного наследия. Точно так же и фундаментальные исследования университетского уровня, и некоторые программы, да и многие другие элементы академической работы нельзя коммерциализовать с легкостью. Другими словами, существуют ценности национального и социального общественного блага, которые нужно не только охранять, но и защищать в условиях глобализуемой образовательной среды. Защита культуры, интеллектуальной независимости и ценностей гражданского общества — задача совсем иного рода по сравнению, скажем, с защитой свободной торговли автомобилями, доступности рынка для сои, или другими действиями, связанными с услугами, которые включены в повестку дня ГАТС. Представление о том, что все интеллектуальные «изделия» могут просто покупаться и продаваться, — слишком упрощенный взгляд на проблему, который, кстати, вызывает у все большей части населения негативное отношение и к самому процессу глобализации. Гарантии того, что экаунтинговая фирма, например, получит свободный доступ на международные рынки, а программное обеспечение не будет использоваться пиратским образом, совсем не то же самое, что защита образовательной системы» [7, с. 41].

Таким образом, очевидно, что изменения принципов взаимодействия образования и рынка сегодня не могут быть однозначно оценены с точки зрения формирования и развития интеллектуального потенциала общества и функционирования в нем

интеллектуальной элиты. Ведь в условиях глобализации трансформация данного рода взаимоотношений дает возможность сводить образование к товару, для «продажи» которого могут быть найдены более выгодные рынки, нежели то социальное пространство, где данное образование было получено. Другими словами, высокий уровень образования и невысокий уровень жизни в той или иной стране может стимулировать «утечку умов», что снижает интеллектуальный потенциал страны и качество его интеллектуальной элиты. С другой стороны, аналогичные механизмы могут способствовать и обратным процессам. Особое значение в данной связи приобретает субъективное восприятие образования, и именно с этим связана следующая тенденция.

- **Повышение субъективной значимости образования в обществе.**

В современном обществе очевидным становится не только рост объективной значимости образования. Оно приобретает все большую субъективную значимость, поскольку ориентировано на развитие индивидуальности человека, реализацию его потребностей, которые вплетаются в общую матрицу общественного развития. При таком подходе образование рассматривается как тот социальный институт, который призван оптимизировать соотношение индивидуальных и общественных приоритетов и в результате воспринимается как эффективный канал решения проблем данного круга. Свидетельством этому может являться уже отмеченная нами ранее тенденция возрастания количественных параметров образования, в которых наиболее ярко сочетаются потребности личности в различных видах и формах образования и стремление государства обеспечить высокий уровень образования своих граждан. Однако наряду с количественными показателями важное значение имеет и субъективное восприятие образования, которое можно описать с помощью как минимум двух характеристик — нацеленность на образовательные стратегии и позиционирование образования в системе ценностей социальных субъектов.

В отношении первого аспекта наши исследования (3.1) показывают, что, например, после окончания обучения в школе подавляющая часть юношей и девушек планируют продолжить

обучение в высших учебных заведениях (97,5%); 1,8% респондентов пока еще четко не определились с планами на будущее. Только 0,7% опрошенных после получения среднего образования не планируют продолжать обучение дальше.

Такая тенденция отражает, во первых, отношение сразу нескольких поколений к получению образования (как минимум школьников и их родителей, поскольку решение о продолжении обучения во многом зависит от них). Во-вторых, указанная тенденция позволяет фиксировать возрастание значимости высшего образования как элемента системы образования в обществе. Этот аспект проявляется сегодня все активнее. Как показывает анализ, «все большее число людей из самых разных социальных групп видят его (*высшее образование – прим. автора*) как необходимое условие для профессионального роста и вертикальной мобильности. Статистические данные подтверждают факт роста спроса на высшее образование, по крайней мере, по сравнению с 1993 годом – прием в вузы вырос в 2,2 раза (+ 119%)» [52].

Следует отметить, что тенденция нацеленности на получение различных форм образования характерна сегодня для многих социальных субъектов, что связано с изменением позиционирования образования в системе ценностей социальных субъектов и активным развитием непрерывного образования. Наши исследования (1.1, 1.2, 2.2, 2.4, 3.1) в данном отношении показывают, что образование занимает сегодня срединную позицию в системе ценностных ориентаций субъектов образовательного процесса в Украине (см. табл. 4.1).

Аналогичная ситуация характерна и для профессорско-преподавательского состава, а также учителей школ [см. 224, с. 36–40].

Следует отметить, что комплексный анализ ценности образования в целом демонстрирует неоднозначное отношение к ней, что, в свою очередь, свидетельствует о несформированности и недостаточной устойчивости системы ценностных ориентаций субъектов системы образования на постсоветском пространстве. Подтверждением чему, например, может служить тот факт, что как значимую ценность в общей иерархии ценностей ее обозначили

Таблица 4.1

**Ценностные предпочтения субъектов образовательного
процесса в Украине (в %)**

№ п/п	Ценности	Студенты Украины	Студенты Харькова	Старшекласс- ники Харькова
1	Активная жизнь	16,9	16,7	15,4
2	Здоровье	68,8	69,9	63,4
3	Образование	26,3	25,6	31,5
4	Интересная работа	33,7	33,3	28,3
5	Любовь	23,6	26,2	31,2
6	Материальная обеспеченность	40,8	39,6	36,2
7	Наличие хороших и верных друзей	29,3	30,1	37,6
8	Свобода	20,1	19,6	13,6
9	Счастливая семейная жизнь	34,5	35,4	36,6
10	Развлечения	4,4	3,3	3,2
11	Другое	0,2	0,3	0,7

лишь от 33,3% до 14,8% студентов. При этом на вопрос: «Является ли для Вас образование залогом успеха в современных условиях?» утвердительно ответили от 44,4% до 80,7% студентов постсоветских стран, принимавших участие в исследовании (Польша, Казахстан, Латвия, Украина). Следует отметить, что минимальный разрыв в признании образования в качестве ведущей ценности наблюдается у польских студентов (+30%), а максимальный — у украинских (+60%). В результате можно говорить о том, что определенный характер социальных систем влияет на систему ценностных ориентаций в целом и на значимость ценности образования в частности. Подобные данные могут свидетельствовать и об эффективности движения общества к новому типу — обществу знания и далее — к обществу интеллекта (хотя ценность образования выступает здесь лишь одним из показателей).

В целом, несмотря на то что в сравнении с рядом других стран Украина выглядит «скромно» в данном отношении, позитивным, на наш взгляд, является то, что значимость образования в ней возрастает, и данная позиция является типичной для субъектов образовательного процесса. По данным нашего социологического

исследования (1.1), большинство, а именно 86,4% экспертов, отмечают, что образование на сегодняшний день является залогом успеха в современных условиях.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что значимость образования меняет свои акценты. Если раньше можно было говорить о том, что образование рассматривалось преимущественно как терминальная ценность, то сегодня акценты в восприятии образования смещаются на ее инструментальную значимость. Данная тенденция отмечается отечественными исследователями. Например, наши исследования показывают, что более 70% студентов и школьников Харьковского региона рассчитывают на то, что образование позволит им достичь успеха в современном мире. Л. Г. Сокурская также делает вывод о том, что «инструментальная, прагматическая ценность образования продолжает доминировать в ценностном сознании студенческой молодежи, тесня ее терминальный ценностный дискурс, что в том числе обусловлено модернизацией и постмодернизацией ценностных ориентаций современного студенчества» [303, с. 346].

Данная тенденция, на наш взгляд, является отражением все того же некоторого отставания Украины в формировании нового типа общества. Ведь в условиях постиндустриального общества или общества знания образовательные механизмы становятся важнейшими в системе конструирования личности. В данном контексте должно произойти обратное смещение – от инструментализации образования как ценности к ее терминализации. При этом, по мнению современных ученых, акценты в получении образования будут смещаться в сторону достижения таких целей, как повышение уровня культуры; удовлетворение потребностей в получении нового знания, самореализации, самоутверждении, появлении новых референтных групп с выраженной интеллектуальной направленностью деятельности и др. [122, с. 112].

Таким образом, возрастание значимости образования является одной из очевидных тенденций современного развития общества. Данная тенденция еще не в полную меру отражает формирование нового типа общества и, соответственно, новых социальных групп в нем, прежде всего, таких, как интеллектуальная элита. Ценности,

характерные для представителей данной группы в отношении образования, сегодня не являются часто воспроизводимыми в социальном пространстве Украины. Однако тенденции движения в данном направлении уже есть.

- **Рост уровня доступности образования.** Данная тенденция непосредственно связана с рассмотренными выше тенденциями, однако в контексте нашего исследования имеет особое значение. Ведь повышение значимости образования, изменение его численных параметров обеспечивает приток в образовательные ступени разного уровня людей на разных жизненных этапах, а обществу дает возможность активно развивать свой человеческий капитал и интеллектуальный потенциал. Поэтому повышение уровня доступности образования дает возможность образованию эффективнее выполнять селективную функцию и осуществлять отбор претендентов, например, в интеллектуальную элиту.

Решение вопросов повышения доступности образования решается сегодня преимущественно за счет перераспределения бюджетных расходов и использования многочисленных других путей для привлечения детей и взрослого населения к обучению. В этой связи сегодня речь идет о расширении возможностей получить образование в нужный для человека момент. И здесь актуализируются вопросы, связанные с новыми технологиями получения образования (например, дистанционное обучение) и созданием самой среды, стимулирующей постоянное обновление знаний на протяжении жизни — непрерывного образования.

В условиях глобализации вопросы доступности образования тесно пересекаются с вопросами расширения рамок образовательного пространства, которое является одним из тех вызовов, перед которыми оказались сегодня общества и личность.

- **Расширение рамок образовательного пространства.** Современное образование, отвечая на пространственный вызов современности, находится в поиске новых форм своего функционирования. Наряду с этим мировое сообщество столкнулось с проблемами социально-демографического плана, в рамках которых часть мирового сообщества ищет пути привлечения обучающихся, а часть — рынок образовательных услуг. Указанные

тенденции породили два разновекторных процесса — доместикацию образования и его интернационализацию.

В рамках первого вектора образование рассматривается как часть более общего процесса создания рабочих мест внутри страны (региона), особенно для профессий с умственной творческой деятельностью, непосредственно связанных с развитием интеллектуального потенциала того или иного общества.

Второй вектор определяется миграционными процессами в рамках образования, активизацией влияния Болонского процесса как способа интеграции европейского образовательного пространства и т. д. Данная тенденция будет усиливаться, ведь «по прогнозам численность студентов, обучающихся за границей, возрастет в мире до 2,8 млн к 2010 году и до 4,9 млн — к 2025 с наиболее высокими темпами роста численности студентов из Азии» [352, с. 93].

На наш взгляд, с расширением рамок образовательного пространства расширяются возможности развития личности посредством различных образовательных форм — формальных, неформальных, информальных — что является непосредственным отражением меритократических тенденций в современном обществе, а значит, выступает механизмом формирования общества интеллекта и интеллектуальной элиты в нем. Однако реализация таких задач ставит перед образованием новые требования, одним из которых выступает повышение качества образования.

• **Повышение требований и, соответственно, самого качества образования.** Воздействие тенденций интеллектуализации общественной жизни, возрастание роли сознания, отмеченных нами в первом разделе, определяют и особенности развития современного образования. Во-первых, знаний, умений, компетенций, дававшихся в рамках системы образования ранее, сегодня уже недостаточно для эффективного решения задач завтрашнего дня. Во-вторых, все большее наполнение повседневности элементами интеллектуальной деятельности требует от образования новых подходов, уровней, способов эффективной реализации своих функций. В-третьих, расширение доступа к образованию значительно дифференцирует субъекты образовательного процесса,

что предполагает поиск разнообразных форм и методов, которые будут «срабатывать» для различных категорий обучающихся. В-четвертых, необходимость развития человеческих ресурсов того или иного общества определяет тенденцию индивидуализации образовательных траекторий, и, соответственно, развитие образовательных возможностей в данном направлении. Кроме того, качественное образование рассматривается как ресурс достижения жизненного успеха.

Это означает, что роль хорошего образования становится настолько значимой, что получение качественного образования далеко вперед обгоняет формальные стороны образовательной активности. С другой стороны, такая ситуация усиливает конкуренцию между специалистами и, следовательно, стимулирует развитие национальных систем образования за право готовить специалистов высшего класса.

В такой интерпретации образование вновь демонстрирует свои возможности в решении вопросов формирования интеллектуальной элиты общества и усиления его интеллектуального потенциала.

• **Нацеленность системы образования на формирование творческой личности и разработка новых образовательных технологий, позволяющих решать данную задачу.** Формирование нового типа общества, насыщенного новыми характеристиками, в рамках которых социальный субъект приобретает большие возможности в самореализации, становится все большей реальностью. Несмотря на то что формирование и развитие общества интеллекта протекает неравномерно в мировом масштабе, благодаря интеграционным процессам, процессу глобализации и пространственному вызову требования к качеству человеческих ресурсов постепенно выравнивается. И ключевым в данном качестве становится творческая составляющая, позволяющая максимально реализовать себя в любом социальном пространстве. Именно поэтому «одной из главных целей перспективной системы образования является формирование творческого потенциала личности, человека-созидателя в самом широком смысле понимания этого слова» [102, с. 84]. Такой подход позволит расширить возможности образования в развитии интеллектуального потенциала общества

и формировании его интеллектуальной элиты, ведь творческая составляющая была выделена нами как атрибутивная для представителей данной группы.

Реализация этой задачи тесно связана с поиском адекватных поставленной цели образовательных технологий, которые представляют собой некоторый синтез традиционных подходов к учебному процессу и инновационных, ориентированных на новый тип потребностей социальных субъектов, их возможности, качественные характеристики. К таким новым технологиям может быть отнесено дистанционное обучение, основанное на использовании новейших информационных и телекоммуникационных технологий и средств удаленного доступа к распределенным базам данных и знаний энциклопедической, естественнонаучной, гуманитарной и учебно-методической информации и др. Важным при этом становится поиск соответствующего баланса между новыми и традиционными технологиями.

Учитывая особую роль образования в развитии меритократических тенденций украинского общества, важным аспектом анализа его развития становится возможность проектирования личности. Некоторые исследователи считают, что изучение теории и опыта проектирования природных и социальных качеств человека в связи с потребностями семьи, самого человека и перспективным видением им своей будущей профессии станет одним из важнейших направлений в области образования [102, с. 85]. Благодаря включению тех или иных технологий в образовательный процесс, общество обретает возможность закладывать параметры своего будущего, развивать тот тип личности, который сможет обеспечить стабильное и успешное развитие общества в будущем.

Таким образом, на сегодняшний день мы можем говорить о нескольких тенденциях в развитии системы образования, которые позволяют ей активно участвовать в процессе формирования интеллектуальной элиты общества и развивать его интеллектуальный капитал. Однако очевидно и то, что в обществах транзитивного типа, к которым относится и Украина, существует ряд проблем, мешающих реализации потенциала меритократических тенденций.

Краткий обзор таких проблем позволяет нам акцентировать внимание на трех их группах: нестабильность позиционирования образования в социуме, наличие слабой поддержки образования как сектора рынка труда при повышении общей значимости образования и проблемы адекватности образовательных технологий внутри системы образования.

В результате разворачивания данных проблемных секторов в транзитивных обществах, по мнению О. Долженко, образование выступает и как источник развития общества, прежде всего, за счет развития потенциала его интеллектуальной части, и как источник стагнации, разрушающий поле культуры [111, с. 127]. Проявляется это также в том, что часть образовательных учреждений, в частности вузов, не обеспечивает положительные преобразования в обществе, а «только поддерживает собственное существование, вводя общество в заблуждение» [124].

Претерпевает преобразования и рынок труда, в рамках которого наблюдается отток из сектора образования в другие сектора. Связано это, прежде всего, с недостаточно эффективным регулированием вопросов вознаграждения за педагогический труд. Сегодня российские исследователи приводят такие цифры: «Общая тенденция оплаты педагогического труда сначала в Советском Союзе, а затем в России — это тенденция к снижению ее относительного уровня. По данным статистики, в 1940 г. педагоги получали 97% от уровня средней заработной платы в промышленности, в 1970 г. — 72%; в 1980 г. — 73%, в 1990 г. — 65%, а в 2001 г. — 43,7%... По нашим оценкам, нынешний учитель получает примерно в 3 раза меньше, чем 12–13 лет назад. Во многом сходны тенденции и с оплатой труда профессорско-преподавательского состава высшей школы» [237, с. 91]. Аналогичные тенденции имеют место и в Украине.

С проблемами недостаточной оплаты педагогического труда связывают сегодня и снижение эффективности педагогической деятельности, что негативно отражается на общем качестве образования и на интеллектуальном потенциале всего общества. И здесь проблема, на наш взгляд, состоит в создании таких условий, при которых образование рассматривалось не только

как социально важный, но и привлекательный для «рабочей силы» сектор рынка труда.

Решение указанных задач поможет преодолеть и проблему с адекватностью педагогических методик и технологий потребностям общества и личности в нем. Ведь сегодня, по мнению отечественных исследователей, наша система образования, во-первых, остается ориентированной на «усредненного» ученика, студента, личность, в ней крайне слабо реализуется индивидуальный подход. «Во-вторых, все звенья образовательной системы не направлены на стимулирование творческого мышления, развитие творческих способностей и потенциала личности: низким остается уровень развития воображения, фантазии, эмоционально-чувственной и нравственной сферы учащегося... В-третьих, система образования во всех звеньях ориентирована не столько на стимулирование умения мыслить творчески, недогматично, диалектически, критично, сколько на запоминание, заучивание определенного количества знаний, зачастую догматичных и даже оказывающихся не соответствующими действительности. В-четвертых, обучение всем дисциплинам должно иметь важнейшей доминантой нравственно-гуманистическую, духовную ориентацию — эта задача предельно актуальна сегодня, когда в масштабе планетарных перспектив развития человеческого общества обнаруживается бесспорный факт, что без приоритета духовной культуры над технологической научно-технический прогресс становится убийственным для человечества. В-пятых, система образования практически не направлена на то, чтобы давать мощный толчок, импульс, активизацию потребности в самоосуществлении, саморазвитии, самообразовании и самовоспитании личности» [191, с. 99—100]. Наряду с этим, как считают западные ученые, в современном образовании необходимо отказаться от четкого разграничения академического образования и профессионального обучения и подготовки. «Первое, наряду со специфическими знаниями и навыками, должно давать учащимся более широкое и многостороннее образование, а второе следует больше приблизить к «реальной действительности» и конкретной специальности, которую получает студент» [77, с. 22].

Решение этих и других проблем системы образования в целом и высшего образования как ее важнейшего сектора лежит сегодня в плоскости реформирования образования. Его конечная цель — создание таких условий, в которых развитие личности и общества будет отвечать потребностям завтрашнего дня. На наш взгляд, такая цель непосредственно связана с возможностями активизации участия образования в формировании интеллектуальной элиты общества и усилением его интеллектуального потенциала.

Современное образование относится к тем сферам общественной жизни, в которых отдельные изменения уже внесли значительный вклад, но их реформирование еще не завершилось. При этом реформирование системы высшего образования характеризуется поиском оптимального соответствия между сложившимися традициями в отечественной высшей школе и новыми подходами, связанными с попытками вхождения Украины в европейское образовательное пространство. При этом для системы трансформационных преобразований в сфере образования характерен весь спектр форм взаимодействия новых и старых веяний: от естественного взаимодополнения до конфликта и борьбы. Все это порождает такой же широкий спектр последствий и в рамках системы образования, и в рамках всего общества. Именно с такой ситуацией и связана неоднозначность оценок тех изменений, которые уже имели место на протяжении последних пятнадцати лет.

В этой связи интерес представляют оценки субъектами образовательного процесса позитивности реформ. Наши исследования (1.3) показывают, что 31,8% высококвалифицированных специалистов в сфере образования считают, что пока реформы не принесли ни положительных, ни отрицательных результатов; 54,5% оценили эффективность реформирования высшей школы в Украине скорее низко, чем высоко. Никто из экспертов не отметил, что эффективность реформ в системе образования может быть оценена полностью позитивно.

Экспертам предлагалось определить, какой период времени внес наиболее весомый вклад в реформирование высшей школы в Украине. Мнения в отношении данного вопроса распределились следующим образом: 45,0% опрошенных считают, что

наиболее плодотворным в этом плане был период с 1997 по 1999 год. Возможно, это обусловлено тем, что Конституция Украины (1996), Закон Украины об образовании (1996) и другие законы в этот период создали предпосылки для активного регулирования общественных отношений в области образования. Системе образования в этот период отводилась приоритетная роль в развитии общества. Образование рассматривалось как основа интеллектуального, культурного, социального, экономического развития общества и государства. Наряду с этим в данный период создается новая нормативная база высшего образования. Такие нормативно-правовые документы, как «Основные направления реформирования высшего образования», «О мероприятиях реформирования системы подготовки и трудоустройства выпускников высших учебных заведений образования» и другие обозначили ключевую идеологию трансформации всей образовательной сферы. В это же время разработан Закон Украины «О высшем образовании».

25,0% экспертов отметили, что наиболее весомый вклад в реформирование высшей школы в Украине внес период с 1994 по 1996 год, после появления Государственной национальной программы «Образование. Украина XXI века». В ней обозначилась ориентация украинского образования на уровень образования развитых стран, коренное реформирование концепции, структуры, организации сферы, а также ликвидация монополии государства в сфере образования.

Период с 1991 по 1993 год как эффективный по внедрению реформ в сферу образования был отмечен только 20,0% экспертов, и 10,0% выделили в рамках этого вопроса период с 2000 по 2001 год.

Таким образом, по оценкам экспертов, наибольший вклад в реформирование высшей школы внес период с 1997 по 1999 год, когда объективно изменения в системе высшего образования выходили на уровень правового обеспечения и поддержки на государственном уровне. Следует отметить, что указанные документы в то время соответствовали насущным потребностям системы образования.

Сегодня можно говорить о том, что после 2001 года наступил новый этап реформирования высшей школы и системы образования в целом, связанный и с качественно новым состоянием украинского общества, и с его стремлением интегрироваться в европейское образовательное пространство. В рамках данного этапа происходит формирование новых механизмов включения образовательных ресурсов и капиталов в социальные сети социальных субъектов, обусловленные усилением позиций общества интеллекта.

Одним из элементов этого этапа как следствия влияния глобализации в сфере образования является Болонский процесс. Наше исследование (1.5) показало, что в качестве положительных моментов Болонского процесса для Украины можно рассматривать, прежде всего, увеличение мобильности студентов и преподавателей в рамках Европы (65%), расширение возможностей трудоустройства выпускников отечественных вузов (42,5%), усиление практической составляющей в высшем образовании (37,5%), формирование большей ответственности у студентов за свою образовательную траекторию и вариативность сроков обучения (по 35%).

Происходящие изменения, на наш взгляд, во многом связаны с качественно новым состоянием украинского общества, которое все больше движется в сторону интеллектуализации. Однако, как будет видно далее, это движение носит скорее спонтанный характер.

Наряду с позитивным влиянием Болонского процесса, в нем, по мнению экспертов, кроются и определенные проблемы для украинского высшего образования. К ним опрошенные отнесли: ликвидацию преимуществ отечественного образования (57,1%), рост миграции высококвалифицированных кадров (52,4%), упрощение содержания образования (50%), снижение потенциала отечественного образования в целом (47,6%), недостаточное признание работодателями уровня бакалавра (40,5%) и др.

Первые шаги по реализации задач Болонской декларации в Украине уже породили первые трудности для вузов. Опрошенные отмечают такие из них, как отсутствие четкой программы

предполагаемых изменений в системе образования Украины, на которую может опираться вуз и увеличение реальных нагрузок преподавателей (по 63,4%). Далее следуют: недостаточная материально-техническая база (46,3%) и нежелание профессорско-преподавательского состава изменять сложившиеся методики обучения (41,5%) и др.

Развитие системы образования не может находиться в стороне от развития, реформирования и трансформации других общественных подсистем. Они, в свою очередь, оказывают непосредственное влияние на развитие системы образования. Анализ групп факторов, которые воздействуют на развитие высшего образования в Украине, показывает, что наиболее существенным, по мнению экспертов (1.3), является экономический фактор (85,0%) – недопустимо малое финансирование высшего образования, слабая материально-техническая и информационная база, низкий уровень материальной обеспеченности педагогических кадров, студентов и населения в целом – в результате чего нет возможности стабильного развития системы высшего образования.

10,0% экспертов в качестве первичного при воздействии на высшее образование в современной Украине выделили социальный фактор, основными проявлениями которого являются: повышение статуса образования в обществе, престиж профессии, предоставление рабочих мест и, наряду с этим, расслоение общества, невостребованность талантов, коррупция в системе образования.

Влияние технологического фактора отметили 5,0% экспертов, обуславливая свой выбор повышением уровня информационно-технической обеспеченности учебных заведений и разработкой новых учебных технологий.

Воздействие политического фактора (политическая стабильность, согласованность действий политических лидеров) не отметил никто из опрошенных экспертов, что в условиях реформирования системы образования свидетельствует о недооценке данного фактора.

Определенное видение проблем в сфере высшего образования влияет на выбор приоритетных направлений его реформирования.

Почти все опрошенные эксперты отдали пальму первенства мерам по улучшению материального положения преподавателей. Именно нехватка материальных средств приводит к потере опытных преподавательских кадров и нежеланию молодежи связывать свою судьбу с высшей школой. Не решив вопрос о достойной и своевременной оплате труда педагогов, трудно требовать от них полной отдачи сил и значительного повышения их педагогического мастерства.

Другой «болевой точкой» большинства вузов является материально-техническая база. На безотлагательную необходимость ее модернизации указывают многие эксперты.

Таким образом, решение проблем развития системы высшего образования в Украине видится экспертам, прежде всего, посредством экономической стабилизации.

В целом же очевидно, что без реформирования системы образования невозможно добиться радикальных качественных перемен в интеллектуальной сфере жизнедеятельности общества и, соответственно, эффективно решать проблему формирования интеллектуальной элиты общества.

Следует признать, что диапазон концепций реформирования образования очень широк: от консервативных концепций, утверждающих необходимость элитарного образования, до концепций «десколяризации», то есть полного отрицания системы образования как социального института. Сегодня формируются два альтернативных подхода к модели развития института образования. В одном случае мы имеем дело с чисто прагматическим подходом, ориентирующим высшее образование в первую очередь на удовлетворение потребностей общественного производственного процесса, при котором, как отмечает Г. Б. Кораблева, превалирует ориентация на подготовку элиты — специалистов высокой квалификации. В этом случае селекционирующая функция образования выходит в число первостепенных, а необходимость тратить средства и усилия на образование широких слоев населения как бы отпадает сама собой. Иной подход, по мнению этого же автора, — демократический, который основан на том, «что образование есть условие развития экономики производства

и других сфер общества. Оно только тогда становится инструментом общества, когда самые широкие слои населения получают доступ к образованию на всех его уровнях» [цит. по 193, с. 82].

В реализации двух указанных моделей, на наш взгляд, есть свои преимущества и недостатки в отношении формирования интеллектуальной элиты общества. Первый подход акцентирует внимание на целенаправленной подготовке относительно узкого круга лиц, что позволяет сделать акценты на содержании подготовки, однако при таком подходе существует угроза осуществления данной подготовки для круга лиц, которые потенциально не в полной мере соответствуют требованиям интеллектуальной элиты. Учитывая статистику распределения талантливых детей в различных семьях, приводимую еще П. Сорокиным, необходимо реализовывать демократический подход, позволяющий, во-первых, эффективно осуществлять поиск и отбор талантливых людей, а во-вторых, создавать возможности для повышения общего интеллектуального уровня населения, что максимально соответствует потребностям общества интеллекта и уменьшает дифференциацию населения по уровню интеллектуализации.

Однако следует отметить, что однозначной позиции по вопросам реформирования образования, в том числе и высшего, на сегодняшний день не существует. Наряду с этим развитие общественной системы по тому или иному сценарию приводит к появлению дифференцированного типа образования, выбор которого обуславливается как объективными, так и субъективными факторами. Следует иметь в виду, что привлечение в тот или иной сектор образования может быть связано с непосредственной заинтересованностью в нем (как ресурсном элементе) определенных кругов (в том числе и элит). Таким образом, дифференциация качества образования становится одним из привлекательных для элит элементов.

Развитие дифференцированного образования видится одним из вариантов, ориентированных как на потребности личности, так и на потребности общества. И в этом, на наш взгляд, его преимущество, которое можно использовать украинской системе образования.

Однако, ориентируясь на потребности сегодняшнего дня и на стремление Украины к интеграции в мировое образовательное пространство, уместными видятся категории реального, заявляемого и потенциального образования. Г. Зборовский и Е. Шуклина так определяют их сущность: «Реальное образование – то, которое существует сегодня в мире... Заявляемое образование – то, которое должно прийти на смену реальному в ближайшей перспективе (5–10 лет) и, по определению, преследует цель его совершенствования и улучшения... Потенциальное образование... качественно отличное от реального и заявляемого, образование, которое отдалено по времени от последнего на такой же порядок лет (5–10 лет) и определяется рядом характеристик – содержательного и формального, социального и индивидуально-личностного плана» [122, с. 109–110]. При этом ни реальное, ни заявляемое образование, по мнению авторов, не выступают действительным ресурсом информационного общества. Таковым может стать только потенциальное образование.

Говоря о содержательном аспекте потенциального образования, Г. Зборовский и Е. Шуклина имеют в виду прежде всего иной характер знания, предлагаемого обществом, его учебными заведениями. Оно, по их мнению, должно существенно измениться в сторону приближения к современной науке и по содержанию, и по языку и форме подачи. «Назовем это знание образовательным», – пишут они. [122, с. 111].

В такой интерпретации, по нашему мнению, образование естественным образом вплетается в матрицу развития общества знания и векторы формирования общества интеллекта. И особую значимость при этом приобретает связь образования с развитием различных сфер жизнедеятельности общества и с наукой, что необходимо учитывать в процессе их реформирования.

Таким образом, очевидно, что реформирование системы образования в целом и высшего образования в частности можно рассматривать как ответ на вызовы современности и как попытку преодолеть тенденции, мешающие реализации меритократических векторов в образовании. Глобальная цель, на которую должно быть направлено реформирование образования, – поиск эффек-

тивных путей формирования и развития интеллектуального потенциала общества и его интеллектуальной элиты. Такая цель видится нам реальной, поскольку образование и высшая школа в нем со второй половины XX века стали краеугольным элементом всей системы социальных связей в развитых обществах.

На наш взгляд, можно выделить несколько аргументов в пользу такого положения образования, добавив их к тем особенностям его позиционирования в современном обществе, о которых мы уже говорили выше. Прежде всего, то, что уровень и качество образования являются одними из ключевых характеристик успешности социума и, соответственно, находят свое отражение в системе социальной стратификации. Во-вторых, образование рассматривается сегодня как ресурс, благодаря которому социальные субъекты способны трансформировать социальную систему, изменить ее качество и создать собственный «капитал успешности». Другим словами, образование можно рассматривать как результат и как причину наличествующих в обществе социальных позиций и социальных связей. Оба аспекта, по нашему мнению, важны для понимания того, как образование участвует в конструировании общества нового типа (общества интеллекта) и интеллектуальной элиты как одной из ведущих в нем групп. Остановимся на них подробнее.

Итак, каким образом образование распределяется сегодня в обществе? Как свидетельствуют исследования зарубежных и отечественных ученых [32, с. 74; 44, с. 46; 117, с. 11–12, 27; 153, с. 112; 237, с. 91; 241, с. 38], в целом распределение индивидов по классовым категориям, согласно рассмотренной нами ранее схеме Дж. Голдторпа (см. подраздел 2.1), довольно четко соотносится с уровнем достигнутого образования. Если представить социальные классы как иерархию от высшего (I) до низшего (VIII), то наиболее общая тенденция отражала бы давно известный эмпирический факт: чем выше уровень образования человека, тем выше его классовая принадлежность. В результате самый высокий уровень образования имеют представители I и II классов.

Данная классическая тенденция непосредственно отражается и на современных постсоветских обществах, для которых, однако,

важным становится не только распределение образования в верхних слоях, но и в других стратах. Связано это с тем, что социальная структура такого общества, в том числе и украинского, является весьма подвижной и только формируется. Для нас же важен также тот факт, что интеллектуальная элита, как было показано нами в подразделе 3.2, как ключевая группа нового общества не является принадлежащей к какому-либо определенному классу в данной схеме, и поэтому взгляд на распределение образовательного ресурса в различных слоях представляет интерес.

Конкретизируя упомянутые только что выше исследования, и опираясь на стратификационную схему, в которой первая страта занимает низшую позицию в системе социальной стратификации, можно сказать, что «самое большое количество лиц с высшим и послевузовским (аспирантура, докторантура) образованием в нижнем среднем слое (3-я страта — 60,2% и 5-я — 55,0%), меньше всего в низшем (1-я страта — 32,9%, 2-я — 47,1%). Среди представителей верхнего среднего слоя лиц с высшим образованием оказалось 46,2% и совсем не оказалось закончивших аспирантуру или докторантуру. Примечательно, что если в низшем и нижнем среднем слое около половины лиц с высшим образованием являются интеллигентами в первом поколении, то среди таковых в верхнем среднем слое до 80% — это интеллигенты как минимум во втором поколении (один из родителей или оба уже имели высшее образование)» [32, с. 74]. В целом, по мнению А. А. Баранова и Н. Г. Ивановой, самым «образованным» является нижний средний. Это обстоятельство объясняется ими тем, что он пополняется лицами с достаточно высоким уровнем образования как за счет «поднятия» их из нижнего слоя, так и за счет «опускания» из верхнего среднего в результате падения жизненного уровня части интеллигенции в последние годы.

Верхний средний слой несколько уступает по рассматриваемому показателю нижнему среднему, хотя у представителей первого родители имеют более высокий образовательный уровень, чем у представителей второго. Возможно, считают исследователи, это связано со сменой приоритетов в верхнем слое: от стремления

к «максимальному» уровню образования — к достижению «оптимального» уровня. Образование как самоцель сменяется в данном слое пониманием ценности образования как средства для достижения других жизненных целей.

Наряду с этим ряд исследований социальной структуры постсоветского общества позволяет выделить успешные группы с точки зрения их движения к успеху и использования в этом образовательных механизмов. Так, «случай специалистов с высшим образованием свидетельствует, что этой категории более выгодное — с экономической точки зрения — соотношение шансов на адаптацию к новой реальности в большей степени гарантировал унаследованный образовательный капитал, а не пребывание на руководящих должностях или владение имуществом» [117, с. 27]. Данная группа, занимая третью позицию по экономическому положению в 1988 году, имела более выгодную ситуацию для достижения хорошего экономического статуса в 2000 году. О том, насколько выгодную, свидетельствует тот факт, что «только в этой категории вероятность попадания в категорию «проигравших» была равна нулю, а в категорию «невыигравших» — гораздо ниже, чем для категории руководителей высшего звена и всех, самостоятельно ведущих хозяйственную деятельность, не связанную с сельским хозяйством... Пользуясь привилегией, состоящей в наименьшей вероятности поражения во вновь формирующейся социальной структуре, специалисты использовали свои шансы на достижение цели на каждом из экономических уровней с достаточно высокой степенью успеха. Карьерный рост специалистов за 12 лет, рассматриваемый на фоне других категорий, предстает в еще более выгодном свете в сравнении с результатами наших исследований за 1995 год» [117, с. 11–12].

Обобщая ситуацию с распределением образования в современных постсоветских обществах, можно констатировать, что даже в период трансформационных изменений высшее образование выступало в них как важный фактор попадания в группу «преуспевающих». «Лица с высшим или незаконченным высшим образованием составляют 42,4% этой группы, тогда как среди «адаптированных» таких только 25,5%, а среди «выживающих» — 21,5%.

Имеющие среднее или среднее специальное образование распределились примерно равномерно по группам адаптации, а отсутствие среднего образования – верный признак попадания в группу «выживающих» [44, с. 46].

Таким образом, очевидно, что хоть образование и неравномерно представлено в социальной структуре общества, однако в целом представленность высокого уровня образования имеет место в любой из социальных страт. Учитывая, что уровень образования является необходимым условием вхождения в элиту и ее атрибутом, данный факт подтверждает наше предположение о том, что рекрутирование интеллектуальной элиты может происходить из любой социальной страты. Сам же факт неравномерности распределения уровней образования в социальной системе определяет «лимитированные» возможности реализации данного процесса для тех или иных страт.

Наряду с тем что образование «не имеет границ» в рамках социальной структуры общества, для нас важен и тот факт, что оно весьма эффективно использовалось для преодоления ситуаций неопределенности, активно стимулировавших трансформационными изменениями в социуме в целом. Данный факт подтверждает положение о смещении значимости ключевых ресурсов в современном обществе, а это, в свою очередь, свидетельствует об изменении общего вектора развития общества на общество знания и общество интеллекта.

Эмпирические подтверждения таких процессов можно найти у ряда современных исследователей. Например, В. Заборовский, основываясь на результатах проведенных исследований, утверждает, что «анализ социально-профессиональной карьеры индивидов разного возраста и разного социального происхождения доказывает, что жизненные успехи и неудачи все сильнее дифференцировались в зависимости от доступа к экономическим благам, а также в связи с функциями образовательной системы» [117, с. 27].

В результате воздействия данных тенденций необходимо обратить внимание на особенности использования потенциала образовательного ресурса в формировании элитных групп, в том

числе и интеллектуальной элиты. Ведь данные группы, как мы отмечали в подразделе 3.1, могут использовать различные механизмы своего рекрутирования, что допускает возможности игнорирования образования как ресурса в случае его неэффективности. Однако уже первый взгляд на ситуацию в данном аспекте в постсоветских обществах позволяет увидеть, что элита стала образованнее. «Уровень образования старой и новой элит очень высок: 97% окончили вуз, 21% имеют ученую степень... Новая элита, живущая в условиях открытости, лучше владеет иностранными языками, чем старая советская элита, бывшая частью закрытого общества: 3/4 всех опрошенных изъясняются, пусть порой и слабо, еще на каком-нибудь языке, кроме русского. Это отличает элиту от населения страны в целом... После дипломатов первенство в знании иностранных языков держат нынешние работники науки, культуры, средств массовой информации – 91%. Далее идут те, кто работал в этих областях в советское время – 89%, на третьем месте – занятые в бизнесе (83%)» [88, с. 47]. В целом, местные лидеры помолодели и стали более образованными [71, с. 16].

Данная иллюстрация позволяет отвергнуть мысль о том, что образование не рассматривается элитными группами как ресурс достижения успеха. Более того, на макроуровне происходит трансформация элиты, стремительное возрастание роли именно интеллектуальной прослойки элитарных групп, и при этом основным каналом движения в элиту становится образование. Если раньше общество было более закрытым и, как следствие, можно было наблюдать замкнутость элитарных кругов, то современное общество (и его элита) стало более открытым, поскольку для эффективного управления в нынешних условиях знания, техническая подготовка, общий высокий уровень образованности становятся необходимыми. По словам Д. Белла, элита в нынешнем обществе – это элита знающих людей.

Таким образом, уровень образования непосредственно отражается на социальном положении индивида, и в современном обществе его активно эксплуатируют представители различных социальных групп для рекрутирования в элитные группы. Однако, с нашей точки зрения, важным представляется и то, что

образование помогает конструировать социальную структуру общества.

Данный тезис восходит к позиции И. Иллича, Д. и Дж. Джерри, У. Уорнера, Дж. Эбеглена, Б. Барбера, Д. Белла, М. Титмы и других исследователей. В соответствии с этой позицией, образование выступает фактором, определяющим качество всей социальной структуры общества, и, более того, оно рассматривается как «классообразующий признак», как фактор, поддерживающий или разрушающий существующую социальную структуру общества. Так, И. Иллич в книге «Общество без школы» утверждает, что «первопричиной социального неравенства является система образования, посредством которой создается «новая классовая структура», где наибольшими привилегиями пользуются те, кто накопил наибольшие запасы знаний» [цит. по 58, с. 21].

В такой интерпретации влияние образования на социальную структуру связывается с общим изменением качества самого общества и реструктуризацией в нем его ресурсной базы. В таком контексте переход к информационному обществу (обществу знания) связан с резким возрастанием роли, значения и распространения образования, и прежде всего, высшего (поскольку предшествующие ступени образования считаются освоенными). Это и приводит к качественным изменениям социальной структуры. Как отмечают британские социологи Д. и Дж. Джерри, характеризуя информационное общество как базирующееся на производстве нового знания, «основанные на знаниях профессиональные группы и группы занятости все более преобладают в рамках классовых структур этих обществ» [цит. по 122, с. 108].

Рассматриваемый подход стал альтернативой нигилистическому отношению к общественным функциям образования. Гносеологической основой подобного толкования является теория о том, что уровень образования, полученного человеком, выступает решающей предпосылкой его социального продвижения и положения в обществе. Владение же знаниями, в свою очередь, стало рассматриваться рядом социологов, в том числе Б. Барбером, Д. Беллом и другими, как одно из оснований «социальной стратификации» общества. И вполне естественно, что хорошее

образование в рамках такого подхода определяется как «королевская дорога» в элиту (У. Уорнер и Дж. Эбеглен).

Используя положения такого подхода к рассмотрению образования, можно определить его как один из ключевых факторов в развитии современного общества в целом и в формировании тех групп, которые определяют его будущее развитие. Поскольку к данным группам относится и интеллектуальная элита, образование, без сомнения, может рассматриваться как ведущий канал ее формирования.

На наш взгляд, необходимо еще раз подчеркнуть, что интеллектуальная элита, как было продемонстрировано в подразделе 3.2, конструируется из представителей разных социальных групп и слоев, и поэтому образование рассматривается в данном контексте как один из тех факторов, которые принимают участие в конструировании интеллектуальной элиты, но не ограничиваются им. Образование выступает мощным вектором, который вплетается в систему социальных связей индивида, помогая ему сформировать и реализовать свой потенциал. Поэтому образование сегодня рассматривается как составляющая в «протекании жизни» личности.

Наряду с этим нельзя не учитывать и тот факт, что современные общества, в особенности транзитивного типа, к которым относится и Украина, находятся лишь в начале пути формирования общества знания. Поэтому естественным выглядит и то, что в конструировании жизненной траектории принимают участие и другие ресурсы, значимые, прежде всего, для общества индустриального типа. По-видимому, этим объясняется тот факт, что, измеряя состояние современного общества, при анализе динамики жизненной ситуации индивидов ученые уделяют внимание трем факторам [117, с. 9]: 1) экономическая ситуация, которая, как предполагается на основании ранее проведенных исследований, в большей мере, чем другие показатели социального положения, определяет жизненные условия индивидов и социальных групп; 2) полученное образование и доступ к нему, которые в течение последних пятидесяти лет как никогда ранее влияют на экономическое положение индивидов; 3) субъективные

оценки материального положения индивидов, измеряемые по характеристикам, данным самими индивидами.

Таким образом, образование оказывается вплетенным сегодня в систему интегрированных показателей успешности индивида, которая сочетает в себе как показатели успешности в индустриальном обществе, так и показатели успешности в контексте нового – постиндустриального общества. Такая ситуация является закономерной для общества переходного типа. Однако в контексте отечественной истории выглядит противоречиво, ведь известно, что в советском обществе традиционно был значителен престиж высокого уровня профессионального образования. Получить высшее образование, стать специалистом-профессионалом означало и возможность продвижения по социальной лестнице. Однако в постсоветском обществе обстановка коренным образом изменилась: люди с высшим образованием потеряли место в обществе, обеспечивающее им не только престиж, но и достаточно высокое материальное положение. В результате можно зафиксировать противоречие, в котором движение постсоветских обществ, в том числе и Украины, по пути постиндустриализации сопровождалось снижением значимости образования в конструировании жизненных стратегий людей.

Однако это не единственное противоречие, связанное с ролью образования в формировании социальной структуры общества. Современные исследования в данном аспекте показывают, что «в целом, по мере общественного развития роль образования в процессах структурирования социального пространства возрастает, хотя это явление противоречивое. Так, с одной стороны, образование способствует усилению социальной мобильности, делая общество менее стабильным. С другой – оно как бы закрепляет социальное неравенство и тем самым сужает возможности профессиональной и других форм мобильности» [237, с. 90].

Данный факт видится нам особенно важным в контексте процессов социальной мобильности, связанной с формированием интеллектуальной элиты. Ведь, как нами уже отмечалось ранее, рекрутирование интеллектуальной элиты происходит в том числе и из группы профессионалов, которые осуществляют свою

деятельность наряду с «новым классом», интеллигенцией, служащими, работниками умственного труда и т. д. Ограничения же в тех или иных видах социальной мобильности могут стимулировать и ограничения в каналах формирования интеллектуальной элиты.

В целом же, мировой опыт показывает, что образование может выполнять две функции в отношении социальной структуры общества: поддерживать ее или трансформировать. Например, Дж. Клейн считает, что «в современной социологии образования уже утвердилось мнение, что система высшего образования делает больше для того, чтобы копировать, воспроизводить классовую систему общества, чем перестраивать и развивать ее» [394]. В результате для большинства индивидов получение образования является средством сохранения и воспроизводства социально-классовой принадлежности семьи. Однако в соответствии со вторым подходом образование для индивидов рассматривается как средство преодоления границ своего происхождения. (В данном аспекте важно отметить, что в украинском обществе, по данным А. Ручки, повышение образовательного уровня занимает шестую позицию в стратегиях социальных субъектов (4,13 баллов по 5-балльной шкале) [241, с. 37], что коррелирует именно со второй функцией образования в отношении социальной структуры).

Особое внимание, на наш взгляд, следует обратить еще на одно противоречие, порождаемое активным включением образования в конструирование социальной структуры общества и его интеллектуальной элиты. Ведь при достаточно высоком влиянии образования на процессы стратификации активизируется общий интерес к образованию, о чем мы уже говорили в начале данного подраздела. Это приводит не только к численному росту параметров образования в его традиционных формах, но и к расширению самого спектра этих форм, например, последиplomное образование, дистанционное образование и т. д. Однако, учитывая те противоречия, которые мы уже обозначили выше, и то, что образование выступает не единственным фактором социальной стратификации, однозначной связи между количественными

параметрами образования и жизненным успехом в постсоветских обществах, в том числе и в Украине, на сегодняшний день нет. Поэтому исследователи говорят о феномене «избыточного образования», проявляющемся в росте доли людей с высшим образованием в общей численности безработных, а также в увеличении числа выпускников высшей школы, работающих не по специальности или на должностях, не требующих высшего образования [см. 327, с. 98].

В результате перечисленные противоречия ставят перед системой образования новые задачи, от решения которых во многом зависит качество механизмов формирования социальной структуры современного украинского общества и его интеллектуальной элиты.

Очевидно, образование в современном обществе непосредственно испытывает на себе влияние тех вызовов современности, о которых шла речь выше. Как результат особенно значимый для общества — включение образования в поток меритократических тенденций, характерных для широкого социального пространства и попытка выработать свои механизмы удовлетворения потребностей социальных субъектов различного уровня (от общества в целом до отдельного индивида). При этом образование находится в двойственном положении: оно выступает результатом уже сформировавшихся социальных отношений и структур и одновременно — фактором их трансформации. Поэтому роль образования как детерминанты социальной структуры рассматривается сегодня как стабилизирующая, с одной стороны, и как инновационная — с другой. Обе стороны влияния образования на социальную структуру выступают важными для формирования интеллектуальной элиты как компонента социальной структуры общества. Однако, на наш взгляд, особого внимания заслуживают механизмы, благодаря которым эти роли будут совмещаться и выполняться максимально эффективно в соответствии с требованиями нового общества — общества интеллекта.

4.2. Образовательные механизмы формирования интеллектуальной элиты

Образование как одна из детерминант развития социальной структуры общества имеет несколько уровней своего воздействия, которые важны для понимания процессов формирования интеллектуальной элиты. На наш взгляд, его механизмы затрагивают: мегауровень (социетальный) – интегрированный в жизнедеятельность всего общества, макроуровень (институциональный) – затрагивающий деятельность социальных институтов, и микроуровень (субъектный) – детерминированный взаимодействием человека с его ближайшим окружением (см. рис. 4.1).

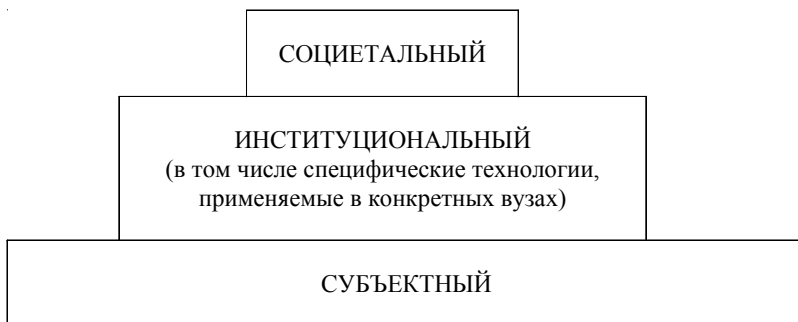

Рис. 4.1. Уровни влияния образовательных механизмов на формирование интеллектуальной элиты общества

Социетальный уровень представляет собой те технологии, которые применяются в рамках всего общества и затрагивают интересы различных социальных субъектов. К ним сегодня можно отнести, прежде всего, технологии, направленные на повышение престижности образования, стимулирование накопления образовательного капитала индивидами и укрепление человеческого капитала социума в целом, государственное нормативно-правовое обеспечение дифференциации образовательных практик и т. д.

Институциональный уровень связывается нами с механизмами, обеспечивающими эффективное функционирование образования

как социального института. При этом особое внимание, на наш взгляд, следует обращать на процессы обеспечения качества образования, на акцентуацию его функций, на поиск и применение в конкретных учебных заведениях конкретных технологических решений, обеспечивающих выполнение обозначенных выше задач и др.

Субъектный уровень представляет собой, по нашему мнению, механизмы в рамках образовательной деятельности социальных субъектов, порождаемые существованием разнообразных индивидуальных и индивидуально-групповых потребностей индивидов, детерминируемых социальным опытом, представлениями об успехе и способах его достижения и т. д.

На всех этих уровнях образовательные механизмы принимают активное участие в процессах формирования интеллектуальной элиты и, соответственно, заслуживают особого анализа. Кроме того, такой анализ представляет интерес и в связи с тем, что многие механизмы, детерминируемые образовательными потоками в обществе, носят интегрированный характер, а их действие настолько комплексно, что отнести их преимущественно к тому или иному уровню воздействия технологий бывает весьма затруднительно. Это, на наш взгляд, с полной уверенностью можно отнести к тем же капиталам и ресурсам (в том числе и образовательным), которые используются социальными субъектами для достижения жизненного успеха. Ведь их потенциальная значимость определяется не на субъективном, а на социетальном уровне, который создает условия для их накопления и использования. Институциональный уровень выступает при этом «инструментом», благодаря которому становится возможным такое накопление. Однако без осознания социальным субъектом значимости ресурсов и капиталов для собственного успеха они теряют для него привлекательность.

В результате можно говорить о том, что даже при наличии релевантности условий социетального и институционального уровней всегда будет существовать дифференциация механизмов включения образования в жизненную стратегию индивида.

Аналогичную точку зрения высказал в свое время П. Бурдьё, который утверждал, что все социальные отношения структури-

рованы: социальные отношения неравномерно распределены в пространстве и во времени, социальные субъекты (агенты — по П. Бурдьё) неравномерно вступают в различные социальные отношения, неравномерно распределены между агентами капитала, инкорпорированные социальные отношения также распределены крайне неравномерно. Система же образования отражает все эти неравенства, так как является элементом гиперсистемы общества, а, согласно теории Т. Парсонса, каждый элемент системы несет в себе нормы и культурные ценности всей системы.

Кроме того, «образование имеет дело с неодинаковым человеческим материалом. Все люди имеют совершенно разные способности как для восприятия образования, так и для его использования» [355, с. 77].

На наш взгляд, именно категории «капитал» и «ресурс» становятся в данном плане полезными для понимания характера включения образовательных механизмов в формирование интеллектуальной элиты общества. В подразделе 2.2 нами уже отмечалось, что ключевые позиции в системе ресурсов современного общества смещаются к профессионально-квалификационным, образовательным, что позволяет говорить о возрастании роли образования как социального института, который максимально работает на формирование и развитие данных ресурсов. Данные тенденции порождают новые виды неравенств в обществе интеллекта, а также способствуют формированию различных жизненных шансов социальных субъектов. Накопление же различных ресурсов наряду с возможностью и готовностью их использовать дает возможность говорить о различных видах капитала, которыми обладают социальные субъекты.

При этом речь идет о социальной дифференциации, ведь класс интеллигенции и интеллектуалов представляет собой более образованную часть, по сравнению со старым капиталистическим классом, а образование, знание являются тем самым специфическим капиталом, который, как считает Э. Гоулднер, определяет новый класс в среде классов собственников. Поскольку капиталистический класс, по его мнению, социально отделен от нового класса, наиболее эффективным способом поддержки становится

развитие публичной (государственной) системы образования, «стоимость» которой является «социализированной», то есть ее потребительские свойства определяются воспроизводством класса интеллигенции. Однако, как далее отмечает Э. Гоулднер, в процессе воспроизводства нового класса происходит формирование такого его социального основания, как специализированное знание, или культурный капитал. Данный вид капитала, как отмечает О. Д. Куценко, «переносится из системы образования и сопровождается акцентированием социального требования образованной личности во благо коллективного благополучия» [173, с. 217], что непосредственно пересекается с одним из выделенных нами критериев принадлежности к интеллектуальной элите — критерием результативности деятельности в контексте «общественной выгоды».

Отмеченные западными исследователями тенденции вскоре продемонстрировали свою действенность и на постсоветском пространстве. Например, исследования в Польше показали, что суперпобедителями после преобразований стали те, кто в 1988 году был учащимся или студентом с большим культурным капиталом, руководителем высшего звена, специалистом [117, с. 12]. И в целом, «большой культурный капитал всегда способствовал как достижению «образовательного порога», так и преодолению этого порога и получению высшего образования на уровне магистра» [117, с. 28].

Исследования российских ученых также демонстрируют высокую приверженность образовательным ресурсам (наряду с традиционными для индустриального общества материальными ресурсами). Так, на вопрос: «Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, определяют сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе?» (опрошено 2407 человек в возрасте 18 лет и старше в 25 субъектах Российской Федерации по общероссийской репрезентативной выборке) были даны следующие ответы (см. табл. 4.2) [313]. Очевидно, что позиционирование образования в данном случае коррелирует с рангом образования как ценности в сознании социальных субъектов.

**Распределение ответов россиян на вопрос о значимых факторах
социального положения в обществе**

Факторы социального положения в обществе	%
Владение материальными или другими ценностями	48,9
Обладание властью	38,5
Служебное положение	28,7
Социальный статус семьи	22,6
Достижения в образовании, профессиональной деятельности и др.	20,5
Личные природные качества (привлекательность, ум, сила и др.)	16,2
Уровень общей культуры	8,8
другое	0,8

Наряду с этим российские исследователи приводят и данные о том, что образование стимулирует рост неравенства внутри социальных групп. Например, оказалось, что ядро среднего класса (около 6% его состава) аккумулировало огромный образовательный потенциал, в отличие от других слоев этого класса [237, с. 89].

Данный факт особенно важен для исследования процессов формирования интеллектуальной элиты. Ведь он, с одной стороны, является отражением тенденции интеллектуализации общественной жизни, которая стимулирует дифференциацию социальных субъектов в плоскости «производство интеллектуальных продуктов – характер их потребления (или дистанцирование от них)». В этом аспекте формирование интеллектуальной элиты непосредственно определяется накоплением образовательного ресурса. С другой стороны, очевидно, что в отличие от других элитных групп, в отношении интеллектуальной элиты мы вновь подтверждаем факт ее принадлежности к различным социальным слоям, что определяет необходимость построения системы образования на демократических принципах.

Аналогичные отмеченным выше западным и российским тенденции проявляются сегодня и в Украине. Так, исследования отечественных ученых отчетливо демонстрируют, что образование

в целом и его отдельные компоненты (например, знание иностранного языка) являются одними из наиболее значимых при достижении жизненного успеха (см. табл. 4.3).

Таблица 4.3

**Комплексы ресурсов, значимые для достижения
«жизненного успеха»**

(факторные нагрузки; приведены значения,
модули которых > 0,300) [153, с. 76]

Признаки	Фактор1	Фактор2	Фактор3	Фактор4	Фактор5
Знание иностранного языка	0,713				
Знание законов	0,688				
Деловые качества	0,672				
Общительность	0,647			0,327	
Знание украинского языка	0,625	0,350			
Наличие нужных знакомств		-0,788			
Собственность, начальный капитал		-0,747			
Состоятельные родственники		-0,454			0,548
Работа в государственном секторе			0,887		
Работа в органах государственного управления			0,870		
Работа в частном секторе			0,308		0,446
Престижное образование				0,810	
Профессионализм, высокая квалификация				0,734	
Наличие талантов, способностей				0,674	
Усердный труд				0,387	
Жизнь в крупном городе					0,794
Принадлежность к влиятельной партии					0,664
Вклад фактора в суммарную дисперсию (%)	22,34	11,7	10,4	6,7	5,9

Таким образом, в современных обществах на социетальном уровне созданы базовые предпосылки для позиционирования образования как одного из значимых ресурсов в социальном поле. Эмпирические исследования подтверждают, что образовательный фактор выступает сегодня одним из ключевых в

реструктуризации социальной структуры общества и атрибутом успешности социальных субъектов в данном процессе. Акцент на образовании как на инструментальной ценности (см. подраздел 4.1) дает возможность социальным субъектам рассматривать его сегодня как сферу для инвестирования, приносящую различного типа «выгоды».

Как отмечает в этой связи Д. Константиновский, «получение ресурсов в сфере образования в значительной степени обуславливает социальную мобильность, доступ в дальнейшем к другим общественным благам, поскольку в развитом обществе освоение многих ролей, обретение определенных статусов практически детерминируется учебой, прохождением через формальные организации института образования» [237, с. 89].

Образовательный ресурс непосредственно связывается и с формированием культурного капитала, который признается одним из ведущих в современных социальных перемещениях, в том числе и в формировании интеллектуальной элиты.

Однако наряду с культурным капиталом особое значение в данном процессе имеет социальный капитал. Он отражает характер и интенсивность взаимодействия социальных субъектов, благодаря которым конструируются их сети. В современном обществе базовыми основаниями для этого выступают профессия, квалификация, образование, что является отражением выдвижения данных ресурсов на лидирующие позиции в обществе интеллекта.

Действительно, в таком понимании культурный, профессиональный и другие виды капитала могут рассматриваться как ресурсы формирования социального капитала, что особенно важно для исследования процессов формирования интеллектуальной элиты. Ведь, как отмечалось в подразделе 2.2, все социальные субъекты в зависимости от обладания ими значимыми ресурсами могут рассматриваться как сильноресурсные, среднересурсные и слабонересурсные. Поэтому обладание ресурсами, позволяющими социальным субъектам конструировать социальные сети, видится весьма важным. Однако особенностью социального капитала в данном отношении является то, что в его формировании активно используются поколенческие проекции. То есть, если

образование как ресурс накапливается индивидуально и старшие поколения могут лишь выступать одним из источников его формирования, прежде всего через информальное образование, то социальный капитал, сформированный одним поколением, может частично «передаваться в пользование» последующим поколениям. Значит, достижение элитных позиций при эксплуатации данного вида капитала становится во многом зависимой величиной от социальной среды.

С данным фактом связано то, что исследователи, изучая жизненные шансы индивидов, определяют социальный капитал не только через социальные сети самого индивида, но и через определенные (прежде всего образовательные) характеристики его родителей. Например, «в группу индивидов с большим социальным капиталом, то есть тех, у кого хоть один из родителей имел высшее образование, теперь мы включаем также детей тех руководителей высокого ранга и собственников вне сельского хозяйства, которые не могли предъявить соответствующий диплом. Адекватным показателем «малого социального капитала» мы будем считать ситуацию, когда, один из родителей респондента не преодолел уровня школы профессионального обучения» [117, с. 28]. Таким образом, образовательные характеристики родителей рассматриваются как те, которые во многом определяют успешность индивида и, соответственно, его движение по социальной лестнице, а значит, и формирование определенных предпосылок как объективного, так и субъективного плана в отношении формирования интеллектуальной элиты (см. табл. 4.4).

В действительности, интерес к вопросам связи образования родителей и успешности их детей в последние десятилетия является одним из актуальных аспектов анализа. Особую значимость он приобретает в контексте исследования влияния социального капитала на формирование интеллектуальной элиты. Ведь признание образования как атрибутивного качества данной группы, его влияния на социальную позицию индивида дополняется тем фактом, что интенсивность накопления и успешность использования образовательного ресурса во многом определяется уровнем образования родителей. Бергер в этой связи отмечает,

Таблица 4.4

Поколенческая дифференциация шансов на получение образования в массиве респондентов 1935–1982 годов рождения из семей с большим и небольшим социальным капиталом [117, с. 28]

Годы рождения	Социальный капитал	Шансы на (%):			
		Получение среднего образования	Продолжение обучения после получения аттестата зрелости	Получение высшего образования	
1935–1948	большой	60,9	17,4	6,5	46
	небольшой	35,8	6,5	2,4	246
1949–1955	большой	58,5	14,6	9,8	41
	небольшой	43,0	6,5	1,1	277
1956–1960	большой	56,8	24,3	13,5	37
	небольшой	37,8	4,6	1,5	196
1961–1968	большой	73,5	28,6	18,4	49
	небольшой	40,0	6,2	2,1	195
1969–1975	большой	81,1	40,5	21,6	37
	небольшой	39,3	9,3	2,0	150
1976–1982	большой	86,7	53,1	–	90
	небольшой	58,0	22,5	–	162

что «социальное происхождение остается существенным фактором в прогнозировании мобильности человека, хотя уровень образования приобрел более важное значение, чем раньше. Тем не менее семейная среда в значительной степени предопределяет тот объем знаний, который человек может приобрести. Так, у получившего высшее образование выходца из семьи «голубого воротничка» больше шансов на успех, чем у сына «белого воротничка», но без диплома» [45, с. 76].

Исследования зарубежных ученых последних лет демонстрируют, что «в 1999 году в 28 ведущих университетах страны из 100 первокурсников отцы 80 студентов имели дипломы университетов, 80% отцов занимались интеллектуальным трудом, 80% матерей имели дипломы колледжей и 35% – университетские дипломы». Более того, как показали исследования, проводившиеся в 2002 году, между показателями тестирования выпускников

средней школы и студентов и уровнем образования их родителей имеется прямая зависимость [409].

Исследование данного аспекта анализа видится важным с точки зрения того, что семья становится первичной средой, в которой определяются базовые параметры социально-культурных векторов развития личности. Российские ученые называют следующие показатели, описывающие сконструированную для современных студентов родителями социокультурную среду:

- у 70–90% студентов родители имеют высшее образование;
- в 50–70% семей хорошие домашние библиотеки – более 500 томов, в том числе полные собрания сочинений классиков, научная и справочная литература;
- 75–85% студентов в школьные годы дополнительно занимались в музыкальных, балетных, художественных школах, кружках художественной самодеятельности, спортивных секциях [301, с. 12].

Таким образом, родители могут рассматриваться как некая «стартовая площадка» для формирования и развития культурного и социального капиталов личности, а также для накопления ею образовательного ресурса. Ведь, по данным украинских исследователей, последующее поколение преимущественно превышает по своему уровню образования предыдущее поколение. Например, «если сравнивать уровень достигнутого респондентами образования с соответствующим уровнем отца, то в целом только 28,0% респондентов на момент опроса имели такой же уровень образования, как и их отец, 58,0% – более высокий и 14,0% – более низкий уровень. Это показатели, отражающие очень высокий уровень абсолютной образовательной мобильности. Почти в каждой четвертой семье дети не воспроизвели образовательный статус отца, гораздо чаще превышая его, чем не достигая. Последнее в большой степени преодолимо в будущем, поскольку в выборке исследовательского проекта присутствуют индивиды 18 лет и старше, только начавшие процесс получения среднего специального и высшего образования... Среди всех уровней образования наиболее воспроизводимыми сыновьями и дочерьми являются среднее специальное и высшее» [153, с. 113].

В целом, очевидно, что образовательные механизмы в поколенческой проекции оказывают непосредственное влияние на формирование образовательного ресурса личности и, соответственно, определяют потенциальную успешность личности в социальной структуре общества, что, безусловно, важно для понимания влияния образования на процессы формирования интеллектуальной элиты.

Данный факт позволяет говорить о том, что представители интеллектуальной элиты скорее будут рекрутированы из более образованных семей, хотя образование — не единственный фактор, оказывающий влияние на данный процесс. Ведь исследования статусных достижений свидетельствуют, что «образование более существенно влияет на профессиональный статус, чем профессия родителей, и что это влияние не зависит от социального происхождения. В то же время образование оказывается важным механизмом передачи преимуществ и привилегий от поколения к поколению» [266, с. 22–23].

Тем не менее следует отметить, что данный процесс имеет тенденцию к ослаблению, что свидетельствует об активизации именно меритократических тенденций в развитии современных обществ. Например, В. Заборовский отмечает, что результаты проведенного в Польше исследования социальной структуры дают «надежду на преодоление господствующей на протяжении 30 лет ситуации, когда молодежь из семей с большим социальным капиталом имела в 9–11 раз больше шансов на получение высшего образования, чем их ровесники из семей с малым социальным капиталом» [117, с. 29]. Это свидетельствует о постепенном усилении доли индивидуального вклада личности в формирование своей жизненной траектории и достижение жизненного успеха. Следовательно, можно говорить и о том, что вектор вхождения в интеллектуальную элиту все в большей мере становится привилегией самой личности в сочетании с общественными стандартами, нежели наоборот. И здесь, по нашему мнению, активизируются механизмы субъектного уровня, связанные в том числе и с образованием. Механизмы данного уровня связываются нами с представлением личности и ее ближайшего окружения

о необходимости накопления образовательного ресурса и возможностях его использования.

Говоря о влиянии родителей и ближайшего окружения на формирование и реализацию той или иной стратегии социального субъекта, мы отмечали тот факт, что важными в данном аспекте представляются не только объективные (наличие диплома того или иного уровня и учебного заведения), но и субъективные характеристики. К ним, в первую очередь, можно отнести ожидания старшего поколения в отношении младшего в сфере образования, которые могут конкретизироваться в нескольких направлениях. Прежде всего, это влияние родителей на выбор образовательной стратегии их детей. Так, например, наши исследования (1.1, 2.2, 3.1) показывают, что около трети студентов и выпускников школ заявляют, что родители оказали непосредственное влияние на выбор ими дальнейшего места обучения. Специалисты же в сфере образования считают, что мнение родителей в действительности выступает более значимым фактором при принятии решения о выборе образовательной стратегии личности (см. рис. 4.2).

Старшее поколение конструирует свои планы в отношении образовательной стратегии детей, которые чаще всего нацелены на улучшение их позиции в данном отношении (как мы отмечали выше, чаще всего данные планы реализуются, в том числе и в виде более высокого уровня образования у детей по сравнению с родителями). Как показывают исследования, данные планы сегодня очень активно связываются с получением высшего образования. Как наши исследования, так и исследования российских ученых показывают, что подавляющее большинство родителей (более 90%) настроены на продолжение их детьми образования после школы. При этом очевидна связь между данными притязаниями и социальным статусом родителей. Например, исследования показывают: «нижний средний социальный слой в большей мере, по сравнению с низшим и верхним средним, связывает свои жизненные планы с высшим образованием...». В результате «обнаруживается тенденция повышения уровня образовательных притязаний при переходе от страты к страте в рамках низшего и нижнего среднего социальных слоев. В то же время на уровне

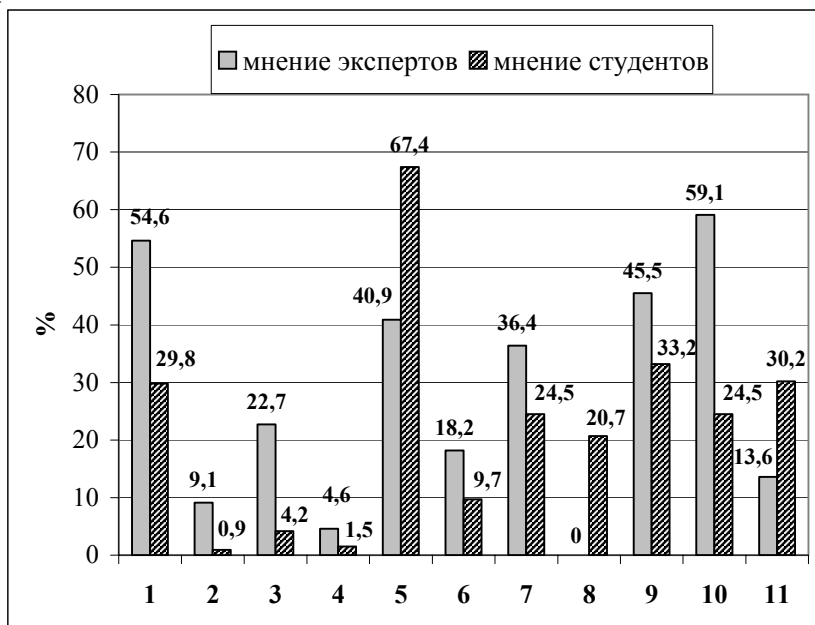

Рис. 4.2. Характеристика мнений респондентов о том, что является определяющим в выборе места обучения (в %)

Где: 1 – мнение родителей; 2 – мнение одноклассников; 3 – мнение друзей; 4 – мнение учителей; 5 – личные предпочтения; 6 – изучение специализированных предметов в школе (экономика, право); 7 – условия обучения; 8 – условия оплаты; 9 – престиж вуза, специальности; 10 – интересная студенческая жизнь в вузе; 11 – высокий уровень преподавания в вузе

социальных страт, переходных от нижнего среднего к верхнему среднему слою, и у верхнего эта тенденция не проявляется» [32, с. 76, 77].

Таким образом, очевидно, что образовательные механизмы, используемые личностью для позиционирования в рамках социальной структуры, конструируются и на субъектном уровне, одним из элементов которого выступает ее ближайшее окружение и, прежде всего – родители. В результате такого воздействия формируется не только объективная стратегия, но и субъективная

значимость элементов этой стратегии для личности, что видится нам важным для понимания процессов формирования интеллектуальной элиты общества. Ведь для рекрутирования в ее ряды необходим как определенный уровень образования (как некий объективный конструкт), так и личностные притязания соответствующего уровня (как субъективный конструкт). Поэтому вторым важным компонентом в системе образовательных механизмов субъектного уровня выступает мотивация получения образования.

Исследование данного блока видится нам важным с нескольких позиций. Во-первых, в системе мотивов получения образования можно проследить те тенденции, которые связаны с изменением качественного состояния общества. Во-вторых, мотивация получения образования в разрезе нескольких основных субъектов позволяет зафиксировать степень единства и адекватности представлений о стратегиях субъектов образовательного процесса. В-третьих, система мотивов получения образования дает возможность вычленить группы, ориентированные на вхождение в интеллектуальную элиту общества.

Проведенные нами социологические опросы (1.1, 2.2, 3.1) показывают, что определяющим в желании старшеклассников продолжить учебу после окончания школы является желание обеспечить материальный достаток (72,8%) и стабильность в жизни (61,8%), а также желание стать высококвалифицированным специалистом в избранной области (55,5%). Менее всего на желание продолжить учебу повлияло желание выпускников школ продлить годы ученичества, относительно беззаботного существования (4,0%). Промежуточную позицию занимают надежды учащихся на то, что высшее образование даст возможность стать культурным, высокообразованным человеком (43,0%); позволит развить необходимые для жизненного успеха качества (37,5%), а также на то, что высшее образование предоставит интересный круг общения в настоящем и будущем (36,4%).

Важным моментом является отношение сегодняшних выпускников школ к будущей учебе в вузе. Для большинства из них (58,4%) будущая учеба — это возможность получения глубоких знаний по избранной специальности; 51,1% говорят о том, что

обучение в вузе — это, прежде всего, подготовка к будущей профессиональной деятельности. Учащиеся также акцентируют внимание на том, что дальнейшее обучение — это возможность найти новых друзей, завести новые знакомства (29,4%); возможность расширить свой кругозор, развить эрудицию (29,0%); возможность самоутвердиться и почувствовать себя более самостоятельным и независимым (по 23,4%).

Для студентов основными причинами получения высшего образования являются желание обеспечить материальный достаток в будущем (54,9 % — 1-я ранговая позиция) и обеспечить стабильность в жизни (51,6 % — 2-я ранговая позиция). Немаловажное значение в желании получить высшее образование имеет тот факт, что высшее образование дает возможность стать культурным, высокообразованным человеком (46,3 % — 3-я ранговая позиция).

Проведенный нами анализ показал, что позиции в отношении мотивов получения высшего образования можно разделить на две группы: мотивы, сохраняющие свою актуальность на всем протяжении учебы, и мотивы, претерпевающие значительные изменения в процессе обучения в вузе.

Первую группу составляют мотивы, не связанные с будущей профессиональной деятельностью (возможность стать культурным, высокообразованным человеком; приобрести интересный круг общения; развить качества, необходимые для жизненного успеха; совершенствовать свои знания и навыки; войти в интеллектуальную элиту общества; продлить годы ученичества; по настоянию родителей).

Вторая группа мотивов, претерпевающих серьезные изменения на протяжении обучения в вузе, связана с получением специальности и теми возможностями, которые дает ее применение в дальнейшем. При этом следует обратить внимание на то, что обучение в вузе снимает определенную эйфорию школьников в отношении будущей профессии. Так, получают высшее образование из-за желания стать высококвалифицированным специалистом 43,6% студентов, а мечтают об этом 55,5% школьников; считают, что высшее образование позволит обеспечить стабильность в жизни

51,6% студентов и 61,8% школьников; рассчитывают на высшее образование как средство обеспечения материального благополучия в будущем 54,9% и 72,8%, соответственно.

Таким образом, очевидно, что среди таких субъектов образовательного пространства, как школьники и студенты, существуют как общие позиции, так отличные друг от друга, что свидетельствует, на наш взгляд, об определенном влиянии вуза в конструировании жизненных стратегий личности. Однако в современном образовательном поле большое значение имеют и позиции тех, кто «творит матрицу» образования – представители органов управления образованием и руководители учебных заведений. Ведь их представления о студентах и мотивах их образовательной деятельности являются во многом определяющими для принятия управленческих решений в сфере образования, а значит, и открывающими (или ограничивающими) путь к реализации жизненных планов личности.

Наши исследования показали, что, по мнению экспертов, основными мотивами получения высшего образования, являются такие, как возможность обеспечить стабильность в жизни (68,2%), материальный достаток в будущем (59,1%), а также стремление получить диплом о высшем образовании (все равно, каком) (45,5%). Были отмечены такие мотивы, как настойчивость со стороны родителей (31,8%), желание стать высококвалифицированным специалистом в избранной области (27,3%), надежда, что дальнейшая учеба позволит развить необходимые для жизненного успеха качества (22,7%), а также то, что получение высшего образования даст возможность войти в интеллектуальную элиту общества (18,2%).

Как отмечают эксперты, сегодня учеба в вузе – это, прежде всего, возможность получения глубоких знаний по избранной специальности (54,6%), подготовка к будущей профессиональной деятельности (50,0%), возможность для большей самостоятельности, независимости, возможность расширить свой кругозор, развить эрудицию (по 40,9%). Кроме того, учеба в вузе представляется как возможность проявить свои творческие способности во время обучения, реализовать замыслы, задумки (27,3%),

возможность найти новых друзей, завести новые знакомства (18,2%).

Очевидно, что позиции студенчества и экспертов являются яркой иллюстрацией к той ситуации, которая сложилась в системе высшего образования, когда управленческие решения различного уровня в сфере образования порой принимаются без учета позиций студенчества. Безусловно, такая ситуация свидетельствует о слабой коммуникации между верхними и нижними «слоями» в системе образования. Иллюстрацией к данному тезису могут являться представления субъектов образовательного процесса о мотивах получения высшего образования. В данном случае совпадение во мнениях экспертов и студентов наблюдаются в определении ведущего мотива обучения – обеспечение материального достатка в будущем (59,1% и 60,0%, соответственно). Такое совпадение позиций выступает безусловным плюсом, но на фоне других различий выглядит одиноко (см. рис. 4.3).

Так, эксперты больше, чем студенты, акцентируют внимание на таких мотивах получения высшего образования, как обеспечение стабильной жизни (68,2% экспертов и 52,9% студентов); по настоянию родителей (31,8% и 7,6%, соответственно); простая необходимость наличия диплома (45,4% и 36,2%). Менее значимыми, по сравнению с позициями студентов, у экспертов выступают: желание стать высококвалифицированным специалистом (27,3% и 48,8%); развить качества, необходимые для жизненного успеха (22,7% и 37,4%); совершенствование знаний и навыков (0% и 23,3%); расширение круга общения (4,6% и 34,4%); возможность стать культурным, высокообразованным человеком (0% и 47,8%). Наряду с этим лишь 4,6% экспертов считают, что высшее образование получают из-за понимания того, что это необходимое требование времени (среди студентов такой позиции придерживаются 38,0%).

Таким образом, при сохранении единства в значении образования для обеспечения материального благополучия позиции экспертов и студентов значительно отличаются. Среди первых в большей степени доминируют позиции формального, неосознанного личностью получения образования. Среди студентов же

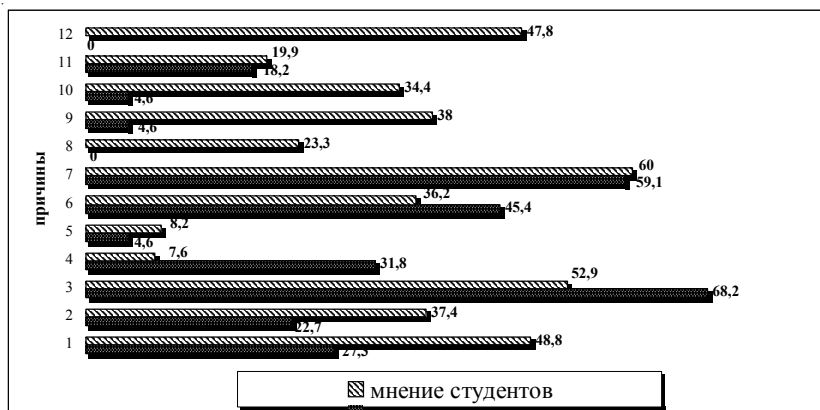

Рис. 4.3. Мнение респондентов об основных причинах получения высшего образования (в %)

Где: 1 – желание стать высококвалифицированным специалистом в избранной области; 2 – надежда, что дальнейшая учеба позволит развить необходимые для жизненного успеха качества; 3 – возможность обеспечить стабильность в жизни; 4 – желание родителей; 5 – надежда продлить годы ученичества, относительно беззаботного существования; 6 – стремление получить диплом о высшем образовании (все равно каком); 7 – возможность обеспечить материальный достаток в будущем; 8 – надежда, что дальнейшая учеба позволит совершенствовать знания и навыки; 9 – убежденность в том, что образование на протяжении всей жизни – это необходимое требование современного общества; 10 – надежда, что высшее образование даст возможность войти в интеллектуальную элиту общества; 11 – убежденность в том, что образование предоставит интересный круг общения; 12 – уверенность, что высшее образование предоставит возможность стать культурным, высокообразованным человеком.

ярко выражено стремление к развитию, совершенствованию посредством получения образования. При этом образование для них все больше выступает не только инструментальной, но и терминальной ценностью.

Такие расхождения в позициях одних из основных субъектов системы образования говорят о динамичных изменениях в их сознании, которые не всегда адекватны реальности. Данный факт негативно влияет на формирование интеллектуальной элиты,

поскольку ограничивает возможности накопления и реализации личностных образовательных капиталов.

Наряду со сравнением позиций основных субъектов образовательного процесса, значимость приобретает и динамика изменения этих позиций, определяемая теми трансформациями, которые претерпевает само общество. В данном аспекте исследования социологов Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина показывают, что «анализ образовательных ценностей студентов «второго поколения независимости» (*исследование 2004 г. – прим. автора*) свидетельствует о большей артикуляции (по сравнению с «первым поколением независимости») модернистского ценностного дискурса. Это, прежде всего, проявилось в иерархии ценностей образования. Так, если в 1996 г. студенты ценили высшее образование за возможность стать высококвалифицированным специалистом (1-е ранговое место, 49% опрошенных), обеспечить себе материальный достаток в будущем (2–3-е ранговое место, 42% опрошенных) и получить интересный круг общения (2–3-е ранговое место, 42%), то по данным последнего изучения, на первом месте значимость образования как фактора материального благополучия (55%), на втором – как фактора профессиональной подготовки (47%), на третьем – как фактора повышения социального статуса (42%).

Одновременно несколько повысился уровень формального отношения к образованию: 36,5% украинских студентов пришли в вуз за дипломом (все равно, каким). В 1996 г. таким образом мотивировали свою учебу в вузе 31% опрошенных. С 6-го рангового места эта позиция поднялась до 4-го.

Для студентов «второго поколения независимости» менее значимой стала такая ценность образования, как возможность стать культурным, образованным, интеллигентным человеком (в исследовании 2002–2004 гг. на нее указали около 30% респондентов (5-е ранговое место), 1996 г. – 35% (4-е ранговое место)) [303, с. 346].

Таким образом, очевидно, что в сознании современных студентов произошло некоторое снижение престижности «интели-

гентного» вектора в мотивации получения высшего образования и усиление вектора, связывающего получение высшего образования с социальной мобильностью. Однако данные тенденции не носят массовый характер. А это означает, что изменения, происходящие в качественном состоянии украинского общества, активизировали новые векторы дифференциации студенчества.

Для Украины и России новые векторы дифференциации имеют особое значение. Ведь в рамках их образовательных систем в борьбу вступают традиции формирования высшей школой интеллигенции и современные тенденции интеллектуализации и узкой профессионализации образовательных практик. Эти векторы анализа представляют особый интерес и с точки зрения нашего исследования.

Итак, современные исследования показывают, что «в сознании современного студенчества соседствуют четыре интеллектуально-этических идеала. Между ними нет четких водоразделов. Особенно близки этически окрашенные образы постсоветского интеллигента и неонародника. Применительно к современному студенчеству можно оперировать двумя идеальными образами: интеллигент и интеллектуал. Количество сторонников каждого из обобщенных идеалов практически одинаково: 50% интеллигентов и 46% интеллектуалов» [300, с. 69]. Более детализированный анализ приводит к выводу о том, что «молодое поколение делится не на две, а на три части, не считая маргинального слоя. Во-первых, будущую интеллектуальную элиту следует отделить от молодежной массы. Во-вторых, студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на интеллектуалов и интеллигентов, которые различаются этическим самоопределением.

Этическое самоопределение интеллигента характеризуют: 1) альтруистическая направленность личности; 2) отказ от насилия; 3) благоговение перед культурой.

Интеллектуал, как можно сделать вывод из исследования, руководствуется иными нормами:

1) эгоистическая направленность; 2) допустимость насильственных действий; 3) утилитарное потребление культуры.

Интеллектуально-нравственную стратификацию постсоветской молодежи можно представить следующим образом:

- 1) интеллектуальная элита (*распадающаяся на интеллигентов и интеллектуалов – прим. автора*);
- 2) неинтеллектуальная молодежная масса;
- 3) маргиналы» [299].

В целом, можно согласиться с тем, что процесс дифференциации студенчества сегодня достаточно четко направлен на формирование интеллектуальной элиты.

Исследования украинских социологов демонстрируют, что «следствием формирования студенческой элиты является процесс дифференциации молодежи, то есть процесс образования пространства «неравных» среди молодежных групп. Два параметра выступают основанием неравенства в студенческой среде: потенциал интеллекта и потенциал креативности» [190, с. 65]. Указанные характеристики определяются нами как те, которые выделяют представителей интеллектуальной элиты из общей массы населения. То, что данные параметры демонстрируют свое дифференцирующее влияние уже на уровне образовательного заведения, свидетельствует о том, что вуз действительно сегодня может рассматриваться как среда формирования интеллектуальной элиты общества.

Следует отметить, что данное свойство современной системы высшего образования на нынешнем этапе развития общества становится не только латентным и выявляемым специальными исследованиями, но и осознаваемым социальными субъектами. Наши исследования (1.1, 2.2, 2.4, 3.1) показывают, что получение высшего образования рассматривается социальными субъектами как возможность войти в интеллектуальную элиту общества (см. табл. 4.5).

Такая ситуация выдвигает особые требования к системе образования в целом и к высшему образованию в частности. Ведь в условиях нацеленности социальных субъектов на использование высшего образования в качестве социального лифта необходимым становится создание таких образовательных условий, которые позволили бы индивиду накопить соответствующий

**Доля субъектов образовательного пространства,
рассматривающих получение высшего образования как
возможность вхождения в интеллектуальную элиту общества**

№ п/п	Категории респондентов	%
1	Школьники Харьковского региона	18,0
2	Студенты Харьковского региона	18,1
3	Студенты Украины	19,9
4	Эксперты Украины	18,2
5	Студенты частных вузов Украины	19,9
6	Студенты частных вузов Латвии	14,5
7	Студенты частных вузов Казахстана	23,3
8	Студенты частных вузов Польши	27,8

образовательный, культурный и социальный капитал для реализации им в дальнейшем своей стратегии жизненного успеха. Здесь можно говорить о том, что субъектный уровень включения образовательных механизмов формирования интеллектуальной элиты стыкуется с институциональным уровнем, когда потребности субъектов формируют требования к социальному институту образования.

Сегодня принято говорить о трансформации функций образования, в которые неизбежно входит и решение задачи формирования интеллектуальной элиты общества. Роль же высшего образования в решении проблемы формирования интеллектуального потенциала общества и его интеллектуальной элиты можно охарактеризовать несколькими направлениями. Во-первых, это стимулирование творческого мышления, нестандартных подходов к решению тех или иных задач. Традиционные формы преподавания сегодня формируют стандартный тип выпускника, который не выдерживает конкуренции на современном рынке труда (особенно, если говорить о рынке труда в рамках всего мирового пространства).

Во-вторых, создание системы мотивации к постоянному интеллектуальному росту. Исследования показывают, что мотивация студентов на самосовершенствование является достаточно

сильной. Тем не менее интеллектуальный аспект этой мотивации, выходящий на социальный уровень, относительно слаб: лишь около 18% выпускников школ и столько же студентов хотели бы принадлежать к интеллектуальной элите общества.

Таким образом, ценность интеллектуального труда остается несформированной для большинства в молодежной среде общества, хотя большое количество стремящихся оказаться в элите тоже не является показателем здорового общества. Как известно, элитные слои занимают от 3% до 20% всей социальной структуры общества, поэтому в целом показатель 18% студентов (что представляет около 3,5–4% всего населения) выглядит в пределах нормы. Тем не менее следует иметь в виду, что в результате воздействия факторов социального, политического, экономического и другого характера планы определенной части студентов всегда меняются, а поскольку образование является также механизмом социализации, то и ценности тоже претерпевают определенные изменения. При этом характерной особенностью молодежного сознания является склонность к преувеличению, что свидетельствует об исключительно номинальном уровне стремления попасть в интеллектуальную элиту общества — на уровне поведения лишь небольшая часть готова предпринимать конкретные действия для достижения данной цели.

Как отмечалось нами выше, результативность формирования интеллектуальной элиты кроме социетального и субъектного уровней зависит и от эффективности образовательных механизмов институционального уровня, которые, во-первых, выступают ответом на вызовы современности, во-вторых — служат гарантом стабильности общества, в-третьих — выступают инновационным компонентом его развития и, в четвертых — обеспечивают возможность накопления индивидами образовательного ресурса и т. д. Одной из стратегий современной системы образования в плане формирования интеллектуальной элиты стало создание (а в некоторых странах — расширение) системы элитной подготовки.

Рассмотрение данного феномена требует, на наш взгляд, анализа нескольких основных аспектов. Одной из проблем, естественным образом вписывающихся в систему новых отношений,

является проблема элитности образования. Ведь современная система социальных отношений претерпела серьезные изменения. Социальное расслоение в широком плане и имущественное — в узком привело общественную практику и общественное сознание к пониманию неравнозначности идентичных социальных структур и образовательных практик. Именно поэтому активизировалась дискуссия об элитных группах и элитных образовательных учреждениях. При этом на современном этапе развития речь идет о национальных элитных образовательных структурах для каждого государства, то есть тех, которые являются таковыми на общегосударственном уровне (хотя следует отметить, что взаимодействуя сегодня на межгосударственном уровне как партнеры при сохранении тенденции движения к открытому обществу в скором будущем данные образовательные структуры поменяют свою стратегию на конкурентную). Очевидно, что такая постановка вопроса не умаляет значимости и качества подготовки по ряду специальностей в общемировом масштабе, но направлена на систематизацию образовательной практики в Украине.

Как и большинство проблем, проблема элитной подготовки проявляется на реальном и идеальном уровнях. Базовой составляющей рассматриваемого аспекта является само понятие «элитность», в которое закладываются различные основания, что и порождает порой противоречивые суждения.

Если отталкиваться от этимологии слова «элита», то элитность подготовки в вузе связана исключительно с лучшим ее качеством. При этом в современных условиях показателем этого качества не может выступать один или несколько отдельных параметров. Только система показателей наиболее адекватно позволяет судить об элитности подготовки в вузе.

Однако наряду с данным аспектом изначально важным видится проведение «водораздела» между категориями «элитное образование» и «элитарное образование». Как отмечает Г. Ашин, элитным называют образование высокого качества (в англоязычной литературе — *high quality education*). Под ним понимают также образование, нацеленное на подготовку элиты — политической, экономической, культурной. Такое образование отвечает задаче

создания элиты высокого качества, действительно лучших, отборных — в интеллектуальном и этическом плане. Только открытая система элитного образования отвечает принципам демократического общества. Под «элитарным образованием» понимают систему закрытого образования. Оно обрекает на деградацию элитное образование, да и саму элиту [27, с. 88].

Как показывает анализ, категории «элитность» и «элитарность», в том числе в системе высшего профессионального образования, обладают как общими чертами, так и явными различиями, обусловленными профессиональной сферой, характером и объектом деятельности, а также особенностями взаимоотношений потребителя продукта деятельности и творца этого продукта — представителя высшего слоя какой-либо профессиональной сферы. По мнению Г. Ашина, «они соотносятся как два пересекающихся круга, у которых часть площади общая. Элитное образование может быть одновременно и элитарным. Собственно, элитарное образование в определенной мере почти всегда является элитным (хотя бы с точки зрения его качества). Более того, можно утверждать, что элитное образование исторически возникло и развивалось в рамках элитарного (иначе и быть не может в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все большую роль при этом играли способности, и все меньшую — знатность, богатство, связи родителей. Можно сказать, что дифференциация обучения вообще и элитное образование как ее момент соответствуют важнейшей тенденции современной цивилизации — процессу индивидуализации» [27, с. 89].

К общим чертам элитного и элитарного образования исследователи относят также необычно высокий профессиональный потенциал, реализованный в выдающихся достижениях в соответствующей профессиональной сфере (области), высокий и устойчивый авторитет; причисление к избранным (лидерам); исключительность [262, с. 56–57].

Однако наряду с общими элементами между элитарным и элитным образованием существуют различия, позволяющие классифицировать первое как несправедливое, а второе — как соответствующее современным представлениям о социальной справедливости. Можно видеть, что элитарное образование сопряжено с системой закрытого рекрутирования элиты, в то время как элитное образование — с системой открытого ее рекрутирования.

Естественно, что в условиях активизации меритократических тенденций элитное образование выступает наиболее адекватным механизмом рекрутирования интеллектуальной элиты. По-видимому, с этим связана его популярность среди ученых и практиков образования.

Историко-социологический анализ показывает, что истоки проблематики элитного образования восходят к Э. Дюркгейму, который обратил внимание на ряд вопросов, связанных с ролью образования в решении проблем равенства и обеспечения социальной мобильности.

Систематизируя ключевые подходы, сложившиеся в западной социологии в отношении проблем элитного образования, Г. Ашин предлагает выделить несколько ключевых [см. 27, с. 90–92]. Так, по его мнению, функциональная концепция является наиболее влиятельной и распространенной. Ее отличает либерально-прогрессистский оптимизм, вера в движение постиндустриального общества к социальной стабильности, процветанию, к обществу, преодолевающему бедность. Образование должно при этом выполнять три жизненно важные функции в развитии общества. Во-первых, способствовать развитию человеческих ресурсов (особенно — подготовке беловоротничковых — техников, менеджеров), столь необходимых для постиндустриального общества. Во-вторых, создавать механизм селекции индивидуумов в соответствии с их способностями и талантами, готовя их к той форме деятельности, которую они могут лучше всего выполнять. В-третьих, способствовать интеграции общества, его сплочению, прививая ценности информационного общества. Оно призвано развивать способности индивидов и используется как средство

социальной селекции, причем оно обеспечивает селекцию, базирующуюся в большей мере на личных достижениях, чем на предписанном статусе.

Отмечая важную роль образования в социальной мобильности, функционалисты исходят из того, что различные социальные роли, в особенности элитные, требуют различных способностей. Если общество функционирует эффективно, эти роли должны выполняться людьми с соответствующими способностями. В нормативном плане система образования призвана обеспечить обществу эффективную и справедливую селекцию способностей и талантов, так что именно наиболее способные достигают элитных позиций.

Конфликтная теория в отношении элитного образования декларирует, что институты образования помогают репродуцировать и легитимизировать систему стратификации, объявляя, что она основывается на индивидуальных достижениях, тогда как на деле она отбирает на элитные позиции индивидов на основе предписанного статуса. Возникнув на базе веберовской традиции, приверженцы данного направления подчеркивают попытки различных групп (этнических, профессиональных, классовых) использовать сферу образования как механизм получения привилегий; статусные группы пытаются увеличить интенсивность своей восходящей социальной мобильности вплоть до уровня элитной группы.

Представители данной теории опираются на то, что школьники и студенты из высших страт общества достигают более высоких результатов (у них больше амбиций, они имеют больше поощрений от родителей и т. д.). На деле же социальная дифференциация, базирующаяся на стратификационных привилегиях, реализует себя в системе образования и таким образом способствует воспроизводству через него правящих групп.

Достаточно близким к конфликтной теории в понимании сущности элитного образования является неомарксистский подход, представители которого (например, П. Уилис) считают, что школы — не только агенты социальной репродукции, но и центры сопротивления капиталистическим порядкам, то есть центры формирования контрэлиты.

В связи с качественными изменениями, происходящими в современных обществах, и смещением акцентов в ключевых ресурсах их развития в западной социологии образования стала популярной концепция «человеческого капитала», согласно которой доход человека в течение жизни определяется объемом полученного образования и интеллектуальными способностями. Термином «человеческий капитал» обозначают улучшение продуктивной способности человека благодаря произведенным им расходам на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, заработной платы, престижа). Расходы на образование рассматриваются как «жертва», принесенная индивидом (а равно и обществом в целом) во имя будущих выгод. Обучение, с этой точки зрения, есть процесс превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными.

Синтез конфликтной концепции и теории «человеческого капитала» в социологии образования представляют работы французского социолога П. Бурдьё, который утверждает, что знатный титул сам по себе не обеспечивает подлинную элитность. Не обеспечивает его и богатство само по себе. «Элита элиты» соединяет в себе целый комплекс черт, которые дополняют друг друга, — аристократизм рождения, личное богатство, меритократизм академических успехов. Эти черты комбинируются, «воспитывая в новых лидерах абсолютную уверенность в своей легитимности».

В одной из своих книг, написанной П. Бурдьё в соавторстве с Ж.-К. Пассероном «Репродукция в образовании. Общество и культура», показывается, что школьная система вносит свой вклад в воспроизводство структуры распределения культурного капитала и, через него, социальной структуры, системы позиционных дифференциаций и дистанций.

Свой подход Бурдьё противопоставляет натуралистическому подходу, который редуцирует социальные различия к различиям в IQ, которые якобы предопределяют успех или неуспех человека в жизни и, в частности, в получении образования. Бурдьё под-

черкивает определяющую роль социальной структуры в распределении шансов между классами.

Таким образом, в рамках социологической науки сформировалось несколько ключевых подходов к анализу элитного образования. Очевидно, что они связывают его функционирование с возможностью обеспечения социальной мобильности для талантливых индивидов, с возможностью накопления ими культурного и образовательного капитала, что, как нам видится, приобретает особую значимость не только для них самих, но и для общества в целом, что и выступает стимулом развития элитного образования. Наряду с этим такое образование будет непосредственно включено в формирование интеллектуальной элиты.

Систематизируя современные наработки в отношении элитного образования, можно выделить его главные достоинства. Г. Ашин в этой связи отмечает, что «единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразия личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует личности обучающихся, не стимулирует развитие их талантов, уникальных способностей. В демократическом обществе наряду с государственной, должна существовать и независимая от него система образования, в том числе альтернативного, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из малообеспеченных семей не могут оплачивать дорогостоящие частные школы, то они имеют право на дотацию со стороны государства, благотворительных фондов, на стипендии для талантливых детей из бедных слоев общества, которые имеются во многих элитных школах... Эти школы часто являются спонсорами одаренных детей безотносительно к их статусу... Элитное образование, помимо того, что это образование самого высокого уровня, характеризуется тем, что главным его критерием являются способности, таланты детей; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения знаний и ценностей, предлагаемых этой системой образования, необходим высокий уровень интеллектуальных способностей» [27, с. 88–89].

Следует отметить, что выгоды, продемонстрированные элитным образованием в рамках западных обществ, привели к тому,

что в последние десятилетия XX — в начале XXI века значительное распространение получила всемирная тенденция — движение к демократизации образования, которая включает в себя «движение от элитарного образования, ставящего людей в неравные условия конкуренции за получение доступа к образованию высшего качества, то есть означающего дискриминацию людей по социальным, национальным и иным критериям, к элитному, где образование высокого уровня дополняется его большей открытостью» [27, с. 88].

И все же тенденция к формированию и развитию системы элитного образования на сегодняшний день имеет ограниченные возможности, в чем проявляются соответственно и ограниченные возможности образовательных механизмов социетального и институционального уровней в формировании интеллектуальной элиты. Однако современная система образования, несмотря на свою консервативность, постоянно находится в процессе поиска новых стратегий своего развития. И одним из ответов на вызовы современности в данном контексте, по нашему мнению, можно считать полное или частичное разделение содержательных и организационных аспектов элитного образования. Речь идет о таких категориях, как «элитный вуз» и «элитная подготовка».

Следует отметить, что понятия «элитный вуз» и «элитная образовательная подготовка» не являются тождественными и жестко коррелирующими между собой, хотя связь между ними в стабильном обществе очевидна. Под элитной образовательной подготовкой будем понимать такое образование, которое представляет собой наилучшее по сравнению с другими, сформированное единством условий, процесса и результата обучения. Такое образование дает индивиду большую возможность для достижения жизненного успеха, повышает его жизненные шансы.

Можно согласиться с В. Мануйловым, А. Петровым и В. Приходько, которые утверждают, что «такая подготовка может быть реализована в любом вузе высокого уровня, который может сконцентрировать все необходимые ресурсы на одном или нескольких направлениях высшего профессионального образования для осуществления элитной подготовки в отношении

части обучаемых» [262, с. 58]. По их мнению, основополагающими принципами формирования системы элитной подготовки специалистов являются:

- социально обоснованная необходимость формирования лидеров в любой сфере (области) профессиональной деятельности;
- объективно установленная возможность образовательной системы или конкретного вуза осуществлять организацию и реализацию элитной подготовки специалистов.

На этом основании принципы формирования системы элитной подготовки специалистов предполагают:

- обеспечение адекватности содержания и качества выпускника программы элитной подготовки требованиям общества (или мирового сообщества) либо отрасли, предприятия или организации;
- добровольность участия в функционировании системы элитной подготовки обучаемого, обучающего (вуза) и потребителя (общества, предприятия или организации) [262, с. 58–59].

Таким образом, феномен элитной подготовки теоретически может быть дистанцирован от образовательных структур как некоторой организационной целостности. Для обеспечения высокого качества образования достаточным становится концентрация значимых ресурсов в рамках определенной подсистемы любой образовательной структуры.

Отличным от данного феномена выступает феномен элитного вуза. На наш взгляд, элитный вуз — вуз, обеспечивающий высокий (элитный) уровень образовательной подготовки независимо от изменяющихся условий среды. При этом для обучения в элитном вузе достаточно важным представляется действенность субъектных образовательных механизмов: элитный вуз объективно обладает возможностями осуществления элитной подготовки, но они могут быть не использованы, по крайней мере частью обучаемых, по ряду различных причин, в том числе личного характера.

Исследования элитных вузов в современной науке позволили сформулировать ряд признаков, по которым вуз может быть охарактеризован как элитный. Так, высшему учебному заведению,

претендующему на характеристику элитного, по мнению В. Мануйлова, А. Петрова и В. Приходько, должны быть присущи следующие признаки:

- высший ранг (например, статус ведущего вуза), утвержденный на государственном уровне;
- высокий, устойчивый авторитет в обществе, а также в соответствующих профессиональных сферах, основанный на высоком качестве образовательной, научно-исследовательской, просветительской, культурной деятельности;
- высокий рейтинг в рамках мировой и/или национальной образовательной системы;
- приоритетный спрос на выпускников вуза со стороны мирового и национального рынков интеллектуального труда, обусловленный высоким качеством подготовки научных и профессиональных кадров, представители которых добились значительного признания в обществе и соответствующих профессиональных областях;
- наличие выдающихся достижений в сферах образования и науки, а также устойчивая ориентация на опережающее развитие содержания обучения по отношению к практике профессиональной деятельности;
- необычно высокие показатели кадрового потенциала, подкрепленные творческими достижениями, активностью и результативностью научно-педагогической и воспитательной деятельности;
- наличие эффективной системы формирования стратегических и оперативных целей и задач, управления качеством всех видов деятельности, обеспечения экономической, технологической и финансовой устойчивости;
- высокий уровень интегрирования с мировой образовательной системой и различными профессиональными сферами международного рынка интеллектуального труда;
- наличие действенных связей с ведущими фирмами, предприятиями и организациями, обеспечивающих высокопродуктивную образовательную, научную, консалтинговую, экспертную, производственную и другую деятельность;

- широкий, высококачественный (по содержанию, обеспечению и сопровождению) спектр образовательных услуг по основным и дополнительным образовательным программам и в инновационной деятельности, а также устойчивый повышенный спрос на данные услуги и инновации со стороны различных категорий потребителей;

- сформированность высокоразвитой информационной среды и материально-технической базы, обеспечивающих оптимальные и комфортные условия обучения студентов, аспирантов и работы сотрудников;

- повышенные входные требования к абитуриентам;

- наличие высокоразвитого комплекса социально-ориентированных программ, а также комфортной психологической атмосферы [262, с. 57–58].

Очевидно, что система показателей элитного вуза объединяет в себе как формальные показатели, так и неформальные. По сути, до сих пор актуальным остается вопрос о том, какие же из них являются ведущими. Попробуем проанализировать некоторые из них.

Выстраивая набор показателей, позволяющих судить об элитном образовании, нельзя не отталкиваться от существующих требований для получения или подтверждения уровня аккредитации вуза. Ведь уровень аккредитации вуза ставит его на определенную ступень в иерархии образовательных структур в государстве. Соответственно, чем выше уровень аккредитации вуза, тем более высокий статус он приобретает и тем более высокий уровень подготовки он может осуществлять. Особо актуальной пока остается дилемма: «может осуществлять» и «осуществляет». В данном случае актуализируется вопрос о незадействованном потенциале учебного заведения и его реальной деятельности. Вот здесь и включается в работу вся система показателей, измеряющих качество подготовки в вузе. К ведущим показателям по данной линии относится характеристика кадрового состава вуза. Крылатая фраза «кадры решают все» с неизбежностью работает на элитное образование.

Современный вуз, обеспечивающий подготовку высокого качества, не может быть кадрово слабым. В данном отношении важны два основных параметра: система формальных показателей и система внутреннего потенциала профессорско-преподавательского состава. Первый класс характеристик отражает общее состояние системы образования — чем выше, например, уровень острепенности преподавателей, тем выше качество образования в вузе. Безусловно, данный показатель связан с объективными требованиями к диссертационным исследованиям — со снижением их уровня происходит снижение качества образования. Уровень данных требований должен иметь определенные рамки, изменение которых не должно зависеть исключительно от количественных потребностей системы образования. Сочетание количественных и качественных потребностей должно быть оптимальным в конкретных социальных условиях, но не опускаться ниже определенной границы.

Наряду с этим к классу формальных условий осуществления высококачественной подготовки специалистов в данном аспекте может быть отнесено и количество публикаций научного и методического характера и др.

Таким образом, одним из критериев элитной подготовки является качество профессорско-преподавательского состава. И с этой точки зрения элитный вуз не может не обладать высоким уровнем по данному показателю.

Как уже отмечалось, наряду с формальными характеристиками кадрового состава, особое значение для осуществления элитной подготовки имеет внутренний потенциал преподавателей. Можно предположить, что именно эта составляющая таит в себе успех реализации многих образовательных стратегий. Речь идет о таких качествах преподавателей, как саморазвитие и самосовершенствование, открытость новому и готовность экспериментировать и т. д. Без внутреннего запала, устойчивого мотивационного ядра собственного развития преподаватель теряет свой потенциал и снижает общее качество подготовки специалистов.

Как показывают исследования западных ученых, проведенные Институтом исследования проблем высшего образования Кали-

форнийского университета в Лос-Анджелесе, в данном отношении существуют значительные отличия в характеристиках преподавательского состава элитных и обычных университетов. Опросы продемонстрировали, что 90% профессоров и преподавателей частных университетов видят свою задачу в интеллектуальном развитии студентов, против 79% в общедоступных вузах; помочь студентам понять и развить личные качества, так же, как сформулировать персональные ценности — 60 и 35% соответственно; помочь студентам развить качества лидера — 50 против 35% [409].

В соответствии с этим важным представляется система создания мотивационного ядра профессорско-преподавательского состава вузов. По-видимому, внешнее и внутреннее стимулирование должны дополнять друг друга. Преподаватель должен обладать и навыками создания аналогичной системы у студентов.

Если обратить внимание на аспекты внутреннего потенциала профессорско-преподавательского состава в современных вузах Украины, то можно отметить ряд очевидных тенденций. Во-первых, наблюдается тенденция старения кадрового состава и, соответственно, снижения внутреннего потенциала вузов. Во-вторых, мотивационная сфера в условиях нестабильности государства имеет серьезный уклон в материальную составляющую. В-третьих, сильное влияние оказывают эмиграционные процессы (проблема «утечки мозгов»). Данные тенденции оказывают, на наш взгляд, негативное влияние на качество образовательной подготовки в Украине, формирование ее интеллектуального потенциала и интеллектуальной элиты. Нерешенность указанных проблем на общенациональном уровне и на уровне конкретных вузов не позволит вести речь об элитной подготовке.

Как отмечалось выше, элитность подготовки обеспечивается единством условий, процесса и результата обучения. Поэтому особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить внутривузовским образовательным технологиям (относящимся к институциональному уровню образовательных механизмов формирования интеллектуальной элиты), позволяющим вузу реализовывать стратегию элитности, а социальным субъектам — накапливать

соответствующий капитал для вхождения в интеллектуальную элиту общества.

Особое внимание к данным технологиям связано с тем, что, к сожалению, унифицированная система образования, существовавшая в том числе и в Украине, практически не позволяла личности приобретать в ее рамках тот образовательный капитал, который позволял ей принимать нестандартные решения и нести за них ответственность в границах прежде всего своей жизненной траектории. В современных же условиях, как уже отмечалось нами в подразделе 4.1, важное значение приобретает формирование нового типа личности, который соответствует изменениям, сопутствующим постиндустриальной трансформации.

В рамках этих процессов само понятие «конкурентоспособность» выпускника приобретает несколько иной оттенок. Сегодня ее понимают в большей степени как ценность, которая, «наряду с ориентацией личности на собственные силы, способствует преодолению индивидуально-психологического барьера подавленности, пессимизма, неопределенности в жизненной перспективе, упорядочиванию всей жизнедеятельности в условиях перехода к рыночным отношениям» [237, с. 97].

Наряду с этим ученые отмечают тот факт, что постсоветская система образования оказалась не готова к работе с одаренными и талантливыми детьми: она предлагала стандартный набор образовательных программ и форм обучения, что в целом тормозило процесс формирования интеллектуальной элиты современности.

Сама роль образования как системы, в которой раскрываются способности и таланты личности, достаточно детально обоснована Дж. Дьюи. В своей книге «Демократия и образование» он писал: «Все, что в лучшем случае может сделать сознательное, целенаправленное образование, — предоставить возможности для более полного проявления сформировавшихся способностей. Оно может лишь отшлифовать их и предоставить объекты, которые сделают их проявление более продуктивным и осмысленным. Поскольку «подсознательное влияние среды» столь изоциренно и всеуше, что сказывается на всех чертах характера и складе ума, стоит указать некоторые направления, в которых оно наиболее

значительно: языковая компетенция, манеры, хороший вкус и эстетическая оценка, интеграция всего вышеуказанного» [114, с. 22–23]. Исследования психологов показывают, что подавляющее большинство людей в детстве (97%) на том или ином уровне в чем-то одарены природой. А задача как средней, так и высшей школы состоит в том, чтобы «найти и развить в них эти природные свойства, дать им соответствующее образование, то есть помочь обществу наиболее эффективно использовать своих членов» [209, с. 43], другими словами — эффективно формировать и использовать свой интеллектуальный потенциал.

Аналогичной позиции придерживается и Гарднер, который утверждает, что, несмотря на различия людей в уровне интеллектуального развития (что становится основанием для дифференциации образования), «не существует какого-либо усредненного «интеллекта», который можно оценить и измерить на основе психометрических критериев. Большое количество наклонностей и способностей человека в различных областях интеллектуальной деятельности являются равноценными и требуют параллельного развития в ходе обучения. Задача школы — выявлять этот разнообразный интеллектуальный потенциал учащихся и содействовать гармоничному развитию интеллекта и личности учащегося» [77, с. 21].

В данном случае речь идет о том, что интеллект не может рассматриваться как некоторый монолит. Как мы уже отмечали в разделе 3, существует достаточное количество видов интеллекта, в рамках которых может проявляться одаренность человека. Система же образования должна предоставлять возможность для их развития.

Соответственно, технологии, направленные на решение данной задачи, по нашему мнению, будут эффективными при условии соответствия следующим требованиям:

- нацеленность на развитие творческого потенциала личности (знания и способность к творчеству являются в наши дни приоритетными и самыми важными движущими силами с точки зрения освоения ценностей современного общества);

- сочетание традиционных и инновационных знаний, а точнее наращивание последних на первые (развитие современного общества возможно лишь благодаря инновациям, привносимым в его жизнедеятельность, однако при этом инновации не должны нести угрозу стабильности);

- стимулирование активной позиции обучаемого (сегодня успешная стратегия жизнедеятельности социальных субъектов связывается с поиском и реализацией не стандартного, а уникального опыта, поэтому актуализируется значимость личностной инициативы и проявление индивидуальных качеств);

- соответствие общественным потребностям (любые технологии, применяемые в системе образования, в конечном итоге должны способствовать прогрессу общества, связываться с его потребностями и приоритетами развития, что, однако, не предполагает игнорирование интересов личности);

- индивидуальная ориентированность и др.

Очевидно, что для выполнения этой задачи система образования должна претерпеть серьезную модернизацию, приобрести «организационно-содержательную» гибкость, проявляющуюся в расширении возможностей выбора каждым обучаемым индивидуальной образовательной траектории.

Особую значимость, в том числе и с точки зрения формирования интеллектуальной элиты, приобретает в данной связи именно высшее образование, в рамках которого происходит более осознанный выбор образовательной и жизненной стратегии и ее корректировка. Сегодня можно говорить о том, что в рамках этой ступени образования сложилось несколько основных направлений, которые стали ответом на новые потребности развития общества в условиях его перехода к новому состоянию — обществу знания и интеллекта. Среди них, прежде всего, можно назвать индивидуализированное обучение, активизацию организации самостоятельной работы, интеллектуализацию обучения, формирование нового качества взаимоотношений между преподавателями и студентами, ориентация на саморазвитие и др.

Так, для достижения поставленных целей используются различные средства. Российские ученые выделяют такие, как: «индиви-

дуальное учебное планирование, соответствующее способностям и склонностям обучаемых, когда каждый студент учится по своему личному учебному плану; программы для одаренных (вундеркиндов); изучение элективных предметов (по выбору); отказ от ряда дисциплин, не связанных с избранной профессией; возможность поступления сразу на второй курс, которой, кстати, ежегодно пользуются от 50 до 100 тыс. школьников, и окончания вуза в сжатые сроки; учеба одновременно на двух факультетах или даже в двух учебных заведениях; возможность легко (при необходимости) менять профиль обучения, факультет, вуз, например, при ошибке в выборе будущей специальности; щедрая поддержка отличников (а не троечников); функционирование абсолютно открытых для всех возрастов особых учебных заведений с дистанционным обучением (туда записывают без предъявления какого бы то ни было документа) и многое другое» [209, с. 42].

Очевидно, что средства, позволяющие достигать поставленных образовательных целей, интегрируют в себя как организационные, так и содержательные компоненты. Особый интерес, на наш взгляд, в контексте формирования интеллектуальной элиты приобретают вопросы интеллектуализации обучения. Ведь, как отмечалось нами в подразделе 1.1, интеллектуализация выступает одной из ключевых тенденций современного развития и сегодня приобретает форму вызова по отношению к обществу и личности. В таких условиях социальные субъекты ищут различные стратегии ответа на данный вызов с целью оптимизации процесса достижения жизненного успеха.

Однако актуализация интеллектуализации обучения в современных условиях обусловлена не только глобальным вызовом современности. Сегодня благодаря широкому распространению различных технологий можно зафиксировать тенденцию к снижению мотивации к усложнению мыслительной деятельности. То есть в современном обществе можно наблюдать некоторое противоречие: усложнение интеллектуальной жизни стимулирует как продуктивный характер интеллектуальной деятельности, так и ее упрощение. В результате общество может оказаться на периферии мирового развития в силу своего позиционирования на

шкале «производство интеллектуальных продуктов — потребление интеллектуальных продуктов». Такая ситуация снижает общий потенциал развития общества и качество его интеллектуальной элиты, поэтому система образования, особенно высшего, призвана найти механизмы изменения такого положения дел.

Решение данного круга вопросов должно, на наш взгляд, опираться на существование в обществе интеллектуальной традиции, что предполагает преемственность в сфере образования. Однако для формирования интеллектуальной элиты и для эффективного развития интеллектуального потенциала общества необходимо и включение субъектного фактора: ведь, как считает М. Згуровский, «овладение новыми, конкурентоспособными знаниями невозможно без постоянных интеллектуальных усилий над собой со стороны тех, кто учится» [124].

Организационные решения в данном направлении были предложены в свое время Т. Парсонсом, который утверждал, что совокупность занятий, концентрирующихся вокруг интеллектуальных дисциплин как элемента современной культурной системы, позволяет эффективно сформировать так называемый «профессиональный комплекс». Наиболее же тесно общество и интеллектуальные дисциплины взаимодействуют в университетах и исследовательских институтах [405, р. 536].

В современных же условиях украинского образования «предметы, которые работают на интеллектуализацию молодежи, разбросаны, бессистемны, разноуровневы и разноплановы» [350].

Таким образом, в высших учебных заведениях подготовка должна включать в себя ряд компонентов, насыщенных элементами, стимулирующими интеллектуальную деятельность личности. Такое решение будет способствовать не только активизации интеллектуальной деятельности личности, но и формированию у нее соответствующей интеллектуальной культуры, что крайне важно для формирования интеллектуальной элиты общества.

Решение данного круга задач, безусловно, не может быть эффективным без соответствующего включения в образовательный процесс педагогических кадров. И нам видится важным тот факт, что, кроме объективных характеристик и качеств, которыми

должен обладать современный педагог сегодня (о чем уже шла речь выше), должна быть выстроена адекватная система взаимоотношений между субъектами образовательного процесса.

Эта проблема имеет свои истоки в древности, так как практически всегда существовали отношения между теми, кто обладал знаниями и умениями, и теми, кому эти знания были нужны.

На протяжении истории формы этого обмена изменялись. И очевидным является то, что на процесс становления конкретного типа взаимоотношений между обучаемым и обучающим непосредственно влияет тип общества, в рамках которого они осуществляют свою деятельность. Так, открытое демократическое общество детерминирует установление взаимоотношений сотрудничества, а закрытое – по типу «руководитель – подчиненный».

Соответственно современное состояние взаимоотношений между педагогом и обучаемым характеризуется как переходное, интегрирующее в себе как черты закрытого типа взаимодействия, так и открытого. В результате частично преподавание в учреждениях образования, особенно на нижних ее ступенях, сохраняет доминирование отношений подчинения. При этом важно, что именно на начальных этапах получения образования формируется общая перспективная направленность взаимодействия ее субъектов. Однако сегодня указанный тип взаимодействия значительно смещается в сторону сотрудничества.

Когда мы говорим о взаимоотношениях между учителем и учеником (в широком значении данных категорий) правомерно задаться вопросом о том, какой тип данного взаимодействия является оптимальным для формирования интеллектуальной элиты? Безусловно, ответ на этот вопрос будет различен для разных обществ, стран, так как менталитет и традиции народа, его исторический и социальный опыт во многом определяют направленность общественного сознания и принципы образовательной деятельности. Однако, на наш взгляд, в рамках этого разнообразия можно выделить и некоторые общезначимые параметры.

Так, принципиально важным, по нашему мнению, является учет того факта, что в современных условиях при активном воздействии ряда «возмущающих» факторов, приобретающих форму

вызовов, происходит смена типа культуры трансляции межпоколенческого опыта. Недаром известный американский этнограф Маргарет Мид различает в человеческой истории три типа культур, транслирующих опыт между поколениями: постфигуративные — дети учатся прежде всего у своих предшественников; конфигуративные — дети и взрослые учатся у своих сверстников; префигуративные — взрослые учатся также и у детей. Последний тип культур, возникших в середине XX столетия, определяет и новый тип социальной связи между поколениями, когда образ старшего поколения не тяготеет над младшим. Соответственно, характер взаимоотношений между учителем и учеником, на наш взгляд, должен лежать в плоскости префигуративной культуры.

Однако мы уже отмечали, что современное украинское общество на сегодняшний день находится лишь на пути к новому — постиндустриальному обществу, поэтому установление партнерских взаимоотношений между учителем и учеником можно рассматривать как один из желательных результатов процесса модернизации отечественной системы образования.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что изменения, произошедшие в системе образования за последние годы в этом отношении, значительно сместили акценты и привели к выходу на первый план концепции взаимодействия субъектов образовательного процесса вместо концепции воздействия одних субъектов на другие. Диалектичность общественного развития привела к признанию взаимной ценности знаний, навыков, умений, инновационных подходов к восприятию социальной действительности и возможностям адаптации к ней и теми, кто учит, и теми, кого учат. И порой грани между ними не всегда очевидны.

Безусловно, для решения задачи развития новой — субъект-субъектной парадигмы взаимодействия учителя и ученика существует ряд благоприятных объективных условий, например, открытость общества. Однако значительную роль играют в данном случае субъективные факторы, прежде всего, готовность субъектов образовательного процесса к реализации стратегии сотрудничества. Новая система взаимодействия выдвигает определенные требования к самим субъектам образовательного

процесса. Речь идет о том, что изменяется идеальный образ преподавателя, студента, который формируется как объективными условиями, так и субъективными требованиями всех субъектов образовательного пространства. Иными становятся и представления о формах и методах взаимодействия между ними. В результате изменения социального пространства приводят сегодня к формированию новых требований и ожиданий от субъектов образовательного процесса, выдвигая на первый план принцип взаимодействия в рамках механизмов, формирующих личность.

Исследования социологов показывают, что в последние годы «проявляются тенденции утверждения новых, более предпочтительных моделей общения с учениками. Опрос студентов старших курсов вуза показал, что к самым популярным педагогам относятся «интеллектуал» (эрудит, способен выдвигать интересные идеи); «душевный человек» (добрый, порядочный, на него всегда можно положиться); «оптимист» (человек с юмором, умеет подбодрить, разрядить напряженную обстановку); «организатор» (инициативен, способен поднять на какое-либо дело); «деловой человек» (занят делом, ценит время как свое, так и окружающих)» [126, с. 245].

Наши исследования (2.1) также показывают, что большинство студентов (73,9%) считают, что преподаватель, прежде всего, должен быть источником знаний и информации. 56,5% опрошенных отмечают, что преподаватель высшего учебного заведения должен быть помощником. По мнению 52,2% студентов, преподаватель — это консультант.

Таким образом, очевидно, что ожидания от современного преподавателя лежат сегодня, прежде всего, в знаниевой плоскости, что определенно связано со все возрастающей ценностью знаний в обществе. Однако в условиях, когда объемы информации возрастают в геометрической прогрессии, роль преподавателя все больше будет смещаться в сторону организатора обучения, что, тем не менее, не снижает требований к интеллектуальной составляющей его деятельности. Ведь именно последняя, на наш взгляд, является одной из ключевых в системе качеств, способствующих формированию будущей интеллектуальной элиты.

Как свидетельствуют ученые [20, с. 45], преподаватель сегодня перестает играть роль транслятора знаний, а выполняет функцию «зажигания факела», которая предполагает стимулирование интеллектуальной деятельности студентов в соответствии с их потенциалом и познавательной активностью. Такая функциональная нагруженность значительно повышает требования к самому преподавателю. Интеллектуальная активность становится одним из актуализированных требований к нему.

Исследования показывают, что интеллектуальная активность является «интегральным свойством некоторой гипотетической системы, основными компонентами (подсистемами) которой выступают интеллектуальные (общие умственные способности) и неинтеллектуальные (прежде всего, мотивационные) факторы умственной деятельности» [50, с. 155]. Следовательно, для преподавателя важным выступает не только высокий уровень знаний и умений, но и мотивация на качественное осуществление своих функций в новых условиях.

В современных условиях преподаватель должен найти, прежде всего, для себя способы интеллектуального движения вперед и научить этому студентов. Для реализации такой функции недостаточно лишь внешних стимулов — здесь необходима глубокая внутренняя мотивация, а также открытость новому. Данный факт требует от преподавателя в том числе и занятия наукой, что позволит ему в учебном процессе реализовать свой потенциал наиболее полно.

Потребность в такой деятельности существует сегодня не только объективно: по данным наших исследований, почти 85% студентов считают, что необходимо часто обращаться к преподавателю за помощью в осуществлении научно-исследовательской работы. На сегодняшний день — это одно из ведущих направлений (наряду с учебной деятельностью), по которым студенты готовы взаимодействовать с преподавателями.

Таким образом, можно говорить о том, что в условиях динамично развивающегося общества преподаватель приобретает дополнительную функциональную нагрузку, относящуюся как к формам, так и к интенсивности его деятельности, требующую

от него достаточно высокого уровня интеллектуальной активности. При этом интеллектуальная деятельность преподавателя может быть направлена на внутреннее — собственное самосовершенствование и внешнее — обучающе-стимулирующее воздействие. Особое место в решении проблемы эффективной интеллектуальной деятельности в обоих направлениях принадлежит созданию мотивационной сферы.

Однако практики образования фиксируют сегодня и другую — противоположную тенденцию: «формируется новая ментальность преподавателя. Они перестали быть преподавателями-исследователями, новаторами. Оставив в прошлом свое амплуа ученого, подавляющее большинство преподавателей уже не отслеживают новейшие научные достижения в своей отрасли знаний и не доносят их до студенческих аудиторий в своих дисциплинах» [124]. Наши исследования показывают, что лишь половина студентов заявляет о той или иной степени удовлетворенности от взаимодействия с преподавателем по научной работе.

В такой ситуации кроется угроза деградации не только преподавателей, но и образования в целом, а, следовательно, и ограничения в формировании интеллектуальной элиты украинского общества и развития его интеллектуального потенциала. Поэтому активная интеллектуальная деятельность должна рассматриваться сегодня как атрибут преподавательского образа.

В результате, говоря о проблемах взаимодействия учителя и ученика в современных условиях, на наш взгляд, правомерно говорить о нем как об эмоциональном, содержательном и деятельностном сотрудничестве субъектов образовательного процесса.

В целом, говоря о трансформации системы образования и о формировании новой парадигмы отношений между субъектами образовательного процесса, надо рассматривать систему трех составляющих: общество вообще, система образования и система взаимоотношений ее субъектов. При этом каждая из этих составляющих анализа имеет свое значение и играет важную роль. Кроме того, эти составляющие тесно связаны между собой и оказывают друг на друга значительное влияние.

Исходя из этого, перед обществом возникает ряд задач, которые направлены на создание объективных и субъективных условий для формирования современной концепции отношений между субъектами учебного процесса, направленных на максимальное раскрытие потенциала личности в условиях формирования общества интеллекта. Соответственно, элитный вуз создает систему механизмов, которые работают на реализацию данной задачи.

Как отмечалось выше, элитность подготовки в вузе обеспечивается единством условий, процесса и результата обучения. В этом плане качество выпускников — как результирующая образовательной подготовки — выступает еще одним показателем качественного образования.

В условиях Украины проблема элитности по этому показателю приобретает специфические черты. Качество выпускника проявляется, на наш взгляд, не только в наборе знаний, навыков и умений, но и в успешном их приложении. Вот здесь вступают в силу противоречия вузовской подготовки и рынка труда. Система образования Украины пошла по пути расширения прежней структуры (появление внебюджетного сектора и новых специальностей). Такая стратегия направлена на сохранение сильных направлений подготовки, но при этом противоречит социальным тенденциям развития общества, в том числе демографическим. К сожалению, адекватная реальности система развития образовательного пространства не сложилась окончательно, что порождает дополнительные трудности с поиском сферы приложения вузовской подготовки, особенно по некоторым специальностям. Соответственно, элитное образование по любой специальности не так очевидно сталкивается с указанными проблемами. Можно предположить, что высококлассное образование чаще других обеспечивается рабочими местами в соответствии с профилем подготовки, а по ряду специальностей — и более престижными должностями.

В данном случае интересным является взаимопересечение позитивных сторон системы образования и негативных тенденций развития украинского общества. Как отмечалось выше, в системе образования Украины имеется целый пласт специальностей,

подготовка по которым является элитной даже в мировом масштабе. Но востребованность данных специальностей на отечественном рынке труда столь мала, что приложения своих знаний и умений специалисты этого профиля ищут на рынках труда других государств, решая таким образом проблему трудоустройства, обеспечения высокого уровня материального благополучия и социального статуса для себя, а также динамичного развития, чаще всего технологического, того государства, в котором на рынке труда данная профессия является востребованной. В результате сильные стороны отечественной системы образования превращаются в проблему «утечки мозгов», которая, в конечном итоге, может привести и к ослаблению самой образовательной подготовки в силу кадрового ослабления, а также общему снижению интеллектуального потенциала и ослаблению интеллектуальной элиты.

Таким образом, довольно ярким признаком элитной подготовки может являться уровень и качество трудоустройства его выпускников, в том числе и по специальности и, соответственно, успех в профессиональной карьере в дальнейшем.

Характерно, что элитность образовательной подготовки можно измерить не только на «выходе», но и на «входе». Речь в данном случае может идти о престижных вузах и специальностях. Как показывают исследования, данный параметр выступает сильным мотивом получения высшего образования. Однако здесь вновь необходимо четко развести феномены престижной специальности и престижного вуза. Престижный вуз, по нашему мнению, может давать престижную специальность, но не обязательно, что престижная специальность получается в престижном вузе. В целом же следует отметить, что элитность и престижность подготовки не всегда идентичны. Престиж носит более сильный оттенок временности, чем элитность, особенно в трансформирующемся обществе. Он основан не только на реальных процессах, но и на особенностях общественного сознания. Поскольку в нестабильном обществе и то и другое весьма неустойчиво, престижность вузов и специальностей может колебаться в определенных пределах. Например, в 1996–1997 гг. не было престижным иметь диплом

о высшем образовании частного вуза. Сегодня — это практически норма, а дипломы некоторых частных вузов ценятся достаточно высоко.

Безусловно, говоря об элитном образовании, следует понимать, что важным является и его содержательное, методическое наполнение; материально-техническая база и другие компоненты. Но все-таки лишь полный комплекс характеристик вуза, постоянно находящийся на высоком качественном уровне, позволяет ему быть элитным и осуществлять элитную подготовку, а, следовательно — активно принимать участие в формировании интеллектуальной элиты.

Для современного украинского общества характерны противоречивые тенденции в данном отношении. Даже терминологически зачастую происходит некоторое смешение понятий «элитное образование» и «элитный вуз». Их отождествление сегодня становится, с одной стороны, поддержкой тех учебных заведений, которые не отвечают (полностью или частично) требованиям новых социальных условий, а с другой — препятствием для развития инновационных структур, в том числе и в сфере образования.

В целом, систематизация наработок по формированию личности элитного профессионала позволяет говорить о том, что решение данной задачи может быть найдено исключительно благодаря элитности компонентов всей системы образовательной подготовки, включающей:

- «элитный контингент обучаемых;
- элитный состав ученых — педагогов — воспитателей;
- элитную среду взаимодействия и общения на всех этапах и во всех компонентах (включая элитную культурную среду) формирования элитных личностных и профессиональных качеств выпускника;
- элитные условия методического, информационного и материально-технического обеспечения учебного процесса и научных исследований;
- достойные экономические условия подготовки элитных специалистов» [262, с. 59].

Западная практика реализации данного круга задач показывает, что чаще всего данные решения возможны не в рамках отдельных направлений подготовки, а в рамках целого вуза. Причем актуальной сегодня становится практика тесного сотрудничества вузов с образовательными учреждениями других уровней. Так, например, «в отдельных штатах США некоторые государственные университеты взяли на себя частичную функцию формирования элиты штата через создание элитной сети: средняя школа — колледж — высшая профессиональная школа (чаще всего — бизнес-школы) при университете, нацеливающая на конкретное место работы, нахождение наставника, написание и публикацию книги или участие в художественной выставке и т. п., деловые обсуждения рисков капитала или банковской поддержки, предлагающая членство в особенных социальных клубах и др. Подобные сети созданы, к примеру, в Принстоне, Гарварде, университете штата Висконсин, Йельском университете и ряде других» [173, с. 128]. Аналогичная практика начинает складываться и в Украине, что, на наш взгляд, повышает интеллектуальный потенциал украинского общества и позволяет более эффективно формировать его интеллектуальную элиту.

Однако следует отметить, что создание элитного образования в рамках государства, несмотря на его выгоды для общества и личности, не является однозначно позитивно воспринимаемым. Ведь образование рассматривается сегодня как социальный лифт, а значит, элитное образование, и как следствие — элитные позиции в стратификационной структуре, так же как и доступ к такому образованию, — становятся объектом дискуссии о неравенстве и доступности в образовании.

Дискуссии такого рода являются вполне закономерными не только на уровне практики реализации управленческих решений в сфере образования, но и в рамках социологического осмысления функций образования. Так, изучая функции образования как социального института, Ф. Р. Филиппов особо выделил из них следующие; 1) социально-дифференцирующая, 2) культурно-воспитательная, 3) социально-селективная. Представляя функции образования в виде дихотомии: интегративная — диффе-

ренцирующая, исследователи В. М. Димов и Л. В. Лесная также акцентируют внимание на особенностях изменения социальной структуры общества. Г. Е. Заборовский в работе «Социология образования» отмечает, что социальный институт образования выполняет функцию социального контроля, обучения и воспитания, сохранения «чистоты» социальных общностей. Таким образом, исследователи, по-разному рассматривая функциональные особенности образовательного пространства, отмечают его воздействие на социальную стратификацию в обществе.

Разработки в данном направлении привели к попыткам сформулировать новые функции образования, непосредственно связанные со структурированием общества. Например, С. А. Шаронова в целях уточнения предлагает назвать функцию образования, отвечающую за воспроизводство структуры общества, — «структуризацией общества». «Образование имеет дело, прежде всего, с воспроизводством ролей, — пишет она, — и на каждом этапе общественного развития, получая готовый комплект ролей, оно отражает заданные условия. С другой стороны, как особый институт, связанный с культурными ценностями и знанием, оно чутко реагирует на изменения, происходящие в обществе, и каждое новое поколение, получая образование, вносит определенные изменения в ролевой комплект, тем самым воздействуя на общественную структуру в целом» [237, с. 90].

Таким образом очевидно, что непосредственная связь образования с социальной структурой общества формирует его восприятие как социального лифта, позволяющего достаточно эффективно реализовать индивидуальную стратегию успешности. В силу данного факта привлекательность образования в целом и элитного образования в частности (как наиболее эффективного канала вхождения в элитные группы) резко возрастает. Данные группы имеют определенный стиль жизни, определенные социальные сети и культурный капитал и т. д. Обладание ими во многом становится следствием полученного образования.

Отечественные ученые в этой связи отмечают, что «именно высшее образование выступает базисным фактором нового классового образования и формирования специфической социокультурной

идентичности. Высшее образование культивирует особую тягу к теоретической обоснованности знания, зависимости от него, к выработке знания, что становится благодатной почвой для роста культуры критического дискурса. Данная основа объединяет высокообразованных профессионалов и администраторов» [173, с. 233–234].

Поскольку численность элитных групп невелика, то актуализируется вопрос о том, каким образом образование выполняет селективную функцию, то есть функцию, дифференцирующую обучаемых «на входе», в процессе обучения и «на выходе». В данных трех аспектах и проходят ключевые дискуссии, которые важны в том числе и с точки зрения возможности качественного рекрутирования интеллектуальной элиты.

«На входе» вопросы селекции обучающихся рассматриваются сегодня с точки зрения проблемы равного доступа к качественному образованию на всех его ступенях. В данном аспекте актуальность приобрела концепция «равенства возможностей», под которой понимается наличие условий, позволяющих каждому человеку, независимо от его происхождения, достигать определенных успехов в жизни на основе своих способностей.

Концепция «равенства возможностей», появившаяся в американской социологии образования в начале XX века, претерпела за время своего существования определенную эволюцию. Сначала равенство возможностей рассматривалось как охват возможно большего количества людей сетью образовательных учреждений, затем – как обеспечение равенства доступа ко все более высоким ступеням образования, и, наконец, как равенство уровня приобретенного образования, «равного старта на рынке труда».

В современной интерпретации проблема равенства возможностей наиболее остро коррелирует с «платностью-бесплатностью» образования, а также с расширением сферы образовательных услуг, созданием «открытых» форм образования, системы непрерывного образования и др.

Учитывая тот факт, что современные общества по-прежнему сохраняют сильную индустриальную «окраску», аспект финансовых возможностей доступа к образованию является наиболее

актуальным. Например, «чем выше в семье уровень дохода, тем чаще дети учатся в школе по выбору родителей, а не по месту жительства. Так, на вопрос, где учатся дети, лишь 24,1–25,6% представителей первых двух (*из шести – прим. автора*) страт ответили «по своему выбору», тогда как 3-й страты – 33,3%, 5-й – 48,7%. Следовательно, реализовать право выбора образовательного учреждения имеют больше возможностей представители среднего слоя (им пользуются от трети до половины этого слоя). Низший же слой оказывается в худшем положении при использовании данного права: его может реализовать лишь каждый четвертый» [32, с. 75].

В условиях нестабильности экономического развития транзитивных стран, в том числе и Украины, стимулирующей сильное экономическое расслоение, «реформы образовательной системы, предпринимаемые с целью демократизации общества, отнюдь не вызывают всеобщей уверенности в том, что система образования действует по принципу равных шансов» [117, с. 32].

В целом, удачный или неудачный образовательный старт может быть связан сегодня с целым рядом факторов. Так, наряду с экономическим фактором, в дискуссии о равных шансах все активнее вмешивается фактор культурного капитала, о котором мы вели речь выше. К нему можно добавить фактор местожительства и др. Однако безусловным остается то, что распределение шансов на образование необходимо рассматривать как ключевой фактор развития социальной структуры, влияние которого на судьбу общества в перспективе будет не меньшим, чем влияние экономических перемен.

Таким образом, селекция «на входе» различных ступеней системы образования является первым этапом в формировании интеллектуальной элиты.

Вторым этапом выступает процесс обучения. В его рамках проверяются способности индивидов, выясняется уровень усвоения знаний, умений и навыков, посредством экзаменов и тестов определяются, «во-первых, какие из учеников одарены, а какие нет, какими способностями обладает каждый ученик и в какой степени, какие из них являются здоровыми в социальном

и нравственных отношениях. Во-вторых, эта функция заключается в том, чтобы исключить тех, у кого нет желательных интеллектуальных и моральных качеств. В-третьих, путем исключения недостойных, закрыть пути для их социального продвижения, по крайней мере в определенных социальных сферах, и способствовать продвижению тех, кто во время учебы проявил общие и особые способности, соответствующие определенному социальному положению» [305, с. 174].

В результате очевидно, что селекция на этапе обучения продолжает поддерживать процесс формирования интеллектуальной элиты.

Селективная функция реализуется и «на выходе». Например, селективными свойствами обладают документы об окончании учебного заведения, а также социальные сети учебных заведений, имеющих возможность трудоустроить выпускников на престижные должности в ведущие фирмы и организации.

В целом, современные образовательные структуры функционируют как селектирующие агенты, определяющие потенциальные возможности индивида занять высокое социальное положение и, соответственно, войти в интеллектуальную элиту. Специфика реализации этой функции естественным образом меняется в различных обществах и в разные периоды времени. Кроме того, она в значительной степени зависит от того, насколько другие социальные институты включены в ее реализацию.

Специфика качественного современного состояния общества стимулирует поиск особых механизмов социетального и институционального уровней, позволяющих наиболее эффективно решать вопросы доступности образования, его селективного характера на всех этапах и развития общего интеллектуального потенциала социума. Как уже отмечалось нами, одним из таких механизмов может рассматриваться создание и поддержание демократической системы высшего образования. Однако в ее функционировании на сегодняшний день существует ряд проблемных зон. Как отмечают исследователи, в данном отношении «в настоящее время демократические системы высшего образования (в качестве основания демократичности в данном случае

взята бесплатность образования или низкая его стоимость, поскольку большую часть расходов берет на себя государство) существуют в ФРГ, где преобладает бесплатное образование, во Франции, в странах Северной Европы. И это вполне логично, главным бенефициаром от расширения высшего образования является государство, ибо большую часть налогооблагаемого внутреннего валового продукта обеспечивает высокотехнологичная продукция, требующая работников высшей квалификации. Противоположная модель финансирования высшего образования наблюдается в США с наиболее дорогостоящей образовательной системой. И, несмотря на это, обнаружилось, что европейская образовательная система все больше проигрывает соревнование с американской, причем именно в элитном образовании, потребители которого заинтересованы прежде всего в качестве, а за ценой не постоят. Немецкие исследователи элитного образования в последние годы стали отмечать, что даже самые элитные университеты ФРГ, в том числе Берлинский, проигрывают в конкуренции с Гарвардом и другими элитными вузами США. Они ищут и пока не нашли ответы на вызовы со стороны элитных университетов США. Точнее, находят адекватный ответ в высокооплачиваемом образовании. Сегодня, как видно из зарубежной социологической литературы, на передний план исследований в области образования выдвигается проблема конкуренции элитных университетов» [27, с. 93].

Однако достаточно высокая стоимость образования — не всегда адекватный способ решения проблемы совмещения демократичности и качества образования. В развитых странах уже в течение многих лет применяется образовательная система, построенная на систематическом индивидуальном поиске, селекции и учете склонностей, способностей, талантов каждого учащегося как при поступлении в учебное заведение, так и в процессе индивидуализированного его обучения в соответствии с выявленными природными задатками. Тем самым, следовательно, создаются наиболее благоприятные условия для полного раскрытия личности каждого обучаемого.

Механизмами реализации таких программ выступают, прежде всего, тестирование и собеседование. В США, например, при поступлении в вуз большую роль играют результаты теста «IQ» (Intelligence Quality), позволяющего оценить интеллектуальный потенциал человека. Вопросы теста подобраны таким образом, что ответы на них мало зависят от ранее приобретенных знаний, опыта, возраста и т. п. Используются также тесты на профессиональные способности, обязательны и письменные сочинения на заданные темы, позволяющие узнать характер, сильные и слабые стороны, мечты, аргументацию интереса к будущей профессии и пр. Проводятся индивидуальные собеседования, запрашиваются различные сведения из школ об устремлениях и способностях, рекомендательные письма консультантов по профориентации, характеристики от школьных учителей и другие сведения.

В результате такая система позволяет изначально выявлять потенциальных представителей интеллектуальной элиты и работать с ними по индивидуальным программам.

Ученые в этой связи приходят к выводу, что «причина интеллектуальных успехов развитых стран заключается прежде всего в том, что в них проводится целенаправленная политика формирования студенческих контингентов, ведущим принципом которой является поиск, отбор и обучение учащихся в соответствии с их природными способностями. Один из профессоров Оксфорда, где в образовании уже давно применяется тот же принцип, как-то подчеркнул: «Мы берем элиту средних школ и делаем из нее элиту государства». Особое внимание в этих образовательных системах уделяется отработке механизмов жесткой конкурсной селекции при поступлении в наиболее престижные секторы образования, представленные известными университетами с высокими академическими и научными стандартами» [209, с. 41].

Несмотря на опыт западных стран, современные системы высшего образования сохраняют достаточно сильную уязвимость в аспекте доступности образования, реализации концепции равенства шансов, что в целом снижает эффективность формирования институтом образования интеллектуальной элиты.

Поскольку сегодня «методы отбора в вузы еще в должной мере не учитывают фактического неравенства шансов, выпадающих на долю выходцев из различных социальных групп для получения высшего образования, не дифференцируют влияния социальных факторов, связанных с неравной степенью раскрытия и развития способностей молодежи, вышедшей из той или иной социальной, региональной, культурной среды» [239, с. 25], одной из задач украинского общества является формирование образовательных механизмов социетального уровня, позволяющих преодолеть указанную проблему. При этом необходимо учитывать тот факт, что «причина неравенства заключается не в том, что средний студент не смог получить места в аспирантуре или университеты предъявляют к поступающим высокие требования, или проводится жесткий отбор. Элитарность и неравенство начинаются гораздо раньше. Обвинения, предъявляемые вузам, лишь затемняют суть проблемы неравенства» [398]. Поэтому пути решения этой проблемы должны затрагивать все уровни образовательной системы.

На наш взгляд, наиболее качественное и эффективное решение данной проблемы лежит в плоскости формирования комплекса механизмов, интегрирующего в себе механизмы социетального, институционального и субъектного уровней. При этом одним из механизмов, позволяющих в определенной мере преодолевать сегодняшние проблемные зоны в данном отношении, выступает самообразование.

Сегодня самообразование — не только требование времени, позволяющее быть конкурентоспособным на рынке труда и успешным в жизни. Сегодня самообразование рассматривается как способ компенсации, помогающий стирать социальные, финансовые и другие различия в процессе образования.

Современные исследователи справедливо отмечают, что «объективные тенденции актуализации самообразования будут все увереннее пробивать себе дорогу. Необходимость уметь добывать материал заставит индивида апеллировать все больше к различным формам самообразования, нежели к взаимодействию с образовательным учреждением и его педагогами. Индивидуа-

лизация образа жизни человека в рамках социальной среды (ближней и дальней) совпадает с его тягой к самообразованию, ибо последнее и есть возможность остаться наедине с тем знанием, которое человек выбирает и в котором нуждается» [122, с. 111].

Таким образом, проблема реализации селективной функции образования тесно связана с вопросами его доступности и, в конечном итоге, с вопросами формирования интеллектуальной элиты. Ведь «привлекательность образования для молодежи, ее устремления в этой сфере, реальная доступность образования для выходцев из разных социальных групп, по сути, определяют завтрашний уровень образованности и культуры населения, численность и качество квалифицированных работников, что является во многом решающим, с точки зрения современных тенденций мирового развития» [237, с. 89].

В целом, рассмотрение вопросов, раскрывающих влияние образования на формирование интеллектуальной элиты общества, позволяет сделать выводы о том, что эффективное их решение связано с разработкой и внедрением образовательных технологий различного уровня – социетального, институционального и субъектного, которые отражают перспективные потребности общества, его социальных институтов и личности.

Необходимость использования системы таких технологий связана с тем, что современные общества становятся все образованнее, а, соответственно, система формирования элиты усложняется содержательно. При этом бесспорным является тот факт, что «во всех развитых индустриальных странах образование стало самым важным «двигателем» вертикальной мобильности» [45, с. 78], а «эффективное функционирование института образования ведет к постоянному и весьма заметному росту доли высокообразованных граждан, как правило, пополняющих средние слои... Широкая компьютеризация всех видов деятельности и распространение Интернета породили в наиболее развитых обществах социальные группы, располагающие совершенно новыми типами ресурсов. Результатом этого переворота стали существенная трансформация прежней модели стратификации общества, размывание четких граней между элементами социаль-

ной структуры, повышение роли неформальных социальных сетей и др.» [119, с. 155]. То есть формирование интеллектуальной элиты сегодня происходит благодаря накоплению личностью образовательного и культурного капиталов, которые активно участвуют в конструировании социальных сетей индивида. В результате образование рассматривается как способ наращивания актуализированных в современном обществе капиталов, прежде всего, основанных на знаниях.

Однако анализ показывает, что само образование должно рассматриваться как система, в которой отражаются социальные тенденции современности. Ведь образование не только творит новую социальную реальность, но и, прежде всего, воспроизводит ее. Поэтому в современной системе образования сильны тенденции активного воздействия социальных ожиданий в отношении процесса и результата образования.

Естественным в этой связи выступает и то, что удовлетворение потребностей в качественном формировании интеллектуальной элиты предполагает адекватные решения на институциональном уровне. К ним, прежде всего, можно отнести создание системы элитного образования, которая может варьироваться от элитных вузов — до элитной подготовки.

Такая система уже сложилась в западных обществах, где «даже на фоне ведущих вузов выделяется небольшая группа высоко-селективных колледжей и университетов, готовящих интеллектуальную элиту страны. На рубеже 70-х годов на их долю приходилось около 4% вновь поступающих студентов. Их родители весьма состоятельные люди, отдающие предпочтение привилегированным частным школам (подавляющее большинство элитарных вузов тоже частные с очень высокой платой за обучение). Ученики частных школ — незначительное меньшинство выпускников средней школы — составляют большинство (до 80%) студентов лучших университетов страны, таких, как Гарвардский, Принстонский, Йельский, Стэнфордский и др. Среди тех представителей интеллектуальной элиты США, которые учились в аспирантуре, 46% составляли выпускники трех ведущих частных университетов: Колумбийского, Гарвардского и Йельского» [168, с. 122].

Однако формирование системы элитной подготовки предполагает учет того факта, что не все образовательные учреждения будут носить характер элитных. Опыт США в данном отношении показывает, что «наряду со всемирно известными, выдающимися университетами, ведущими подготовку элитных специалистов, функционирует большое число слабых учебных заведений, выпускающих откровенную посредственность, что вызывает и у общества, и у властей серьезную тревогу (см. государственный доклад «Нация в опасности»). Тут стоит напомнить также, что в этой стране живут более 34 млн. функционально безграмотных людей!» [209, с. 42].

Поиск эффективных образовательных механизмов институционального уровня формирования интеллектуальной элиты связан также с повышением качества образования как комплексной характеристики. Она включает в себя и характеристики субъектов образовательного процесса, и характеристики самого процесса обучения, а также его сопровождения. При этом важную роль играет имя вуза как некоторый символ, свидетельствующий об определенном качестве образования и открывающий (или препятствующий) пути вертикальной мобильности.

Механизмы социального и институционального уровней, как уже отмечалось, должны дополняться субъектными механизмами формирования интеллектуальной элиты. Ведь общество и его система образования лишь создают соответствующую среду, позволяющую личности раскрыться и развиваться. Однако без мотивации личности на такое развитие и движение вперед формирование интеллектуальной элиты произойти не может. Поэтому достаточно важным видится то, что в современной студенческой среде происходит дифференциация, основанная на интеллектуализации и креативности деятельности. Более того, около 18% студентов сознательно рассматривают высшее образование как способ вхождения в интеллектуальную элиту.

В целом, следует отметить, что современные системы образования нацелены на реализацию меритократических принципов развития обществ, хотя на сегодняшний день, по мнению исследователей, «всеобщий, свободный доступ, однако, уничтожил бы

тесную взаимосвязь между меритократией и системой высшего образования» [279, с. 37]. Тем не менее, на наш взгляд, диплом о высшем образовании должен определяться как «кредит успеха в обществе» (Клейн).

Безусловно, современные образовательные механизмы формирования интеллектуальной элиты эффективно функционируют благодаря качественному выполнению образованием своих функций. Наши исследования показывают, что сегодня очевидна активная и полноценная реализация такой функции системы образования, как подготовка высококвалифицированных специалистов. Наряду с этим можно говорить о том, что современная система образования стабильно реализует культуротворческую функцию, коммуникативную функцию, функцию передачи знаний и др. Причем последние функции занимают все большую долю в деятельности системы образования.

Российские исследователи в этой связи констатируют, что «культурная (эталонная) функция университета предопределяет характер всех его последующих функций: социальную, научную, профессиональную, определяет его стратегию и тактику. Университет не приспосабливается к окружающей среде: он меняет ее в нужном для себя направлении, определяет пути ее развития, предоставляет ей интеллектуальный инструментарий, позволяющий анализировать собственное состояние, оценивать свой потенциал, обеспечивая поступательность развития, которое во всех случаях связано с приращением интеллектуального потенциала общества. Этот потенциал может быть воплощен как в материальных, так и в идеальных предпосылках существования общества» [111, с. 130–131].

Безусловно, система образования является не единственным элементом общества, который влияет на процессы формирования жизненных стратегий личности. Нельзя не учитывать и общие настроения, ценностные ориентации, нормативно-законодательную базу, политику государства. Ведь именно эти элементы приводят на протяжении последних лет к огромной утечке интеллектуальных ресурсов за границу.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, следует иметь в виду, что будущее определяет молодежь и студенчество как один из ее отрядов. Для него характерны такие качества и свойства, которые позволяют говорить о той основе, которая будет составлять общество через 10–15 лет. И поэтому модернизация системы образования неотвратимо должна преследовать цель создания механизма особого внимания к вопросам формирования ценности интеллектуального труда, знаний и т. д. Ведь наши исследования показывают, что далеко не всегда получение высшего образования в сознании субъектов образовательного процесса связывается непосредственно с жизненным успехом, что не способствует формированию общества знания. Однако очевидно и то, что качественные изменения в состоянии общества непосредственно оказывают влияние на позиции респондентов. В результате в позициях студентов более четко выкристаллизовывается значимость образования на протяжении всей жизни (40,6%), а также вес диплома о высшем образовании (40,0%). Как итог, выкристаллизовывается еще один важный образовательный аспект, который можно рассматривать и как ответ на вызовы современности, и как технологию формирования интеллектуальной элиты, и как залог развития интеллектуального потенциала общества. В данном случае речь идет о непрерывном образовании, которое на сегодняшний день стало одной из наиболее привлекательных стратегий развития образовательных систем.

4.3. Непрерывное образование как фактор развития интеллектуального потенциала украинского общества

Развитие украинского общества, его движение к обществу интеллекта значительно смещают акценты в механизмах его функционирования. Системные изменения, происходящие в современном мире, наряду с трансформацией функциональной направленности социальной системы, структурными преобразованиями в ее рамках, выводят на первый план потребность в удовлетворении определенного уровня социальных притязаний в соответствии

с конкретными параметрами, позволяющими ей конкурировать в современном мировом сообществе. Такой набор необходимых параметров предполагает наличие совокупности социально определяемых внешних и внутренних качеств и свойств, непосредственно работающих на реализацию принципов той или иной программы деятельности. Определение такой программы является ключевым для любого общества. Особенно важной выступает она для трансформирующихся социальных систем, оказавшихся в результате произошедших в них изменений в ситуации транзитивности.

Наряду с этим перед такими социальными системами (и Украина относится к их числу) одной из первоочередных задач стоит сохранение и развитие своего потенциала, который, выступая индикатором общества интеллекта, позволяет социуму находить и реализовывать наиболее оптимальные программы своего развития. И непрерывное образование может рассматриваться в данном случае как один из базовых путей решения указанной проблемы.

Актуализация роли непрерывного образования в контексте развития современных обществ связана и с тем, что для современной системы образования в мире характерна концептуальная смена ориентиров. Концепция непрерывного образования рассматривается сегодня в качестве ключевой как альтернатива концепции «образования на всю жизнь». Ее основой выступает тот факт, что даже высокое качество единожды полученного образования не может обеспечить длительный жизненный успех. На наш взгляд, связано это с новыми социальными условиями, в которых происходит развитие личности, общностей, социума. Ведь сегодня и личность, и общество могут быть успешными лишь опираясь на систему постоянного продуцирования и практического использования интеллектуальных продуктов. И чем выше их качество, тем значительнее интеллектуальный потенциал, позволяющий социальным акторам двигаться по социальной лестнице в обществе интеллекта и достигать на ней желаемых позиций (в том числе и элитных).

Следует признать, что на сегодняшний день «непрерывное образование» — один из популярных терминов в образовательной

среде, сущность которого, к сожалению, сохраняет свою многозначность, а порой и неопределенность, несмотря на то, что теоретические разработки феномена непрерывного образования активно ведутся со второй половины XX века.

Работы, имеющие сегодня место в Украине по обобщению теории и практики реализации непрерывного образования [21; 22; 48; 222; 232], позволяют говорить о том, что концепция непрерывного образования сформировалась на волне новых социальных изменений, имевших место в развитии мирового сообщества в 70-е годы XX века, и стала одним из ответов на вызовы социальной реальности того времени.

Ее основой становится положение о том, что образование на протяжении всей жизни, согласно European Lifelong Learning Initiative, включает все виды обучения – от начального образования до высшего. Непрерывное образование связывается при этом с компетентностью (в широком смысле слова – профессиональной, личностной, деятельностной, коммуникативной) индивида, характеризующей его на протяжении всей жизни. Ее показателями выступают знания, навыки, умения, способности, опыт, система ценностных ориентаций и т. д. Это становится возможным в силу того, что непрерывное образование охватывает различные виды образования: и формальное, и неформальное, и информальное, благодаря чему в ее рамках происходит формирование и совершенствование не только профессиональных качеств человека, но и его личностных черт. Поэтому показателями, работающими на формирование и развитие системы непрерывного образования, являются все виды образовательной активности, обучения в различных сферах жизнедеятельности общества, в различных жизненных ситуациях, что выступает непосредственным механизмом усиления интеллектуального потенциала Украины.

Как отмечают исследователи, «в последние годы непрерывное обучение становится фундаментальной целью образовательной политики и трактуется как механизм обеспечения информационного базиса для общества знания» [390, р. 10].

Понимание непрерывного образования в традициях научной школы В. И. Астаховой как образования, организованного по

принципу непрерывности, подразумевающего формирование потребностей личности в образовании на протяжении всей жизни и создание условий для удовлетворения этих потребностей, позволяет нам говорить о том, что в центр образовательных процессов в системе непрерывного образования поставлен человек со своими потребностями, мотивами, установками, способностями. Тем не менее данная особенность не означает игнорирования общественных интересов и потребностей. В условиях непрерывного образования они диалектически сочетаются и оказывают влияние друг на друга. В результате личностные потребности являются не только субъективно детерминированными, но и сформированными в определенной социокультурной среде. Признавая данный факт, необходимо признать и то, что сочетание общественных и личных интересов и потребностей рождает и разнообразие образовательные формы, которые позволяют оптимальным образом достичь как тех, так и других.

Их реализация в системе непрерывного образования затрагивает как вертикальные, так и горизонтальные связи. Для личности первые связаны с планомерным наращиванием знаний, навыков, умений, совершенствованием тех или иных качеств, что особенно важно для процесса формирования интеллектуальной элиты. Вторые обусловлены необходимостью широкого познания, не ограниченного одной или даже несколькими сферами.

Для общества же данные связи обуславливаются социокультурными, историческими, экономическими другими особенностями его жизнедеятельности. В результате движение к обществу интеллекта в Украине детерминируется как некоторыми общими, так и специфическими факторами, которые определенным образом влияют и на специфику воздействия тех или иных социальных механизмов. Вследствие этого трансформационное состояние украинского общества выступает далеко не единственным фактором, который позволяет вести речь об особенностях формирования общества интеллекта и реализации концепции непрерывного образования в его рамках. Как показывает опыт, к таким факторам, например, можно отнести тенденции глобализации социальных процессов, которые делают обязательным установление

общих критериев для идентичных процессов во всем мировом сообществе. К сожалению, государства в кризисном состоянии обычно игнорируют такие критерии в силу разных причин, в том числе и по причине наличия многомерного комплекса проблем, не позволяющего сосредотачиваться или отдавать приоритеты внешним проблемам. Именно проблемы с отчуждением от мирового образовательного, политического и экономического пространства Украина активно пытается решить сегодня, когда дальнейшее игнорирование указанных критериев становится невозможным. И в этом плане непрерывное образование выступает некоторым интегрирующим фактором, выстроив который, по нашему мнению, можно решать не только образовательные, но и экономические и политические вопросы.

Рассмотрение непрерывного образования в качестве одного из факторов формирования и развития интеллектуального потенциала украинского общества, на наш взгляд, предполагает анализ как минимум двух векторов: культурно-исторических условий и особенностей реализации его базовых компонентов, непосредственно связанных с процессами формирования и развития интеллектуального потенциала общества.

В отношении первого вектора следует признать, что в Украине только начинает складываться система образования, ориентирующая на образовательные потребности социальных субъектов. Ее становление связано с необходимостью решения новых задач, стоящих перед обществом и государством, ключевой из которых является развитие интеллектуального потенциала. Становление и реализация системы непрерывного образования для Украины усложняются тем фактом, что они предполагают одновременный поиск решений внутри и во вне своего социального пространства. Внутренними детерминантами выступают послекризисное состояние экономики, нормативно-правовой базы, инерционность социальных институтов. Эти и другие факторы заставляют сегодня глубоко анализировать социальную отдачу от образования. Наряду с этим процессы глобализации и интеграции мирового сообщества ставят Украину перед необходимостью усиления, развития интеллектуального, экономического, культурного потен-

циала страны. И, как подтверждает опыт многих стран, система непрерывного образования выступает наиболее подходящим механизмом для решения этих задач.

Реализация же базовых компонентов непрерывного образования в современных условиях, на наш взгляд, связана с несколькими направлениями:

- разработкой принципов организации и развития непрерывного образования;
- созданием структур, обеспечивающих функционирование непрерывного образования как социального института;
- содержательным обеспечением непрерывного образования;
- созданием системы подготовки и развития кадров;
- разработкой единой концепции воспитательной работы;
- разработкой основ научно-исследовательской работы в условиях непрерывного образования и т. д.

В контексте обоих обозначенных векторов важное значение приобретает факт их влияния на развитие общества и личности в разнообразных направлениях. В результате реальность украинского общества позволяет достаточно эффективно проводить анализ развития его интеллектуального потенциала сквозь призму функциональных возможностей непрерывного образования как стратегии развития системы образования в Украине. Его спецификой является то, что нарушается главное условие традиционно понимаемого образования — «наличие готовых, систематизированных знаний, подлежащих усвоению... Следовательно, основным элементом учебного процесса ставится не только знание, но и информация» [135]. Данная тенденция является непосредственным отражением перехода от индустриального общества к постиндустриальному, в условиях которого система образования становится перед необходимостью развития способности обучающегося создавать и извлекать знания из полученной информации.

При рассмотрении функциональных особенностей непрерывного образования можно обратить внимание, что его базовые функции имеют много общего с теми функциями, которые выполняет система образования в целом. Сегодня можно говорить и о том, что непрерывное образование активно выполняет

не только все традиционные базовые функции образования, но и значительно дополняет их. Так, как отмечают ученые, «если традиционное образование служит инструментом наследования культуры, совокупного социального опыта, их передачи от одних поколений к другим, с последующим использованием, то непрерывное образование выступает как институт трансляции для преобразования и развития ради последующего использования» [317, с. 67].

Функциональной возможностью непрерывного образования, имеющей особое значение для развития интеллектуального потенциала Украины, является то, что система непрерывного образования осуществляет целостное, неделимое педагогическое воздействие на личность, раннюю профилизацию учащихся, индивидуализацию обучения, внедрение в образовательную практику принципов педагогики партнерства, получение сдвоенной специальности и др.

Как отмечалось нами в подразделе 4.2, данные компоненты образовательного процесса имеют принципиальное значение для формирования интеллектуальной элиты общества, а значит, непрерывное образование вновь подтверждает свою эффективность в данном процессе.

Наряду с этим непрерывное образование выступает и основным фактором гуманизации образования. Нельзя не отметить и возможности непрерывного образования в развитии дистанционного обучения посредством применения современной информационной техники, телекоммуникаций, радио, видеотехники, спутниковых систем связи и т. д., которые отражают информационный и материально-технический компоненты интеллектуального потенциала общества.

Одной из очевидных функций системы непрерывного образования является функция обеспечения равных шансов всем социальным субъектам. Она вытекает из самой сущности непрерывного образования, в соответствии с которой «в обществе знания каждый индивид независимо от обстоятельств должен иметь возможность получать и обновлять знания, навыки и умения на различных стадиях своей жизни; получать доступ к непрерывному

образованию на уровне его стремлений и возможностей, получать искреннее признание его достижений, полученных в различных образовательных средах» [396, с. 4–5].

Как свидетельствует практика, реализация данной функции составляет один из наиболее проблемных блоков в развитии отечественного образования, несмотря на то, что проблемы доступности высшего образования стали сегодня одними из ключевых в исследованиях специалистов в сфере образования.

Современное развитие социальных систем позволяет со значительной долей уверенности утверждать, что базовой функцией непрерывного образования является и обеспечение возможности изменения своего профессионального, социального или личного статуса [127, с. 88].

Весьма значимым фактом выступает и то, что система непрерывного образования воспроизводит внутри себя весь спектр социальных ролей общества. Именно поэтому такое образование позволяет осуществлять процесс социализации со специфическим влиянием типичных факторов.

Одной из базовых функций системы непрерывного образования становится создание условий для удовлетворения потребностей социальных субъектов в образовательной сфере, что имеет принципиальное значение для личности и общества, ведь данный факт позволяет наращивать их потенциал развития, в том числе и интеллектуальный.

Таким образом, очевидно, что функциональные возможности системы непрерывного образования достаточно объемны и их использование определяется как объективными, так и субъективными факторами, учет которых важен в процессе развития интеллектуального потенциала общества.

Для поддержания своих функциональных возможностей система непрерывного образования должна поддерживать свои базовые свойства и, прежде всего, целостность, которая обеспечивается рядом системообразующих факторов. Важнейший из них — направленность всех элементов образовательной системы на всестороннее, гармоничное развитие личности, создание необходимых условий для такого развития.

В целом, привлекательность функциональных возможностей непрерывного образования для развития интеллектуального потенциала Украины, на наш взгляд, можно отразить в трех основных группах. Первая связана с «субъект-субъектными» отношениями в обществе (удовлетворенность внутренних потребностей в знаниях, навыках и т. д.). Вторая — с подготовкой человека ко взаимодействию с макроструктурами общества («подготовка к жизни и работе в условиях постоянных изменений»). Третья — с обеспечением взаимодействия различных социальных подсистем и институтов. Эффективная реализация этих блоков позволяет целенаправленно, систематично и в соответствии с требованиями современности развивать интеллектуальный потенциал общества. На сегодняшний день указанные функции, по мнению специалистов в сфере образования России, Украины, Латвии и Казахстана, лишь отчасти реализуются на постсоветском пространстве (на это указали 73% экспертов; 19% считают, что эти функции скорее не совпадают) (см. наше исследование 1.4). Безусловно, такая ситуация значительно снижает возможности непрерывного образования в формировании и развитии интеллектуального потенциала украинского общества.

Непрерывное образование проходит сегодня процесс своего становления. Его развитие протекает под влиянием ряда объективных и субъективных факторов. Первые в определенной мере связаны с изменением целевой установки системы образования. Это, с одной стороны, явилось причиной, а с другой — было детерминировано усилением реальной связи образования (и как системы, и как процесса, и как результата) с практическими потребностями общества. Именно поэтому реализация принципа непрерывности повлекла за собой изменение характера структурной и функциональной нагруженности компонентов системы образования, следствием которых является усиление результативного компонента образовательных взаимодействий в обществе и рост его интеллектуального потенциала. В этой связи можно говорить о том, что для реализации непрерывного образования и его эффективного использования в системе формирования интеллектуального потенциала общества необходимы комплекс-

ные решения. Например, по мнению ученых, образовательная структура должна взять «ориентир на накопление самого мощного социального капитала — знаний, переходящих в профессионализм работников, высокие технологии, культуру производства и экономическую мощь» [63]. Это означает, что должны поменяться целевые и функциональные установки структурных элементов в системе образования. С одной стороны, на наш взгляд, должны быть активизированы процессы создания и развития полифункциональных учебных заведений, где ведутся занятия на разных образовательных уровнях и по различным направлениям. При этом данные учебные заведения должны получить возможность самостоятельного определения направлений и темпов своего развития при соответствии общественным образовательным стандартам.

С другой — разные компоненты непрерывного образования должны вносить свой особый вклад в формирование целостного облика системы образования и личности, формируемой в ее рамках. В результате решение проблем развития интеллектуального потенциала украинского общества непосредственно связано со структурными направлениями в развитии непрерывного образования. При этом нельзя не учитывать тот факт, что непрерывное образование позволяет внести определенный порядок в последовательность различных ступеней образования, обеспечивает переход от одной ступени к другой, разнообразит и повышает значимость каждой из них, гармонизирует, согласовывает содержание всех компонентов системы образования. Их интеграция обеспечивается принципом преемственности. При этом принцип преемственности является ведущим и в развитии интеллектуального потенциала. Именно благодаря преемственности, возможности передачи, сохранения, приращения знаний он проходит путь своего развития. Учитывая, что образование, как было показано выше, является одним из ключевых социальных институтов, которые непосредственно влияют на развитие интеллектуального потенциала, а также факт принятия принципа непрерывности как ключевого в системе образования, вопросы преемственности в ней сохраняют свою актуальность.

В таких условиях важным представляется подбор адекватных методик обучения. Анализ образовательных практик и теоретических разработок позволяет говорить о том, что для отечественной системы образования важно построение непрерывного процесса образования на основе плюрализма форм, методов и направлений обучения. Именно это позволяет раскрывать потенциал каждого слушателя в системе образования и способствовать повышению качества образования, уровня образованности общества и в конечном итоге его интеллектуального потенциала. Наряду с этим можно говорить о том, что адекватные методики обучения являются следствием тех потребностей, которые сформированы вызовом интеллектуализации. Такие методики для развития интеллектуального потенциала призваны стимулировать качественно новый тип интеллектуальной деятельности, построенной на инноватике и нестандартности. Как следствие – особое значение и более глубокое содержание в рамках системы непрерывного образования в условиях общественной трансформации приобретают основные принципы организации учебного процесса: цикличность, индивидуализация обучения. Интенсифицируется реализация фундаментального принципа опережающего характера профессионального образования, обуславливающего ведущий, а не ведомый его характер.

С данными объективными факторами развития непрерывного образования тесно переплетаются субъективные факторы, связанные с потребностями личности. В результате в качестве непрерывного процесса образование перестает быть, прежде всего, внешне организованным процессом и становится в значительной степени личным делом обучающегося (образованием личности). Оно теряет свою обязательность, приобретает личностно ориентированный характер, определяется потребностями самого обучающегося, его целями и задачами, сформированными в определенной социокультурной среде. В таких условиях познавательная деятельность, система отношений с другими людьми опираются на активную личностную позицию в приобретении и непрерывном обогащении знаний, умений, навыков, творческих способностей, нравственных качеств, на собственное понимание целей и средств их достижения.

Тем не менее формирование активной личностной позиции — одна из базовых задач социума и его институтов. Ведь в рамках непрерывного образования речь идет не столько об удовлетворении индивидуальных потребностей посредством предложения готовых решений, сколько о формировании умения учиться, интереса к познанию, умения планировать свою образовательную и жизненную траекторию, нести ответственность за свой успех или неудачи и т. д.

Наши исследования (3.2) показывают, что на сегодняшний день 72% старшеклассников, обучающихся в системе непрерывного образования в рамках экспериментальных комплексов, в значительной степени удовлетворяют в ходе учебного процесса свои образовательные потребности, запросы, интересы. При этом необходимо учитывать, что степень удовлетворения познавательных потребностей в традиционной образовательной среде ниже, и это составляет одну из проблем системы образования Украины.

В этой связи нельзя не отметить, что непрерывное образование не только предоставляет широкие возможности личности, но и предъявляет определенные требования к ней. Одно из них — избирательность. Как отмечают исследователи, «только в ситуации выбора и готовности к нему разнообразные источники информации становятся средствами образовательной деятельности, а сам процесс приобщения человека к различным источникам знаний становится самообразованием» [64]. В подразделе 4.2 мы уже говорили о том, что самообразование выступает одним из механизмов формирования интеллектуальной элиты общества. Сегодня оно рассматривается как мощный конкурент формальному образованию, выходящий за его рамки и стыкующийся с общей культурой личности. В результате данная подсистема представляется как систематический процесс, проявляющийся на трех уровнях [см. 362]: 1) общая информированность, общественно-политическая, научно-техническая, художественно-эстетическая; 2) углубленное изучение нескольких (любых) предметов, представляющих для изучающего наибольший интерес из всего вышеперечисленного диапазона; 3) возможно более полная специализация по одному-двум предметам за рамками собственной профессии.

Непрерывное образование представляет собой перманентную образовательную ситуацию для личности, когда обращение к новым формам и ступеням образования является естественной реакцией на изменяющиеся потребности, формирующиеся в течение всей жизни. При этом такой переход от формы к форме является противоположностью ситуации обращения к образовательным программам вследствие стресса (например, увольнения или угрозы увольнения, резкой смены вида деятельности и т. д.). В результате завершение одного образовательного цикла не сводит непрерывное образование только к готовности к следующему уровню. Рамки непрерывного образования предполагают создание условий для сочетания и периодического чередования образования с трудовой деятельностью при серьезном мотивационном факторе и потребности в образовании. Именно поэтому осознание потребностей и интересов – важнейший элемент успешности реализации личности в системе непрерывного образования.

Можно согласиться с Б. Гершунским, что формирование потребности к непрерывному совершенствованию, образованию и самообразованию, формирование социально обусловленных ценностных ориентаций личности являются и важнейшими критериями результативности непрерывного образования [260, с. 34]. Таким образом, оно не только создает условия для самореализации, но и непосредственно участвует в формировании личности, ее капиталов, благодаря которым личность расширяет, на наш взгляд, возможное поле своего успеха.

Характерной особенностью непрерывного образования является и то, что в его рамках значительно изменяются социальные роли субъектов образования. Эти изменения столь кардинальны, что некоторые ученые считают, что «обучающийся сам становится основным или даже единственным субъектом процесса образования – он сам отбирает нужную ему информацию, сам определяет, какая информация ему необходима для решения его жизненных задач и жизненных проектов, сам выявляет способ и место ее получения. Преподаватель может лишь помочь ему в этом» [135]. Основным способом успешного решения такой задачи может рассматриваться индивидуализация образовательных практик.

Следует отметить, что в контексте концепции непрерывного образования принцип индивидуализации приобретает оттенок индивидуального развития [см. 260]. В данном аспекте индивидуализация обучения рассматривается не столько как направленность на подготовку человека к функциональным обязанностям во внеобразовательных системах, сколько как личностное развитие. Данный факт особенно важен, с нашей точки зрения, для процесса формирования интеллектуальной элиты.

Именно эти принципы закладываются в основу модели реализации непрерывного образования в современной Украине. Так, например, студентам и преподавателям экспериментального комплекса по отработке модели непрерывного образования Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» было предложено оценить по пятибалльной шкале, насколько преподавание в нем ориентировано на конкретного студента, его познавательные потребности, запросы и интересы (см. исследования 2.3, 4.1). Ответы распределились следующим образом (см. табл. 4.6).

Таблица 4.6

Распределение оценок преподавателей и студентов ХГУ «НУА» относительно реальной ориентированности образовательного процесса на познавательные потребности обучающихся (в %)

Баллы	5	4	3	2	1	0
Оценки студентов	18	51	27	2	0	3
Оценки преподавателей	18	43	28	0	3	8

Таким образом, можно говорить, что современная модель непрерывного образования, элементы которой получили свое развитие в Украине, реально ориентированы на реализацию потребностей личности, предоставление возможностей для ее развития и совершенствования.

В целом очевидно, что как объективные, так и субъективные факторы активно включены в процессы развития непрерывного образования. При этом его связь с ключевыми компонентами интеллектуального потенциала может быть рассмотрена сквозь

точки их пересечения на уровне личности и общества. На наш взгляд, эти точки пересечения наиболее ярко проявляются посредством формирования мотиваций и потребностей, а также соответствующих для их реализации условий. В данном аспекте личность как носитель способностей формирует некоторый ресурс, составляющий в конечном итоге интеллектуальный потенциал общества. Социум при этом выступает сферой приложения этого ресурса. Именно поэтому социальные институты, в рамках которых максимально происходит раскрытие способностей личности и развитие ее потенциала, являются детерминантами процесса развития интеллектуального потенциала общества.

Непрерывный формат образования позволяет постоянно осуществлять поиск и развивать способности личности. В условиях непрерывного образования речь идет о возможностях включения личности в систему формирования и развития интеллектуального потенциала Украины на любом жизненном этапе, в любой сфере деятельности. Ведь реализуемое в рамках непрерывного образования формирование всесторонне развитой личности, а также социальной потребности в определенных видах знаний необходимо не только для человека, но и для решения крупных социальных задач. Например, сегодня предоставление широких возможностей для изучения иностранных языков, получение навыков пользования персональным компьютером и других дополнительных знаний выходит за рамки удовлетворения личных интересов и становится общественной необходимостью. В силу этого реакцией на данную ситуацию становится развитие сети клубов, курсов, лекториев с соответствующей тематикой и направлениями работы.

В результате непрерывное образование рассматривается как механизм расширения возможностей как личности, так и общества в целом, что отражается на качестве интеллектуального потенциала общества. И на сегодняшний день в Украине уже имеется опыт применения образовательных технологий, способствующих реализации этой задачи.

Очевидно, что формирование интеллектуального потенциала социума лежит в плоскости одновременного удовлетворения

общественных и индивидуальных потребностей, поэтому преимущества, дающиеся непрерывным образованием для личностной реализации, можно рассмотреть как компонент общего механизма по формированию интеллектуальных ресурсов украинского общества. В этой связи можно отметить, что непрерывное образование создает благоприятные условия для развития у человека умения учиться, удовлетворения его стремления к самообразованию посредством развития способностей к самостоятельной постановке творческих заданий, что является важным для формирования интеллектуальных ресурсов. Оно способно также помочь человеку в выработке своей собственной индивидуальной методики пополнения знаний, оптимизировать способность самостоятельно и эффективно обновлять «багаж» профессиональных знаний и опыта, повышать свою компетентность.

Само понятие «компетентность» становится сегодня более широким и опирается не только на профессиональные элементы. Исследователи говорят о том, что современные задачи образования предполагают развитие компетентности в личном плане, в плане деятельности, социально-коммуникативной компетентности и профессионально-методической компетентности. Трансформация понимания приобретаемой компетентности обусловлена действиями вызовов социального пространства, в условиях которых интеллектуализация становится ведущим атрибутом деятельности социальных субъектов. Соответственно, изменение понимания сущности компетентности, необходимой в современном обществе, как ответ на обозначенные вызовы, стимулирует поиск новых системообразующих принципов функционирования социальных институтов, в том числе и образования. Именно поэтому непрерывное образование несет значительный потенциал в реализации задач по формированию нового качества компетентности членов общества. В связи с этим очень важно рассматривать роль системы непрерывного образования в более глубоком приобщении человека к культуре, постоянном расширении его культурного и научного мировоззрения, формировании целостной картины мира, представлений о разных способах познания действительности на рациональном, естественнонаучном и интуи-

тивно-образном уровнях, что является отражением ценностно-этического компонента интеллектуального потенциала общества.

В целом же развитие непрерывного образования должно соответствовать общим принципам образовательной политики государства и работать на формирование всесторонней личности, способной занимать активную творческую позицию в различных социальных условиях, в том числе и в условиях транзитивной социальной системы. В таких условиях система образования и воспитания становится одним из источников умножения интеллектуального потенциала общества. Такие возможности непрерывного образования позволяют сформировать в системе отечественного образования арсенал ресурсов, востребованность которых социумом позволит сделать Украине значительный шаг вперед в своем развитии.

Анализ возможностей реализации принципов непрерывного образования в отечественной системе образования для развития интеллектуального потенциала социума предполагает, на наш взгляд, учет еще нескольких параметров. Первый — это потребность и необходимость в постоянном обучении педагога. Те вызовы, которые определяют качество современного социального пространства, выдвигают новые, особые требования к данной категории субъектов социального пространства. В условиях технологического вызова, тенденций интеллектуализации, усиления роли сознания педагог в максимальной степени стоит перед необходимостью быстрого и адекватного реагирования на эти вызовы. В этом плане очень важно, что система непрерывного образования предусматривает наличие внутри своей структуры институциональных форм, способствующих непрерывному совершенствованию его педагогического мастерства. Так, в рамках послевузовского образования возможна педагогическая переподготовка преподавателей, направленная на овладение современными знаниями и технологиями педагогической деятельности, изучение и передачу опыта использования творческих методов развивающего обучения, направленных на активизацию познавательной самостоятельности студентов и нацеленных на преодоление «ознакомительных» и «репродуктивных» концепций преподавания учебных дисциплин и т. д.

Как уже отмечалось нами в подразделе 4.2, организация интеллектуальной деятельности субъектов образовательного процесса должна строиться с учетом того, что роль преподавателя изменилась. Сегодня он должен уметь передавать студентам предметные, методологические и историко-научные знания теоретического, эмпирического и аксиологического содержания, аккумулирующие важнейшие достижения в области социальных и гуманитарных наук в единую систему, а также создать необходимые организационные и интеллектуальные условия для усвоения этих знаний студентами. Преподаватель должен уметь активизировать познавательную деятельность и самостоятельность студентов. Эти задачи могут быть реализованы в системе сформированных и постоянно совершенствующихся навыков самостоятельного анализа социальных явлений и процессов, выработки определенных его алгоритмов, которым можно обучать студентов.

Результатом воздействия непрерывного образования на педагога в условиях современного украинского общества должна быть ситуация, когда учитель в меньшей степени остается тем, кто сообщает новые знания и контролирует их усвоение, и в большей мере становится тем, кто планирует ход индивидуализированного учебного процесса. В данном аспекте очевидно, что требование непрерывности такого планирования является неотъемлемой чертой нового качества интеллектуальной деятельности, активизация которой соответствует ответу на вызов интеллектуализации общественной жизни.

Принципиально важной для процесса развития интеллектуального потенциала социума, а также новой для системы образования является роль непрерывного образования в «вооружении» будущих специалистов методиками получения, применения и усовершенствования своей системы знаний. Сегодня это не просто развитие умения дополнять сформированную в вузе систему знаний, а и развитие способности преобразовывать эту систему, отфильтровывать элементы знания, которые будут востребованы в обществе интеллекта, формирование способности творчески перерабатывать информацию. В эпоху развития общества, основанного на информации, образование должно дать

возможность каждому воспользоваться этой информацией, получить возможность ее сбора, отбора, упорядочения и использования, управления ею.

Одновременно с этим система непрерывного образования может выполнять роль обучения фундаментальным обобщенным знаниям, которые позволят в течение всей жизни быстро овладевать меняющейся «конкретикой». Необходимо создать возможности для приобретения человеком навыков, имеющих широкое поле применения, освоения им смежных профессий (специальностей, модулей), получения дополнительных знаний в области экологии, экономики, права, компьютерной грамотности, иностранных языков, удовлетворения потребностей человека в его индивидуальных образовательных устремлениях. На сегодняшний день обладание минимально необходимым объемом навыков и основным содержанием обучения, по мнению ученых, может быть достаточно для выживания людей, но не для благополучной жизни. Поэтому трудно переоценить роль системы непрерывного образования в предоставлении человеку возможности возобновлять образование каждый раз, когда он сталкивается с новыми ситуациями, появляющимися как в его личной, так и в профессиональной жизни, постоянно совершенствовать свои знания, умения и навыки в соответствии с новым содержанием изменяющегося труда и новыми технологиями, применяемыми в его профессии. Обеспечиваемая таким образом подготовленность человека к выполнению меняющихся профессиональных функций будет способствовать его успешной адаптации, «выдерживанию» им конкуренции на рынке труда, выработке индивидуальной стратегии деятельности в условиях глобальной экономики, постоянно усложняющегося постиндустриального информационного общества.

В условиях непрерывного образования корректируется роль образовательной системы в предоставлении возможности человеку самоопределиться в жизни, определить свое место в мире: теперь данная цель может быть достигнута еще на стадии обучения. В данном контексте мы уже отмечали, что сегодня данный процесс в отношении интеллектуальной элиты происходит

осознанно. Развитие социальной активности и формирование социальной зрелости личности в рамках непрерывного образования будет содействовать полноценному выполнению социальных ролей человека в социуме.

В украинском обществе усиливается роль непрерывного образования в обеспечении и стимулировании самостоятельности человека в обществе, возможности для повышения его социальной мобильности, изменения своего профессионального, социального или личностного статуса, что в условиях формирования нового постиндустриального общества весьма актуально. Остается актуальной и роль системы непрерывного образования в поиске талантов, стимулировании их развития, реализации и т. д., что имеет принципиальное значение для развития интеллектуального потенциала украинского общества.

В итоге, с уверенностью можно утверждать, что в условиях формирования «общества интеллекта» базовой характеристикой личности становится его отношение к образованию. Поэтому без преувеличения можно сказать, что, «формируя положительное отношение [личности] к знаниям, производство и школа активно воздействуют на нее в целом — на ее мировоззрение, характер, интеллект, волю» [260, с. 127].

Таким образом, очевидно, что анализ возможностей непрерывного образования в развитии интеллектуального потенциала украинского общества посредством таких показателей, как образованность, интеллектуальная культура, самореализация личности, ее интеллектуальная деятельность и другие, приводит к необходимости рассмотрения системы практических «выгод» не только на индивидуально-личностном уровне, но и на общественном. Речь идет о том, что система непрерывного образования нацелена на удовлетворение как потребностей личности, так и социума, которые зачастую имеют практически-прагматическую доминанту.

В систему актуальных общественных потребностей объединяются те, которые непосредственно отражают состояние социума в настоящий момент времени с учетом его ресурсных возможностей и нацелены на развитие его потенциала, в том числе и интеллектуального. Поэтому система общественных потребностей

является интегрированным феноменом и конкретизируется в совокупности целей, задач, которые реализуют структурные элементы социальной системы. Предполагается, что интеграция различных социальных структур позволит максимально развить возможности Украины, и наиболее подходящим форматом для этого является система непрерывного образования.

Показательно в данном контексте получившее распространение в зарубежных моделях системы непрерывного образования явление интеграции вузов с подразделениями предприятий, когда большие промышленные фирмы либо создают собственные вузы или учебные центры, свои системы переподготовки высококвалифицированных кадров на уровне бакалавров, магистров и даже докторов наук, либо тесно взаимодействуют с уже существующими и подтвердившими свой высокий уровень. Не требуется особой системы доказательств для того, чтобы обратить внимание на значимость указанной тенденции как для системы образования, так и для внеобразовательных систем общества. Ведь современное состояние экономики нашей страны предъявляет новые требования относительно качества рабочей силы на производстве, ее конкурентоспособности. Профессиональное обучение различных категорий населения является одним из наиболее важных способов активной политики занятости, которая выступает способом достижения стабильного экономического роста, активно влияет на профилактику массовой безработицы среди занятого населения, обеспечивает сохранение и развитие трудового потенциала общества, а также способствует его качественным изменениям, которые детерминируются «обществом интеллекта».

Одним из путей решения обозначенного блока проблем является интеграция промышленности, науки и образования. Ведь в современных условиях «в основе деятельности каждого предприятия должен лежать индивидуальный поиск — своих изделий, своего потенциального потребителя. В результате у каждого из них, очевидно, будут формироваться свои собственные представления о перспективе, свои подходы к решению образовательных задач. В итоге, из пассивных потребителей «продукции» системы образования они просто вынуждены будут стать активными

участниками процессов выработки и реализации образовательной политики» [233, с. 39].

В этой связи принято говорить об окончании монополии вузов и расширении границ системы образования, прежде всего за счет «малых» форм обучения (учебные центры, курсы и т. д.). Современная украинская практика показывает, что для усиления и развития интеллектуального потенциала наиболее перспективными являются: выполнение совместных научно-исследовательских работ, координация деятельности и кадровые миграции в системе «наука – образование». В современных условиях такие стратегии являются важным элементом процесса поиска Украиной оптимальных путей и ресурсов своего развития.

В целом, реализация концепции непрерывного образования в Украине должна охватывать максимальное количество направлений, учитывая что единого содержательного понимания этого феномена на сегодняшний день в Украине нет. Наряду с этим для успешной реализации концепции непрерывного образования необходимо учесть процессы формирования внутренних механизмов, способных обеспечить ее саморазвитие. Кроме того, все-таки важно понимать, что непрерывное образование связано не только с образованием как таковым, но и с развитием личности, что принципиально меняет акценты в его реализации. В этой связи, как отмечают исследователи, «у нас в стране идея «непрерывного образования» и программа «непрерывного образования» не может строиться как частная; эта программа должна учитывать все три «полюса» (производственный (инструментальный), автономия образования от сиюминутных производственных задач, личностное развитие) и собирать их в одно динамичное целое... Непрерывность должна рассматриваться как модус сферы образования, общественно-исторических процессов во внеобразовательных системах и жизни и развития отдельного человека» [260, с. 17–18]. Такая программа реализации непрерывного образования непосредственно отражает его возможности для развития потенциала украинского общества и формирования его по типу общества интеллекта.

Характерной чертой развития непрерывного образования в Украине является сегодня практическая апробация методологических принципов западных концепций и собственных разработок. Анализ первых результатов внедрения непрерывного образования [21; 22; 48; 232] позволяет говорить о том, что структура системы образования, опирающаяся на принципы и задачи непрерывного образования, является подвижной и маневренной. Она представляет больше возможностей для инновационной деятельности и реализации моделей перспективного развития общества.

Тем не менее, как уже говорилось выше, условия транзитивности накладывают определенный отпечаток на характер апробации и реализации концепции непрерывного образования. В таких условиях значительной динамикой отличается процесс формирования и развития личности: она становится субъектом социальных трансформаций, а это особенно важно при рассмотрении вопросов формирования интеллектуальной элиты.

Следует иметь в виду, что разработкой и реализацией системных элементов и принципов непрерывного образования занимаются различные структуры. В частности, можно говорить о различиях в реализации задач непрерывного образования между различными вузами, ведь многие из них нацелены на организацию инновационной социокультурной среды в своих рамках.

Опыт деятельности некоторых из них (например, Народной украинской академии) показывает, что их преимуществом является стремление создавать принципиально новые образовательные структуры, которые позволяют удовлетворять возрастающую потребность общества в образовании. Это связано с их ориентацией на подход, провозглашающий непрерывное образование ключевым вопросом конкурентоспособности общества в целом, социальных групп и отдельных индивидов в частности.

Альтернативные образовательные структуры во многом дали начало различным формам непрерывного образования. Наиболее ярко в структурном отношении это проявляется в создании единых комплексов, объединяющих эти формы, что дает возможность оптимизировать, индивидуализировать и интенсифицировать

обучение. Например, Народная украинская академия, где благодаря комплексному управлению данной системой все ее компоненты согласованы друг с другом, подчинены единой концепции обучения, работают на достижение единой цели, что снимает саму возможность возникновения противоречий при переходе от одной ступени к другой. При этом решаются и задачи личностно ориентированного обучения.

Сегодня можно говорить о том, что создание различных моделей непрерывного образования и отработка его основных элементов может стать одним из основных направлений деятельности всех учебных заведений. Принципы интеграции и конкуренции на основе базового критерия – качества образования – обозначили сегодня непрерывное образование как ключевое направление развития системы образования в Украине.

Безусловно, практически всегда решение любых вопросов связано с двумя основными направлениями деятельности социальных систем: поиск внутренних резервов в использовании имеющихся структур и создание новых организационных форм. Однако и те, и другие имеют возможность непосредственно влиять на формирование интеллектуального потенциала общества и способствовать накоплению социальными субъектами образовательного капитала. Как показывают наши исследования (3.2, 4.1, 6), на сегодняшний день по оценке 66% старшеклассников и 78,6% учителей, непрерывное образование способствует более высокому уровню подготовки. Еще более оптимистичны в этом отношении преподаватели вуза – 90%. Аналогичные позиции характерны и для работодателей (53,4%).

Таким образом, можно говорить о том, что оценки влияния системы непрерывного образования на качество подготовки являются достаточно высокими, и данный факт является позитивным для формирования интеллектуальной мощи Украины.

Наряду с этим можно отметить и тот факт, что система непрерывного образования оказывает непосредственное влияние на «качество» субъектов образовательного процесса. Так, значительная часть преподавателей, включенных в систему непрерывного образования, постоянно повышают свою квалификацию (41,1%),

интенсивно самосовершенствуются (35,5%), имеют системное видение процесса образования (32,7%). Следовательно, система непрерывного образования конструирует определенные характеристики субъектов образовательного процесса и социума в целом, которые являются ответом на вызовы современности.

Ранее отмечалось, что появление концепции непрерывного образования повлекло за собой и ряд проблем, связанных в том числе и с новой ситуацией на рынке труда. Тем не менее опыт внедрения непрерывного образования в Украине показывает, что и в данном аспекте этот процесс имеет позитивные результаты. Так, опрос молодых специалистов (5) и их работодателей (6) показал, что респонденты в своем подавляющем большинстве согласны с тем, что непрерывное образование является залогом успеха в современных условиях (76% и 83,3%, соответственно). Лишь 8% молодых специалистов негативно оценили роль непрерывного образования.

Наряду с этим 86,7% опрошенных руководителей абсолютно согласны с тем, что непрерывное образование способствует успешной профессиональной адаптации молодого специалиста, что принципиально важно для его продуктивной профессиональной деятельности. Данные позиции могут рассматриваться как еще один критерий важности непрерывного образования для развития интеллектуального потенциала украинского общества.

Ключевые практические преимущества системы непрерывного образования для развития интеллектуального потенциала украинского общества, по нашему мнению, можно объединить сегодня в несколько направлений: обеспечение качественной подготовки, развитие личностных качеств, удовлетворение познавательных потребностей, повышение адаптационного потенциала личности и общества и др. Эти результаты могут свидетельствовать о позитивном влиянии системы непрерывного образования на личность, профессиональные группы, социальные институты и социум в целом.

Тем не менее следует отметить, что нынешнее состояние непрерывного образования скорее не соответствует требованиям современной ситуации, а это, в свою очередь, позволяет говорить

о снижении результативности процесса развития интеллектуального потенциала украинского общества.

Разрешение данного противоречия возможно при легитимности непрерывного образования в государстве. Исследования (1.4) показывают, что в данном отношении существуют определенные препятствия. Так, по мнению специалистов в области образования, максимальную поддержку система непрерывного образования имеет в образовательных структурах (98%), в среде академической общественности (87%), в научных кругах (83%). Несколько меньшей поддержкой пользуется непрерывное образование в управленческих структурах, а минимальной — у большинства населения. Минимальная поддержка непрерывного образования может стать одной из серьезных проблем в его реализации. Ведь в данном случае речь идет о потенциальной не востребованности непрерывного образования и его базовых принципов.

Еще одной проблемой является готовность различных элементов непрерывного образования для его полноценной реализации в рамках конкретной социальной системы (см. табл. 4.7).

Таблица 4.7

Оценка экспертами готовности различных элементов непрерывного образования к его реализации (по 5-балльной шкале)

№ п\п	Элементы системы непрерывного образования	Оценка готовности (в баллах)
1	Разработанность программ	3
2	Готовность кадров	2
3	Готовность институциональных структур	3

Если учесть, что институциональные структуры и кадры определяются экспертами в качестве ключевых в рамках непрерывного образования, и они же выступают ведущими компонентами интеллектуального потенциала, то проблемы ее реализации на постсоветском пространстве очевидны.

Для развития интеллектуального потенциала это означает, что сегодня его кадровый, ценностный, моральный компоненты

получают минимальную поддержку в развитии посредством непрерывного образования.

В целом, сегодня можно говорить о том, что развитие непрерывного образования протекает сквозь призму восприятия его достоинств и недостатков. Обобщение мнений экспертов по данным вопроса позволяет говорить о том, что в качестве наиболее значимого достоинства непрерывного образования отмечается возможность самореализации личности и совершенствования полученных знаний на разных жизненных этапах. В качестве основного недостатка выделяют собственно отсутствие самой системы непрерывного образования и четко отлаженных механизмов ее реализации (см. табл. 4.8).

Таблица 4.8

**Достоинства и недостатки непрерывного образования
в оценках экспертов Украины**

Достоинства	Недостатки
Совершенствование знаний, умений, навыков в рамках непрерывного образования	Отсутствие системного характера и снижение возможностей непрерывного образования
Возможность самореализации, обеспечение личностного и профессионального роста на разных этапах жизни	Слабая профориентационная работа, отсутствие механизмов отбора талантов, малоизученность регионального аспекта
Непрерывное образование «идет в ногу», а иногда и быстрее НТП	Дублирование содержательных модулей в подготовке, слабое соблюдение принципа преемственности
Повышение качества конечного продукта -- уровня квалификации, его основательность	Возможное несоответствие конечного результата обучения нестабильным условиям и требованиям рынка
Целостность и системность	Временной фактор (долго учиться)
Отработка навыка учиться всю жизнь	Информационная перенасыщенность
Преемственность, целостность, целенаправленность	Ограничение в доступности отдельных форм непрерывного образования

Интересным представляется тот факт, что в структуре экспертных оценок достоинств непрерывного образования ярко просматриваются параметры личностного роста, не замыкающиеся только на профессиональных составляющих, что особенно важно

для включенности непрерывного образования в формирование интеллектуальной элиты украинского общества.

Особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить и такому аспекту, как восприятие достоинств и недостатков непрерывного образования теми субъектами образовательного пространства, которые непосредственно включены в среду его реализации.

Анализ ответов профессорско-преподавательского состава ХГУ «НУА» (исследование 4.1) свидетельствует о том, что в качестве основных достоинств непрерывного образования ими рассматриваются:

1. Преимущество всех ступеней и уровней образования, а также поколений (22,5%).
2. Возможность постоянного совершенствования своих знаний, умений, навыков (17,5%).
3. Системность, целостность образования (15%).
4. Мобильность, готовность к инновационному развитию, нацеленность на развитие личности (13,7%).
5. Индивидуализация, особый подход к каждому студенту, ученику, воспитаннику (11,2%).
6. Получение фундаментальных глубоких разносторонних знаний, развитие эрудированности (8,7%).
7. Перспективы успешной самореализации, карьерного роста, востребованности на рынке труда (7,5%).

Также выделяются такие преимущества непрерывного образования, как комфортное самочувствие в современных социальных условиях, стимулирование потенциала личности; высокая адаптация обучающихся на каждом уровне обучения, высокий уровень подготовки специалистов, их квалифицированность; интегрированность, направленность процесса образования; возможность обучаться в любом возрасте; создание благоприятного социально-психологического климата и, как следствие, в целом — высокое качество образования.

Треть опрошенных преподавателей вообще не видит недостатков в непрерывном образовании. Но вместе с тем в исследованиях были выявлены:

1. Отсутствие действующей, налаженной системы реализации непрерывного образования (12,1%).

2. Большие затраты сил и времени, трудности в обеспечении интеграции, преемственности, несогласованность учебных программ (по 9,1%).

3. Узкая направленность, отсутствие широкого выбора направлений подготовки в рамках непрерывного образования (7,6%).

4. Недостаточность научной проработки реализации непрерывного образования, неосознанность его целей (6,1%).

Можно назвать и другие недостатки, такие как техническая и методическая неподготовленность; дороговизна самого механизма реализации непрерывного образования; консерватизм, неприятие нового, стереотипность мышления; слабая мотивация субъектов образовательного процесса.

Учителями, включенными в реализацию непрерывного образования, выделяются свои преимущества и недостатки данного принципа организации обучения. Так, к достоинствам они относят:

- целостность и систематичность образования;
- постоянное совершенствование и обновление знаний;
- последовательность образования;
- ощущение сплоченности, как в семье;
- плавный переход от одной ступени к другой;
- ориентация на развитие каждого человека.

Указывая на недостатки непрерывного образования (а тех, кто их обозначил, выявилось 20,2%), учителя сакцентировали свое внимание в основном на двух аспектах:

1. Недостатки непрерывного образования как модели обучения.
2. Недостатки непрерывного образования как реально функционирующей системы.

В рамках первого аспекта указываются сложности поступления в вуз другого профиля при смене профориентации, отсутствие свободы выбора, отсутствие эффекта новизны при переходе на другую ступень.

В рамках второго аспекта называются: высокие материальные затраты, загруженность обучаемых и др.

Очевидно, что доминирующими позитивными характеристиками непрерывного образования в сознании субъектов образовательного процесса, которые могут составлять мотивационное ядро

в его реализации, являются возможности для совершенствования и развития личности, целостность и системность, высокое качество образования, индивидуализация обучения, реальные практические преимущества и др.

Возвращаясь к вопросу о качестве образования в условиях его непрерывности, интерес представляют оценки его преимуществ работодателями, которые, с одной стороны, являются потребителями результата системы образования, а с другой — теми субъектами общественной жизни, которые формируют требования к образованию и его качеству. Опрос работодателей (6) показал, что наиболее яркими достоинствами подготовки специалистов в системе непрерывного образования являются: профессионализм (26,7%), развитие личностных и профессиональных качеств (16,7%), целостность, системность подготовки (13,3%) и регулярное обновление знаний (10%). В качестве наиболее ярких недостатков непрерывного образования работодатели выделяют отрыв от практики, недостаточный уровень практической подготовки (23,3%) и отсутствие контактов с внешней средой (10%).

Таким образом, следует отметить, что недостатки непрерывного образования в преломлении к практической деятельности выглядят сегодня более выкристаллизованными, чем в оценках субъектов образовательного процесса.

В целом же можно признать, что спектр мотивационных составляющих в процессе реализации непрерывного образования достаточно широк, что является позитивным моментом для развития интеллектуального потенциала украинского общества. При этом актуальной остается проблема формирования ценностного отношения к непрерывному образованию.

Наши исследования (2.4) в данном аспекте показывают, что 37,9% студентов на постсоветском пространстве (например, в Латвии — 27,7%, в Казахстане — 40,0%, в Польше — 29,6%) убеждены, что образование на протяжении всей жизни — необходимое требование времени. В результате можно говорить о том, что образование в своей непрерывной ипостаси доминирует сегодня в сознании трети современной студенческой молодежи. А, учитывая ее ключевую роль в последующие 15–25 лет, можно прогнозировать активную реализацию этой концепции в будущем.

Решение этой задачи немыслимо без открытости образовательной сферы Украины в международном масштабе. При этом достижение соответствия системы образования Украины мировому уровню не должно исключать использования лучших элементов, функционировавших в отечественной образовательной системе и способных «срабатывать» в новых условиях.

Расширение возможностей системы образования, основанной на принципах непрерывности, для решения этих задач и развития интеллектуального потенциала украинского общества очевидно. Ведь программа непрерывного образования ориентирует на развитие каждого человека и обеспечение этого развития за счет снятия основных возрастных, социальных и организационных ограничений. Это значительно повышает уровень образованности, непосредственно влияет на интеллектуальную культуру и деятельность, а в совокупности повышает и интеллектуальный потенциал общества в целом.

Для эффективной реализации непрерывного образования как фактора развития интеллектуального потенциала в Украине необходим комплекс решений, прежде всего, в системе взаимоотношений «личность — образование — социальные институты — общество». В этой связи следует признать, что, несмотря на недостаточное использование потенциала непрерывного образования в Украине, в современных условиях важную роль играет ориентация молодежи на непрерывное образование, формирование потребности в нем, способности к организации процесса образования на принципах непрерывности.

Ведь процесс непрерывного развития знаний и навыков означает предоставление каждому человеку возможностей получения образования в соответствии со своими потребностями и возможностями. Непрерывность образования предусматривает также создание надлежащих условий со стороны общества для удовлетворения познавательных, профессиональных, общеобразовательных, культурных потребностей человека на протяжении всей жизни. Непрерывное образование в социуме становится источником его постоянного прогрессивного развития.

Общий взгляд на проблему формирования нового типа общества в Украине сквозь призму технологических решений в рамках непрерывного образования позволяет говорить о том, что эффективное движение Украины по пути прогресса напрямую связано с этими технологиями. Ведь они направлены на формирование нового типа потребностей, нового типа социальных субъектов, новых механизмов их самоорганизации. Именно эти технологии, на наш взгляд, наряду с другими технологическими решениями в других сферах жизнедеятельности общества, позволяют Украине усилить свой интеллектуальный, экономический, культурный потенциал, а личности — сформировать и реализовать собственную стратегию успеха.

Подытоживая проведенный анализ, можно отметить, что непрерывное образование выступает как открытое и вариативное образование, представленное в различных формах и видах, обеспечивающее максимальную свободу выбора и мобильность личности; на каждом шагу личностного развития такое образование предоставляет любому выбор своей возможной траектории движения как сферу инициативы и ответственности. Образование, организованное в соответствии с принципом непрерывности, не просто дает возможность личности адаптироваться к изменяющимся условиям, но и вооружает каждого индивидуума умением преодолевать возможные трудности, оказывающие воздействие на все аспекты его деятельности и дает ему возможность справляться с многочисленными неопределенными ситуациями. В таком контексте «динамика непрерывного образования включает в себя смену жизненных ситуаций, ставящих личность перед необходимостью изменения своей внутренней позиции» [260, с. 157]. Все это позволяет с уверенностью говорить о том, что непрерывное образование обогащает и развивает личность, и этот процесс является непрерывным и опирающимся на активность социальных субъектов.

В результате «идея непрерывного образования принята в мировом сообществе в качестве стратегической и лежит в основе образовательной политики цивилизованных стран. «Наша главная

стратегия — говорится, например, в документе о реформе образования в Японии — переход к непрерывному образованию, которое будет просвещать и обогащать человека всю жизнь» [цит. по 261, С. 63]. Предполагается, что непрерывное образование позволит не только личности максимально реализовать свой потенциал, но и обществу достичь значимых результатов в своем движении вперед. В таком понимании непрерывное образование становится фактором развития интеллектуального потенциала общества, механизмом его развития.

Интеллектуальный потенциал общества определяется в том числе и уровнем его духовности, развития науки, образованностью населения и развитием информационных коммуникаций, которые в значительной степени детерминируются системой образования и имеют серьезный потенциал в рамках реализации принципов непрерывного образования.

Сегодня проблема формирования интеллектуального потенциала украинского общества, как отмечалось нами в подразделе 1.4, является одной из актуальнейших проблем его развития. К ведущим факторам его формирования и развития относятся, прежде всего, качество и специфика институциональных форм, таких, как образование и наука, а также кадровая, ресурсная, ценностно-этическая, информационная и функциональная составляющие. Непрерывное же образование выступает некоторой интегрирующей системой, позволяющей посредством организационных, технологических, мотивационных и других механизмов комплексно решать задачу по формированию и развитию интеллектуального потенциала украинского общества.

Наряду с этим непрерывное образование поднимает качество образовательной подготовки на новый уровень, что имеет принципиальное значение для развития интеллектуального потенциала украинского общества. Высокое качество образования достигается при этом путем усовершенствования всех элементов системы образования, придания ей гибкости, разнообразия, доступности во времени и пространстве, способности к маневру, поиску и изменениям.

В целом, анализ перспектив развития интеллектуального потенциала сквозь призму реализации непрерывного образования в Украине позволяет говорить о том, что становление системы непрерывного образования продемонстрировало свои первые положительные результаты. Следует признать, что принципы непрерывного образования станут для Украины не просто декларацией, а реальной образовательной средой, в которой и общество, и личность смогут максимально реализовать свои потребности и достигать поставленных целей. Цели же, которые можно достичь с помощью непрерывного образования, по мнению специалистов, — гармонизация всех этапов непрерывного образования и приведение его в соответствие с международным уровнем; повышение мобильности специалиста на рынке труда; улучшение качества подготовки специалистов; интеграция в международную систему образования [320, с. 8], а также усиление интеллектуальной мощи Украины.

В условиях динамично развивающейся Украины непрерывное образование является одним из главных факторов накопления самого мощного социального капитала — знаний, переходящих в профессионализм работников, высокие технологии, культуру и экономическую мощь. Однако развитие интеллектуального потенциала украинского общества проходит при участии всех социальных институтов. Это означает, что отрыв одного из них и решение ключевых моментов в его функционировании не сможет внести кардинальных изменений в качественное состояние интеллектуальных ресурсов общества. Поэтому лишь интегрированный, комплексный подход к данному вопросу поможет эффективно преодолеть проблемы развития современного украинского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное общество претерпевает сегодня значительные изменения. В его новом качестве все больше проявляются те черты и характеристики, которые будут определять его развитие на ближайшие десятилетия. В этих чертах уже узнается то общество, о котором писал в свое время М. Янг и которое в научных концепциях второй половины XX века (Д. Белл, О. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт, А. Турен, Ж. Фурастье, М. Кастельс и др.) чаще всего определялось как постиндустриальное.

Такое общество кардинально отличается от тех его состояний, в которых оно пребывало ранее: определяющими силами развития в нем становятся знания и информация, а ведущими социальными группами — производители этих ресурсов и их носители.

Проведенный нами анализ показал, что такое состояние общества можно рассматривать как новый цивилизационный виток, как своеобразный ответ на вызов современности — состояние кардинального изменения базовых параметров социального пространства, влекущее за собой трансформацию социальных отношений и качеств социальных акторов, общих представлений об успешных стратегиях и факторах их детерминации. Такой вызов, по нашему мнению, является всеохватным и затрагивает интересы всех действующих лиц социального поля: от личности — до мирового сообщества. В силу этого все социальные акторы стоят перед необходимостью поиска вариантов реагирования на этот вызов. При этом определяющими для них будут совершенно разные параметры, детерминируемые как объективными условиями их жизнедеятельности, так и системой потребностей, ценностных ориентаций, представлениями об успехе и возможных путях его достижения и т. д. В результате активность социальных субъектов будет сконцентрирована в определенных секторах жизнедеятельности общества. Ведь данный вызов современности имеет несколько основных составляющих, каждая из которых несет функциональную нагрузку и непосредственным образом детерминирует специфику социального пространства и социаль-

ных субъектов. По своей сути это отдельные вызовы, под влиянием которых и формируется новая матрица социальной реальности.

На наш взгляд, наиболее ярко проявляются сегодня: аксиологический вызов (связанный с трансформацией ценностных оснований бытия); пространственный вызов (расширение реального и виртуального социального пространства, в котором социальные субъекты осуществляют свою жизнедеятельность); национально-государственный вызов (смещение акцентов с национальных и государственных образований на транснациональные); вызов идентичности (отождествление себя с тем или иным социальным пространством, национально-государственной формой, системой ценностных ориентаций становится все труднее); усиление роли сознания; вызов интеллектуализации (интенсивное наполнение общественной жизни требованиями глубоких знаний, навыков, умений; продуцирование интеллектуальных продуктов становится ведущим фактором общественного развития); технологический вызов (технология стала универсальным средством взаимодействия элементов социального пространства, а, порой, и формой их существования); инвайроментальный вызов (необходимость поиска новых способов взаимодействия с окружающей средой для успешной реализации своих стратегий).

Действие этих вызовов всеохватно благодаря, прежде всего, такому процессу, как глобализация. Систематизация современных разработок в данном направлении позволяет нам выделять в ее понимании три основных вектора, которые важны для исследования трансформаций современных обществ. Первый связывается с интеграционными процессами, формированием единого пространства, уничтожением границ; второй — с ее всеохватностью, то есть проявлением практически во всех сферах жизнедеятельности обществ; и третий — с появлением новых социальных отношений, новых принципов взаимодействия и новой системы взаимозависимости в мировом социальном пространстве. В результате благодаря процессу глобализации, кардинальные изменения сопровождают жизнь всех современных обществ, и в них все больше проявляются черты постиндустриального типа общества.

Однако, на наш взгляд, нельзя не обратить внимание на факт значительной дифференциации современных обществ по степени присутствия в них признаков нового типа общества. Данный факт, в свое время, стал одной из причин критики в адрес концепции постиндустриального общества. Тем не менее, по нашему мнению, глобализация, даже с учетом противодействующих ей тенденций локализации, и дальше будет способствовать развитию постиндустриального общества в мировом масштабе. А вот в отношении ведущих стран Запада уже сегодня можно говорить о другом новом качестве общества — обществе интеллекта. В таком обществе большие преимущества получают те субъекты, которые продуцируют интеллектуальные потоки и управляют ими. Ключевым ресурсом в нем становится интеллект.

Формируемое сегодня общество интеллекта характеризуется доминантными признаками высокого уровня инструментализации интеллектуальной деятельности, осуществляемой социальными субъектами в рамках интеллектуальной жизни общества. Проведенный анализ позволяет нам определить интеллектуальную жизнь общества как интегрированную систему интеллектуальных потоков, порождаемых и управляемых социальными субъектами конкретного социального пространства, имеющих как формализованные, так и неформализованные механизмы функционирования, и направленных на познание и дальнейшее развитие жизни и ее элементов во всех формах их существования. В новой матрице социального пространства интеллектуальная жизнь становится более насыщенной, более интенсивной и охватывающей всех акторов социальной практики. В таком виде она уже сегодня становится атрибутом постиндустриального общества, закладывая основы для формирования общества интеллекта.

Интересным моментом в формировании и развитии такого типа общественных систем является его надгосударственность, ведь можно с уверенностью говорить, что вся схема развития обществ от индустриального до постиндустриального движется именно по пути раскрытия границ отдельных государств. В результате последняя стадия является с этой точки зрения максимально открытой.

Одним из индикаторов общества интеллекта является интеллектуальный потенциал общества, который имеет в своей основе несколько компонентов (например, кадровый, результативный, технологический, нравственно-этический и др.). Как показал проведенный нами анализ, наиболее важным, с точки зрения нашего исследования, является кадровый компонент. Интеллектуальные кадры являются базовым компонентом интеллектуального потенциала общества, социальное качество которых в значительной степени определяет уровень развития других компонентов интеллектуального потенциала общества.

Формирование и развитие общества интеллекта становится возможным в силу актуализации интеллектуальных ресурсов личности и общества. Однако в современных условиях наблюдается сочетание традиционных для индустриального общества (власть и богатство), для постиндустриального (знания и информация) и общества интеллекта (интеллект в широком смысле) ресурсов с доминированием первых двух групп.

Обращение к анализу ресурсной составляющей в развитии современных обществ представляется нам продуктивным, так как различные ресурсы, которыми они располагают, определяют их место в матрице современного мирового сообщества, а личности они позволяют осуществлять свои социальные практики, изменять социальные позиции и социальные статусы.

В условиях социальных изменений, детерминированных процессами глобализации, поиском ответов на вызовы современности, формированием постиндустриального общества и появлением векторов общества интеллекта, происходит реструктуризация ключевых ресурсов. Сегодня значительно возрастает востребованность профессиональных, образовательно-квалификационных ресурсов, а новое распределение ключевых ресурсов формирует новые сценарии развития современных обществ, в которых социальная дифференциация будет являться следствием обладания и использования тех или иных ресурсов. В результате изменяется общая расстановка социальных сил и возникают новые статусы и система ролей.

Однако эти изменения определяются не только наличием тех или иных ресурсов у социальных субъектов, но и их совокупностью и качеством (капиталами), а также их востребованностью в обществе и готовностью их использовать (жизненные шансы). В результате в современном обществе выделяются новые социальные группы. В условиях же развития постиндустриального общества и формирования общества интеллекта особое внимание привлекают те из них, которые обладают актуальными для этих обществ ресурсами. В традиционных концепциях постиндустриального общества речь идет о меритократии, а в современных условиях — об интеллектуальной элите. При этом и в том, и в другом случае речь идет о своеобразной власти новой элиты, состоящей из интеллектуально наиболее одаренных и энергичных личностей, рекрутируемых из всех слоев общества.

Обращение к разнообразным теориям элиты позволяет утверждать, что в условиях современных социальных трансформаций украинского общества и его движения по пути формирования общества интеллекта наиболее продуктивным нам видится использование ценностных интерпретаций элиты, а также концепции множественности элит.

Очевидно, что именно смещение акцентов в элитистской традиции на разнообразные ресурсы и соответствующие им типы элит стало, на наш взгляд, отражением движения современных обществ к постиндустриальной форме существования. Акцент же на значимости таких личностных качеств, как компетентность, знания, способности, в процессах социальной мобильности является свидетельством зарождения общества интеллекта. Эти две особенности, наряду с признанием специфических функций каждого типа элит, становятся важной методологической базой для анализа интеллектуальной элиты.

Анализ различных критериев позволил нам определить интеллектуальную элиту как некоторый социальный слой, функционирующий в сфере умственного труда, обладающий более высоким по сравнению с общей массой населения в том или ином обществе уровнем образования, отличающийся значительными умственными способностями, сочетающимися с критическим мышлением,

творческими способностями и с высоким уровнем мотивации своей интеллектуальной деятельности, способный к активной социально-инновационной деятельности, воплощенной в конкретных результатах, основанных на высоком уровне профессиональной компетентности и имеющих особое значение для развития общества. Такой подход к определению интеллектуальной элиты позволяет учитывать как потенциальные, так и результативные критерии ее выделения.

Характерно, что представители интеллектуальной элиты находятся в разных социальных слоях и группах и обладают широким диапазоном социальной мобильности.

Данная группа, на наш взгляд, выполняет ряд функций, имеющих принципиальное значение для общества. Прежде всего, это интегративная функция. Выполнение интеллектуальной элитой данной функции связывается в первую очередь с интеграцией различных социальных субъектов. Вторая функция — трансляционная. Данная функция заключается в том, что представители интеллектуальной элиты, опираясь на уже накопленные «знаниевые» ресурсы, а также технологии их производства, способствуют их сохранению и передаче последующим поколениям. Третья функция — ценностно-нормативная. В соответствии с этой функцией за интеллектуальной элитой закрепляется ее способность конструировать ценностные основы жизнедеятельности общества. Четвертая функция — инновационная — связывается с созданием новых интеллектуальных решений, инновационных технологий, способствующих движению общества вперед. Пятая функция — познавательная. Она заключается в том, что интеллектуальная элита способствует заполнению «белых пятен», что отчасти позволяет находить ответы на различные вызовы современности. Шестая функция — консультативная. Ее смысл заключается в том, что, обладая новейшими данными относительно различных сфер знания и социальной жизни, интеллектуальная элита имеет возможность «давать советы» по принятию решений в различных сферах. Еще одна функция интеллектуальной элиты — коммуникативная. В рамках этой функции она осуществляет общесоциальное и профессиональное общение, способствуя

таким образом пониманию происходящих в социуме событий. Наряду с рассмотренными выше интеллектуальная элита выполняет, на наш взгляд, еще контролирующую функцию, определяющуюся логикой развития технологического процесса.

Очевидно, что в идеале интеллектуальная элита может реализовать свой деятельностный потенциал посредством выполнения ряда функций. Однако в реальной социальной практике их выполнение (да и сама интерпретация) не всегда адекватны и востребованы. Значительное влияние в процессе дифференциации функциональных нагрузок на интеллектуальную элиту оказывают культурно-исторические особенности, специфика состояния социума в тот или иной период времени. Наши исследования показали, что, в сравнении с идеальным набором функций, в реальной практике украинской интеллектуальной элиты минимально представлена ценностно-нормативная функция, консультативная, интеграционная и инновационная функции. Именно низкая востребованность интеллектуальной элиты в этих секторах деятельности может стать фактором торможения развития Украины.

Наряду с этим проблемой в функционировании интеллектуальной элиты выступает сегодня ряд объективных и субъективных ограничений интеллектуальной деятельности, в результате чего в современном украинском обществе негативный полюс восприятия интеллектуальной элиты в массовом сознании доминирует над позитивным, и это также становится препятствием на пути формирования общества интеллекта в Украине.

В целом, можно говорить, что данная общность объединяет в себе как сущностные черты классического понимания интеллектуальной элиты, так и те характеристики, которые приобретаются ею в конкретных социальных условиях.

Говоря об интеллектуальной элите в современном украинском обществе, можно отметить, что данная группа не только реально существует, но и интегрирует в себе целый ряд объективных и субъективных характеристик, которые связаны непосредственно с ее основным видом деятельности и со служением на благо общества.

«Помещение» интеллектуальной элиты в методологические рамки стратификационного подхода к анализу современных обществ, показало эффективность такого решения. Обусловлено это тем, что система стратификации опирается на большее число критериев, отражающих соответствие тех или иных позиций социальных субъектов доступу, обладанию и использованию ключевых ресурсов в социальной системе, чем классовый подход. Кроме того, сегодня, на наш взгляд, нет оснований говорить об идентичности больших групп людей в отношении их места в общественном производстве, а также их жизненных шансов.

В таком контексте важно, что сегодня в современном портрете верхушки общества практически отсутствует прослойка интеллектуальной элиты, которая наибольшим образом связана с развитием интеллектуального потенциала общества и формированием «общества интеллекта». Однако также слабо представительство интеллектуальных слоев и в нижней части современной стратификационной структуры переходных обществ. Это означает, что на сегодняшний день они сосредоточены преимущественно в срединной части его стратификационной структуры. Тем не менее, в целом, эта часть современных постсоветских обществ, несмотря на обширность, на сегодняшний день не располагает достаточными ресурсами и капиталами, необходимыми для формирования общества интеллекта. Определенный потенциал в данном отношении сохраняет интеллигенция.

Как показывает проведенный нами анализ, интеллигенция может рассматриваться сегодня как социальный источник рекрутирования интеллектуальной элиты. При этом потенциал интеллигенции в данном отношении не ограничивается ее атрибутивными (социально-экономическими или культурологическими) признаками. На наш взгляд, значительный пласт этого потенциала лежит в выполняемых интеллигенцией функциях. Сопоставление данных функций с функциями, выполняемыми интеллектуальной элитой, позволяет нам говорить о том, что и в функциональном плане интеллигенция выступает базой формирования интеллектуальной элиты.

В результате можно с уверенностью утверждать, что по своим чертам и функциональным особенностям интеллигенция выступает реальным социальным источником формирования интеллектуальной элиты. Однако исторические особенности стран могут накладывать свой отпечаток на протекание данных процессов. Например, сегодня при анализе социальной структуры формирующегося общества интеллекта невозможно не учитывать тот факт, что она представляет собой результат наложения друг на друга двух стратификационных сеток: прежней, традиционной, и новой, сложившейся (или складывающейся) благодаря трансформации социальных отношений. Это выступает свидетельством того, что процессы стратифицирования украинского общества и процесс формирования общества интеллекта на сегодняшний день в значительной степени не совпадают. При этом тенденции параллельного присутствия этих процессов порождают значительные противоречия в социуме, которые непосредственно отражаются на его социальной структуре. Соответственно, одной из задач современного украинского общества является создание благоприятных условий для становления средних слоев, которые обладают капиталами, необходимыми для развития общества интеллекта путем институциональной, финансовой и информационной поддержки различной социальной инновационной деятельности.

Данное направление позволит предоставить одной из ведущих групп в обществе интеллекта – интеллектуальной элите – возможности для формирования, развития и раскрытия своего потенциала, а обществу – более эффективно формировать свой интеллектуальный ресурс. Анализ показывает, что институционально максимальными возможностями для решения данного круга задач обладает система образования.

Сегодня можно говорить о том, что образование значительно изменилось под воздействием новых вызовов современности и в результате само стало одним из факторов кардинального изменения общественных систем. В силу этих причин образование заняло особую позицию в системе социальных институтов, характерную для развивающегося постиндустриального общества

и формирующегося общества интеллекта. Проявляется это в том, что образование во многом задает тон социокультурной и социально-экономической жизни страны; выступает своеобразным «экспертом» общественной жизни в целом и ее отдельных секторов, поскольку в нем сконцентрирован мощный интеллектуальный капитал; выступает источником развития общества, благодаря своему инновационному потенциалу; способствует формированию определенного типа личности, который является востребованным в современном социальном пространстве и будет востребован в нем завтра и т. д.

Особенно важно то, что в системе образования достаточно ярко начали проявляться меритократические тенденции, коррелирующие с аналогичными тенденциями в рамках развития всего общества. На наш взгляд, наиболее полное отражение данные тенденции получили в следующих векторах развития: возрастание общей роли образования в развитии человеческого капитала общества; численный рост «параметров» образования; изменение механизмов и принципов взаимодействия системы образования с рынком; повышение субъективной значимости образования в обществе; рост уровня доступности образования; расширение рамок образовательного пространства; повышение требований и соответственно самого качества образования; нацеленность системы образования на формирование творческой личности и разработка новых образовательных технологий, позволяющих решать данную задачу.

Таким образом, на сегодняшний день мы можем говорить о комплексе тенденций в развитии системы образования, которые позволяют ей активно участвовать в процессе формирования интеллектуальной элиты общества и развивать его интеллектуальный капитал. Однако очевидно и то, что в обществах транзитивного типа, к которым относится и Украина, существует ряд проблем, мешающих реализации потенциала меритократических тенденций. Краткий обзор таких проблем позволяет нам акцентировать внимание на трех их группах: нестабильность позиционирования образования в социуме, наличие слабой поддержки образования как сектора рынка труда при повышении

общей значимости образования и проблемы адекватности образовательных технологий внутри системы образования.

Тем не менее позитивные тенденции в системе образования позволяют говорить о том, что отдельные его компоненты могут полноценно участвовать в формировании общества интеллекта и его интеллектуальной элиты. Это, прежде всего, механизмы развития элитного образования (как образования высокого качества); а также непрерывное образование как фактор развития интеллектуального потенциала украинского общества. Благодаря этим и ряду других механизмов, развивается творческий потенциал личности, стимулируется ее активная позиция, обеспечивается инновационный подход к получению знаний, проектируется индивидуальная образовательная траектория личности и т. д.

Особую значимость в данной связи, в том числе и с точки зрения формирования интеллектуальной элиты, приобретает высшее образование, в рамках которого происходит более осознанный выбор образовательной и жизненной стратегии и ее корректировка. Сегодня можно говорить о том, что в рамках этой ступени образования сложилось несколько основных направлений, которые стали ответом на новые потребности развития общества в условиях его перехода к новому состоянию — обществу знания и интеллекта. Среди них, прежде всего, можно назвать индивидуализированное обучение, активизацию организации самостоятельной работы, интеллектуализацию обучения, формирование нового качества взаимоотношений между преподавателями и студентами, ориентация на саморазвитие и др.

Наши исследования показывают, что получение высшего образования рассматривается социальными субъектами в том числе и как возможность войти в интеллектуальную элиту общества. В целом, интеллектуальная стратификация постсоветской молодежи с точки зрения общества интеллекта выглядит следующим образом: интеллектуальная элита; интеллектуалы; неинтеллектуальная молодежная масса; маргиналы. Можно согласиться с тем, что процесс дифференциации студенчества сегодня достаточно четко направлен на формирование интеллектуальной элиты.

Таким образом, образование — непосредственный канал формирования интеллектуальной элиты, который оказывает влияние на всю социальную структуру общества. На наш взгляд, можно выделить несколько аргументов в пользу такого положения образования, добавив их к тем особенностям его позиционирования в современном обществе, о которых мы уже говорили выше. Прежде всего, то, что уровень и качество образования являются одними из ключевых характеристик успешности социума и, соответственно, находят свое отражение в системе социальной стратификации. Во-вторых, образование рассматривается сегодня как ресурс, благодаря которому социальные субъекты способны трансформировать социальную систему, изменить ее качество и создать собственный «капитал успешности». Оба аспекта, по нашему мнению, важны для понимания того, как образование участвует в конструировании общества нового типа (общества интеллекта) и интеллектуальной элиты как одной из ведущих в нем групп.

Взгляд на процессы взаимодействия общества и интеллектуальной элиты свидетельствует, что существуют различные механизмы данного взаимодействия, корни которого лежат в традиционных социальных институтах общества. Наиболее концентрированным данное взаимодействие является в рамках системы образования, которая, с одной стороны, оказывает стимулирующее воздействие, а с другой — выступает генератором тех или иных отношений в рамках социума, транслятором культуры, норм, «правил игры» в рамках социальной системы. Взаимодействие системы образования и интеллектуальной элиты также носит особенный характер в силу того, что интеллектуальная деятельность всегда предполагает инновации, поиск. Система же образования может носить традиционный характер, не стимулирующий рост инноваций и поиск новых нестандартных решений, не поощрять отличные от стандартных подходы к решению проблем и т. д. В такой системе интеллектуальная элита руководствуется преимущественно внутренними мотивами деятельности, не ожидая общественного признания.

Образование как одна из детерминант развития социальной структуры общества имеет несколько уровней своего воздействия, которые важны для понимания процессов формирования интеллектуальной элиты. На наш взгляд, его механизмы затрагивают следующие уровни: мегауровень (социетальный) – интегрированный в жизнедеятельность всего общества; макроуровень (институциональный) – затрагивающий деятельность социальных институтов; а также микроуровень (субъектный) – детерминированный взаимодействием человека с его ближайшим окружением. В целом же, наличие мощной образовательной и научной среды, как демонстрирует мировой опыт, позволяет сформировать базовые компоненты интеллектуального потенциала общества, в частности кадровый и технологический. Именно поэтому развитие данных социальных институтов носит приоритетный характер во многих странах мира.

Таким образом, базовые черты современных обществ непосредственно связаны с изменением роли интеллектуального труда во всех сферах жизнедеятельности общества, актуализацией знаниевых и интеллектуальных ресурсов в социальных процессах, выходом на первый план тех социальных групп, которые максимально продуцируют данные ресурсы и обеспечивают стабильный прогресс общества. Сегодня активно развивающийся интеллект «вытесняет» другие ресурсы на второй план и приобретает надгосударственный характер, благодаря чему формирует новую систему социальных взаимоотношений, в которой рождаются и новые типы социальных статусов. Для постиндустриального типа общества актуальным в этой связи становится генерация и регулирование интеллектуальных и информационных потоков. Именно поэтому важным представляется роль интеллектуальной элиты в этих процессах.

Отчасти завеса над этими процессами еще чуть приоткрылась, но вопросы по-прежнему остаются. И ответы на них – задача будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. — М.: Экономика, 2004. — 624 с.
2. Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социол. исслед. — 2005. — № 1. — С. 54–65.
3. Авджан Е. Г. Неравенство в образовании и распределение символических ресурсов // Социальное неравенство в современном обществе. — М., 1998. — С. 97–102.
4. Алексеева И. Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информ. об-во. — 2001. — Вып. 2. — С. 5–9.
5. Алексеева М. С. Интеллигенция: проблема самоидентификации в контексте внешних и внутренних импульсов // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003 г. Ч. 1. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 164–169.
6. Алпатов В. О социальной структуре постсоветского общества // Диалог. — 1995. — № 2. — С. 61–66.
7. Альтбах Ф. Г. Знание и образование как международный товар: крушение идеи общественного блага // Alma mater. — 2002. — № 7. — С. 40–44.
8. Амелин П. П. Интеллигенция и социализм. — Л., 1970. — 150 с.
9. Андрущенко В. Інтелігентна моральність невизначеності: спогади про майбутнє // Нравственные императивы интеллигенции: Материалы IV Междунар. науч.-теоретич. конф. по проблемам современной интеллигенции, Харьков, февр. 2006 г. — Х.: Изд-во НУА, 2006. — С. 18–19.
10. Аннан К. Ключ к искоренению всемирной нищеты // Независимая газета. — 2000. — 21 дек. — Режим доступа: www.ng.ru/politics/2000-12-21//3-key.html
11. Анурин В. Ф. Интеллектуальная собственность: социологические аспекты // Интеллектуальная собственность в информационном обществе: Тез. докл. I Междунар. Нижегород. ярмарки идей. — Н. Новгород, 1998. — С. 45–50.
12. Анурин В. Ф. Постиндустриальное и/или коммунистическое общество // Социол. исслед. — 1999. — № 7. — С. 25–33.
13. Анурин В. Ф. Социальный интеллект как продукт цивилизации // Культура и цивилизация: Вопросы теории и истории: Межвуз. сб. науч. тр. — Н. Новгород: Изд-во НКИ, 1998. — С. 47–66.
14. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М.: Прогресс: Политика, 1993. — 608 с.

15. Астахова В. И. Гражданственность как критерий нравственности интеллигенции // Нравственные императивы интеллигенции: Материалы IV Междунар. науч.-теоретич. конф. по проблемам современной интеллигенции, Харьков, февр. 2006 г. — Х.: Изд-во НУА, 2006. — С. 19–22.

16. Астахова В. И. Закономерности формирования и развития социалистической интеллигенции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 09.00.02; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 1980. — 30 с.

17. Астахова В. И. Интеллектуальный кризис в Украине: проявления, причины и пути преодоления // Современ. об-во. — 1992. — № 3. — С. 30–38.

18. Астахова В. И. О социальной роли и ответственности интеллигенции в трансформирующемся обществе // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 5–12.

19. Астахова В. И. Украинская интеллигенция: социально-политический портрет на фоне разлома // Учен. зап. Харьк. гуманит. ин-та «Нар. укр. акад.». — Х., 1996. — Т. 2. — С. 7–18.

20. Астахова В. И. Формирование творческой личности — основа современной парадигмы образования // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — Х.: Око. — Т. VII. — 2001. — С. 45–51.

21. Астахова В. И. З досвіду становлення інноваційного модуля безперервної освіти (перші підсумки експерименту) // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — 2003. — Т. 9. — С. 7–22.

22. Астахова Е. В. Из опыта становления системы непрерывного образования в Харьковском регионе // Новий колегіум. — 2003. — № 2. — С. 3–8.

23. Астахова Е. В. Интеллигенция в кризисном социуме (к истории вопроса) // Учен. зап. Харьк. гуманит. ин-та «Нар. укр. акад.». — 1998. — Т. 4. — С. 17–31.

24. Астахова Е. В. Интеллигенция на рубеже столетий: к вопросу о перспективах // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 13–14.

25. Ашин Г. К. Миф об элите и «массовом обществе». — М.: Междунар. отношения, 1966. — 160 с.

26. Ашин Г. К. Правящая элита и общество // Свобод. мысль. — 1993. — № 7. — С. 15–21.

27. Ашин Г. К. Проблемы элитного образования в зарубежной социологии // Социол. исслед. — 2005. — № 2. — С. 87–95.

28. Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. — М.: Междунар. отношения, 1985. — 256 с.

29. Ашин Г. Элита, средний класс, масса: поиск демократического оптимума. — Режим доступа: <http://www.reklama.ru/cgi-bin/href/cit?7601615>
30. Бабочкин П. И. Современное студенчество и будущее российской элиты. — Режим доступа: http://www.mirea.ac.ru/WWWNIIVO/mag/mag5-6_99/mag5-6_99.htm
31. Баранников В. Русская интеллигенция: родовая миссия // Высш. образование в России. — 2001. — № 3 — С. 86—94.
32. Баранов А. А., Иванова Н. Г. Влияние социальной дифференциации на образовательные ориентации горожан // Социол. исслед. — 2003. — № 2. — С. 72—78.
33. Бауман З. Социологическая теория постмодерна // Человек и общество. Хрестоматия / Под ред. С. А. Макеева. — К.: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. — С. 255—267.
34. Бевзенко Л. Проблема элиты с точки зрения социальной самоорганизации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 2. — С. 118—135.
35. Бедрик Р. Гуманитарные аспекты глобализации // Глобализация: Обзорные статьи. — Б. в. с., Б. г. — С. 26—33.
36. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию: Пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
37. Беленок А. А. Каковы гуманитарии, таково и государство // Рус. мир. — 2004. — № 3(22). — С. 4—5.
38. Беленький В. Х. Еще раз об интеллигенции // Социол. исслед. — 2004. — № 4. — С. 94—102.
39. Беленький В. Х. История, функции и структура интеллигенции // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июня. 2003 г. Ч. 1. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 113—121.
40. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
41. Белл Д. Информация и телекоммуникации в постиндустриальном обществе. Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
42. Белл Д. Прихід постіндустріального суспільства // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. Хрестоматія. — К.: Либідь, 1996. — С. 194—250.
43. Белов В. О профессионализме и назначении интеллектуала // Высш. образование в России. — 2002. — № 5. — С. 65—71.
44. Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социол. исслед. — 2001. — № 6. — С. 44—53.
45. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе): Пер. с англ. — М.: Прогресс-Универс, 1994. — 320 с.

46. Бердяев Н. А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Новый мир. — 1990 — № 1. — С. 228—231.
47. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 24—42.
48. Белова Л. Безперервна освіта: напрямки розвитку // Новий колегіум. — 2003. — № 1. — С. 6—10.
49. Бичук І. Концепція «провідної верстви» В'ячеслава Липинського // Психологія і суспільство. — 2004. — № 4. — С. 211—217.
50. Богоявленская Д. Б., Петухова И. А. Структура интеллектуальной активности // Новые исслед. в психологии. — 1980. — № 1.
51. Болотин И. С. Интеллигенция в трансформирующемся обществе // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июн. 2003 г. Ч. 1. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 98—101.
52. Бочарова О. Высшее образование в России: вертикальная мобильность и социальная защита [Электрон. ресурс] // Отеч. зап. — 2002. — № 1. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/1/boch.html>
53. Братута Э., Шаронова Н. Роль фундаментальных законов в подготовке специалистов элитного уровня // Новий колегіум. — 2004. — № 3. — С. 9—14.
54. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. — М.: Междунар. отношения, 1974. — 328 с.
55. Бурлачук Л., Беков Х., Володіна Н. Вікові зміни в інтелекті і працездатність у літньому віці: хто працюватиме в ХХІ столітті? // Психологія і суспільство. — 2004. — № 4. — С. 182—188.
56. Бутенко И. А. Интеллигенция, интеллектуалы, народ // Социол. исслед. — 1998. — № 12. — С. 131—133.
57. Бутенко И. А. Рецензия на книгу А. Беланже «Этика капитализма и миссия интеллектуала» // Социол. исслед. — 1998. — № 10.
58. Быкова С. Н. Проблемы взаимодействия социальной структуры и образования в американской буржуазной социологии. — Автореф дис. ... канд. филос. наук 09.00.09 — прикладная социология. — М.: Ин-т СИ АН СССР. — 1977. — 24 с.
59. Валлерстайн И. Интеллектуалы в век перехода // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 3. — С. 42—56.
60. Васильев В., Сухорукова М. Информационное общество и образование // Высш. образование в России. — 2004. — № 7. — С. 122—129.
61. Вебер М. Основные понятия стратификации // Человек и общество. Хрестоматия. — К., 1999. — С. 86—106.

62. Вебер М. Сословия и классы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. — 2003. — № 4. — С. 141–148.

63. Вейт С. М. Личностная система непрерывного профессионального образования // Сайт департамента образования и науки администрации Липецкой области. — Режим доступа: http://www.deptno.lipetsk.ru/conferencia/teoria_neprr_obr/33.html

64. Вершловский С. Непрерывное образование как фактор социализации [Электрон. ресурс]; Сайт общества «Знание» // Новые знания. Журнал по проблемам образования взрослых. — 2001. — № 1. — Режим доступа: http://www.znanie.org/gurnal/n1_01/neprreriv_obraz.html#up

65. Весоловский В. Классы, слои и власть. — М.: Прогресс, 1981. — 232 с.

66. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — 462 с.

67. Висока місія інтелігенції [з інавгураційної промови Президента України Л. Д. Кучми 30 листопада 1999 року] // Українська культура. — 2000. — № 2. — С. 3.

68. Вовканич С. Національна еліта та інтелектуальний потенціал нації (епістемологічний аспект) // Філософська і соціологічна думка. — 1996. — № 7–8. — С. 3–15.

69. Волков С. В. О судьбе образованного сословия в России и перспективах его восстановления // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности / Под ред. А. И. Студеникина. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — С. 54–70.

70. Волкова В. Л., Стрельбицкая Л. И. Роль высшей школы в формировании интеллектуальных ресурсов НТП // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса: Тез. докл. 3–24 мая 1988 г. Нальчик. — М.: ВНИИПИ, 1988. — С. 59–62.

71. Вятр Е. Местные элиты и демократические перемены (Польша, 1990–2002 гг.) // Социол. исслед. — 2005. — № 1. — С. 15–21.

72. Гаврилюк Л. В., Гаврилюк Ю. М. Українська інтелігенція і суспільство // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 16–19.

73. Галицких Е. Интеллигентность — основа становления будущего педагога // Высш. образование в России. — 2001. — № 3. — С. 79–85.

74. Галкин А. А. Тенденции изменения социальной структуры // Социол. исслед. — 1998. — № 10. — С. 85–91.

75. Галсанова С. Д. Интеллигенция в период реформ // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26–27 июня, 2003 г. Ч. III. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 152–157.

76. Гаман-Голутвина О. Стратегия развития в ценностном поле российской элиты // Политическая мысль. — 2000. — № 2. — С. 18–25.

77. Гарднер Х. Образование для будущего // Социология образования. Дайджест Российской и зарубежной прессы. — 2003. — № 7. — С. 20–23.

78. Гвоздева Е., Высоцкий Е. Есть ли стимул работать в российской науке? // Высш. образование в России. — 2005. — № 1. — С. 99–109.

79. Герасина Л. Н. О пассионарной роли интеллигенции в эпохи трансформации и модернизации // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 19–21.

80. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социол. исслед. — 1992. — № 9. — С. 112–123.

81. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с.

82. Гинзбург М. Р. Неинтеллектуальные факторы интеллектуальной активности // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. Под ред. О. К. Тихомирова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — С. 161–167.

83. Голенко З. Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социол. исслед. — 1998. — № 10. — С. 77–84.

84. Голенко З. Т. Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия: Трансформирующееся общество. — М.: Канон-пресс-Ц, 2001. — С. 90–103.

85. Голенко З. Т., Игитханян Е. Д. Профессионалы — портрет на фоне реформ // Социол. исслед. — 2005. — № 1. — С. 28–36.

86. Голенко З. Х., Игитханян Е. Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социол. исслед. — 1999. — № 9. — С. 22–33.

87. Головатий М. Чи є в Україні розумні люди, або чому так важко ми просуваємося в процесах державотворення // Віче. — 1998. — № 4 (73). — С. 100–107.

88. Головачёв Б. В., Косова Л. Б. Высококатегоріальні групи: штрихи к социальному портрету // Социол. исслед. — 1996. — № 1. — С. 45–51.

89. Голубев А. В. Советская интеллигенция и внешний мир: уроки 1930-х годов // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности / Под ред. А. И. Студеникина. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — С. 120–131.

90. Гохберг Л., Кузнецова И. Вузовская наука: перспективы развития // Высш. образование в России. — 2004. — № 4. — С. 107–120.

91. Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Психологические проблемы научной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга, 1994. — Ч. 2, Кн. 1. — С. 10–17.

92. Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – С. 227–268.

93. Гудков Л. Д., Дубин Б. П. Интеллигенция. – М., 1995.

94. Гуманитарная интеллигенция в череде поколений (обзор работы «круглого стола», проведенного совместно кафедрой социологии Российского государственного гуманитарного университета и Научно-исследовательским центром при Институте молодежи) // Социол. исслед. – 2000. – № 1. – С. 138–141.

95. Гуревич П. С. Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии. – М.: Наука, 1981. – С. 74–134.

96. Гуревичов М. Рынок интеллектуальных продуктов Украины // Экономика Украины. – 1994. – № 5. – С. 30–37.

97. Гэлбрайт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969.

98. Дай Т. Р., Зиглер Л. Х. Демократия для элиты (введение в американскую политику). – М.: Юрид. лит.-ра, 1984. – 320 с.

99. Дамберг С. В., Семенков В. Е. Исследование элиты как симптом утраты элитарности // Журн. социологии и соц. антропологии. – 1999. – Т. 2. – Вып. 2. Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1999/2/9rezdam.html>

100. Данилова З. А. Интеллигенция и социальные перемены // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003 г. Ч. I. – М. – Улан-Удэ, 2003. – С. 129–133.

101. Делягин М. Мы можем не только выжить, но и извлечь из процесса стратегическую выгоду // Глобализация: Обзорные статьи. – Б. в. с., Б. г. – С. 7–12.

102. Демиденко Э. С. Перспективы образования в меняющемся мире // Социол. исслед. – 2005. – № 2. – С. 80–86.

103. Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 99–111.

104. Дилигенский Г. Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 410–412.

105. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социология: В 3 т. Т.2: Социальная структура и стратификация. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 536 с.

106. Добренъков В. И., Нечаев В. Я. Общество и образование. — М.: Инфра-М, 2003. — 381 с.
107. Добрынин Н. Ф. Интеллект и внимание // Психологические исследования интеллектуальной деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — С. 198—203.
108. Довбня А. Н., Довбня Е. Н. Место и роль интеллигенции в современной Украине // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 26—28.
109. Довженко Ю. С. К уточнению смыслового поля понятия «интеллектуальная элита античного мира». — Режим доступа: <http://www.centant.ru/centrum/publik/confcent/1995-11/dovzsh.htm>
110. Довженко Ю. С. О научной конференции «Интеллектуальная элита античного мира» (6-11. XI. 1995). — Режим доступа: <http://www.sno.7hits.net/hermes/archiv/polem/arch15.htm>
111. Долженко О. Университетская культура как источник и условие гражданской позиции интеллигенции // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 126—133.
112. Доманський Х. Появление в Польше меритократии // Социол. исслед. — 2002. — № 6. — С. 29—49.
113. Друкер П. Посткапиталистическое общество: новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. — М.: Academia, 1999.
114. Дьюи Дж. Демократия и образование: Пер. с англ. — М.: Педагогика — Пресс, 2000. — 384 с.
115. Дэвис К, Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация; Отв. ред. С. А. Белановский. — Вып. 1. — М., 1992. — С. 160—177.
116. Дэвис К. Функционалистское обоснование стратификации // Человек и общество. Хрестоматия / Под ред. С. А. Макеева. — К.: Инт социологии НАН Украины, 1999. — С. 107—117.
117. Заборовский В. Эволюция социальной структуры: перспектива поколений // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 1. — С. 8—35.
118. Задорожнюк И., Задорожнюк Е. Европейские социал-демократы о путях к «обществу знаний» // Высш. образование в России. — 2004. — № 7. — С. 104—108.
119. Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — 400 с.

120. Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социол. исслед. — 2001. — № 8. — С. 3—11
121. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Обществ. науки и современность — 1997. — № 2. — С. 5—23.
122. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Образование как ресурс информационного общества // Социол. исслед. — 2005. — № 7. — С. 107—113.
123. Зборовский Г., Шуклина Е. Самообразование — парадигма XXI века // Высш. образование в России. — 2003. — № 5. — С. 25—32.
124. Згуровский М. Дипломированное псевдообразование или противоречия переходного периода в сфере высшего образования Украины // Зеркало недели. — № 6 (585). — 18 февр. 2006. — С. 14.
125. Згуровский М. Путь к обществу, основанному на знаниях // Зеркало недели. — № 2 (585). — 21—27 янв. 2006. — С. 14.
126. Зиятдинова Ф. Г. Социальные проблемы образования. — М.: Российск. гос. ун-т, 1999. — 282 с.
127. Змеев С. И. Высшая школа и непрерывное образование в капиталистических странах // Вестн. высш. шк. — 1988. — № 5. — С. 87—90.
128. Зоткин А. Некоторые аспекты элитогенезиса в Украине и Крыму // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 1. — С. 202—211.
129. Зусьман О. М. Библиометрическое выявление факторов, способствующих формированию научной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 2. — Кн. 1. — С. 49—61.
130. Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция. — Берлин: Скифы, 1920.
131. Иванченко В. В. О содержании понятия «русская интеллигенция» в базовом курсе культурологии // Интеллигентоведение: проблемы становления нового вузовского курса: Материалы межгосуд. заоч. науч.-метод. конф., июнь 1999. — Иваново, 2000. — 88 с.
132. Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 185—209.
133. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации / Е. А. Якуба, О. Д. Куценко, Л. М. Хижняк, М. А. Безносков, И. А. Евдокимова. — Х.: Основа, 1997. — 230 с.
134. Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917—1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа: Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Ин-т социологии РАН, 1996. — 349 с.
135. Ильин Г. П. Образование после образования (от педагогической парадигмы к образовательной) [Электрон. ресурс]; Сайт общества «Знание»

// Новые знания. Журн. по проблемам образования взрослых. — 2000. — № 1. — Режим доступа: www.znanie.org/gurnal/n1/st_obraz_posle_obraz.html

136. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социол. исслед. — 2000. — № 6. — С. 67–77.

137. Интеграция интеллектуалов — интеграция Европы / Речь профессора д-ра Юзефа Юлиана Жюлковского, проректора по науке и международным связям Вроцлавского университета, произнесенная на торжественном заседании Ученого совета СПбГУ по случаю присуждения ему звания почетного доктора Санкт-Петербургского университета. — Режим доступа: <http://www.spbumag.nw.ru/2000/15/6.html>

138. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 2. — Кн. 2. — СПб.: СПбУЭФ, 1994. — 92 с.

139. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 1. — СПб.: СПбУЭФ, 1993.

140. Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 2. — Кн. 1 / Под ред. С. А. Кугеля. — СПб.: СПбУЭФ, 1994. — 116 с.

141. Интеллектуальный капитал — стратегический потенциал организации. — М.: Изд. дом «Социальные отношения», 2003. — 178 с.

142. Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX–XXI веков // Социол. исслед. — 2002. — № 1. — С. 143–146.

143. Интеллигенция советской Украины. — К.: Наук. думка, 1988. — 187 с.

144. Иодл М. Теория элиты и проблема элиты. — М.: Наука, 1975.

145. История социологии в западной Европе и США. — М.: Наука, 1993. — 424 с.

146. Каган М. С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.anthropologia.spbu.ru/ru/texts/kagan/repr_0.html

147. Карабущенко П. Л. Теории элит и проблемы образования // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.astu.astranet.ru/tusovka/4/7.htm>

148. Каралис Я. Интеллигенция в современном мире // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности / Под ред. А. И. Студеникина. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — С. 283–293.

149. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы Томаса Карлейля: Пер. с англ. — 2-е изд. — СПб, 1988. — 340 с.

150. Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // Социол. исслед. — 2001. — № 3. — С. 66–72.

151. Кармазіна М. Українська інтелігенція XIX – початку XX ст. // Історія України. – 1999. – Січ., № 3 (115). – С. 1–2.
152. Кириленко Г. Г. Посланник трех миров: интеллигенция в Российской культуре // Социол. исслед. – 1997. – № 3. – С. 74–83.
153. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С. Макеева. – К.: Ин-т социологии НАН Украины, 2003. – 258 с.
154. Клемет К. На пути к «Knowledge Society» // Вестн. высш. шк. – 2005. – № 2. – С. 17–19.
155. Коваль Т. Б. Элита и нравственность // Мир России. – 1995. – Т. 4. – № 3–4. – С. 131–157.
156. Кокорина Л. А. Интеллигенция как субъект духовного производства в условиях постиндустриального общества // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – 2001. – Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. – С. 41–44.
157. Колбановский В. В., Осипов Г. В. Антинародная сущность теорий «элиты» // Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – С. 337–373.
158. Коллектив приверженцев разума. Устройство общества // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kpr.nagod.ru/ustrobsch.html>
159. Кон М. Л., Хмелько В., Паниотто В., Хунг Хо-Фунг Социальная структура и личность в процессе радикальных социальных изменений: анализ Украины в период трансформаций // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 3. – С. 24–64.
160. Кооп А. В. Роль университетов в формировании социальной структуры социалистического общества // Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции. – Таллин, 1981. – 131 с.
161. Кордонский С. Интеллигенция в роли национальной интеллектуальной элиты // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.astu.astranet.ru/tusovka/4/7.htm>
162. Крамаренко В. Ю., Крутько В. Н. Методологические аспекты исследования структуры человеческого интеллекта и возможностей ее модификации // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса: Тез. докл. 23–27 мая 1988 г., г. Нальчик. – М.: ВНИИПИ, 1988. – С. 117–120.
163. Красноженова Г. Самооценка вузовской элиты // Высш. образование в России. – 1998. – № 3. – С. 29–34.
164. Кремень В. Г. Еліта, інтелігенція – провідники нації // Освіта України. – 1999. – 8 верес. – С. 7.

165. Кругов М. Пароход уперся в берег... Интеллектуальный застой в российских водах. — Режим доступа: http://www.rusglobus.net/rg_ru/investigations/articles/krugov.htm

166. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. — М.: Захаров, 2005. — 384 с.

167. Крыштановская О. В., Хуторянский Ю. В. Элита и возраст: путь наверх // Социол. исслед. — 2002. — № 4. — С. 49–60.

168. Кувалдин В. Б. Американский капитализм и интеллигенция. — М.: Наука, 1983. — 366 с.

169. Кугель С. А. Интеллектуальная элита: структура и функции // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 2. — Кн. 1. / Под ред. С. А. Кугеля. — СПб.: СПбУЭФ, 1994. — С. 4–9.

170. Култыгин В. П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (историко-методологический обзор) // Социол. исслед. — 2002. — № 4. — С. 121–129.

171. Купер Д., Робертсон А. Психология в отборе персонала. — СПб.: Питер, 2003. — 240 с.

172. Куценко О. Д. Интеллигенция: фантом или реальный актер? // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под. ред. Т. И. Заславской. — М., 2001. — С. 208–225.

173. Куценко О. Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе. Попытки западной социологии. — Х.: Вид. центр Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна, 2000. — 316 с.

174. Куценко О. Д. Становление социальных классов как проявление самоорганизационных процессов в обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 4. — С. 122–133.

175. Куценко О. Д. Функционирующая элита: кристаллизация элитных сетей в Украине // Вест. Харьк. ун-та ім. В. Н. Каразіна. — 2001. — № 511. — С. 16–21.

176. Куценко О. Д., Бахтигозина М. В. Классовое самоопределение интеллигенции // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 49–51.

177. Куценко О. Тенденции формирования и структура региональной элиты на Украине // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3-х кн.: Кн. 2. Россия, Украина, Белоруссия / Общ. ред. А. Зверев, Б. Каипичперс, Д. Тренин. — М., 1997. — С. 194.

178. Ладенко И. С. Интеллектуальная культура специалистов и средства ее формирования // Интеллектуальная культура специалиста: Сб. науч. трудов. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 14—27.
179. Лакс Дж. Интеллектуалы и мужество // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности / Под ред. А. И. Студеникина.— М.: Эдиториал УРСС, 1996. — С. 228—237.
180. Латигіна Н. Елітарні теорії: сучасне бачення // Віче. — 1998. — № 8 (77). — С. 119—126.
181. Левендорский В. З. Россия: государство без элиты. — Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/1/lewendorskij_w_z/rossiagosudarstwobezlity.shtml
182. Левкович-Маслюк Л. Почему повесился Березовский? — Режим доступа: <http://www.computerra.ru/offline/1999/320/3315/>
183. Левоненко А. Туган-Барановский и другие о судьбах русской интеллигенции // Время. — 2005. — 11 янв. — С. 3.
184. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. — М.: Мысль, 1971. — 368 с.
185. Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1981. — Т. 39. — С. 1—29.
186. Лешкевич Т. Г. Философский портрет ученого. Научная элита и интеллектуалы // Философия науки: традиции и инновации. — М., 2001. — С. 93—101.
187. Линтон Р. Статус и роль // Человек и общество. Хрестоматия. — К., 1999. — С. 29—37.
188. Липинський В. Листи до братів-хліборобів: Про ідею і організацію українського монархізму. — К.: Філадельфія, 1995. — 471 с.
189. Липовская Н. А. Интеллектуальный потенциал общества: сущность и динамика (социологический аспект анализа): Автореф. дис... канд. социол. наук по специальности 22.00.06 — социология культуры, образования и науки. — Днепропетр. гос. ун-т. — Днепропетровск, 1996. — 20 с.
190. Лисиця Н. М., Скориніна О. В., Кислова О. М. Формування еліти в середовищі студентської молоді // Україн. соціум. — 2005. — № 2—3 (7—8). — С. 59—67.
191. Лозовой В. А., Пугина И. Н. Культура личности, интеллект, творчество // Интеллектуализация общества и творчество. — Новосибирск, 1991. — С. 91—101.
192. Ломовицкая В. М., Петрова Т. А., Фомин А. С. Механизмы использования потенциала, формирования и сохранения интеллектуальной элиты // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 2. — Кн. 1. — С. 36—49.

193. Лоншакова Н. А., Павлов Б. С. О некоторых проблемах воспроизводства интеллектуального потенциала регионального сообщества // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф. — Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003. — Ч. 1. — М. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2003. — С. 78–83.
194. Лотман Ю. Интеллигент может ошибаться, но за ошибки готов платить // Вестн. высш. шк. — 2002. — № 4. — С. 43–44.
195. Лучникова Е. М. Изучение генетической компоненты в детерминации интеллектуальных способностей человека // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. — Ч. 2. — Кн. 1. — С. 25–35.
196. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: Пер. с англ. — М.: Логос, Прогресс, 2002. — 224 с.
197. Макеев С. А. Социальная мобильность и идентичности в структурной перспективе // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Зб. наук. праць. — Х., 1999. — С. 9–14.
198. Макеев С. Классовый анализ в современной социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 3. — С. 5–22.
199. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия о военном искусстве. — М.: Мысль, 1996. — 639 с.
200. Малахов В. Интеллигенция и элита: становление в современной Украине // Политическая мысль. — 1994. — № 3. — С. 20–21.
201. Мамардашвили М. Интеллигенция в современном обществе // Как я понимаю философию. — М.: Прогресс, Культура, 1992. — С. 283–290.
202. Маннгейм К. Консервативная мысль // Социол. исслед. — 1993. — № 1. — С. 126–138.
203. Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Прогностическая, нормативная и поисковая модель студента в процессе интервальных социологических исследований // Соврем. пробл. приклад. социологии и социал. психологии в трудовых коллективах: Тез. докл. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — С. 299–300.
204. Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Молодой интеллигент развитого социалистического общества. — М.: Наука, 1981. — 289 с.
205. Мансуров В. А., Семенова Л. А. Интеллигенция конверсируемых предприятий // Социол. исслед. — 1998. — № 10. — С. 96–105.
206. Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
207. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Сочинения. — М., 1978. — Т. 3. — Кн. 3. — Гл. 52.
208. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. — Т. 1. — М., 1955. — С. 31–34.

209. Марцинковский И. Ключевые проблемы образования в контексте интеллектуального потенциала будущего: сравнительно-педагогический аспект // Вестн. высш. шк. – 2001. – № 7. – С. 41–44.

210. Материалы научно-исследовательской работы социологической службы за 2001–2002 гг. – X., 2002. – 104 с. [Неопубл. рукопись]

211. Медреш Е. Гуманитарные парадоксы в эпоху глобализации // Доклады, статьи и выступления участников проекта «Вече Украины». – Б. в. с., март–май 2003. – С. 35–42.

212. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Человек и общество: Хрестоматия. – К., 1999. – С. 38–76.

213. Мертон Р. Эффект Матфея в науке. Совокупное преимущество и символичность интеллектуальной собственности // Введение в социологию науки. – Ч. 2. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1992. – С. 2–21.

214. Микуленко С. Е. Проблема просвещенного патриотизма // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 12. Политические науки. – 2001. – № 1. – С. 84–93.

215. Миллс Р. Интеллектуальное мастерство // Социол. исслед. – 1994. – № 1. – С. 107–113.

216. Милуков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – С. 294–381.

217. Мирская Е. З. Роль международных взаимодействий в профессиональной деятельности российских ученых // Вестн. Рос. акад. наук. – 1997. – Т. 67. – № 4. – С. 291–299.

218. Михайлева Е. Г. Интеллектуальный потенциал украинского общества: факторы формирования развития в условиях современности // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. праць. – X., 2003. – С. 107–110.

219. Михайлева Е. Г. Интеллектуальный труд и интеллектуальная элита в общественном развитии (обзор методологических подходов) // Ученые зап. Харк. гуманит. ун-та «Нар. укр. акад.». – 2003. – Т. 9. – С. 86–96.

220. Михайлева Е. Г. Интеллигенция или интеллектуальная элита: где искать в будущем современного студента? // Молодь в умовах нової соціальної перспективи: Матеріали ІХ Міжнар. наук.-прак. конф.; Житомир 23–24 трав., 2007. – Ч. 1. – С. 18–19.

221. Михайльова К. Г. Меритократичні тенденції в сучасній системі освіти // Сучасний стан вищої освіти в Україні: проблеми та перспективи. Всеукр. наук.-практ. конф.: Тези доп. – К., 24–25 трав. 2000 р. – К.: Вид. центр «Київський ун-т», 2000. – С. 103–104.

222. Михайлева Е. Г. Непрерывное образование как фактор развития интеллектуального потенциала украинского общества. — Х.: Изд-во НУА, 2005. — 142 с.
223. Михайлева Е. Г. Нужна ли интеллигенция обществу интеллекта // Гражданские позиции интеллигенции: «Камо грядеши?...»: Сб. ст. по материалам Междунар. теоретико-методол. конф., 31 марта 2004 г. — М., 2004. — С. 183–190.
224. Михайлева Е. Г. Ценности и ценностные ориентации в современной социокультурной образовательной среде. — Х.: Изд-во НУА, 2004. — 48 с.
225. Михайлева Е. Г., Овакимян О. С. Высшее образование в частных вузах постсоветского пространства: взгляд студентов (по материалам международного сравнительного исследования). — Х, 2002. — 36 с.
226. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социол. исслед. — 2000. — № 1. — С. 107–114.
227. Моска Г. Правящий класс // Социол. исслед. — 1994. — № 12. — С. 97–118.
228. Нарта М. Теория элит и политика. — М.: Прогресс, 1978. — 238 с.
229. Науково-освітній потенціал нації. Погляд у ХХІ століття. — Кн. 2. Освіта і наука. Творчий потенціал державо і культуротворення. — К.: Навч. кн., 2003. — 671 с.
230. Наумова Т. В. Интеллигенция как составная часть правящего слоя России // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003 г. — Ч. II. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 171–177.
231. Неклесса А. И. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Глобализация: Обзорные статьи. — Б. в. с., Б. г. — С. 45–53.
232. Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине. — Х.: Изд-во НУА, 2006. — 300 с.
233. Непрерывное образование: чтобы концепция заработала: фрагменты «круглого стола», 1991 г. // Alma mater. — 1999. — № 9. — С. 39–44.
234. Никитина Т. В. О понятии «гуманитарная интеллигенция»: социологический подход // Социол. исслед. — 1993. — № 2. — С. 33–41.
235. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М.: «РЕГ-воок», 1994. — 352 с.
236. Носенко Е. Емоційний інтелект як соціально значуща інтегральна властивість особистості // Психологія і суспільство. — 2004. — № 4. — С. 95–109.
237. Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности («круглый стол») // Социол. исслед. — 2003. — № 5. — С. 89–100.

238. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – С. 382–405.

239. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 5-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1963. – 900 с.

240. Оксамитна С. Динаміка соціальної структури та соціальної мобільності: 1993–2003 // Українське суспільство – 2003. Соціологічний моніторинг. – К.: Ін-т соціології НАН України, 2003. – С. 303–313.

241. Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 24–42.

242. Олещук Ю. Об исторической роли интеллигенции // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 7. – С. 70–79.

243. Орлов С. Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социол. исслед. – 2001. – № 11. – С. 51–58.

244. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопр. философии. – 1990. – № 3–4.

245. Осинский И. И. Интеллигенция и будущее России // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003 г. – М. – Улан-Удэ. – 2003. – С. 5–11.

246. Осинский И. И. К истории разработки понятия «интеллигенция» // Вест. БГУ. Сер. 5. Вып. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. – С. 114–129.

247. Основы политической науки: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Под ред. В. П. Пугачева. – М.: О-во «Знание» России, 1993. – Ч. I. – 224 с; Ч. II. – 224 с.

248. Остерман Л. Интеллигенция и власть в России (1985–1996 гг.). – М.: Гум. центр «Монолит», 2002. – 377 с.

249. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. – М., 1930.

250. Отчет о социологическом исследовании «Мотивы получения высшего образования: социологический анализ в современном обществе». – Х., 2002. – 115 с. [Неопубл. рукопись].

251. Отчет о социологическом исследовании «Проблемы профессиональной адаптации молодых специалистов в современном украинском обществе». – Х., 2001. – 72 с. [Неопубл. рукопись].

252. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: Рус. нац. фонд, 2000. – 335 с.

253. Панарин А. С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Глобализация: Обзорные статьи. – Б. в. с., Б. г. – С. 20–25.

254. Панькув И. Существует ли в Польше «элита элит»? // Социол. исслед. — 2004. — № 8. — С. 43–55.
255. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социал. стратификация / Отв. ред. С. А. Белановский. — Вып. 1. — М., 1992. — С. 114–137.
256. Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Система современных обществ. — М.: АспектПресс, 1998. — С. 210–266.
257. Пастухов В. Б. «Новые русские»: появление идеологии (II) // Полит. исслед. — 1993. — № 3. — С. 15–26.
258. Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Полит. исслед. — 1993. — № 2. — С. 49–56.
259. Паутов А. А. Теоретик правящего класса // Электронная версия независимой газеты. — № 191 (1762) от 14 окт. 1998 г. — Полоса 16.
260. Перспективы развития системы непрерывного образования / Под ред. Б. С. Гершунского. — М.: Педагогика, 1990. — 224 с.
261. Петров А. Ю. Потребность будущего специалиста в непрерывном образовании: стимулирующие и тормозящие факторы // Соврем. пробл. образования: Сб. науч. тр. — Свердловск, 1991. — С. 61–72.
262. Петров А., Мануйлов В., Приходько В., Федоров И. Методология и организация элитной подготовки // Высш. образование в России. — 2003. — № 4. — С. 56–65.
263. Петрункевич И. И. Интеллигенция и «Вехи» (Вместо предисловия) // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 210–220.
264. Платон: Собрание сочинений. — В 4 т. — М.: Мысль, 1994.
265. Погорелов Ф., Соколов М. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментация петербургской социологии // Журн. социологии и социал. антропологии. — 2005. — Том. VIII. — № 2. — С. 76–92.
266. Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности. — К.: Ин-т социологии НАН Украины, 1999. — 204 с.
267. Покровский Н. Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. — М.: Эдиториал УССР, 1996. — С. 8–40.
268. Померанц Г. Интеллигенция, интеллигенты, интеллигентность // Лицейское и гимназическое образование. — 2001. — № 5. — С. 7–14.
269. Попов Д. С. Бескрылый пегас интеллигенции // Социол. исслед. — 2006 — № 3. — С. 128–134.

270. Попова И. П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социол. исслед. — 1999. — № 7. — С. 62—71.
271. Попова И. П. Профессионализм — путь к успеху? // Социол. исслед. — 2004. — № 3. — С. 50—57.
272. Попова Н. Что могут короли // Ступени оракула. — 2004. — № 2. — С. 6.
273. Проскурин А. Процессы элитобразования: исторический и прогностический аспект. Народное образование // Alma mater. — 1993. — № 2. — С. 43—48.
274. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. — 2-е изд. — М: Аспект Пресс, 1995. — 320 с.
275. Пшебинда Г. В поисках русской интеллигенции // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июня. 2003 г. Ч. III. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 81—85.
276. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 318 с.
277. Ракитов А. Как попасть в четверку? // Поиск. 13 (359). — 1996. — 23—29 марта.
278. Рашидов О. Генералы научной карьеры // Комсомол. правда в Украине. — 2000. — 13 окт. — С. 5.
279. Резаков Р. Г. Интеллектуальная элита и ее роль в современном мире // Педагогика. — 2003. — № 2. — С. 34—41.
280. Реймерс Н. Ф. Интеллектуальная деятельность и ее ограничения // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса: Тез. докл. 3—24 мая 1988 г. Нальчик. — М.: ВНИИПИ, 1988. — С. 160—166.
281. Решетников М. М. Глобализация — самый общий взгляд // Глобализация: Обзорные статьи. — Б. в. с., Б. г. — С. 34—44.
282. Римащевская Н. М. Глобализация и население // Народонаселение. — 2001. — № 3. — С. 3—20.
283. Романова О. Д. О социальной роли и самоидентификации интеллигенции России // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июня. 2003 г. Ч. 1. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 153—158.
284. Романова С. Тенденції неперервної освіти в зарубіжних країнах // Освіта і управління. — 1999. — Т. 3. — № 3. — С. 213—217.
285. Романовский А. Г. Философия формирования национальной гуманитарно-технической элиты в контексте развития общества // Теорія і практика управління соціальними системами. — 2002. — № 2. — С. 35—40.

286. Российская элита: Опыт социологического анализа. Ч. I. Концепция и методы исследования / Микульский К. И., Бабаева Л. В., Таршис Е. Я. и др. — М.: Наука, 1995. — 40 с.

287. Руткевич М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. — М.: Политиздат, 1977.

288. Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества // Социол. исслед. — 1999. — № 4. — С. 19–28.

289. Руткевич М. Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // Социол. исслед. — 1998. — № 6. — С. 3–12.

290. Савчинський Р. О. Сучасне українське суспільство: стратифікаційний вимір регіону: Автореф. дис... канд. соціол. наук: 22.00.04 / Харк. нац. ун-т внутр. справ, Харків, 2007. — 20 с.

291. Саппа М. М. Державотворча еліта: головні відмінності // Вісн. Нац. ун-ту внутр. справ. — 2006. — Вип. 32. — С. 326–330.

292. Саппа Н. Н. Социальная группа работников умственного труда: функциональный и социально-технологический подходы к анализу // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. — 2000. — № 492. — С. 24–29.

293. Сбытов В. Ф., Быкова С. Н., Чупров В. И. Социальное развитие советской научной интеллигенции. — К.: Вища шк., 1988. — 190 с.

294. Скорынина О. В. Социально-психологический портрет интеллигенции // Нравственные императивы интеллигенции: Материалы IV Междунар. науч.-теоретич. конф. по проблемам современной интеллигенции, Харьков, февр. 2006 г. — Х.: Изд-во НУА, 2006. — С. 67.

295. Славинский М. А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 406–418.

296. Смоляков Л. Я. Социалистическая интеллигенция: Социально-философский анализ. — К.: Политиздат Украины, 1986. — 224 с.

297. Советская интеллигенция: Слов.-справ. / Под ред. Л. В. Ивановой; Сост. В. С. Волков. — М.: Политиздат, 1987. — 222 с.

298. Современная западная социология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — 432 с.

299. Соколов А. В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества // Социол. исслед. — 2005. — № 9. — С. 91–97.

300. Соколов А. В. Интеллектуально-этические идеалы современного студента // Педагогика. — 2005. — № 6. — С. 64–71.

301. Соколов А., Афанасова Л. К вопросу о воспроизводстве интеллигенции // Вестн. высш. шк. — 2001. — № 10. — С. 10–16.

302. Сокурянская Л. Г. Интеллектуальная элита как социологическое понятие и социальный феномен // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр.

акад.». — 2001. — Т. 6, ч. 2: Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — С. 83–85.

303. Сокурянская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. — Х.: Харьк. нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2006. — 576 с.

304. Солнцев С. И. Парижское социологическое общество о социальных классах (1903) // Социология. — 2006. — № 2. — С. 197–210.

305. Сорокин П. Социальная мобильность: Пер. с англ. М. В. Соколовой / Под общей ред. В. В. Сапова. — М.: Academia; LVS, 2005. — 588 с.

306. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество: Пер. с англ. — М.: Политич. лит-ра, 1992. — 543 с.

307. Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Глобализация: Обзорные статьи. — Б. в. с., Б. г. — С. 3–5.

308. Сохань Л. В. Особистість на політичному Олімпі: інтелектуальні виклики ХХІ століття // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства: Наук. доп. і повідомл. III Всеукр. соціол. конф. / Нац. акад. наук України; Ін-т соціол. Соц. асоц. України, За ред. М. О. Шульги, В. М. Ворони. — К., 2003. — С. 159–162.

309. Социальное развитие интеллигенции. — М.: Наука, 1986. — 336 с.

310. Социальные характеристики российского академического сообщества 2000 г.: Материалы социол. исслед. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2001. — 400 с.

311. Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность («Круглый стол») // Социол. исслед. — 2001. — № 11. — С. 58–68.

312. Социологический справочник / Под общ. ред. В. И. Воловича. — К.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. — 382 с.

313. Социологический центр Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации // Высш. образование в России. — 2005. — № 3. — С. 30.

314. Соціокультурні ідентичності та практики / Під ред. А. Ручки. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2002. — 315 с.

315. Сперанский В. И., Ященко А. А. Глобализация, профсоюзы и ТНК в реформируемой России (на примере нефтегазового комплекса): Монография. — М.: Русская новь, 2002. — 272 с.

316. Способна ли самоопределиться российская гуманитарная интеллигенция? // Социол. исслед. — 2001. — № 2. — С. 144–146.

317. Ставицкая Е. В. Непрерывное образование как ведущая тенденция развития образовательных систем в современном мире // Нові технології

навчання: Наук.-метод. зб. / М-во освіти України; Навч.-метод. каб. вищ. освіти. — К., 1992. — Вип. 4 / Редкол.: В. І. Астахова, В. А. Козаков (голов. ред.) та ін. — С. 63—70.

318. Ставлення академічної спільноти вищої школи України до змін та реформ / В. П. Кіпень, Г. А. Коржов, В. А. Кальянов, К. Г. Михайльова, В. Й. Огородник, Ю. О. Привалов; Дослід. група «Вища школа України: ставлення академічної спільноти» // Програма підтримки вироблення стратегії реформування освіти [Електрон. ресурс: Проекти аналіт. дослідж.] / ПРООН, Міжнар. фонд «Відродження». — [К., 2001]. — Електрон. опт. диск; AACsv-ukr.doc (67 с.)

319. Степанова О. К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // Социол. исслед. — 2003. — № 1. — С. 46—53.

320. Степко М. Ф. Упровадження неперервної ступеневої системи освіти в Україні // Роль вузів у вирішенні проблеми безперервної освіти та виховання особистості (від шкіл. до післядиплом.): Матеріали Міжнар. наук.-метод. конф. (16—20 трав. 1995 р., Київ) / М-во освіти України; Ін-т систем. дослідж. та ін. — К., 1995. — Т. 4: Виховні можливості та потреби навчальних закладів на сучасному етапі. — С. 8—9.

321. Стратегия гуманизма из опыта работы научно-учебного комплекса НТУ «ХПИ» — ХГУ «НУА»). — Х.: Изд-во НУА, 2004. — 211 с.

322. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 136—152.

323. Субири К. Наша интеллектуальная ситуация // Человек. — 2000. — № 5. — С. 91—109.

324. Танчер В. В. Теории неозлитизма в свете демократической трансформации и украинские реалии // Социол. исслед. — 1999. — № 10. — С. 16—26.

325. Танчер В., Кучеренко О. Ідеї елітизму в контексті демократичної трансформації суспільства // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 3. — С. 5—16.

326. Тарапов И. Е. Интеллектуальный труд, наука и образование. Кризис в Украине. — Х.: Фолио, 1994. — 176 с.

327. Титма М. Х. Некоторые проблемы исследования социальной структуры в развитом социалистическом обществе // Особенности пополнения основных отрядов интеллигенции. — Таллин, 1981. — 131 с.

328. Титов В. Н. Политическая элита и проблемы политики // Социол. исслед. — 1998. — № 7. — С. 109—115.

329. Тоффлер А. Футурошок. — СПб.: Лань, 1997. — 464 с.

330. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. — 672 с.

331. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 1999 — 784 с.
332. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. — М.: Гардарики, 2001. — 398 с.
333. Триодин В. Е. Воспитание российского интеллигента // *Magister*. — 2001. — № 1. — С. 33–39.
334. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // *Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910*. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 419–439.
335. Украине не угрожают пикеты антиглобалистов // *Глобализация: Обзорные статьи*. — Б. в. с., Б. г. — С. 13–14.
336. Ухолова Н. К. Место и роль интеллигенции в современном российском обществе // *Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003 г.* — Ч. 1. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 101–106.
337. Участники проекта об элите // *Доклады, статьи и выступления участников проекта «Вече Украины», март — май, 2003 г.* — Б. в. с. — С. 6–7.
338. Фадеева Л. Это странное слово «интеллигенция» // *Мир образования*. — 1997. — № 3. — С. 17–19.
339. Фельдман Р., Абаев Н. В. Интеллигенция: сущность, основные социальные функции в историческом прошлом и современности // *Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26–27 июня. 2003 г.* Ч. 1. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 126–129.
340. Филиппов В. М. Государство и образование // *Высш. образование сегодня*. — 2002. — № 10. — С. 2–7.
341. Фирсов Б. М. Воспроизводство научной элиты. Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/1firsov.htm>
342. Фирсов Б. М. Интеллектуалы, власть и коммуникация // *Социол. журнал*. — 1995. — № 4. — С. 21–30.
343. Формальные признаки элиты // *Украинская инвестиционная газета*. — 2004. — 3–9 февр (№ 5). — С. 6–11.
344. Франк С. Л. Этика нигилизма // *Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910*. — М.: Мол. Гвардия, 1991. — С. 153–184.
345. Фромм Э. *Иметь или быть: Пер. с англ.* — К.: Ника-Центр, 1998. — 400 с.
346. Фуко М. Интеллектуал в законе // *Независимая газета*. — 2002. — 3 окт.
347. Хмелько В. Макросоциальные изменения в украинском обществе за 10 лет независимости // *Політ. думка*. — 2001. — № 3. — С. 34–51.

348. Ходорковский М. Интеллектуальный потенциал и экономический рост России: возможности и пределы. — Режим доступа: http://www.lib.tusur.ru/r_libres/ONLINE/ELG_IS/content/publish_cd/nst5ps.htm
349. Цицерон М. Т. Философские трактаты. — М.: Наука, 1985. — 382 с.
350. Час інтелекту // Уряд. кур'єр. — 8 лип 2000 р. — № 122. — С. 6.
351. Черноволенко В., Иващенко О., Симончук Е. Проблемы статусной легитимации политических и хозяйственных элит современного украинского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 4. — С. 5—28.
352. Чинаева Т. Студенческая мобильность: мировые тенденции // Высш. образование в России. — 2002. — № 3. — С. 93—99.
353. Чойропов Ц. Ц., Мигунов Н. И. Об основных подходах к проблеме социального критицизма интеллигенции в зарубежной социологической литературе // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июня 2003 г. — Ч. II. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 128—133.
354. Шаронова С. А. Социальные установки современной интеллигенции (на примере России) // Нравственные императивы интеллигенции: Материалы IV Междунар. науч.-теоретич. конф. по пробл. современ. интеллигенции, Харьков, февр. 2006 г. — Х.: Изд-во НУА, 2006. — С. 5—8.
355. Шаронова С. А. Универсальные константы института образования — механизм воспроизводства общества. — М.: Изд-во РУДН, 2004. — 357 с.
356. Шептулина Н. В. Интеллигенция в современной России // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июня. 2003 г. — Ч. III. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 158—161.
357. Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования: прикладной аспект. — М.: Юрист, 1997. — 304 с.
358. Шип Н. А. Интеллигенция на Украине (XIX в.) Историко-социологический очерк. — К.: Наук. думка, 1991. — 170 с.
359. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
360. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / Общ. ред. В. С. Автономова. — М.: Экономика, 1995. — 540 с.
361. Шаров Е. В. Интеллигентщина // Интеллигенция в процессе поиска Россией будущего: Материалы к Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 26—27 июня 2003 г. — Ч. I. — М. — Улан-Удэ, 2003. — С. 169—172.
362. Щедровицкий П. Г. Очерки по философии образования. — М.: Пед. центр «Эксперимент», 1993. — 156 с.

363. Щёкин Г. Политическая элита Украины: попытка анализа и оценки // Персонал . — 1997. — № 1. — С. 91–104.

364. Щепкина Е., Воронин С. «Утечка умов» и выпускник МГУ // Высш. образование в России. — 2003. — № 5. — С. 106–109.

365. Элбакян Е. С. «Между молотом и наковальной» (российская интеллигенция в ушедшем столетии) // Вестн. Моск. ун-та. — Сер 18. Социология и политология. — 2003. — № 2. — С. 28–67.

366. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социол. журнал. — 1994. — № 1. — С. 35–52.

367. Ядов В. А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. — М.: ИС РАН. — Кн. 2. — 1994. — С. 267–291.

368. Якуба Е. А. Интеллигенция как субъект и носитель социальной культуры // Вчені зап. Харк. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». Т. 6-II. Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — Х., 2001. — С. 91–92.

369. Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. — М.: Прогресс, 1991. — С. 317–346.

370. Яременко О. О. Ціннісні орієнтації української інтелігенції та особливості її ставлення до соціальних інститутів сучасного суспільства // Вчені зап. Харк. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». Т. 6-II. Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. — Х., 2001. — С. 93–102.

371. Albertony E. A. Moska and the Theory of Elitis. — Oxford, 1987. — 387 p.

372. Aron R. Sosial structure and the ruling class // British Journal of sociology. — 1950. — № 1, 2.

373. Bachrach R. The Theory of Democratic Elitism. A Critique. — Boston Little, Brown and C., 1967. — 374 p.

374. Bjorling F. Who is the We of the Intelligensia in Central and Eastern Europe? // Intelligensia in the interim Recent experiences from central and eastern Europe. — Lund, 1995. — P. 7–17.

375. Bottomore T. B. Elites and Society. — N. Y.: Basic Books, 1965. — 154 p.

376. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education. — N. Y., 1985. — P. 241–258.

377. Burnham J. The Managerial Revolution. — N. Y.: Jonh Day Co., 1941. — 85 p.

378. Carlson S. From the Estates to the Educational Society // The Intellectual face of Sweden. — Stocholm, 1964. — P. 10–13.

379. Crozier M., Tilliete B. La crise de l'intelligence. Essai sur l'impuissance a se reformer. — Paris: InterEditions, 1995. — 200 p.
380. Elites in Democracy / Ed by Bachrach. — New York, 1971. — 603 p.
381. Erikson R., Goldthorpe J. The constant Flux: A study of class mobility in industrial societies. — Oxford: Clarendon Press, 1992. — P. 38–39.
382. Ganzeboom H. B. G., Nieuwbeerta P. Access to education in six Eastern Countries between 1940 and 1985. Results of a cross-National survey // Communist and post-communist studies. — 1999. — № 32. — P. 339–357.
383. Giddens A. Modernity and Self-Identity. — Stanford Univer. Press. — 1991. — 256 p.
384. Giddens A. The consequences of modernity. — Cambridge: Polity Press, 1990.
385. Giddens A. The third way. The renewal of social democracy. — London: Polity Press, 1998. — 45 p.
386. Goldthorpe J. H. Class analyses and reorientation of class theory: the case of persisting differentials in educational attainment // British journal of sociology. — 1996. — September. — Vol. 47. — № 3. — P. 481–505.
387. Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective, Westview Press, 1994. — P. 711–722.
388. Governance in a Global society — The Social Democratic Approach // Электронный ресурс: <http://www.socialistinternational.org/main.html>
389. Guidelines for Education in Situation of Emergency and Crisis / Edited by Kacem Bensalah. — UNESCO, 2002. — 38 p.
390. Hewlett K. Moving forward in life-long learning to fight racism and xenophobia // Forum. — September. — 2003. — Vol. 5. — № 2. — P. 10–11.
391. Hofman A., Van den Berg M. Highbrows in University Education // Higher Education in Europe. — 2004. — Vol. 29. — P. 509–529.
392. Kadushin Gh. The American intellectual elite. — Boston, Toronto, 1974. — 395 p.
393. Keller S. Beyond the Rulling Class. Strategic Elites in Modern Society. — New York: Random House. — 1963. — 354 p.
394. Klein J. M. Merit's Demerits // Chronicle of Higher Education. — 2005. — November 4. [Режим доступа: <http://chronicle.com>]
395. Lifelong education: факторы становления в современном обществе. Результаты социологического исследования. — X.: Изд-во НУА, 2004. — 16 с.
396. Lifelong learning for equity and social cohesion: a new challenge to higher education // The Council of Europe and the conference of the Presidents

of University. Report to secretariat // Under the auspices of Jack Lang and Hubert Vedrine. – Paris, 15–17 November 2001. – 19 p.

397. Lipset S. M., Bendix R. *Social Mobility in Industrial Society*. – Heinemann, 1959. – 174 p.

398. Mangan L. *University Elitism* // *The Guardian*, 2005. – February 23. – P. 14.

399. Mannheim K. *Essays on the Sociology of culture*. – London, 1956.

400. Michels R. *Political Parties. A sociological study of the oligarchical tendencies of Modern Democracy*. – New York: Crownell and Collier, 1962.

401. Miliband R. *Class and power in contemporary capitalism: The class structure of advanced capitalist societies* // *On Social differentiation*. – Poznan, 1992. – Pt. 2. – P. 7–61.

402. Moska G. *The Ruling Class*. – New York, 1939. – 723 p.

403. Ortega-y-Gasset J. *The Revolt of the Masses*. – New York., 1981. – 328 p.

404. Pareto V. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. – New York, 1963.

405. Parsons T. *Professions* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. The Macmillan Company & The Free Press., 1968. – P. 536–547.

406. Parsons T. *Remarks on Education and the Professions* // *The International Journal of Ethics*, 1937. – P. 365–381.

407. Parsons T. *The Professions and Social Structure (1939)* // Parsons T. *Essays in Sociological Theory (Revised Edition)*. – New-York: The Free Press, 1966. – P. 34–46.

408. Perović L. *Academic elite-ideological and political centre*. – Режим доступа: http://www.helsinki.org.yu/charter_text.php?lang=en&idteksta=676

409. Saks P. *Class rules: the fiction of egalitarian higher education*. – Режим доступа: <http://chronicle.com/weekly/v49/i46/46b00701.htm> 12.01.2004

410. Sorensen A. B. *Toward a sounder basis for class analysis* // *American journal of sociology*. – 2000. – May. – Vol. 105. – № 6. – P. 1523–1558.

411. *The People & the Intellectual Elite* // *The Jeffersonian Perspective*. – Режим доступа: <http://www.geocities.com/CapitolHill/7970/jefpc038.htm>

412. Toffler A. *The Third Wave*. – Collins, 1980. – 544 p.

413. Verba S. *Elites and Ideal of Equality*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. – 187 p.

414. Weber M. *Economy and Society*. – N.Y.: Bedminster Press, 1968. – 3 volumes.

415. Weyl N. *The Creative Elite in America*. – Washington, 1996. – 257 p.

Наукове видання

Михайльова Катерина Геннадіївна

**ІНТЕЛЕКТУАЛЬНА ЕЛІТА В МАТРИЦІ
СУЧАСНИХ ЦИВІЛІЗАЦІЙНИХ ЗМІН**

Монографія

Редактор *Л. А. Кармаза*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*
Комп'ютерний набір *К. Г. Михайльова*

Підписано до друку 10.12.2007. Формат 60×84/16.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».
Ум. друк. арк. 33,48. Обл.-вид. арк. 31,62. Тираж 300 пр.

Видавництво
Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.